ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

LITTERA SCRIPTA MANET

ISSN 2225-756X

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 13, выпуск 10, 2024

Nauchnyi Dialog

Volume 13, Issue 10, 2024

OPEN ACCESS

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 13, выпуск 10, 2024

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
DOI:	10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

География авторов выпуска	Белгород Брянск Воронеж Екатеринбург Казань Краснодар Красноярск Москва Нижний Новгород Омск	Пекин (Китай) Пенза Пятигорск Ростов-на-Дону Санкт-Петербург Тюмень Тяньцзинь (Китай) Улан-Удэ Улан-Батор (Монголия) Элиста
Авторы, имеющие ученую степень	88 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2024

Дата выхода в свет 20.12.2024

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 13, Issue 10, 2024

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-86214 of 27.10.2023
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS (Emerging Sources Citation Index) • Scopus • DOAJ • ERIH PLUS • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• Science Index (Rus) — All published articles are public-ly available for reading and citing on the journal’s web-site and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	• LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vostochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	• 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2024

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньоминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Астана)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)
English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Astana)
Ivan I. Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Содержание

Языкознание

Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г. Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве 9

Иоанесян Е. Р. Апелляция к компонентам прототипической ситуации эмоций как стратегия перевода высказываний с эмоциональными предикатами 28

Лю Мяо. Научные переводы «Да-сюэ» в России XIX века: сопоставление подходов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова 43

Петрова Н. Е., Самойлова Г. С. «Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики : к проблеме освоения новейших заимствований русского языка 65

Смолина А. Н., Кудрявцева Е. А. Пейзажная зарисовка в мемуарной прозе русского монашества XX века 84

Федяева Н. Д. Русский язык в педагогическом дискурсе полилингвального социума (на материале учебников для школ с русским языком обучения Республики Казахстан) 107

Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Старцева И. Л. Резиньяция : об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени 125

Щетинина А. В. Русские неологизмы с социальной семантикой : особенности выявления и принципы лексикографирования 147

Медиакоммуникации и журналистика

Дубровская Т. В. Прагматика взаимодействия пользователя с научной статьёй в Интернете 167

Кичерова М. Н., Семёнов М. Ю., Трифонова И. С. Образовательный ландшафт в медиапространстве : методология картирования и описания 188

Лату М. Н., Князев Н. А. Оценочное восприятие мемов молодежной интернет-аудиторией : пилотный психолингвистический эксперимент 208

Хутыз И. П. Элементы продвигающего дискурса в аннотации англоязычной академической статьи 230

Литературоведение. Фольклористика

Кихней Л. Г., Кричевский Г. А. «Пиковая дама» и «Мелкий бес» : пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба 252

Кудряшов И. А., Рябко О. П., Григорьева Н. О. Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь» 273

Юй Сян. Избыток чувственности : поэтика гротеска в пьесах Нины Садур 292

Исторические науки

Ахмадуллин В. В. Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине XX — XXI веке 311

Бадмаева Е. Н. Хозяйственный эксперимент по внедрению культуры хлопчатника в природно-климатических условиях Юга России в 1920—1940-е годы 337

Васильев Д. В. Социальная структура Мургабского государева имения (1889—1912) : планы и действительность 360

Кузьмин В. А., Абдалла М. М. Э. Советская военная помощь Египту в первый период президентства Анвара Садата (сентябрь 1970 — октябрь 1973 годов) 380

Новинский Э. Э. Эволюция индийско-непальских отношений в 2014—2024 годах ... 398

Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р. Материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятиях СССР в 1960—1980-е годы 420

Подлесных С. Н. Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству : 1775—1866 годы..... 445

Пухов Д. Ю. Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов..... 463

Родионов В. В., Хатанболд О. Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв. 481

Ростовцев Е. А., Абдулина Б. М. Празднование годовщин основания Петроградского (Ленинградского) университета в 1918—1944 годах 497

Татарникова А. И. Выселки Тобольского округа (уезда) в 1860—1920-е годы : образование и особенности развития..... 515

Шайдуров В. Н., Ломанов В. А. Немецкие колхозы Ленинградской области в середине 1930-х годов (по материалам районной периодической печати) 532

АВТОРАМ..... 556

CONTENTS..... 562

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Анджелла Николаевна Смолина, д-р филол. наук (Красноярск)
Андрей Владимирович Шаравин, д-р филол. наук (Брянск)
Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Галина Савельевна Самойлова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Евгения Рафаэлевна Иоанесян, д-р филол. наук (Москва)
Екатерина Александровна Кудрявцева, канд. филол. наук (Красноярск)
Ирина Леонидовна Старцева, канд. пед. наук (Брянск)
Лариса Георгиевна Викулова, д-р филол. наук (Москва)
Наталия Евгеньевна Петрова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Наталья Дмитриевна Федяева, д-р филол. наук (Омск)
Олег Евгеньевич Вороничев, д-р филол. наук (Брянск)
Ольга Игоревна Короленко, канд. филол. наук (Москва)
Юлия Геннадьевна Ткаченко, канд. филол. наук (Москва)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Викулова Л. Г. Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27.

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве

Викулова Лариса Георгиевна
orcid.org/0000-0003-1176-1668
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры романских языков
и лингводидактики
VikulovaLG@mgpu.ru

Короленко Ольга Игоревна
orcid.org/0000-0001-7388-8133
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики,
корреспондирующий автор
KorolenkoOI@mgpu.ru

Ткаченко Юлия Геннадьевна
orcid.org/0000-0002-5369-9594
кандидат филологических наук,
доцент кафедры романских языков
и лингводидактики
Tkachenko-816@mgpu.ru

Московский городской
педагогический университет
(Москва, Россия)

Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space

Larisa G. Vikulova
orcid.org/0000-0003-1176-1668
Doctor of Philology, Professor,
Professor, Department of Romance
Languages and Linguistic Didactics
VikulovaLG@mgpu.ru

Olga I. Korolenko
orcid.org/0000-0001-7388-8133
PhD in Philology,
Associate Professor, Department
of Romance
Languages and Linguistic Didactics,
corresponding author
KorolenkoOI@mgpu.ru

Yulia G. Tkachenko
orcid.org/0000-0002-5369-9594
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Romance
Languages and Linguistic Didactics
Tkachenko-816@mgpu.ru

Moscow City University
(Moscow, Russia)

© Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается жанр приветственной речи — элогиума, закрепленный в речевой практике Французской академии как дискурсивного сообщества. В качестве эмпирического материала выбран текст элогиальной речи Барбары Кассен о Филиппе Боссане. Дискурсивно-аналитический подход к исследованию позволяет определить коммуникативную структуру, жанровую принадлежность текста, охарактеризовать стратегии концептуального развертывания публичного выступления Б. Кассен, рассматриваемого в статье как самопрезентация в контексте церемонии избрания в члены Французской академии. На уровне транслируемых оратором смыслов выявляется пересечение дискурсов как областей знания, среди которых выделяются философский, музыкальный, политический, филологический, исторический, миграционный, семейный, мифологический дискурсы с их узнаваемыми языковыми маркерами, что свидетельствует об интердискурсивном характере речи. Установлено, что перлокутивный эффект элогиума проявляется в политической направленности дискурса Б. Кассен, призывающего к изменению языковой и миграционной политики Европы. Методами исследования выступают интерпретативный, концептуальный и элементы количественного анализа.

Ключевые слова:
дискурс; дискурсивный жанр; элогиум; приветственная речь; Французская академия; Барбара Кассен.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the genre of the welcoming speech — elogioum — established within the speech practices of the French Academy as a discursive community. The empirical material selected for this study is the text of Barbara Cassin's eulogistic speech for Philippe Bossan. A discursive-analytical approach to the research allows for the identification of the communicative structure and genre classification of the text, as well as an exploration of the conceptual strategies employed in Cassin's public address, which is analyzed as a form of self-presentation within the context of her election to the French Academy. At the level of meanings conveyed by the speaker, intersections among various discourses are revealed, including philosophical, musical, political, philological, historical, migratory, familial, and mythological discourses, each marked by recognizable linguistic markers that indicate the interdiscursive nature of the speech. It is established that the perlocutionary effect of the elogioum manifests in the political orientation of Cassin's discourse, which calls for changes in Europe's language and migration policies. The research employs interpretive, conceptual methods along with elements of quantitative analysis.

Key words:
discourse; discursive genre; elogioum; welcoming speech; French Academy; Barbara Cassin.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 82-531.1+811.133.1'42:808.51
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-9-27

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Дискурс самопрезентации в академическом коммуникативном пространстве

© Викулова Л. Г., Короленко О. И., Ткаченко Ю. Г., 2024

1. Введение = Introduction

В современных лингвистических исследованиях проблема создания и интерпретации текстов обсуждается наравне с понятием дискурса и дискурсивного анализа. Дискурс понимается как единство языковой коммуникации и получающихся в ее результате текстов, репрезентирующих действительность [Кибрик, 2009, с. 4]. Текст как речевая структура всегда функционально ориентирован, реализуясь в языковой и социальной практике, следовательно, «текст — часть дискурса», когда важно «осмысление его включенности в ситуацию, в социальный контекст» [Чернявская и др., 2024, с. 15]. Тексты той или иной содержательно-тематической области формируют типы дискурса [Чернявская, 2009, с. 146, 147], выступающие в виде смысловых пространств, находящихся с социумом и социальными отношениями в состоянии взаимного влияния.

Согласно Т. ван Дейку, дискурс разворачивается в создаваемом его участниками ментальном конструкте или модели социально-культурной действительности, в интерпретацию которой субъекты дискурса вовлечены в зависимости от своих личных целей, знаний, чувств и предшествующего опыта [Dijk, 2008, p. 56, 60].

С 1635 года члены Французской академии, как одного их ведущих научных сообществ Франции, конструируют социально-идеологические тексты, соответствующие в содержательном отношении ее основной миссии по объединению, как говорил де Ришелье, «l'intérêt des lettres à celui de l'autorité» (интересов словесности и власти) [Asse, 1900, p. 38]. В процессе совместной научной деятельности академики, имеющие различные статусы и функции, реализуют институциональный [Карасик, 2000, с. 25] или академический дискурс. Французская академия выступает в качестве дискурсивного сообщества (*discourse community*), отвечающего, согласно Дж. Суэйлзу, критериям по наличию условных общественно значимых целей, смене членского состава по традиции или установленному регламен-

ту, должному уровню релевантной компетенции членов, организации регулярных встреч и собраний, выпуску периодического издания, владению конкретными жанрами [Swales, 1990, p. 28, 29].

В теоретических положениях о речевых жанрах М. М. Бахтин указывает, что речевой жанр (как жанр словесности) характеризуется «тематическим содержанием, стилем, композиционным построением и определяется сферой использования» [Бахтин, 1996, с. 159]. Дополнительный акцент с позиций жанроведения ставится на прагматическом аспекте понимания жанра как непременного социального взаимодействия, включенности «смысловых позиций» адресата и адресанта [Дементьев, 2010, с. 53, 54]. Обращая внимание на формы жанров в их отношении к месту распространения, возможно указать на то, что дискурсивное сообщество Французской академии активно способствует созданию и закреплению в речевой практике определенных, регулируемых академическими канонами, жанров, в частности вступительных (приветственных) речей (discours de réception) [Викулова и др., 2024].

Одним из ключевых компонентов структуры дискурса Французской академии выступает литературный жанр *éloge* — элогиум, соотносимый с эпидейктическим красноречием, к которому с 1755 года по инициативе писателя и соавтора энциклопедического словаря Ш. Дюкло (Charles Pinot Duclos, 1704–1772) обращаются академики. Во французском языке слово *éloge* восходит к латинскому этимону *elogium*, означающему *épitaphe, courte formule, paroles de louange en l'honneur de quelqu'un, beau langage, belles paroles* [Éloge, 2024] (эпитафия, короткий текст, хвалебные слова в честь кого-либо, восхваление), и фиксируется в словарях к 1550 году. Торжественная речь адресована широкой аудитории и формирует в институциональном контексте имидж оратора как статусного представителя академической среды. Похвальные слова, произносимые традиционно после смерти члена Академии, составляют историографию науки эпохи Просвещения [Огурцов, 1993; Герасимова, 2022].

Первым историческим памятником элогиума признается речь Перикла, древнегреческого государственного деятеля и оратора, по случаю погребения погибших при Самосской экспедиции, датируемой 470—460 годами до н. э., которая была предпринята спартанцами и коринфянами с целью свержения самосского тирана Поликрата. Другим сохранившимся надгробным текстом, посвященным воинам, отдавшим жизнь за Родину, является выступление оратора Гиперида после Ламийской войны (322 год до н. э.) в честь афинян, павших в битвах за освобождение Древней Греции от македонского господства [Régent-Susini, 2018].

В античной Греции формируется эпидейктический (оценочный) жанр, или декламация, импровизация, входящая в ряд жанров ораторского искус-

ства, одним из которых становится элогиум, хвала мертвым или ныне живущим. Хвалебная речевая практика, логика которой экспрессивна, эстетична и рациональна, составляет часть практического обучения риторике. Монологичный элогиум отличается от аргументации, но тем не менее несет в себе перлокутивный компонент, приглашая слушающего присоединиться к транслируемым в речи ценностям [Bredin et al., 1997].

Создание надгробных или траурных речей после смерти великих людей служило поводом для убеждения присутствующих на церемонии в том, что дела таких людей, прерванные их уходом из жизни, сохраняют свою значимость для живущих. Элогиум институционального дискурса обусловливает при этом различную степень вовлеченности слушателей в новое аксиологическое пространство [Conort, 2007, p. 24]. В академическом пространстве прозаический элогиум продолжает оставаться значимым социальным ритуалом и не теряет связи с концептуальным полем прощания с умершим в контексте приветственной речи, произносимой кандидатом в академики при избрании во Французскую академию.

В 2018 году в состав Академии была принята французский филолог и философ Барбара Кассен (Barbara Cassin, род. 1947), автор многочисленных научных статей и трудов, среди которых «Эффект софистики» (2000) и «Европейский словарь философий» (2004). Она стала девятой женщиной-академиком, заняв по установившейся традиции кресло № 36 вместо ушедшего из жизни французского музыковеда и романиста Филиппа Боссана (Philippe Beaussant, 1930—2016). Искусствовед, признанный специалист по музыке барокко, Ф. Боссан по поручению Министерства культуры Франции с 1987 года исполнял обязанности одного из руководителей Центра музыкального барокко Версаля с целью возрождения значимости французской науки о музыке, в том числе музыки барокко как музыкального наследия XVII и XVIII веков, включающего в себя «национальные французские оперы, оперы-балеты, сюиты для клавира, увертюры, придворные арии, большой и малый мотет» [Теоретические проблемы музыки..., 2022, с. 9].

Следуя устоявшемуся в рамках Французской Академии ритуалу, 17 октября 2019 года Б. Кассен произносит продолжительную приветственную речь-элогиум (54 минуты, около 40 000 знаков, что составляет 1 печатный лист) в честь академика-предшественника Ф. Боссана. Текст приветственной речи рассматривается в качестве эмпирического материала для описания дискурса Барбары Кассен, который находит свое основное выражение в ее активной просветительской и публикационной деятельности по проблемам перевода, культурного и языкового разнообразия, софистике как философской мысли (*Traduire, un savoir-faire avec les différences, Eloge de*

la traduction, *La nostalgie. Quand donc est-on chez soi? Plus d'une langue pour juger* и др.).

В настоящей статье представляется необходимым предметно исследовать текстовый уровень публичного выступления, в рамках которого используются языковые маркеры различных дискурсов, соответствующих тем или иным социальным практикам, пересекающихся и составляющих в смысловом отношении единое дискурсивное пространство Б. Кассен.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологические основания исследования детерминируются дискурсивно-аналитическим подходом, берущим начало в теоретических трудах М. Фуко, в которых дискурс соотносится с практикой, формирующей, согласно определенным правилам, объекты, о которых говорит дискурс. В дискурсе присутствуют социальные значения, или то, о чем следует говорить [Фуко, 2004, с. 112]. Британский дискурсолог Н. Фэйрклаф (Norman Fairclough, род.1941) называет дискурс социальной практикой, воспроизводящей знания соответствующего социального института [Fairclough, 1996, p. 72]. Как отмечает С. Н. Плотникова, на современном этапе своего развития речевая академическая практика нацелена «на проективную репрезентацию аксиологической проблематики» в заданной ситуации, поскольку содержание институциональных текстов ориентировано на аксиологические доминанты общества [Плотникова, 2017, с. 61—62].

Выявление границ дискурса обусловлено толкованием со стороны исследователя входящих в него текстов, объединяемых на основе содержательно-смысловых критериев. Следовательно, при анализе дискурса становится особенно важным объяснение его языковой реализации, соответствующей смыслам социально-культурного контекста [Чернявская, 2009, с. 148]. Идентификация принадлежности таких смыслов конкретному типу дискурса (историческому, художественному, политическому) облегчает его интерпретацию [Beacco, 2004, p. 118]. Тексты вступительных речей как воздаяние хвалы ушедшему из жизни академику и самопрезентация потенциального кандидата представляют собой «институциолизированную коммуникативно-речевую практику» [Чернявская и др., 2024, с. 112], официально закрепленную Французской академией.

Дискурсивно-аналитические методы исследования текста приветственной речи Б. Кассен позволяют определить его коммуникативную структуру и жанровую принадлежность, охарактеризовать стратегии концептуального развертывания выступления. На уровне транслируемых оратором смыслов происходит комбинирование, взаимодействие дискурсов как областей знания. Проявляющаяся интердискурсивность оказывается

неразрывно связанной с интертекстуальностью, когда автор имплицитно или эксплицитно отсылает слушателя к предшествующим текстам, которые последний готов и способен воспринять.

Методами исследования также выступают интерпретативный, концептуальный и количественный анализ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Публичный текст приветственной речи Б. Кассен является самопрезентацией и самовыражением по существу события, соединяющими в себе Слово о Прекрасном в музыке, философии и филологии. Прекрасное, по Плутарху, пробуждает в человеке стремление к действию и уподоблению героям [Коммуникация и смысл…, 2018, с. 122]. Б. Кассен заявляет о своей субъектности, стараясь одновременно идентифицировать себя с членами Французской академии, показать свою принадлежность данному дискурсивному сообществу [Лексемы identité / идентичность как элементы универсумов…, 2020, с. 38]. Содержательное пространство исследуемого текста обусловлено экстралингвистическими обстоятельствам и концентрируется вокруг жизни и творчества Ф. Боссана с последующим расширением смысловых связей дискурса.

3.1. Элогиум как новое дискурсивное аксиологическое пространство

Начало речи оформляется по эвокативной модели через обращение внимания слушающих на события прошлого [Борботько, 2011, с. 154]. Портретирование Ф. Боссана осуществляется через его внешние отличительные характеристики — *son sourire, sa voix, sa manière de fumer la pipe* (его улыбка, голос, манера курить трубку), его невероятную застенчивость, доброжелательность и мягкость, превращающиеся в твердость и даже гнев при необходимости «защищать» музыку, искусство, красоту. Упоминая имя его друга (*Angelo Rinaldi*), затем сына (*Pierre-Hughes*), Б. Кассен вспоминает свое детство и бабушку (*Judith Lassalle*), оперную певицу, что, к сожалению, не предрасположило Барбару к занятию музыкой (*mon vrai seul regret, c'est de ne pas être musicien* — больше всего я сожалею о том, что я не музыкант). Со стороны оратора отмечается повышение экспрессивности сообщаемого при использовании эмоционально окрашенной лексики (*il avait* ***arraché ses enfants*** *à une soirée chez des amis* — вытолкал своих детей с вечеринки друзей***, hurler*** *un contre-contre-ré* — провыть ноту ре последней октавы). Соответствующая пунктуация с использованием восклицательного знака *(vider les lieux avec ses petits!* — сбежал оттуда вместе с детьми!*)* передает динамику звучащей речи, а также нюансы авторской интонации [Андросова, 2011, с. 767]. Преувеличение *(chanter* ***faux à faire***

dérailler une chorale — заставить своим фальшивым пением петь фальшиво целый хор) свидетельствует о снижении языкового регистра или *конверсационализации*, по Н. Фэйркларфу, создающей подобие неформального разговорного общения оратора с принимающим её академическим сообществом. Так дискурсивно конструируется прошлое в сменяющих друг друга эпизодах биографии Б. Кассен и Ф. Боссана.

Активное авторское «Я» ведет воображаемый диалог с Филиппом Боссаном, используя обращения от первого лица и реагируя на его «реплики-утверждения», «реплики-вопросы» (*vous dites que c'est…, comme vous le suggérez…, Comment pourrait-on avoir encore foi dans le langage? Que veut dire «baroque» ? — et que veut dire (quoi donc exactement ?) «philosophie», ou peut-être «ontologie»? pourrons-nous encore parler entre nous ?* — вы говорите, что…, как вы советуете…, как можно еще верить словам? Что означает «барокко»? А что означает «философия», можем ли мы поговорить наедине?) параллельными монологическими высказываниями, в которых перед экспертной аудиторией Б. Кассен актуализирует свою дискурсивную позицию по проблеме политической силы слова, валоризации искусства барокко и софистической мысли как репрезентантов категории «Иной, Чужой», посредничества перевода с одного языка на другой для поддержания культурного многообразия и плюрализма мнений. В дискурсе оратор конструирует свою идентичность, представляя себя в пространстве определенной социальной модели, когда, как отмечает французский философ П. Рикёр, «идентичность личности <…> устанавливается по *идентификации* — ***по*** ценностям, нормам, идеалам, моделям, героям, в которых узнают себя […]» [Рикёр, 2008, с. 151].

Б. Кассен аргументирует традиционное обращение членов Академии к риторическому жанру элогиума его объединяющей силой, основанной на обоюдной предварительной договоренности сообщества о том, *что* и *какой* оценки что-либо требует с целью укрепления аксиологического пространства (*l'éloge fonde au sens strict, il fonde une communauté, qu'il s'agisse d'une cité, ou d'une «compagnie» comme celle qu'inventa le cardinal de Richelieu — la vôtre, la nôtre //* элогиум — это основа, основание любого сообщества, будь то город или академия, как та, которую создал кардинал Ришелье — ваша, наша Академия). Академики солидарны в отношении продвигаемых ими ценностей, ключевой из которых является французский язык (*La première valeur partagée est donc et demeure la langue française //* главной разделяемой нами ценностью является и будет являться французский язык).

Вдохновленная феноменом жанра похвалы, Б. Кассен указывает на его воздействующую силу. С одной стороны, элогиум эксплицитно не подталкивает слушателя к активному действию, но, повествуя о славных деяниях,

он создает в смысловом отношении новые условия и предпосылки для их свершения, ведущие к изменениям (*un éloge digne de ce nom prend appui sur les valeurs admises, consensuelles, mais pour les faire évoluer //* настоящий элогиум основывается на общепринятых ценностях для того, чтобы их изменять). Заданный вектор трансформаций убеждает целевую академическую аудиторию в иных приоритетах. Оратор приводит в пример *Éloge d'Hélène* (Похвала Елене) Горгия Леонтийского, одного из прародителей софистического искусства, согласно которому «слово (логос), будучи <…> могучим властителем, само по себе может привести к обстоятельствам, с правовой точки зрения квалифицируемым как "обстоятельства непреодолимой силы"» [Афонасин, 2020, с. 758], трансформируя отрицательный образ Елены Прекрасной в «героический». Выбор иллюстративного примера *Éloge d'Hélène* обоснован исследованиями софистики, которой Б. Кассен себя посвящает, публикуя переводы греческих античных текстов, свои труды, в частности «Эффект софистики» о софистах Греции как мастерах слова и носителях лингвистического знания.

Для софистов, к которым себя относит оратор, важно включаться в дискуссию о проблемах восприятия и возможности / невозможности языковыми средствами выразить, передать другому или самому себе содержание мысли или внешние события, когда посредством слова «софист устрашающ в своем искусстве овладевать умами людей и передавать им свое знание» [Вольф, 2014, с. 32]. Действительно, именно эпидейктический жанр элогиума укрепляет нас в вере в силу слова, слова-действия, способного конструировать окружающую действительность (*Le langage performe les actes les plus divins, Le langage fait des choses... Il construit la réalité //* Словом осуществляются самые прекрасные деяния, Слово творит…, создает мир).

Будучи достаточно далекой от музыки и не зная Филиппа Боссана лично, оратор принимает решение говорить о нем как философ и филолог (*Eh bien, je me suis résolue à tenter de parler de vous depuis ce que je sais ou ce que je pratique: en philologue et en philosophe //* Итак, я решилась говорить о Вас, исходя из того, что я знаю, чем занимаюсь: как филолог и философ), сближая феномены софистики (*mot à mot, lettre après lettre* — слова) и музыкального барокко (*note à note* — ноты), источники нового нетрадиционного знания в философии и музыке соответственно.

Концепты БАРОККО и СОФИСТИКА располагаются в смысловом пространстве полярно, в оппозиции к концептам НОРМА или LA PENSÉE COUTUMIÈRE. Через характеристики софистики (*sans solidité et sans sérieux* — посредственная, несерьёзная) и барокко (стиль музыкального искусства XVII—XVIII веков, для которого характерна торжественность,

преувеличение, контрастность, грандиозность, когда внешнее выражение красоты затмевало внутренние чувства) Б. Кассен подтверждает стереотипность восприятия этих явлений, подвергающихся критике, отрицательной оценке как «Чужие, Иные» (*l'autre, celui qui vient en second, le mauvais autre, celui qu'il ne faut pas être //* другой, второй по значимости, плохой, тот, кем не следует быть) в сравнении с «классической» музыкой и философией. Оратор выступает солидарно с Ф. Боссаном (*Vous avec le baroque, moi avec la sophistique, nous voilà… //* Вы — с барокко, а я — с софистикой, мы вместе), не страшась отказаться от общепринятого мнения в сторону его изменения, не принять аксиому, как, например, принцип Аристотеля о непротиворечии (*le principe de non-contradiction*).

По мнению Б. Кассен, софистика и барокко ставят под вопрос установленный порядок и его истинность (*il se peut que le baroque, la sophistique fassent l'un et l'autre bouger quelque chose de la norme et de la vérité //* вполне может быть, что барокко и софистика, вместе, изменят устоявшиеся ценности). В результате шаблоны и традиционные суждения разрушаются, концептуальная картина мира обновляется благодаря усилиям неординарных исследователей, таких как Ф. Боссан, увлекавший на протяжении тридцати лет слушателей в удивительный мир музыки барокко в авторской передаче *Matins des musiciens* (Утро музыкантов).

3.2. Интердискурсивность самопрезентации Б. Кассен

Посвящая хвалебную речь Ф. Боссану, оратор оформляет свой дискурс с непременным поиском в осуществляемой ею профессиональной деятельности сопоставимых, схожих с работами предшественника, своих персональных достижений (*Si j'osais en proposer un équivalent dans mon propre travail…*): 1) *musicien et musicologue — philologue et philosophe* (музыкант, музыковед — филолог, философ)*, 2) en Australie la Maison de France — l'Afrique du Sud et la commission Vérité et Réconciliation* (в Австралии Дом Франции — в Южной Африке комиссия Правда и Примирение)*,* 3) *baroque — sophistique* (барокко — софистика)*, 4) le Centre de musique baroque de Versailles — Les intraduisibles* (Центр музыки барокко в Версале — Словарь Европейских философий). В текст речи Б. Кассен также включает многочисленные фрагменты, цитаты из своих ранних публикаций, книг, интервью, сопровождаемые авторскими комментариями.

Как опытный переводчик, Б. Кассен обеспокоена глобализационными процессами, ведущими к нивелированию и исчезновению уникальных национальных культур, залогом сохранения которых может стать перевод с одного языка на другой. Понимание иноязычного текста, по ее мнению, — это способность говорить о нем на своем языке, а переводчик обладает свободой выбора в том, какой и как передать смысл. Множе-

ственность такого выбора, его вариативность подтверждают относительность истины и возможность её субъективной интерпретации (mesurer la vérité) [Schelstraete et al., 2017, p. 249, 251], формирующей плюрализм мнений.

Переводные тексты лежат в основе западной культуры и науки, как в философии — тексты Аристотеля или в медицине — Авиценны. В 2004 году под редакцией Барбары Кассен выходит в свет коллективный труд «Европейский словарь философий: лексикон непереводимостей» (Dictionnaire des intraduisibles), представляющий осмысление западной философии на разных языках, в чем переводчику отводилась роль посредника между языками и культурами [Маяцкий, 2011, с. 14], расширяющего пределы универсального в поисках уникального. В настоящее время продолжается работа над цифровым прототипом словаря философий с возможностью навигации по гиперссылкам, поиска по ключевым словам и переходом на соответствующие иноязычные словарные статьи.

Осмысление Б. Кассен феномена перевода начиналось с ее обращения к древнегреческому языку. В Древней Греции классического периода (V—IV века до н. э.) провозглашалось культурное превосходство над другими народами. Выстраивание языковой иерархии во главе с «истинным» греческим языком вело к нивелированию труда переводчиков и имело политический контекст. С целью противостояния языковому национализму в современных условиях девизом Европы, по мнению Б. Кассен, должны стать слова Умберто Эко о понимании перевода как языка мира (*la langue du monde — c'est la traduction*).

С группой единомышленников Б. Кассен участвует в создании и работе ассоциации *Les Maisons de la sagesse Traduire*, целью которой является языковая помощь прибывающим в страну мигрантам посредством составления для них специальных глоссариев с комментариями о французских миграционных формальностях (*glossaires de la bureaucratie française*) и словаря трудностей перевода языковых единиц национально-культурной семантики [Cassin, 2020, p. 165]. Языковые формулировки административных бланков, которые заполняют беженцы, не способствуют установлению диалога, поскольку увеличивают культурную дистанцию, указывая последним на их инаковость, как, например, «les statuts maritaux sont un casse-tête car les statuts marié, divorcé, pacsé, séparé, etc. n'existent pas comme tels partout dans le monde» (графа «семейное положение» — это настоящая головоломка, поскольку статусы замужняя, женатый, разведенный, состоящий в гражданском браке и так далее просто не существуют как таковые в других странах) [Extramiana, 2020, p. 166]. Своей основной миссией ассоциация видит обращение к переводу с одного языка на другой для пере-

дачи новых знаний о мире, черпаемых в языке-источнике, что формирует способность жить в мире, который меняется и который должен стать открытым, гостеприимным для всех.

Настойчивой критике в речи подвергается английский язык в его упрощенной «версии» *globish* (*global English*). Лексема *globish* транслирует негативную коннотацию со значением воплощения языковой универсальности [Cassin, 2018, p. 191] и доминирования, в частности, при осуществлении машинного перевода.

В своем выступлении Б. Кассен заявляет о посредничестве Европы в просвещении и установлении мирного сосуществования, принимая во внимание миграционные процессы, когда Европа должна отойти от принципов культурного доминирования, «**…** que les autres sont des barbares — en tout cas pas des hommes comme nous» (…когда другие считаются варварами, в любом случае не такими же, как мы) [Cassin, 2017, p. 158].

Переходя на оптативную модель дискурса [Борботько, 2011, с. 154], оратор высказывает свои опасения в отношении возникающих националистических идей. Она предпочитает говорить обо всем во множественном числе (*je préfère aujourd'hui le pluriel*), в частности, не об одном языке, а о языках (***il faut*** *en parler),* об изучении более одного иностранного языка в школах *(plus d'une langue dans nos classes).* Кассен с нетерпением ожидает издания словаря Академии (*le Dictionnaire de l'Académie* ***me paraît si désirable***), способного показать развитие французского языка в планах диахронии и синхронии.

По окончании речи новому академику традиционно вручают шпагу. На клинке шпаги Б. Кассен можно прочитать выгравированный девиз «Plus d'une langue» (Многоязычие, от одного языка к другому), отсылающий к творчеству французского философа Ж. Дерриды (*Jacques Derrida,* 1930—2004), одного из учителей Б. Кассен: человек говорит на языке, который ему не принадлежит, язык живет своей жизнью, становясь частью другого языка и другого человека [Monod, 2005, p. 142—143]. Подобный текст-изображение на культурном артефакте выполняет информационную, аксиологическую и эмоциональную функции, способствуя сохранению и трансляции знания [Райскина, 2022, с. 126].

4. Заключение = Conclusions

Жанр элогиума в институциональном дискурсе основан на восхищении в отношении поступков или качеств другого человека. Элогиум убеждает слушателя в необходимости составить положительное мнение о предмете восхваления и побуждает к действиям по сохранению транслируемых ценностей, одновременно создавая в смысловом отношении но-

вые условия для их реализации, ведущие к изменениям. Торжественная приветственная речь-элогиум Барбары Кассен актуализирует сложное когнитивное пространство пересекающихся смыслов, отсылающих к различным дискурсам.

На семантическом уровне дискурсы соединяются друг с другом посредством регулярно воспроизводимых в тексте ключевых слов *éloge, musique, philologue, philosophe, langue, langage, rhétorique, sophistique, grec, baroque, sens*, придающих им интенсивность. *Eloge* является самой частотной лексической единицей, выполняющей функцию смыслового переключателя между дискурсами как структурными элементами авторского дискурсивного пространства: например, элогиум — фундаментальный риторический жанр, элогиум — основа сообщества, элогиум о творчестве Филиппа Боссана, элогиум — выразитель общепринятых ценностей, элогиум — источник изменений, элогиум — вера в силу слова, элогиум об академиках «Кресла 36», элогиум о языковом разнообразии.

В возникающем смысловом множестве представляется возможным различить философский, музыкальный, политический, филологический, исторический, миграционный, семейный, мифологический дискурсы с их узнаваемыми маркерами, что свидетельствует об интердискурсивном характере приветственной речи.

Пласты гуманитарного знания и социокультурных практик входят в соприкосновение через имена собственные. Так, история Кресла № 36 (*Fauteuil 36*), предназначенного для Барбары Кассен, связана с творчеством Жана де Лабрюйера (*La Bruyère*), писателя-моралиста, описавшего эпоху Жака-Бениня Боссюэ (*Bossuet*), Жана-Батиста Расина (*Jean-Baptiste Racine*), Жана де Лафонтена (*Jean de La Fontaine*), составивших славу французского языка. В настоящее время помимо Французской академии за сохранение его чистоты и красноречивости (*la rendre pure, éloquente et capable de traiter les arts et les sciences*) ратуют Ассоциация по защите французского языка (*la D.L.F., association de Défense de la langue française*) и Премия французского языка, поощряющая соответствующие литературные и научные труды. Одновременно Б. Кассен указывает на опасность иерархии языков, поиска среди них «истинных», особенных, как это случилось с немецким языком, по словам философа М. Хайдеггера (*Heidegger*, 1889—1976), *enracinée dans un peuple et dans une race* (рожденного народом, нацией), что неминуемо привело к национализму.

Оратор отмечает значимость подписания королем Франциском I ордонанса о легитимации французского языка как государственного в 1539 году в замке Вилле-Котре (*le château de Villers-Cotterêts*), что сыграло ведущую роль в распространении французского языка на территории Франции с це-

лью объединения государства [Викулова и др., 2022, с. 258]. Замок Вилле-Котре продолжает оставаться знаковым местом, Международным центром французского языка (Cité internationale de la langue française), миссия которого состоит в продвижении нового знания о важности региональных языков и франкофонии, составляющих многогранную историю французского языка среди других языков.

В тексте торжественной речи выделяется значительное количество специальных лексических единиц, отсылающих целевую аудиторию к различным видам профессиональной деятельности (*linguistes, psychanalystes, mathématiciens, gens de théâtre, écrivains voyageurs, marin, romancier-critique*, *biographe, archéologue* // лингвисты, психоаналитики, математики, артисты театра, писатели-путешественники, моряки, романисты-критики, биографы, археологи) и соответствующему научному знанию, например, философии (*l'ontologie, le latin et le grec, les présocratiques, une pseudo-philosophie, le néoplatonisme, équivocité métaphysique* // онтология, латинский и греческий языки, досократики, псевдофилософия, неоплатонизм, метафизическая двусмысленность). Барбара Кассен создает путем сложения основ термин-неологизм *philomusicien, philomusical* (филомузыкант, филомузыкальный), отмечая, с каким мастерством в эссе *Chant d'Orphée selon Monteverdi* Филипп Боссан анализирует оперу *Орфей* Клаудио Монтеверди в историческом и социокультурном планах. Опера, поставленная в 1607 году, обращается к греческому мифу об Орфее и открывает эпоху музыкального барокко, сочетая в себе полифонию Ренессанса и сольное пение Нового времени. Многочисленные упоминания и высказывания оратора об исторических текстах-источниках, их авторах, древнегреческих мифах, цитирование на греческом языке имплицитно подразумевают эрудицию оратора и аудитории относительно затрагиваемых тем и способность их адекватно толковать.

Б. Кассен, исследователь-эллинист, находится в основном в пространстве философского дискурса. *Le logos,* воздействующая сила слова рассматривается ею прежде всего в социальной практике риторов-софистов. Социальная область '*использование языка во внутренних и внешних политических отношениях'* пересекается с политическим миграционным дискурсом (*savoir-faire avec les différences, travail entre les cultures, avec hospitalité et patience* // признание различий, работа с представителями разных культур, с гостеприимством и терпением) и дискурсом национальной языковой политики (*plus d'une langue, langue entre autres* // многоязычие, от одного языка к другому, язык среди других языков).

От имени Мы (*nous*)-группы, сформированной по дискурсивным идентификационным ориентирам [Серебренникова, 2024, с. 110], в речи

Барбары Кассен вербализуются модальные значения желательности, необходимости изменений в языковой политике Европы (*nous voulons, nous refusons, nous nous opposons, il faut, je préfère //* мы хотим, мы отказываемся, мы возражаем, надо, я предпочитаю*)*, направленных на ослабление позиций английского языка как средства международного общения и повышение значимости европейских языков. *Plus d'une langue* (многоязычие) в школах, в университетах, в Европе звучит как призыв к действию, разрушающему установленное языковое и культурное доминирование.

Как уже отмечалось ранее, оценка творчества Филиппа Боссана осуществляется Барбарой Кассен в сопоставлении с собственной исследовательской деятельностью. Философский, филологический, миграционный дискурсы «принадлежат» Кассен, оформляются ею в политический дискурс и разворачиваются на основе музыкального дискурса Боссана. Происходит явное смещение внимания аудитории с «предмета» восхваления на личность оратора, предпочитающего всем другим формы 1-го лица единственного и множественного числа личного местоимения.

Перлокутивный характер элогиума проявляется в политической направленности дискурса Барбары Кассен, призывающего к изменению установленного порядка.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Андросова Ф. С.* Экспрессивное использование пунктуации в художественном тексте (на материале французского языка) / Ф. С. Андросова // Научный журнал КубГАУ. — 2011. — № 70. — С. 767—783.

2. *Афонасин Е. В.* Горгий Леонтийский. Фрагменты и свидетельства / Е. В. Афонасин // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. — 2020. — Т. 14. — № 2. — С. 756—811. — DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-756-811.

3. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва : Русские словари, 1996. — Т. 5. — С. 159—206.

4. *Борботько В. Г.* Принципы формирования дискурса : От психолингвистики к лингвосинергетике / В. Г. Борботько. — Изд. 4-е. — Москва : Либроком, 2011. — 288 с. — ISBN 978-5-397-01802-9.

5. *Викулова Л. Г.* Жанр Discours de réception : речь Маргерит Юрсенар при избрании во Французскую академию и гендерный поворот / Л. Г. Викулова, О. И. Короленко, Ю. Г. Ткаченко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 9—25. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-9-25.

6. *Викулова Л. Г.* Формирование языковой политики Франции в официальной сфере : законодательные документы VIII—XVIII вв. (капитулярий, ордонанс, жалованная грамота) / Л. Г. Викулова, Э. М. Рянская, Е. Г. Васильева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 252—264. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-252-264.

7. *Вольф М. Н.* Софистика. Горгий Леонтийский : трактат «О не-сущем, или о природе» в современных интерпретациях : учеб. пособие / М. Н. Вольф. — Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. — 249 с. — ISBN 978-5-4437-0231-5.

8. *Герасимова С. А.* Становление научной идентичности Ж. Л. Д'Аламбера и его вклад в развитие литературных жанров XVIII века / С. А. Герасимова // Филология : научные исследования. — 2022. — № 8. — С. 19—32. — DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171.

9. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с. — ISBN 978-5-9551-0409-6.

10. *Карасик В. И.* Структура институционального дискурса / В. И. Карасик // Проблемы речевой коммуникации : Межвузовский сборник научных трудов. — Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. — С. 25—33.

11. *Кибрик А. А.* Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. — 2009. — № 2. — С. 3—21.

12. *Коммуникация* и смысл в текстовой культуре : монография / Л. Т. Рыскельдиева, О. В. Зарапин, О. А. Шапиро, Е. Г. Шкорубская ; отв. ред. Л. Т. Рыскельдиева. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. — 276 с. — ISBN 978-5-907118-78-2.

13. *Лексемы* identite/ идентичность как элементы универсумов человека и языка : этносемиометрический и аксиологический аспекты интерпретации / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020. — № 2 (831). — С. 30—42.

14. *Маяцкий М.* Непереводимости реальные и воображаемые. Листая «Европейский словарь философий : лексикон непереводимостей» под ред. Б. Кассен / М. Маяцкий // Логос. — 2011. — № 5—6 (84). — С. 13—21.

15. *Огурцов А. П.* Философия науки эпохи Просвещения / А. П. Огурцов. — Москва : ИФРАН, 1993. — 213 с.

16. *Плотникова С. Н.* Текст в дискурсивном и коммуникативном пространстве / С. Н. Плотникова // Текст : дискурсивное проявление и коммуникативная практика : Сборник научных статей / под общ. ред. Е. Г. Таревой. — Москва : Языки Народов Мира, 2017. — С. 46—63.

17. *Райскина В. А.* Семиотический образ прецедентной личности в Европейском культурном пространстве / В. А. Райскина // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык. — 2022. — № 1. — С. 113—128. — DOI: 10.51955/23121327_2022_1_113.

18. *Рикер П.* Я-сам как другой / П. Рикер ; пер. с фр. Б. М. Скуратова ; пред. И. С. Вдовиной. — Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2008. — 416 с. — ISBN 5-87121-036-8.

19. *Серебренникова Е. Ф.* Местоимение «nous» : дискурсивные проекции синкретизма смыслов, стоящих за знаком / Е. Ф. Серебренникова // Человек и его язык : сб. материалов XXI междунар. науч. школы-семинара им. проф. Л. М. Скрелиной. — Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. — С. 103—112.

20. *Теоретические* проблемы музыки французского барокко : сб. статей на русском и на французском языках / ред.-сост. Зоя Глядешкина. — Litres, 2022. — 571 с. — ISBN 9785040011780.

21. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой ; вступ. ст. А. С. Колесникова. — Санкт-Петербург : ИЦ «Гуманитарная Академия» ; Университетская книга, 2004. — 416 с. — ISBN 978-5-93762-160-3.

22. *Чернявская В. Е.* Дискурсивный анализ текста и корпусные методы / В. Е. Чернявская, М. В. Хохлова. — Москва : УРСС, 2024. — 224 с. — ISBN 978-5-00237-062-7.

23. *Чернявская В. Е.* Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / В. Е. Чернявская. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 248 с. — ISBN 978-5-397-00289-9.

24. *Asse E.* L'Académie française : ouvrage illustré de 61 gravures / E. Asse. — Paris : Librairie de Firmin-Didot et Cie, 1890. — Vol. 1. — 251 p.

25. *Beacco J.-Cl.* Trois perspectives linguistiques sur la notion de genre discursif / J.-Cl. Beacco // Langages. — 2004. — 38e année, n°153. — Pp. 109—119.

26. *Bredin J.-D.* Convaincre : Dialogue sur l'éloquence / J.-D. Bredin. — Paris : Odile Jacob, 1997. — 392 p. — ISBN 9782738104830.

27. *Cassin B.* La langue de l'Europe ? / B. Cassin // Po&sie. — 2017. — 2 N° 160—161. — Pp. 154—159.

28. *Cassin B.* Les Maisons de la sagesse Traduire / B. Cassin // Hommes & migrations. — 2020. — № 1329. — Pp. 164—165.

29. *Cassin B.* Politique des langues / B. Cassin // Hermès, La Revue. — 2018. — 1 n° 80. — Pp. 187—195. — DOI: 10.3917/herm.080.0187.

30. *Conort B.* L'Eloge [Electronic resource] / B. Conort. — 2007. — Access mode : https://hal.science/hal-00250331/document (accessed 22.09.2024).

31. *Dijk Teun A. van.* Discourse and Context. A sociocognitive approach / Teun A. van Dijk. — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — 282 p. — ISBN 978-0-511-42320-8.

32. *Extramiana C.* Les glossaires de la bureaucratie française / C. Extramiana // Hommes & migrations. — 2020. — № 1329. — Pp. 165—166.

33. *Éloge* [Electronic resource] // Le Trésor de la Langue Française informatisé. — 2024. — Access mode : https://www.cnrtl.fr/definition/eloge (accessed 23.09.2024).

34. *Fairclough N.* Technologisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — New York : Routledge, 1996. — Pp. 143—159.

35. *Monod J.-Cl.* "Plus d'un" engagement — Derrida / J.-Cl. Monod // Mouvements. — 2005/4. — no 41, 2005. — Pp. 141—146.

36. *Régent-Susini A.* L'éloge : quoi de neuf ? [Electronic resource] / A. Régent-Susini // Exercices de rhétorique. — 2018. — N 11. — Access mode : http://journals.openedition.org/rhetorique/613 (accessed 23.09.2024).

37. *Schelstraete É.* Éloge de la traduction. Compliquer l'universel / É. Schelstraete, B. Cassin // Équivalences. — 2017. — 44e année-n°1-2. — Pp. 247—251.

38. *Swales J. M.* Genre Analysis. Engish in academic and research settings / J. M. Swales. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — 260 p.

Статья поступила в редакцию 15.10.2024,
одобрена после рецензирования 07.12.2024,
подготовлена к публикации 16.12.2024.

References

Afonasin, E. V. (2020). Gorgiy Leontiysky. Fragments and evidence. *Scholae. Philosophical antiquity and the classical tradition, 14 (2):* 756—811. DOI: 10.25205/1995-4328-2020-14-2-756-811. (In Russ.).

Androsova, F. S. (2011). Expressive use of punctuation in a literary text (based on the material of the French language). *Scientific journal of KubGAU, 70:* 767—783. (In Russ.).

Asse, E. (1890). *L'Académie française: ouvrage illustré de 61 gravures, 1.* Paris: Librairie de Firmin-Didot et Cie. 251 p. (In Frenc.).

Bakhtin, M. M. (1996). The problem of speech genres. In: *Collected works, 5.* Moscow: Russian Dictionaries. 159—206. (In Russ.).

Beacco, J.-Cl. (2004). Trois perspectives linguistiques sur la notion de genre discursive. *Langages, 153:* 109—119. (In Frenc.).

Borbotko, V. G. (2011). *Principles of discourse formation: From psycholinguistics to linguosynergetics. Ed. 4-e.* Moscow: Librocom. 288 p. ISBN 978-5-397-01802-9. (In Russ.).

Bredin, J.-D. (1997). *Convaincre: Dialogue sur l'éloquence.* Paris: Odile Jacob. 392 p. ISBN 9782738104830. (In Frenc.).

Cassin, B. (2017). La langue de l'Europe? *Po&sie, 160—161:* 154—159. (In Frenc.).

Cassin, B. (2018). Politique des langues. *Hermès, La Revue, 80:* 187—195. DOI: 10.3917/herm.080.0187. (In Frenc.).

Cassin, B. (2020). Les Maisons de la sagesse Traduire. *Hommes & migrations, 1329:* 164—165. (In Frenc.).

Chernyavskaya, V. E. (2009). *Linguistics of the text. Polycode, intertextuality, interdiscursivity.* Moscow: LIBROCOM. 248 p. ISBN 978-5-397-00289-9. (In Russ.).

Chernyavskaya, V. E., Khokhlova, M. V. (2024). *Discursive text analysis and corpus methods.* Moscow: URSS. 224 p. ISBN 978-5-00237-062-7. (In Russ.).

Conort. B. (2007). *L'Eloge.* Available at: https://hal.science/hal-00250331/document (accessed 22.09.2024). (In Frenc.).

Dementyev, V. V. (2010). *Theory of speech genres.* Moscow: Znak. 600 p. ISBN 978-5-9551-0409-6. (In Russ.).

Dijk Teun, A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach.* Cambridge: Cambridge University Press. 282 p. ISBN 978-0-511-42320-8.

Éloge. (2024). Le Trésor de la Langue *Française informatisé.* Available at: https://www.cnrtl.fr/definition/eloge (accessed 23.09.2024). (In Frenc.).

Extramiana, C. (2020). Les glossaires de la bureaucratie française. *Hommes & migrations, 1329:* 165—166. (In Frenc.).

Fairclough, N. (1996). Technologisation of discourse. In: *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis.* New York: Routledge. 143—159.

Foucault, M. (2004). *Archeology of knowledge.* St. Petersburg: IC "Humanitarian Academy"; University Book. 416 p. ISBN 978-5-93762-160-3. (In Russ.).

Gerasimova, S. A. (2022). The formation of the scientific identity of J. L. D'Alembert and his contribution to the development of literary genres of the XVIII century. *Philology: scientific research, 8:* 19—32. DOI: 10.7256/2454-0749.2022.8.38171. (In Russ.).

Glyadeshkina, Z. (ed.). (2022). *The oretical problems of French Baroque music: collection of articles in Russian and in French.* Liters. 571 p. ISBN 9785040011780. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2000). The structure of institutional discourse. In: *Problems of speech communication: Interuniversity collection of scientific papers.* Saratov: Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky. 25—33. (In Russ.).

Kibrik, A. A. (2009). Mode, genre and othe r parameters of the classification of discourses. *Questions of linguistics, 2:* 3—21. (In Russ.).

Mayatsky, M. (2011). The untranslatability of real and imaginary. *Flipping through the "European Dictionary of Philosophies: lexicon of untranslatability". Logos, 5—6 (84):* 13—21. (In Russ.).

Monod, J.-Cl. (2005). "Plus d'un" engagement — Derrida. *Mouvements, 41:* 141—146. (In Frenc.).

Ogurtsov, A. P. (1913). *Philosophy of science of the age of Enlightenment.* Moscow: IFRAN. 213 p. (In Russ.).

Plotnikova, S. N. (2017). Text in discursive and communicative space. In: *Text: discursive manifestation and communicative practice: Collection of scientific articles.* Moscow: Languages of the Peoples of the World. 46—63. (In Russ.).

Raiskina, V. A. (2022). Semiotic image of a precedent personality in the European cultural space. *Crede Experto: transport, society, education, language, 1:* 113—128. DOI: 10.51955/23121327_2022_1_113. (In Russ.).

Régent-Susini, A. (2018). L'éloge: quoi de neuf? *Exercices de rhétorique, 11.* Available at: http://journals.openedition.org/rhetorique/613 (accessed 23.09.2024). (In Frenc.).

Riker, P. (2008). *I am myself as another.* Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature. 416 p. ISBN 5-87121-036-8. (In Russ.).

Ryskeldieva, L. T. (ed.). (2018). *Communication and meaning in textual culture: a monograph.* Simferopol: IT "ARIAL". 276 p. ISBN 978-5-907118-78-2. (In Russ.).

Schelstraete, É., Cassin, B. (2017). Éloge de la traduction. Compliquer l'universel. *Équivalences, 1—2:* 247—251. (In Frenc.).

Serebrennikova, E. F. (2024). Pronoun "nous": discursive projections of syncretism of meanings behind the sign. In: *Man and his language: collection of materials of the XXI International Scientific the school-seminar named after Prof. L. M. Skrelina.* Yaroslavl: RIO YAGPU. 103—112. (In Russ.).

Swales, J. M. (1990). *Genre Analysis. Engish in academic and research settings.* Cambridge: Cambridge University Press. 260 p.

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. (2024). Genre of Discours de réception: Marguerite Yourcenar's Speech upon her Election to French Academy and Gender Turn. *Nauchnyi dialog, 13 (1):* 9—25. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-9-25. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Ryanskaya, E. M., Vasilyeva, E. G. (2022). The formation of French language policy in the official sphere: legislative documents of the VIII—XVIII centuries. (capitulary, ordinance, letter of commendation). *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4:* 252—264. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-252-264. (In Russ.).

Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., Gerasimova, S. A. (2020). Identity lexemes/identity as elements of human and language universes: ethnosemiometric and axiological aspects of interpretation. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (831):* 30—42. (In Russ.).

Wolf, M. N. (2014). *Sophistry. Gorgias of Leontius: a treatise "On Non-being, or on Nature" in modern interpretations: studies. the manual.* Novosibirsk: RIC NSU. 249 p. ISBN 978-5-4437-0231-5. (In Russ.).

The article was submitted 15.10.2024;
approved after reviewing 07.12.2024;
accepted for publication 16.12.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Иоанесян Е. Р. Апелляция к компонентам прототипической ситуации эмоций как стратегия перевода высказываний с эмоциональными предикатами / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 28—42. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-28-42.

Ioanesyan, E. R. (2024). Appeal to Components of Prototypical Emotional Situations as a Translation Strategy for Expressions with Emotional Predicates. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 28-42. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-28-42. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Апелляция к компонентам прототипической ситуации эмоций как стратегия перевода высказываний с эмоциональными предикатами

Иоанесян Евгения Рафаэлевна
orcid.org/0000-0002-4950-6315
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
ioanevg@mail.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Appeal to Components of Prototypical Emotional Situations as a Translation Strategy for Expressions with Emotional Predicates

Evgeniya R. Ioanesyan
orcid.org/0000-0002-4950-6315
Doctor of Philology,
leading research scientist
ioanevg@mail.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Иоанесян Е. Р., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья относится к области переводоведения. В качестве объекта изучения были выбраны тексты художественной литературы, описывающие ощущения, эмоции, движения, поведение, действия человека. Проведено исследование переводов текстов с русского языка на другие языки и иноязычных текстов на русский язык. В работе были использованы материалы Национального корпуса русского языка. Проанализирован большой корпус художественных текстов на английском, испанском, немецком, португальском и французском языках. Как показало исследование, одной из стратегий перевода высказываний с предикатами указанных классов является обращение к компонентам прототипических ситуаций этих эмоций. Выяснено, что одной из особенностей высказываний на английском, немецком, испанском, португальском, французском языках, отличающей их, в частности, от высказываний на русском языке, является тенденция при описании каких-либо движений, действий, эмоций указывать орган, участвующий в этом движении, действии, ощущении. Другой особенностью высказываний на иностранных языках является тенденция указывать не орган, а часть органа, участвующего в описываемом процессе, например, не глаз, а зрачок.

Ключевые слова:
семантика; стратегии перевода; прототипическая ситуация эмоций; переводоведение; фразеология эмоций.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article falls within the field of translation studies. The focus of the research is on literary texts that describe sensations, emotions, movements, behaviors, and actions of individuals. The study investigates translations from Russian into other languages as well as translations of foreign texts into Russian. Materials from the *Russian National Corpus* were utilized for this purpose. A substantial corpus of literary texts in English, Spanish, German, Portuguese, and French was analyzed. The findings indicate that one of the translation strategies for expressions with the specified predicates involves appealing to the components of prototypical situations of these emotions. It was revealed that one distinctive feature of expressions in English, German, Spanish, Portuguese, and French—particularly in contrast to Russian expressions — is the tendency to specify the organ involved in a movement, action, or sensation. Another notable characteristic of expressions in foreign languages is the tendency to refer not to the organ itself but to a part of the organ involved in the described process; for example, using “pupil” instead of “eye.”

Key words:
semantics; translation strategies; prototypical emotional situations; translation studies; emotional phraseology.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'255.4 +81'37
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-28-42

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Апелляция к компонентам прототипической ситуации эмоций как стратегия перевода высказываний с эмоциональными предикатами

© Иоанесян Е. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Работа посвящена проблеме перевода художественных текстов, описывающих ощущения, эмоции, движения, поведение, действия человека. В работе использовались материалы Национального корпуса русского языка. Проведенное исследование переводов текстов с русского языка на другие языки и иноязычных текстов на русский язык позволило сделать вывод, что одной из стратегий перевода высказываний с эмоциональными предикатами является обращение к компонентам прототипических ситуаций этих эмоций. В частности, одной из особенностей высказываний на французском, английском, испанском, немецком и португальском языках, отличающей их от высказываний на русском языке, является тенденция при описании каких-либо движений, действий, эмоций указывать на орган, участвующий в этом движении, действии, ощущении. В работе использовались материалы Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Другой особенностью высказываний на иностранных языках является тенденция указывать не орган, а часть органа, участвующего в описываемом процессе, например, не глаз, а зрачок. Как показало исследование, одной из стратегий перевода высказываний с эмоциональными предикатами является обращение к компонентам прототипических ситуаций этих эмоций. Несмотря на множество прекрасных работ по переводоведению (см. список литературы), эти аспекты перевода художественных текстов еще не являлись предметом рассмотрения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили данные электронных языковых ресурсов и толковых словарей (см. список источников). Методологической

базой работы являются исследования наших ведущих отечественных специалистов в области переводоведения [Зализняк и др., 1987; Каразия, 2016; Ларина, 2013; Нестерова, 2015; Нуриев, 2015; Разлогова, 2014; Разумовская, 2015; Ромашко, 2015; Тороп, 1982].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Стратегии перевода высказываний с предикатами эмоций и действий: тенденция указывать задействованный орган

Одной из особенностей высказываний на английском, испанском, немецком, французском языках, отличающей их, в частности, от высказываний на русском языке, является тенденция при описании каких-либо движений, действий, эмоций указывать орган, участвующий в этом движении, действии, ощущении. Эта тенденция отчетливо видна при сравнении французских, английских, испанских, немецких текстов разных писателей с их переводами на русский язык, и русских текстов с их переводами на эти языки, сделанные разными переводчиками в разное время.

Приведем примеры параллельных французских и русских текстов:

(1) *Le soleil couvrait de clarté la rivière, faisait la terre délicieuse, emplissait mon regard d'amour pour la vie, pour les hirondelles, dont l'agilité est une joie de mes yeux, pour les herbes de la rive dont* ***le frémissement est un bonheur de mes oreilles****. // Я думал обо всем этом, идя по берегу реки. Солнце заливало светом водную гладь, ласкало землю, наполняло мои взоры любовью к жизни, к ласточкам, чей стремительный полет — радость для глаз, к прибрежным травам,* ***чей шелест — отрада для слуха*** (Guy de Maupassant. Le Horla (1887) / Ги де Мопассан. Орля (К. Локс, 1946)) [НКРЯ]. ***Le frémissement est un bonheur de mes oreilles*** **— 'чей шелест — отрада для ушей'.**

(2) *Отец уже сидел переодетый, вымытый и свежий, возле матушкиного кресла и читал ей своим ровным и звучным голосом фельетон «Journal des Débats», но матушка* ***слушала его без внимания****. // Mon père s'était déjà changé et avait fait sa toilette. Assis dans un fauteuil, tout contre celui de maman, il lui lisait, d'une voix égale et sonore, le feuilleton du Journal des Débats; ma mère* ***l'écoutait d'une oreille distraite*** (И. С. Тургенев. Первая любовь (1860) / Ivan Tourgueniev. Premier Amour (Michel-Rostislav Hofmann, 1974)) [Там же]. ***L'écoutait d'une oreille distraite*** **— 'слушала его рассеянным ухом'.**

(3) *C'était pourtant la voix d'un seul homme; mais quelle voix! quelle terreur prompte elle jeta dans mes esprits troublés! Je m'assis vivement sur mon lit, et d'un cœur battant,* ***d'une oreille attentive, j'écoute*** *ce cri qui durait toujours, quoiqu'il s'éloignât de la place où il avait retenti. // Это был голос всего лишь*

одного человека; но что это был за голос! какой ужас он мгновенно вселил в мою встревоженную душу! я тотчас сажусь на постели, с сильно бьющимся сердцем ***прислушиваюсь****, этот крик всё ещё звучит, но удаляется* (Marceline Desbordes-Valmore. Contes (1828—1859) / Марселина Дебордь-Вальмор. Семнадцать сказок и «Малыш с Елисейских полей» (под редакцией Е. Белавиной, 2018)) [Там же]. ***D'une oreille attentive, j'écoute*** **— 'слушаю внимательным ухом'.**

(4) *En retour du* ***plaisir que ses mélodies monotones procurent à l'oreille des passants, son oreille, à lui****, ne sera plus égayée par le son joyeux de sou mal marqué qui bondit seul et à l'aise dans sa timbale de fer-blanc.* // ***Сколько бы он ни услаждал слух прохожих*** *своими монотонными мелодиями, ни одна монета, даже самая мелкая и стертая, не упадет в его жестяную кружку и не* ***усладит его слух*** *своим позвякиванием* (Charles Nodier. Contes du dériseur sensé (1846) | Шарль Нодье. Сказки здравомыслящего насмешника (В. Мильчина, 2015)) [Там же]. ***Plaisir que ses mélodies monotones procurent à l'oreille des passants, son oreille, à lui*** **— 'удовольствие, которое эти мелодии доставляли уху прохожих <…> усладит его слух'.**

(5) *Однако слово «разведчик» все-таки еще окрашено оттенками жертвенности и самоотречения, хотя* ***щепетильный слух*** *нашего современника и тут различит сомнительный привкус жертвы не только собственной.* // *Cependant le terme d'«agent des Renseignements» connote encore un peu l'abnégation et le sacrifice de soi, même si* ***l'oreille exercée*** *de nos contemporains a tendance à y déceler un autre genre de sacrifice* (Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007) / Irma Koudrova. La mort de Marina Tsvétaïéva (Hélène Henry, 2015)) [Там же]. ***L'oreille exercée*** **— 'тренированное ухо'.**

(6) *Это название следователь явно слышит первый раз в жизни, потому что* ***записывает «Гампорижский», на слух****, и Эфрон, подписывая эту страницу, педантично исправляет ошибку.* // *C'est manifestement la première fois que le commissaire-instructeur entend ce nom,* ***il note à l'oreille*** *«Gampori», et Efron, en signant la page du procès-verbal, corrige scrupuleusement* (Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007) / Irma Koudrova. La mort de Marina Tsvétaïéva (Hélène Henry, 2015)) [Там же]. ***Note à l'oreille*** **— букв. 'записывает на ухо'.**

(7) *Это название следователь явно слышит первый раз в жизни, потому что* ***записывает «Гампорижский», на слух****, и Эфрон, подписывая эту страницу, педантично исправляет ошибку.* // *C'est manifestement la première fois que le commissaire-instructeur entend ce nom,* ***il note à l'oreille*** *«Gampori», et Efron, en signant la page du procès-verbal, corrige scrupuleusement* (Ирма Кудрова. Путь комет. Разоблачённая морока (2007) / Irma Kou-

drova. La mort de Marina Tsvétaïéva (Hélène Henry, 2015)) [НКРЯ]. ***Il note à l'oreille* — 'записывает на ухо'.**

(8) *Passepartout n'était point un de ces Frontins ou Mascarilles qui, les épaules hautes, le nez au vent, le regard assuré,* ***l'oeil sec****, ne sont que d'impudents drôles*. // *Паспарту не походил ни на одного из тех Фронтенов или Маскарилей с самоуверенным и* ***холодным взором****, которые ходят, задрав нос и подняв плечи, и ведут себя, как бесстыжие наглецы* (Jules Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours (1872) / Жюль Верн. Вокруг света за восемьдесят дней (Н. Габинский, Я. Лесюк, 1939)) [Там же]. ***L'oeil sec* — 'холодный (сухой) глаз'.**

(9) *On se penche, et* ***l'oeil se perd dans un profond cylindre de brique*** *qu'emplit un entassement de ténèbres*. // *Наклонишься, и* ***взгляд тонет в глубине*** *кирпичного цилиндра, наполненного мраком* (Victor Hugo. Les Misérables. Deuxième partie. Cosette (1862) / Виктор Гюго. Отверженные. Часть 2. Козетта (Н. Нолле-Коган, 1950-1960)) [Там же]. ***L'oeil se perd dans un profond cylindre de brique* — 'глаз тонет в глубине кирпичного цилиндра'.**

(10) *Mais de quelle nature était cette émotion?* ***Son oeil ne se détachait pas du vieillard****. La seule chose qui se dégageât clairement de son attitude et de sa physionomie, c'était une étrange indécision*. // *Но что означало это волнение?* ***Его взгляд*** *не отрывался от старца. Единственно, о чем с полной ясностью говорила его поза и выражение лица, — это о какой-то странной нерешительности* (Victor Hugo. Les Misérables. Première partie. Fantine (1862) / Виктор Гюго. Отверженные. Часть 1. Фантина (Н. Нолле-Коган, 1950—1960)) [Там же]. ***Son oeil ne se détachait pas du vieillard* — 'его глаз не отрывался от старца'.**

Приведем примеры параллельных английских и русских текстов:

(1) *Well, you use your eyes first, of course, but then you have to close them so that* ***you can use your ears****.* // *Сначала, конечно, определяешь на глаз, но потом их придется закрыть,* ***чтобы определить на слух*** (Sebastian de Castell. Traitor's Blade (2014) / Себастьян де Кастелл. Клинок предателя (А. Свобода, 2020)) [Там же].

(2) *Возникала странная речь:* ***для человеческого слуха*** *она казалась междометиями праязыка, которые — будь то стон боли или восклицание радости — прямо выражают эмоцию в звуке, не опосредуя ее в слове*. // *A strange speech ensued:* ***to the human ear*** *it sounded like interjections of a pre-language that directly expressed emotion in sounds — be it a moan of pain or an exclamation of joy — without mediating it in words* (Сергей Лебедев. Предел забвения (2010) / Sergei Lebedev. Oblivion (Antonina W. Bouis, 2016)) [Там же].

(3) — *Как же так, Полина Васильевна?* — ***каркающий сорванный тембр язвил слух**, изнеженный бархатно-певучими речами Горн.* // *"How could that happen, Polina Vasilyevna?"* ***The croaking, cracked tone of his voice stung my ears**, pampered by the velvet speech of Gorn* (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007) / Mikhail Elizarov. The Librarian (Andrew Bromfield, 2015)) [Там же].

(4) *"Where do you think we are?" Violet asked,* ***straining her ears** to listen even more closely. "It's as silent as a tomb up there."* // *— Как вы думаете, где мы сейчас? — спросила Вайолет. — Тишина здесь как в могиле. — Она изо всех сил* ***напрягала слух**, пытаясь хоть что-то услышать* (Lemony Snicket. The Erzatz Elevator (2001) / Лемони Сникет. Липовый лифт (А. Ставиская, 2005)) [Там же].

(5) *Langdon* ***was now all ears**. THE ANONYMOUS ILLUMINATI MASTER, PERHAPS?* // *Лэнгдон* ***превратился в слух**, поскольку речь зашла об анонимном скульпторе иллюминатов* (Dan Brown. Angels and Demons (2000) | Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)) [Там же].

(6) *К* ***трибунам прикипели наши взгляды**, И* ***ловит слух в державной тишине** Итоговую взвешенность доклада.* // ***Our eyes were glued to the tribune**, **Our ears discerned amid the silence of the state**, The final, equitable weighing of the summary* (Татьяна Толстая. Кысь (2000) / Tatyana Tolstaya. The Slynx (Jamey Gambrell, 2007)) [Там же].

(7) *In different contexts the fittest individuals would be taken to mean those with the keenest eyes, the strongest leg muscles,* ***the sharpest ears**, the swiftest reflexes.* // *В других контекстах наиболее приспособленными могли называть тех, у кого самое острое зрение, самые сильные мышцы ног,* ***самый тонкий слух**, самые быстрые рефлексы* (Richard Dawkins. The Extended Phenotype: The Long Reach of the Gene (1999) / Ричард Докинз. Расширенный фенотип: длинная рука гена (А. Гопко, 2010)) [Там же].

(8) *The minutes dragged by.* ***Their ears seemed sharper than usual**. Harry's seemed to be picking up every sigh of the wind, every cracking twig.* // *Мучительно тянулись минуты.* ***Слух у ребят обострился до предела**. Гарри улавливал малейший вздох ветра, тишайший хруст веточки* (J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997) / Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)) [Там же].

(9) *As the door creaked, low,* ***rumbling growls met their ears**.* // *Она со скрипом распахнулась,* ***до их слуха донеслось низкое, глухое ворчание*** (J. K. Rowling. Harry Potter and the Sorcerer's Stone (1997) / Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)).

(10) *They clambered in silence over rocks and snowdrifts, and although Lyra peered wide-eyed into the enfolding grayness, and* ***strained her ears** for*

the sound of her friends, she might have been the only human on Svalbard; and lorek might have been dead. // *Вместе с медведями Лира карабкалась по камням и сугробам, вглядываясь в серую мглу и* ***напрягая слух*** *в надежде, что откуда-то появятся друзья; но казалось, она — единственная душа на Свальбарде, да и Йорек, возможно, уже убит* (Philip Pullman. His Dark Materials: Nothern Lights (1995) / Филип Пулман. Северное сияние (В. Голышев, 2005)) [Там же].

Приведем примеры параллельных немецких и русских текстов:

(1) ***Wie schnell die Ohren lernten****, Geräusche zu lesen, so viel schneller, als die Augen es lernten, Buchstaben zu entziffern*. // ***Как быстро слух учится*** *понимать звуки, куда быстрее, чем глаза — разбирать буквы* (Cornelia Funke. Tintentod (2007) / Корнелия Функе. Чернильная смерть (М. М. Сокольская, 2012)) [НКРЯ]. ***Ohr* — 'ухо'.**

(2) *Может быть, потому что в ту пору я еще не успел избавиться от произношения,* ***режущего слух столичных жителей****? Но мой вельможный вид и решительный тон, а может быть, и не замеченное мною вмешательство старика Кимпы сделали свое дело.* // *Ob es daran lag, dass ich meinen* ***für hauptstädtische Ohren*** *unangenehmen Akzent noch immer nicht losgeworden war? Mein stutzerhaftes Aussehen und mein entschiedener Ton jedenfalls — vielleicht auch das Eingreifen Kimpas, den ich nicht bemerkt hatte — taten die erwünschte Wirkung* (Макс Фрай. Чужак (2004) / Max Frei. Der Fremdling (Anna Serafin, 2007)) [Там же].

(3) *Чувствовался небольшой акцент, но столь лёгкий, что он* ***переставал резать слух*** *через несколько секунд*. // *Zudem färbte sie ein leichter Akzent, der indes so flüchtig war, dass er schon nach wenigen Sekunden* ***nicht mehr im Ohr schmerzte***. (Сергей Лукьяненко. Спектр (2002) / Sergej Lukianenko. Spektrum (Christiane Pöhlmann, 2007)) [Там же].

(4) *Она — девица наблюдательная, и* ***слух у нее, похоже, хороший***. // *Die hat ihre Augen überall, und* ***ihre Ohren scheinen auch gut zu sein*** (Александра Маринина. Игра на чужом поле (1997) / Alexandra Marinina. Auf fremdem Terrain (Felix Eder, Thomas Wiedling, 2001)) [Там же].

(5) *Sie war eine rundliche, kleine Person* ***mit fröhlichen blauen Kinderaugen*** *und goldblond gefärbten Haaren, in denen nicht selten ein vergessener Lokkenwickler steckte*. // *Она была кругленькой маленькой старушкой с* ***весёлым детским взглядом****. Волосы она красила в золотистый цвет. В причёске бабушки Мэдди частенько торчали забытые бигуди* (Kerstin Gier. Rubinrot (2009) / Керстин Гир. Рубиновая книга (С. Вольштейн, 2012)) [Там же].

(6) *Tante Maddy saß seltsam steif auf ihrem Stuhl,* ***ihre Augen starrten ins Leere*** *und ihre Hände krampften sich um die Stuhllehnen*. // *Бабушка Мэдди сидела, не шевелясь,* ***окаменевшим взглядом уставившись в пустоту****. Ру-*

ками она крепко вцепилась в подлокотники (Kerstin Gier. Rubinrot (2009) / Керстин Гир. Рубиновая книга (С. Вольштейн, 2012)) [Там же].

(7) ***Mit großen Augen sah es ihn an****, mit dieser Mischung aus Ehrfurcht und Furcht, die er inzwischen in so vielen Augen gesehen hatte*. // *Ребенок* ***смотрел на него не отрываясь****, с той смесью благоговения и страха, которую Мо так часто видел теперь в* ***обращенных на него взглядах*** (Cornelia Funke. Tintentod (2007) / Корнелия Функе. Чернильная смерть (М. М. Сокольская, 2012)) [Там же].

(8) *Смотрит на нас с потолка внимательным* ***серо-голубым взглядом своим***. // *Schaut freundlich von der Decke herab* ***mit seinen graublauen Augen*** (Владимир Сорокин. День опричника (2006) / Vladimir Sorokin. Der Tag des Opritschniks (Andreas Tretner, 2008)).

(9) *»So, tut er das?« Orpheus musterte Farid erneut auf so herablassende Weise, dass er ihm am liebsten gegen die plumpen Knie getreten hätte, wäre da nicht der Höllenhund gewesen, der ihn immer noch* ***mit hungrigen Augen*** *anstierte*. // *— Ах вот как? Орфей снова смерил Фарида таким высокомерным взглядом, что мальчику больше всего хотелось пнуть его под толстые колени — но рядом с ним таращился* ***голодными глазами*** *адский пес* (Cornelia Funke. Tintenblut (2005) / Корнелия Функе. Чернильная кровь (М. М. Сокольская, 2007)).

(10) ***Ein ungeübteres Auge*** *hätte sie für Bienennester gehalten, aber sie waren kleiner und etwas heller, fast so hell wie die Rinde, die sich von dem hohen Stamm schälte.* // ***Непривычный взгляд*** *принял бы их за осиные гнезда, но они были меньше и немного светлее, почти такие же светлые, как кора, отстававшая от высокого ствола* (Cornelia Funke. Tintenblut (2005) / Корнелия Функе. Чернильная кровь (М. М. Сокольская, 2007)) [Там же]. **Auge — ‘глаз’.**

Примеры параллельных испанских и русских текстов:

(1) *Tras dos o tres escalas durante la travesía,* ***sus oídos habían aprendido a leer el protocolo*** *y la cacofonía que destilaba una maniobra de atraque, desde el correr de las amarras y el martilleo de las cadenas del ancla hasta los quejidos del armazón bajo la tensión del casco al ser arrastrado contra el muelle.* // *После двух-трех остановок в промежуточных портах* ***он научился на слух определять основные этапы маневра швартовки*** *и звуки, которыми она сопровождалась, начиная от подачи швартовых концов и грохота якорной цепи до скрипа и стенаний шпангоутов из-за напряжения корпуса, когда судно подтягивали к пристани* (Carlos Ruiz Zafón. El Laberinto de los Espíritus (2016) / Карлос Руис Сафон. Лабиринт призраков (Е. Антропова, 2018)) [НКРЯ]. ***Sus oídos habían aprendido a leer el protocolo*** **— ‘его уши научились определять протокол’.**

(2) ***Sus oídos, acostumbrados al profundo silencio del lago****, conmovíanse dolorosamente con los rugidos de los instrumentos, que hacían temblar las paredes de barro de las barracas*. // ***Привыкшій къ безмолвію озера слухъ*** *болѣзненно воспринималъ ревъ инструментовъ, отъ котораго дрожали обмазанныя иломъ стѣны хатъ* (Vicente Blasco Ibáñez. Cañas y barro (1902) / Висенте Бласко Ибаньес. Дѣтоубійцы (Илъ и тростникъ) (В. М. Фриче, 1911)) [Там же]. ***Sus oídos, acostumbrados al profundo silencio*** **— 'его уши, привыкшие к безмолвию'.**

(3) *Creo que el hábito de esconderse* ***había afinado el oído*** *a Pedro Tercero García y el instinto le advirtió el peligro*. // *Думаю, что привычка прятаться* ***обострила слух Педро*** *Терсеро Гарсиа и инстинкт предупредил его об опасности* (Isabel Allende. La casa de los espíritus (1982) / Исабель Альенде. Дом духов (С. Николаева, 2002)) [Там же].

3.2. Стратегии перевода высказываний с предикатами эмоций и действий: тенденция указывать вместо органа его часть

Еще одной особенностью высказываний на французском, немецком и португальском языках является тенденция указывать часть органа, участвующего в описываемом процессе, например, не глаз, а зрачок.

Приведем примеры параллельных французских и русских текстов:

(1) *Couchés sur le ventre au milieu de l'herbe, ils restaient l'un en face de l'autre, à* ***se regarder, plongeant dans leurs prunelles****, altérés d'eux — mêmes, s'en assouvissant toujours, puis, les paupières entrefermées, ne parlant plus*. // *Оба они ложились на траву,* ***подолгу смотрели в глаза друг другу****, пробуждая желание, затем утоляли его и, смежив веки, погружались в молчание* (Gérard Genette. Figures I (1966) / Жерар Женетт. Фигуры I (Е. Васильева, Е. Гальцова, Е. Гречаная, И. Иткин, С. Зенкин, Н. Перцов, И. Стаф, Г. Шумилова, 1998)) [НКРЯ]. ***Ils restaient l'un en face de l'autre, à se regarder, plongeant dans leurs prunelles*** **≈ 'подолгу смотрели в зрачки друг другу'.**

(2) *Аннушка к* ***самым глазам*** *подносила драгоценность, и* ***глаза эти горели*** *совершенно волчьим огнем*. // *Annouchka examina l'objet de tout* ***près et ses prunelles s'enflammèrent****, comme ceux d'un loup affamé* (Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 2) (1929—1940) / Mikhaïl Boulgakov. Le Maître et Marguerite (p. 2) (Claude Ligny, 1968)) [Там же]. ***Ses prunelles s'enflammèrent*** **— 'зрачки эти горели'.**

(3) *Я взглянул на нее:* ***глаза ее тихо светились****, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку*. // Je la regardai; une douce **lumière brillait au fond de ses prunelles**, et elle me souriait, comme à travers un léger nuage (И. С. Тургенев. Первая любовь (1860) / Ivan Tourgueniev. Premier Amour (Michel-Rostislav Hofmann, 1974)) [Там же]. ***Une douce lumière brillait au fond de ses prunelles*** **— 'нежный свет сверкал в глубине ее зрачков'.**

Приведем примеры параллельных немецких и русских текстов:

(1) *Erledigt, jedes Mauseloch, eine Kolonie Maulwurfshügel und immer wieder meine Großmutter, die dasaß wie gewachsen, Seufzer ausstieß,* ***die Pupillen unter die Lider zog****, doch das Weiße sehen ließ, die die kaschubischen Vornamen aller Heiligen aufzählte — was eines nur mäßig brennenden Feuerchens und zweier umgestürzter Kartoffelkörbe wegen leidvoll betont und laut wurde. // Их подозрения устремлялись даже на самый чахлый кустарник, на каждую мышиную норку, на целую колонию кротовых холмиков и — снова и снова — на мою бабку, которая сидела, словно приросши к месту, испускала вздохи,* ***закатывала глаза****, но так, чтобы белок оставался виден, перечисляла имена всех кашубских святых, но слабо тлеющий костерок и две опрокинутые корзины навряд ли могли объяснить слишком скорбные и слишком громкие вздохи* (Günter Grass. Blechtrommel (1959) / Гюнтер Грасс. Жестяной барабан (С. Л. Фридлянд, 1997)) [НКРЯ]. ***Pupille* — ‘зрачок’**.

(2) ***Ihre Pupillen*** *scheinen einen Augenblick zu zittern. //* ***Ее глаза*** *вдруг начинают странно мерцать, как будто дрожат зрачки* (Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956) / Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск (Р. С. Эйвадис, 2015)) [Там же].

(3) *Петр подскочил к Шакловитому, глазами вровень, — так был высок, — глядел в* ***обезумевшие Федькины глаза****… // Peter war auf Schaklowity zugesprungen, Auge in Auge — von so hohem Wuchs war er —* ***starrte er in Fedjkas irre Pupillen****…* (А. Н. Толстой. Петр Первый (1929—1943) / Alexei Tolstoi. Peter der Erste (Maximilian Schick, 1944)) [Там же].

(4) *»Erledigt!«, lehnte sich zurück, kreuzte die Arme über der Brust und sah mit herausforderndem Blick auf Czentovic.* ***Ein heißes Licht glomm plötzlich in seiner Pupille****. Unwillkürlich beugten wir uns über das Brett, um den so triumphierend angekündigten Zug zu verstehen. Auf den ersten Blick war keine direkte Bedrohung sichtbar. // — Так, теперь с этим покончено. Потом он откинулся в кресле, скрестил руки на груди и вызывающе посмотрел на Чентовича. В* ***глазах его сверкнул огонек.*** *Мы все невольно склонились над доской, стараясь, сообразить, что означал этот торжествующий возглас, но прямой угрозы королю мы не увидели* (Stefan Zweig. Schachnovelle (1941) / Стефан Цвейг. Шахматная новелла (В. Ефанова, 1956)) [Там же].

(5) *Zwischen den engen Wänden herrschte ein dämmriges Halbdunkel; ein Lichtstrahl zauberte ein paar spitze* ***Lichter in ihre Pupillen****. // В тесной каморке стояла полутьма; случайно забредший сюда солнечный луч зажег две* ***искорки в ее глазах*** (Dieter Noll. Die Abenteuer des Werner Holt. Roman einer Jugend (1960) / Дитер Нолль. Приключения Вернера Хольта (В. Курелла, Р. Гальперина, 1962)) [Там же].

(6) *Ihr Verdacht traf jedes noch so heruntergekommene Gebüsch, jedes Mauseloch, eine Kolonie Maulwurfshügel und immer wieder meine Großmutter, die dasaß wie gewachsen, Seufzer ausstieß,* ***die Pupillen unter die Lider zog****, doch das Weiße sehen ließ, die die kaschubischen Vornamen aller Heiligen aufzählte — was eines nur mäßig brennenden Feuerchens und zweier umgestürzter Kartoffelkörbe wegen leidvoll betont und laut wurde*. // *Их подозрения устремлялись даже на самый чахлый кустарник, на каждую мышиную норку, на целую колонию кротовых холмиков и — снова и снова — на мою бабку, которая сидела, словно приросши к месту, испускала вздохи,* ***закатывала глаза****, но так, чтобы белок оставался виден, перечисляла имена всех кашубских святых, но слабо тлеющий костерок и две опрокинутые корзины навряд ли могли объяснить слишком скорбные и слишком громкие вздохи* (Günter Grass. Blechtrommel (1959) / Гюнтер Грасс. Жестяной барабан (С. Л. Фридлянд, 1997)) [Там же].

(7) *Bei allen, wenn sie in der Sonne lagen, tauten die Augen zuerst. Sie verloren den gläsernen Schein,* ***und die Pupillen wurden quallig***. // *У всех, когда они лежали на солнце, сперва оттаивали* ***глаза. Теряли стеклянный блеск, делались студенистыми*** (Erich Maria Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben (1954) / Эрих Мария Ремарк. Время жить и время умирать (Н. Н. Федорова, 2017)) [Там же].

Приведем примеры параллельных португальских и русских текстов:

(1) *O velho sorri, triste.* ***Descem-lhe as pálpebras*** *enquanto sacode a cabeça. Um suspiro apaga a fronteira entre resignação e paciência*. // *Старик грустно усмехается.* ***Прикрывает глаза****, мотает головой. Вздох размывает границу между смирением и упрямством* (Mia Couto. Venenos de Deus, Remédios do Diabo (2008) / Миа Коуту. Божьи яды и чертовы снадобья (Е. Хованович, 2012) [НКРЯ]. ***Descem-lhe as pálpebras*** **— 'прикрывает веки'.**

(2) *Aproximou o rosto e vi-lhe as* ***pupilas raiadas de sangue***. // Приблизил ко мне свое лицо, и я увидел близко **глаза, белки с ярко-красными прожилками** (José Eduardo Agualusa. O Vendedor de Passados (2004) / Жузе Эдуарду Агуалуза. Продавец прошлого (Т. Родименко, 2013)) [Там же]. ***Pupilas raiadas de sangue*** **— 'зрачки с красными прожилками';** ***pupila*** **— 'зрачок'.**

4. Заключение = Conclusions

Объектом нашего исследования был анализ переводов художественных текстов, описывающих ощущения, эмоции, движения, поведение и действия человека, с русского языка на другие языки — английский, немецкий, испанский, португальский, французский языки — и, наоборот, переводов иноязычных текстов данной тематики на русский язык. Как по-

казало исследование, одной из стратегий перевода высказываний с рассматриваемыми предикатами является обращение к компонентам прототипических ситуаций этих эмоций: взгляд — глаз, слух — ухо.

Были установлены следующие закономерности:

1. Одной из особенностей высказываний на указанных языках является тенденция при описании каких-либо движений, действий, эмоций указывать орган, участвующий в этом движении, действии, ощущении. Например, не взгляд, а глаз, не слух, а ухо.

2. Другой особенностью является тенденция указывать не орган, а часть органа, участвующего в описываемом процессе, например, не глаз, а зрачок, не глаз, а веко.

Новизна исследования заключается в том, что при всем многообразии прекрасных и глубоких работ по переводоведению рассматриваемый аспект не выступал ранее предметом анализа.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru/new (дата обращения 02.09.2024).

Литература

1. *Дронов П. С.* Употребление и лексико-грамматические изменения идиом с соматическими компонентами glava ‘голова’, vrat ‘шея’ в сербском и хорватском языках : корпусное исследование / П. С. Дронов // Acta Linguistica Petropolitana. — 2020. — Т. 16.2. — С. 77—101. — DOI: 10.30842/alp2306573716204.

2. *Дудик (Кочелаева) Н. А.* Проблема универсальных стратегий в переводе / Н. А. Дудик (Кочелаева) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. — 2011. — № 615. — С. 45—56.

3. *Иоанесян Е. Р.* Лексические трансформации при переводе / Е. Р. Иоанесян // Научный диалог. — 2016. — № 3 (51). — С. 29—41.

4. *Каразия А. А.* К вопросу о коррекционных добавлениях в последовательном переводе / А. А. Каразия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 3—1. — С. 133—136.

5. *Коммуникативная* теория перевода (испанский язык) / [Редкол. : С. И. Канонич (отв. ред.) и др.]. — Москва : МГПИИЯ, 1988. — 139 с.

6. *Ларина Т. В.* Англичане и русские : Язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. — Москва : Языки Славянской культуры, 2013. — 360 с. — ISBN 978-5-9551-0465-2.

7. *Нестерова Н. М.* Теория перевода и лингвистика текста : точки пересечения / Н. М. Нестерова // Профили языка : социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера. — Москва : Буки Веди, 2015. — С. 186—195. — ISBN 978-5-4465-0595-1.

8. *Левый И.* Искусство перевода / И. Левый ; Пер. С чешского Вл. Россельса. — Москва : Прогресс, 1974. — 400 с.

9. *Нуриев В. А.* Переводоведение: перспективы развития / В. А. Нуриев // Профили языка : социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сб. трудов к 90 летию со дня рождения А. Д. Швейцера / Отв. ред. Н. С. Бабенко, В. А. Нуриев. — Москва : Буки-Веди, 2014. — С. 196—206.

10. *Нуриев В. А.* Теория перевода и поэтический перевод : современный статус дисциплины. Проблемы и решения / В. А. Нуриев // Вестник Московского университета. Серия 22 : Теория перевода. — 2015. — № 1. — С. 108—116.

11. *Разлогова Е. Э.* О нейтральном переводе / Е. Э. Разлогова // Профили языка : социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера / Отв. ред. Н. С. Бабенко, В. А. Нуриев. — Москва : Буки-Веди, 2014. — С. 243—250. — ISBN 978-5-4465-0595-1.

12. *Разлогова Е. Э.* Языковая синестезия сквозь призму стилистических фигур / Е. Э. Разлогова, П. В. Ярошенко // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 77. — С. 66—84. — DOI: 10.17223/19986645/77/3.

13. *Разумовская В. А.* Переводческие ошибки как результат асимметрии языков перевода / В. А. Разумовская // Перевод и сопоставительная лингвистика. — 2015. — Выпуск 11. — С. 10—12.

14. *Ромашко С. А.* Переводчик как посредник : коммуникативные и межкультурные аспекты / С. А. Ромашко // Профили языка : социолингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика. Сборник трудов к 90-летию со дня рождения А. Д. Швейцера. — Москва : Буки Веди, 2015. — С. 251—267.

15. *Тороп П.* Процесс перевода и некоторые методологические проблемы переводоведения / П. Тороп // Учёные записки Тартуского государственного университета. — 1982. — Выпуск 576. — С. 10—23.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024,
одобрена после рецензирования 28.10.2024,
подготовлена к публикации 03.12.2024.

Material resources

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 02.09.2024). (In Russ.).

References

Dronov, P. S. (2020). The use and lexical and grammatical changes of idioms with somatic components glava ‘head’, vrat ‘neck’ in Serbian and Croatian languages: a corpus study. *Acta Linguistica Metropolitana, 16.2:* 77—101. DOI: 10.30842/alp2306573716204. (In Russ.).

Dudik (Kochelaeva), N. A. (2011). The problem of universal strategies in translation. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University, 615:* 45—56. (In Russ.).

Ioanesyan, E. R. (2016). Lexical transformations in translation. *Nauchnyi dialog, 3 (51):* 29—41. (In Russ.).

Kanonich, S. I. (ed.). (1988). *Communicative theory of translation (Spanish).* Moscow: MGPIIA. 139 p. (In Russ.).

Karasia, A. A. (2016). On the issue of correctional additions in sequential translation. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 3—1:* 133—136. (In Russ.).

Larina, T. V. (2013). *The British and Russians: Language, culture, communication.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 360 p. ISBN 978-5-9551-0465-2. (In Russ.).

Levy, I. (1974). *The Art of translation.* Moscow: Progress. 400 p. (In Russ.).

Nesterova, N. M. (2015). Theory of translation and linguistics of text: points of intersection. In: *Language profiles: sociolinguistics, national variation, translation studies, contrastive stylistics. Collection of works dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. D. Schweitzer.* Moscow: Buki Vedi. 186—195. ISBN 978-5-4465-0595-1. (In Russ.).

Nuriev, V. A. (2014). Translation studies: prospects for development. In: *Language profiles: sociolinguistics, national variation, translation studies, contrastive stylistics. Collection of works on the 90th anniversary of the birth of A. D. Schweitzer.* Moscow: Buki-Vedi. 196—206. (In Russ.).

Nuriev, V. A. (2015). Theory of translation and poetic translation: the modern status of the discipline. Problems and solutions. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22: Theory of Translation, 1:* 108—116. (In Russ.).

Razlogova, E. E. (2014). On neutral translation. In: *Language profiles: sociolinguistics, national variation, translation studies, contrastive stylistics. Collection of works on the 90th anniversary of the birth of A. D. Schweitzer.* Moscow: Buki-Vedi. 243—250. ISBN 978-5-4465-0595-1. (In Russ.).

Razlogova, E. E., Yaroshenko, P. V. (2022). Linguistic synesthesia through the prism of stylistic figures. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 77:* 66—84. DOI: 10.17223/19986645/77/3. (In Russ.).

Razumovskaya, V. A. (2015). Translation errors as a result of asymmetry of translation languages. *Translation and comparative linguistics, 11:* 10—12. (In Russ.).

Romashko, S. A. (2015). Translator as an intermediary: communicative and intercultural aspects. In: *Language profiles: sociolinguistics, national variation, translation studies, contrastive stylistics. Collection of works dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. D. Schweitzer.* Moscow: Buki Vedi. 251—267. (In Russ.).

Torop, P. (1982). The translation process and some methodological problems of translation studies. *Scientific notes of the Tartu State University, 576:* 10—23. (In Russ.).

The article was submitted 19.08.2024;
approved after reviewing 28.10.2024;
accepted for publication 03.12.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лю Мяо. Научные переводы «Да-сюэ» в России XIX века: сопоставление подходов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова / Лю Мяо // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 43—64. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-43-64.

Liu Miao. (2024). Scientific Translations of "Da-xue" in 19th Century Russia: A Comparative Analysis of Approaches of Nikita Bichurin and Dmitry Sivillov. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 43-64. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-43-64. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Научные переводы «Да-сюэ» в России XIX века: сопоставление подходов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова

Лю Мяо
orcid.org/0000-0003-2346-0600
кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы Института иностранных языков
liumiaolm@pku.edu.cn

Пекинский университет
(Пекин, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Национального крупного культурного проекта Китая «Глобальный проект по систематизации древних китайских» проект № HBY201911

Scientific Translations of "Da-xue" in 19th Century Russia: A Comparative Analysis of Approaches of Nikita Bichurin and Dmitry Sivillov

Liu Miao
orcid.org/0000-0003-2346-0600
PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian and Literature, Institute of Foreign Languages
liumiaolm@pku.edu.cn

Peking University
(Beijing, China)

Acknowledgments:
This research was supported by the National Major Cultural Project of China "Global Project for the Systematization of Ancient Chinese," project № HBY201911

© Лю Мяо, 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья представляет сравнительный анализ двух переводов конфуцианского текста «Да-сюэ», выполненных выдающимися российскими синологами Н. Я. Бичуриным и Д. П. Сивилловым в XIX веке. Целью исследования является сопоставление подходов ученых к переводу и интерпретации классического китайского философского текста. Материалом исследования служат рукописи переводов и оригинальные китайские канонические книги. Результаты исследования демонстрируют высокую научную точность обоих переводов при различии в подходах. Перевод Бичурина, основанный на учебном пособии эпохи Цин, отличается богатством комментариев и культурологических пояснений. Работа Сивиллова, опирающаяся на оригинальный текст «Да-сюэ», характеризуется лаконичностью и верностью оригиналу. Анализ выявляет различия в переводческих стратегиях ученых. Бичурин стремился к более буквальному переводу и сохранению культурно-специфических элементов, тогда как Сивиллов адаптировал текст для русского читателя. Оба перевода внесли значительный вклад в развитие методологии научного перевода китайской классики в России XIX века. Исследование подчеркивает ценность этих работ для изучения конфуцианской философии и истории российского китаеведения. Результаты исследования могут найти применение в современных переводческих практиках и в преподавании истории китаеведения.

Ключевые слова:
Да-сюэ; переводоведение; Никита Бичурин; Дмитрий Сивиллов; конфуцианство; китаеведение в России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents a comparative analysis of two translations of the Confucian text “Da-xue,” undertaken by prominent Russian sinologists N. Ya. Bichurin and D. P. Sivillov in the 19th century. The aim of the study is to juxtapose the scholars’ approaches to translating and interpreting this classical Chinese philosophical text. The research material consists of manuscript translations and original Chinese canonical texts. The findings demonstrate a high level of scholarly accuracy in both translations, despite differences in methodology. Bichurin’s translation, based on a Qing dynasty educational resource, is distinguished by its rich commentary and cultural explanations. In contrast, Sivillov’s work, which relies on the original “Da-xue” text, is characterized by its conciseness and fidelity to the source. The analysis reveals divergent translation strategies employed by the scholars: Bichurin aimed for a more literal translation while preserving culturally specific elements, whereas Sivillov adapted the text for the Russian readership. Both translations significantly contributed to the development of scientific translation methodology for Chinese classics in 19th century Russia. The study underscores the value of these works for the understanding of Confucian philosophy and the history of Russian sinology. The results may find application in contemporary translation practices and in teaching the history of sinology.

Key words:
Da-xue; translation studies; Nikita Bichurin; Dmitry Sivillov; Confucianism; sinology in Russia.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'255.2
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-43-64

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научные переводы «Да-сюэ» в России XIX века: сопоставление подходов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова

© Лю Мяо, 2024

1. Введение = Introduction

В истории российского китаеведения XIX век занимает особое место как период становления научного подхода к изучению китайской культуры и философии. Одним из ключевых произведений конфуцианского канона, привлекших внимание российских ученых того времени, стал трактат «Да-сюэ» («Великое учение»).

«Да-сюэ» является частью «Четверокнижия», оказавшего определяющее влияние на духовную культуру Китая, Кореи, Японии и Вьетнама, именуемых странами конфуцианского культурного региона [Переломов, 2004, с. 10]. На протяжении веков «Да-сюэ» играл важную роль в китайской философской и образовательной традиции, оказывая значительное влияние на формирование мировоззрения и ценностей китайского общества.

Знакомство российской интеллектуальной среды с «Да-сюэ» началось еще в XVIII веке. Первые переводы [Фонвизин, 1779; Леонтьев, 1780] этого текста на русский язык носили преимущественно политический характер, часто используясь как инструмент критики существующего строя. Такой подход отражал не столько интерес к китайской философии, сколько поиск альтернативных моделей общественного устройства. Однако XIX век ознаменовался значительными изменениями в восприятии и интерпретации китайской классики в России. А. И. Кобзев отмечает: «Бурный всплеск переводческого интереса к <Да-сюэ> в XIII веке весьма неожиданно на первый взгляд, но в действительности вполне закономерно сменился в XIX веке общественным забвением. Причиной стала утрата функции экзотичного инструмента социально-политической критики, которая нашла себе не косвенные, а прямые способы выражения» [Кобзев, 2014, с. 40]. Эта трансформация совпала с формированием научного китаеведения в России как самостоятельной академической дисциплины. Возник более глубокий, сугубо синологический интерес к «Да-сюэ», что

привело к появлению новых переводов, основанных на оригинальных текстах и учитывающих культурный и философский контекст произведения. В этом процессе ключевую роль сыграли выдающиеся ученые Н. Я. Бичурин и Д. П. Сивиллов.

Н. Я. Бичурин (1777—1853), известный также как отец Иакинф, возглавлял девятую Российскую духовную миссию в Пекине и внес значительный вклад в развитие российской синологии. Он дважды переводил «Да-сюэ»: в 1820 и 1834 годах. Д. П. Сивиллов (1798—1871), участник десятой миссии и впоследствии первый заведующий кафедрой китайского языка в Казанском университете, создал три версии перевода «Да-сюэ» между 1828 и 1842 годами. Их переводы «Да-сюэ» заложили основу для дальнейшего изучения китайской классической литературы в России, открыв новую страницу в истории российско-китайского культурного диалога. «До Н. Я. Бичурина фундаментальные произведения китайской классики хотя и привлекали внимание русских и западных ученых и миссионеров, но переводились неполностью, в виде извлечений или пересказов китайских текстов. Причем и они часто выполнялись не с китайского оригинала, а с текстов, переведенных на маньчжурский язык» [Мясников и др., 2002, с. 1103].

Несмотря на высокую научную ценность, переводы Бичурина и Сивиллова долгое время оставались неопубликованными. Перевод Бичурина до сих пор существует только в рукописном виде, а работа Сивиллова была опубликована лишь в 2012 году [Кобзев, 2012, с. 43—52]. Тем не менее эти переводы сыграли важную роль в развитии российского китаеведения, активно используясь в образовательных целях и формируя основу для преподавания китайского языка и литературы в российских университетах [Хохлов, 2014, с. 507].

Настоящее исследование посвящено сравнительному анализу переводов «Да-сюэ», выполненных Н. Я. Бичуриным (1834 г.) и Д. П. Сивилловым (1841—1842 годы). Актуальность данной работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, рукопись перевода Бичурина 1834 года до недавнего времени оставалась практически неизученной. Лишь в последнее время появились первые детальные исследования этой рукописи, позволившие определить оригинальный текст и провести предварительный анализ перевода. Во-вторых, несмотря на то, что рукопись перевода Сивиллова 1841—1842 годов была опубликована в 2012 году, лингвистические и переводческие аспекты этой работы до сих пор остаются малоизученными. В-третьих, сравнительный анализ этих двух переводов представляет собой новое направление исследования, которое позволяет более глубоко понять эволюцию методологических подходов к переводу китай-

ских классических текстов в России XIX века. Итак, новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу переводов «Да-сюэ», выполненных Бичуриным и Сивилловым. В отличие от предыдущих работ, где эти переводы рассматривались изолированно или в общем контексте истории российской синологии, данное исследование фокусируется на сравнительном анализе переводческих подходов и языковых особенностей переводов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цеями настоящего исследования стали выявление и анализ особенностей переводов трактата «Да-сюэ», выполненных Н. Я. Бичуриным (1834 год) и Д. П. Сивилловым (1841—1842 годы), а также сопоставление их переводческих стратегий и подходов к интерпретации конфуцианской философии.

Материалом исследования послужили рукописи переводов «Да-сюэ» [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 71 л.], выполненных Н. Я. Бичуриным в 1834 году и Д. П. Сивилловым в 1841—1842 годах [Кобзев, 2014, с. 241—249]. Кроме того, в качестве материала использовались оригинальные китайские тексты «Да-сюэ», в том числе «Медное издание Четверокнижия с комментариями и объединенными толкованиями» («銅板四書遵註合講») [Вэн Фу, 1810, л. 39], на которое опирался Бичурин, и текст «Да-сюэ чжанцзюй» [Чжу Си, 2012]. («大学章句»), который использовал Сивиллов.

Методология исследования основана на комплексном подходе, сочетающем методы текстологического и лингвокультурологического анализа. Текстологический анализ применяется для сопоставления переводов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова с оригинальными текстами и выявления особенностей их переводческих стратегий. Лингвокультурологический анализ используется для интерпретации культурных коннотаций и особенностей передачи китайских реалий в русском языке. Дополнительно в работе применяются элементы сравнительно-исторического и компонентного анализа, а также статистические методы.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют работы ведущих ученых в рамках четырех основных направлений: история российского китаеведения, изучение жизни и научного наследия Н. Я. Бичурина, исследования, посвященные Д. П. Сивиллову, и анализ переводов «Да-сюэ».

В русле первого направления развитие российской синологии в XIX веке подробно рассмотрено в трудах русских исследователей [Бичурин, 2002; Скачков, 1977; Мясников, 1996]. Эти работы создают контекст для понимания значимости деятельности отдельных ученых в развитии

китаеведения. Второе направление охватывает многочисленные исследования жизни и научного наследия Н. Я. Бичурина. Эти работы раскрывают различные аспекты его деятельности: биографию, научные труды, вклад в развитие синологии, рукописное наследие и связи с современниками [Адоратский, 1886; Моллер, 1888; Бернштам, 1950; Чугуевский, 1966; Белкин, 1974; Тихвинский и др., 1977; Мясников и др., 2002; Хохлов, 2002; Денисов, 2007]. Третье направление представлено исследованиями, посвященными Д. П. Сивиллову. Хотя эти работы менее многочисленны, они охватывают его жизнь, научный вклад и роль в распространении китайской классической литературы [Чжан Сипин, 2006; Чэнь Цзяньхуа, 2007; Петухова, 2014; Хохлов, 2014; Юй Сэньлинь, 2015; у Сюэмэн, 2016; Стеженская, 2021]. Четвертое направление представляют исследования, посвященные анализу переводов «Да-сюэ», выполненных Бичуриным и Сивилловым. В этой области выделяются работы А. И. Кобзева, содержащие оценку вклада обоих ученых в развитие российской синологии [Кобзев, 2012; Кобзев, 2014]. Кроме того, следует отметить новейшее исследование Лю Мяо о рукописи Бичурина в 1834 году [Лю Мяо, 2024]. Рассмотренные исследования охватывают широкий спектр вопросов, связанных с развитием российской синологии в XIX веке, жизнью и научным наследием Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова, а также анализом их переводов «Да-сюэ». Опора на эти исследования позволяет провести более детальный сравнительный анализ переводов «Да-сюэ», выполненных Бичуриным и Сивилловым, и оценить их значение для развития российской синологии и восприятия китайской философии в российском научном сообществе.

Процедура анализа материала основана на комплексном изучении научных взглядов Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова, а также сравнительном анализе их переводов «Да-сюэ». Исследование начинается с рассмотрения академических взглядов обоих переводчиков, что позволяет понять контекст их работы. Далее проводится детальное сопоставление переводов по четырем ключевым аспектам: выбор оригинального текста, структура и содержание перевода, особенности комментариев и переводческие стратегии.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Научные взгляды Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова

3.1.1. Никита Яковлевич Бичурин

Научное наследие Бичурина впечатляет своим объемом и разнообразием: он является автором более ста научных трудов и переводов. Его работы стали краеугольным камнем в изучении истории Китая и этногеографии сопредельных народов XVIII века для синологов всего мира. Труды Бичурина не только получили широкое признание в западном научном сообще-

стве, но и способствовали пересмотру многих устоявшихся, но ошибочных представлений о китайской истории, культуре, экономике и географии. Влияние научных изысканий Бичурина на развитие мировой синологии трудно переоценить. «В трудах Бичурина достижения европейской науки впервые были обогащены достижениями науки китайской. Он оценил то, что максимально полный охват материала и непреложность факта на протяжении многих веков оставались главными принципами китайской историографии. Ему удалось соединить рационализм и практицизм китайского историописания с западным сопоставительным исследовательским методом. Фактически он был первым европейским учёным, осознавшим подлинное значение китайской гуманитарной науки и признавшим её равную ценность с западной» [Мясников и др., 2002, с. 1104].

Научное наследие Бичурина, хотя и сконцентрировано преимущественно в области регионоведения и страноведения Китая, охватывая широкий спектр вопросов истории, географии и социально-экономического развития страны, не ограничивается лишь этими аспектами. Значительное внимание в своих исследованиях Бичурин уделял также древнекитайской философской мысли. Особого внимания заслуживает его глубокое понимание ключевой роли конфуцианского канона в системе национального образования Китая. По этому поводу Бичурин писал: «Китайцы не имеют учебных книг, коих содержание было бы приведено в порядок по связи предметов одного с другим; а классическими приняты: Четырехкнижие — Сы-шу и Пять канонических книг — Ву-цзин, которые по их древности и важности содержания признаны основными и перед всеми другими книгами имеют такую же важность, как у христиан правильные библейские книги» [Бичурин, 2002, с. 211—212]. Бичурин был глубоко убежден в их ключевой роли для достижения подлинного мастерства в китайском языке и всестороннего понимания китайской цивилизации. Работая над переводом «Четверокнижия», Бичурин пришел к выводу: «умеющий читать этот свод сможет понимать любой другой китайский текст» [Денисов, 2007, с. 67—68].

Из двух переводов конфуцианского канона «Да-сюэ», выполненных Н. Я. Бичуриным в 1820 и 1834 годах, для анализа в данной статье выбран перевод 1834 года. Этот выбор обусловлен тем, что поздняя версия отражает не только зрелость Бичурина как переводчика, но и его глубокое понимание китайской культуры, сформировавшееся за годы пребывания в Пекине и последующей научной деятельности.

3.1.2. Дмитрий Петрович Сивиллов

Основные научные интересы Сивиллова были сосредоточены на древнекитайской философии и классических текстах. Он глубоко изучал и переводил работы Конфуция и Лао-цзы. Его перевод «Дао-дэ-цзина» [ОРРК

НБ КГУ, № 4485, 13 л.], выполненный в 1826 году, считается одним из классических не только в российской, но и в мировой синологии.

Сивиллов высоко ценил китайскую философскую мысль и стремился донести ее до российского читателя. В своей работе «Краткое обозрение трёх существующих в Китае вероисповеданий, известных под именем конфуцианского, даосского и фоевского [буддийского]», он писал: «Китайская нравственность может не ограничиваться одними нравственными наставлениями. По своему влиянию на политику государства её можно называть нравственно-политическою философиею или политикою» [Хохлов, 2014, с. 28].

Особое внимание Сивиллов уделял «Четверокнижию». Он отмечал: «Среди священных книг, из которых китайцы черпают как из чистого источника всякое просвещение и ведение, первое место занимает <Сы-шу>, или Четырёхкнижие, которое составляет главный предмет китайской учёности. В сейто книге заключаются те непреложные истины, кои, по мнению учёных китайцев, доставили Конфуцию яко первейшему и главнейшему автору оной и беспримерную славу его потомства и титул учителя правителей и главного начальника для тех, кои чрез науки достигают учёных степеней в Китае и делаются способными к несению государственной службы» [Хохлов, 2014, с. 29]. Сивиллов трижды переводил «Да-сюэ» на русский язык: в 1828 году во время пребывания в Пекине, а затем в 1840 и 1841—1842 годах, уже работая в Казанском университете. Наше исследование фокусируется на версии 1841—1842 годов, которая представляет собой кульминацию многолетних усилий Сивиллова по интерпретации этого ключевого конфуцианского текста и отражает его опыт преподавания китайского языка и литературы в академической среде.

Несмотря на различия в их основных научных интересах, и Бичурин, и Сивиллов признавали огромное значение «Да-сюэ» и других классических китайских текстов для понимания китайского языка и культуры. Их переводы характеризуются стремлением к научной точности и объективности, что отражает общую тенденцию в российском китаеведении XIX века к более систематическому и научному подходу к изучению китайской культуры и философии.

3.2. Сравнительный анализ переводов «Да-сюэ»

3.2.1. Выбор оригинального текста

Выбор исходного текста для перевода играет ключевую роль в синологических исследованиях, определяя не только структуру и содержание перевода, но и его культурологическую и научную значимость.

Н. Я. Бичурин, как установлено в статье Лю Мяо 2024 года, избрал в качестве основы для своего перевода 1834 года «Медное издание Четве-

рокнижия с комментариями и объединенными толкованиями» («銅板四書遵註合講»), учебное пособие для подготовки к государственным экзаменам Кэцзюй(科举) в эпохе Цин, изданное в 1810 году. Этот выбор имеет огромное значение, выходящее далеко за рамки обычного перевода канонического текста. Фактически, переводя это пособие, Бичурин осуществил всеобъемлющий перевод одного из важнейших культурных феноменов Китая—конфуцианской классики в том виде, в каком она преподносилась образованному классу. Этот текст включает не только оригинальный текст «Да-сюэ» и комментарии Чжу Си, но и выдержки из трудов различных ученых, подробные разъяснения и исторические справки. Таким образом, он содержит практически все ключевые концепции и основную информацию, которую должен был усвоить китайский интеллектуал того времени. Выбор Бичурина позволил ему представить русскоязычному читателю не только сам канонический текст, но и его глубокую интерпретацию в контексте конфуцианской традиции и системы образования в Китае эпохи Цин. Это делает перевод Бичурина уникальным источником, отражающим многогранное понимание и толкование «Да-сюэ» в китайской учебной традиции начала XIX века.

В отличие от Бичурина, Сивиллов избрал более традиционный академический подход. Для своих переводов, в том числе для версии 1841—1842 годов, он использовал в качестве оригинала текст «Да-сюэ», отредактированный и прокомментированный Чжу Си. Этот выбор отражает стремление Сивиллова к точной передаче канонического текста и его классического толкования, что позволило ему сосредоточиться на ключевых философских концепциях «Да-сюэ».

Можно сказать, что эти два перевода дополняют друг друга: работа Бичурина предоставляет широкую панораму понимания и толкования «Да-сюэ» в китайской традиции, в то время как перевод Сивиллова дает более сжатое, но не менее точное представление канонического текста с позиции чистой академической науки.

3.2.2. Структура и содержание переводов

Анализ структуры и содержания переводов «Да-сюэ», выполненных Н. Я. Бичуриным и Д. П. Сивилловым, демонстрирует существенные различия, обусловленные прежде всего выбором оригинальных текстов. Бичурин, опираясь на учебное пособие для государственных экзаменов эпохи Цин, создал более обширный и многослойный перевод. Его работа не только включает все элементы, присутствующие в переводе Сивиллова, но и содержит значительный объем дополнительных толкований и информации. Масштаб работы Бичурина впечатляет: его перевод насчитывает 34 331 слово [Лю Мяо, 2024, с. 73], что значительно превышает объем

оригинального текста. Основываясь на «Медном издании Четверокнижия с комментариями и объединенными толкованиями» («銅板四書遵註合講»), Бичурин создал комплексный перевод, состоящий из нескольких частей. «Предисловие» (大学章句序) содержит введение к тексту, объясняющее его значение и происхождение. Основная часть «Да-сио, или Высшее учение» (大学) включает «Текст» (大学原文), представляющий собой канонический текст «Да-сюэ», и «Толкование» (朱熹章句) — разъяснения Чжу Си, раскрывающие смысл каждого параграфа. «Пояснение на текст» (诸儒辑要) представляет собой подборку классических интерпретаций текста, сделанных выдающимися конфуцианскими учеными за тысячелетний период, предшествующий созданию оригинала. «Пояснение на толкование» (翁復讲义) представляет собой систематизированные лекционные материалы учёного Вэн Фу (翁復), использовавшиеся в качестве учебного пособия при подготовке к государственным экзаменам. Эта часть содержит подробные разъяснения и комментарии к тексту «Да-сюэ», отражающие педагогическую практику и интерпретацию канона в контексте системы образования эпохи Цин. Завершающая часть «Конец» (大学人物考) представляет собой раздел, содержащий биографические справки и исторические сведения о ключевых фигурах, упомянутых в тексте «Да-сюэ», а также исторический контекст событий, описанных в каноне. Этот раздел играет важную роль в понимании исторического и культурного фона, на котором разворачиваются философские идеи «Да-сюэ». Особенно важно отметить, что основной текст «Да-сюэ» составляет лишь 5,9 % (что соответствует объему текста, переведенного Сивилловым) от общего объема перевода, в то время как 94,1 % приходится на дополнительные разъяснения и комментарии [Лю Мяо, 2024, с. 73]. Это свидетельствует о стремлении Бичурина предоставить русскоязычному читателю максимально полное истолкование текста в контексте китайской интеллектуальной традиции.

Д. П. Сивиллов, напротив, придерживался более традиционной академической структуры в своем переводе 1841—1842 годов. Его перевод в основном включает оригинальный текст «Да-сюэ», отредактированный и прокомментированный Чжу Си. Перевод Сивиллова реализует академический подход к переводу канонического текста.

Таким образом, переводы Бичурина и Сивиллова разносторонне представляют философское содержание и роль произведения «Да-сюэ» в китайской интеллектуальной традиции. Работа Бичурина отличается энциклопедичностью и широтой охвата различных интерпретаций текста, в то время как перевод Сивиллова представляет собой более концентрированное и академически строгое изложение канонического текста.

3.2.3. Подходы к переводу изложения ключевых конфуцианских концепций

Перевод положений ключевых конфуцианских концепций представляет собой одну из наиболее сложных задач при работе с текстом «Да-сюэ». Н. Я. Бичурин и Д. П. Сивиллов применили различные подходы к решению этой проблемы, что отражает как их индивидуальные переводческие стратегии, так и общие тенденции в российской синологии XIX века. Для наглядного сравнения подходов обоих переводчиков приведем таблицу, отражающую их варианты перевода основных положений концепций «Да-сюэ».

Таблица

Сравнение переводов положений основных концепций «Да сюэ» Бичуриным и Сивилловым = Comparison of Bichurins and Sivillov's Translations of Key Concepts in «Da Xue»

	Перевод Бичурина (1834)	**Перевод Сивиллова (1841—1842)**
明明德	просветить светлые добродетели	просвещение умственных способностей
新民	обновить народ	образование (обновление) народа
止于至善	остановиться на совершенном добре	поставление себя на верховном благе
格物致知	снискание познаний состоит в точном и ясном разумении вещей	снискание ясного разумения в вещах дабы возвести свои познания на высшую степень совершенства
诚意	стараться учинить мысли свои истинными	правильное мышление
正心修身	исправление сердца и улучшение себя	исправление своего сердца и усовершенствование самого себя
齐家	благоустроение своего дома	приведение своего дома в благоустройство
治国	управление государством	водворение порядка в царстве
平天下	водворение мира внутри империи	настанет мир в империи

В таблице указано, что переводы ключевых конфуцианских концепций, выполненные Бичуриным и Сивилловым, существенно различаются. Перевод Бичурина отличается большей близостью оригинальному тексту. Хотя его подход может вызвать у читателя некоторые затруднения в понимании, он точно отражает природу конфуцианской философии, которая характеризуется глубиной и многослойностью, требующей тщательного

изучения и интерпретации. Важно отметить, что выбор Бичуриным в качестве оригинала учебного пособия для государственных экзаменов Кэцзюй позволил ему включить в перевод обширные комментарии и толкования ключевых конфуцианских концепций. Эти разъяснения уже содержались в оригинальном тексте в различных формах. Например, в разделе «Пояснение на текст» (诸儒辑要) представлены толкования известных ученых, а в «Пояснение на толкование» (翁復讲义) даны дополнительные объяснения. Благодаря этому богатому контексту Бичурин мог более точно и детально передавать сложные философские термины, опираясь на имеющиеся в оригинале разъяснения. Это позволило ему создать перевод, который не только передает буквальное значение терминов, но и отражает их глубокий философский смысл в контексте конфуцианской традиции.

В противоположность этому, перевод Сивиллова, основанный только на тексте «Да-сюэ», отредактированном и прокомментированном Чжу Си, более лаконичен. Это позволило Сивиллову создать более доступный для читателя текст, снизив когнитивную нагрузку. Такой подход вполне оправдан для перевода меньшего объема, но он неизбежно лишает читателя возможности познакомиться с оригинальным текстом во всей его полноте и сложности. Следует отметить, что подход Бичурина можно считать «роскошным» в контексте перевода, так как крайне редко встречаются переводчики, которые способны так точно и полно передать все нюансы толкований ключевых конфуцианских концепций, предложенных различными учеными на протяжении веков.

3.2.4. Особенности комментариев и примечаний

Подходы Н. Я. Бичурина и Д. П. Сивиллова к комментированию текста «Да-сюэ» существенно различаются. Бичурин создал комплексную систему комментариев, в которой насчитывается 57 примечаний, включая пояснения к ключевым концепциям китайской культуры, географическим названиям, упоминаниям исторических личностей и философским идеям [Лю Мяо, 2024, с. 76]. Сивиллов же предпочитал включать краткие пояснения непосредственно в текст перевода, используя скобки для внесения дополнительной информации.

Конечно, может показаться, что 57 комментариев не столь значимы с учетом объема всей работы. Однако оригинальный текст, выбранный Бичуриным, уже содержит многочисленные толкования и пояснения. В этом контексте примечания Бичурина приобретают особую значимость, отражая его индивидуальные интерпретации, излагая те аспекты, которые переводчик считал существенными для понимания текста, помимо уже представленных толкований конфуцианских концепций. Комментарии Бичурина демонстрируют глубину его познаний в области китайской культуры. Приведем несколько примеров комментариев Н. Я. Бичурина:

— к ключевым концепциям: «Улучшать себя — значит отсекая худые навыки усовершать себя в добрых» (комментарий к понятию «修身») [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 15 л.];

— к географическим названиям: «Северная половина губернии Шаньдун составляла удел Ци. Главный город в Цин-Чжеу» (комментарий к упоминанию царства «齐») [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 65 л.];

— к упоминаниям исторических личностей: «Тхай-бо и Юй-чжун, будучи отчуждены от престола, ушли в 1231 году до РХ к монахам в губернию Хэ-нан, обрезали волосы себе, изпещрили тело и начали вести пастушескую жизнь» (комментарий к именам «泰伯, 虞仲») [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 66 л.];

— к философским концепциям: «Покой есть мирное, мыслями не колеблемое состояние души; спокойствие есть удовольственное состояние тела, происходящее от покоя души или яснее от чувствования в себе добра» (комментарий к различию понятий «静» и «安») [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 8 л.].

Приведенные примеры демонстрируют широту и глубину комментариев переводчика. Его подход можно охарактеризовать как энциклопедический: Бичурин не просто переводит текст, но и создает своего рода культурологический справочник, необходимый для его полноценного понимания. Особенно ценными являются его комментарии к ключевым философским концепциям, которые демонстрируют глубокое понимание Бичуриным нюансов конфуцианской мысли. Например, его разъяснение относительно несовпадения содержания понятий «静» (покой) и «安» (спокойствие) показывает тонкое различение внутренних состояний, характерное для китайской философии. Такой подход делает перевод Бичурина не просто лингвистическим переводоведческим проектом, но и культурологическим трудом, открывающим для российского читателя многогранный мир китайской мысли.

В отличие от Бичурина, Сивиллов вводит значительно меньше комментариев. Его подход заключается в кратком аннотировании наиболее важной контекстуальной информации непосредственно в тексте перевода, например: «В < Кан-гао> (глава в <Шу-цзине>) сказано: он (т. е. государь Вэнь-Ван)». Этот пример хорошо показывает характерные черты подхода Сивиллова. Его стиль отличается лаконичностью и сдержанностью в пояснениях к «Да-сюэ». Это различие во многом обусловлено выбором оригинального текста: Сивиллов опирался только на текст «Да-сюэ». Такой выбор источника уже предполагает академический подход к переводу, позволяет сохранить фокус на философском содержании «Да-сюэ» и не отвлекаться на обширные культурологические пояснения. Однако следует

отметить, что такой подход, хотя и соответствует академическим стандартам, может затруднить понимание текста читателями, не имеющими глубоких знаний о китайской культуре и философии. В сравнении с работой Бичурина, перевод Сивиллова предоставляет меньше контекстуальной информации, что можно рассматривать как определенное ограничение, свойственное его переводному произведению.

3.2.5. Стратегии переводов

Переводы «Да-сюэ», выполненные Н. Я. Бичуриным и А. И. Сивилловым, демонстрируют различные подходы к передаче древнекитайского текста на русский язык. Их переводческие стратегии значительно различаются, что проявляется в четырех основных аспектах: баланс между буквальным и вольным переводом, подход к передаче культурно-специфических элементов, выбор стилистического регистра, способы передачи философской терминологии. Рассмотрим каждый из этих аспектов подробнее.

(1) Баланс между буквальным и вольным переводом

Переводы «Да-сюэ», выполненные Н. Я. Бичуриным и Д. П. Сивилловым, демонстрируют различные подходы к балансированию между буквальным и вольным переводом древнекитайского текста на русский язык. Этот баланс отражает, насколько переводчики стремятся сохранить структуру и лексику оригинального текста или адаптировать их для лучшего понимания текста целевой аудиторией. Анализ этого аспекта позволяет понять, как переводчики решают дилемму между верностью оригиналу и доступностью для читателя. Рассмотрим пример:

Оригинал: 大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善 [Вэн Фу, 1810, л. 21].

Бичурин: «Закон Великого учения состоит в том, чтоб просветить светлые добродетели, обновить народ и остановиться на совершенном добре» [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 1834, л. 5].

Сивиллов: «Закон великого учения состоит в просвещении умственных способностей, в образовании (обновлении) народа, в поставлении себя на верховном благе» [Кобзев, 2014, с. 241].

Анализ: в данном примере мы видим, как Бичурин и Сивиллов поразному балансируют между буквальным и вольным переводом. Бичурин склоняется к более точному, буквальному подходу. Он сохраняет структуру оригинала, используя конструкцию «состоит в том, чтоб», которая точно соответствует китайскому «在». Кроме того, он передает «明明德» как «просветить светлые добродетели», сохраняя повтор иероглифа «明» в виде двух однокоренных слов. Сивиллов, напротив, выбирает более свободный подход. Он упрощает «明明德» до «просвещении способностей», избегая повтора и делая фразу более лаконичной. Это различие в подхо-

дах отражает разные цели переводчиков: Бичурин, вероятно, стремился передать структуру и особенности китайского оригинала, в то время как Сивиллов фокусировался на создании более естественного, аутентичного текста на русском языке.

(2) Подход к передаче культурно-специфических элементов

Передача культурно-специфических элементов является ключевым аспектом перевода философских текстов, отражающим, насколько переводчик стремится сохранить оригинальные культурные реалии или адаптировать их для целевой аудитории. Анализ этого параметра помогает понять, насколько перевод сохраняет «китайский колорит» оригинала. Пример:

Оригинал: 自天子以至于庶人，壹是皆以修身为本 [Вэн Фу, 1810, л. 22].

Бичурин: «От сына Неба даже до простолюдина — все без исключения улучшение самих себя должны почитать корнем» [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 1834, л. 15].

Сивиллов: «Усовершенствование же самого себя равно должно считаться за основание как для монарха, так и для простолюдина» [Кобзев, 2014, с. 242].

Анализ: в этом примере ярко проявляется различие в подходах переводчиков к культурно-специфическим элементам. Бичурин сохраняет китайское выражение «天子», переводя его буквально как «сын Неба». Это решение сохраняет культурный колорит оригинала, позволяя читателю почувствовать особенности китайского мировоззрения. Такой подход может быть особенно ценен для читателей, интересующихся китайской культурой и философией. Сивиллов, напротив, заменяет «сына Неба» на более понятное русскому читателю слово «монарх». Этот выбор делает текст более доступным для широкой аудитории, не знакомой с китайскими реалиями. Однако при этом теряется часть культурного контекста оригинала. Кроме того, Бичурин использует выражение «улучшение самих себя» для перевода «修身», что ближе к буквальному значению китайского термина. Сивиллов выбирает более обобщенное, свойственное письменной культуре слово «усовершенствование», которое, хотя и передает смысл, но менее точно отражает китайскую концепцию «совершенствования тела и духа». Эти различия показывают, что Бичурин стремился сохранить больше элементов китайской культуры в своем переводе, тогда как Сивиллов больше ориентировался на адаптацию текста для русского читателя.

(3) Выбор стилистического регистра

Стилистический регистр в переводе философских текстов играет важную роль в передаче не только содержания, но и атмосферы оригинала. Он отражает, насколько переводчик стремится сохранить возвышенность

и архаичность древнего текста или сделать его более доступным для современного читателя. Анализ этого аспекта помогает понять, как переводчики интерпретируют тональность оригинала и адаптируют ее для целевой аудитории. Пример:

Оригинал: 物格而后知至，知至而后意诚，意诚而后心正，心正而后身修，身修而后家齐，家齐而后国治，国治而后天下平 [Вэн Фу, 1810, л. 22].

Бичурин: «Когда исследуем вещи, после сего и знание усовершится. Когда усовершится знание, после сего и мысль соделается истинною. Когда мысль будет истинною, после сего и сердце испрямится. Когда сердце будет прямо, после сего улучшим самих себя. Когда улучшим самих себя, после сего и дом благоустроится. Когда благоустроен будет дом, после сего можно благоуправить царство. Когда благоуправим царство, после сего и Поднебесная умирится» [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 1834, л. 13].

Сивиллов: «Когда снискано будет ясное разделение в вещах, тогда познания возведены будут на высшую степень совершенства, а когда познания будут возведены на высшую степень совершенства, тогда в мыслях произойдет правильность; а когда в мыслях произойдет правильность, тогда сердце будет исправлено; а когда сердце будут исправлено, тогда последует усовершенствование самого себя; а когда последует усовершенствование самого себя, приведен дом будет в благоустройство; а по приведении дома в благоустройство водворится порядок в царстве, за порядком в царстве настанет мир в империи» [Кобзев, 2014, с. 242].

Анализ: в этом примере Бичурин использует более архаичный и возвышенный стиль: «после сего», «соделается истинною», «испрямится», «благоустроится», «благоуправить». Такой выбор создает ощущение древности текста и подчеркивает его философскую глубину. Использование устаревших форм глаголов и существительных («соделается», «испрямится») также усиливает этот эффект. Сивиллов, напротив, выбирает более нейтральный, современный стиль. Он использует более привычные современному (для времени перевода) читателю выражения: «возведены будут на высшую степень совершенства», «произойдет правильность», «будет исправлено». Его перевод аутентичен русской культуре и принимающему языку, но при этом теряет часть архаичности оригинала. Интересно отметить, что оба переводчика сохраняют параллельную структуру оригинала, повторяя «когда... то...» в каждом предложении. Однако Бичурин усиливает этот параллелизм использованием «после сего» в каждой части, что создает эффект подчеркнутой ритмизованности и торжественности.

Эти различия в стилистическом подходе отражают разные взгляды переводчиков на то, как лучше передать древний философский текст современному читателю: сохранить его возвышенность и некоторую слож-

ность для восприятия или сделать его более доступным и привычным по стилистике письменной речи.

(4) Способы передачи философской терминологии

Этот параметр отражает, как переводчики интерпретируют и передают сложные философские концепции, сохраняя при этом их глубину и многозначность, насколько точно и полно переведены основные идеи оригинального текста. Пример:

Оригинал: 大学之道，在明明德，在亲民，在止于至善 [Вэн Фу, 1810, л. 21].

Бичурин: «Закон Великого учения состоит в том, чтоб просветить светлые добродетели, обновить народ и остановиться на совершенном добре» [ОР РНБ, ф. АНЛ, № А-23, 1834, л. 5].

Сивиллов: «Закон великого учения состоит в просвещении умственных способностей, в образовании (обновлении) народа, в поставлении себя на верховном благе» [Кобзев, 2014, с. 242].

Анализ: при переводе «止于至善» важно отметить, что «止» в «Словаре часто употребляемых иероглифов древнекитайского языка» означает «остановиться» [Словарь…, 2005, с. 502]. Бичурин дословно переводит это как «остановиться на совершенном добре», что точно соответствует оригиналу, тем более что концепция «止» здесь глубже: она выражает идею непрерывного стремления к совершенству, где «остановка» — лишь абстрактный и идеальный момент. Истинный смысл заключается в том, что стремление к высшему благу бесконечно. Сивиллов интерпретирует эту фразу по-своему: «в поставлении себя на верховном благе». Он пытается передать идею непрерывного процесса совершенствования, что в определенной степени соответствует духу конфуцианской философии. Однако следует отметить, что перевод Сивиллова не вполне точно передает глубокий философский смысл оригинального выражения «止于至善».

Эти различия показывают, что Бичурин стремился к более точной передаче оригинальных терминов, сохраняя их структуру и образность. Сивиллов же больше фокусировался на передаче общего смысла, иногда жертвуя точностью ради ясности. Такой подход к философской терминологии влияет на восприятие текста: версия Бичурина может быть сложнее для понимания, но ближе к оригиналу, в то время как версия Сивиллова более доступна, но может упускать некоторые нюансы оригинального текста.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный сравнительный анализ переводов «Да-сюэ», выполненных Н. Я. Бичуриным и Д. П. Сивилловым, позволяет сделать ряд важных выводов о развитии российской синологии в XIX веке.

Прежде всего следует отметить, что оба перевода демонстрируют высокий уровень научной точности и глубокое понимание китайской философии. Однако различия в подходах к переводу отражают разные цели и методологические установки ученых. Перевод Бичурина, основанный на учебном пособии для государственных экзаменов эпохи Цин, отличается уникальным выбором оригинального текста и богатством культурологических комментариев. Его работа представляет собой не просто перевод, а комплексное исследование, включающее обширные толкования и исторические справки. Этот подход позволяет читателю погрузиться в контекст китайской интеллектуальной традиции и системы образования того времени. Работа Сивиллова, опирающаяся на классический текст, характеризуется верностью оригиналу и лаконичностью изложения. Его перевод более доступен для восприятия современного читателя, но при этом сохраняет философскую глубину оригинала. Различия в переводческих стратегиях Бичурина и Сивиллова проявляются в балансе между буквальным и вольным переводом, подходе к передаче культурно-специфических элементов, выборе стилистического регистра и способах передачи философской терминологии. Эти различия отражают не только индивидуальные предпочтения переводчиков, но и общие тенденции в развитии российского китаеведения XIX века.

Важно отметить, что оба перевода внесли значительный вклад в развитие синологии в России. Они служили важным источником для изучения конфуцианской философии в академической среде и способствовали формированию методологии научного перевода китайской классики. Данное исследование вновь акцентирует внимание на непреходящей ценности трудов российских синологов XIX века, подчеркивая необходимость их дальнейшего изучения и переосмысления в контексте современной науки и развития российско-китайского диалога.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Большой* словарь часто употребляемых иероглифов древнекитайского языка (4-е издание). — Пекин : Коммерческое издательство, 2005. — 569 с. — ISBN 7-100-04285-2. (古汉语常用字字典 第四版. — 北京：商务印书馆，2005年. — ISBN 7-100-04285-2). (на кит. яз.).

Литература

Адоратский Н. Отец Иакинф Бичурин (Исторический этюд) / Н. Адоратский // Православный собеседник. — 1886. — № 1. — С. 164—180.

Белкин Д. И. А. С. Пушкин и китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин) / Д. И. Белкин // Народы Азии и Африки. — 1974. — № 6. — С. 126—131.

Бернштам А. Н. Н. Я. Бичурин (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» / А. Н. Бернштам // Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. — Т. 1. — С. V—LV.

Бичурин Н. Я. Да-сио, или Высшее учение (рукопись, 1834 г., 71 л.) / Н. Я. Бичурин // Отдел рукописей Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (СПб.). Б-ка АНЛ, № А-23, л. 71.

Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. — Москва : Восточный Дом, 2002. — 796 с. — ISBN 5-89737-104-0.

Вэн Фу. Толкование и комментарии к четырем книгам на медных досках (том Да сюэ) / Вэн Фу. — Шанхай : Издательство Цзювэньтан, 1810. — С. 26. (翁復著，詹文焕参订．銅板四書遵註合講（大学卷）[M]. — 聚文堂发行，1810. — 26页)

Денисов П. В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд. 2-е, доп. [М] / П. В. Денисов. — Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2007. — 334 с. — ISBN 978-5-7670-1531-3.

Кобзев А. И. «Да-сюэ»: «Великое учение» святомудрых для школяров, ученых и владык, или Судьба конфуцианского канона в Китае, на Западе и в России [М] / А. И. Кобзев. — Москва : Наука — Восточная литература, 2014. — 320 с. — ISBN 987-5-02 036554-4.

Кобзев А. И. «Путь Великого учения» в России / А. И. Кобзев // Восточная коллекция. — 2012. — № 4. — С. 43—52.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») : = 四書 / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева и др. ; вступ. ст. Л. С. Переломова ; [отв. ред. Л. С. Переломов]. — Москва : Восточная литература, 2004. — 431 с. — ISBN 5-02-018290-7.

Леонтьев А. Л. Сы-шу геи, то есть Четыре книги с толкованиями. Книга первая философа Конфуциуса / А. Л. Леонтьев ; перевел с китайскаго и манжурскаго на российской язык надворной советник Алексей Леонтиев. — Санкт-Петербург : При Имп. Акад. наук, 1780. — 140°с.

Лю Мяо. Предварительное исследование рукописи «Да сюэ» Бичурина 1834 года / Лю Мяо // Преподавание русского языка в Китае. — 2023. — № 2. — С. 70—80. (刘淼．比丘林1834年《大学》手稿初探 / 刘淼 // 中国俄语教学. — 2023. — № 2. — 70—80页.)

Моллер Н. С. Иакинф Бичурин в далёких воспоминаниях его внучки / Н. С. Моллер // Русская старина. — 1888. — Т. 59. — № 8. — С. 272—300.

Мясников В. С. Вклад о. Иакинфа в мировую синологию. К 225-летию со дня рождения члена-корреспондента Н. Я. Бичурина / В. С. Мясников, И. Ф. Попова // Вестник Российской Академии наук. — 2002. — Т. 72. — № 12. — С. 1099—1106.

Мясников В. С. Избрание отца Иакинфа (Бичурина) в Академию наук / В. С. Мясников // Проблемы Дальнего Востока. — 1996. — № 5. — С. 124—132.

Петухова Н. В. Развитие китаеведения как науки в России в середине-второй половине XIX века / Н. В. Петухова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2014. — № 4. — С. 15—22.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения / П. Е. Скачков. — Москва : Наука, 1977. — 505 с.

Стеженская Л. В. О несостоявшейся первой публикации русского перевода «Шу цзина» / Л. В. Стеженская // Вестник Российского университета дружбы народов. Се-

рия : Философия. — 2021. — Т. 25. — № 2. — С. 320—327. — DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-320-327.

Та-гио, или Великая наука, заключающая в себе высокую китайскую философию ; Примечания на «Та-гио» / [Пер. с франц. Д. И. Фонвизина] // Академические известия. — 1779. — Май. — Ч. II. — С. 59—101.

Тихвинский С. Л. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин / С. Л. Тихвинский, Г. Н. Пескова // Новая и новейшая история. — 1977. — № 5. — С. 146—159.

У Сюэмэн. Исследование даосизма в англоязычном мире / У Сюэмэн. — Ухань : Издательство Центрально-Китайского педагогического университета, 2016. — С. 15. (吴雪萌. 英语世界老学研究 / 吴雪萌. — 武汉：华中师范大学出版社，2016. — 15页.)

Хохлов А. Н. Китаист Д. П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики / А. Н. Хохлов // Общество и государство в Китае. — 2014. — Т. 44. — № 1. — С. 484—512.

Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о цинском Китае / А. Н. Хохлов // Бичурин Н. Я. Статистическое описание Китайской империи. — Москва : Восточный Дом, 2002. — С. 5—29.

Чжу Си (Сун). Собрание комментариев к четырем книгам / Чжу Си (Сун). — Пекин : Китайское книгоиздательство, 2012. — 435 с. — ISBN 978-7-101-08169-5. (朱熹撰. 四书章句集注[M]. — 北京：中华书局, 2012. — ISBN 978-7-101-08169-5.)

Чугуевский Л. Н. Новое о рукописном наследии Н. Я. Бичурина / Л. Н. Чугуевский // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 3. — С. 127—130.

Чэнь Цзяньхуа. Чтение России / Чэнь Цзяньхуа. — Шанхай : Шанхайское издательство литературы и искусства, 2007. — С. 63. (陈建华. 阅读俄罗斯 / 陈建华. — 上海：上海文艺出版社，2007. — 63页.)

Юй Сэньлинь. Исследование перевода и интерпретации китайских даосских канонов в англоязычном мире XIX века / Юй Сэньлинь. — Чэнду : Издательство Башу, 2015. — С. 88. (俞森林. 中国道教经籍在十九世纪英语世界的译介研究 / 俞森林. — 成都：巴蜀书社，2015. — 88页.).

Статья поступила в редакцию 17.09.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

Material resources

A large dictionary of frequently used hieroglyphs of the ancient Chinese language (4th edition). (2005). Beijing: Commercial Publishing House. 569 p. ISBN 7-100-04285-2. (In Chin.).

References

Adoratsky, N. (1886). Father Iakinf Bichurin (Historical sketch). *Orthodox interlocutor, 1:* 164—180. (In Russ.).

Belkin, D. I. (1974). A. S. Pushkin and sinologist O. Iakinf (N. Ya. Bichurin). *Peoples of Asia and Africa, 6:* 126—131. (In Russ.).

Bernstam, A. N. (1950). N. Ya. Bichurin (Iakinf) and his work “Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times”. In: N. *Ya. Bichurin (Iakinf). A collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times, 1.* Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. V—LV. (In Russ.).

Bichurin, N. Ya. (2002). *China in a civil and moral state.* Moscow: Vostochny Dom. 796 p. ISBN 5-89737-104-0. (In Russ.).

Bichurin, N. Ya. Da-sio, or the Higher Teaching (manuscript, 1834, 71 l.). *Department of Manuscripts of the State Publishing House named after M. E. Saltykov-Shchedrin (St. Petersburg). B-ka ANL, № A-23, L. 71.* (In Russ.).

Chen Jianhua. (2007). *Reading Russia.* Shanghai: Shanghai Publishing House of Literature and Art. P. 63. (In Chin.).

Chuguevsky, L. N. (1966). New about the handwritten heritage of N. Ya. Bichurin. *Peoples of Asia and Africa, 3:* 127—130. (In Russ.).

Confucian "Four Books" ("Si shu") : = 四書. (2004). Moscow: Oriental Literature. 431 p. ISBN 5-02-018290-7. (In Russ.).

Denisov, P. V. (2007). *A word about the monk Iakinf Bichurin. 2nd edition, add. [M].* Cheboksary: Chuvash Book Publishing House. 334 p. ISBN 978-5-7670-1531-3. (In Russ.).

Khokhlov, A. N. (2002). N. Ya. Bichurin and his works on Qing China. In: *Bichurin N. Ya. Statistical description of the Chinese Empire.* Moscow: Vostochny Dom. 5—29. (In Russ.).

Khokhlov, A. N. (2014). Sinologist D. P. Sibillov and his Russian translations of ancient Chinese classics. *Society and the State in China, 44 (1):* 484—512. (In Russ.).

Kobzev, A. I. (2012). "The Way of the Great Teaching" in Russia. *Oriental Collection, 4:* 43—52. (In Russ.).

Kobzev, A. I. (2014). *"Da-xue": "The Great Teaching" of the Holy Wise for scholars, scientists and lords, or the Fate of the Confucian Canon in China, the West and Russia [M].* Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura. 320 p. ISBN 987-5-02 036554-4. (In Russ.).

Leontiev, A. L. (1780). *Syshu gey, i.e. four books with interpretations. The first book of the philosophist Confucius.* St. Petersburg: At The Imp. Academy of Sciences. 140°p. (In Russ.).

Liu Miao. (2023). Preliminary study of the manuscript "Da xue" by Bichurin in 1834. *Teaching the Russian language in China, 2:* 70—80. (In Chin.).

Moller, N. S. (1888). Akinf Bichurin in the distant memories of his granddaughter. *Russian antiquity, 59 (8):* 272—300. (In Russ.).

Myasnikov, V. S. (1996). The election of father Iakinf (Bichurin) to the Academy of Sciences. *Problems of the Far East, 5:* 124-132. (In Russ.).

Myasnikov, V. S., Popova, I. F. (2002). Contribution of O. Iakinfa in world sinology. To the 225th anniversary of the birth of corresponding member N. Ya. Bichurin. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 72 (12):* 1099—1106. (In Russ.).

Petukhova, N. V. (2014). The development of Chinese studies as a science in Russia in the middle-second half of the XIX century. *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies, 4:* 15—22. (In Russ.).

Skachkov, P. E. (1977). *Essays on the history of Russian Sinology.* Moscow: Nauka. 505 p. (In Russ.).

Stezhenskaya, L. V. (2021). On the failed first publication of the Russian translation of "Shu Jing". *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Philosophy, 25 (2):* 320—327. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-320-327. (In Russ.).

Ta-gio, or the Great Science embodying high Chinese philosophy; Notes on "Ta-gio". *Academic news, 2. May.* 59—101. (In Russ.).

Tikhvinsky, S. L., Peskova, G. N. (1977). Outstanding Russian sinologist N. Ya. Bichurin. *New and modern history, 5:* 146—159. (In Russ.).

Weng Fu. (1810). *Interpretation and commentary on four books on copper plates (volume Da xue).* Shanghai: Jiuwentang Publishing House. P. 26. (In Chin.).

Wu Xuemen. (2016). *A Study of Taoism in the English-speaking world.* Wuhan: Publishing House of the Central Chinese Pedagogical University. P. 15. (In Chin.).

Yu Senlin. (2015). *A study of the translation and interpretation of Chinese Taoist canons in the English-speaking world of the XIX century.* Chengdu: Bashu Publishing House. P. 88. (In Chin.).

Zhu Xi (Song). (2012). *A collection of commentaries on four books.* Beijing: Chinese Publishing House. 435 p. ISBN 978-7-101-08169-5. (In Chin.).

The article was submitted 17.09.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

CC BY

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Петрова Н. Е. «Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики : к проблеме освоения новейших заимствований русского языка / Н. Е. Петрова, Г. С. Самойлова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 65—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-65-83.

Petrova, N. E., Samoylova, G. S. (2024). Ing-Nouns as a Type of Processual Lexicon: Addressing Issue of Recent Borrowings in Russian. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 65-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-65-83. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики: к проблеме освоения новейших заимствований русского языка

Петрова Наталия Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-1302-9019
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и культуры речи,
корреспондирующий автор
petrova_ngpu@mail.ru

Самойлова Галина Савельевна
orcid.org/0000-0002-1110-6930
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русского языка и культуры речи
galasam2010@yandex.ru

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00024-24-04 от 23.05.2024 г.

Ing-Nouns as a Type of Processual Lexicon: Addressing Issue of Recent Borrowings in Russian

Natalia E. Petrova
orcid.org/0000-0002-1302-9019
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of the Russian
and Speech Culture,
corresponding author
petrova_ngpu@mail.ru

Galina S. Samoylova
orcid.org/0000-0002-1110-6930
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian
and Speech Culture
galasam2010@yandex.ru

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
This research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation № 073-00024-24-04, May 23, 2024

© Петрова Н. Е., Самойлова Г. С., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются процессуальные свойства новейших заимствованных существительных с компонентом *-инг-*, который в статье характеризуется как суффикс, обладающий структурно-семантической выделимостью. Цель исследования — на основе контекстуальных парадигматических и синтагматических отношений охарактеризовать различные семантические группы «инговых» существительных в аспекте глагольно-именных функциональных свойств. Источником материала послужила база данных подкорпусов «Социальные сети» и «Центральные СМИ» Национального корпуса русского языка. Показано, что процессуальность «инговых» существительных во многом определяется их формой, а в числе факторов, способствующих формированию процессуальности, отмечен билингвизм носителей русского языка. О процессуальной интерпретации «инговых» существительных свидетельствуют толкования их лексического значения, отражающие языковую рефлексию говорящих, а также введение в текст через слово *процесс*. Среди глагольных синтагматических связей «инговых» существительных отмечено управление формой родительного падежа с объектным или субъектным значением, экспликация семантики способа действия через связь с творительным орудийным или лексемами *метод, механизм*. Подтверждена активность семантической деривации метонимического типа на базе процессуальных значений «инговых» существительных.

Ключевые слова:
заимствование; суффикс -инг-; синкретизм; процессуальная семантика; маркеры процессуальности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the processual properties of recent borrowed nouns featuring the component *-ing-*, characterized in this article as a suffix with distinct structural and semantic features. The objective of the research is to delineate various semantic groups of “ing-nouns” based on their contextual paradigmatic and syntagmatic relationships, particularly regarding their verbal-nominal functional properties. The material for this analysis is derived from the subcorpora “Social Networks” and “Central Mass Media” of the *Russian National Corpus*. It is demonstrated that the processual nature of “ing-nouns” is significantly influenced by their form, with bilingualism among Russian speakers identified as a contributing factor to the development of processuality. The processual interpretation of “ing-nouns” is evidenced by the interpretations of their lexical meanings, which reflect the linguistic reflections of speakers, as well as the introduction of the term “process” into the text. Among the verbal syntagmatic connections of “ing-nouns,” the governance of the genitive case form with either object or subject meanings is noted, alongside the explication of action manner semantics through association with instrumental case forms or lexemes such as method and mechanism. The active nature of metonymic semantic derivation based on the processual meanings of “ing-nouns” is confirmed.

Key words:
borrowing; suffix -ing-; syncretism; processual semantics; markers of processuality.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'373.45+811.161.1'373.611
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-65-83

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

«Инговые» существительные как разновидность процессуальной лексики: к проблеме освоения новейших заимствований русского языка

© Петрова Н. Е., Самойлова Г. С., 2024

1. Введение = Introduction

Обращение к проблеме функционирования существительных с формантом *-инг-* («инговые» существительные) связано как с растущим количеством таких заимствований, так и с активностью данной лексики в разных сферах коммуникации. Процесс заимствования русским языком «инговых» существительных имеет давнюю историю (см.: [Ермачкова, 2020, с. 55; Боброва, 2018, с. 250]), однако настоящая экспансия этой лексики началась в конце XX — начале XXI веков, когда российское общество было включено в глобальное информационное, экономическое, образовательное и культурное пространство. «Инговые» формы стали заимствоваться как номинации новых для российского общества и тоже заимствованных технологий, услуг, видов деятельности, в том числе видов спорта, развлечений, отдыха и пр.

Постоянное обновление состава «инговых» существительных и их коммуникативная востребованность обусловливают актуальность всестороннего изучения этих слов. В центре лингвистических исследований, как будет показано ниже, были и остаются семантические разновидности указанных существительных, их деривационный потенциал, статус форманта *-инг-*, прагматика использования. В нашей статье многие из этих вопросов будут затронуты, однако мы сосредоточим внимание на функционировании «инговых» существительных как единиц процессуальной лексики русского языка, выделив некоторые особенности их синтагматики. Этот аспект обусловливает новизну полученных нами результатов.

Актуальность заявленной темы обусловлена также тем, что она предполагает изучение речевых связей и отношений «инговых» существительных, что позволит сделать определенные выводы о закономерностях их употребления и освоения носителями русского языка. Наш материал и

сделанные наблюдения окажутся полезными для преподавания русского языка как родного и как иностранного. «Инговые» существительные относятся к интернациональной лексике, а сам формант, как пишет Л. В. Рацибурская со ссылкой на Е. И. Коряковцеву, «полностью удовлетворяет требованию семантической и структурной близости в неблизкородственных языках» [Рацибурская, 2014, с. 28]. Таким образом, для инофонов, осваивающих современную русскую речь, «инговая» лексика может служить своеобразной буферной зоной, облегчающей восприятие и интерпретацию специальных текстов, а также текстов массмедиа, где представлены индивидуально-авторские образования с использованием суффикса *-инг-*. Востребованность указанных существительных в среде молодежи, участников сетевой коммуникации, пользователей компьютерных (в том числе игровых) технологий, также определяет целесообразность привлечения «инговых» номинаций к практике преподавания РКИ.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования — на основе парадигматических и синтагматических отношений охарактеризовать различные семантические группы «инговых» существительных с точки зрения глагольно-именных функциональных свойств. В задачи исследования входят выделение основных семантических групп «инговых» существительных и характеристика связи их лексического содержания с процессуальностью; анализ сочетаемости существительных разных групп с точки зрения реализации потенциала глагольной валентности; выявление разновидностей непроцессуальных значений «инговых» существительных и характерной для них синтагматики.

Источником фактического материала послужила база данных Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Для анализа современного речевого функционирования «инговых» существительных наиболее репрезентативны подкорпус «Центральные СМИ» и подкорпус «Социальные сети», поскольку они отражают русскоязычную коммуникацию XXI века. Интересующие нас существительные представлены в этих подкорпусах достаточно широко: более 200 тыс. контекстов в подкорпусе «Центральные СМИ» и более 40 тыс. — в «Социальных сетях». Для сбора и последующего анализа лексического материала в обоих подкорпусах было отобрано по 300 текстов последних лет; для анализа отдельных существительных использовался весь ресурс подкорпусов. Для обработки лексического (120 единиц) и текстового материала использовались метод семантической интерпретации, контекстный анализ, элементы компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод.

В многочисленных исследованиях современных «инговых» заимствований основное внимание уделяется вопросу их адаптации в русском языке и связанному с этим вопросу о морфемном статусе форманта *-инг-*. Описывая существительные на *-инг*, исследователи обычно отмечают абстрактный характер их семантики, обусловивший преимущественную форму singularia tantum этих слов (см.: [Рацибурская, 2014, с. 28; Маринова, 2011, с. 400]); многочисленность и семантическое разнообразие этой лексики, легкость ее проникновения в русский язык [Bogomolets, 2013]. Для характеристики интенсивности «ингового» заимствования используются такие метафоры, как «нашествие» [Ермачкова, 2020], «инговое цунами» (выражение Е. И. Коряковцевой цитируется в [Левина, 2023, с. 35 и др.]). Количество англицизмов на *-инг* трудно поддается подсчету: так, в [Рацибурская, 2014] указывается, что «в настоящее время в русском языке функционирует более 300 интернационализмов на *-инг* с семантикой nomina abstracta» [Рацибурская, 2014, с. 28], а в [Дьяков и др., 2013] речь идет о более 1500 англицизмов на -инг [Там же, с. 182]. «Инговые» заимствования достаточно быстро адаптируются к системе русского языка, чему в немалой степени способствует их фонетическое оформление (основа на твердый согласный), позволяющее словам легко встроиться в парадигму склоняемых существительных мужского рода. Внешний облик «инговых» существительных передается на русский язык методами транскрипции в сочетании с транслитерацией, так что эти заимствования, по замечанию Е. В. Мариновой, минуют стадию вкрапления, что свидетельствует об их ускоренной русификации [Маринова, 2011, с. 400].

Для наших задач существенным является вопрос о «русском» форманте *-инг-*. В языке-источнике морфема *-ing-* используется для образования отглагольных форм — герундия и причастия, — но в грамматических описаниях и корпусных исследованиях не квалифицируется и не отмечается как суффикс (см.: [Stokwell et al., 2001; Suhandoko, 2020]), между тем как в русскоязычных исследованиях выделяется суффикс *-ing-*, характеризующийся функциональным синкретизмом (см., например: [Доброрадных, 2019, с. 173]). Морфемный статус элемента *-инг-* в русском языке является предметом дискуссий (см. об этом: [Дьяков и др., 2013; Боброва, 2018; Левина, 2023 и др.]). Английские формы заимствуются целиком, так что в структуре русифицированных существительных финаль основы *-инг* не проявляет очевидным образом своей отдельности. В то же время в современной речи представлено окказиональное образование существительных с помощью суффикса *-инг-* от русских субстантивных (*газонинг, тротуаринг* [НРЛ, с. 29], *сэйфинг* [Szabolcs, 2018, с. 61]) и — реже — глагольных основ (*прыгинг, зажигайтинг* [Дьяков и др., 2013, с. 184—185]; *гулянинг*

[Рацибурская, 2014, с. 28]). Широкий спектр структурно-семантических разновидностей собственно русских «инговых» образований представлен в [Левина, 2023].

Таким образом, соглашаясь с тем, что пока суффикс *-инг-* «не используется при образовании слов от «русской» производящей основы в литературном языке» [Вотякова, 2020, с. 280], мы должны признать осознаваемость этой морфемы носителями русского языка и семантизацию ее как суффикса с процессуальной семантикой: «это суффикс, актуализирующий наблюдаемую процессность» [Беляева и др., 2019, с. 117]. Помимо речевой деривации на базе русского материала, этому способствует, во-первых, многочисленность неологизмов с указанным структурным компонентом (эффект повторяемости), во-вторых, наличие в ряде случаев корреляций типа *тренинг — тренер, гейминг — геймер, стриминг — стример*, в-третьих, широкое знакомство носителей русского языка с формами на *-ing*, как минимум, при изучении английского языка в школе. Можно предположить, что стимулом для речевых деривационных процессов в немалой степени служит билингвизм носителей русского языка [Там же, с. 112]. Л. П. Крысин подчеркивает роль двуязычия и особенно различных форм межъязыкового общения в процессах заимствования [Крысин, 2004, с. 184—185], но следует также обратить внимание на роль билингвизма и в процессах освоения заимствований. Языковая игра с образованием процессуальных окказионализмов типа *балконинг* или *прыгинг* предполагает достаточно высокий уровень коммуникативно-лингвистической компетенции говорящего, в том числе знание английского языка. В этом случае суффикс *-инг-* вполне закономерно используется говорящими для образования процессуальных имен существительных, поскольку образцом могут служить не только русифицированные заимствования на *-инг*, но и непосредственно английские девербативы с морфемой *-ing*. Так, О. И. Недоступ и Е. Ю. Плешивцева отмечают, что суффикс *-инг-* используется для образования существительных, «которые по своим грамматическим признакам приближаются к характеристикам английского герундия» [Недоступ и др., 2021, с. 6]. Сошлемся также на наблюдение А. И. Дьякова и Е. В. Скворецкой относительно заимствований типа *оулинг* (*owling* ← *owl* ‘сова’), обозначающих разновидность фотографий, на которых человек изображается в виде совы или иного предмета: «Среди недавних заимствований из английского языка имеются такие, для которых мотивирующей основой явились не глаголы, а существительные, но суффикс -ing придал этим субстантивам процессуальную семантику “выполнение действия, имитирующего объект, называемый производящий основой”» [Дьяков и др., 2013, с. 183]. Очевидно, процессуальность предметным существительным типа *оулинг*

придает прежде всего аналогия с английским герундием или причастием, существующая в сознании русофонов. В связи с этим обратим внимание на интересный пример «семантической неустойчивости» *инг*-заимствований, который приводит Л. П. Крысин: слово *кэмпинг*, вошедшее в русский язык как номинация предметного типа, могло употребляться и как номинация действия, правда, в переводном тексте: *... я увлекаюсь кемпингом — путешествием без гостиниц...* [Крысин, 2004, с. 156]. Таким образом, мы делаем вывод, что «инговые» заимствования имеют в своей структуре суффикс, который обладает семантической наполненностью: говорящие связывают его с семантикой процесса, действия.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Практика перевода герундия и причастия Present Participle на русский язык прочно связывает эти формы с русскими глагольными образованиями: инфинитивом, деепричастием, придаточным предложением с глаголом-сказуемым, отглагольным существительным [Зимин, 2011, с. 94—95; Широких, 2018, с. 648]. Заимствование «инговых» слов в готовом виде составляет своего рода альтернативу переводу и приводит к параллельному функционированию соотносительных по значению существительных типа *консалтинг — консультация — консультирование* или *тюнинг — доработка*. Соотносительность «инговых» существительных с русскими девербативами вызывает вопрос о том, в какой степени семантика действия (процесса) характерна для заимствованных существительных и каким образом она выражается в речи.

В корпусе отобранных нами существительных с точки зрения процессуальности можно выделить три семантические группы, по-разному связанных с представлением о действии / процессе: 1) номинации видов деятельности, 2) номинации видов спорта и активного отдыха, 3) номинации непроцессуальной семантики. Рассмотрим каждую из этих групп.

3.1. Номинации видов деятельности в аспекте семантики процессуальности

Номинации видов деятельности составляют самую обширную и семантически разнообразную группу «инговых» существительных. Здесь можно выделить а) номинации процедур экономического, технического, психолого-педагогического, медицинского, косметического характера: *тюнинг, рециклинг, веб-скрейпинг, листинг, маркетинг, майнинг, стриминг, таргетинг, коучинг, скрининг, пилинг, лифтинг, флоапинг, шугаринг, биохакинг* и др.; б) номинации услуг: *консалтинг, инжиниринг, клининг, хостинг, факторинг, шеринг (каршеринг, кодшеринг)*, *эквайринг, кейтеринг* и др.; в) номинации неофициальной или неспециализированной дея-

тельности членов социума, в том числе направленной на антисоциальные цели: *постинг, шопинг, буллинг, шустинг, фишинг, троллинг, трекинг, гейминг* и др.

Процессуально-событийная семантики имени, непроизводного или образованного от глагольно-именных основ, обычно манифестируется в его словарных дефинициях [Долженко, 2005, с. 105], поэтому, характеризуя указанную выше лексику как лексику процессуальную, мы опирались на словарные толкования, в составе которых для интерпретации лексического значения «ингового» существительного используется отглагольная лексика или слова типа *процесс, деятельность, работа, процедура* и под., например: *маркетинг* — ‘в общем значении это **работа** с рынком ради **осуществления обменов** с целью удовлетворения человеческих нужд и потребностей’, *эквайринг* –‘**деятельность** банка, включающая в себя **расчеты с** предприятиями торговли (сервиса) по операциям, совершаемым с использованием карточек…’ [БЭС]; *лифтинг* — ‘**подтяжка** кожи лица как косметическая **операция**’ [Словарь Ефремовой]; *фишинг* — ‘незаконное, мошенническое (через поддельные письма, сообщения, сайты) **получение** доступа к конфиденциальным данным пользователей…’ [Маринова и др., 2023, с. 80].

Помимо словарных дефиниций, релевантными для нашего исследования были естественные толкования значений «инговых» существительных самими носителями языка, а также факты введения их в текст через слово *процесс*, предполагающее наличие семы движения, развития, реализации (атрибуты действия) в зависимом существительном. Полученные данные свидетельствуют о том, что говорящие интерпретируют «инговые» существительные вышеназванных семантических групп как номинации действий, например:

***Карпулинг**, или **райдшеринг**, — это **использование** в поездке свободных мест в автомобиле* (Парламентская газета, 2021.09.23) [НКРЯ]; ***Трекинг** — это **процесс** при котором ты отслеживаешь своё развитие по всем сферам жизни* (Бизнес. Реклама, 2022) [НКРЯ]; *Участники движения «Без посадки авто нет» — автолюбители, увлекающиеся специфическим **тюнингом** — **переделкой** обычных автомобилей* (Комсомольская правда, 06.05.2013) [НКРЯ]; *Кроме того, стало известно о проектах по организации **майнинга (добычи** криптовалют)…* (Известия, 16.12.2019); *... Дэвид Армстронг стал говорить об использовании понятия **сторителлинга** («**рассказывания** историй») для обеспечения коммуникации внутри организации и вне ее* (lenta.ru, 06.09.2015) [НКРЯ].

В сочетании с вершинным словом *процесс* в подкорпусе «Социальные сети» обнаружен 61 пример «инговых» существительных (*процесс скет-*

чинга, шугаринга, майнинга, тренинга, шопинга, кастинга, фандрайзинга, нейминга, буккросинга, пилинга, пальминга, маркетинга, тюнинга, серфинга и др.), в подкорпусе «Центральные СМИ» — 180 примеров (*процесс мониторинга, рестайлинга, рекрутинга, маркетинга, тренинга, ребрендинга, антидопинга, паркинга, груминга, риформинга, букбилдинга* и др.)

Процессуальная семантика обусловливает синтаксические глагольные свойства «инговых» номинаций как в английском, так и в русском языке. Известно, что синтагматика герундия предполагает реализацию таких семантических ролей, как субъект и объект действия [Шашкова, 2019, с. 29]. Субъектно-объектная валентность характерна и для русских отглагольных имен. В частности, объектный распространитель «достается существительному от глагола, в котором входит в состав лексического значения» [Ширшов, 2006, с. 265]. В русском языке роли субъекта и объекта при именах действия стандартно репрезентируются управляемыми формами родительного падежа, например: *отказ оппонента, получение прибыли.* Наш материал показал: говорящие достаточно активно строят по этой модели словосочетания на базе «инговых» существительных, что определенно указывает на интерпретацию этих слов как номинаций действий: *50-летняя Шэрон Джонс (Sharon Jones) увеличила губы, сделала плазмолифтинг,* ***пилинг лица*** *и другие многочисленные косметические процедуры* (lenta.ru, 22.03.2016) [НКРЯ]; *Девелоперы включают в стоимость аренды коммунальные и прочие платежи, а также услуги* ***клининга помещений…*** (lenta.ru, 17.08.2017) [НКРЯ]; *Также Идрис Джазаири поприветствовал позицию других стран, которые не стали участвовать «в экономическом* ***буллинге»*** ***Тегерана*** (Парламентская газета, 2018.08.22) [НКРЯ]; *И не передать тонкий* ***троллинг меня*** *от Ярика* (Робустова – Блогер Про Воронеж, 14.08.2021) [НКРЯ]; *Вечером засяду и доделаю* ***реверс-инжиниринг пульта*** *управления от кондиционера...* (igrick. livejournal.com igrick, 2013) [НКРЯ]; *В ней Microsoft критикует Google за то, что та <…> собирает информацию о пользователях для* ***таргетинга рекламы****…* (Lenta.ru, 21.11.2013) [НКРЯ]; ***Майнинг биткоина*** *и других подобных ему валют Костин сравнил с фальшивомонетчеством…* (Ведомости, 2021.03.19) [НКРЯ]; ***Стриминг игр*** *или облачный гейминг позволяют пользователям получить доступ к играм без скачивания программного обеспечения…* (Ведомости, 2020.09.27) [НКРЯ]; *Тем не менее нижегородские работодатели активно готовятся к* ***хедхантингу*** *своих* ***сотрудников****…* (Ведомости, 2006.10.24) [НКРЯ]; *Ранее о поддержке* ***стейкинга монеты*** *сообщила Binance* (Официальный канал венчурного фонда, 2020) [НКРЯ]; *А почему у вас нет* ***шеринга новостей*** *на сайте?* (telegram Rozetked Discuss, 05.05.2021) [НКРЯ].

В то же время практически не встречается употребление при «инговых» существительных форм родительного падежа с субъектной семантикой типа *…ненавязчивый* ***троллинг Максима Каца****…* (telegram Rozetked Discuss, 18.09.2022) [НКРЯ]. Возможно, это связано с тем, что данная форма предполагает конкретное лицо в качестве субъекта действия, тогда как в медийном дискурсе и дискурсе социальных сетей, как правило, фигурирует или подразумевается обобщенный субъект.

Надежным маркером процессуальной семантики «инговых» существительных служит также управляемая форма творительного орудийного, поскольку орудие нужно для совершения действия, например: ***Пилинг молочной кислотой*** *— поверхностный…* (vk,09.07.2014) [НКРЯ]. Таких конструкций в речи крайне мало, и образуются они, как правило, на базе номинаций, обслуживающих сферу косметических услуг, где способ проведения процедуры имеет повышенную значимость. В текстах иной тематики инструментарий действия не имеет для говорящих достаточной определенности или, наоборот, очевиден и неважен для целей коммуникации. Редкое указание на способ действия в этом случае выражается лексическими средствами: *Андреас Умланд <…> назвал эту практику постмодернистской и охарактеризовал ее как «****Троллинг посредством «антитроллинга»*** (vk, 27.03.2016) [НКРЯ]; *… ведь* ***маркетинг посредством СМС*** *никуда не ушел* (e. blogspot.com e, 03.09.2012) [НКРЯ].

Однако сама семантика способа совершения действия важна для номинаций действия, поэтому в число характерных для глагола связей мы включаем связи со словами *метод, механизм*. Лексическое значение этих слов содержит указания на необходимую связь с действием: *метод* — 1. Способ теоретического **исследования** или практического **осуществления** чело-либо. 2. Способ **действовать, поступать** каким-либо образом'; *механизм* — 3. Последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-либо **действие** [ТСРЯ, с. 444, 445] (выделено нами. — *Н. П., Г. С.*). Поиск в основном корпусе НКРЯ по модели «*метод / механизм* + (S) & (gen)» показал, что в стандартной русской речи эти существительные сочетаются исключительно с именами действий (*метод борьбы, воздействия, исследования, лечения, обучения, диагностики, управления* и под.; *механизм действия, развития, образования, функционирования, распределения, движения, принятия решений* и под.). Мы использовали аналогичный поиск с позицией «(S) & (gen)» для «инговых» существительных в подкорпусах «Социальные сети» и «Центральные СМИ» и обнаружили соответствующие конструкции со словом *метод* (47 и 144 примера) и со словом *механизм* (4 и 203 примера): ***метод*** *нетворкинга, мониторинга, тренинга, шугаринга, краудсорсинга, селф-билдинга, реинжиниринга,*

скрининга, фишинга, прессинга, троттлинга, кастинга, маркетинга и др.; ***механизм*** *профайлинга, мониторинга, деконфликтинга, парсинга, лизинга, факторинга, нетворкинга, франчайзинга, майнинга* и др.

Таким образом, проведенный нами «мониторинг» синтагматики «инговых» существительных с общим значением вида / сферы деятельности показал, что их валентностные семантические свойства реализуются по образцу русской процессуальной лексики, в том числе отглагольных существительных.

В то же время, как справедливо замечает А. Ю. Широких, семантика действия, процесса нивелируется, когда она выражается формой имени существительного «как части речи “назывного”, описательного характера» [Широких, 2018, с. 647]. В частности, это происходит в тех случаях, когда «инговые» существительные выступают номинациями не деятельности, а сферы деятельности. Характерными для такой функции контекстами являются составные названия учреждений или организаций типа *директор* ***департамента консалтинга*** *и аналитики…* (Ведомости, 2021.12.20) [НКРЯ], а также конструкции с предлогом *по*, указывающим на «круг, вид деятельности или область распространения деятельности» [ТСРЯ, с. 655]: в *2015—2017 гг. он был ее* ***вице-президентом по маркетингу*** (Ведомости, 2021.03.08) [НКРЯ]; *… обращают внимание на домашние задания новичка на* ***курсах по таргетингу*** *и SMM…* (vk, 24.02.2016) [НКРЯ]; *Если продается дорогой объект, нужно нанять* ***специалиста по клинингу****…* (К. Григорьев. Бизнес, 2021) [НКРЯ]. Такое употребление сближает «инговые» номинации действия с существительными непроцессуальной семантики, ср.: *… Семён Григорьев (Якутск) <…>* ***специалист по брендингу и рекламе****…* (vk, 07.05.2016) [НКРЯ]. Если же в контексте сочетаются маркеры процессуальной семантики действия и «назывной» семантики сферы деятельности, то «инговое» существительное характеризуется своеобразным смысловым синкретизмом, например: *Читала лекцию Людмила Геранина — квалифицированный* ***специалист по рекрутингу доноров*** … (Новые люди, Воронеж, 2021) [НКРЯ].

3.2. «Инговые» номинации видов спорта и активного отдыха

Существительные типа *боулинг, дайвинг, серфинг, джоггинг, джипинг* и под. нельзя отнести к процессуальной лексике, поскольку их основная функция — номинация сферы занятий, увлечений человека. В то же время, когда возникает необходимость толкования лексического значения таких слов, носители языка, как правило, включают в свои дефиниции в качестве опорных ссылки на действия, ср.: ***Джипинг*** *— экстремальный вид отдыха, заключающийся в* ***прохождении*** *туристических маршрутов по бездорожью на автомобилях* (lenta.ru, 06.07.2016) [НКРЯ]; ***Бейсджам-***

пинг — ***прыжки*** *с парашютом с фиксированых объектов* (vk, 26.12.2012) [НКРЯ]; *То, что раньше именовали* ***бегом*** *трусцой, теперь получило красивое иностранное название* ***«джоггинг»*** (Советский спорт, 18.05.2007) [НКРЯ]. В связи с этим представляется интересным рассмотреть функционирование «инговых» спортивных номинаций в аспекте глагольно-именной синтагматики.

Для анализа были отобраны контексты с существительными *дайвинг* и *серфинг / сёрфинг*, многочисленные употребления которых свидетельствуют о популярности и коммуникативной значимости данных видов активного отдыха. Анализ показал, что функционирование указанных существительных в основном соответствует именным закономерностям. Так, наиболее распространенными являются синтагмы «N + *по дайвингу/ по серфингу*» (*тренер* ***по дайвингу***), «N + *для дайвинга / для серфинга*» (*доска* ***для серфинга***); «N + *дайвинга / серфинга*» (*школа / федерация / лига / любитель* ***серфинга****, услуги / любители / курс / база* ***дайвинга***). Эти модели характерны в целом для русских спортивных номинаций.

Сема действия в «инговых» спортивных номинациях актуализируется в сочетании с предлогом *во время*, который указывает на временную протяженность, а следовательно, процессуальный характер того, что обозначено существительным: *Но каждый ли способен на такие акробатические трюки* ***во время серфинга****, как герои этого видео?* (РИА Новости, 18.06.2015) [НКРЯ]. Аналогичное употребление возможно и для номинаций типа *футбол, хоккей* (*Жизнь в Рио замирает лишь в одном случае —* ***во время футбола*** (lenta.ru, 17.08.2016) [НКРЯ], но в подобных случаях, с нашей точки зрения, происходит метонимический перенос названия игры на матч как отрезок игрового времени или на соревнования, то есть череду матчей. В сочетаниях *во время серфинга / дайвинга* метонимии не усматривается, так как сами по себе данные существительные обозначают недискретные по времени виды спортивных занятий. Эта особенность в значительной степени способствует актуализации процессуальной семантики «инговых» спортивных номинаций.

Особое внимание мы обратили на управляемые формы беспредложного родительного падежа с объектным или субъектным значением, которые, как было показано выше, служат маркерами глагольной семантики. Спортивная «инговая» лексика, в силу специфики лексического значения, не управляет родительным объекта, но зато были обнаружены словосочетания с родительным субъекта, отсутствующие у существительных группы 3.1: *«Ведущий “Би-би-си” определенно ненавидит свою жизнь из-за этого репортажа про* ***серфинг собак****», — написал пользователь под ником @ smileyt22* (Репортаж о **псах-серферах** навеял на ведущего скуку // lenta.

ru, 10.08.2017) [НКРЯ]; *Погружения, описанные в этом исследовании, не только глубже и длиннее предыдущих задокументированных учёными случаев* ***дайвинга клювокрылов Кювье****…* (Найден лучший **дайвер** среди морских млекопитающих // Vesti.ru, 27.03.2014) [НКРЯ].

Семантика субъекта действия у выделенных форм родительного падежа представляется очевидной благодаря заголовкам-анонсам, где используются выделенные нами выражения *псы-серферы* и *лучший дайвер* (о клювокрылах). Словосочетания *серфинг собак, дайвинг клювокрылов* интерпретируются подобно словосочетаниям *полет орла, жужжание мухи, игра команды* и, главное, воспринимаются как вполне естественные для русского языка, ср.: **футбол команды.* Употребления спортивных номинаций с родительным субъекта крайне редки, но они демонстрируют скрытый глагольный потенциал «инговой» формы существительного.

3.3. «Инговые» существительные непроцессуальной семантики

К этой группе «инговых» существительных относятся номинации конкретных предметов (*билдинг, кемпинг, паркинг, холдинг, рейтинг, опенинг* — ‘вступительный музыкальный видеоряд’ и др.), веществ (*допинг, айсинг, топинг* и др.), состояний (*шокинг, гемблинг, тайминг* — ‘чувство времени’ и др.): *Вместо высоченных* ***билдингов*** *— колоритные домики-пагодки, прячущиеся в густой зелени деревьев* (Коммерсант, 25.08.2020) [НКРЯ]; *... такое деление предусмотрено самими авторами, потому что в середине сериала меняются* ***опенинг*** *и* ***эндинг*** (blogspot.com taemanotabi. 20.11.2011) [НКРЯ]; *Последний штрих-нарисовала* ***айсингом****, подкрашенным в зеленый…* (Торты, 2022) [НКРЯ]; *Например, добавить начинку — кремчиз, сверху сочно полить* ***топингом*** *из облепихового варенья…* (kolokolschool. Гончарная школа «Колокол», 2022) [НКРЯ]; *Осталась только проблема, которую именуют кто игроманией, кто игровой зависимостью, лудоманией или* ***гемблингом*** (Труд-7, 29.03.2007) [НКРЯ]; *У Влодарчика отменный* ***тайминг****: он вонзает прямые удары точно в цель, превосходно понимая, когда именно это стоит сделать* (Советский спорт, 20.06.2013) [НКРЯ].

Многие из номинаций этой группы образовались на базе вторичных метонимических значений процессуальных или «спортивных» существительных, среди которых (значений) можно выделить следующие:

— значение конкретного предмета, связанного с мотивирующим действием: *Из подтопленных участков набережной* ***вывозим*** *людей* ***на автобусах и джипингах****…* (Vesti.ru, 17.10.2014) [НКРЯ]; *Hutchison Whampoa Limited — одна из крупнейших корпораций из списка Fortune 500 и* ***перечисленных в листинге*** *Гонконгской фондовой биржи* (lenta.ru, 21.09.2015) [НКРЯ]; *Представители «Яндекс.Драйва» и «Делимобиля» рассказали,*

что ***каршеринги продолжают дезинфицировать автомобили*** *при каждой мойке* (Ведомости, 2020.08.30) [НКРЯ];

— значение материального результата действия: *Отныне пройти проверку не позволит* ***наличие*** *у машины «левого»* ***тюнинга*** (Парламентская газета, 2018.02.22) [НКРЯ]; *Однако чтобы решить задачи огромного количества рекламодателей <…> нам пришлось бы создать* ***множество разных таргетингов****: по водителям и пешеходам, по любителям кошек и собак и так далее…* (РБК Дейли, 11.09.2013) [НКРЯ].

— значение конкретного события: *Повышение возраста владения оружием и ужесточение ответственности за незаконное хранение огнестрелов, казалось, позволят остановить* ***череду скулшутингов****…* (Парламентская газета, 2021.12.31) [НКРЯ]; … *курс* ***четырех пилингов*** *нового поколения «Биорепил» (BioRePeelCl3)* ([Олива Олива. Костемология Воронеж, 2022) [НКРЯ]; *Нельзя делать узи плода, можно даже отказаться от* ***трёх скринингов*** (dr.povolotskaya. Блог о медицине, 24.12.2020) [НКРЯ];

— значение орудия действия (вещество): *Уже не раз вам советовала вот такие* ***пилинги*** *использовать не только для лица, но и для кожи головы…* (Ольга. О бюджетных находках класса люкс, 2021) [НКРЯ]; *… в течение трех часов вас будут помещать в сауну,* ***натирать пилингом****, класть в ароматическую ванну…* (Коммерсант, 30.03.2010) [НКРЯ].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что эффективным механизмом формирования и манифестации в речи метонимического значения «инговых» существительных является образование формы множественного числа. В этом также проявляется сходство заимствований с русскими отвлеченными именами действия, «плюральные формы» которых «конкретизируются посредством метонимического переноса» [Калинина, 2009, с. 33].

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволило выявить и описать такие закономерности функционирования новых заимствованных существительных с компонентом *-инг-*, которые манифестируют глагольно-именной синкретизм данной лексики.

Процессуальный характер семантики «инговых» существительных во многом определяется их формой, а именно — суффиксом *-инг-*, который, по данным многих исследований, используется в речевых новообразованиях как морфема со значением действия. В числе факторов глагольности «инговых» существительных был отмечен билингвизм носителей русского языка и связанная с ним экстраполяция процессуальной семантики английских отглагольных форм на русифицированные «инговые» существитель-

ные. Показателем глагольной интерпретации этих существительных служат толкования их лексического значения, отражающие языковую рефлексию говорящих, а также их введение в текст через слово *процесс*.

В число типично глагольных синтагматических связей «инговых» существительных входит управление формой родительного падежа с объектным или субъектным значением, экспликация семантики способа действия через связь «инговых» существительных с творительным орудийным или лексемами *метод, механизм*. Самыми частотными в нашем текстовом материале являются сочетания с родительным объекта.

Связь с родительным субъекта спорадически реализуется в сочетаниях с номинациями спортивных занятий или видов активного отдыха, которые в этом случае функционируют по типу русских имен действий. Потенциал глагольных свойств у этого вида лексики обусловлен интегральной семой ʻигровое действиеʼ. Эта сема входит в лексическое значение всех номинаций спортивных занятий, что позволяет им сочетаться с временными показателями продолжительности действия, но у «инговых» существительных сема действия находит формальную поддержку в виде процессуального суффикса *-инг-*, что расширяет синтагматические возможности «инговых» спортивных номинаций.

Анализ непроцессуальных «инговых» существительных показал активность семантической деривации метонимического типа на базе процессуальных значений. В современной речи форма «ингового» существительного, обозначающего действие, используется для номинаций конкретных предметов, связанных с действием, материальных результатов действия, веществ как орудий действия, конкретных событий. Способом выражения непроцессуальных значений часто выступает форма множественного числа.

В целом рассмотренный нами материал, выводы и наблюдения подтверждают утверждение исследователей новейших заимствований о высокой степени русификации «инговых» существительных по всем известным параметрам. Представляется целесообразным включение наиболее активных в современной коммуникации существительных, представляющих разные сферы социальной жизни, в дидактический материал для изучения русского языка как родного и как иностранного. Перспективой дальнейшего изучения «инговых» существительных может быть более широкое исследование их сочетаемостных свойств и контекстных парадигматических связей.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. БЭС — *Большой* экономический онлайн-словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com/ (дата обращения 01.09.2024).

2. *Маринова Е. В.* Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект / Е. В. Маринова, Е. А. Волочек ; отв. ред. С. В. Лесников. — Санкт-Петербург : Редакция альманаха «Говор», 2023. — 200 с.

3. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 01.09.2024).

4. НРЛ — *Новое* в русской лексике. Словарные материалы-2018 / Сост. Н. В. Кожевников, Н. А. Козловская, С. Д. Козулина, С. Д. Ридецкая ; отв. ред. Н. В. Козловская. Инст. лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2020. — 104 с.

5. Словарь Ефремовой — *Современный* толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/ (дата обращения 07.09.2024).

6. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 2007. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-011-6.

Литература

1. *Беляева И. В.* Заимствование морфем как илиминирование лакун : «инговые» формы в русском языке / И. В. Беляева, Э. Г. Куликова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2019. — № 6 (822). — С. 108—121.

2. *Боброва А. В.* Суффиксы — иноязычный, освоенный, заимствованный (на примере истории группы слов на -инг, заимствованных из русского языка / А. В. Боброва // Stephanos. — 2018. — № 2 (28). — С. 248—255.

3. *Вотякова И. А.* Суффикс -инг- в словообразовательной системе современного русского языка / И. А. Вотякова // Русский язык и культура в зеркале перевода. — 2020. — № 1. — С. 275—282.

4. *Доброрадных Т. А.* Системные и функциональные свойства герундия как полифункциональной единицы английского языка / Т. А. Доброрадных // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2019. — Т. 25. — № 4. — С. 170—176. — DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-170-176.

5. *Долженко Н. Г.* Имя действия в системе событийной лексики : пересекаемость глагольной и именной лексики / Н. Г. Долженко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2005. — № 11 (51). — С. 105—110.

6. *Дьяков А. И.* Суффикс -инг завоевывает свои позиции в русском словообразовании / А. И. Дьяков, Е. В. Скворецкая // Сибирский филологический журнал. — 2013. — № 4. — С. 180—186.

7. *Ермачкова О.* Англицизмы на -инг в русском и словацком языках / О. Ермачкова // Филологический класс. — 2020. — Т. 25. — № 1. — С. 51—61. — DOI: 10.26170/FK20-01-05.

8. З*имин С. В.* Грамматические трансформации глагольных форм с -ing-окончанием / С. В. Зимин // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — 2011. — № 4. — С. 93—97.

9. *Калинина Л. В.* Квантификация неисчисляемых существительных в русском языке как когнитивный процесс / Л. В. Калинина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2008. — № 1—2. — С. 32—35.

10. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 888 с. — ISBN 5-94457-183-7.

11. *Левина С. Д.* Адаптация иноязычной морфемы *-инг* в русском языке начала XXI в. / С. Д. Левина // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. — 2023. — № 1 (6). — С. 34—47. — DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47.

12. *Маринова Е. В.* Адаптация иноязычной лексики на современном этапе : новые явления и тенденции / Е. В. Маринова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Филология». — 2011. — № 6 (2). — С. 399—403.

13. *Недоступ О. И.* «Новояз» Интернета: источники и механизмы появления новой лексики / О. И. Недоступ, Е. Ю. Плешивцева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — DOI: 10.15862/25FLSK421.

14. *Рацибурская Л. В.* Динамические аспекты интернационализации в современном медийном словотворчестве / Л. В. Рацибурская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2014. — № 5 (24). — С. 25—31.

15. *Шашкова В. Н.* Имена событийной семантики в терминологическом поле уголовно-процессуального права / В. Н. Шашкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 27—33.

16. *Широких А. Ю.* Субстантивация действия : проблемы перевода неличных форм английского глагола на русский язык / А. Ю. Широких // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 2 (69). — С. 646—649. — DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32630.

17. *Ширшов И. А.* Имя действия в словообразовательной системе языка / И. А. Ширшов // Славистика : синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И. С. Улуханова. — Москва : ИЦ «Азбуковник», 2006. — С. 258—270. — ISBN 5-91172-004-3.

18. *Bogomolets K.* Linguistic Integration of the Newest Anglicisms into the Russian Language / K. Bogomolets // Kansas Working Papers in Linguistics. — 2013. — Т. 34. — С. 26—42.

19. *Stokwell R.* English Words : History and Structure / R. Stokwell, D. Minkova. — Cambridge : Cambridge University Press, United Kingdom, 2001. — 208 p.

20. *Suhandoko S.* A corpus-based list of academic English derivational suffixes / S. Suhandoko // Indonesian Journal of Applied Linguistics. — 2020. — September. — Pp. 481—490. — DOI: 10.17509/ijal.v10i2.28589

21. *Szabolcs J.* On the Registration of Pseudo-Anglicisms in Modern Russian Lexicography / J. Szabolcs // Studia Slavica Hung. — 2018. — Vol. 63/1. — Pp. 57—66. — DOI: 10.1556/060.2018.63.1.7.

Статья поступила в редакцию 19.09.2024,
одобрена после рецензирования 29.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

Material resources

BES — *Is a large online economic dictionary.* Available at: https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com/ (accessed 01.09.2024). (In Russ.).

Efremova's Dictionary — *A modern explanatory dictionary of the Russian language edited by T. F. Efremova.* Available at: https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/ (accessed 07.09.2024). (In Russ.).

Marinova, E. V., Volochek, E. A. (2023). *Thematic dictionary of terminology of the digital society RU: Prospect.* St. Petersburg: Editorial office of the almanac "Govor". 200 p. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 01.09.2024). (In Russ.).

NRL — *Is New in the Russian vocabulary. Dictionary materials-2018.* (2020). St. Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. 104 p. (In Russ.).

TSRYA — Shvedova, N. Y. (ed.). (2007). *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words.* Moscow: Publishing Center "Azbukovnik". 1175 p. ISBN 978-5-91172-011-6. (In Russ.).

References

Belyaeva, I. V., Kulikova, E. G. (2019). Borrowing morphemes as the elimination of lacunae: "ing" forms in the Russian language. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 6 (822):* 108—121. (In Russ.).

Bobrova, A. V. (2018). Suffixes — foreign language, mastered, borrowed (on the example of the history of a group of words in English borrowed from the Russian language. *Stephanos, 2 (28):* 248—255. (In Russ.).

Bogomolets, K. (2013). Linguistic Integration of the Newest Anglicisms into the Russian Language. *Kansas Working Papers in Linguistics, 34:* 26—42.

Dobroradnykh, T. A. (2019). Systemic and functional properties of the gerund as a multifunctional unit of the English language. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology, 25 (4):* 170—176. DOI: http://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-4-170-176. (In Russ.).

Dolzhenko, N. G. (2005). The name of an action in the system of event vocabulary: the intersection of verbal and nominal vocabulary. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics, 11 (51):* 105—110. (In Russ.).

Dyakov, A. I., Skvoretskaya, E. V. (2013). Suffix -ing wins its position in Russian word formation. *Siberian Philological Journal, 4:* 180—186. (In Russ.).

Ermachkova, O. (2020). Anglicisms on -ing in Russian and Slovak languages. *Philological class, 25 (1):* 51—61. DOI: 10.26170/FK20-01-05. (In Russ.).

Inaccessible, O. I., Pleshivtseva, E. Y. (2021). "Newspeak" of the Internet: sources and mechanisms of the emergence of new vocabulary. *The world of science. Sociology, philology, cultural studies., 12 (4).* DOI: 10.15862/25FLSK421. (In Russ.).

Kalinina, L. V. (2008). Quantification of uncountable nouns in the Russian language as a cognitive process. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities, 1—2:* 32—35. (In Russ.).

Krysin, L. P. (2004). *Russian word, one's own and another's: Research on the modern Russian language and sociolinguistics.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 888 p. ISBN 5-94457-183-7. (In Russ.).

Levina, S. D. (2023). Adaptation of the foreign language morpheme -ing in the Russian language of the beginning of the XXI century. *VERBA. Northwestern Linguistic Journal, 1 (6):* 34—47. DOI: 10.34680/VERBA-2023-1(6)-34-47. (In Russ.).

Marinova, E. V. (2011). Adaptation of foreign language vocabulary at the present stage: new phenomena and trends. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. The series "Philology", 6 (2):* 399—403. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V. (2014). Dynamic aspects of internationalization in modern media word-making. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics, 5 (24):* 25—31. (In Russ.).

Shashkova, V. N. (2019). Names of event semantics in the terminological field of criminal procedure law. *Bulletin of the South Ural State University. The series "Linguistics", 16 (4):* 27—33. (In Russ.).

Shirokikh, A. Yu. (2018). Substantiation of action: problems of translating non-personal forms of the English verb into Russian. *World of Science, culture, education, 2 (69):* 646—649. DOI: https://doi.org/10.17513/spno.32630. (In Russ.).

Shirshov, I. A. (2006). The name of action in the word-formation system of the language. In: *Slavistics: synchrony and diachrony. Collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of I. S. Ulukhanov.* Moscow: IC "Azbukovnik". 258—270. ISBN 5-91172-004-3. (In Russ.).

Stokwell, R., Minkova, D. (2001). *English Words: History and Structure.* Cambridge: Cambridge University Press, United Kingdom. 208 p.

Suhandoko, S. (2020). A corpus-based list of academic English derivational suffixes. *Indonesian Journal of Applied Linguistics. September.* 481—490. DOI: 10.17509/ijal.v10i2.28589.

Szabolcs, J. (2018). On the Registration of Pseudo-Anglicisms in Modern Russian Lexicography. *Studia Slavica Hung, 63/1:* 57—66. DOI: 10.1556/060.2018.63.1.7.

Votyakova, I. A. (2020). Suffix -ing- in the word-formation system of the modern Russian language. *Russian language and culture in the mirror of translation, 1:* 275—282. (In Russ.).

Zimin, S. V. (2011). Grammatical transformations of verb forms with - ing-ending. *Bulletin of Moscow State University. The series "Linguistics", 4:* 93—97. (In Russ.).

The article was submitted 19.09.2024;
approved after reviewing 29.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Смолина А. Н. Пейзажная зарисовка в мемуарной прозе русского монашества XX века / А. Н. Смолина, Е. А. Кудрявцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 84—106. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-84-106.

Smolina, A. N., Kudryavtseva, E. A. (2024). Landscape Sketches in Memoir Prose of 20th Century Russian Monasticism. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 84-106. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-84-106. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Пейзажная зарисовка в мемуарной прозе русского монашества XX века

Смолина Анджелла Николаевна
orcid.org/0000-0003-0947-3763
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
и речевой коммуникации,
корреспондирующий автор
angelic2009@mail.ru

Кудрявцева Екатерина Александровна
orcid.org/0000-0001-7973-9569
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и речевой коммуникации
katekudr@yandex.ru

Сибирский
федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Landscape Sketches in Memoir Prose of 20th Century Russian Monasticism

Andzhella N. Smolina
orcid.org/0000-0003-0947-3763
Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of the Russian
and Speech Communication,
corresponding author
angelic2009@mail.ru

Ekaterina A. Kudryavtseva
orcid.org/0000-0001-7973-9569
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian
and Speech Communication
katekudr@yandex.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

© Смолина А. Н., Кудрявцева Е. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале духовных воспоминаний архиепископа Никона (Рождественского) рассматривается функционирование пейзажной зарисовки в мемуарной прозе русского монашества XX века. Выявляются особенности идейно-тематического содержания, образной организации, стилистического оформления, интенциональной направленности, выполняемых функций пейзажной зарисовки в мемуарной монашеской словесности. Установлено, что главные идеи пейзажной зарисовки в духовном мемуарном тексте — идея любви к Богу и ближним, идея действия Промысла Божия и идея веры в Бога. Названы ведущие темы: природы, красоты, детства, радости, счастья. Показано, что ключевыми являются образы храма, монастыря, монастырских владений. Утверждается, что основная интенция пейзажных зарисовок — ауторефлексивная, векторы которой — (1) размышления о связи природы, ее состояния и настроения человека; (2) размышления о Божественном начале природы, присутствии Бога в ней. Выяснено, что элокутивные особенности пейзажных зарисовок в мемуарах связаны с использованием религионимов (в частности, православной лексики духовно-нравственного содержания, теонимов, экклезионимов, христианских геортонимов, иконимов); эпитетов, метафор, перечислений, наименований погодных и атмосферных явлений, флоронимов. Сделан вывод о том, что значимые функции религиозной пейзажной зарисовки — смыслообразующая и изобразительная.

Ключевые слова:
пейзажная зарисовка; мемуарная проза; монашеская словесность; русское монашество; духовная культура.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the role of landscape sketches in the memoir prose of 20th-century Russian monasticism, focusing on the spiritual recollections of Archbishop Nikon (Rozhdestvensky). It identifies the distinctive ideological and thematic content, imagery organization, stylistic features, and intentionality behind these landscape portrayals within monastic literary works. The analysis reveals that the primary themes conveyed through these sketches center around love for God and one's neighbors, the action of Divine Providence, and faith in God. Key motifs include nature, beauty, childhood, joy, and happiness, with significant imagery associated with churches, monasteries, and monastic lands. The study posits that the main intention of these landscape sketches is self-reflective, manifesting in two primary vectors: (1) contemplation on the relationship between nature, its states, and human emotions; (2) reflections on the Divine essence present in nature. Furthermore, it examines the rhetorical features of landscape sketches in these memoirs, highlighting the use of religious terminology (specifically Orthodox lexicon with spiritual and moral connotations), epithets, metaphors, enumerations, and names of weather phenomena and flora. The findings conclude that the significant functions of religious landscape sketches are both meaning-making and representational.

Key words:
landscape sketch; memoir prose; monastic literature; Russian monasticism; spiritual culture.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1'42:27-1+82-94
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-84-106

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Пейзажная зарисовка в мемуарной прозе русского монашества XX века

© Смолина А. Н., Кудрявцева Е. А., 2024

1. Введение = Introduction

На протяжении последних десятилетий мемуарная проза все чаще становится объектом исследования лингвистов и литературоведов, что связано с интересом к документальной литературе в целом. К наиболее значимым работам по изучению документальных произведений можно отнести монографии и статьи Е. Г. Местергази, в частности такие: «О термине "документальная литература"» [Местергази, 2006], «Документальное начало в литературе XX века» [Местергази, 2007]. Документальная литература также изучается М. А. Михайловой («"Невымышленные рассказы" писателей XX века …»), Т. Г. Рабенко («Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи…»), О. Н. Александровой-Осокиной («Традиции семейной хроники в современной дальневосточной литературе») [Михайлова, 2015; Рабенко, 2020; Александрова-Осокина, 2021]. Результаты изучения мемуарной прозы представлены, в частности, в таких трудах, как «Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе» С. В. Бурмистровой, «Концепт "семья" как часть концепта "детство" и его репрезентация в русской и английской мемуарной прозе XIX — начала XX веков» И. А. Киселевой, «Мемуарная проза Всеволода Иванова» Е. А. Папковой [Бурмистрова, 2011; Киселева, 2017; Папкова, 2022]. Церковно-религиозные мемуарные произведения анализируются О. Д. Поповой («Мемуары семинаристов как отражение дискуссий о проблемах духовной школы второй половины XIX — начала XX века», «Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов») [Попова, 2016; Попова, 2018]. В ее статьях материал анализируется в историческом аспекте, однако они интересны и с филологических позиций, поскольку автор представляет результаты рассмотрения структуры, содержания произведений, намерения авторов, способствовавшие написанию текстов. С литературо-

ведческих позиций церковно-религиозные документальные произведения изучаются С. В. Мельниковой («Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература», «Пространство “Духовного глада” и апостольского подвига: образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства») [Мельникова, 2012; Мельникова, 2015]. В разные годы одним из авторов данной статьи были написаны работы по церковно-религиозной документальной прозе, в частности посвященные мемуарным произведениям («Духовное письмо-воспоминание как жанровое явление церковно-религиозного стиля») [Смолина, 2020]. Внимание российских ученых к документальной литературе, реализации документальных жанров в церковно-религиозных текстах, изучению мемуарных текстов с литературоведческих и лингвистических позиций позволяет говорить об актуальности нашего исследования. Кроме того, актуальность работы определяется необходимостью развития теолингвистики — направления, в научном фокусе которого находится вопрос о взаимодействии языка и религии, а также важностью развития теории русской монашеской словесности.

В представляемом исследовании внимание авторов сосредоточивается на функционировании пейзажной зарисовки в мемуарной прозе русского монашества XX века. Рассматривая интенциональную специфику, идейно-тематическое содержание, образную организацию, стилистическое оформление, функциональное назначение пейзажной зарисовки в русском монашеском мемуарном тексте, мы показываем своеобразие реализации анализируемого интражанрового явления. К интражанровым типам произведений пейзажная зарисовка относится потому, что она редко функционирует как самостоятельное речевое произведение, обычно она становится композиционным элементом текстов публицистического, художественного и церковно-религиозного стилей.

Пейзажная зарисовка как композиционный элемент текста и специфическая литературная форма рассматривалась многими исследователями. В частности, результаты изучения данного явления представлены в таких трудах, как «Эволюция и поэтика “малых” жанров в литературе Сибири конца XIX — начала XX веков» О. К. Лесничевой, «Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX—XXI веков» Т. Ф. Гостевой, «К вопросу о функциональной значимости пейзажных описаний в структуре художественного текста» И. Н. Анисимовой, «Альпийские очерки в структуре путевого дневника А. Н. Майкова» О. В. Седельниковой, «Художественная проза бидермейера в Австрии: жанры и поэтика» Г. А. Лошаковой, «Русское духовное пространство в очерках Валериана Никонова» О. Н. Александровой-Осоки-

ной [Лесничева, 2004; Гостева, 2007, Анисимова, 2010; Седельникова, 2011; Лошакова, 2014; Александрова-Осокина, 2015]. Исследователи несколько по-разному подходят к определению свойств пейзажной зарисовки, ее принадлежности к типу явлений литературы, квалификации этого явления. Так, например, О. К. Лесничева относит пейзажную зарисовку к «малым» формам литературы (наряду с портретом, фельетоном, жанровой сценкой) [Лесничева, 2004, с. 9], И. Н. Анисимова пишет о ней как о значимом элементе пространственно-временной организации текста [Анисимова, 2010, с. 183], Г. А. Лошакова говорит о зарисовках как о произведениях малых жанров, так же как о фельетонах, «картинах из жизни», очерках [Лошакова, 2014, с. 14]. Здесь важно отметить, что многие исследователи пишут о пейзажной зарисовке как о компоненте / элементе текста, не говоря о ней как о жанровой форме [Анисимова, 2010; Нужная, 2016; Фолимонов, 2017; Шевцова, 2021; Петишева, 2022]. Мы склонны видеть в пейзажной зарисовке жанровую природу, относя ее, как и Г. А. Лошакова, О. К. Лесничева, к малым жанрам. Исходя из того, что в пейзажной зарисовке отражаются специфические условия и цели определенной области деятельности человека «не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего композиционным построением» [Бахтин, 2013, с. 250], ее можно отнести к жанровым явлениям словесности. Поскольку ее объем обычно небольшой и она входит в состав иного жанра, можно говорить о малоформатном характере данного произведения. То, что пейзажная зарисовка обычно является элементом организации текста, позволяет нам говорить о ее преимущественно интражанровом функционировании.

Новизна исследования заключается в том, что функционирование пейзажной зарисовки в монашеской мемуарной прозе не становилось предметом отдельного исследования, лингвистическое описание этого жанрового явления с позиций стилистики и теолингвистики также не предпринималось. Помимо этого, можно сказать о том, что в современной российской филологии пейзажная зарисовка не описывалась как интражанровое явление с учетом ее интенциональной составляющей, идейно-тематического содержания, образной организации, стилистического оформления, выполняемых функций.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили воспоминания архиепископа Никона (Рождественского) о детстве и училищных годах, написанные им в первые четыре года обучения в Московской духовной семинарии, они охватывают период с середины пятидесятых годов XIX века по 1872 год.

Воспоминания вышли отдельной книгой и публиковались по материалам, хранящимся в фонде архиепископа Никона отдела рукописей Российской государственной библиотеки [ОР РГБ, ф. 785].

Цель работы — представить основные особенности функционирования пейзажной зарисовки в мемуарных произведениях русского православного монашества XX века. Сообразно цели были поставлены соответствующие задачи: представить особенности анализа текстов монашеской словесности; выявить круг основных идей исследуемого жанрового явления и его ведущие темы; рассмотреть ключевые образы пейзажной зарисовки, функционирующей в монашеской словесности; описать интенциональное пространство церковно-религиозного мемуарного дискурса; выделить черты отличия пейзажной зарисовки, бытующей в монашеской речевой культуре от пейзажной зарисовки, представленной в иных речевых сферах (художественной и публицистической).

Основные методы исследования: лингвостилистический метод, направленный на установление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования языковых единиц в различных сферах общения; метод лингвоидеологического анализа, направленный на выявление языковых единиц, репрезентирующих главные идеи исследуемых текстов; метод теолингвистического анализа, предполагающего «изучение взаимосвязи и взаимодействия (интеракции) языка и религии» [Постовалова, 2012в, с. 55].

Авторами учитывался опыт предыдущих исследований мемуарной духовной литературы, а также других документальных произведений церковных писателей, в частности результаты филологического анализа, представленные в таких работах, как «Статус мемуаров во французской литературе XVII века» С. Ю. Павловой, «The Study of Epistolary Narratives» О. Ходкинсона и П. Розенмейер, «Духовная проза Станислава Минакова» Н. В. Пращерук, «O conselheiro/orientador espiritual Frei António das Chagas nas Cartas Espirituais: Tese (Doutorado em Letras)» А. С. В. Ногейры, «Путевые дневники святителя Герасима (Г. И. Добросердова) в контексте русской паломнической литературы», «Мемуары сибирского православного духовенства XIX — начала XX века: судьбы, тексты, стили» С. В. Мельниковой [Павлова, 2011; Hodkinson, 2013; Пращерук, 2015; Nogueira, 2019; Мельникова, 2023а; Мельникова, 2023б].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Особенности анализа текстов монашеской словесности

Анализируя тексты монашеской словесности, следует обращать внимание на вопросы, связанные с мировоззрением монашествующих хри-

стиан, для которых несомненным становится то, что Бог сотворил видимый и невидимый мир; Бог управляет своим творением; Богу свойственно всеведение и всемогущество; в мире действует Промысл Божий. Центром картины мира монашествующего христианина является не человек, а Бог. Теоцентрическая модель мироздания существенным образом отличается от антропоцентрической, что находит отражение в создаваемых монахами текстах, например, в пейзажной зарисовке природа будет представляться как носящая в себе Божественное начало, в любви к ней будет видеться любовь к Богу как создателю всего мира. Религиозно-христианские взгляды на окружающее определяют особое восприятие происходящих в мире и в жизни отдельных людей событий, их поведение, словесное творчество. При работе с произведениями церковных писателей-монахов следует использовать метод теолингвистического анализа, специфичный выявлением религиозных смыслов, отражающихся в словесном творчестве с опорой на тексты, «в которых отражаются основные положения христианского вероучения, его сущность (Евангелие, труды святых отцов (святоотеческая литература) и церковных писателей Нового времени, научные работы современных богословов), с последующим определением того, какую роль данные слова-понятия и идеи, утверждаемые с их помощью, играют в смыслообразовании и формировании специфики текстов церковно-религиозного стиля» [Смолина, 2022, с. 802].

3.2. Идейно-тематическое содержание

Основными темами пейзажных зарисовок в исследуемом материале являются темы природы, детства, радости, красоты, счастья. Отношение к природе архиепископа Никона (Рождественского) эмоциональное, проникнутое чувствами радости, восторга, восхищения и осознания того, что природа — творение Божие. В описаниях природы выражается любовь к Богу и ко всему, что создано Богом. Чувство сопричастности всему живому, осознание духовного начала окружающего, восхищение от созерцания окружающих писателя местностей ярко проступают в пейзажных зарисовках. Природа в пейзажных зарисовках обычно одухотворяется. Часто, описывая окружающие картины мироздания, автор обращает внимание на храмы, монастыри, монастырские угодья, вспоминает святых: *Этот уединенный, заслоненный лесом* ***монастырь*** *открывается путешественнику только тогда, когда он проедет деревню Печатниково (в полуверсте от* ***монастыря****) и* ***рощу монастырскую****; а до тех пор он видит только главу собора.* ***Монастырская роща*** *напоминает путешественнику о* ***великом святителе Московском Платоне****, который так любил этот* ***монастырь****. Огромные ели … сосны и вязы живописно раскидывают свои ветви по пригорью Москвы-реки и по обеим сторонам дороги. Эта роща мне очень*

понравилась с первого же взгляда, и я очень часто впоследствии любил гулять в тени ее ветвей, по бархатистым лужайкам из цветов [Воспоминания Николая Рождественского …, 2021, с. 99]. В этом отрывке звучит тема любви к природе, ко всему живому, отражается вера в Бога, что видно из того, какое значение для автора имеют монастырь, монастырская роща, воспоминания о святом человеке. Любовь к природе, наблюдение за окружающим (лесами, реками, полями), наступление христианских праздников становятся источником радости для автора: *Этот день для нас был* ***самый веселый, самый желанный!****.. Въезд родных,* ***березки вокруг церкви и домов****, многочисленное собрание народа,* ***торжественное богослужение****, в котором … участвовал мой брат, и, наконец, несколько палаток с разными лакомствами, все это производило особое* ***радостное впечатление*** *на меня, все это приводило меня в* ***восторг****! А* ***цветочки****, покрывающие в это время землю? А* ***солнце****, так* ***приятно*** *взирающее на всю панораму нашего села? Или* ***дождь****, так кстати освежающий солнечный жар и наполняющий воздух ароматами?* [Там же, с. 43]. Близка к теме радости тема счастья: *Мы были* ***счастливы****! Теплое весеннее солнце пригревало нас своими живительными лучами, тихий прохладный ветерок охватывал нас … Не знаю, было ли когда-нибудь в моей последующей жизни время, когда я чувствовал бы так живо все* ***наслаждение*** *… и именно только весною!* [Там же, с. 41]. Возникновение состояния счастья связывается автором с созерцанием красоты природы, ее одухотворяющей силой, вдохновляющей ролью и, конечно, с Божественным действием (окружающее (мир, время) автор называет Божиим: *Божий свет*, *Божия весна*). Тема красоты становится одной из ведущих и обычно реализуется с помощью эпитетов, в том числе и с помощью таких, как *прекрасный*, *приятный*, *живописный*. Приведем пример*: Вечер был* ***прекрасный****; холодок и благоухание цветов придорожных навевали спокойствие на душу … Мы поехали по* ***прекрасным*** *паркам (садам), расположенным вокруг дач;* ***светлые*** *пруды отражали в своих* ***спокойных*** *водах вершины деревьев и последние лучи солнца … Глубоко напечатлелось воспоминание об этом приятном воспоминании в моей душе*. О *многом я думал, сидя на своей колеснице; я рисовал себе в самых* ***привлекательных*** *образах картину домашней жизни летом …* [Там же, с. 123]. Тема детства в пейзажных зарисовках часто связывается с темой веры в Бога: *Колыбелью моего* ***детства*** *было село Чашниково, находящееся в 27 верстах от главной нашей столицы — Москвы. Оно расположено на двух горах, разделенных глубоким оврагом, и своими окрестностями представляет живописную панораму: домы причта и помещика на одной, и крестьян на другой горке — как бы тонут в зелени садов, при подошвах гор протекает небольшая речка, живописно извивающаяся*

между ивами, которые как бы стараются прикрыть ее своею тенью от знойных лучей солнца; окрестности села покрыты волнующимися нивами, и над всем этим ***величественно возвышается осмиглавый древний храм во имя Живоначальной Троицы — главная красота моей родины*** [Там же, с. 147—148].

Основные идеи, которые воплощаются в исследуемых текстах, восходят к Евангелию. Более всего обозначает себя идея любви к Богу и ближним, обращающая читателя к первой и второй заповедям, которые христиане знают по 22 главе Евангелия от Матфея: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон…* (Мф. 22: 37—40). Любовь к Богу, своим близким и всему живому звучит на страницах духовных мемуарных произведений в описаниях природы как в собственно пейзажных текстовых компонентах, так и в комментариях к ним. Выражается это не только с помощью слов *люблю*, *любил*, но и с помощью языковых единиц с эмоционально-экспрессивной окраской, уменьшительно-ласкательных суффиксов, слов с высокой, книжной окраской, восклицательных предложений: *Рощу эту составляет заглохший сад монастырский… Она состоит из двух частей: ближе к монастырю одни сосны, густо насаженные, с вершинами, покрытыми множеством гнезд… Вторая часть, отделенная от первой заросшей канавкой, представляет куртины, как из сада. Куртины эти часто бывают наполнены учениками… Тут были сплетены непроницаемые беседки, устланные травой, где спокойно почивали рыцари-синтаксисты. <…> И* ***радостно*** *билось серд****ечк****о, из уст лились сладкие речи,* ***враги мирились*** *между собой, чтобы вместе разделить* ***удовольствие****,* ***переполнявшее душу*** [Там же, с. 113].

Реализация принципа провиденциализма, одного из ведущих христианских мировоззренческих принципов, наблюдающаяся при изучении многих типов церковно-религиозных текстов, обнаруживает себя и в пейзажных зарисовках духовного характера. Действие этого принципа предопределяет выдвижение идеи действия Промысла Божия (Божественного Провидения) и в пейзажной зарисовке, функционирующей в духовной мемуарной литературе. Отметим, что эта идея и темы, связанные с ней, как и первостепенная идея любви к Богу и ближним, христианами возводится прежде всего к евангельским текстам и в целом к библейским книгам. Об этом в работе Н. В. Калининой говорится: «Новый Завет — кладезь сюжетов, иллюстрирующих Промысел и предопределение в жизни первых христиан» [Калинина, 2020, с. 51]. Как пример предопределения Н. В. Ка-

линина рассматривает эпизод, связанный с апостолом Петром (Мф. 26: 33—35) [Там же, с. 52]. Надо сказать о том, что идея действия Промысла Божия характерна для духовных воспоминаний в целом, присутствует во многих интражанрах этого типа церковно-религиозного текста. Приведем примеры: *Я считаю себя счастливцем, что* ***Господь благоволил*** *сподобить меня принять святое крещение в сей всерадостный день*; *благодарение* ***Всеблагому Промыслу Божию****! — надежда моя исполнилась* [Воспоминания Николая Рождественского …, 2021, с. 24]. Важнейшими репрезентантами данной идеи становятся единицы текста, в которых указывается на волю Божию, предопределение Божие, Божественные действия, например: *Промысл Божий*, *Господь благоволил*, *Бог внушил*, *Бог ведет к лучшему*, *Господь помиловал*.

Идея веры в Бога, утверждаемая в изучаемых произведениях, также восходит к Библии, и в частности — к Евангелию, к таким стихам, как «иди, и, как ты веровал, да будет тебе», «дерзай, дщерь! вера твоя спасла тебя»; «по вере вашей да будет вам» (Мф. 8: 13; 9: 22, 29) и другим.

Воспоминания о природе часто сопровождаются размышлениями, темой таких размышлений становится связь природы, ее состояния и настроения человека, его восприятия окружающего: *Эта местность отстоит от нашего села около пяти верст. Я помню очень живо эту пасмурную погоду; небо большею частью было закрыто тучками… <…> Но в ясные осенние дни путешествие в лес было для меня очень приятною прогулкою.* ***Хорошо наслаждаться весенними прелестями природы; но несравненно лучше — наслаждаться суровыми и пестрыми картинами осени. Весной человек не спешит наслаждаться красотами природы; он надеется на летние прелести, но осень напоминает ему о том, что суровая зима скоро отнимет у него возможность наслаждений, и потому человек спешит вдыхать в себя этот хладный ароматический воздух; спешит насмотреться на пестрый лес, обнаженные поля и луга; ему жаль расставаться с летними красотами*** [Там же, с. 67].

3.3. Образная организация пейзажной зарисовки, функционирующей в мемуарной прозе русского монашества XX века

Круг образов исследуемых текстов специфичен тем, что основными в них становятся образы храма, монастыря, монастырских владений. Большая часть воспоминаний связана со становлением и укреплением писателя в вере, и поэтому образ храма становится одним из центральных. Обычно воспоминания, связанные с церковью, ее убранством, с праздниками, отмечаемыми церковью, окрашены теплыми чувствами, позитивными эмоциями, которые передаются в них разными средствами (например, эпитетами *привлекательная*, *радостное*, *торжественное*, *святая*, *блаженное*,

благоговейная, *счастлив*, *живописная*, *живописно*, *прекрасный*, *приятная*, *приятно*, *родной*, *заветные*, *мил*, *радушно*, *величественно* и др. или глаголами *понравилось*, *наслаждаться*, *поражали*, *любил*, *любит* и др.). В описаниях храмов, окружающих их земель, строений выражается положительная оценка, автор стремится передать свою сопричастность окружающей природе, почтительность к Церкви, принятие церковной жизни. Близкий контекст таких пейзажных зарисовок также обычно касается чего-то приятного и значимого для автора: *До этой поездки мне не случалось бывать в далеких селениях; поэтому меня очень интересовали новые местности и картины природы; в Пушкине мне особенно* ***понравилось*** *положение церкви: она построена на высокой горе, с которой, прямо из церковного притвора спускается каменная широкая лестница. <…> Сестра была очень* ***рада*** *нам* [Там же, с. 59]; *Село Леоново, Яковлево тож, лежит на большой каменной Владимирке, при реке Пахре. Оно, со своими господскими домами, с обширной церковью, с двумя колокольнями представляет картину, еще более, чем Нащелково,* ***привлекательную****. Брат также* ***радушно*** *встретил нас* [Там же, с. 60]. Помимо слов, выражающих положительные эмоции и чувства, передающих положительную оценку, в пейзажных зарисовках для отражения почтительного отношения к храмам, истории церкви, христианской культуре используются и религионимы, в частности слова, относящиеся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *Иной раз сходишь на Сенную площадь (бывало), пошлешь домой записку; в другое время побываешь в Кремле,* ***полюбуешься*** *Замоскворечьем. И как* ***приятны*** *были для меня эти прогулки по местам, составляющим* ***святыню*** *Русской Земли! <…> Глаза мои были тогда довольно зорки для того, чтобы прочитать золотую надпись над главою Ивана Великого, и узнать, что этот великан московский родился в царствование Годунова; или стоило подойти к памятнику Минина и Пожарского, чтобы узнать, как русский человек* ***любит*** *свою матушку Москву <…>* ***Любил*** *я ходить и по соборам —* ***заветным*** *московским* ***святыням****. О, как я был тогда* ***счастлив****!* [Там же, с. 84—85]. Слово ***святыня***, придающее оттенок торжественности пейзажной зарисовке, усиливает выражение положительной эмоциональной окраски, принятия, одобрения. Несомненно, что в пейзажных зарисовках, функционирующих в духовной мемуарной прозе, большое значение приобретают образы природы: рощи, елей, реки, прудов, солнца, грозы, неба, гор, садов, берез, холмов, долин. Их использование способствует усилению изобразительности текста, его выразительности и художественности: *Когда я был младенцем, то мне не дозволяли ходить на Иордань; в утешение мне маменька дозволяла… только посмотреть на торжественную процессию с* ***горы, на которой стоял наш дом****.*

Она выводила меня на усадьбу, откуда и открывалась перед моим взором белоснежная панорама: ***внизу, под горой****, тянется по* ***снежному лугу*** *закованная в ледяные оковы, закутанная в пушистое снеговое покрывало* ***река****, на которой устроена Иордань, т. е. прорубь, обсаженная* ***елками****; вдали за* ***снежным*** *скучным* ***лугом****, расстилается еще более скучное* ***поле****, а за ним виднеется* ***лес****, одетый темной мантией инока. Но все мое внимание приковано к Иордани* [Там же, с. 30—31].

3.4. Основные интенции, представленные в пейзажной зарисовке, функционирующей в мемуарной прозе русского монашества

Важнейшая интенция исследуемых текстов — ауторефлексия (анализ автором своих мыслей, поступков, поведения, происходящего в окружающей писателя действительности), выражение чувств и эмоций, утверждение взглядов по религиозным вопросам. Ауторефлексивная составляющая специфична тем, что в ней отражается христианское мировоззрение автора, это обнаруживает себя в использовании религионимов: *Весна была самым приятным для меня временем, как, думаю, для всего живущего. Едва земля освобождалась от снежного покрова, едва просыхали луговинки, как маленькое общество детей, к которому принадлежал и я, отправлялось искать первых весенних цветов. <…> …и оживляющая природа, и эти бесцветные холмы, и эти свежие, но еще без листвы березки, — все так было весело, приветливо, что невольно увлекало малюток! <…> И не правда ли, читатели, это прекрасное время года нам напоминает о весне нашей жизни, и горько бывает вспомнить, что эта весна более не повторится?! Вот когда особенно должно напоминать себе о* ***вечной жизни блаженных избранников Божиих****, если мы хотим, чтобы чувствовать блаженство обновленной ходатайством* ***Христа Спасителя*** *природы…* [Там же, с. 40—41]. Этот отрывок дает возможность понять, что природа церковным писателем воспринимается в неразрывной связи с Богом, который видится ее Творцом.

Выражение чувств и эмоций специфично использованием слов, относящихся к тематической сфере «православие», интертекстем из христианских текстов; используются при этом и обычные в таких ситуациях средства — восклицательные конструкции, эмотивы, высокохудожественные книжные эпитеты: *О,* ***святая****,* ***таинственная*** *ночь! Какие чувства* ***волновали*** *тогда мою младенческую, не знавшую еще страстей* ***душу****! Отсутствие луны, темнота ночи производили* ***чувства невыразимые*** *при свете* ***мерцающих*** *звезд. Совершался* ***священный*** *обряд. До меня долетали* ***трогательные*** *звуки* ***священной*** *песни:* ***«Святый Боже!.. Святый крепкий!.. Святый безсмертный!.. помилуй нас..»*** [Там же, с. 38]. Глубина религиозных чувств, трепетное отношение к природе, пережива-

ние предпасхальных событий и описанного в Евангелии и вспоминаемого в Великую субботу в приведенной части текста передаются писателем с помощью эпитетов *святая*, *таинственная*, *невыразимые*, *трогательные*, *священная*, интертекстема из молитвы, именуемой «Трисвятое», усиливает эмоциональное звучание. Отрывок из воспоминаний архиепископа Никона (Рождественского) дает возможность увидеть, что, как и в иных пейзажных зарисовках, для автора становится важным передать не только красоту природы, но и чувства по отношению к ней, однако его восприятие окрашено религиозным мироощущением, что особенно проявляется в звучании молитвенного текста *«Святый Боже!.. Святый крепкий!.. Святый безсмертный!.. помилуй нас…»*.

Утверждение взглядов по религиозным вопросам особо проявляется в суждениях автора, сопровождающих описания природы: *Тихо и спокойно было в природе; тихо и отрадно чувствовалось в душе. Было часов 8 утра, когда мы приблизились к родному селу. У самой заставы (при въезде в небольшой парк А. М. Карепина стояли тогда две деревянных колонны, которые мы и величали заставой) у самой, говорю, заставы дорогу нам пересекла процессия: несли иконы из села … А когда мы прибыли домой и отправились с дороги, то Царица Небесная посетила и нашу хижину. Мы отслужили молебен перед Ее святою иконою и пошли в церковь. Я особенно подробно остановился на этом, по-видимому, самом обыкновенном путешествии из училища на вакацию. Причину нетрудно угадать: для меня окончился, можно сказать, первый год школьной жизни … <…>* ***И в самом деле, что было бы со мною, если бы Бог не внушил добрым людям перевести меня в Перерву?*** [Там же, с. 126—127]. В приведенном примере утверждается мысль о том, что в жизни человека существует Промысл Божий (Промысл Божий, понимаемый как проявление в мире воли Божией, — центральное понятие православного богословия и христианского богословия в целом; в большей части богословских трудов на русском языке используется орфографический вариант *Промысл*, иногда встречается вариант *Промысел*), считается, что он направлен к благу человека. Перерва — это место, где проходили училищные годы архиепископа Никона (Рождественского) (ныне существующая Перервинская духовная семинария). Описывая возвращение из Перервы домой, автор стремится показать, что в его духовном становлении действовал Промысл Божий и он счастлив тем, что годы его взросления прошли в духовном учебном заведении. Провиденциализм — принцип, в основе которого лежит понимание происходящих событий как действия Промысла Божия, — в целом часто проявляет себя в произведениях русских церковных писателей-монахов; в пейзажных зарисовках, как показывает приведенная иллюстрация, он

также находит отражение. Несомненно, что здесь мы также видим утверждение идеи важности веры в Бога в жизни каждого человека. Принципы теоцентризма и христоцентризма также находят выражение в пейзажный зарисовках, которые достаточно широко представлены в мемуарных церковно-религиозных текстах. Репрезентация этих принципов в основном осуществляется с помощью теонимов и иных религионимов: *Погода была ненастная, как раз подходившая к моему настроению. <…> Мне предстояла новая жизнь, которая будет ли лучше, — это еще вопрос, а очень может быть и хуже. Но я вполне покорился судьбе* ***Провидения****. «Что бы ни произошло, — думал я, конечно,* ***Бог*** *ведет к лучшему». Дорога, по которой мы (я и мой родитель) шли, была грязна; тогда еще не наблюдали за ней, как теперь. Мы проходили сквозь поля, засеянные огородными овощами, которые, разумеется, теперь представляли вид опустошения. От Москвы и почти до Перервы простирается луговая равнина, вся занятая огородами* [Там же, с. 99]. Особенности воплощения теоцентрического мировоззрения, заключающиеся в том, что для человека с таким типом мировоззрения «мир есть целое лишь постольку, поскольку он весь, целиком, зависит от Бога, поскольку он является его творением и его отображением» [Бицилли, 1995, с. 88], в пейзажных зарисовках церковных писателей проявляются также в стремлении подчеркнуть божественную одухотворенность природы и то, что мир сотворен Богом: *Описывая свою родину, я не могу не упомянуть о скромном домике моих родителей, в котором я впервые увидел* ***Божий свет*** [Воспоминания Николая Рождественского … 2021, с. 149]; ***Тишина и темнота священной ночи, предшествующей Великому дню Пресветлого Воскресения Христова, производила на мое воображение****, тогда еще не потемненное страстями, —* ***невыразимо-благоговейное впечатление****.* ***Этот благовест, созывающий отовсюду верных чад православной Церкви, эти мерцающие звезды на небе, и эти озаряющие храм огни, а также толпы богомольцев вокруг храма*** *и, наконец, глубоко* ***трогательное пение священной песни «Воскресение Твое, Христе Спасе…» —*** *все это в совокупности так* ***трогало мою душу****, что я невольно порывался туда…* [Там же, с. 39].

3.5. Стилистическое оформление пейзажных зарисовок, встречающихся в произведениях русской монашеской словесности XX века

Стилистика изученного духовного мемуарного текста специфична использованием теонимов (*Бог*, *Христос*, *Спаситель*); экклезионимов — наименований местностей, названных в честь святых и иных религиозных деятелей, мест совершения таинств и обрядов, мест поклонения: монастырей и храмов (*храм во имя Живоначальной Троицы*, *Иордань*, *Перерва*, *церковь во имя святителя Христова Николая*, *придел в честь Владимирской иконы*

Пресвятой Богородицы, *придел в честь святого Алексия человека Божия* и др.); христианских геортонимов — наименований значимых церковных праздников, памятных дат и торжеств (*Воскресение Христово*, *Вербное воскресенье*, *Пятидесятница*, *Троицын день*, *неделя Ваий* и др.); иконимов (*Владимирская икона Божией Матери*, *Владимирская икона Пресвятой Богородицы*, *Иверская икона* и др.), языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания (*душа*, *Промысл Божий*, *исповедь* и др.). Как и в иных пейзажных зарисовках, в произведениях церковных писателей-монахов этот интражанр стилистически организуется с помощью эпитетов, призванных создавать яркие образы ландшафта: *Почти на половине пути, там, где дорога в Перервинский монастырь отделяется от Угрешской, почва представляет болотистую низину, в которой переход для пеших очень затруднителен. Еще версты за четыре или за пять до Перервы виднеется ее* ***золотая*** *глава, выдающаяся из-за леса, лежащего со стороны Москвы* [Там же, с. 99]. Несомненно, что в элокутивном оформлении используются и метафоры: *лугом называют перервинские ученики долину, которая* ***стелется*** *за больницей ... По долине много вековых вязов* [Там же, с. 112]. Чертой пейзажной зарисовки становится и функционирование олицетворения*: Здесь все напоминает мне о минувшем детстве,* ***каждый кустик, каждое деревцо, холм, долина, — все говорит со мною****, как с давно знакомым ...* [Там же, с. 149]. Из тропеических средств обычным для пейзажных зарисовок становится и сравнение: *Не оставляли* ***мы*** *ни лужайки, ни куртинки, ни холмочка, чтобы не побывать там; и везде сидели, играли,* ***как дети природы, как лесные зверочки, обрадованные Божьею весной*** [Там же, с. 113]. Усилению изобразительности способствуют распространенные и часто встречающиеся в речи носителей русского языка фразеологизмы: *Когда мы собрались, в пути погода была очень ненастная. Мы заехали в деревню Катюшку, где отыскали у кого-то зонтик (конечно, дорожный, большой). <...> Дождь шел* ***как из ведра****... Мы принуждены были заехать в село Пушкино ...* [Там же, с. 59]. Из стилистических фигур наиболее частотно перечисление, способствующее созданию образности: в *этом саду я любил в детстве играть со своими товарищами, под тенью* ***кленов***, ***тополей*** *и* ***берез****; а теперь, в продолжение каникул, люблю уединяться для чтения книг* [Там же, с. 149]. При выражении чувств, передаче оценки происходивших событий, отображении душевных ощущений используются восклицательные конструкции: *Припрыгивая и смеясь, мы прибегали на довольно возвышенную обширную луговинку и там принимались искать Аннушкиных глазок, как называли мы маленькие голубенькие цветочки, которые первые прозябают на земли.* ***О, как тогда мы были счастливы!*** [Там же, с. 41]. Как и в пейзажных зарисовках, функционирующих в художественном стиле,

в зарисовках церковно-религиозного стиля важными в лексическом отношении становятся наименования погодных и атмосферных явлений: *А между тем* ***туча*** *все надвигала. Издалека слышны были отдаленные перекаты* ***грома****. Когда мы выехали на Театральную площадь, к бассейну, и родитель мой стал поить лошадь, то вдруг последовал столь сильный удар* ***грома****, что лошади испугались, и мне показалось, что трясутся стены зданий… Вслед за первым последовал второй удар, и полил сильный* ***дождь****, точно из ведра. С нами был зонтик, которым мы и воспользовались. Я, по обету, зашел к Иверской иконе, пока родитель стоял с лошадью у угла. <…> Дождь между тем все усиливался. <…> Нужно было переждать* ***бурю*** [Там же, с. 125]. В изображении своеобразия описываемой местности, воссоздании картины окружающего писателя мира важную роль играют флоронимы (*верба*, *Аннушкины глазки*, *ель*, *грибы*, *цветы*, *акация*, *береза*, *клены*, *тополя* и др.): *древний храм во имя Живоначальной Троицы … стоит на крутом обрыве и осенен со всех сторон вековыми* ***березами*** [Там же, с. 148].

Как основные черты исследуемых текстов, выделенные на основе анализа их стилистического оформления и изучения экстралингвистических факторов, влияющих на выбор языковых средств, можно обозначить такие: художественно-образная речевая конкретизация, предполагающая использование языковых единиц, способных создавать изобразительность (эпитетов, метафор, экклезионимов, перечисления, наименований погодных и атмосферных явлений, флоронимов); метафоричность, предполагающая активное обращение к метафорам с целью создания образного представления об описываемых явлениях (*долина* ***стелется***, *поле* ***расстилается мантией инока***, ***уединенный*** *монастырь*, ***бархатистые*** *лужайки*, *солнце приятно* ***взирающее***); ауторефлексивность, проявляющая себя вербально в использовании таких языковых единиц, как *думал*, *думаю*, *поэтому*, *не правда ли*, *напоминать*, *напоминает*, *причина*, *вот почему*, *конечно*, *должен признаться*, *Бог судил*; религиозно-христианская интенциональность, обнаруживающая себя в использовании теонимов *Бог*, *Господь*, *Богородица*, церковной лексики с предметным значением (*храм*, *монастырь*, *придел*, *церковь*, *икона*), наименований обрядов (*крестный ход*, *богослужение*, *молебен*), евангельская идейность, вербально представленная в таких языковых единицах, как *Промысл Божий*, *Провидение*, *любить*, *любил*, *святыня*, *Христос Спаситель*, *Воскресение Христово*, *добрые люди*.

3.6. Основные функции пейзажной зарисовки в мемуарных текстах русского монашества

Функции пейзажной зарисовки в церковно-религиозных произведениях связаны с религиозно-христианскими интенциями, в частности такими, как размышление о понимании истины в христианстве, путях духовного

совершенствования через обретение добродетелей. Функциями пейзажных зарисовок, встречающихся в мемуарной прозе русского монашества, становятся: смыслообразующая (передача религиозных смыслов: в мире действует Промысл Божий, природа — творение Божие, Божественное начало проявляет себя в природе); изобразительная (создание образа природы: мест, с которыми связаны воспоминания автора о разных этапах жизни, духовном становлении, приходе к вере и укреплении в ней); эстетическая (создание богатого образами и эстетически привлекательного текста, способствование пробуждению у адресата чувства прекрасного, благоговейного отношения к природе как Божиему созданию); психологическая (отражение восприятия окружающей действительности писателем, передача чувств и эмоций, вызванных картинами природы; свидетельствование о любви к Богу, благодарности Богу); темпорально-локативная функция (характеристика времени и пространства, в которых происходят описываемые события).

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрение вопросов, связанных с функционированием пейзажной зарисовки в мемуарной прозе русского монашества XX века, показало, что для выявления особенностей реализации этого интражанра в церковно-религиозных текстах важно использовать теолингвистический подход, особенность которого заключается в изучении средств представления христианского мировоззрения в речи (в том числе в выявлении слов, отражающих веру автора в Бога и приверженность значимым идеям и постулатам христианства). Кроме того, исследование избранного для описания речевого произведения позволило сделать вывод о том, что основными идеями, утверждаемыми в нем, становятся идея любви к Богу и ближним, понимание которой восходит к Евангелию, идея действия Промысла Божия (Божественного Провидения) и идея веры в Бога, понимание которых основывается на видении, представленном в библейских текстах. Ведущими темами выступают темы природы, красоты, детства, радости, счастья. Ключевыми образами рассмотренной пейзажной зарисовки являются образы храма, монастыря, монастырских владений, при их создании автором используются эпитеты с положительной коннотацией, важными в текстообразующем отношении становятся и образы природы: рощи, сада, леса и других. Интенциональное пространство церковно-религиозного мемуарного дискурса специфично реализацией ауторефлексивной интенции, векторами которой становятся размышления о связи природы, ее состояния и настроения человека, его восприятия окружающего и, конечно, размышления о Божественном начале природы, присутствии Бога в ней. В элокутивном отношении исследованные произведения отличает использование религи-

онимов, в основном слов, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания, теонимов, экклезионимов, христианских геортонимов, иконимов. Стилистический облик жанра создается также за счет эпитетов, метафор, перечисления, наименований погодных и атмосферных явлений, флоронимов. Основные функции религиозной пейзажной зарисовки — ***смыслообразующая***, реализация которой специфична передачей мыслей о том, что в мире действует Промысл Божий, а природа — творение Божие, и ***изобразительная***, реализация которой связывается с созданием образа природы в сочетании с воспоминаниями о духовном становлении.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Воспоминания* Николая Рождественского (архиепископа Никона) о своем детстве и училищных годах / сост. и авт. вступ. статьи еп. Можайский Леонид (Толмачев). — Москва : Издательство Перервинской духовной семинарии ; Козельск : Издательство Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптина пустынь, 2021. — 232 с. — ISBN 978-5-905747-15-1.

Литература

1. *Александрова-Осокина О. Н.* Русское духовное пространство в очерках Валериана Никонова / О. Н. Александрова-Осокина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2015. — № 4. — С. 73—80.

2. *Александрова-Осокина О. Н.* Традиции семейной хроники в современной дальневосточной литературе / О. Н. Александрова-Осокина // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 155—168. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-155-168.

3. *Анисимова И. Н. К* вопросу о функциональной значимости пейзажных описаний в структуре художественного текста / И. Н. Анисимова // Вестник Чувашского университета. — 2010. — № 4. — С. 181—185.

4. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — Москва : Книга по Требованию, 2013. — 444 с. — ISBN 978-5-458-23202-9.

5. *Бицилли П. М.* Элементы средневековой культуры / П. М. Бицилли. — Санкт-Петербург : Мифрил, 1995. — 244 с. — ISBN 5-86457-010-9.

6. *Бурмистрова С. В.* Специфика репрезентации авторского я в женской мемуарной прозе / С. В. Бурмистрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011. — № 1 (113). — С. 119—124.

7. *Гостева Т. Ф.* Лингвостилистические особенности и текстообразующий потенциал пейзажных описаний в американской прозе XIX—XXI вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Т. Ф. Гостева. — Барнаул, 2007. — 21 с.

8. *Калинина Н. В.* Понимание Промысла Божьего и предопределения у раннехристианских авторов / Н. В. Калинина // Теология : история, проблемы, перспективы : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. (13—14 декабря 2019 г. ; г. Липецк — г. Задонск) / Под. ред. Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой. — Липецк : ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2020. — С. 50—52. — ISBN 978-5-88526-980-3.

9. *Киселева И. А.* Концепт «семья» как часть концепта «детство» и его репрезентация в русской и английской мемуарной прозе XIX — начала XX вв. / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2017. — № 4. — С. 90—101. — DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-90-101.

10. *Лесничева О. К.* Эволюция и поэтика «малых» жанров в литературе Сибири конца XIX — начала XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.00.00 / О. К. Лесничева. — Красноярск, 2004. — 22 с.

11. *Лошакова Г. А.* Художественная проза бидермейера в Австрии : жанры и поэтика : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.03 / Г. А. Лошакова. — Нижний Новгород, 2014. — 45 с.

12. *Мельникова С. В.* Мемуары сибирского православного духовенства XIX века и областная сибирская литература / С. В. Мельникова // Проблемы исторической поэтики. — 2012. — Т. 10. — С. 67—76. — DOI: 10.15393/j9.art.2012.341.

13. *Мельникова С. В.* Пространство «Духовного глада» и апостольского подвига : образ Сибири в мемуарах дореволюционного православного духовенства / С. В. Мельникова // Вестник Томского государственного университета. — Филология. — 2015. — № 5 (37). — С. 157—171. — DOI: 10.17223/19986645/37/12.

14. *Мельникова С. В.* Путевые дневники святителя Герасима (Г. И. Добросердова) в контексте русской паломнической литературы / С. В. Мельникова // Проблемы исторической поэтики. — 2023а. — Т. 21. — № 3. — С. 7—22. — DOI: 10.15393/j9.art.2023.12784.

15. *Мельникова С. В.* Мемуары сибирского православного духовенства XIX — начала XX века : судьбы, тексты, стили : монография / С. В. Мельникова ; науч. ред. И. А. Айзикова. — Иркутск : ИОГУНБ, 2023б. — 240 с. — ISBN 978-5-6049399-8-7.

16. *Местергази Е. Г.* Документальное начало в литературе XX века / Е. Г. Местергази. — Москва : Флинта, 2006. — 160 с. — ISBN 5-9765-0184-2.

17. *Местергази Е. Г.* О термине «документальная литература» / Е. Г. Местергази // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2007. — № 11 (55). — С. 174—177.

18. *Михайлова М. А.* «Невымышленные рассказы» писателей XX в. : проблема синтеза художественного и документального в мемуарах «Нового мира» эпохи А. Твардовского / М. А. Михайлова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 6. — С. 96—101.

19. *Нужная Т. В.* Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р де Шатобриана «Атала» / Т. В. Нужная // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 149—158.

20. *Огнева Е. А.* Алгоритм интерпретации архитектоники текстового когнитивного сценария в документальной прозе / Е. А. Огнева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2022. — № 3. — С. 76—79. — DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1106.

21. *Павлова С. Ю.* Статус мемуаров во французской литературе XVII века / С. Ю. Павлова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика». — 2011. — Т. 11. — № 1. — С. 31—36.

22. *Папкова Е. А.* Мемуарная проза Всеволода Иванова / Е. А. Папкова // Stadia Litterarum. — 2022. — № 2. — Т. 7. — С. 298—317. — DOI: 0.22455/2500-4247-2022-7-2-298-317.

23. *Петишева В. А.* Пейзаж на уроках литературы в старших классах: формирование навыков работы с художественным текстом / В. А. Петишева // Лебедевские чтения : материалы Всероссийской научно-методической конференции «Актуальные вопросы изучения языка и литературы в школе и в вузе» / под науч. ред. М. В. Шамановой. — Ярославль : ИРО ЯО ; РИО ЯГПУ, 2022. — С. 169—175.

24. *Попова О. Д.* Мемуары семинаристов как отражение дискуссий о проблемах духовной школы второй половины XIX — начала XX вв. / О. Д. Попова // Вестник ТвГУ. Серия «История». — 2016. — № 2. — С. 57—72.

25. *Попова О. Д.* Материалы ревизий духовно-учебных заведений как исторический источник и их роль в прочтении мемуаров семинаристов / О. Д. Попова // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2018. — № 1 (58). — С. 7—17.

26. *Постовалова В. И.* Теолингвистика в современном гуманитарном познании : истоки, основные идеи и направления / В. И. Постовалова // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». — 2012. — № 4. — С. 54—101.

27. *Пращерук Н. В.* Духовная проза Станислава Минакова / Н. В. Пращерук // Церковь. Богословие. История : материалы III Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6—7 февраля 2015 г.). — Екатеринбург : Информ.-изд. отдел ЕДС, 2015. — С. 554—560.

28. *Рабенко Т. Г.* Инвариантные и вариантные признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») / Т. Г. Рабенко // Жанры речи. — 2020. — № 1 (25). — С. 6—14. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14.

29. *Седельникова О. В.* Альпийские очерки в структуре путевого дневника А. Н. Майкова / О. В. Седельникова // Сибирский филологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 33—40.

30. *Смолина А. Н.* Духовное письмо-воспоминание как жанровое явление церковно-религиозного стиля / А. Н. Смолина // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2020. — № 1. — С. 53—63. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.53.

31. *Смолина А. Н.* Модель описания речевого жанра «духовный дневник» : основные параметры и воплощение (стилистический и теолингвистический аспекты) / А. Н. Смолина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — № 3. — С. 800—811. — DOI: 10.30853/phil20220138.

32. *Фолимонов С. С.* Образ неба в «Сибирских рассказах и очерках» В. Г. Короленко / С. С. Фолимонов // Известия саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 440—446.

33. *Шевцова Л. И.* Смысловая архитектоника лирики Е. П. Ростопчиной / Л. И. Шевцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — № 3. — С. 626—630. — DOI: 10.30853/phil210109.

34. *Hodkinson O.* The Study of Epistolary Narratives / O. Hodkinson, P. A. Rosenmeyer // Epistolary Narratives in Ancient Greek Literature / edited by Owen Hodkinson, Patricia A. Rosenmeyer, Evelien Bracke. — Leiden — Boston : Brill, 2013. — 424 p.

35. *Nogueira A. S. V.* O conselheiro/orientador espiritual Frei António das Chagas nas Cartas Espirituais : Tese (Doutorado em Letras) / A. S. V. Nogueira. — Sao Paulo : Universidade Estadual Paulista (UNESP), Faculdade de Ciências e Letras, Assis, SP, 2019. — 331 p.

Статья поступила в редакцию 24.09.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 05.11.2024.

Material resources

Memoirs of Nicholas Rozhdestvensky (Archbishop Nikon) about his childhood and college years. (2021). Moscow: Publishing House of the Perervinsky Theological Seminary; Kozelsk: Publishing house of the Vvedensky Stavropol Monastery Optina Pustyn. 232 p. ISBN 978-5-905747-15-1. (In Russ.).

References

Alexandrova-Osokina, O. N. (2015). Russian spiritual space in the essays of Valerian Nikonov. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. The series "Humanities and Social Sciences", 4:* 73—80. (In Russ.).

Alexandrova-Osokina, O. N. (2021). Family Chronicle Traditions in Contemporary Far Eastern Literature. *Nauchnyi dialog, 5:* 155—168. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-5-155-168 (In Russ.).

Anisimova, I. N. (2010). On the question of the functional significance of landscape descriptions in the structure of a literary text. *Bulletin of the Chuvash University, 4:* 181—185. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2013). *Aesthetics of verbal creativity.* Moscow: Book on Demand. 444 p. ISBN 978-5-458-23202-9. (In Russ.).

Bicilli, P. M. (1995). *Elements of medieval culture.* St. Petersburg: Mithril. 244 p. ISBN 5-86457-010-9. (In Russ.).

Burmistrova, S. V. (2011). The specifics of the representation of the author's self in women's memoir prose. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 1 (113):* 119—124. (In Russ.).

Folimonov, S. S. (2017). The image of the sky in "Siberian stories and essays" by V. G. Korolenko. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Philology. Journalism, 17 (4):* 440—446. (In Russ.).

Gosteva, T. F. (2007). *Linguistic stylistic features and text-forming potential of landscape descriptions in American prose of the XIX—XXI centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Barnaul. 21 p. (In Russ.).

Hodkinson, O., Rosenmeyer, P. A. (2013). The Study of Epistolary Narratives. In: *Epistolary Narratives in Ancient Greek Literature.* Leiden — Boston: Brill. 424 p.

Kalinina, N. V. (2020). Understanding the Providence of God and predestination among early Christian authors. In: *Theology: history, problems, prospects: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists with international participation. (December 13—14, 2019; Lipetsk Zadonsk).* Lipetsk: LSPU named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky. 50—52. ISBN 978-5-88526-980-3. (In Russ.).

Kiseleva, I. A. (2017). The concept of "family" as part of the concept of "childhood" and its representation in Russian and English memoir prose of the XIX — early XX cen-

turies. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 4:* 90—101. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-90-101. (In Russ.).

Lesnicheva, O. K. (2004). *Evolution and poetics of "small" genres in the literature of Siberia of the late XIX — early XX centuries.* Author's abstract of PhD Diss. Krasnoyarsk. 22 p. (In Russ.).

Loshakova, G. A. (2014). *Biedermeyer's artistic prose in Austria: genres and poetics.* Author's abstract of Doct. Diss. Nizhny Novgorod. 45 p. (In Russ.).

Melnikova, S. V. (2012). Memoirs of the Siberian Orthodox clergy of the XIX century and regional Siberian literature. *Problems of historical poetics, 10:* 67—76. DOI: 10.15393/j9.art.2012.341. (In Russ.).

Melnikova, S. V. (2015). The space of "Spiritual gladness" and apostolic feat: the image of Siberia in the memoirs of the pre-revolutionary Orthodox clergy. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 5 (37):* 157—171. DOI: 10.17223/19986645/37/12. (In Russ.).

Melnikova, S. V. (2023a). Travel diaries of St. Gerasim (G. I. Dobroserdov) in the context of Russian pilgrimage literature. *Problems of historical poetics, 21 (3):* 7—22. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12784. (In Russ.).

Melnikova, S. V. (2023b). *Memoirs of the Siberian Orthodox clergy of the XIX — early XX century: destinies, texts, styles: monograph.* Irkutsk: IOGUNB. 240 p. ISBN 978-5-6049399-8-7. (In Russ.).

Mestergazi, E. G. (2006). *The documentary beginning in the literature of the XX century.* Moscow: Flint. 160 p. ISBN 5-9765-0184-2. (In Russ.).

Mestergazi, E. G. (2007). On the term "documentary literature". *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 11 (55):* 174—177. (In Russ.).

Mikhailova, M. A. (2015). "Non-fictional stories" by writers of the twentieth century: the problem of synthesis of fiction and documentary in the memoirs of the "New World" era of A. Tvardovsky. *Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities, 6:* 96—101. (In Russ.).

Nogueira, A. S. V. (2019). *O conselheiro/orientador espiritual Frei António das Chagas nas Cartas Espirituais: Tese (Doutorado em Letras).* Sao Paulo: Universidade Estadual Paulista (UNESP), Faculdade de Ciências e Letras, Assis, SP. 331 p. (In Portug.).

Nuzhnaya, T. V. (2022). Ideological and Artistic Originality of French Children's Literature of 19th Century: E. d'Hervilly "Adventures of a Prehistoric Boy". *Nauchnyi dialog, 11(9):* 212—226. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-212-226. (In Russ.).

Ogneva, E. A. (2022). Algorithm for interpreting the architectonics of a textual cognitive scenario in documentary prose. *Bulletin of the Moscow State Regional University, 3:* 76—79. DOI: 10.18384/2224-0209-2022-3-1106. (In Russ.).

Papkova, E. A. (2022). The memoir prose of Vsevolod Ivanov. *Stadia Litterarum, 2 (7):* 298—317. DOI: 0.22455/2500-4247-2022-7-2-298-317. (In Russ.).

Pavlova, S. Y. (2011). The status of memoirs in French literature of the XVII century. *Proceedings of the Saratov University. A new series. The series "Philology. Journalism", 11 (1):* 31—36. (In Russ.).

Petisheva, V. A. (2022). Landscape in literature lessons in high school: formation of skills for working with artistic text. In: *Lebedev readings: materials of the All-Russian scientific and methodological conference "Topical issues of studying language and literature at school and university".* Yaroslavl: IRO YAO; RIO YAGPU. 169—175. (In Russ.).

Popova, O. D. (2016). Memoirs of seminarians as a reflection of discussions about the problems of the theological school of the second half of the XIX — early XX centuries. *Bulletin of TvSU. The series "History", 2:* 57—72. (In Russ.).

Popova, O. D. (2018). Materials of revisions of theological educational institutions as a historical source and their role in reading the memoirs of seminarians. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 1 (58):* 7—17. (In Russ.).

Postovalova, V. I. (2012). Theolinguistics in modern humanitarian cognition: origins, main ideas and directions. *Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia "Magister Dixit", 4:* 54—101. (In Russ.).

Prashcheruk, N. V. (2015). The spiritual prose of Stanislav Minakov. In: *Church. Theology. History: materials of the III International Scientific and Theological Conference (Yekaterinburg, February 6—7, 2015).* Yekaterinburg: Inform.-ed. EDS Department. 554—560. (In Russ.).

Rabenko, T. G. (2020). Invariant and variant signs of the genres of natural written speech (based on the material of the genres "personal diary", "personal letter", "personal note"). *Genres of speech, 1 (25):* 6—14. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-1-25-6-14. (In Russ.).

Sedelnikova, O. V. (2011). Alpine essays in the structure of the travel diary of A. N. Maikov. *Siberian Philological Journal, 1:* 33—40. (In Russ.).

Shevtsova, L. I. (2021). Semantic architectonics of lyrics by E. P. Rostopchina. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 14 (3):* 626—630. DOI: 10.30853/phil210109. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2020). Spiritual letter-remembrance as a genre phenomenon of church-religious style. *Bulletin of SAFU. The series "Humanities and Social Sciences", 1:* 53—63. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.53. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2022). Model of description of the speech genre "spiritual diary": basic parameters and embodiment (stylistic and theolinguistic aspects). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (3):* 800—811. DOI: 10.30853/phil20220138. (In Russ.).

The article was submitted 24.09.2024;
approved after reviewing 29.10.2024;
accepted for publication 05.11.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Федяева Н. Д. Русский язык в педагогическом дискурсе полилингвального социума (на материале учебников для школ с русским языком обучения Республики Казахстан) / Н. Д. Федяева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 107—124. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-107-124.

Fedyaeva, N. R. (2024). Russian in Pedagogical Discourse of a Multilingual Society: Textbooks for Russian-Language Schools in Republic of Kazakhstan. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 107-124. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-107-124. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русский язык в педагогическом дискурсе полилингвального социума (на материале учебников для школ с русским языком обучения Республики Казахстан)

Федяева Наталья Дмитриевна
orcid.org/0000-0003-1595-0482
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русского языка и лингводидактики
ndfed@yandex.ru

Омский государственный
педагогический университет
(Омск, Россия))

Благодарности:
Статья выполнена в рамках государственного задания на выполнение прикладной научно-исследовательской работы по теме «Психолого-педагогическое, социокультурное и лингводидактическое сопровождение граждан республики Казахстан в области изучения русского языка и русской культуры в условиях инонациональной языковой среды» (Дополнительное соглашение Минпросвещения России и ФГБОУ ВО «ОмГПУ» № 073-03-2024-069/7 от 24.07.2024 г.)

Russian in Pedagogical Discourse of a Multilingual Society: Textbooks for Russian-Language Schools in Republic of Kazakhstan

Natalya D. Fedyaeva
orcid.org/0000-0003-1595-0482
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of theRussian
and the Linguistic Didactics
ndfed@yandex.ru

Omsk State
Pedagogical University
(Omsk, Russia)

Acknowledgments:
This article was completed as part of a state-funded applied research project entitled “Psycholinguistic, sociocultural, and linguodidactic support for citizens of the Republic of Kazakhstan in the study of the Russian and culture within a multilingual environment” (Supplementary Agreement № 073-03-2024-069/7 dated July 24, 2024, between the Ministry of Education of Russia and the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Omsk State Pedagogical University”)

© Федяева Н. Д., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты анализа учебных текстов, предназначенных для школ с русским языком обучения в Республике Казахстан. Выдвигается предположение о специфике языка обучения в условиях полиязычного социума. Обоснование гипотезы осуществляется в рамках концепции институциональных дискурсов. Предлагается методика анализа, включающая собственно лингвистические, социолингвистические и лингводидактические параметры. Возможности методики демонстрируются на примере учебников по дисциплинам предметных областей «Математика и информатика» и «Естествознание». В ходе анализа выясняется, что, с одной стороны, учебные тексты способствуют развитию языковой, речевой, лингвистической компетенций ученика, русский язык как язык обучения используется корректно, обучение способствует развитию языковой личности. С другой стороны, учебные тексты насыщены паралингвистическими и языковыми единицами, которые соотносятся с национальной культурой Казахстана. Отмечается, что русский язык учебных текстов становится средством социализации агента педагогического дискурса как гражданина современного Казахстана, но не средством погружения в мир русской культуры. Сделан вывод о том, что подобная амбивалентность отвечает специфике полиязычного социума и, в частности, принципам государственной языковой политики, но требует дополнительных усилий для освоения культуры языка.

Ключевые слова:
педагогический дискурс; русский язык в Казахстане; учебный текст; язык обучения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article presents the results of an analysis of educational texts designed for schools with Russian as the medium of instruction in the Republic of Kazakhstan. The study posits the specificity of the language of instruction within a multilingual society. The hypothesis is grounded in the framework of institutional discourse theory. A methodological approach is proposed, encompassing linguistic, sociolinguistic, and language didactic parameters. The applicability of this methodology is illustrated through an examination of textbooks from the subject areas of “Mathematics and Computer Science” and “Natural Sciences.” The analysis reveals that, on one hand, these educational texts contribute to the development of students’ linguistic, communicative, and overall language competencies; the Russian as the language of instruction is utilized appropriately, fostering the growth of linguistic identity. On the other hand, the texts are rich in paralinguistic and linguistic elements that resonate with Kazakhstan’s national culture. It is noted that the Russian in these educational texts serves as a means of socialization for agents of pedagogical discourse as citizens of contemporary Kazakhstan, rather than as a gateway to Russian cultural immersion. The study concludes that this ambivalence reflects the characteristics of a multilingual society and aligns with the principles of state language policy, yet it necessitates additional efforts to fully engage with the culture of the language.

Key words:
pedagogical discourse; Russian language in Kazakhstan; educational text; language of instruction.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'42:371.671.11(574)+81'272
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-107-124

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Русский язык в педагогическом дискурсе полилингвального социума (на материале учебников для школ с русским языком обучения Республики Казахстан)

© Федяева Н. Д., 2024

1. Введение = Introduction

В настоящее время в рамках отечественной дискурсологии сделано немало важнейших наблюдений, позволяющих представить специфику педагогического дискурса: от краткого, но ёмкого описания его компонентов, предпринятого в программной статье В. И. Карасика [Карасик, 1999], до выявления разновидностей, отдельных субдискурсов и исторических трансформаций, определения стратегий и тактик коммуникантов, специфики функционирования языковых средств и образов-концептов, ценностей и антиценностей и др. В целом можно заключить, что исследование педагогического дискурса находится на стадии детализации, углубления и расширения представлений.

Как и для дискурса вообще, для выделенного через отношение к социальному институту дискурса педагогического значимо социокультурное измерение. В этом случае на первый план выступает понимание дискурса как языковой деятельности, которая «определяется знаниями субъекта о мире, усвоенными им благодаря участию в разнообразных сферах деятельности» [Болдырев и др., 2015, с. 16]. «Изучение социокультурной специфики дискурса ориентировано на функциональный подход к естественному языку и акцентирует внимание на языковом, когнитивном, деятельностном аспектах конструирования мира в дискурсе» [Там же].

Обратим внимание на языковой аспект. Представляется, что целесообразно выделить:

— язык-1 — язык социокультурной реальности, в границах которой функционирует институт образования, иными словами, язык, окружающий дискурс;

— язык-2 — собственно язык дискурса. Пользуясь моделью дискурса В. И. Карасика, мы можем рассмотреть в рамках такового язык агентов и клиентов дискурса, язык прецедентных текстов и дискурсивных формул и проч.

В большинстве отечественных лингвистических исследований, посвященных педагогическому дискурсу, языковой вопрос «снимается»: по умолчанию предполагается, что обсуждается педагогический дискурс, разворачивающийся в России и на русском языке, либо, как в работах [Багиян, 2020, Нерсесян, 2021] и др., иноязычный дискурс в иноязычных же странах. Специально обговариваются обычно лишь случаи приобщения к новой лингвокультуре, которые характерны для изучения иностранного языка в родной для обучающегося стране или в стране изучаемого языка. В этом случае обычно подчеркивается приоритет лингвокультурной стратегии, предполагающей единство обучения языку и погружения в культуру этого языка [Некрасова, 2021], и утверждается, например, что через аутентичные тексты на иностранном языке обучающиеся расширяют концептуальную картину мира [Шишлова, 2017].

Между тем языковое измерение педагогического дискурса в современных многонациональных и поликультурных социумах сложнее. Так, в Республике Казахстан обучение осуществляется на казахском и на русском языках, однако если в первом случае мы видим совпадение языка социокультурной реальности и языка педагогического дискурса, то при обучении на русском языке это единство распадается. Дать лингвистическую интерпретацию этого распада представляется важным в условиях множественности вариантов языковой и образовательной политики, так как его следствия важны для внутренней коммуникации участников дискурса, для организации образовательного пространства, для осмысления специфики социализации в полилингвальном обществе и т. д.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Государственная языковая политика Республики Казахстан и ее влияние на русский язык в различных сферах его употребления широко обсуждаются. Так, исследуются тенденции изменения научного дискурса Казахстана, в том числе русскоязычного, под влиянием трилингвизма и «глобанглизации» [Жаркынбекова, 2021, с. 60]; предлагается выделять казахстанский дискурс, понимаемый как русский язык Казахстана, функционирующий «не в исконном своем пространстве» и имеющий «лингводидактическую (лингвометодическую) актуальность» [Кажигалиева, 2011, с. 139]; отмечается также, что специфика преподавания русского языка в Казахстане обусловлена именно нахождением внутри казахстанского дискурса [Кажигалиева, 2011]. Дискурс-анализ сайтов педагогических вузов Казахстана показал специфику номинативно-оценочного поля, изменяющегося под влиянием новейших требований национально специфической организационной идентичности («the identity of Kazakhstan pedagogical universities) [Татыева (Tatyyeva), 2021], при этом в исследова-

нии, предпринятом на материале русскоязычных версий вузов Казахстана, отмечается, что в связи с изменениями в государственной образовательной и языковой политике Казахстана русский язык представлен на сайтах «как не столько как средство коммуникации, сколько как инструмент, обслуживающий учебную и научную деятельность» [Вагенляйтнер, 2023, с. 182].

В центре нашего внимания русскоязычный педагогический дискурс Казахстана, «окруженный» реалиями государственной языковой политики и полилингвальной языковой ситуации. Как было сказано во вводной части, собственно язык дискурса представлен языками его агентов и клиентов, образовательной организации в целом, значимых текстов и др. К числу значимых текстов, безусловно, относятся учебники. Целью настоящей статьи является анализ русского языка учебников, предназначенных для использования в школах Республики Казахстан с русским языком обучения.

Сделаем необходимые уточнения относительно эмпирической базы исследования:

— в целом ее составляют тексты учебников по всем учебных предметам для всех классов, в настоящее время используемых в школах Казахстана; электронные версии учебников размещены в разделе «Документы» на сайте Министерства просвещения Республики Казахстан, их применение в школе уточнялось в беседах с практикующими учителями;

— в статье систематизированы наблюдения, полученные при анализе учебников по дисциплинам предметных областей «Математика и информатика» и «Естествознание», — всего 98 учебников общим объемом более 23 тысяч страниц.

Выбор учебников по точным и естественным наукам продиктован тем, что для них русский язык и русская культура не являются объектами описания — лишь инструментом, техническим языком обучения. Следовательно, обращение к текстам этих учебников позволит выявить скрытое содержание роли русского языка в ценностном поле русскоязычного педагогического дискурса Республики Казахстан.

Основным специализированным методом исследования является дискурс-анализ в рамках представлений о структуре институционального дискурса В. И. Карасика. В рамках метода используется авторская методика анализа, включающая следующие параметры:

собственно лингвистические:

— качество языкового оформления текста, определяемое вручную — посредством экспертной филологической оценки соответствия текста нормам русского литературного языка — и автоматически — посредством компьютерных программ, позволяющих установить сложность текста и выявить индекс удобочитаемости [Лапошина и др., 2021];

— качество лингвокультурологического компонента, выявляемое через анализ прецедентных феноменов — определение их типов, лингвистических статусов, отнесенности к одной из трех лингвокультур, выявление этностереотипов;

социолингвистические:

— соответствие государственной языковой политике Республики Казахстан, обнаруживаемое посредством поиска единиц на казахском и английском языке, в том числе в оригинальном написании;

лингводидактические:

— наличие заданий, ориентированных на развитие коммуникативной компетенции клиента дискурса, выявляемое путем анализа формулировок заданий, эксплицитно содержащих указание на необходимые речевые действия;

— наличие заданий, ориентированных на развитие лингвистической компетенции клиента дискурса, выявляемое путем анализа способов работы с терминами — способами их образования, этимологией, родовидовыми отношения в терминосистеме и т. п.

Анализ по выделенным параметрам позволяет выяснить, как посредством значимых для педагогического дискурса текстов учебников на русском языке осуществляется развитие клиентов дискурса, ведущее к его основной цели — социализации (в случае с Казахстаном — к социализации в полилингвальном социуме с осознанной языковой политикой трехъязычия) с учетом ценности диалога культур.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика учебных текстов

Методисты Казахстана активно работают над созданием учебников, отвечающих новейшим тенденциям развития педагогической мысли. Так, широко представлены учебники, имеющие в качестве ведущего принцип развития функциональной грамотности, мета- и межпредметности, в связи с чем предметная составляющая представляется отодвинутой на второй план. Об иерархии принципов позволяют судить названия разделов и подразделов учебника. Так, во всех учебниках для 1-го класса основные разделы называются одинаково, причем подчеркнуто надпредметно и преимущественно эгоцентрично: «Моя семья и друзья», «Моя школа», «Всё обо мне» и т. п. Обзор рубрикации нередко вызывает сомнения в аспекте бытового опыта и здравого смысла: так, в учебнике естествознания для 1-го класса (авторы — С. З. Кучербаева и др.) макрораздел «Всё обо мне» включает раздел «Живая природа», в который входит подраздел «Растения», далее одноименный раздел «Живая природа» с подразделом «Животные» обнаруживается в макроразделе «Моя школа». Корректнее рубрика-

ция выполнена в учебнике математики (авторы — А. Б. Акпаева и др.): все уроки называются двучастно, причем на первом месте оказывается предметная составляющая, например, «Число и цифра 2. Состав числа. В моем классе». Отметим, что акцент на над- и межпредметность широко распространен в современных педагогических системах и, разумеется, отнюдь не является лишним, однако подобное текстовое оформление представляется сомнительным, если рассматривать его в соотнесении с процессом онтогенеза. Стадия самонаучения, характерная для дошкольного возраста, сменяется в школьном онтогенезе стадией целенаправленного обучения: «Становление языковой личности не ограничивается только лингвистическим аспектом (освоением фонетики, грамматики, лексики родного языка), язык не только “диктует” говорящему способы выражения мысли, заданные его грамматическим строем и системной организацией, но транслирует образ мира, опосредованный значениями и формой вербальных знаков» [Гридина, 2018, с. 66]. В этой связи рубрикация учебных текстов — это один из способов лингвокогнитивного категорирования, способствующего формированию картины мира ребенка, а логика, эксплицируемая учебником, не имеет ничего общего с традиционной категоризацией действительности.

«Оптический образ» (метафора Е. Е. Анисимовой [Анисимова, 1992, с. 71]) учебника создается системой паралингвистических средств: шрифтов, шрифтовых выделений, цветовых решений и прочих способов оформления собственно вербального текста в сочетании с иконическими знаками (рисунками, таблицами, фотографиями и мн. др.). Плотность последних весьма велика и, хотя и зависит от возраста клиента дискурса, с изменением класса не исчезает, но модифицируется. Так, в учебнике математики для 1-го класса (авторы — А. Б. Акпаева и др.) обнаружено только одно задание, не снабженное никаким изображением, и большая часть изображений — это событийные рисунки, в а учебнике геометрии для 11-го класса (авторы — Г. Н. Солтан и др.), помимо специализированных изображений геометрических объектов, есть 13 фотографий, несколько портретов и схематических красочных изображений фигур. Функции паралингвистических средств в учебнике традиционны для креолизованных текстов в целом: информативная, эстетическая, аттрактивная и проч. Отдельно отметим функцию дидактическую, связанную с типом дискурса, и предложим выделять функцию воспитательную, заключающуюся в том, что посредством изображений формируются этностереотипы, национальная гордость, гражданская идентичность.

3.2. Лингвистическая характеристика учебных текстов

В аспекте культуры речи, культуры графического оформления рассмотренные тексты могут быть охарактеризованы как вполне качественные

учебные издания. Тексты соответствуют традициям учебно-научного подстиля, соблюдены все языковые нормы, включая графические рекомендации по использованию буквы Ё в текстах для детей. Сомнения вызывают некоторые лексические единицы: варваризмы, оформленные латиницей (*QR-kode*), новейшие заимствования (*девайс*), термины (*пиктограмма*, *глоссарий* — в учебнике для 1 класса), низкочастотные слова русского языка (*правдоруб*); встречаются случаи непоследовательного написания (*И(и)нтернет*), смешение тире и дефиса, однако в целом, повторимся, языковое оформление не вызывает особых нареканий.

С целью проверить понятность текстов мы использовали специализированный сервис «Текстометр», загрузив в него вступительные статьи учебников 1-го и 11-го классов. В сравнении с другими сервисами, предлагающими автоматическое определение индекса Флеша, «Текстометр» имеет лингводидактическую направленность и позволяет оценить удобочитаемость текста для носителей русского языка как родного и как неродного.

Вступительная статья учебника математики для 1-го класса (авторы — А. Б. Акпаева и др.) для носителей русского языка как родного оценена как простой текст, который «подойдет для возраста 9—10 лет (3—4 класс)», в то время как текст из учебника для 11-го класса (авторы — Г. Н. Солтан и др.) охарактеризован как подходящий для возраста 13—15 лет (7—9 класс) (табл. 1):

Таблица 1

Результаты оценки в сервисе «Текстометр» вступительных статей учебников математики для казахстанских школ и классов с русским языком обучения

Учебник для 1 класса	**Учебник для 11 класса**
Слов: 98 Знаков с пробелами: 711 Уникальных слов: 71 Предложений: 12 Средняя длина слова: 6 Средняя длина предложения: 8.2 Лексическая плотность: 7 из 10 Лексическое разнообразие: 0.72 Формула Флеша: 48 из 100 Формула Флеша-Кинкейда: 9 Структурная сложность: 5 из 10 Лексическая сложность: 3 из 10 Лексическая сложность текста для детей-иностранцев: 4 из 10 Динамичность текста: 7 из 10	Слов: 129 Знаков с пробелами: 1008 Уникальных слов: 98 Предложений: 13 Средняя длина слова: 6.5 Средняя длина предложения: 9.9 Лексическая плотность: 7 из 10 Лексическое разнообразие: 0.76 Формула Флеша: 29 из 100 Формула Флеша-Кинкейда: 12 Структурная сложность: 8 из 10 Лексическая сложность: 5 из 10 Лексическая сложность текста для детей-иностранцев: 8 из 10 Динамичность текста: 2 из 10

Окончание табл 1

Учебник для 1 класса	Учебник для 11 класса
Описательность текста: 2 из 10 Уровень сложности: 3.3 Уровень текста: 33 балла из 100	Описательность текста: 3 из 10 Уровень сложности: 6.3 Уровень текста: 63 балла из 100

Таким образом, мы видим повышенную сложность языка учебника 1-го класса, однако, как предупреждают авторы сервиса «Текстометр», «модель склонна немного завышать уровень сложности текста» (https://textometr.ru).

Учебники математики для российских школ с русским языком обучения продемонстрировали ещё меньшую сложность текста. Так, в учебниках для начальной школы вообще нет вступительной статьи, учебник открывается перечнем условных обозначений, после которых сразу же следует первый раздел, учебник же для 11-го класса с углубленным изучением математики (авторы — А. Г. Мерзляк и др.) по методике «Текстометра» получил оценку «достаточно простой текст, подойдет для возраста 11—12 лет (5—6 класс)» (табл. 2).

Таблица 2

Результаты оценки вступительных статей учебников математики для российских школ в сервисе «Текстометр»

Учебники для 1 класса	Учебник для 11 класса
Вступительная статья отсутствует	Слов: 242 Знаков с пробелами: 1839 Уникальных слов: 160 Предложений: 26 Средняя длина слова: 6.3 Средняя длина предложения: 9.3 Лексическая плотность: 7 из 10 Лексическое разнообразие: 0.66 Формула Флеша: 38 из 100 Формула Флеша-Кинкейда: 11 Структурная сложность: 9 из 10 Лексическая сложность: 4 из 10 Лексическая сложность текста для детей-иностранцев: 5 из 10 Динамичность текста: 7 из 10 Описательность текста: 3 из 10 Уровень сложности: 5.8 Уровень текста: 58 баллов из 100

3.2. Лингвокультурологическая характеристика учебных текстов

Лингвокультурологическая характеристика текстов учебника базируется на тезисе об отражении культуры в языке и дискурсе. В. В. Красных определяет предмет лингвокультурологии следующим образом: «единицы дискурса и языка, обладающие культурно-значимым наполнением, являющиеся тем “каналом”, по которому мы можем войти в культурно-исторический пласт ментально-лингвального комплекса» [Красных 2002, с. 12]. Соответственно, эти единицы в тексте учебника будут составлять его лингвокультурологический аспект, или лингвокультурный компонент. Обращение к нему позволит выяснить, к какому именно ментально-лингвальному комплексу ведет «канал», — скрывается ли за единицами текста культурно-исторический пласт русской культуры или же русский язык выступает своеобразным переводчиком казахской (или казахстанской?) культуры для русскоязычных школьников Казахстана.

Лингвокультурный компонент в тексте уже упомянутого учебника математики для 1-го класса (авторы — А. Б. Акпаева и др.) выражен посредством:

— антропонимов: героев-помощников зовут *Алия* и *Арман*, у них есть друзья — носители имён, характерных как для русских (*Никита, Женя, Ира*), так и для казахов (*Сауле, Бауыржан, Дамир*); если в задании говорится о группе людей, то имена, как правило, разнообразны;

— топонимов: в заданиях упоминаются названия казахстанских городов (*Алматы, Актау, Актобе*); топонимы, представляющие иные территории, не встречаются;

— слов, называющих реалии культуры Казахстана (*аул, пиала, корпе, асык, сыбызги, туяктас*);

— этнонимов (в текстах задач используются названия лиц по национальной принадлежности: *казах, украинец, узбек* и др., а также образованные от них прилагательные).

Заметим, что национально-культурный компонент представлен также в визуальной части учебника. Через изображения передается информация о народных костюмах, стереотипах внешности, культурных символах эпохи, например (рис. 1):

Рис. 1. Задание с этнонимами

В учебнике математики для 3 класса этих же авторов наряду с вымышленными героями упоминаются выдающиеся представители культуры Казахстана — мастера слова: *М. Алимбаева, С. Сейфуллина, С. Мауленова, С. Муканова*, а также названия их произведений. Таким образом осуществляется формирование фонда прецедентных текстов. Он пополняется именами художников, скульпторов, архитекторов, композиторов и названиями их произведений. Упоминаются и представители мировой, в том числе русской, культуры и науки (*Архимед, Галилей, Циолковский, Гагарин, Моцарт, Чайковский, Васнецов, Ван Гог* и др.). Как правило, в одном задании используются имена неказахстанских, а в другом казахстанских деятелей, представляющих ту же сферу (например, советские космонавты — космонавты Казахстана, мировые детские писателя — писатели Казахстана — детям). Такое разведение способствует обособлению информации о культуре Казахстана.

Та же задача (формирование фонда прецедентных текстов) решается путем привлечения паремий (рис. 2).

1. Вычисли, расположи значения в порядке возрастан
пословицу.

Худо 9 · 3 | не 9 · 5 | кто 6 · 7 | дела 9 · 7
добрые 8 · 7 | тому, 5 · 7 | делает 6 · 8

Рис. 2. Задание с паремиями

Постепенно появляется и расширяется группа монументонимов: *памятник Жамбылу, памятник Карасай Батыру. В* целом обращение к тематическим областям «Декоративно-прикладное искусство», «Сувениры» позволяет вводить в тексты заданий слова, называющие символы казахстанской культуры: *юрта*, *балбалы* и др.

Широко распространены задания, включающие нарративы об истории Казахстана (рис. 3).

Касым хан был правителем Казахского ханства в XVI веке. Его мечта была сделать казахскую землю независимой. И он осуществил свою мечту.

Касым хан

1. Расположи числа в порядке убывания в них разрядных десятков. Прочитай, как называется закон, изданный Касым ханом.

Светлый 95 | хана 119 | Касым 48 | путь 264

2. Выполни вычисления столбиком.

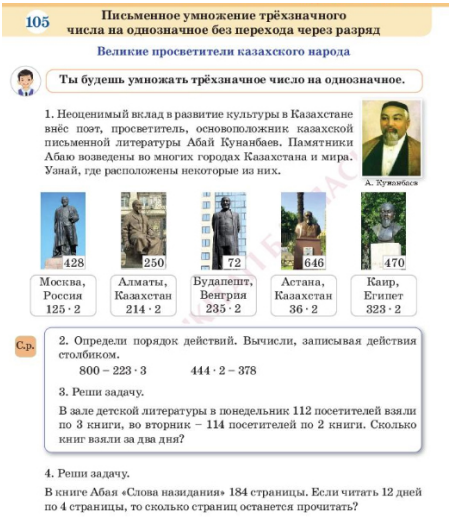
31 · 2 21 · 4 13 · 3 22 · 4
13 · 2 14 · 2 32 · 2 33 · 3

3. Определи порядок действий. Вычисли, записывая действия столбиком.

1000 − (425 − 403) · 4 (399 − 366) · 3 + 298
520 + 21 · 4 + 136 32 · 3 + 44 · 2

Рис. 3. Историко-культурный нарратив

В следующем задании многие из названных средств употреблены одновременно: антропоним (*Абай Кунанбаев / Абай*), топонимы (не только казахстанские: *Алматы, Астана, Москва, Каир*), этнонимы (*казахский*), библионимы (*«Слова назидания»*), нарратив (рис. 4).


105 Письменное умножение трёхзначного числа на однозначное без перехода через разряд

Великие просветители казахского народа

Ты будешь умножать трёхзначное число на однозначное.

1. Неоценимый вклад в развитие культуры в Казахстане внёс поэт, просветитель, основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев. Памятники Абаю возведены во многих городах Казахстана и мира. Узнай, где расположены некоторые из них.

А. Кунанбаев

428 Москва, Россия 125 · 2

250 Алматы, Казахстан 214 · 2

72 Будапешт, Венгрия 235 · 2

646 Астана, Казахстан 36 · 2

470 Каир, Египет 323 · 2

С.р.

2. Определи порядок действий. Вычисли, записывая действия столбиком.

800 − 223 · 3 444 · 2 − 378

3. Реши задачу.

В зале детской литературы в понедельник 112 посетителей взяли по 3 книги, во вторник − 114 посетителей по 2 книги. Сколько книг взяли за два дня?

4. Реши задачу.

В книге Абая «Слова назидания» 184 страницы. Если читать 12 дней по 4 страницы, то сколько страниц останется прочитать?

Рис. 4. Лингвокультурный компонент в учебнике

Сравнение учебников для младшей, с одной стороны, и для средней и старшей школы, с другой, показывает, что выраженность лингвокультурного компонента постепенно снижается, что связано, в частности, с влиянием языка науки: схем, формул, логических операций и проч.

В целом же можно сказать, что посредством учебных текстов осуществляется расширение лингвокультурологической компетенции языковой личности обучающегося, при этом русский язык становится проводником в мир культуры Казахстана. Сведения о культуре, науке, природе Казахстана широко представлены (формируется гражданская идентичность), сведения о России и деятелях русской культуры и науки представлены в меньшей степени, чаще не специализированно, а в контексте мировой науки и культуры (национальная идентичность специально не формируется, что ожидаемо в поликультурной образовательной среде).

3.3. Социолингвистическая характеристика учебных текстов

Трехъязычие (триязычие, трилингвизм), один из декларируемых принципов государственной языковой политики Республики Казахстан,

в сфере образования реализуется в принципе трилингвального языкового образования. На всех уровнях образования — от школьного до вузовского — предполагается развитие не только языковой и речевой компетенций обучающихся, но и когнитивной базы; среди ожидаемых результатов трилингвального образования называют даже повышения уровня социального оптимизма: так, наблюдения социологов показывают, что «уровень удовлетворенности жизнью среди казахоязычных составляет 73,2 %, владеющими двумя языками (билингвалов) — 71,9 %, русскоязычных — 53,9 %» (данные исследования З. Шаукеновой, цит по: [Зима, 2018, с. 79]). Следствием полиязычности социума и политики трехъязычия в текстах рассматриваемых учебников является присутствие в учебниках единиц на казахском и английском языках. Например, в учебнике математики для 1-го класса (авторы — А. Б. Акпаева и др.) в задании «посчитай количество гласных и согласных звуков в словах» в качестве материала использованы пары *Казахстан — Казақстан, дружба — достык,* в разделе, посвященном счёту, появляются английские числительные (от *one* до *twenty*); в учебнике по информационно-коммуникационным технологиям для 4-го класса (авторы — Ж. У. Кобдикова и др.) последовательно для всех тем предлагаются ряды терминов на трех языках, например, *информация — information — ақпарат*. С одной стороны, практически все учебники в той или иной степени содержат примеры русско-казахских, русско-английских или русско-англо-казахских соответствий, с другой — это сделано непоследовательно и в границах одного учебника имеет фрагментарный характер.

3.4. Лингводидактическая характеристика учебных текстов

Учебные тексты оказывают влияние на языковую личность учащихся — как коллективную (ср. размышления о значении образования на коллективное мышление [Мальцева и др., 2019]), так и индивидуальную. Обозначим направления этого влияния, их рабочие инструменты и функциональную нагрузку (табл. 3).

Приведенные выше примеры уже иллюстрировали некоторые из отмеченных в таблице направлений. Дополнительно прокомментируем задания с эксплицитным «лингвистическим компонентом».

В качестве такового могут выступать:

— комментарии случаев корректного словоупотребления (например, специально обращается внимание на необходимость различать контексты для слов *цифра* и *число*);

— комментарии по поводу происхождения терминов, отсылки к родственным терминам общеупотребительным словам русского языка;

— ряды, пары, группы слов, образующих семантические оппозиция различных типов;

Таблица 3

Развитие компетенций языковой личности посредством учебных текстов для казахстанских школ и классов с русским языком обучения

Направление развития	**Инструменты развития**	**Значение направления**
1. Пассивное речевое развитие языковой личности посредством языкового оформления текста учебника	Соответствие текста учебника критериям хорошей речи и нормам русского литературного языка, в том числе стилистическим	Формирование представлений о нормах русского языка, повышение практической грамотности, расширение представлений о стилистической системе русского языка.
2. Активное речевое развитие языковой личности посредством специальных заданий	Наличие упражнений в учебниках, целенаправленно формирующих навыки порождения и восприятия текста	Выполняя задания, связанные с подбором слов, структурированием текста, выражением оценки, школьники развивают соответствующие речевые навыки, расширяют словарный запас, учатся работе с текстом и словом.
3. Развитие лингвистической компетенции языковой личности	Наличие в текстах учебника демонстрации особенностей терминов, терминологических подсистем науки	Через работу с терминами различных наук, анализ их происхождения и толкования, школьники получают представление об особой лексической подсистеме языка и её устройстве.
4. Развитие лингвокультурологической компетенции языковой личности	Наличие в текстах учебника единиц и фрагментов, представляющих мировой и национальный фонд прецедентных текстов	Каждая учебная дисциплина вносит свой вклад в формирование фонда прецедентных текстов, необходимого для обеспечения единства культурного пространства социума.
5. Формирование гражданской и национальной идентичности	Наличие в текстах учебника символов государственной (казахстанской) и / или национальной (русской / казахской / иной) культуры	В рамках изучения дисциплин могут (не) формироваться этностереотипы, укрепляться знания о государственных и национальных символах.

— модели вопросительных предложений, образцы ответов с комментариями по поводу оформления, в том числе пунктуационного, и др.

В совокупности такие задания, помимо целей, связанных с содержанием учебного предмета, имеют лингводидактическое значение, важное и вообще для формирующейся языковой личности, и особенно для языковой личности в условиях полиязычного социума и возможного несовпадения языка социума и языка обучения, а также языка обучения и родного языка.

Отметим также задания, предполагающие работу с текстом: извлечение информации, поиск по ключевым словам, компрессию и проч. Обращает на себя внимание отход от лаконичных формулировок заданий *перепиши, прочитай и перескажи, найди главное* и подобных, уступающих место развернутым формулировкам, заданиям-историям.

4. Заключение = Conclusions

Если целью педагогического дискурса в целом является социализация агента дискурса, то можно утверждать, что все компоненты последнего вносят свой вклад в достижение цели. Учебник как один из ключевых текстов дискурса, безусловно, также реализует эту функцию. В полиязычном социуме язык учебного текста, выполняя функцию языка обучения, выступает и / или может выступать ключом к ментально-лингвальному комплексу — языковому сознанию ученика.

Суммируем результаты, полученные в ходе анализа в логике «текст → дискурс → социум».

В собственно лингвистическом аспекте учебники представляют весьма качественные тексты, соответствующие возрастным особенностям учеников, что способствует развитию языковой компетенции клиента педагогического дискурса и готовит его к жизни в социуме, в котором русский язык используется широко и разнопланово.

Лингводидактический потенциал учебных текстов реализуется достаточно регулярно, работа с текстом как с источником информации отвечает потребностям современного социума.

Таким образом, русский язык как язык обучения используется в учебниках корректно, обучение способствует развитию языковой личности, прежде всего на вербально-семантическом уровне.

Социолингвистический аспект учебных текстов заключается в отражении в них государственной языковой политики, что, безусловно, необходимо для успешной социализации.

Наиболее специфичным является лингвокультурологический аспект учебных текстов. Они насыщены паралингвистическими и языковыми единицами, которые соотносятся с национальной культурой Казахстана. Русский язык учебных текстов становится средством социализации агента педагогического дискурса как гражданина современного Казахстана, но не средством

погружения в мир русской культуры. Прогнозируя, можно предположить, что языковая личность жителя Казахстана, говорящего на русском языке, на когнитивном и отчасти прагматическом уровнях будет весьма существенно отличаться от языковой личности русскоязычного жителя России.

Подобная амбивалентность (качественное языковое оформление при малой проявленности национальной природы языка) отвечает специфике полиязычного социума и, в частности, принципам государственной языковой политики, но требует дополнительных усилий для освоения культуры языка.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Электронные* версии учебников для 1—11 классов — Министерство просвещения Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/documents/details/353117?lang=ru (дата обращения 25.03.2024).

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) / Е. Е. Анисимова // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71—78.

2. *Багиян А. Ю.* Основные тенденции развития современного педагогического дискурса (на материале английского языка) / А. Ю. Багиян, Т. А. Ширяева, Ю. А. Черноусова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — № 11. — С. 151—156. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.31.

3. *Болдырев Н. Н.* О формировании социокультурной специфики дискурса / Н. Н. Болдырев, О. Г. Дубровская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 3 (44). — С. 14—25.

4. *Вагенляйтнер Н. В.* Функционирование русского языка в сетевом пространстве университетов Республики Казахстан по данным контент-анализа / Н. В. Вагенляйтнер // Казанская наука. — 2023. — № 12. — С. 180—182.

5. *Гридина Т. А.* «Через язык открывается дитяти сознание «соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира / Т. А. Гридина // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 64—69. — DOI: 10.26710/fk18-02-11.

6. *Жаркынбекова Ш. К.* Научный дискурс и лингвистические стратегии в Казахстане : новые приоритеты и вызовы в условиях интернационализации / Ш. К. Жаркынбекова, В. Е. Чернявская // Общество. Коммуникация. Образование. — 2021. — Т. 12. — № 3. — С. 59—69. — DOI: 10.18721/JHSS.12305.

7. *Зима М. Г.* К вопросу проблемы внедрения трехъязычия в образовательный процесс вузов в Казахстане / М. Г. Зима // Вестник Челябинского государственного университета. — 2018. — № 4 (414). — С. 78—88.

8. *Кажигалиева Г. А.* О преподавании русского языка в рамках казахстанского дискурса / Г. А. Кажигалиева, А. Н. Шманова // Педагогический журнал Башкортостана. — 2011. — № 2 (33). — С. 138—143.

9. *Карасик В. И.* Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : аспекты лингвистики и лингводидактики : Сборник научных трудов /

Редакционная коллегия : В. К. Андреева, В. И. Карасик, Е. В. Мещерякова, О. В. Коротеева. — Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 1999. — С. 3—18.

10. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.

11. *Лапошина А. Н.* Текстометр : онлайн-инструмент определения уровня сложности текста по русскому языку как иностранному / А. Н. Лапошина, М. Ю. Лебедева // Русистика. — 2021. — Т. 19. — № 3. — С. 331—345. — DOI: https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345.

12. *Мальцева С. М.* Современное образование как способ формирования коллективного мышления / С. М. Мальцева, С. В. Булганина, А. Е. Булганина, А. С. Солдатова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. — 2019. — Т. 8. — № 4 (29). — С. 138—140. — DOI: 10.26140/anip-2019-0804-0029.

13. *Некрасова Е. Ю.* Стратегичность педагогического дискурса преподавателя русского языка как иностранного / Е. Ю. Некрасова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т. 12. — № 4. — С. 1—10.

14. *Нерсесян Г. Р.* Научно-популярный педагогический дискурс : системообразующие характеристики и признаки (на материале английского языка) / Г. Р. Нерсесян // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — № 03/2. — С. 152—156. — DOI: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.28.

15. *Татыева Ж.* Дискурс анализ организационной идентичности представленного педагогическими вузами Казахстана / Ж. Татыева, А. Загидулина // Вестник КазНПУ имени Абая, серия «Филологические науки». — 2021. — № 1 (71). — С. 635—640. — DOI: https://doi.org/10.51889/2020-1.1728-7804.107.

16. *Шишлова Е. Э.* Скрытое содержание профессионального языкового образования в социокультурном измерении / Е. Э. Шишлова, И. А. Курицын // Интеграция образования. — 2017. — Т. 21. — № 4. — С. 709—722. — DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.709-722.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024,
одобрена после рецензирования 24.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

Material resources

Electronic versions of textbooks for grades 1—11 — *Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan.* Available at: https://www.gov.kz/memleket/entities/edu/documents/details/353117?lang=ru (accessed 25.03.2024). (In Russ.).

References

Anisimova, E. E. (1992). Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts). *Voprosy Jazykoznanija, 1*: 71—78.

Bagiyan, A. Yu., Shiryaeva, T. A., Chernousova, Yu. A. (2020). The main trends in the development of modern pedagogical discourse (based on the material of the English language). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 13 (11):* 151—156. DOI: 10.30853/filnauki.2020.11.31. (In Russ.).

Boldyrev, N. N., Dubrovskaya, O. G. (2015). On the formation of socio-cultural specificity of discourse. *Issues of Cognitive Linguistics, 3 (44):* 14—25. (In Russ.).

Gridina, T. A. (2018). “Through language, the child’s consciousness opens” the ratio of verbal and subject codes in the children’s picture of the world. *Philological class, 2 (52):* 64—69. DOI: 10.26710/fk18-02-11. (In Russ.).

Karasik, V. I. (1999). Characteristics of pedagogical discourse. In: *Linguistic personality: aspects of linguistics and linguodidactics: Collection of scientific papers.* Volgograd: Publishing House of VSPU “Change”. 3—18. (In Russ.).

Kazhigalieva, G. A., Shmanova, A. N. (2011). On teaching the Russian language within the framework of Kazakh discourse. *Pedagogical journal of Bashkortostan, 2 (33):* 138—143. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.* Moscow: ITDGC “Gnosis”. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).

Laposhina, A. N., Lebedeva, M. Y. (2021). Textometer: an online tool for determining the level of complexity of a text in Russian as a foreign language. *Rusistika, 19 (3):* 331—345. DOI: https://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-3-331-345. (In Russ.).

Maltseva, S. M., Bulganina, S. V., Bulganina, A. E., Soldatova, A. S. (2019). Modern education as a way of forming collective thinking. *Azimut of scientific research: pedagogy and psychology, 8 / 4 (29):* 138—140. DOI: 10.26140/anip-2019-0804-0029. (In Russ.).

Nekrasova, E. Y. (2021). Strategicality of pedagogical discourse of a teacher of Russian as a foreign language. *The world of science. Sociology, philology, cultural studies, 12 (4):* 1—10. (In Russ.).

Nersesyan, G. R. (2021). Popular scientific pedagogical discourse: system-forming characteristics and signs (based on the material of the English language). *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 03/2:* 152—156. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.03-2.28. (In Russ.).

Shishlova, E. E., Kuritsyn, I. A. (2017). The hidden content of professional language education in the socio-cultural dimension. *Integration of education, 21 (4):* 709—722. DOI: 10.15507/1991-9468.089.021.201704.709-722. (In Russ.).

Tatyeva, J., Zagidulina, A. (2021). Discourse analysis of organizational identity presented by pedagogical universities of Kazakhstan. *Bulletin of KazNPU named after Abai, series “Philological sciences”, 1 (71):* 635—640. DOI: https://doi.org/10.51889/2020-1.1728-7804.107. (In Russ.).

Wagenleitner, N. V. (2023). Functioning of the Russian language in the network space of universities of the Republic of Kazakhstan according to content analysis. *Kazan Science, 12:* 180—182. (In Russ.).

Winter, M. G. (2018). On the issue of the problem of introducing trilingualism into the educational process of universities in Kazakhstan. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 4 (414):* 78—88. (In Russ.).

Zharkynbekova, Sh. K., Chernyavskaya, V. E. (2021). Scientific discourse and linguistic strategies in Kazakhstan: new priorities and challenges in the context of internationalization. Society. *Communication. Education, 12 (3):* 59—69. DOI: 10.18721/JHSS.12305. (In Russ.).

The article was submitted 02.10.2024;
approved after reviewing 24.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Шаравин А. В. Резиньяция : об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени / А. В. Шаравин, О. Е. Вороничев, И. Л. Старцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 125—146. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146.

Sharavin, A. V., Voronichev, O. E., Startseva, I. L. (2024). Resignation: Expressive-Semantic Evolution of a Borrowing and a Precedent Name. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 125-146. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Резиньяция: об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени

Шаравин Андрей Владимирович
orcid.org/0000-0003-1282-4229
доктор филологических наук, доцент,
кафедра русской, зарубежной литературы
и массовых коммуникаций,
корреспондирующий автор
ekl1ier@mail.ru

Вороничев Олег Евгеньевич
orcid.org/0000-0001-7983-9025
доктор филологических наук, доцент,
кафедра методики начального образования
и педагогического менеджмента
voonid@mail.ru

Старцева Ирина Леонидовна
orcid.org/0009-0002-7376-8769
кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра русской, зарубежной литературы
и массовых коммуникаций
kafedra338@mail.ru

Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
(Брянск, Россия)

Resignation: Expressive-Semantic Evolution of a Borrowing and a Precedent Name

Andrey V. Sharavin
orcid.org/0000-0003-1282-4229
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Russian, Foreign Literature
and Mass Communications,
corresponding author
ekl1ier@mail.ru

Oleg E. Voronichev
orcid.org/0000-0001-7983-9025
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Elementary Education
Methodology and Educational Management
voonid@mail.ru

Irina L. Startseva
orcid.org/0009-0002-7376-8769
PhD of Pedagogy, Associate Professor,
Department of Russian, Foreign Literature
and Mass Communications
kafedra338@mail.ru

Bryansk State Academician
I. G. Petrovski University
(Bryansk, Russia)

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Старцева И. Л., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается узкоупотребительное в современном русском языке заимствование из французского языка *résignation* (русские графические варианты *резиньяция* и *резигнация*), парадоксально совмещающее признаки экзотизма, неологизма и архаизма. Прослеживается эволюция этой лексемы, обозначающей особое психологическое состояние человека, на русской почве — с момента ее вхождения в русский язык в конце XVIII века через транзитный немецкий благодаря популярности у прогрессивной части русской интеллигенции одноименной элегии Шиллера до обретения статуса прецедентного имени и дополнительных семантических оттенков и коннотаций в текстах И. С. Тургенева и других отечественных писателей. Анализируются возможные причины ухода этой лексемы, не успевшей войти в активное употребление, в пассивный запас: отсутствие единообразного кириллического варианта написания слова, продуктивного словообразовательного гнезда, ореол элитарности, ассоциативная связь с корнями в русских словах *резать, резкий* и, как следствие, проигрыш в фонике русским синонимам *покорность, смирение* и другим.

Ключевые слова:
резиньяция; резигнация; прецедентное имя; лексема; семантика; Шиллер; устаревшее слово; неологизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the narrowly used borrowing from French, résignation (with Russian graphic variants *rezinyatsiya* and *rezignatsiya*), which paradoxically combines features of exoticism, neologism, and archaism in contemporary Russian. The evolution of this lexeme, denoting a particular psychological state, is traced on Russian soil — from its introduction into the Russian in the late 18th century via German transit, spurred by the popularity of Schiller's eponymous elegy among the progressive Russian intelligentsia, to its attainment of the status of a precedent name and its additional semantic nuances and connotations in the works of I. S. Turgenev and other domestic writers. The article analyzes possible reasons for the decline of this lexeme, which failed to enter active usage and instead receded into passive vocabulary: the lack of a uniform Cyrillic spelling variant, the absence of a productive word formation family, an aura of elitism, and associative links to roots in Russian words such as *rezat'* (to cut) and *rezkiy* (sharp), resulting in a phonetic disadvantage compared to Russian synonyms like *pokornost'* (submission) and *smireniye* (humility).

Key words:
resignation; precedent name; lexeme; semantics; Schiller; archaic word; neologism.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'373.45
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-125-146

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Резиньяция: об экспрессивно-семантической эволюции заимствования и прецедентного имени

© Шаравин А. В., Вороничев О. Е., Старцева И. Л., 2024

1. Введение = Introduction

Малоизвестная большинству носителей русского языка лексема *резиньяция* представляет собой весьма интересный объект филологического исследования с парадоксальным сочетанием узуальных типологических признаков. С одной стороны, она является устаревшим словом (собственно лексическим архаизмом) по отношению к лексическому составу общеупотребительных слов современного русского литературного языка. С другой стороны, она устарела настолько стремительно по меркам существования отдельно взятого слова в русском языке, что не успела ещё утратить ореол неологичности. В то же время экспрессивно-семантическая эволюция, судьба этого слова в русском языке тесно связаны с понятиями прецедентность и интертекстуальность. Прецедентность в филологических работах конца XX — начала XXI веков рассматривалась как в лингвистическом, так и в литературоведческом дискурсах. Н. Г. Михновец отметила различие в подходах: «Лингвистическое исследование прецедентности предполагает фиксацию вербальных средств выражения прецедентных феноменов с ориентацией на обретающие канонический статус инварианты. Это заглавия произведений, цитаты, имена персонажей и имена авторов художественных произведений» [Михновец, 2007, с. 12—13]. В противовес этому «литературоведческое осмысление предполагает интерес к инвариантной составляющей в цепочке “исходный прецедентный текст — тексты-«потомки»”», к процессам, в результате которых прецедент «становится неотъемлемой частью «диалога культур», немаловажной причиной новых художественных решений» [Там же, с. 13—14].

Цель исследования — проанализировать экспрессивно-семантическую эволюцию слова и прецедентного имени *резиньяция* в русском языке. Актуальность статьи обусловлена выявлением причин, по которым редкоупотребительная лексема *резиньяция* обрела статус прецедентного имени, не успев войти в широкое употребление в современном русском языке, парадоксально сочетая признаки неологизма и архаизма. Несмотря

на очевидный интерес, который должно вызывать это слово у филологов, детальному исследованию со стороны как отечественных, так и зарубежных ученых оно еще не подвергалось.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалы исследования взяты из Национального корпуса русского языка, текстов произведений и писем русских писателей, политических деятелей, стихотворения «Resignation» Ф. Шиллера, работ литературоведов и лингвистов, статей в толковых словарях русского языка XIX—XX веков.

В статье использовались исторический, описательный, сравнительный методы, а также методы семантического и компонентного анализа. Метод сравнительного анализа привлекался при определении разноуровневых различий и признаков экспрессивной окрашенности лексемы *резиньяция*. Исторический метод применен при исследовании путей и причин проникновения лексемы *резиньяция* в русский язык из французского языка-источника и транзитного немецкого языка. Описательный метод был необходим при описании систематизированного языкового материала, характеристике его структуры и состава, лингвистической (уровневой), функциональной и экспрессивно-семантической специфики. Семантический и компонентный методы языкового анализа использовались с целью выявления семантики лексемы *резиньяция* как прецедентного имени и элемента интертекста.

Лингвистическую теорию прецедентности детально разработал Ю. Н. Караулов. По мнению исследователя, прецедентными считаются отрезки речи: «1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, 3) такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2019, с. 216]. Ю. Н. Караулов выделяет следующие формы проявления прецедентности: «цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы, библейские тексты, виды устной народной словесности (притча, анекдот, сказка и пр.)» [Там же, с. 218]. С данной классификацией вполне коррелируют взгляды Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко и В. В. Красных, относящих к прецедентным феноменам (с позиций лингвистики и теории коммуникации) прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные имена [Красных, 2002, с. 17]. При этом, отмечает Д. Б. Гудков, можно выделить 3 уровня феномена прецедентности: «автопрецедентный, социумно-прецедентный, национально-прецедентный и универсально-прецедентный» [Гудков, 2003, с. 115].

Прецедентность тесно взаимодействует с интертекстуальностью. По определению Ролана Барта, который ввёл в научный оборот понятие *интертекста*, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на разных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [Барт, 1989, с. 418]. Н. А. Кузьмина обобщенно определяет интертекст как «продукт творческой деятельности человека», способный «бесконечно самогенерировать по стреле времени» [Кузьмина, 2018, с. 204].

Сходство интертекстуальности с прецедентностью В. В. Красных видит в восприятии текста не как композиционно-стилистического образования определенной структуры, а как «постоянного процесса означивания», при котором интерпретация текста адресатом обусловлена уровнем его знаний, а основное различие между этими феноменами — в объекте исследования: теория интертекста изучает художественные тексты, а теория прецедентности — тексты, порождаемые в процессе естественной коммуникации: речевые, спонтанные, импровизационные [Красных, 2003, с. 42—100]. Н. А. Кузьмина разграничивает эти феномены с опорой на их способность / неспособность быть фактами (кодами) культуры: «Интертекстуальность — это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность — явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [Кузьмина, 2018, с. 204].

Однако, с нашей точки зрения, нет веских теоретических оснований для противопоставления явлений интертекстуальности и прецедентности, поскольку интертекстуальность логично рассматривать как общее (родовое) понятие по отношению к прецедентности как видовому. В таком случае прецедентность следует признать осознанной автором (управляемой, заданной) интертекстуальностью. Близкое к нашему понимание находим у И. В. Дергачевой, определяющей «прецедентные феномены» как «прецедентный интертекст, вызывающий аксиологические ассоциации из прежних контекстов, создавая в нем дополнительные приращения смысла» [Дергачева, 2021, с. 127]. Так, в романе «Братья Карамазовы» И. В. Дергачева анализирует «прецедентный интертекст» в поэме «Великий инквизитор».

Базовым, первичным из прецедентных феноменов является *прецедентное имя*, которое обычно тесно связано в сознании носителей языка с двумя другими феноменами одного логического ряда: прецедентным текстом и прецедентной ситуацией. Употребление прецедентного имени, как правило, активирует в сознании набор его дифференциальных признаков и атрибутов. Первые отличают предмет от ему подобных, вторые

необходимы для его идентификации. Прецедентные имена могут употребляться денотативно и коннотативно, номинативно и образно семиотически [Караулов, 2019, с. 217], не метафорически и метафорически [Нахимова, 2007, с. 7]. При денотативном использовании прецедентное имя указывает на соответствующий предмет, то есть употребляется как обычное имя собственное. При коннотативном — используется для характеристики определенного объекта. Таким весьма показательным неоднозначным прецедентным именем, используемым в художественной и публичной речи с различными коннотациями, является интересующее нас слово *резиньяция / резигнация.*

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. От латинского графического кода (resignation) к русской графической версии *резиньяция* и альтернативной кальке *резигнация*

О том, что лексема *резиньяция* является собственно лексическим архаизмом по отношению к лексическому составу общеупотребительных слов современного русского литературного языка, свидетельствует соответствующая помета «устар.» в большом и малом академических толковых словарях [ССРЛЯ, т. XII, стб. 1156; СлРЯ, т. III, с. 699].

Вместе с тем слово *резиньяция* (и его графический вариант *резигнация*) полностью не ушло в пассивный запас лексики. Оно лишь значительно сузило сферу употребления, так как имеет в современном русском языке статус научного термина: используется в работах по психологии и психиатрии, философии, социологии, в литературоведении. Например, в «Социологическом энциклопедическом словаре» дано следующее определение этого термина: РЕЗИГНАЦИЯ (от фр. *résignation* — покорность судьбе, смирение, безропотность) — англ. *resignation*; нем. *Resignation*; фр. *résignation*; чешск. *rezignace*. Отречение, покорность неотвратимому. Р. может быть основана как на познании и чувствовании высшей силы, так и на болезненности и бессилии [СЭС, с. 298].

С опорой на Толковый словарь под редакцией Д. С. Ушакова, где интересующая нас лексема ещё не отмечена как устаревшая, а имеет стилистическую помету «книжное» (РЕЗИНЬЯ́ЦИЯ, и, ж. [от латин. *resignatio* — уничтожение] (книжн.). Полная покорность судьбе, отказ от жизненной активности, безропотное смирение, подчинение [Ушаков, т. III, стб. 1323]), можно утверждать, что из активного нетерминологического употребления в русском языке оно вышло во второй половине XX века. Актуальность слова в первой половине XX века подтверждается и Словарем иностранных слов 1937 года: «**резиньяция** — фр. [résignation] — покорность судьбе, безропотное подчинение» [СИС, с. 487—488].

Это слово интересно прежде всего тем, что просуществовало в литературном языке вне ограниченной сферы употребления — в публицистической и художественной речи (хотя назвать его лексемой широкого употребления в этих функциональных сферах было бы тоже некорректно, поскольку и в них оно использовалось только некоторыми писателями и публицистами) — совсем недолго по меркам жизни слова в языке: на протяжении всего лишь одного столетия. Следовательно, лексема *резиньяция / резигнация* во 2-й половине XX века перешла в разряд архаизмов и терминов, фактически не успев ещё полностью утратить ореол узуальной неологичности, которым отчасти обладает и сегодня, для современного носителя русского языка, на страницах произведений употребляющих её авторов. Интересна и нестандартна сама «жизнь» этой ЛЕ в русском языке: обычно иноязычные слова входят в язык как термины, а затем или так и остаются в узкоспециальном дискурсе, иногда проникая в какие-либо другие, чаще смежные, терминологические системы, или, постепенно расширяя диапазон использования в речи, становятся общеупотребительными. В случае с *резиньяцией* имел место обратный процесс: заимствование вошло в узус не из научной или технической сферы, а из беллетристики, а затем, так и не успев полностью утвердиться в языке, стало узкоспециальным словом, ограниченным в употреблении в пределах нескольких терминологических систем. Примечательно и то, что в русском языке нет слова, которое было бы семантически адекватным синонимом. Ни одна из ЛЕ *покорность, смирение, примирение, самоотречение, раскаяние* не передает нюансы шиллеровского *Resignation*. П. А. Вяземский в сноске к одноименному названию сонета А. Мицкевича (1826) переводит это слово как *покорность*, но тут же комментирует: «В подлиннике заглавие Сонета сего: Rezygnacya, с французского слова: Resignation, употребленного и Шиллером. У *нас нет равнозначительного ему* (курсив наш. — *А. Ш., О. В., И. С.*)» [Вяземский, 1827, с. 204]. Переводчик в стремлении добиться точности вынужден использовать описательные обороты. Сомнения в возможности подобрать русское слово, адекватно отражающее немецкое *Resignation*, высказывалось и в издании собрания сочинений Ф. Шиллера 1901 года под редакцией С. А. Венгерова: «Примирение (1784). Русское заглавие не вполне передает смысл немецкого Resignation — сложного настроения, в которое входит понятие самоотречения, покорности судьбе, примирения с непреодолимым» [Шиллеръ, 1901, т. I, с. 343].

Сложность адекватного перевода названия элегии «Resignation» Ф. Шиллера подтверждается и значительным количеством несинонимичных его переложений с немецкого языка на русский. Одним из первых переводчиков стихотворения стал М. Дмитриев (в альманахе «Урания»

(1826), как и в сборнике «Стихотворения Михаила Дмитриева», название «Resignation» передается как «Покорность провидению (Из Шиллера)») [Дмитриев, 1830; Дмитриев, 1998]. В первом томе собрания сочинений Ф. Шиллера под редакцией Н. В. Гербеля 1857 года опубликованы два перевода элегии Ф. Шиллера, принадлежащие М. Дмитриеву и Г. П. Данилевскому. Оба автора сохраняют немецкое название «Resignation» (отметим, что М. Дмитриев отошел от своего первоначального перевода) [Шиллеръ, 1857]. Автор под псевдонимом «… нъ. Бронницы» в журнале «Галатея» (1829) сделал переложение элегии Ф. Шиллера под названием «Всепреданность. (Из Шиллера)» [… нъ. Бронницы, 1829]. Особо следует выделить и перевод названия, сделанный Э. И. Губертом (первый переводчик «Фауста» Гете с немецкого). В 1844 году он сделал прозаический перевод шиллеровского произведения, сохранив название первоисточника «Resignation» [Губерт, 1844]. В 1886 году вышла книга Р. Ф. Брандта (псевдоним Орест Головин), где название элегии Шиллера переводилось как «Отречение» [Брандт, 1886, с. 27—30]. В 1901 году был опубликован первый том собрания сочинений Шиллера в переводах русских писателей под редакцией С. А. Венгерова. В нем был перевод шиллеровской элегии, сделанный кн. Д. Цертелевым, где название немецкого стихотворения переложено как «Примирение» (1874) [Шиллеръ, 1901]. В советское время в собрании сочинений 1937 года переводчик А. Кочетков в традициях XIX века сохранил немецкое название «Resignation» [Шиллер, 1937]. Позже было выпущено собрание сочинений Ф. Шиллера в семи томах (1955—1957), где перевод элегии немецкого поэта, изданный под названием «Отречение», принадлежит Н. К. Чуковскому [Шиллер, 1955].

Для исследователя-филолога представляют немалый интерес судьба данного слова, парадоксально сочетающего лексические признаки архаизма, неологизма и экзотизма, и анализ причин возникновения такой парадоксальности.

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (1847) и «Толковом словаре живого великорусского языка» (1863—1866) В. И. Даля его ещё нет. В 12-й том (1961) 17-томного Большого академического словаря оба варианта (*резигнация* и *резиньяция*) вошли с пометой «устаревшее» [ССРЛЯ, т. XII, стб. 1153, 1156]. В Национальном корпусе русского языка зафиксированы 48 текстов с 70 примерами использования лексемы *резиньяция* в этом графическом (кириллическом) облике и 11 текстов с 17 примерами использования менее употребительной русской кальки *резигнация* [НКРЯ].

Слово *резиньяция* стало утрачивать флёр неологичности, обретая определенную элитарную популярность в русском литературном языке, в 30—40-е годы XIX века. Контексты его употребления зафиксированы

в НКРЯ начиная с 1842—1850 годов: *Конечно, конечно! Для этого нужна большая* ***резиньяция****. Ах, как подумаю, сколько я видела таких несчастных!* (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи, 1842—1850) [НКРЯ].

Примерно в то же время появилась конкурирующая калька (транслитерация) *резигнация*, первое употребление которой в НКРЯ зафиксировано в мемуарах П. В. Анненкова «Идеалисты тридцатых годов», вошедших в сборник «Н. П. Огарев в воспоминаниях современников»: *Когда он изложил друзьям своим в Москве горькие чувства, обуревавшие его накануне почетной ссылки, ему предстоящей, то Огарев, вероятно, по старой памяти, предложил ему в утешение совет считать все происшедшее «частным случаем» и предаться покорному самоотречению* ***— резигнации*** (résignation) (П. В. Анненков. Идеалисты тридцатых годов, 1841—1843) [НКРЯ].

Однако первые употребления интересующего нас слова, не зафиксированные в НКРЯ, имели место в эпистолярном жанре, художественной речи и публицистике уже в 20—30-е годы XIX века. Например, оно встречается в одном из писем 1820 года к дочери М. М. Сперанского, русского государственного и общественного деятеля эпохи Александра I: «Отправив мои письма с фельдегерем, я успокоился. Resignation! мне не привыкать к тебе» [ПСДб, с. 1759]. Примечательно, что в данном случае используется ещё латинский графический вариант слова (из первоисточника Шиллера), что может свидетельствовать о его неосвоенности в современном автору русском языке 20-х годов XIX века. Об интересе М. М. Сперанского к творчеству Ф. Шиллера свидетельствует неоднократное упоминание им имени немецкого поэта, а также знакомство не только с лирикой, но и биографией автора элегии «Resignation» («Между тем я прочитал жизнь Шиллера. Не худо быть знакомым с авторами; это вводит и поясняет дух их творений» [ПСДа, с. 1184]). Политическая опала, в которую попал русский реформатор, во многом сделала переживания лирического героя элегии «Resignation» Ф. Шиллера о трагических перипетиях судьбы близкими и понятными ему. М. Сперанский даже отсылает к значению слова *Resignation*, соответствующую номинацию впоследствии переводчики будут использовать для переложения названия произведения (покорность): «Покорность и гибкость — вот все, что нам осталось. Всякий ропот есть бунт против Провидения» [ПСДб, с. 1742]. Одно из первых употреблений анализируемого слова в русском графическом коде находим в письме 1832 года А. И. Тургенева П. А. Вяземскому: «Завтра же обедаю у Леди Ковентри, но все Англинския прелести бледнеют перед черными, опущенными глазами Итальянской инокини, когда она наклоняла свою голову к ножницам, отрезавшим ее русую косу. Какая прелесть и какая резиньяция!» [АБТ, т. I, с. 142]. Пример можно считать подтверждением того, что уже

в 30-е годы XIX века лексема *резиньяция* перестает восприниматься современниками как имеющий латинский графический облик элитарный неологизм: «Шиллеровское “Отречение” от Аркадии нашло в России небывалый отклик. Стихотворение переводили, перефразировали, цитировали, интерпретировали: в сознании многих русских почитателей Шиллера оно стало каноническим текстом» [Thiergen, 2015, с. 84]. В данном контексте слово *канонический* (текст) фактически выступает как синоним к *прецедентный*.

Периодом наиболее активного употребления слова *резиньяция*, судя по частотности его появления в составляющих НКРЯ примерах из произведений и писем русских писателей, публицистов, государственных деятелей и т. д., стала середина и вторая половина XIX века. В это время слово употребляется уже преимущественно в русском графическом коде, то есть постепенно перестает быть, по терминологии Е. А. Проценко, *иносистемной лексемой* (иноязычным вкраплением иного фонетико-графического кода) и становится *интерсистемной* [Проценко, 2006, с. 96—97], адаптированной к русскому языку. У этой ЛЕ на русской почве появился однокоренной глагол *резиньироваться*, который был образован по продуктивной для ЛЕ иноязычного корня словообразовательной модели «от французского résigner при помощи суффикса -ирова-» [Захарова, 2019, с. 23]. Примеры употребления этого глагола в XIX веке находим в высказываниях разных деятелей культуры, начиная с В. Г. Белинского: *Быть столько времени и с таким успехом первым голосом в журналистике – и слышать новые, дотоле безвестные голоса, которые поют уже совсем другую песню – на это у него недостало силы* ***резиньироваться*** [Белинский, 1982, т. VIII, с. 179]; *Я одного только желал: не примиряться, не* ***резиньироваться****, не измениться, не унизиться до того, чтобы искать утешения в каком бы то ни было обмане, — сохранить до конца в целости святое чувство бунта* [Письма ..., 1896, с. 72].

Вместе с тем слово в исходном латинском графическом коде *resignation* продолжало использоваться в речи наряду с русской графической версией *резиньяция* и альтернативной калькой *резигнация* до конца XIX столетия. Так, И. А. Гончаров использует немецкое написание *resignation* в письме П. А. Валуеву от 1881 года: *Оставить или быть оставленной (или -ным) — это громадная разница! в последнем случае жгучая боль, в первом — пожалуй, уныние, скука тоже, пожалуй, страдание, но не жгучее, не мука, а ... большей частью resignation перед необходимостью* [Епишкин, 2010].

Насколько можно судить по примерам, зафиксированным в НКРЯ, из двух конкурировавших кириллических графических вариантов писатели и публицисты отдавали предпочтение имеющему более «эвфемистичный» фонетический облик *резиньяция* (примерно 3:1), хотя один и тот же автор

мог использовать в разных произведениях оба варианта. Ср. у В. Набокова: *Магда упиралась слепому в грудь, поднимала глаза к небу с комической* ***резиньяцией*** *или показывала Кречмару язык, что было особенно, конечно, смешно по сравнению с выражением безысходной нежности на лице слепого* (В. Набоков. Камера обскура, 1933); *Я, как зачарованный, наблюдал за лицом Шарлотты, когда она, делясь родительскими треволнениями с другой дамой, делала американскую гримасу женской* ***резигнации*** *(с закатыванием глаз и свисанием одной стороны рта), более детский вариант которой я видел, бывало, на лице у Лолиты* (В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского], 1967) [НКРЯ].

3.2. Резиньяция как прецедентное имя в русском языке и литературе

В ещё большей степени слово *резиньяция*, переданное в кириллическом графическом коде, и его изначальный латинский графический вариант — заглавие элегии Шиллера «Resignation» — заслуживают внимания филологов в другом лексическом аспекте — как прецедентное имя (идеоним) в русском художественно-образном переосмыслении.

Таким весьма показательным **неоднозначным** прецедентным именем, используемым в художественной и публичной речи с различными коннотациями, является интересующее нас слово *резиньяция / резигнация.*

М. Бахтин в монографиях «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940) и «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965) так характеризует средневековую категорию «серьезность», одним из составляющих которой является понятие, обозначаемое словом *резиньяция*: «*В противоположность смеху серьезность была изнутри проникнута элементами страха, слабости, смирения,* ***резиньяции****, лжи, лицемерия или, напротив, — элементами насилия, устрашения, угроз, запретов. В устах власти серьезность устрашала, требовала и запрещала; в устах же подчиненных — трепетала, смирялась, восхваляла, славословила. Поэтому средневековая серьезность вызывала известное недоверие у народа*» [Бахтин, 2008, т. IV, с. 87].

В XIX веке, после употребления слова *resignation* в одноименной элегии Шиллера, вызвавшей горячий отклик у передовой, романтически настроенной интеллигенции, появляется его «классическое» психологическое осмысление: оно стало интерпретироваться «как глубокое отражение трагических противоречий исторического развития», «трагическое просветление на самом дне страдания» [Арсланов, 2007, с. 221, 255], как синтез горькой иронии и серафического начала. В сознании интеллигенции понятие, соотносительное с языковой единицей *резиньяция*, прежде всего благодаря восторженному восприятию этого романтического образа

писателем и публицистом Н. В. Станкевичем, с которым были в той или иной степени солидарны П. А. Вяземский, В. Г. Белинский (впоследствии его отношение к *резиньяции* изменилось), И. С. Тургенев и др., стало программным для типа русского идеалиста того времени.

Однако уже в начальный период появления лексемы *резиньяция* и ее «вхождения в моду» у российской интеллигентской элиты возникает дуализм восприятия данного слова-понятия. Эта неоднозначность обусловлена тесным омонимическим взаимодействием нарицательного значения слова *resignation* (его наиболее близкими по семантике русскими синонимами являются ЛЕ *покорность, смирение, безропотность*; именно это нарицательное значение и составляющие семы стали основой современных научных дефиниций данной ЛЕ как термина в психологии, философии, социологии и т. д.), уже известного образованным русским людям той эпохи, хорошо знавшим французский и немецкий языки, первый из которых — источник, второй — транзитёр слова, и его образной семантики в контексте стихотворения Шиллера, сконцентрированной в заглавии, которое стало прецедентным идеонимом (библионимом). В России слово *resignation* обрело коннотации «новомодности», философско-романтической возвышенности, поскольку в контексте элегии Шиллера слово характеризовало возвышенное состояние души, стало ключевым, концептуально значимым. Это закономерно, так как обычно «контекст играет роль координатора ассоциативного фона: он усиливает одни ряды и ослабляет, гасит другие» [Баранова и др., 2010, с. 10]. И в отмеченном выше дуализме восприятия иносистемной нарицательной лексемы при постепенной её адаптации к русскому языку и переходе в интерсистемную на всем протяжении относительно активного употребления в русской публицистике, беллетристике и эпистолярном жанре очевиден приоритет авторской (шиллеровской) возвышенно-утонченной семантики этого слова, то есть семантики прецедентного идеонима, над узуальным значением его нарицательного омонима в языке-источнике.

Отсутствие точного, исчерпывающего содержание романтического образа перевода прецедентного идеонима *Resignation* на русский язык, связанное прежде всего «с наличием лакун в лексико-семантической системе русского языка второй половины XIX века, с невозможностью выразить какое-либо понятие одним словом» [Захарова, 2019, с. 22], приводит к тому, что на русской почве у него появляются различные авторские интерпретации, смысловые приращения и коннотации.

Так, И. С. Тургенев в повести «Яков Пасынков» дополняет значение этого прецедента, который использует в тексте только в латинском графическом коде, семантическим приращением «наслаждение гармонией пере-

ливов ощущений, компенсирующее неотвратимость рока», отражающим особенности восприятия этого термина русской интеллигенцией 30—40-х годов XIX столетия и её представления о романтическом идеале, в соответствии с которым психологическое состояние наслаждения страданием, покорности судьбе, добровольного отречения «от Аркадии», воплотившегося затем у Достоевского в образ возвращенного Богу билета в «Братьях Карамазовых», воспринималось как восхождение души к высшей ипостаси её катарсиса, экстаза, совершенства.

С уходом из активной общественно-политической жизни России плеяды романтиков-идеалистов это представление постепенно меняется в сторону сужения спектра семантических оттенков и мелиоративных коннотаций. Уже со второй половины 40-х годов XIX века в произведениях и письмах таких русских писателей и публицистов, как А. А. Фет, А. И. Герцен, И. А. Гончаров и др., чаще начинает употребляться менее благозвучная калька *резигнация*, обретающая всё более заметные пейоративные коннотации, противоположные возвышенной и утонченной эмоционально-экспрессивной окраске данного слова-понятия в первоисточнике Шиллера. Так, в записи 1 ноября 1846 года в дневнике Н. А. Герцен (см. «Приложение» к 4-й части «Былое и думы») семантика лексемы *резигнация* сужается до доминанты психологического состояния покорившегося судьбе человека, которое не приемлет уверенный в своих жизненных силах автор: *Что это — равнодушие или твердость? — но на все смотришь спокойнее, удовлетворения все меньше и меньше и требовательности меньше... Но* ***резигнация*** *ли это? Какое жалкое чувство; нет, лучше сердиться ил страдать. Отчего же я не сержусь и не страдаю, и не сознаю* ***резигнации*** *— и не равнодушие это, стало — твердость. По временам я чувствую страшное развитие силы в себе, не могу себе представить несчастия, под которым бы я пала* [Герцен, 1956, т. IX, с. 272].

В отличие от данной интерпретации, во многом приближающейся к научно-терминологическому пониманию анализируемой лексемы в XX и XXI веках, И. А. Гончаров во «Фрегате “Паллада”» окрашивает калькy *резигнация* в бытовые иронические тона: «*Подъезжаете вы к грязному пространству: сверху вода; проводник останавливается и осматривает, нет ли объезда: если нет, он нехотя пускает свою лошадь, она, еще более нехотя, но все-таки с* ***резигнацией****, без всякого протеста, осторожно ступает, за ней другие»; «Я послал за Шейным, но он рапортовался больным. Что делать? вооружиться терпением,* ***резигнацией****? так я и сделал. Я прожил полторы сутки, наконец созвал ямщиков, и Шейна тоже, и стал записывать имена их в книжку. Они так перепугались, а чего — и сами не знали, что сейчас же привели лошадей*» [Гончаров, 1997, т. II, с. 646, 706].

Иронию писателя усиливает в следующем абзаце каламбурный эффект, контекстуально обусловленный парономазией иноязычных слов *резигнация, резиденция* и народно-этимологического окказионализма *разведенция*: «Я проехал мимо приисков, то есть резиденции золотоискателей, или разведенции, как назвал ямщик, указывая целую колонию домиков на другом берегу Лены» [Там же, с. 706].

В произведениях «Яков Пасынков» (1855), «Вешние воды» (1872), «Пунин и Бабурин» (1874), «Новь» (1877) И. С. Тургенева — одного из наиболее пристрастных и последовательных русских апологетов романтических идей и образов Шиллера, и прежде всего *резиньяции*, — семантика и коннотации этого прецедентного имени (или его мотива, который угадывается, например, в повести «Фауст») со временем также варьировались, изменялись, контекстуально дополнялись новыми экспрессивными оттенками — в тесной связи с переменами в авторском мировосприятии и различными художественными целями — от «серьезности и лиричности», «ностальгии по прошлому» до «добродушно-иронического освещения», «неглубокого, преходящего чувства» [Данилевский, 2010, с. 97].

Градация отношения Тургенева к *резиньяции*, предопределяющая изменения в семантическом наполнении этого прецедентного имени и его коннотациях, которые можно рассматривать и как отражение экспрессивно-семантической эволюции данного слова-понятия в ментальном сознании, языковой картине мира всей русской интеллигенции, неравнодушной к образам Шиллера, отчетливо прослеживается от произведения к произведению.

В повести «Яков Пасынков» (1855) И. С. Тургенев отразил обретение названием шиллеровской элегии двойного статуса: интертекстуального феномена и прецедентного имени. Текст писателя выстроен на активизации и актуализации «сверхличностного характера» лексемы *Resignation*, выступающей как познавательно-экспрессивная основа для нарратива. Название стихотворения Ф. Шилллера персонажи воспринимают как ритмы, импульсы судьбы. Экспрессивная краткая, но емкая коммуникативность задает специфику функционирования шиллеровского названия «Resignation»: — *Теперь? я читаю* ***«Resignation»****: прекрасное стихотворение. Хотите, я вам его прочту? Сядьте вот здесь, подле меня, на скамейке* [Тургенев, т. X, с. 60]. И. С. Тургенев еще неоднократно будет использовать слово *резиньяция* в произведениях и письмах, что также свидетельствует о сложившейся в мировоззрении писателя концепции прецедентности названия элегии Ф. Шиллера. Однако с повести «Вешние воды» (1871) в творчестве Тургенева намечается семантическая эволюция данной лексемы. В этом произведении лексическое значение данной номинации

уже не ‘комплекс противоречивых трагическо-гармоничных чувств’, как в «Якове Пасынкове», теперь она служит обозначением мимолетного, быстро проходящего, поверхностного ощущения: *Переход от отчаяния к грусти, а от нее к «тихой* ***резиньяции****» совершился довольно скоро в фрау Леноре; но и эта «тихая* ***резиньяция****» не замедлила превратиться в тайное довольство* [Тургенев, т. VIII, с. 329]. Прецедентное название элегии «Resignation» уже в повести «Вешние воды» утрачивает ореол интертекстуальности. В произведении слово *резиньяция* пишется уже не на латинице, а в кириллической графике и воспринимается читателем как книжное и иноязычное. В позднее написанном рассказе И. С. Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874) герой фиксирует прикрепленность лексемы к пассеистическому мироощущению, отмечая, что для героини его использование связано с воспоминаниями о прошлом. В этом нарративе *резиньяция* обретает статус элитарной, хотя и устаревшей номинации: *Долго сдержанное негодование прорвалось наконец; потрясенные, вызванные наружу общей душевной тревогой, всколыхнулись старые воспоминания... Но собственно я убедился в это мгновенье, что «новый тип» остался тем же, той же страстной, увлекающейся натурой... Только увлекалась Муза уже не тем, чем, бывало, в молодые годы. То, что в первое мое посещение я принял за* ***резиньяцию****, усмиренность, и что действительно было тем — этот тихий, тупой взор, этот холодный голос, эта ровность и простота, — все это имело смысл лишь в отношении к прошедшему, невозвратному... Теперь настоящее заговорило* [Тургенев, т. IX, с. 57].

В романе «Новь» (1877) изменяется и написание слова в тексте: оно взято в кавычки. Лексема *резиньяция* — предмет языковой игры, основанной на утрате ей сверхличностного значения. Ее романтический код оказывается имитацией, симулякром. Герой романа Калломойцев «играет комедию», лишь демонстрируя высокий лексический и эстетический потенциал слова: *Валентина Михайловна обещала постараться — и постаралась. Она начала с того, что поговорила en tête-à-tête с Калломейцевым. Неизвестно, что она ему сказала, но он пришел к столу с видом человека, который «взял на себя» быть смирным и скромным, что бы он ни услыхал. Эта заблаговременная «****резиньяция****» придавала всему его существу оттенок легкой грусти; зато сколько достоинства... о! сколько достоинства было в каждом его движении! Валентина Михайловна познакомила Соломина со всеми своими домочадцами (пристальнее, чем на других, посмотрел он на Марианну) ... и за столом посадила его возле себя о правую руку. Калломейцев сидел о левую. Развертывая салфетку, он прищурился и улыбнулся так, как бы желая сказать: «Ну-с, будемте играть комедию!»* [Тургенев, т. IX, с. 281].

В письмах И. С. Тургенева семантика слова *резиньяция* отражает духовно-интеллектуальные поиски писателя. Отход от шиллеровского восприятия «Resignation» обусловлен обращением к термину *резиньяция* в шопенгауэровском толковании. От немецкого философа у Тургенева эмоциональное восприятие. Конец жизни у писателя проходит в страхе перед надвигающейся смертью, осознании человеческого бессилия перед ней. И, как итог, в письмах через лексему *резиньяция* актуализируется семантика покорности, смирения, беспомощности и трагизма. Развитие семантики анализируемого нами заимствования в творчестве И. С. Тургенева — пример эволюции значения слова: от шиллеровского прецедентного названия, ставшего обозначением типа русского романтика 40—50-х годов XIX века, к обозначению психологического состояния и трагическому шопенгауэровскому звучанию.

Таким образом, коннотации этого прецедента в сознании Тургенева постепенно эволюционировали в сторону аксиологического знака «минус» и в зрелом возрасте писателя достигли апогея пейоративности во фрагменте письма Г. Флоберу от 30 июня (12 июля) 1874 года: «Infirmités, dégoût lent et froid, agitations pénibles des souvenirs inutiles — voilà, mon bon vieux, la perspective qui s'offre à la vue del'homme ayant passé la cinquantaine. Et pardessous et au-delà de tout cela — **la résignation**, **la HIDEUSE resignation** (выделено нами. — *А. Ш., О. В., И. С.*), cette preparation del amort...» // *Недуги, тупое и холодное отвращение, тягостное пробуждение ненужных воспоминаний — вот, старина, перспектива, открывающаяся взору человека, которому перевалило за пятьдесят. А под этим и поверх всего этого — смирение, ОТВРАТИТЕЛЬНОЕ смирение, это приготовление к смерти...* [Тургенев, т. XIII, с. 310—311]. Сниженная добродушно-ироническая коннотация, подтверждающая постепенное низвержение романтического кумира *резиньяция* в сознании писателя, присуща и однокоренному глаголу *резиньироваться*, дважды употребленному в письме П. В. Анненкову от 3 (15) ноября 1871 года: *Муж дал ей полную свободу с условием, чтобы она не вступила на сцену; она все-таки вступила — и муж* ***резиньировался****. Отец и мать не советовали ей идти на театр, зная, что ее сил на это не хватает, она не послушалась — и они тоже* ***резиньировались****, то есть махнули рукой* [Тургенев, т. XI, с. 154].

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на то, что немецко-французская калька использовалась писателями и политиками не только в XIX, но и в XX веке (П. Д. Боборыкин, В. И. Ленин, Вяч. Полонский («Метаморфозы. Заметки», 1923), М. Горький («Жизнь Клима Самгина»), Е. Замятин («Москва — Петербург»),

В. Набоков («Камера обскура», «Лолита»), В. Дудинцев, И. Бродский и др. [НКРЯ]), советскими читателями *резиньяция* воспринималась как малопонятное иноязычное слово. Один из корреспондентов газеты «Советская культура» от 24 января 1989 года критически замечает: *Газета ваша интересная, но нередки словечки заковыристые, что их в словарях нет. Откуда вы выкопали «сакрализацию», «**резиньяцию**», «континюаль»?* [Почта недели ..., 1989, с. 1]. Реакция читателя на слово *резиньяция* является свидетельством того, что слово, не успев утратить ореол элитарности и неологичности, не утвердившись в активном употреблении, перешло в пассивный запас и профессиональную сферу.

Сложно ответить однозначно, почему слово *резиньяция*, войдя в русский литературный язык из немецкого (с философскими идеями Шопенгауэра и образами Шиллера) в качестве несколько вычурного, высокого книжного семантико-стилистического синонима русских слов *покорность, смирение, безропотность*, *самоотречение*, просуществовав в активном употреблении лишь около столетия, ушло в пассивный запас лексики и сегодня имеет статус узкоупотребительного термина, крайне редко проникая в публицистику и беллетристику. Как нам представляется, здесь могло быть одновременно несколько причин: и отсутствие единообразного, приемлемого всеми носителями языка русского варианта написания слова (конкуренция графических вариантов *резиньяция* и *резигнация*), и «неукорененность» в русском языке — то есть отсутствие производных и родственных слов, в том числе других частей речи (за исключением глагола *резиньироваться*), которые могли бы создать продуктивное словообразовательное гнездо, способствующее закреплению этого заимствования в узусе, и ореол некой элитарности, и, главным образом, проигрыш в фонике (благозвучии) русским синонимам в связи с совпадением начальных звуков с фонетическим обликом корня в исконно русских словах ***рез**ать, **рез**кий*, имеющих явно контрастирующую семантику, то есть нежелательные ассоциации на почве парономазии, связанные с актуализацией псевдокорня.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АБТ — *Архив* братьев Тургеневых. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. 1814—1833 годы. — Петроград : Отд-ние русского языка и словесности Рос. акад. наук. Российская государственная академическая типография. 1921. — Т. 1. — 560 с.

2. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений. В 9-ти томах. Статьи, рецензии и заметки, сентябрь 1845 — март 1848 / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 8. — 783 с.

3. *Брандт Р. Ф.* Переложения Ореста Головнина / Р. Ф. Брандт. — Киев : Тип. К. Н. Милевского, 1886. — 83 с.

4. *Вяземский П. А.* Покорность / П. А. Вяземский // Московский Телеграф. — 1827. — Ч. 14. — № 7. — С. 204.

5. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти томах / А. И. Герцен. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — Т. 9. — 362 с.

6. *Гончаров И. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20-ти томах / И. А. Гончаров. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 2. — 745 с.

7. *Губерт Э. И.* Вильгельмъ Телль. Сочиненіе Шиллера. Часть вторая и послѣдняя / Э. И. Губерт // Библиотека для чтения. — 1844. — LXIII. — Отд. V. — С. 25—36.

8. *Дмитриев М. А.* Покорность провидению. (Из Шиллера) / М. А. Дмитриев // Урания. Карманная книжка на 1826 год для любительниц и любителей русской словесности. — Москва : Наука, 1998. — С. 151—155.

9. *Дмитриев М. А.* Стихотворения Михаила Дмитриева : Ч. 1—2 / М. А. Дмитриев. — Москва : Тип. Августа Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1830. — Ч. 1. — 252 с.

10. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка. 2003—2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru (дата обращения 10.01.2024).

11. ….*нъ. Бронницы.* Всепреданность. (Из Шиллера) // Галатея : Журнал литературы, новостей и мод. — 1829. — Ч. 6. — № 27—31. — С. 223—226.

12. *Письма* М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. — Женева : Georg et C°, 1896. — VIII, CVIII, 565 с.

13. ПСДа — *Письмо* М. М. Сперанского дочери Е. М. Фроловой-Багреевой от 24 декабря 1818 года // Сперанский М. М. 65 писем Сперанского к его дочери, из Пензы и с дороги Сибирь. Русский архив. — 1868. — № 7—8. — С. 1104—1214.

14. ПСДб — *Письмо* М. М. Сперанского дочери Е. М. Фроловой-Багреевой от 8 мая 1820 года // Сперанский М. М. Письма Сперанского к его дочери, Елисавете Михайловне, с дороги в Сибирь, из Сибири и с возвратного оттуда пути. 1819 и 1820. Русский архив. — 1868. — № 11. — С. 1682—1810.

15. *Почта недели* // Советская культура. — 1989. — С. 1.

16. СИС — *Словарь* иностранных слов ; составлен бригадой Гос. института «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ». — Москва : ОГИЗ РСФСР, 1937. — 728 с.

17. СлРЯ — *Словарь русского языка*: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. — Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 3. П—Р. — 750 с.

18. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 тт. / под ред. В. И. Чернышёва. — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 12. — 749 с.

19. СЭС — *Социологический* энциклопедический словарь : на рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.-координатор Г. В. Осипов ; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук. Ин-т социологии Рос. акад. наук. — Москва : ИНФРА-М—Норма, 1998. — 488 с. — ISBN 5-89123-162-X.

20. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30-ти томах / И. С. Тургенев. — Москва : Наука, 1980—2018.

21. Ушаков — *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. / под редакцией Д. С. Ушакова. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. — Т. 3. П—Ряшка. — 1424 стб.

22. *Шиллер Ф.* Собр. соч. в 8-ми т. / Ф. Шиллер. — Москва-Ленинград : ACADEMIA, 1937. — Т. 1. — 365 с.

23. *Шиллер Ф.* Собр. соч. в 7-ми т. / Ф. Шиллер. — Москва : ГИ Художественная литература, 1955. — Т. 1. — 776 с.

24. *Шиллеръ Ф.* Лирическія стихотворенія Шиллера. Въ переводахъ русскихъ поэтовъ. Изданныя подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля I / Ф. Шиллеръ. — Санкт-Петербург : Типографія Императорской академіи наукъ. 1857. — 339 с.

25. *Шиллеръ Ф.* Собраніе сочиненій Шиллера в переводѣ русскихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова / Ф. Шиллеръ. — Санкт-Петербург : Изданіе Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, 1901. — Т. 1. — 479 с.

Литература

1. *Арсланов В. Г.* Постмодернизм и русский «третий путь» / В. Г. Арсланов. — Москва : Культурная революция, 2007. — 656 с. — ISBN 5-250-06004-8.

2. *Баранова К. И.* Кысь в «Кыси»: Смыслообразующий потенциал литературного онима и механизмы его реализации / К. И. Баранова, А. А. Фомин // Вопросы ономастики. — 2010. — № 2 (9). — С. 5–40.

3. *Барт Р.* От произведения к тексту / Р. Барт // Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

4. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. «Франсуа Рабле в истории реализма» (1940 г.). Материалы к книге о Рабле (1930—1950-е гг.). Комментарии и приложения. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — Т. 4 (1). — 1120 с. — ISBN 5-89216-010-6.

5. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. — Москва : Гнозис, 2003. — 288 с. — ISBN 5-94244-007-7.

6. *Данилевский Р. Ю.* Иван Тургенев и Фридрих Шиллер (К 250-летию со дня рождения немецкого поэта) / Р. Ю. Данилевский // Спасский вестник. — 2010. — № 18. — С. 91—103.

7. Дергачева И. В. Прецедентный интертекст в поэме «Великий инквизитор» / И. В. Дергачева // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 125—140. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622.

8. *Епишкин Н. И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — 5140 с.

9. *Захарова Ю. Г.* Интерсистемная лексика в русском языке второй половины XIX в. (на материале писем И. С. Тургенева) / Ю. Г. Захарова // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». — 2019. — № 3. — С. 22—24.

10. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. Стереотип / Ю. Н. Караулов. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2019. — 264 с. — ISBN 978-5-397-06618-1.

11. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.

12. *Красных В. В.* Свой среди чужих : Миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с. — ISBN 5-94244-004-2.

13. *Кузьмина Н. А.* Интертекст : тема с вариациями : феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина ; изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2018. — 271 с. — ISBN 978-5-397-06338-8.

14. *Михновец Н. Г.* Прецедентные произведения и прецедентные темы, их место и роль в творчестве Ф. М. Достоевского : автореферат диссертация ... доктора филологи-

ческих наук : 10.01.01 / Надежда Геннадьевна Михновец. — Санкт-Петербург, 2007. — 45 с.

15. *Нахимова Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. — 207 с. — ISBN 5-7186-0238-X.

16. *Проценко Е. А.* К проблеме классификации лексики иноязычного происхождения / Е. А. Проценко // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». — 2006. — № 2. — С. 92—99.

17. *Thiergen P.* Образы Аркадии в русской литературе XVIII—XIX вв. / P. Thiergen // Imagology and Comparative Studies. — 2015. — № 2 (4). — С. 69—110. — DOI: 10.17223/24099554/4/4.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 28.11.2024,
подготовлена к публикации 15.12.2024.

Material resources

ABT — *Archive of the Turgenev brothers. Correspondence of Alexander Ivanovich Turgenev with the book. Peter Andreevich Vyazemsky. 1814—1833 years, 1.* (1921). Petrograd: Department of the Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences. Russian State Academic Printing House. 560 p. (In Russ.).

Belinsky, V. G. (1982). *Collected works. In 9 volumes. Articles, reviews and notes, September 1845 — March 1848, 8.* Moscow: Fiction. 783 p. (In Russ.).

Brandt, R. F. (1886). *Transcriptions by Orest Golovnin.* Kiev: K. N. Milevsky Type. 83 p. (In Russ.).

Dmitriev, M. A. (1830). *Mikhail Dmitriev's Poems: Part 1—2, 1.* Moscow: Type. August Semyon at the Imp. Med.-surgical academy. 252 p. (In Russ.).

Dmitriev, M. A. (1998). Submission to providence. (From Schiller). In: *Urania. Pocket book for 1826 for lovers and lovers of Russian literature.* Moscow: Nauka. 151—155. (In Russ.).

Goncharov, I. A. (1997). *The complete collection of works and letters. In 20 volumes, 2.* St. Petersburg: Nauka. 745 p. (In Russ.).

Herzen, A. I. (1956). *Sobr. op. In 30 volumes, 9.* Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 362 p. (In Russ.).

Hubert, E. I. (1844). Wilhelm Tell. Schiller's essay. Part two and after. *Library for reading, LXIII (V):* 25—36. (In Russ.).

Letters of M. A. Bakunin to A. I. Herzen and N. P. Ogarev. (1896). Geneva: Georg et C°. VIII, CVIII, 565 p. (In Russ.).

Mail of the week. (1989). *Soviet culture.* P. 1. (In Russ.).

.....n. Bronnitsy.Everything is unexpected. (From Schiller), 6 (27—31). (1829). Galatea: Journal of Literature, News and Fashion. 223—226. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 10.01.2024). (In Russ.).

PSDa — A letter from M. M. Speransky to the daughter of E. M. Frolova-Bagreeva dated December 24, 1818. *Speransky M. M. 65 letters from Speransky to his daughter, from Penza and from the Siberia road. Russian Archive, 7—8:* 1104—1214. (In Russ.).

PSDb — Letter of M. M. Speransky to the daughter of E. M. Frolova-Bagreeva dated May 8, 1820. (1868). *Speransky M. M. Letters of Speransky to his daughter, Elisaveta*

Mikhailovna, from the road to Siberia, from Siberia and from the way back from there. 1819 and 1820. Russian Archive, 11: 1682—1810. (In Russ.).

Schiller, F. (1857). *Lyric poetry of Schiller. In the translations of Russian poets. Published under the editorship of Nick. Vas. Gerbel I.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 339 p. (In Russ.).

Schiller, F. (1901). *The collected works of Schiller in the translation of Russian writers edited by S. A. Vengerov, 1.* St. Petersburg: Publishing House of Acc. General. Brockhaus-Efron. 479 p. (In Russ.).

Schiller, F. (1937). *Collected works in 8 volumes, 1.* Moscow-Leningrad: ACADEMIA. 365 p. (In Russ.).

Schiller, F. (1955). *Collected works in 7 volumes, 1.* Moscow: GI Fiction. 776 p. (In Russ.).

SES — *Sociological Encyclopedic Dictionary: In Russian, English, German, French and Czech.* (1998). Moscow: Infra-M–Norma. 488 p. ISBN 5-89123-162-X. (In Russ.).

SIS — *Dictionary of foreign words. Compiled by the team of the State Institute "SOVIET ENCYCLOPEDIA".* (1937). Moscow: OGIZ RSFSR. 728 p. (In Russ.).

SlRYa — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3.* (1999). Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources. 750 p. (In Russ.).

SSRLYa — Chernyshev, V. I. (1961). *Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes, 12.* Moscow – Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 749 p. (In Russ.).

Turgenev, I. S. (1980—2018). *Complete collection of works and letters. In 30 volumes.* Moscow: Nauka. (In Russ.).

Ushakov — *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes, 3. P—Ryashka.* (1939). Moscow: State Publishing House of foreign Languages. and the national words. 1424 stb. (In Russ.).

Vyazemsky, P. A. (1827). Submissiveness. *Moscow Telegraph, 14 (7):* P. 204. (In Russ.).

References

Arslanov, V. G. (2007). *Postmodernism and the Russian "third way".* Moscow: Kulturnaya Respublika. 656 p. ISBN 5-250-06004-8. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (2008). *Collected works. "Francois Rabelais in the history of the Republic" (1940). Materials for the book about Rabelais (1930s—1950s). Memoirs and appendices, 4 (1).* Moscow: Languages of Slavic Culture. 1120 p. ISBN 5-89216-010-6. (In Russ.).

Baranova, K. I., Fomin, A. A. (2010). Kys in "Kisi": The semantic potential of a literary onym and the mechanisms of its implementation. *Questions of onomastics, 2 (9):* 5—40. (In Russ.).

Barth, R. (1989). From the work to the text. In: *Selected works: Semiotics.* Poetics. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.).

Danilevsky, R. Y. (2010). Ivan Turgenev and Friedrich Schiller (To the 250th anniversary of the birth of the German poet). *Spassky Vestnik, 18:* 91—103. (In Russ.).

Dergacheva, I. V. (2021). The transition period in science "The Great investor". *Problems of historical science, 19 (2):* 125—140. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9622. (In Russ.).

Epishkin, N. I. (2010). *Historical dictionary of gallicisms of the Russian language.* Moscow: ETS. 5140 p. (In Russ.).

Gudkov, D. B. (2003). *Theory and practice of intercultural communication.* Moscow: Gnosis. 288 p. ISBN 5-94244-007-7. (In Russ.).

Karaulov, Yu. N. (2019). *Russian language and linguistic personality. Ed. Stratip.* Moscow: BIBLIOTEKA. 264 p. ISBN 978-5-397-06618-1. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Sociology and linguoculturology: a course of lectures.* Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2003). *Who is among you: us or the republic?* Moscow: Gnosis. 375 p. ISBN 5-94244-004-2. (In Russ.).

Kuzmina, N. A. (2018). *Intertext: a theme with variations: phenomena of language and culture in intertextual interpretation. Ed. 2nd, ispr. and add.* Moscow: BIBLIOGRAF. 271 p. ISBN 978-5-397-06338-8. (In Russ.).

Mikhnovets, N. G. (2007). *Precedent works and precedent themes, their place and role in the work of F. M. Dostoevsky.* Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 45 p. (In Russ.).

Nakhimova, E. A. (2007). *Precedent names in mass communication.* Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 207 p. ISBN 5-7186-0238-X. (In Russ.).

Protsenko, E. A. (2006). On the problem of classification of vocabulary of foreign language origin. *Bulletin of the VSU. The series "Linguistics and intercultural communication", 2:* 92—99. (In Russ.).

Tirgen, P. (2015). Images of the Arcade in Russian literature of the XVIII—XIX centuries. *Imagology and comparative studies, 2 (4):* 69—110. DOI: 10.17223/24099554/4/4. (In Russ.).

Zakharov, A. G. (2019). Intersystemic vocabulary in the Russian language of the second half of the XIX century. (based on the material of I. S. Turgenev's letters). *Bulletin of the VSU. The series "Philology. Journalism", 3:* 22—24. (In Russ.).

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 15.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Щетинина А. В. Русские неологизмы с социальной семантикой : особенности выявления и принципы лексикографирования / А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 147—165. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-147-165.

Shchetinina, A. V. (2024). Russian Neologisms with Social Semantics: Features of Identification and Principles of Lexicography. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 147-165. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-147-165. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Русские неологизмы с социальной семантикой: особенности выявления и принципы лексикографирования

Щетинина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-9085-8697
кандидат филологических наук, доцент, кафедра языков массовых коммуникаций anna-73.schetinina@yandex.ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01530, https://rscf.ru/project/24-28-01530/ «Типология новых слов социальной тематики, образованных от русскоязычных основ: семантико-мотивационный анализ неологизмов»

Russian Neologisms with Social Semantics: Features of Identification and Principles of Lexicography

Anna V. Shchetinina
orcid.org/0000-0002-9085-8697
PhD in Philology, Associate Professor, Department of Mass Communication Languages
anna-73.schetinina@yandex.ru

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project No. 24-28-01530, https://rscf.ru/project/24-28-01530/ “Typology of new words of social theme formed from Russian-language roots: semantic-motivational analysis of neologisms”

© Щетинина А. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются неологические процессы в русском языке, основанные на использовании его собственных ресурсов. Новизна исследования состоит в типологизации данного типа новой русской лексики тематической группы «Социум». Материалом для исследования послужили слова и фразеологизмы с институциональной социальной семантикой, которые включены в первый том нового «Толкового словаря русских неологизмов», одним из составителей которого является автор статьи. Дана семантическая характеристика новых русских слов и фразеологизмов. Отмечается, что социальная семантика выявлялась как в ассертивной части семантемы и на ближней периферии, так и в прагматической презумпции. Обосновано включение в издание слов не только с русскоязычными корнями и аффиксами (первая часть словаря), но и с иностранными корнями и русскими аффиксами (вторая часть). Указывается, что последние составляют большую часть новообразований. Приведены примеры описания разного типа неологических языковых единиц. Представлен фрагмент идеографической реконструкции лексического фонда русских неологизмов, описанных в первой части словаря. Проанализирована стилистическая принадлежность включенных в словарь языковых единиц. Делается вывод о стилистическом смешении при использовании неологизмов в разных типах дискурсов.

Ключевые слова:
русские неологизмы; социальная лексика; неологизмы с институциональной семантикой; новые фразеологизмы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study examines neological processes in the Russian language based on the utilization of its own resources. The novelty of the research lies in the typologization of this type of new Russian vocabulary within the thematic group “Society”. The material for the study consists of words and phraseologisms with institutional social semantics, which are included in the first volume of the new “Explanatory Dictionary of Russian Neologisms”, one of the compilers of which is the author of the article. A semantic characterization of new Russian words and phraseologisms is provided. It is noted that social semantics was identified both in the assertive part of the semanteme and on the near periphery, as well as in pragmatic presumption. The inclusion of words with not only Russian roots and affixes (the first part of the dictionary) but also with foreign roots and Russian affixes (the second part) is justified. It is indicated that the latter constitute a significant portion of the neologisms. Examples are given for describing different types of neological linguistic units. A fragment of the ideographic reconstruction of the lexical stock of Russian neologisms described in the first part of the dictionary is presented. The stylistic affiliation of the linguistic units included in the dictionary is analyzed. The conclusion is drawn about the stylistic blending when using neologisms in different types of discourse.

Key words:
Russian neologisms; social vocabulary; neologisms with institutional semantics; new phraseologisms.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 811.161.1'373.43/.44
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-147-165

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Русские неологизмы с социальной семантикой: особенности выявления и принципы лексикографирования

© Щетинина А. В., 2024

1. Введение = Introduction

Интенсивное развитие всех сфер жизнедеятельности современного человека получает соответствующее отражение в зеркале языка путем его активной неологизации, которая получает разные оценки от самих носителей языка, поскольку, как справедливо отмечают лингвисты, «зачастую новые понятия и термины появляются неожиданно, застают нас врасплох, мы не сразу можем к ним привыкнуть» [Коновалова, 2020, с. 7]. Особое внимание обращают на себя иностранные слова, идет речь о так называемом «засилье» иностранной лексики. Именно она в первую очередь рассматривается в качестве новой и находится в поле обсуждения законодателей, результатом которого стали поправки в закон «О государственном языке Российской Федерации», ограничивающие использование иностранных слов в публичной сфере [О внесении…, 2023]. Между тем обновление лексики русского языка происходит за счет не только указанной группы единиц, но и слов и выражений, созданных на основе собственных ресурсов русского языка. Новая русская лексика и идиоматика появляются в разных сферах и получают широкое употребление благодаря текстам СМИ и социальных сетей, то есть тем источникам, которые ориентированы на массовую аудиторию. Более того, устные и письменные научные произведения, к которым у современного интернет-пользователя есть свободный доступ, также демонстрируют широкое распространение неологизмов тематической группы «Социум».

Цель данной статьи — представить результаты первого года исследований по теме «Типология новых слов социальной тематики, образованных от русскоязычных основ: семантико-мотивационный анализ неологизмов», поддержанной Российским научным фондом. Одним из результатов работы научного коллектива стало издание первого тома «Толкового словаря русских неологизмов», включающего в себя более двух тысяч слов, относящихся к лексике институциональной сферы. Представим далее наш опыт их выявления и разработки принципов их лексикографирования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужили слова и словосочетания устойчивого характера, называющие объекты социальной действительности, находящиеся в сфере институционального взаимодействия. Языковые единицы извлекались из текстов СМИ (электронные версии газет «Коммерсантъ», «Взгляд», «Аргументы и факты», «Российская газета» и др.), социальных сетей (ВКонтакте, Живой Журнал, Одноклассники и др.), других интернет-ресурсов (сайты образовательных и научно-популярных платформ, форумы, тексты из Национального корпуса русского языка, научные статьи из НЭБ eLIBRARY.RU).

Методами сплошной выборки и поискового запроса собирались контексты с русскими неологизмами, на основе контекстного и компонентного анализа составлялись их дефиниции для включения в толковый словарь. Кроме того, для уточнения значения и источника происхождения слова или словосочетания использовались инструменты сервисов «Яндекс Вордстат» и Google Ngram Viewer. В случае выявления иностранного аналога мы обращались к словарям Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary и Cambridge Dictionary English Dictionary.

Актуальность исследований новой лексики в русском языке подтверждается значительным количеством публикаций, посвященных как анализу неологических процессов, так и появлению отдельных неолексем и новых фразеологизмов [Григоренко, 2018; Громенко, 2023; Коновалова, 2020; Леонтьева и др., 2024; Леонтьева, 2024; Мельник, 2019; Мокиенко, 2022; Радбиль и др.; Рацибурская, 2021; Ребрина, 2023 и др.]. Собранные лингвистами неологизмы фиксируются в словарях новой лексики и на электронных платформах [Леонтьева и др., 2021; Новое…; Словарь…, 2016; Словарь…, 2021; Шагалова, 2011, Щетинина, 2022 и др.]. Составленный автором статьи и его молодыми коллегами словарь новой русской лексики включает в себя тематическую группу языковых единиц институциональной сферы, извлеченных из текстов 2000—2024 годов [Щетинина и др., 2024]. Далее изложим основные результаты выявления и анализа новой лексики с социальной семантикой и особенностей ее лексикографирования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Семантическая характеристика русских неологизмов тематической группы «Социум»

В процессе исследования лексики тематической группы «Социум» на протяжении нескольких лет было выработано определение *социальной лексики*, на которое авторы словаря опирались и в данном исследовании. Это «совокупность языковых фактов: лексем, фразеологизмов, составных

неидиоматических выражений, а также паремий (поскольку они являются достаточно устойчивыми фактами речи), — в значениях которых выявляются социальные семы, то есть семантические компоненты, объективирующие принадлежность номинируемого объекта, его свойства или действия к сфере институционального общения (‘государство’, ‘власть’, ‘административный’, ‘должность’, ‘управлять’ и т. д.) или социального неинституционального взаимодействия (‘вместе’, ‘опорочить’, ‘общественное мнение’, ‘гость’ и др.)» [Щетинина, 2018, с. 8—9].

Исследование проводилось с учетом того наблюдения, что социальная семантика может выявляться не только в значениях слов и фразеологизмов в ассертивной части семантемы или на ближней периферии (в дифференциальных семах или в иллюстрациях к значению в словарной статье), но и в прагматической презумпции, то есть актуализироваться в контекстном употреблении вне лексикографического источника. Приведем несколько примеров описания языковых единиц, включенных в разработанный толковый словарь русских неологизмов.

Так, устойчивое выражение *материнский капитал*[1] и его эквивалентную лексему *маткапитал* можно определить как ‘меру государственной финансовой поддержки российских семей, в которых родился или был усыновлен ребенок’. Ядро данной семантемы представлено интегральной семой ‘мера государственной поддержки’, которая маркирует языковую единицу как лексему с социальной институциональной семантикой. Другой неологизм *методичка* со значением ‘инструкция для ведения идеологической борьбы с оппонентами’ маркируется как институциональный дифференциальной семой ‘идеологическая борьба’, уточняющей интегральную сему ‘инструкция’. Существительное *перезагрузка* идентифицируется как лексема с институциональной семантикой на периферии посредством лимитирующих сем ‘процесс начала нового этапа отношений между участниками коммуникации (государствами, организациями, сферами, людьми и др.)’. Между тем в значении прилагательного *бесшовный* таких институциональных сем нет, однако в речевом употреблении данное прилагательное используется для характеристики социальных объектов институциональных сфер, например: *Одним из главных инструментов для решения проблемы дефицита кадров в промышленности считается так называемое* ***бесшовное*** *обучение: когда образовательная траектория будущего специалиста начинается еще в школе и ведет к гарантированному трудоустройству* (Образовательные практики // Коммерсантъ Нижний Новгород, 2023); *Также ведется подготовка к запуску персонального*

1 Здесь и далее приводятся примеры из словаря [Щетинина и др., 2024].

сопровождения службой занятости студентов еще во время учебы для ***бесшовного*** *трудоустройства после завершения обучения, добавил глава Минтруда* (В. Городецкая. Глава Минтруда: После переобучения трудоустраиваются 80 % безработных // Взгляд, 2024). Типовая сочетаемость прилагательного *бесшовный* также демонстрирует характеристику преимущественно институциональных процессов (*управление, транзакция*), сфер (*экономика, образование*) и др.:

> Типовая сочетаемость: *бесшовная интеграция / логистика / магистратура / модель / отрасль / региональная экономика / система / среда / транзакция; бесшовное взаимодействие / движение / интернет-пространство / образование / обучение / переключение / трудоустройство / управление; бесшовные маршруты / паттерны / практики / процессы; бесшовный вход / Интернет / Wi-Fi / кооператив / личный кабинет / переезд / переход / путь / рост / рынок / сервис.*

Таким образом, в первую часть словаря вошли языковые единицы разного типа локализации социальной семантики, номинирующие факты действительности, связанные с деловой коммуникацией (*бизнес-ангел, дистанционщик, зона роста, удаленка*), политикой (*иноагент, коллективный запад, васильковая революция*), отношениями человека как гражданина с социумом, властью (*госуслуги, народосбережение, социальный лифт*), государств друг с другом на международной арене (*бамбуковая дипломатия, научная дипломатия, тихая дипломатия*) и др.

Одной из языковых примет современности специалисты считают активное пополнение лексического фонда устойчивыми словосочетаниями, в связи с чем дискутируется вопрос о критериях определения нового фразеологизма [Баско, 2016; Генералова, 2024; Давыдова, 2019 и др.]. В словарь мы включали новые, часто встречающиеся в разных источниках в определенных лексико-грамматических формах и значениях словосочетания, которые вслед за В. М. Мокиенко рассматриваем как фразеологические неологизмы, абсолютно новые для языка или актуализированные в определенных социальных условиях, в том числе и трансформы уже известных идиом [Мокиенко, 2022, с. 136]. Критерий непредставленности их ранее в лексикографических источниках мы не рассматривали, поскольку в течение последних лет был издан ряд словарей, которые описывают новые фразеологизмы. В то же время наше издание отличается тем, что в нем собрана наряду с лексикой только русскоязычная фразеология тематической группы «Социум», классифицированная на основании зависимости от принадлежности к группам институциональной и неинституциональной лексики.

Таким образом, в словаре собрано более 2000 новых языковых единиц, полностью или частично созданных на основе русскоязычных морфем. В первой части книги описано 678 слов и фразеологизмов, часть из них — 23,5 % — появились в русском языке предположительно путем калькирования, результат которого носители языка обычно не воспринимают как иностранное заимствование (данное наблюдение подтверждается экспериментальными исследованиями лингвистов, например [Кротова, 2022]), поскольку в переводе используются русские слова или иностранные, но давно известные (*активности, вирусный, деловой климат, лидер мнений, умный дом* и др.). Более того, включение в состав слова морфемы, указывающей на иностранный объект социальной действительности, ср. *евробюрократы, евроскептики* (слова, очевидно, заимствованные, хотя в использованных словарях английского языка их нет), не всегда идентифицирует иностранное происхождение слова или фразеологизма, например, устойчивые выражения *вашингтонский обком* и *брюссельский обком* в силу номинации специфических отечественных реалий воспринимаются как русскоязычные. Кроме того, одним из способов появления русских неологизмов является семантическая деривация, см., например, *архитектура* (‘структура или система организации какой-либо сферы жизни или мирового пространства’, ‘организация и структурирование программного кода, который обеспечивает работу интернет-приложения’), *заморозить* (‘прекратить отношения или деятельность’) и др.

Особый пласт лексики, представленный во второй части, составляют гибридные слова, созданные по моделям «иностранный корень + русский аффикс + русская флексия» (*мобб**ить**, моббинг**овый**, мобber**ский***), «иностранный корень + русский корень / прочно закрепившийся в русском языке иностранный (факультативно: + русский аффикс / русская флексия)» (*онлайн-**страхование**, онлайн-**студия**, онлайн-**титул**, онлайн-**торговля**, онлайн-**трансляция;** фейк**омет,** фейк**ометить*** и др.), «иностранный префиксоид + русский корень (факультативно: + русский аффикс / русская флексия)» (***анти**моббинг, **контр**моббинг, **анти**моббинг**овый*** и др.). Собрано более 1600 простых и сложных слов, созданных на основе сочетания иноязычных и русских морфем. Наиболее продуктивной в данной группе является модель «компонент в латинской графике + русский компонент» с первой частью *covid* (423 языковых единицы: *covid-**диверсия**, covid-**диверсант**, covid-**дилемма**, covid-**дипломатия**, covid-**дискриминация**, covid-**дистанция*** и др.), *zoom* (162 единицы: *zoom-**пакет**, zoom-**партнёр**, zoom-**педагогика**, zoom-**переговорка**, zoom-**переговорная**, zoom-**переговоры*** и др.), *QR* (97 единиц: QR-***деспотия***, QR-***дискриминация***, QR-***диссидентство***, QR-***дисциплина*** и др.), буквенным обозначением *Z* (179 единиц: Z-***колонна***, Z-***команда***, Z-***командировка***, Z-***комитет*** и др.).

Неологизмы с институциональной семантикой не исчерпываются собранным в данном словаре материалом, однако демонстрируют типичные способы неологизации в русском языке, в частности, способность и «стремление» русского языка адаптировать заимствования в соответствии с его лексико-грамматическими особенностями.

3.2. Идеографическое описание русских неологизмов с институциональной семантикой

Идеографическая реконструкция фонда новых русских слов и фразеологизмов, связанных с институциональной сферой, позволяет выявить те группы языковых единиц, которые репрезентируют актуальные для современного человека, общества и государства фрагменты действительности. Последние можно представить в виде ряда тематических сегментов, которые отражены в словарном описании посредством помет, называющих типичную сферу функционирования языковой единицы: военная сфера, градостроительство, деловая коммуникация, здравоохранение и др. Слова и фразеологизмы можно представить в виде идеографических сеток, воплощающих семантику ряда лексических репрезентантов. Каждая идеографическая сетка имеет иерархическую структуру, слоты в которой показывают ветви семантического подчинения, предполагающего добавление новых сем на каждой ступени. В силу ограничения объема статьи, не позволяющего описать все идеограммы, приведем в каждом сегменте по несколько примеров.

Сегмент 1. Политическая сфера, охватывающая широкий спектр протестных отношений, акторов этих отношений, процессы, происходящие во внутренней и внешней политике, гражданское участие населения в жизни государства, международные отношения и др., например:

«выступления против государственной власти, ее политики»: *акция протеста, арабская весна, белоленточные протесты, марш миллионов, революция достоинства*

«относящийся к протесту против государственной власти, ее политики»: *антимайданный, антискрепный, белоленточный*

«участник протестов против государственной власти, ее политики»: *белоленточник, пикетчик*

«человек, осуществляющий деятельность в интересах другого государства»: *агент влияния, иноагент*

«выступление против государственного переворота»: *антимайдан*

«относящийся к протесту против государственного переворота»: *антимайданный*

«участник протеста против государственного переворота»: *антимайдановец*

Сегмент 2. Военная сфера, в которой появились новые лексемы и выражения, связанные с вооруженными политическими конфликтами др.:

«комплекс мер по урегулированию военного конфликта»: *миротворчество, демилитаризация, денацификация*

«относящийся к комплексу мер по урегулированию военного конфликта»: *миротворческий*

«участники урегулирования военного конфликта»: *миротворцы, миротворческие силы, вежливые люди, зеленые человечки*

Сегмент 3. Деловые коммуникации, охватывающие широкий спектр взаимоотношений людей в рамках финансово-экономических отношений, профессиональных ролей, форматов деятельности и др.:

«тип деловой коммуникации»: *дистанционка, игропрактика, удаленка*

«участник деловой коммуникации»: *дистанционный работник, дистанционщик, зеленые воротнички, игропрактик, надомник, самозанятый*

«участвовать в деловой коммуникации»: *вливать, пилотировать*

«начать новый этап деловых отношений»: *обнулить, перезагрузить, разморозить*

«начало нового этапа деловых отношений»: *обнуление, перезагрузка, разморозка*

«закончить деловые отношения»: *заморозить,*

«окончание деловых отношений»: *заморозка*

«деловое мероприятие»: *аквариум, антиконференция, панель*

Сегмент 4. Информационно-компьютерные технологии и интернет-коммуникации в контексте форматов взаимодействия пользователей с государством, организациями и друг с другом.

«технологии хранения данных»: *цифра*

«относящийся к технологии хранения данных»: *цифровой*

«информация, сохраняемая посредством технологии хранения данных»: *цифровая личность, цифровой портрет, цифровой след, цифровая тень*

«форма использования технологии хранения данных в интитуциональной сфере»: *цифровая демократия, цифровой авторитаризм, электронная демократия, облачная демократия, интернет-демократия, цифровая дипломатия, цифровая мода, цифровая полиция*

«образ человека в цифровой среде»: *цифровая репутация, цифровой имидж*

«процесс внедрения технологии хранения данных»: *цифровизация*

«виды использования технологии хранения данных»: *цифровое кочевничество*

«модель человека, созданная на основе технологий хранения данных»: *цифровой двойник, цифровой человек*

«человек, использующий технологии хранения данных»: *цифровой абориген, цифровой кочевник, цифровые иммигранты*

«отношение к использованию технологии хранения данных»: *цифровое отчуждение,*

«степень использования технологии хранения данных»: *цифровой разрыв*

Сегмент 5. Правовая сфера, охватывающая слова, значения которых связаны с правоохранительной деятельностью, правовым статусом человека, преступной деятельностью и др. (за исключением криминального жаргона):

«правовой режим»: *самоизоляция, режим самоизоляции*

«правовой статус человека»: *самозанятость,*

«человек, имеющий определенный правовой статус»: *самозанятый, самокатчик*

«нарушать закон»: *сливать*

«концепция защиты закона»: *цифровая полиция*

«средство реализации концепции защиты закона»: *цифровой полицейский*

Сегмент 6. Здравоохранение: лексика периода пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, идентифицирующая взаимоотношения людей в этот период:

«режим, определяющий поведение человека во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *самоизоляция*

«поддержка режима самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *бараноковид, барановирус*

«сторонник соблюдения режима самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *барановирусник, замасочник*

«относящийся к стороннику соблюдения режима самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *барановирусный*

«сопротивление режиму, определяющему поведение человека во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *антимасочничество, безмасочность*

«противник режима самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19»: *антимаскер, антимасочник, антиперчаточник, безмасочник*

«относящийся к сопротивлению режиму самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 или противнику соблюдения этого режима»: *антимасочный, безмасочный*

Сегмент 7. Образование, новые слова, называющие преимущественно новые виды и форматы в сфере получения знаний:

«форма получения образования»: *дистанционное обучение, дистанционка, дистант*

«образовательное мероприятие»: *аквариум*

Сегмент 8. Спорт: слова и выражения, называющие ситуации в области спорта:

«вид спортивных соревнований по типу получаемого результата»: *договорняк*

«вид конфликта в сфере спорта»: *допинговый скандал*

«тип участия спортсменов в спортивных соревнованиях»: *нейтральный статус*

«характеризующий тип участия спортсменов в спортивных соревнованиях или самого спортсмена»: *нейтральный*

Таким образом, составление идеографической сетки позволяет увидеть, что наиболее активно заполняемые сегменты языковой картины мира, отражающие отношения в институциональной сфере, связаны с политикой, военными и социальными конфликтами, интернет-коммуникацией и технологиями, деловой коммуникацией и жизнью социума в период пандемии COVID-19.

3.3. Стилистические особенности неологизмов институциональной сферы

Стилистическое маркирование слов, традиционно принятое в толковых словарях, в отношении неологизмов дает определенные «сбои». Одной из причин данного процесса стало распространение в сети Интернет ресурсов с трудно определимой стилистической принадлежностью. Так, блогосфера демонстрирует большое разнообразие текстов, в которых стиль изложения во многом зависит от личности блогера. Блогер без определенной (заявленной) профессии, чаще всего молодой человек, как правило, пишет в разговорном стиле с использованием соответствующей разговорной, просторечной, часто инвективной лексики, однако при этом обсуждение вопросов институционального характера предполагает использование терминов, например: *Вот так — очко!* ***Евроинтеграционное****. И это еще без учета гиперлупа, который идет на смену банальной маршрутке, общественных вертолетов на Троещину и роботов, которые будут (по словам*

министра Омеляна) скоро трудиться за всех украинцев (ru_polit // Живой Журнал, 2018). Политолог, историк, экономист и др., то есть специалист в определенной области, наоборот, часто конструирует научное изложение с использованием терминологической лексики, например: *Переезд Кируны осуществляется в рамках более широкой программы по урбанистической трансформации. Он направлен на создание* ***умного города****, адаптированного к суровому субарктическому климату и соответствующего экологическим требованиям* (Как в Швеции задумали перевезти... целый город! Как им это удастся?: smapse // Живой Журнал, 2024).

Широкое распространение как жаргона, так и терминологии в социальных сетях, на наш взгляд, обусловило проникновение этой лексики в статьи СМИ и академических научных журналов. И если для медийных ресурсов интеллектуализация через терминологизацию стала нормой, более того, в «XXI веке новые термины в большинстве случаев появляются в медиа одновременно с моментом их первой письменной репрезентации в специализированном дискурсе» [Громенко, 2023, с. 28], то жаргонизация научной речи воспринимается как нарушение нормы. Между тем проверка употребления каждого нового слова в стилистически различных контекстах показывает, что жаргонные слова встречаются в научных статьях, опубликованных в академических журналах. Например, обе эквивалентные языковые единицы: термин *безвизовый режим* и жаргонизм *безвиз* ‘режим легального въезда иностранцев на территорию страны’ — используются в научных текстах, посвященных международному праву и политике: из 70 статей в Киберленинке по запросу «безвиз», более чем в 50 публикациях слово используется как самостоятельная единица с указанным выше значением как в кавычках, так и без них: *Ключевые слова: миграция; трудовая миграция; международная миграция; миграционное законодательство;* ***«безвиз»****; политические партии; Чешская Республика; Европейский союз* (Волкова Д. А. Миграционный вопрос в законодательстве и программах политических партий Чешской Республики // Россия и современный мир, 2019); *На сегодня этот уровень не соответствует готовности электората принимать активное участие в выборах, наблюдается усталость и разочарование, даже получение* ***безвиза*** *не дало желаемого результата* (Городецкая Е. Г. Парадоксы электорального настроения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 2016) [Поиск…].

Такое стилистически неустойчивое состояние значительного количества языковых единиц (см., например, *антимайдан, арабская весна, бандеровец, васильковая революция, вашингтонский обком, вливать (деньги), дистанционщик, заморозить, окно возможностей* и другие неологизмы

встречаются в языке науки и технологий, СМИ и социальных сетей), зафиксированных в словаре, обусловило отказ от традиционного использования стилистических помет и замену их маркерами, указывающими на сферы и ресурсы, из которых извлекались неологизмы:

Безвизовый режим / безвиз. *Международные отношения. Политика. В языке науки и технологий. В языке СМИ. В языке социальных сетей.*

Наблюдение над использованием новых слов и выражений в стилистически дифференцированных контекстах, особенно в условиях влияния Интернета на язык и речь современного автора текстов, показывает, что данное направление имеет перспективы исследования, возможно, пересмотр системы помет в отношении неологизмов.

3.4. Словарное описание неологизма с социальной семантикой

Структура словарной статьи в первой части словаря включает в себя заголовочное слово, пометы, справочную информацию (факультативно), дефиницию, иллюстративный материал и типовую сочетаемость.

Дистанционный работник / дистанционщик. *Деловые коммуникации. В языке науки и технологий. В языке СМИ. В языке социальных сетей.*

Тот, кто работает или учится вне места нахождения организации, используя информационно-компьютерные технологии.

✓ На ***дистанционных работников*** в период выполнения ими трудовой функции дистанционно распространяется действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, с учетом особенностей, установленных настоящей главой (ТК РФ Статья 312.1. Общие положения // КонсультантПлюс, 2020).

✓ В результате, когда учебный год очный начался, оказалось, что эти успешные ***дистанционщики*** в пройденном материале ни в зуб ногой. Они его прошли и благополучно из головы выкинули (Образование (не) для всех: demkristo // Живой Журнал, 2020).

✓ Поправки предполагают, что порядок отдыха для ***«дистанционщиков»*** можно регулировать локальным актом. С одной стороны, это плюс, ведь так можно отказаться от сложной и обязательной схемы графика отпусков, уведомлений за две недели и т.д. Но если человек возвращается с «удаленки» в офис, он опять должен подчиняться обычному графику отпусков, что вызывает сложности (Н. Свистунова. «Удаленка» по новым правилам // Кадровая служба и управление персоналом предприятия, 2021).

✓ Вместо того, чтобы выполнять свою работу вручную, ***дистанционщик*** пересылал сгенерированные ИИ работы, даже не проверяя их.

Этот случай подошел под одно из условий увольнения, прописанных в его трудовом соглашении, а именно — формализм в выполнении заданий (С. Осипова. Как заключить трудовой договор с дистанционным работником // РБК Компании, 2023).

Типовая сочетаемость: *гарантии по оплате труда / заявление / желание / обязанности / права / режим рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника; взаимодействие с дистанционными работниками; распространяться на дистанционных работников; направить дистанционному работнику; взаимодействие с дистанционщиками; взять / нанять / принять на работу дистанционщика; выплачивать зарплату дистанционщикам; сохранять за дистанционщиком.*

Во второй части словаря, фиксирующей гибридные неологизмы, словарная статья состоит из заголовочного слова, помет, справочной информации (обязательной, поскольку ключевые морфемы являются иностранными и источник их появления и значение требуют пояснения; в то же время в структуру словарной статьи не включается дефиниция) и производных слов, созданных на основе иностранных и русских морфем, где последняя выделяется полужирным курсивом:

Пролайф. *Сфера гражданского участия.*

Ср.: англ. *pro-life* (adjective) opposed to the belief that a pregnant woman should have the freedom to choose an abortion (= the intentional ending of pregnancy) if she does not want to have a baby / выступает против убеждения, что беременная женщина должна иметь свободу выбора в отношении аборта (= намеренного прерывания беременности), если она не хочет иметь ребенка.

Пролайф***ер***, пролайфер***ка***, пролайфер***ша***, пролайфер***ский***; пролайф-***активист***, пролайф-***активистка***, пролайф-***анкета***, пролайф-***движение***, пролайф-***деятельность***, пролайф-***организация***, пролайф-***сообщество***.

4. Заключение = Conclusions

Материал, собранный и описанный в первой части словаря, выявляет основные тенденции неологизации русского языка на основе его собственных ресурсов. Между тем одним из направлений является очевидное стремление к заимствованию как посредством калькирования, так и путем гибридизации (сочетания русских и иностранных морфем), о чем свидетельствует образование целых гнезд слов с иностранным исходным словом.

Второй том словаря, в котором будут представлены языковые единицы с социальной неинституциональной семантикой, называющие людей, яв-

ления, события, процессы, связанные с неформальным взаимодействием в социальных сетях, субкультурных группах и других объединениях людей, покажет, сохраняются ли выявленные в отношении институциональной лексики тендендии неологизации.

Анализ русских новых слов и фразеологизмов с социальной семантикой, их сопоставление с иноязычными языковыми фактами позволяют выявить актуальные для носителя языка фрагменты действительности и те объекты современного мира, которые являются аутентичными или заимствованы из других культур.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

2. *О внесении* изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : Федеральный закон от 28 февраля 2023 года № 52-ФЗ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48976 (дата обращения: 11.10.2024).

3. *Вордстат* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://wordstat.yandex.ru/ (дата обращения: 11.10.2024).

4. *Леонтьева Т. В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

5. *Новое* в русской лексике. Словарные материалы : Информационно-поисковый лексикографический ресурс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https:// neolex.iling.spb.ru/about (дата обращения: 11.10.2024).

6. *Поиск* научной информации в электронной библиотеке КиберЛенинка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/search?q=безвиз&page=1 (дата обращения: 12.10.2024).

7. *Словарь* русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е. С. Громенко [и др.], отв. ред. М. Н. Приемышева. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — 550 с.

8. *Словарь* языка интернета.ru / под ред. М. А. Кронгауза. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-462-01853-4.

9. *Шагалова Е. Н.* Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века / Е. Н. Шагалова. — Москва : Астрель, 2011. — 413 с.

10. *Щетинина А. В.* 1000 слов единения и вражды начала XXI века : Идеографический словарь / А. В. Щетинина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2022. — 586 с. — ISBN 978-5-91256-572-4.

11. *Щетинина А. В.* Толковый словарь русских неологизмов. Часть 1. Институциональная лексика / А. В. Щетинина, Е. В. Леонтьева, С. А. Касатова ; под ред. А. В. Щетининой. — Екатеринбург : Ажур, 2024. — 518 с. — ISBN 978-5-91256-686-8.

12. *Cambridge* Dictionary English Dictionary, Translations & Thesaurus [Electronic resource]. — Access mode : https://dictionary.cambridge.org/ (accessed 05.10.2024).

13. *Google Ngram Viewer* [Electronic resource]. — Access mode: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3 (accessed 05.10.2024).

14. *Merriam-Webster* : America's Most Trusted Dictionary [Electronic resource]. — Access mode: https://www.merriam-webster.com/ (accessed 05.10.2024).

Литература

1. *Баско Н. В.* Фразеологизмы в языке современных российских СМИ: Лексикографиче ское описание / Н. В. Баско. — Москва : КДУ, 2016. — 192 с. ISBN: 978-5-91304-692-5.

2. *Генералова Е. В.* К вопросу о структурной устойчивости новейших фразеологических единиц русского языка / Е. В. Генералова // XV Конгресс МАПРЯЛ : Избранные доклады, Санкт-Петербург, 12—16 сентября 2023 года. — Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2024. — С. 248—252.

3. *Григоренко О. В.* Неофраземы в современном политическом медиадискурсе / О. В. Григоренко // Известия Воронежского государственного педагогического института. — 2018. — № 2 (279). — С. 151—155.

4. *Громенко Е. С.* О явлении «терминологического шума» в языке современных массмедиа / Е. С. Громенко // Русская речь. — 2023. — № 6. — С. 24—37. — DOI: 10.31857/S013161170029351-5.

5. *Давыдова О. А.* Новые фразеологизмы русского языка / О. А. Давыдова // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». — 2019. — Выпуск 2. — С. 52—60. DOI: 10.25586/RNU.V925X.19.02.P.052.

6. *Егоров И. М.* Лексикографический ресурс «Новое в русской лексике» как цифровой этап в развитии отечественной академической неографии / И. М. Егоров, М. Н. Приемышева, Ю. С. Ридецкая // Terra Linguistica. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 28–40. — DOI: 10.18721/JHSS.14303.

7. *Коновалова О. Ю.* Новые языковые образования как отражение социально-экономических реалий / О. Ю. Коновалова // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2020. — № 3. — С. 7—12. — DOI: https://www.doi.org/10.17805/trudy.2020.3.2.

8. *Леонтьева Е. В.* Моя Римская империя : от флешмоба до фразеологизма / Е. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 3. — С. 31—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53.

9. *Леонтьева Т. В.* Технологичность «новой искренности» / Т. В. Леонтьева, С. Атлагич // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 : Языкознание. — 2024. — Т. 23. — № 2. — С. 98—112. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.8.

10. *Мельник Ю. А.* Актуальные неологические процессы в русском языке новейшего времени (по материалам социолингвистических интернет-проектов) / Ю. А. Мельник // Неофилология. — 2019. — Т. 5. — № 17. — С. 62—71. — DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71.

11. *Мокиенко В. М.* Старое новое и новое новейшее (к проекту «Большого словаря русских фразеологических неологизмов») / В. М. Мокиенко // Неология. Неография. 2021 : Сборник научных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 01—02 декабря 2021 года. — Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. — С. 132—142.

12. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

13. *Рацибурская Л. В.* Актуальные социальные реалии в медийных неодериватах / Л. В. Рацибурская // Медиалингвистика : Материалы V Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 июня — 02 июля 2021 года. Выпуск 8. — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2021. — С. 378—382.

14. *Ребрина Л. Н.* Неодобряемые / одобряемые фрагменты современной социальной реальности : неузуальные неономинации / Л. Н. Ребрина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 5—22. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.1.

15. *Щетинина А. В.* Теоретико-методологические основы идеографирования социальной лексики / А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2018. — 180 с. — ISBN 978-5-91256-419-2.

Статья поступила в редакцию 12.10.2024,
одобрена после рецензирования 22.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

Cambridge Dictionary English Dictionary, Translations & Thesaurus. Available at: https://dictionary.cambridge.org/ (accessed: 05.10.2024).

Google Ngram Viewer. Available at: https://books.google.com/ngrams/graph?content=Albert+Einstein%2CSherlock+Holmes%2CFrankenstein&year_start=1800&year_end=2019&corpus=ru-2019&smoothing=3 (accessed: 05.10.2024).

Krongauz, M. A. (ed.) (2016). *Dictionary of the internet language.ru.* Moscow: AST-PRESS KNIGA. 288 p. ISBN 978-5-462-01853-4. (In Russ.).

Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of current vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the early 21st century*. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).

Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary. Available at: https://www.merriam-webster.com/ (accessed: 05.10.2024).

New in Russian vocabulary. Vocabulary materials: Information retrieval lexicographic resource. Available at: https:// neolex.iling.spb.ru/about (accessed: 11.10.2024). (In Russ.).

On Amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation": Federal Law of February 28, 2023 No. 52-FZ. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48976 (accessed: 10/11/2024). (In Russ.).

Priemysheva, M. N. (ed.) (2021). *Dictionary of the Russian language in the coronavirus era.* St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 550 p. (In Russ.).

Search for scientific information in the CyberLeninka electronic library. Available at: https://cyberleninka.ru/search?q=бесвид&page=1 (accessed: 12.10.2024). (In Russ.).

Shagalova, E. N. (2011). *The newest explanatory dictionary of the Russian language of the 21st century*. Moscow: Astrel. 413 p. (In Russ.).

Shchetinina, A. V. (2022). *1000 words of unity and enmity of the early 21st century: Ideographic dictionary*. Yekaterinburg: Publishing House "Azhur". 586 p. ISBN 978-5-91256-572-4. (In Russ.).

Shchetinina, A. V., Leontyeva, E.V., Kasatova, S. A. (2024). *Explanatory dictionary of Russian neologisms. Part 1. Institutional vocabulary*. Yekaterinburg: Azhur. 518 p. ISBN 978-5-91256-686-8. (In Russ.).

Wordstat. Available at: https://wordstat.yandex.ru/ (accessed: 10.11.2024). (In Russ.).

References

Basko, N. V. (2016). Phraseologisms in the language of modern Russian media: Lexicographical description. Moscow: KDU. 192 p. ISBN: 978-5-91304-692-5. (In Russ.).

Generalova, E. V. (2024). On the issue of structural stability of the newest phraseological units of the Russian language. In: *XV Congress MAPRYAL: Selected reports*. St. Petersburg, September 12—16, 2023. St. Petersburg: MAPRYAL. Pp. 248—252. (In Russ.).

Grigorenko, O. V. (2018). Neo-phrasemes in modern political media discourse. *Bulletin of the Voronezh State Pedagogical Institute, 2 (279):* 151—155. (In Russ.).

Gromenko, E. S. (2023). On the Phenomenon of "Terminological Noise" in the Language of Modern Mass Media. *Russkaya Rech, 6:* 24—37. DOI: 10.31857/S013161170029351-5. (In Russ.).

Davydova, O. A. (2019). New Phraseologisms of the Russian Language. *Bulletin of the Russian New University. Series "Man in the Modern World", 2:* 52—60. DOI: 10.25586/RNU.V925X.19.02.P.052. (In Russ.).

Egorov, I. M., Priemysheva, M. N., Ridetskaya, Yu. S. (2023). Lexicographic resource "New in Russian vocabulary" as a digital stage in the development of domestic academic neography. Terra Linguistica, 14 (3): 28—40. DOI: 10.18721/JHSS.14303. (In Russ.).

Konovalova, O. Yu. (2020). New language formations as a reflection of socio-economic realities. Scientific works of the Moscow Humanitarian University, 3: 7—12. DOI: https://www.doi.org/10.17805/trudy.2020.3.2. (In Russ.).

Leontyeva, E. V. (2024). My Roman Empire: from flash mob to phraseological unit. *Nauchnyi dialog, 13 (3):* 31—53. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-3-31-53. (In Russ.).

Leontyeva, T. V., Atlagich, S. (2024). Technological nature of the "new sincerity". *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 23 (2):* 98—112. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.2.8. (In Russ.).

Melnik, Yu. A. (2019). Actual neological processes in the Russian language of modern times (based on materials of sociolinguistic Internet projects). *Neophilology, 5 (17):* 62—71. DOI: 10.20310/2587-6953-2019-5-17-62-71. (In Russ.).

Mokienko, V. M. (2022). Old new and new latest (to the project of the "Large Dictionary of Russian Phraseological Neologisms"). In: *Neology. Neography. 2021: Collection of scientific articles of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 01—02, 2021.* St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences. 132—142. (In Russ.).

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the era of coronavirus: linguocognitive aspect. *Nauchnyi dialog, 1:* 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

Ratsiburskaya, L. V. (2021). Actual social realities in media neo-derivatives. In: *Medialinguistics: Proceedings of the V International Scientific Conference, St. Petersburg, June 30 — July 02, 2021, 8*. St. Petersburg: Mediapapir. 378—382. (In Russ.).

Rebrina, L. N. (2023). Disapproved / approved fragments of modern social reality: non-usual neonominations. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 22 (2):* 5—22. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.2.1. (In Russ.).

Shchetinina, A. V. (2018). *Theoretical and methodological foundations of ideographing social vocabulary.* Yekaterinburg: Azhur. 180 p. ISBN 978-5-91256-419-2. (In Russ.).

The article was submitted 12.10.2024;
approved after reviewing 22.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Ирина Павловна Хутыз, д-р филол. наук (Краснодар)
Ирина Сергеевна Трифонова, канд. филол. наук (Тюмень)
Максим Николаевич Лату, канд. филол. наук (Пятигорск)
Максим Юрьевич Семёнов, канд. социол. наук (Тюмень)
Марина Николаевна Кичерова, канд. социол. наук (Тюмень)
Николай Александрович Князев, канд. филол. наук (Пятигорск)
Татьяна Викторовна Дубровская, д-р филол. наук (Белгород, Пенза)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Дубровская Т. В. Прагматика взаимодействия пользователя с научной статьёй в Интернете / Т. В. Дубровская // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 167—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-167-187.

Dubrovskaya, T. V. (2024). Pragmatics of User Interaction with Scientific Internet Articles. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 167-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-167-187. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Прагматика взаимодействия пользователя с научной статьёй в Интернете

Дубровская Татьяна Викторовна [1, 2]
orcid.org/0000-0003-0044-6056
доктор филологических наук,
профессор,
[1] кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью;
[2] кафедра иностранных языков и профессиональных коммуникаций
gynergy74@gmail.com

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Белгород, Россия)

[2] Пензенский государственный университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00109 «Рецепция и интерпретация научного текста в интернете: мультимодальный подход», https://rscf.ru/project/23-28-00109/

Pragmatics of User Interaction with Scientific Internet Articles

Tatyana V. Dubrovskaya [1, 2]
orcid.org/0000-0003-0044-6056
Doctor of Philology, Professor,
[1] Department of Communication Studies, Advertising and Public Relations;
[2] Department of Foreign Languages and Professional Communication
gynergy74@gmail.com

[1] Belgorod State National Research University
(Belgorod, Russia)

[2] Penza State University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:
This research was funded by the Russian Science Foundation, project № 23-28-00109 “Reception and Interpretation of Scientific Text on the Internet: A Multimodal Approach”, https://rscf.ru/project/23-28-00109/

© Дубровская Т. В., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Современные реалии академической сферы обусловливают переход научной коммуникации в электронную среду. В статье представлено исследование особенностей восприятия научного интернет-текста учеными и принципов фактического взаимодействия с ним. Задача исследования — установить, как читатель научной статьи в Интернете обращается с аффордансами (интерактивными элементами) и какими прагматическими факторами обусловлена специфика этого взаимодействия. Для этого проведены опрос, эксперимент по чтению в интернете научной статьи с аффордансами и анализ полуструктурированных интервью с респондентами целевой выборки. Выяснено, что характер взаимодействия с аффордансами в научном тексте в Интернете определяется двумя типами прагматических факторов: внутренними, то есть обусловленными прагматикой личности самого респондента, и внешними, то есть связанными с условиями чтения. В число внутренних прагматических факторов входят технологический и научный опыт реципиента, задачи реципиента при чтении, его физические потребности и возможности. Внешние прагматические факторы включают ситуацию чтения, технические возможности устройства для чтения, а также свойства самих аффордансов. Предложенное деление имеет условный характер, и на практике перечисленные факторы взаимосвязаны и нередко обусловливают друг друга и поведение реципиента по отношению к аффордансам. В перспективе для изучения прагматики производства и рецепции аффордансов необходимо применение количественных методов.

Ключевые слова:
научный текст; интернет; аффорданс; восприятие; прагматика; взаимодействие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The contemporary realities of the academic sphere necessitate a shift in scientific communication to the electronic environment. This article presents a study on the peculiarities of scientists' perception of scientific internet texts and the principles governing their actual interaction with such texts. The aim of the research is to establish how readers engage with affordances (interactive elements) in online scientific articles and what pragmatic factors shape this interaction. To achieve this, we conducted a survey, an experimental reading session involving scientific articles with affordances, and an analysis of semi-structured interviews with respondents from a targeted sample. It was found that the nature of interaction with affordances in online scientific texts is determined by two types of pragmatic factors: internal factors, which are influenced by the pragmatics of the respondents themselves, and external factors, which are related to the reading conditions. Internal pragmatic factors include the technological and academic experience of the recipient, their reading objectives, as well as their physical needs and capabilities. External pragmatic factors encompass the reading situation, the technical capabilities of the reading device, and the properties of the affordances themselves. This proposed classification is conditional, as in practice, the listed factors are interconnected and often mutually influence each other and the recipient's behavior towards affordances. Future research on the pragmatics of the production and reception of affordances should incorporate quantitative methods.

Key words:
scientific text; internet; affordance; perception; pragmatics; interaction.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 001.4:004.738.5+316.776.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-167-187

Научная специальность ВАК
5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Прагматика взаимодействия пользователя с научной статьёй в Интернете

© Дубровская Т. В., 2024

1. Введение = Introduction

Настоящая статья представляет некоторые результаты научного проекта «Рецепция и интерпретация научного текста в Интернете: мультимодальный подход», ***цель*** которого состоит в том, чтобы получить комплексное знание о влиянии различных семиотических компонентов научного текста, размещённого в интернете, на рецепцию и интерпретацию его адресатами. Современные реалии академической сферы обусловливают переход научной коммуникации в электронную среду: научные журналы должны иметь свои сайты с доступной пользователям навигацией, а исследователи часто пользуются электронными ресурсами, не прибегая к бумажным версиям журналов и не распечатывая тексты, доступные в интернете.

Об изменениях в системе научных коммуникаций и научной информации пишет А. Б. Антопольский, отмечая такие тенденции, как цифровизация коммуникаций, рост числа каналов, развитие электронных библиотек и репозиториев, формирование разных информационных продуктов и сервисов, коллаборации, использование социальных сетей и др. [Антопольский, 2020, с. 9]. А. В. Полонский использует понятие сетевой публичности для описания процессов выхода научного текста в Интернет: «Под влиянием обстоятельств сетевой реальности и сетевой публичности оказываются все участники (авторы и адресаты) научного дискурса. Благодаря сетевой публичности представители разных групп общественности получают доступ к научному тексту в аспекте не только его потребления, но и предъявления (обозначая свое авторство и исследовательский статус)» [Полонский, 2023, с. 161].

Кроме того, при перемещении научной статьи с бумажного носителя в электронную среду меняются некоторые её структурно-семиотические характеристики, и «текст научной статьи в эпоху активного перехода от печатной информации к цифровой адаптируется для последующей компьютерной обработки, распространения и хранения информации» [Иваницкая,

2020, с. 86]. Меняется и формат взаимодействия с научным текстом: «… новые характеристики традиционных жанровых элементов научной статьи требуют новых навыков от ученых: авторам необходимы навыки трансляции смыслов в графической форме, как когнитивные, так и технические, а реципиенты должны быть готовы к дешифровке визуальной информации» [Кожемякин и др., 2024, с. 76].

Влияние цифровой среды на создание и восприятие текста становилось предметом обсуждения как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Отечественные ученые констатируют существование нового для лингвистики направления — лингвистики электронного текста: «В силу того, что основным инструментом передачи информации в интернете является язык, его развитие, особенности и перспективы его функционирования в форме электронного гипертекста становятся главным объектом современных лингвистических исследований» [Ионина, 2018, с. 39]. Специфике языка интернет-коммуникации посвящено немало работ [Горошко, 2009; Gernsbacher, 2014; Lanctot, et al., 2022; McCulloch, 2019 и др.]. Не отрицая того, что языковые формы сохраняют ведущую роль в коммуникации знания, в том числе научного, в нашем исследовании мы рассматриваем интернет-текст, а именно научный интернет-текст, под другим углом — с точки зрения потенциального взаимодействия с ним. Мы исходим из того, что текст имеет материально выраженные «триггеры», которые побуждают читателя к действиям и называются аффордансами. **Задачу** данного фрагмента исследования мы видим в том, чтобы установить, как читатель научной статьи в интернете обращается с аффордансами в тексте и какими прагматическими факторами обусловлена специфика этого взаимодействия. В этом смысле для нашего исследования релевантны труды, посвященные траекториям работы пользователей с ресурсами интернета. Их обзор представлен в разделе 2.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С распространением интернета и цифровых технологий в обучении, научном познании и социальных практиках появилась потребность в осмыслении этого нового опыта. С начала 2000-х годов зарубежные исследователи, а в последнее десятилетие и отечественные ученые обращаются к вопросу концептуализации аффордансов и их функциональному потенциалу, проблеме читабельности и доступности текста, техническому исполнению аффордансов на бумаге и в интернете.

Аффордансы рассматриваются исследователями не только как базовый функционал веб-сайта, но и как элементы материализации самих способов работы с информацией в виртуальной среде, к примеру, в куль-

турно-просветительской журналистике [Медведева, 2021]. Отмечена такая характеристика взаимосвязи между пользователями и технологией, как интерпретационные отношения, которые возникают «во время взаимодействия пользователей с технологией в среде обитания, даже если эта среда виртуальна» [Самарцев и др., 2022, с. 421]. Такое понимание вытекает из самой теории аффордансов, предложенной Дж. Гибсоном, в соответствии с которой аффорданс является одновременно фактом среды и фактом поведения, феноменом физическим и психическим, касается как среды, так и наблюдателя [Gibson, 1979, с. 129]. Именно такой подход лежит в основе работ о разных видах коммуникации. Так, О. А. Карамалак, обращаясь к текстам электронной переписки, отмечает, что «читатель выявляет аффордансы среды, которые значимы для него» [Карамалак, 2013, с. 78].

П. К. Иванов и П. К. Катышев обсуждают специфику восприятия креолизованного текста в интернете и полагают, что «текст <…> обладает ресурсами, конструирующими позиции продуцента и реципиента», а «объективации этих ресурсов могут быть рассмотрены в отношении субъекта перцептивной деятельности как аффордансы, состоящие из семиотически значимых признаков, регулирующих процесс декодирования содержания в заданном автором направлении» [Иванов и др., 2021, с. 256]. В этом же русле выполнено исследование роли аффордансов в креолизованных текстах о семье [Синенко и др., 2024]. При этом аффордансом ученые считают подпись под фотографией, поскольку она оптимизирует восприятие основного сигнала.

Практические аспекты доступности цифровой среды обсуждаются в контексте выстраивания эффективного взаимодействия между властью и гражданами [Сморгунов, 2020]. Л. В. Сморгунов называет аффордансом эффект доступности, возникающий в сетевых структурах с широким участием граждан, и показывает перспективы технологий в решении социально-политических вопросов.

С позиции промышленного дизайна объектов и систем выстроена модель «форма — функция — аффорданс» в работе британских авторов [Sareh et al., 2024]. Дизайнеры исследуют место аффордансов в условиях конкуренции с инженерными, эргономическими и эстетическими характеристиками объекта.

Роль аффордансов в процессе обучения уже не первое десятилетие скрупулезно исследуется западными учеными. Так, коллектив исследователей из Франции провел и описал эксперимент [Macedo-Rouet et al., 2009], в котором группы студентов решали задачи по математике, имея доступ к конспектам лекций. Одна группа делала это на бумаге, а две другие группы — онлайн, причем веб-сайты имели разные аффордансы. Вопреки ожиданиям ученых значительной разницы в эффективности выполнения заданий разными груп-

пами обнаружено не было. Студентам в целом нравилось использование онлайн-заданий в ходе обучения, «однако они предпочитают распечатывать лекционные конспекты и задачи, а не пользоваться ими онлайн» [Macedo-Rouet et al., 2009, p. 383]. В результате эксперимента ученые пришли к выводу о необходимости специальной проработки вопросов юзабилити учебных материалов онлайн, чтобы студенты могли концентрировать внимание на содержании, а не на способе его представления.

Эффективность аффордансов в ситуации применения интерактивной доски в классе изучалась австралийскими учеными, однако сделанный вывод о том, что интерактивные характеристики доски могут способствовать доступу к мультимодальным ресурсам для нужд обучающихся [Maher, 2011], представляется нам достаточно очевидным утверждением.

Аффордансы мобильного приложения WeChat рассматриваются с точки зрения изучения иностранных языков [Tong et al., 2024]. Результатом эксперимента стало выявление корреляций между уровнем владения иностранным языком и используемыми аффордансами. С теоретической точки зрения, авторы предлагают классификацию аффордансов, включающую три их типа: когнитивные (обучение через практический опыт, оценку и обратную связь, языковая практика), социо-аффективные (выстраивание коллабораций и сообществ, мотивация) и метакогнитивные (администрирование, мониторинг, совместное использование ресурсов). В основе такой классификации аффордансов лежит функциональный принцип. На ином основании, с точки зрения заметности и применения пользователем, выделяются аффордансы явные (explicit affordance), шаблонные (pattern affordance), скрытые (hidden affordance), метафорические (metaphorical affordance), ложные (false affordance) и негативные (negative affordance) [Postolovski, 2014]. Эта классификация способствует пониманию различий в способах восприятия и более эффективному использованию аффордансов в текстах.

В последние годы в отечественном науковедении появился целый ряд работ, направленных на изучение особенностей формирования контента и оформления научного журнала и его веб-версии с точки зрения соответствия требованиям международных наукометрических баз, издательским стандартам, этическим нормам [Горбунова и др., 2020; Кириллова, 2018; Сильничая и др., 2024]. А. В. Сильничая и соавторы отмечают, что «для продвижения научного издания важно не только привести его сайт в соответствие с требованиями международных стандартов, но и сделать его удобным и понятным для пользователей» [Сильничая и др., 2020, с. 2S74]. Выводы, к которым приходят ученые на основе проведенного анкетирования авторов, касаются в основном сайта научного журнала, а не собствен-

но способов представления научной информации. Однако некоторые из этих выводов представляются важными в контексте нашего исследования, и мы обратимся к ним далее.

В наших предыдущих публикациях, подготовленных на основе экспериментов с применением айтрекера и интервью, мы определили ряд установок современного читателя научного текста, а также выявили некоторые зависимости характера восприятия научного текста от включенных аффордансов. Так, было обнаружено, что «…традиционный жанр научного текста “обрастает” цифровыми мета-характеристиками и проходит стадию становления нормы» [Дубровская, 2023, с. 190], а дополнительные визуальные элементы и аффордансы влияют на скорость восприятия информации и помогают быстрее находить данные [Рецепция…, 2023].

Работа над проектом предусматривала проведение экспериментов, уточняющих принципы взаимодействия пользователя с научной статьёй в интернете. Для этого был проведен следующий эксперимент. Число респондентов, которыми выступили студенты и преподаватели высшей школы разного возраста (18—65 лет), составило в целом 46 человек. Все респонденты представляли гуманитарную сферу (лингвистика, журналистика, коммуникативистика), но имели разный опыт научной деятельности: от отсутствия его до написания кандидатских диссертаций. Они получили задание прочитать научную статью на сайте журнала «Современный дискурс-анализ» (http://discourseanalysis.ru/ada27/st314x.shtml). Контрольная группа (R1=24) читала текст в оригинальной верстке, а экспериментальная группа (R2=22) взаимодействовала с модифицированной версией статьи, в которую были добавлены аффордансы (интерактивные элементы), открывающие технические ресурсы для дополнительных действий с текстом статьи. В частности, появилась возможность развернуть аннотацию и ключевые слова, навести курсор на выделенные контрастным цветом слова и термины и увидеть их толкования или пояснительные комментарии к ним (рис. 1), иллюстрации были перенесены из конца статьи внутрь текста и при клике на них увеличивались в размере.

Безусловно, остались доступными такие типичные аффордансы, как скроллинг и гипертекстовые ссылки в списке литературы. Все аффордансы должны были выступить триггерами и побудить читателей к активному взаимодействию с текстом статьи. Однако не все участники эксперимента выбрали стратегию активного обращения к аффордансам. В связи с этим необходимо было установить ключевые факторы, определяющие такое поведение. Была сделана целевая выборка из респондентов экспериментальной группы (R3=8), включающая только тех, кто практически не ис-

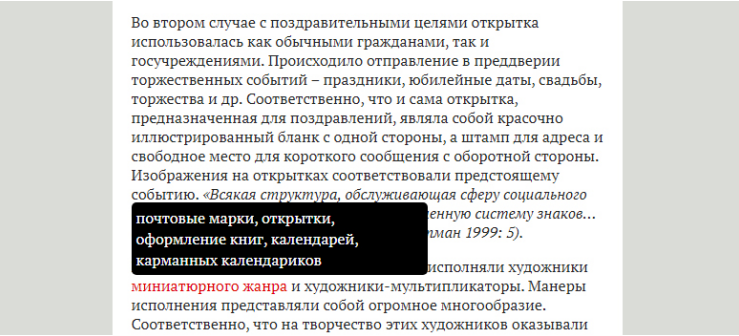


Рис. 1. Пример всплывающего пояснительного комментария к выделенному словосочетанию

пользовал аффордансы, и с ними были проведены полуструктурированные интервью.

Порядок эксперимента предусматривал заполнение небольшой анонимной анкеты, предъявляемой до прочтения научного текста и направленной на выявление установок респондентов по отношению к тематике предлагаемой статьи и форматам научного чтения. Во время чтения посредством программного обеспечения (https://www.screencapture.com/ru/) фиксировались элементы взаимодействия респондента с текстом, и запись экрана позволила установить, использовались ли (и насколько активно) аффордансы. Целевая выборка респондентов была сформирована именно на основе результатов видеофиксации. По завершении эксперимента респондентам были предложены вопросы, касающиеся содержания прочитанного текста и его «удобства», с целью выявить степень усвоенности полученной информации и отношение респондентов к формату статьи. Обработка результатов эксперимента позволила выявить некоторые ключевые тенденции, касающиеся взаимодействия с текстом, однако они требовали устных уточнений, для чего были проведены дополнительные полуструктурированные интервью с респондентами. Качественные методы исследования и небольшая целевая выборка не позволяют сделать широкие выводы о частотности явлений, однако дают возможность отметить некоторые взаимозависимости, выделить ключевые прагматические факторы, определяющие взаимодействие с аффордансами. Все респонденты дали согласие на аудиозапись устных интервью, которая проводилась открыто, и на использование этих интервью в научных целях. Далее мы представим результаты каждой стадии проведенного исследования и обобщим результаты.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Вопросы до эксперимента

Перед прочтением текста статьи респонденты должны были пояснить, (1) насколько интересна им научная проблематика, связанная с семиотикой (статья, которую они далее читали, представляла семиотический анализ советской новогодней открытки разных исторических периодов), (2) в каком виде — печатном или электронном — они чаще всего читают научные статьи, (3) чем обусловлен этот выбор, (4) какие устройства используются для чтения.

Полученные ответы позволили выявить ряд установок относительно работы респондентов с научными текстами. Прежде всего, в качестве источника научных текстов чаще всего называется Интернет, а в качестве аргумента в пользу такого выбора — удобство и доступность как интернет-ресурсов, так и работы с техническими устройствами *(в интернете, так как работаю за компьютером, мне так* ***удобно****; ноутбук позволяет выбрать* ***удобную*** *позу; чаще в интернете, поскольку печатная версия журнала не всегда* ***доступна****; в интернете,* ***доступность*** и т. д.).

В то же время выяснилось, что предпочтения респондентов несколько отличаются от их фактических практик. Опрашиваемые указывали, что в случае выбора предпочли бы печатную форму научной публикации *(Удобнее в печатном, можно делать закладки, заметки карандашом, в любой момент вернуться в начало и т. п.; в печатном. Есть возможность делать заметки; Удобнее в печатном, так как можно делать пометки и т. д.)*. Как видно из ответов, удобство печатной формы обусловлено возможностью делать письменные заметки в текстах — именно такая традиционная форма взаимодействия с научным текстом представляется респондентам наиболее привлекательной. В этом отношении интересно сравнить утверждения о печатной форме с суждениями о форме электронной. Взаимодействие с электронным текстом фактически соответствует типичным практикам работы с текстом бумажным, включая выделение цветом и сохранение в закладки *(В электронном, чтобы не тратить время на печать, также мне удобно выделять в тексте цветом важные фрагменты; Удобно, есть возможность сохранить в закладки)*. Кроме того, в качестве рутинной практики отмечается просмотр большого количества статей в электронном виде с целью отбора необходимого материала для подготовки обзоров литературы *(Когда ищешь теоретическую основу исследования, приходится в много статей заходить, и если их все распечатывать и потом на них смотреть, то это очень долго. Поэтому сначала в электронном виде на них проще посмотреть, это быстрее получается, ну и пока смотришь, уже попутно что-то отмечаешь, если нужно… Потом уже там все у меня отмечено изначально, когда ее просматриваю и отмечаю какие-то важные моменты…)*.

Для других пользователей, однако, электронный научный текст остаётся неким неизменяемым конструктом, и они изготавливают бумажный вариант текста, с которым впоследствии работают, объясняя это нехваткой технических навыков *(Для этого распечатываю, если я хочу выделить что-то)* либо бОльшим удобством работы с бумажными версиями *(На экране мне читать достаточно сложно, неудобно, а в бумажном варианте у тебя есть несколько моментов. Например, большой стол, где ты можешь что-то разложить, что-то быстро перелистать, посмотреть).* Альтернативой выделению являются разные виды традиционного конспектирования *(Или себе делаю записи. Читаю текст, а в специальном журнале, тетради амбарной, я пишу статью, журнал, автора и уже делаю пометки…).*

Интервью показали разнообразие в выборе устройства для чтения научных текстов. Респонденты пользуются ноутбуками, персональными компьютерами и телефонами. Помимо удобства, ноутбук ассоциируется у респондентов с рабочей атмосферой, а в качестве достоинства ПК называется его большой экран. Наши наблюдения о разнообразии используемых устройств подтверждают вывод, который сделали А. В. Сильничая и соавторами, о том, что «при разработке веб-сайта журнала важной является адаптация его версии под устройства различного размера» [Сильничая и др., 2024, с. 2S84].

Таким образом, в числе прагматических факторов, определяющих способы взаимодействия с научным текстом: потребность в максимальном удобстве, которое охватывает возможность получить доступ к электронным ресурсам в разных локациях и делать заметки или конспекты, потребность в рабочей атмосфере, желание сохранить зрение, а также персональные технические компетенции и привычки. Вероятно, академическая среда находится в состоянии транзита от бумажного научного текста к электронному, а более молодые представители научного сообщества, попадая в уже «оцифрованную» научную среду, будут использовать электронные форматы по умолчанию, полностью отказываясь от печатных версий научного текста.

3.2. Интерпретация результатов эксперимента

Анализ видеозаписей экрана во время эксперимента, то есть чтения пользователями научной статьи в Интернете, позволил установить некоторые особенности использования аффордансов теми, кого мы отнесли к группе неактивного взаимодействия с электронным текстом. По понятным причинам самой востребованной функцией был скроллинг до конца текста: знакомство с полным текстом статьи требовало прокручивания интернет-страницы. Однако только 3 человека прибегли к обратному скроллингу в ситуации отсылки к приведенному ранее в статье иллюстративному приложению. Ни один из респондентов не использовал переход по

внешним ссылкам, приведенным в статье, не воспользовался внетекстовыми ссылками на странице журнала и не кликал на изображения для их увеличения. Только один испытуемый развернул аннотацию и ключевые слова для прочтения, и двое испытуемых воспользовались функцией всплывающих комментариев к терминам и реалиям, упоминаемым в тексте. На основе такого весьма ограниченного применения аффордансов респондентами и была сформирована целевая выборка.

Интерпретация этих результатов представлялась затруднительной без дополнительных комментариев со стороны респондентов. Поэтому в ходе полуструктурированного интервью им были заданы вопросы о том, почему они не использовали возможности аффордансов.

Респонденты выделили **ряд причин отсутствия взаимодействия с аффордансами**.

1. Типичная проблема, как видно из приведенных цитат, состояла в том, что респонденты **не заметили ряда возможностей** (*не заметила ссылок; я даже и не увидела, что можно развернуть, не обратила внимания* (рис. 2)*; не обратила внимания на всплывающие комментарии; если честно, то я не обратила внимания, что есть такая функция; я просто не увидела, что можно нажать, можно посмотреть; Скорее всего, я не осознала*), что, вероятно, свидетельствует о восприятии этих опций как необязательных, дополнительных по отношению к собственно тексту элементов.

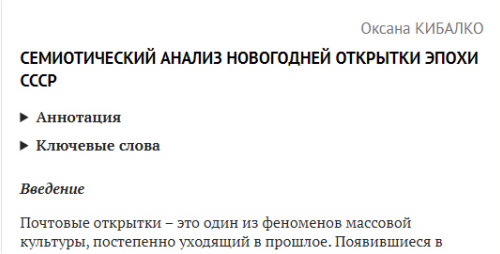


Рис. 2. Респонденты не заметили возможности развернуть текст аннотации и ключевые слова посредством клика на стрелки слева

Помимо установок реципиента на прочтение текста как некоторого статичного конструкта невнимание к аффордансам можно объяснить и характеристиками самих аффордансов. Так, «большой недостаток скрытых аффордансов состоит в том, что они требуют от пользователя обнаружить аффорданс, но при этом не дают даже намеков на его существование» [Postolovski, 2014]. В нашем случае стрелки слева от слов «аннотация» и «ключевые слова» можно было принять за типичное оформление списка при помощи маркеров.

2. Другая причина невнимания к аффордансам была в том, что, как пояснили респонденты, их использование **выходило за рамки поставленной цели** (*Я посчитала, что это будет неактуально, что это не входило в задачи эксперимента. Не посчитала нужным; я не обращала на них особого внимания, и цель другая стояла — ознакомиться со статьёй. Поэтому никакие внешние <ссылки>… мне не приходило в голову на них перейти; технические возможности — нечто второстепенное*). Сюда же можно отнести объяснение нехваткой времени (*Я думала, что мы ограничены во времени и решила сосредоточиться на одной задаче*).

3. В некоторых случаях имела место **неверная интерпретация аффорданса** как статичного элемента текста, что обусловило соответствующее к нему отношение (*Слова заметила, что были выделены. Я подумала, что важные моменты выделены, на которые надо обратить внимание*). Такая интерпретация соотносится с определением ложного аффорданса: «Ложный аффорданс в цифровом пространстве дает возможность совершать действия, которые не соответствуют ожиданиям пользователя» [Postolovski, 2014].

4. Что касается функции увеличения иллюстраций, она оказалась невостребованной в связи с **отсутствием необходимости:** формат и размер изображений позволяли рассмотреть их в тексте без увеличения (*Всё было видно; Всё на них было хорошо видно, не было необходимости увеличивать*). Одновременно респонденты отметили важную роль иллюстративного материала (*Если бы их (картинок) не было и было бы описано, хуже бы читалось; Интересно, иллюстративный материал, они подтверждают и эмоционально воздействуют*).

В ходе интервью большинство респондентов утверждали, что вне рамок эксперимента они используют аффордансы, такие как внешние ссылки (*По ссылкам я выхожу. Иногда в литературе какие-то ссылки кликну, но только опять же, если это на данный момент актуально и возможно. Это по ситуации. Где-то необходимо это, я понимаю, что без этого мои знания неполны; Если я увидела цитату Иванова и я посчитала, что понадобится в работе, в таком случае я могу перейти, если этот автор меня заинтересовал*), просмотр рубрик журнала (*Иногда я просматриваю содержание журнала полностью, иногда я начинаю загугливать авторов*) и увеличение шрифта (*А так, если нужно увеличить шрифт, то я иногда увеличиваю, чтоб удобно было читать. Но здесь не было такой потребности*). Вероятно, условия эксперимента и поставленная задача ознакомиться с текстом публикации не способствовали выходу за рамки статьи. Можно также предположить, что ответы респондентов, хотя и представленные для анонимной обработки, были даны с учетом социально одобряемых действий. От учено-

го ожидается пытливость ума и стремление расширить кругозор, и именно таковыми респонденты позиционировали себя в интервью.

Отдельно следует отметить те характеристики научных статей в Интернете, которые, по мнению респондентов, являются желательными и облегчают взаимодействие с текстом: определенное расположение текста на странице (к примеру, предпочтение отдается тексту в одну колонку, а не в две), отсутствие больших массивов сплошного текста (респонденты отмечают необходимость рубрикации, подзаголовков), читаемый шрифт, выделения жирным шрифтом, размещение информации в табличном виде и в виде схем, элементы визуализации, а также активные ссылки. Такие требования к научному тексту в целом не специфичны для электронного формата (за исключением разве что активных ссылок) и вполне применимы к бумажному формату научных статей.

Более того, главным и самым распространенным требованием к научной статье оказалось соблюдение традиционной структуры, способствующей как системному представлению научных результатов, так и удобству их восприятия (*Чтобы статья была структурирована — введение, материал и методы, результаты, обсуждение, выводы. Когда такая структура есть у статьи, ей удобнее пользоваться; <важна> сама структура статьи, где выделены вводная часть, теоретическая, результаты. Это привлекает; Хорошо структурирована… Чтобы были значимые видимые выводы и хорошо структурирована. Потому что должно быть четко видно, что есть такие методы, сделаны такие выводы; Должна быть определенная структура, обозначение основных разделов, чтобы было видно, что где находится, последовательность этих разделов традиционная; Оглавления частей, чтобы можно было понять, где что*). Такое распространенное требование представителей академической сферы к научным статьям свидетельствует, на наш взгляд, о целесообразности структурирования научного текста в соответствии со стандартом и о доминировании для респондентов содержательных характеристик научного текста над оформительскими.

3.3. Вопросы после эксперимента

Вопросы, заданные респондентам в письменной форме после чтения статьи, были нацелены на проверку усвоенного содержания статьи и установление соответствий между характером взаимодействия респондента с текстом (его аффордансами) и воспроизводимым содержанием. Нацеленность респондентов на усвоение содержания статьи отразилась в более или менее точном воспроизведении основных тезисов прочитанного текста. Отметим, что испытуемые не имели никаких ограничений при изложении, и объем общего содержания значительно различается — от нескольких строк до полноценного абзаца.

Осознание того, что шла работа с научным текстом, — отражается и на речевых способах воспроизведения статьи. Используются клише, типичные для аннотирования научной статьи: *в данной статье исследуются, авторы приходят к выводу, статья посвящена, автор доказывает, рассмотрены также, в статье рассматриваются* и т. д. А один из вариантов изложения содержания — это фактически готовая аннотация, написанная в значительной степени в соответствии с академическими стандартами:

В данной статье исследуются *открытки эпохи СССР разных лет. Авторы обращаются к семиотике открыток, включая лексические, синтаксические и прагматические показатели. Открытка представляет собой сложный мультимодальный комплекс. Цвет, жесты героев, языковые характеристики помогают передать определенные смыслы, заложенные в социальной коммуникативной среде.* ***Авторы приходят к выводу****, что сегодня открытки, к сожалению, не передают традиционных ценностей современной России.*

Отметим также некоторые факты, касающиеся прагматики взаимодействия пользователя с научной статьёй в интернете, в частности с визуальными компонентами. Внимание к иллюстрациям и запоминаемость визуального материала косвенно подтверждаются тем, что иллюстрированные фрагменты статьи были воспроизведены респондентами при передаче общего содержания текста или при выделении наиболее запомнившегося материала. Так, респонденты упоминают представленные в приложениях иллюстрации с изображением новогодних открыток космической тематики и Великой Отечественной войны (*Интересными показались открытки, связанные с исследованиями космоса, открытки военного периода...; семиотика открыток времен ВОВ: вместо традиционных новогодних символов на них были изображены военные мотивы; запомнилось то, что в 60-е годы даже на новогодних открытках присутствовало напоминание об освоении космоса; использование открыток с космической тематикой*). В то же время иллюстрации, представляющие открытки с изображением сцен быта из жизни советских людей в 1930—1960-е годы, не отмечены в пересказах респондентов ни разу. Вероятно, присутствие визуального материала не обеспечивает его запоминаемость по умолчанию. Необходима также яркая ассоциация с интересным фактом, символически представленным в иллюстрации. Освоение космоса и Великая Отечественная война являются составляющими российского «культурного кода», тогда как общий контекст советской жизни первой половины XX века менее знаком респондентам, и его изображения практически не вызывают эмоционального отклика и не запоминаются.

Респонденты оценили удобство статьи на 5 (максимально удобно). Один респондент прокомментировал оценку 4 в интервью, заметив, что

неудобство было связано с атмосферой эксперимента *(Удобство — четыре, так как фон вокруг. На работе более напряженно себя ощущаешь, чем дома).* Таким образом, фактически оценке в данном случае подверглась среда эксперимента, а не формат статьи. Из усовершенствований к тексту были предложены подзаголовки и схемы, что соответствует уже отмеченному выше требованию респондентов к научным статьям в части структурирования, деления на смысловые части.

Отдельно отметим комментарий, предлагающий возможность выхода со страницы статьи на другие сайты или в социальные сети: *Я бы добавила информацию об авторах. Например, ссылку на сайт автора или страницу в социальной сети.* Данное пожелание в значительной мере соотносится с наблюдением А. В. Сильничей и соавторов о сайте научного журнала: «Среди дополнительных функций пользователи хотели бы видеть на сайте интеграцию с социальными сетями (например, возможность делать репост статьи в социальные сети)» [Сильничая, 2024, с. 2S85].

Такие предложения свидетельствует, на наш взгляд, не только о желании читателя статьи получить информацию об авторе (возможно, его статусе, направлениях исследований) и о потребности поделиться научными открытиями, но и в более широком плане — о возможности быстрого переключения с научного дискурса на дискурс социальных сетей, а значит, о стирании чётких границ между институциональной и неинституциональной сферами. Межтекстовые связи между различными сферами коммуникации становятся не просто нормой, а даже потребностью.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проведенный эксперимент и интервью позволили получить некоторые предварительные результаты. Прагматические факторы, обусловливающие характер взаимодействия читателя с аффордансами в тексте научной статьи в Интернете, можно разделить на две группы: **внутренние**, то есть обусловленные прагматикой личности самого респондента, и **внешние**, то есть связанные с условиями чтения в самом широком понимании.

Внутренние прагматические факторы включают:

1. технологический опыт реципиента. Оценив статью как удобную для чтения, респонденты сделали ряд предложений, которые были в большей степени связаны с содержательными характеристиками представления научных результатов, чем с предоставляемыми техническими возможностями взаимодействия с текстом. Рассматривая в соответствии со своими установками аффордансы как вспомогательные инструменты научной коммуникации, пользователь воспринимает интернет-текст как «плоский» источник информации, и аффордансы остаются невостребованными;

2. научный опыт реципиента и связанные с ним потребности. Желание расширить знания в своей сфере или получить дополнительную информацию об авторе статьи побуждает реципиента активнее использовать аффордансы;

3. задачи реципиента при чтении. В зависимости от поставленных задач — просмотрового чтения, подготовки обзора или глубокого ознакомления с научной концепцией — читатель прибегает к использованию аффордансов или не делает этого;

4. физические потребности и возможности реципиента. К примеру, желание занять удобную позу или опасение за зрение определяет избираемые реципиентом стратегии поведения при чтении текстов.

Внешние прагматические факторы включают:

— ситуацию чтения (физическое удобство, локация, наличие или отсутствие внешних раздражителей, владение свободным временем и т. д.);

— технические возможности устройства для чтения; так, к примеру, необходимость в увеличении рисунков отсутствует в условиях использования большого экрана ПК, а наличие установленного в телефоне программного обеспечения позволяет работать с определенными форматами или, напротив, ограничивает пользователя;

— свойства аффордансов: даже при установках реципиента на взаимодействие с текстом могут возникнуть проблемы с восприятием скрытых или ложных аффордансов.

Предложенная нами классификация выделенных прагматических факторов представлена схематично (рис. 3), где факторы 1—4 внутренние, а факторы 5—7 — внешние.

Рис. 3. Прагматические факторы, обусловливающие характер взаимодействия читателя с аффордансами в тексте научной статьи в Интернете

Предложенное деление имеет условный характер и является результатом моделирования результатов проведенного анализа. На практике факторы взаимосвязаны и нередко обусловливают друг друга. К примеру, выбор любимой позы (физическая потребность) определяет тип используемого устройства, и, следовательно, реципиент ограничен техническими возможностями устройства. Прагматика ситуации определяет как тип устройства, так и тип поведения. Например, в общественном транспорте наиболее вероятно будет использоваться телефон, а реципиент может решить воздержаться от просмотра видео, интегрированного в текст статьи, чтобы звуком не беспокоить окружающих.

При том, что в научных статьях на сайтах отечественных журналов применяется ограниченный набор аффордансов, их использование в научных текстах не ново и, более того, все чаще поощряется издателями. В этом плане можно отметить журнал «Культура и технологии», позволяющий интегрировать в тексты научных публикаций видеофайлы, открывать всплывающие окна с дополнительной информацией и т. д. См., например, [Демидова, 2024]. Однако и многие другие издания организуют статьи на сайтах с возможностями внешних ссылок, навигации внутри статьи, написания электронного письма автору через клик на электронный адрес. В 2014 году при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований подготовлены методические рекомендации по включению мультимедийных возможностей в научную публикацию, включая авторскую видеоаннотацию в карточке публикации, а также встроенные в файл формата .pdf анимированные и трехмерные иллюстрации [Анимация и видео…, 2014]. Таким образом, ученые все чаще сталкиваются с необходимостью как воспринимать аффордансы, так и применять их в своих собственных текстах. Прагматика производства и рецепции аффордансов требует уточнения и количественных исследований, разграничения аффордансов собственно содержательных и метатекстовых, и это образует перспективу нашего исследования.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Анимация* и видео в научной публикации / М. М. Горбунов-Посадов [и др.]. — Москва : Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша, 2014. — 32 с.

2. *Антопольский А. Б.* Научная информация и цифровое пространство знаний : постановка задачи для России / А. Б. Антопольский // Наука и научная информация. — 2020. — Т. 3. — № 1. — С. 8–17. — DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-8–17.

3. *Горбунова А. С.* Соответствие новых научных платформ формальным требованиям, предъявляемым к научным публикациям / А. С. Горбунова, И. И. Засурский, Н. Д. Трищенко // Наука и научная информация. — 2020. — № 3 (2—3). — С. 207—218. — DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-2-3-207-218.

4. *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете : попытка рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. — Саратов : Наука, 2009. — С. 11—127.

5. *Демидова М. В.* Новые формы мультимедийных произведений как продолжение творческих экспериментов искусства начала XX века / М. В. Демидова // Культура и технологии. — 2024. — Т. 9. — Выпуск 1. — С. 1—14. — DOI: https://doi.org/10.17586/2587-800X-2024-9-1-1-14.

6. *Дубровская Т. В.* «Заходишь на Киберленинку, скачиваешь в PDF…» : современные технологии и практики взаимодействия читателя с научным текстом в условиях медиа / Т. В. Дубровская // Предъявление научного знания в диалоге медиа : контексты, технологии и языковые техники (Серия «Язык в координатах массмедиа»). — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2023. — С. 181—191. — ISBN 978-5-00110-394-3.

7. *Иваницкая Е. В.* Научный журнал как основа профессиональной коммуникации : проблемы современного развития / Е. В. Иваницкая // Наука и научная информация. — 2020. — Т. 3. — № 1. — С. 85—96. — DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-85-96.

8. *Иванов П. К.* Интерперсональный потенциал поликодовых текстов современной интернет-коммуникации / П. К. Иванов, П. А. Катышев // Культура и текст. — 2021. — № 4 (47). — С. 253—266. — DOI: https://doi.org/10.37386/2305–4077–2021–4–253–266.

9. *Ионина А. А.* Лингвистика электронного текста — перспективное направление современной науки о языке / А. А. Ионина // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания : лингвистика, литературоведение, лингводидактика. — Москва : Московский городской педагогический университет, 2018. — С. 37—41.

10. *Карамалак О. А.* Письменная коммуникация как среда интерактивных взаимодействий / О. А. Карамалак // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 4 (22). — С. 77—80.

11. *Кириллова О. В.* Как оформить статью и научный журнал в целом для корректного индексирования в международных наукометрических базах данных / О. В. Кириллова // Научный редактор и издатель. — 2018. — № 3 (1—2). — С. 52—72.

12. *Кожемякин Е. А.* Жанр научной статьи в Интернете : структурно-семиотическая трансформация / Е. А. Кожемякин, Т. В. Дубровская // Жанры речи. — 2024. — Т. 19. — № 1 (41). — С. 66—78. — DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78.

13. *Медведева А. Р.* Аффордансы интерфейса культурно-просветительской журналистики (на примере сайта «Арзамас») / А. Р. Медведева // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 2 (40). — С. 115—120. — DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10213

14. *Полонский А. В.* Научный текст в условиях сетевой публичности / А. В. Полонский // Предъявление научного знания в диалоге медиа : контексты, технологии и языковые техники (Серия «Язык в координатах массмедиа»). — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2023. — С. 155—167. — ISBN 978-5-00110-394-3.

15. *Рецепция* научного интернет-текста : экспериментальное исследование / А. В. Белоедова, Т. В. Дубровская, Е. А. Кожемякин, Я. И. Тяжлов // Неофилология. — 2023. — Т. 9. — № 4. — С. 940—958. — DOI: https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-940-958.

16. *Самарцев О. Р.* Структурные и семиотические особенности виртуального нарратива в иммерсивных проектах РИА.LAB / О. Р. Самарцев, В. М. Латенкова, Н. А. Слепцов // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2022. — Т. 27. — № 2. — С. 414—424. — DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-414-424.

17. *Сильничая А. В.* Сайт научного журнала глазами пользователя / А. В. Сильничая, Д. И. Трушков, А. Волкова, М. С. Коняев // Научный редактор и издатель. — 2024. — № 1 (Suppl.2). — С. 2S72—2S87. — DOI: https://doi.org/10.24069/SEP-24-18.

18. *Синенко П. Д.* Роль аффордансов в российском массмедийном дискурсе о семье / П. Д. Синенко, В. В. Богуславская // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. — 2024. — № 2. — С. 145—149.

19. *Сморгунов Л. В.* Институты доступности цифровых платформ и государственная управляемость / Л. В. Сморгунов // Южно-российский журнал социальных наук. — 2020. — Т. 21. — № 3. — С. 6—19. — DOI: https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-6-19.

20. *Gernsbacher M. A.* Internet-based communication / M. A. Gernsbacher // Discourse Processes. — 2014. — № 51. — Pp. 359—373. — DOI: https://doi.org/10.1080/0163853X.2014.916174.

21. *Gibson J. J.* The ecological approach to visual perception / J. J. Gibson. — Boston : Hough-Miffin, 1979. — 332 p. — ISBN 0-89859-959-8.

22. *Lanctot A.* Measurement of perceived importance and urgency of email : an employees' perspective / A. Lanctot, L. Duxbury // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2022. — Vol. 27. — Issue 2. — Pp. 87—93. — DOI: https://doi:10.1093/jcmc/zmac001.

23. *Macedo-Rouet M.* Students' performance and satisfaction with Web vs. paper-based practice quizzes and lecture notes / M. Macedo-Rouet, M. Ney, S. Charles, G. Lallich-Boidin // Computers & Education. — 2009. — № 53. — Pp. 375—384. — DOI: https://doi:10.1016/j.compedu.2009.02.013.

24. *Maher D.* Using the multimodal affordances of the interactive whiteboard to support students' understanding of texts / D. Maher // Learning, Media and Technology. — 2011. — Vol. 36. — № 3. — Pp. 235—250. — DOI: https://doi.org/10.1080/17439884.2010.536553.

25. *McCulloch G.* Because Internet. Understanding the new rules of language / G. McCulloch. — New York : Riverhead books, 2019. — 336 p. — ISBN 9780735210936.

26. *Postolovski N.* What is the most underrated word in Web design? [Electronic resource] / N. Postolovski. Access mode : https://www.smashingmagazine.com/2014/06/affordance-most-underrated-word-in-web-design/ (accessed 31.10.2024).

27. *Sareh P.* The form-affordance-function (FAF) triangle of design / P. Sareh, G. Loudon // International Journal on Interactive Design and Manufacturing (IJIDeM). — 2024. — Vol. 18. — Pp. 997—1017. — DOI: https://doi.org/10.1007/s12008-023-01648-3.

28. *Tong P.* From teacher-intended to learner-actualised affordances in a WeChat-Supported mobile Chinese language learning environment / P. Tong, I. S. An, Y. Zhou // System. — 2024. — Vol. 126. — Pp. 103459. — DOI: https://doi.org/10.1016/j.system.2024.103459.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024,
одобрена после рецензирования 14.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

References

Animation and video in a scientific publication. (2014). Moscow: Preprints of IPM named after M. V. Keldysh. 32 p. (In Russ.).

Antopolsky, A. B. (2020). Scientific information and the digital space of knowledge: setting a task for Russia. *Science and scientific information, 3 (1):* 8—17. DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-8-17. (In Russ.).

Demidova, M. V. (2024). New forms of multimedia works as a continuation of creative experiments of art of the early twentieth century. *Culture and technologies, 9 (1):* 1—14. DOI: https://doi.org/10.17586/2587-800X-2024-9-1-1-14. (In Russ.).

Dubrovskaya, T. V. (2023). "You go to the Cyberleninka, download to PDF ...": modern technologies and practices of reader interaction with scientific text in the media. In: *Presentation of scientific knowledge in the media dialogue: contexts, technologies and language techniques (Series "Language in the coordinates of the mass media").* St. Petersburg: Mediapapir. 181—191. ISBN 978-5-00110-394-3. (In Russ.).

Gernsbacher, M. A. (2014). Internet-based communication. *Discourse Processes, 51:* 359—373. DOI: https://doi.org/10.1080/0163853X.2014.916174.

Gibson, J. J. (1979). *The ecological approach to visual perception.* Boston: Hough-Miffin. 332 p. ISBN 0-89859-959-8.

Gorbunova, A. S., Zasursky, I. I., Trishchenko, N. D. (2020). Compliance of new scientific platforms with formal requirements for scientific publications. *Science and scientific information, 3 (2—3):* 207—218. DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-2-3-207-218. (In Russ.).

Goroshko, E. I. (2009). The Internet genre and the functioning of language on the Internet: an attempt at reflection. In: *Genres of speech.* Saratov: Nauka. 11—127. (In Russ.).

Ionina, A. A. (2018). Linguistics of electronic text — a promising direction of modern science of language. In: *Three "L" in the paradigm of modern humanitarian knowledge: linguistics, literary studies, linguodidactics.* Moscow: Moscow City Pedagogical University. 37—41. (In Russ.).

Ivanitskaya, E. V. (2020). Scientific journal as the basis of professional communication: problems of modern development. *Science and scientific information, 3 (1):* 85—96. DOI: https://doi.org/10.24108/2658-3143-2020-3-1-85-96. (In Russ.).

Ivanov, P. K. (2021). Interpersonal potential of polycode texts of modern Internet communication. *Culture and text, 4 (47):* 253—266. DOI: https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-253-266. (In Russ.).

Karamalak, O. A. (2013). Written communication as an environment of interactive interactions. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 4 (22):* 77—80. (In Russ.).

Kirillova, O. V. (2018). How to design an article and a scientific journal as a whole for correct indexing in international scientometric databases. *Scientific editor and publisher, 3 (1—2):* 52—72. (In Russ.).

Kozhemyakin, E. A., Dubrovskaya, T. V. (2024). Genre of scientific articles on the Internet: structural and semiotic transformation. *Genres of speech, 19 / 1 (41):* 66—78. DOI: 10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-66-78. (In Russ.).

Lanctot, A., Duxbury, L. (2022). Measurement of perceived importance and urgency of email: an employees' perspective. *Journal of Computer-Mediated Communication, 27 (2):* 87—93. DOI: https://doi:10.1093/jcmc/zmac001.

Macedo-Rouet, M., Ney, M., Charles, S., Lallich-Boidin, G. (2009). Students' performance and satisfaction with Web vs. paper-based practice quizzes and lecture notes. *Computers & Education, 53:* 375—384. DOI: https://doi:10.1016/j.compedu.2009.02.013.

Maher, D. (2011). Using the multimodal affordances of the interactive whiteboard to support students' understanding of texts. *Learning, Media and Technology, 36 (3):* 235—250. DOI: https://doi.org/10.1080/17439884.2010.536553.

McCulloch, G. (2019). *Because Internet. Understanding the new rules of language.* New York: Riverhead books. 336 p. ISBN 9780735210936.

Medvedeva, A. R. (2021). The nuances of the interface of cultural and educational journalism (on the example of the Arzamas website). The *sign: the problematic field of media education, 2 (40):* 115—120. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10213. (In Russ.).

Polonsky, A. V. (2023). Scientific text in the conditions of online publicity. In: *Presentation of scientific knowledge in the dialogue of media: contexts, technologies and language techniques (Series "Language in the coordinates of mass media").* St. Petersburg: Mediapapir. 155—167. ISBN 978-5-00110-394-3. (In Russ.).

Postolovski, N. *What is the most underrated word in Web design?* Available at: https://www.smashingmagazine.com/2014/06/affordance-most-underrated-word-in-web-design/ (accessed 31.10.2024).

Reception of a scientific Internet text: an experimental study. (2023). *Neophilology, 9 (4):* 940—958. DOI: https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-4-940-958. (In Russ.).

Samartsev, O. R., Latenkova, V. M., Sleptsov, N. A. (2022). Structural and semiotic features of the virtual narrative in immersive RIA.LAB projects. *Bulletin of the RUDN. Series: Literary Studies. Journalism, 27 (2):* 414—424. DOI: https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-2-414-424. (In Russ.).

Sareh, P., Loudon, G. (2024). The form-affordance-function (FAF) triangle of design. *International Journal on Interactive Design and Manufacturing (IJIDeM), 18:* 997—1017. DOI: https://doi.org/10.1007/s12008-023-01648-3.

Silnichaya, A. V., Trushkov, D. I., Volkova, A., Konyaev, M. S. (2024). The website of the scientific journal through the eyes of the user. *Scientific editor and publisher, 1 (Suppl.2):* 2S72—2S87. DOI: https://doi.org/10.24069/SEP-24-18. (In Russ.).

Sinenko, P. D., Boguslavskaya, V. V. (2024). The role of affordances in the Russian mass media discourse about the family. *Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism, 2:* 145—149. (In Russ.).

Smorgunov, L. V. (2020). Institutes of accessibility of digital platforms and state manageability. *South Russian Journal of Social Sciences, 21 (3):* 6—19. DOI: https://doi.org/10.31429/26190567-21-3-6-19. (In Russ.).

Tong, P., An, I. S., Zhou. Y. (2024). From teacher-intended to learner-actualised affordances in a WeChat-Supported mobile Chinese language learning environment. *System, 126:* 103459. DOI: https://doi.org/10.1016/j.system.2024.103459.

The article was submitted 09.07.2024;
approved after reviewing 14.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кичерова М. Н. Образовательный ландшафт в медиапространстве : методология картирования и описания / М. Н. Кичерова, М. Ю. Семёнов, И. С. Трифонова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 188—207. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-188-207.

Kicherova, M. N., Semenov, M. Y., Trifonova, I. S. (2024). Educational Landscape in Media Space: Methodology of Mapping and Description. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 188-207. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-188-207. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образовательный ландшафт в медиапространстве: методология картирования и описания

Кичерова Марина Николаевна
orcid.org/0000-0001-5829-7570
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра общей и
экономической социологии,
корреспондирующий автор
m.n.kicherova@utmn.ru

Семёнов Максим Юрьевич
orcid.org/0000-0002-7130-340X
кандидат социологических наук, доцент,
кафедра общей и
экономической социологии
m.y.semenov@utmn.ru

Трифонова Ирина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-3938-7500
кандидат филологических наук, доцент,
Центр иностранных языков
и коммуникативных технологий
i.s.trifonova@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет
гранта Российского научного фонда,
проект № 23-78-10085,
https://rscf.ru/project/23-78-10085/

Educational Landscape in Media Space: Methodology of Mapping and Description

Marina N. Kicherova
orcid.org/0000-0001-5829-7570
PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of General
and Economic Sociology,
corresponding author
m.n.kicherova@utmn.ru

Maksim Yu. Semenov
orcid.org/0000-0002-7130-340X
PhD in Sociology, Associate Professor,
Department of General
and Economic Sociology
m.y.semenov@utmn.ru

Irina S. Trifonova
orcid.org/0000-0002-3938-7500
PhD in Philology, Associate Professor,
Center for Foreign Languages
and Communication Technologies
i.s.trifonova@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10085,
https://rscf.ru/project/23-78-10085/

© Кичерова М. Н., Семёнов М. Ю., Трифонова И. С., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена появлению в медиапространстве новых платформ-агрегаторов, где представлены витрины образовательных курсов и программ разного уровня. Цель статьи — выявление специфики методологии картирования образовательного ландшафта в медиапространстве на глобальном, национальном и локальном уровнях в контексте вопросов изучения экосистемы образования взрослых. Теоретической рамкой выступил экосистемный подход к образованию, использованы методы качественного контент-анализа, сравнения, сопоставления. Анализ методологии картирования проводился на основе выделенных авторами метрик, представленных в научных источниках, аналитических докладах, раскрывающих специфику современного образовательного ландшафта, его репрезентацию в медиапространстве. Образовательный ландшафт рассмотрен как сложный социокультурный феномен. Выделены общие и специфические принципы его медиакартирования с учетом разных масштабов, общим принципом является сочетание восходящей и нисходящей стратегий сбора и анализа данных. Современный образовательный ландшафт описан с учетом разнообразия экосистемных связей. Авторы показывают потенциал методологии и подчеркивают, что медиакартирование образовательного ландшафта позволяет выделить ключевых провайдеров, проложить маршруты для обучения взрослых, синхронизировать спрос и предложение навыков на рынке труда.

Ключевые слова:
медиапространство; образовательный ландшафт; медиакартирование образовательного ландшафта; медиакарта; образование взрослых.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on the emergence of new aggregator platforms within media space that showcase a variety of educational courses and programs at different levels. The aim of the study is to identify the specifics of the methodology for mapping the educational landscape in media space at global, national, and local levels, particularly in the context of exploring adult education ecosystems. The theoretical framework is grounded in an ecosystemic approach to education, employing qualitative content analysis, comparison, and juxtaposition as research methods. The analysis of the mapping methodology is based on metrics delineated by the authors, drawn from scholarly sources and analytical reports that elucidate the characteristics of the contemporary educational landscape and its representation in media space. The educational landscape is examined as a complex sociocultural phenomenon. General and specific principles of its media mapping are identified, taking into account various scales, with a common principle being the combination of both bottom-up and top-down strategies for data collection and analysis. The modern educational landscape is described with consideration of the diversity of ecosystemic connections. The authors demonstrate the potential of this methodology and emphasize that media mapping of the educational landscape allows for the identification of key providers, the establishment of pathways for adult learning, and the synchronization of supply and demand for skills in the labor market.

Key words:
media space; educational landscape; media mapping of the educational landscape; media map; adult education.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'42:378+316.774:004.738.5
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-188-207

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Образовательный ландшафт в медиапространстве: методология картирования и описания

© Кичерова М. Н., Семёнов М. Ю., Трифонова И. С., 2024

1. Введение = Introduction

Современный образовательный ландшафт характеризуется большим разнообразием поставщиков услуг, которые представлены в медиапространстве. Возможности виртуальной коммуникации способствуют расширению образовательного пространства за счет быстрого развития EdTech-индустрии, корпоративного и неформального обучения. Учитывая, что в современном мире растет запрос на обучение значительной части взрослого населения, рынок образования активно развивается. Отражение данных изменений можно проследить в медийном пространстве, где реализуется репрезентация как самих образовательных организаций, так и «витрин» образовательных программ для обучения взрослых. Уникальность медиарепрезентации заключается в том, что она позволяет увидеть множество предложений для обучения, выбрать из всего многообразия: варьируются сроки обучения, стоимость, набор навыков и компетенций, заявленных в качестве образовательного результата.

Ярким подтверждением важной роли медиапространства для продвижения образовательных услуг являются рейтинги оценки представленности вузов в медиасреде. Так, Министерство образования и науки РФ ежегодно составляет рейтинг медийной активности вузов, в котором учитываются такие направления, как работа со СМИ, с собственной аудиторией в группах и каналах во всех основных социальных сетях; с собственными сайтами [М.Рейтинг.РФ].

Именно медиапространство является той средой, где можно получить достоверную информацию об образовательных ресурсах и пройти обучение. По мнению Ника Кулдри и Анны Маккарти, экспертов в этой области, специфика медиапространства позволяет рассматривать в комплексе сложные социокультурные процессы, фокусируясь на социальных структурах разного уровня в их динамике и многообразии [Couldry et al., 2004], в том числе процессы трансформации образования. Однако для этого необходима надежная навигация, медиакарта образовательного ландшафта, позво-

ляющая определять «отправные точки», прокладывать индивидуальный маршрут обучения.

Цель статьи — выявление специфики методологии картирования образовательного ландшафта в медиапространстве на глобальном, национальном и локальном уровнях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В условиях стремительного роста цифровых технологий, повышения уровня лояльности к продуктам EdTech-индустрии медиапространство становится, с одной стороны, средой, позволяющей людям получать востребованные сетевые навыки, оценивать, ретранслировать информацию и становиться «полноценными соучастниками коммуникационных процессов» [Дементьева, 2020, с. 205], с другой — способствует развитию цифровой образовательной экосистемы [Adner, 2017]. Обучение на удаленных платформах выстраивается в целостную непрерывную систему, характеризующуюся максимальным учетом интересов пользователей, бесшовностью предоставления услуг, симбиозом и коэволюцией участников [Кичерова и др., 2023]. Природа горизонтальных связей экосистемы, относительная автономность заинтересованных сторон, отсутствие формальных механизмов контроля благоприятно влияют на процесс объединения разных компаний для создания коллективного ценностного предложения для клиента, способствуют расширению экосистемных связей и включению новых акторов [A review ..., 2018].

Возможности медиапространства позволяют создавать конкурентную среду для образовательных организаций формального и неформального секторов, индивидуальные условия для личностного роста и профессионального развития, привлекать работодателей и инвестиции, устранять инертность процесса обучения, быстро адаптируясь в условиях высокой турбулентности рынка труда. Динамика и скорость обучения достигаются за счет использования мобильных приложений (мобильное обучение), что отражает глобальный тренд современной медиаиндустрии [Штейман и др., 2024].

Важность репрезентации услуг образовательных организаций в медиапространстве подчеркивается в научных исследованиях [Aguillo et al., 2008; Ortega et al., 2009] и находит подтверждение в международных рейтингах. Так, международный рейтинг медиактивности университетов (Webometrics Ranking of World Universities) представляет их деятельность в областях научных исследований, публикаций, доступности научного и образовательного контента, программ обучения и отражает глобальное качество ученых и исследовательских организаций [Ranking web of universities]. Вебометрические рейтинги позволяют университетам расширить свое присутствие, при-

влечь инвесторов и абитуриентов за счет признания результатов их деятельности и качества предоставляемых услуг (место в рейтинге, отражающее престиж вуза). Изменения вектора стратегии действий в отношении представленности в медиапространстве приводит к целенаправленному формированию веб-политики образовательных учреждений. Подобным образом реализуются национальные рейтинги медиаактивности вузов. В частности, в России с 2021 года существует рейтинг, включающий оценку всех российских университетов [М.Рейтинг.РФ].

Представленность в медийном пространстве становится чрезвычайно важным фактором как для позиционирования отдельных вузов, так и для стратегии развития национального образования в целом. При этом в контексте разнообразия участников, постоянного расширения образовательного пространства за счет новых акторов наблюдается дефицит исследований по методологии описания и картированию образовательного ландшафта применительно ко всей образовательной экосистеме. Образовательный ландшафт как научная категория может быть рассмотрен в рамках экосистемного подхода к образованию. Основные принципы формирования междисциплинарного тезауруса для описания экосистемы образования взрослых были подробно рассмотрены ранее [Семенов и др., 2024]. *Образовательный ландшафт* используется в этом же терминологическом поле, может пониматься как наглядная система способов описания разнообразных уровней современного образования, представленная в определенном локальном пространстве (города, региона, страны и т. д.). При этом ряд исследователей, в частности Г. Ю. Бектина и ее коллеги, трактуют образовательный ландшафт как концепцию философии образования, выделяя в нем следующие отличительные характеристики: композиционность, пространственность, гибридность, контекстуальносcть, символизм и др. Рассматривая образовательный ландшафт как социальный феномен, она выделяет три направления: субъективное, интерсубъективное и символическое [Бектина и др., 2022].

Для исследования образовательного ландшафта наиболее продуктивным является метод картирования, который широко применяется в междисциплинарных социально-гуманитарных исследованиях. Язык визуальных образов, медиаинструментов позволяет составлять карты разного уровня и назначения, реконструировать и визуализировать социальные явления и процессы, в том числе образовательные практики [Скалабан, 2015]. Образовательное медийное пространство требует новых методов навигации, проблема агрегирования информации и вопрос разработки визуальных методов репрезентации его результатов сохраняют свою актуальность в практике медиакоммуникаций.

Медиакоммуникации открывают широкие возможности для новых форм и практик взаимодействия, при этом как современный феномен они не имеют единого определения, существуют разные подходы к их изучению [Коломиец, 2019]. В современном образовании, которое все больше перемещается в медиапространство, растет запрос на формирование единого языка формализации для построения информационной модели образовательного пространства, предметных областей и индивидуальных образовательных траекторий, как реализуемых, так и потенциально возможных [Бояринов, 2021].

Решению данной проблемы может способствовать создание медиакарты образовательного ландшафта, которая представляет собой визуальное систематизированное описание поставщиков образования (провайдеров) и EdTech с характеристикой их функций и показателями деятельности. Медиакарты могут быть представлены на официальных сайтах компаний, занимающихся исследованиями образования, в аналитических докладах. Медиакарта образовательного ландшафта формируется на цифровых информационных платформах, ориентирована на массового получателя / потребителя. В условиях трансформационных процессов медийного пространства, появления новых медиа такая карта обеспечивает контекстуальную связь формы и функции для выполнения определенных коммуникативных задач. Форма является инструментом связности, способом выражения ситуативных значений [Handford et al., 2023], предоставляя широкие возможности для дискурс-анализа. В классическом понимании дискурс рассматривают в двух измерениях: в широком смысле — как способ интеграции языковых явлений с неязыковыми, такими как мышление, действия, взаимодействия, оценки, чувствования и символы (Дискурс с большой буквы «Д»), в узком — как ситуационный контекстно-обусловленный способ коммуникации (дискурс с маленькой буквы «д») [Gee, 2014, с. 13]. В рамках данной работы мы будем опираться на второй подход к пониманию дискурса и рассматривать медиакарту образовательного ландшафта как дискурсивную практику, характерную для информационного поля массмедиа.

По определению Е. Ю. Воякиной, дискурсивные практики можно трактовать как «совокупность явлений, характерных для интернет-коммуникации на определенном временном отрезке и проявляющихся в текстах, составляющих данный тип дискурса, <…> дискурсивная практика интернет-дискурса отличается динамической структурой, то есть подвержена изменениям под влиянием социокультурных, политических, экономических и других факторов» [Воякина, 2022, с. 3473]. В таком отношении дискурс не только актуализирует языковое, речевое выражение, связь со способами

мышления и взаимодействия, но может рассматриваться как особое поле коммуникации, часть социальной практики [Никонова, 2023, с. 127].

Развитие технологий приводит к смещению акцента в изучении дискурсивных практик: расширяется сетевой дискурс. В. И. Карасик в своих работах описывает многообразие жанров сетевого дискурса, их особенности [Карасик, 2019]. Отмечается преобразование специфики профессионального дискурса за счет современных цифровых инструментов [Карасик, 2024]. Исследователи разрабатывают алгоритмы для анализа медиадискурса, при его изучении выделяют микродискурсивные, макродискурсивные, интердискурсивные параметры [Демьянков и др., 2021], поскольку процессы медиатизации оказывают существенное влияние на человека и общество.

Медиадискурс связывает «социокультурные эффекты медиакоммуникации с социальными трансформациями, изменениями паттернов поведения индивидов, малых групп, сообществ» [Шилина, 2022, с. 46]. В связи с этим современная медиалогия допускает сочетание междисциплинарных подходов и способов анализа с позиций антропологии, социологии, лингвистики и других наук. Зарубежные исследователи также подчеркивают продуктивность и практическую значимость междисциплинарных медиаисследований, они позволяют с разных сторон раскрыть поставленные исследовательские вопросы [Tannen et al., 2015, с. 798].

Медиакартирование как метод применительно к образовательному ландшафту дает возможность исследовать количественные и качественные характеристики современного рынка образования, классифицировать многообразие поставщиков формального и неформального образования, корпоративного обучения, новейшие образовательные технологии, стартапы и EdTech. При этом наблюдается недостаток работ, раскрывающих характеристики и принципы картирования образовательного ландшафта в медиапространстве. Данная работа призвана восполнить этот пробел и расширить возможности для сопоставления различных методик описания и медиакартирования образовательного ландшафта на разных уровнях с учетом многообразия акторов и участников образовательной экосистемы.

В основе методологии исследования — экосистемный подход к оценке образования. Объектом исследования выступает медиапространство, где представлены витрины образовательных курсов и программ различных поставщиков. На основе анализа международного опыта медиакартирования образовательного ландшафта выделены разные уровни (масштабы), на каждом рассмотрены принципы медиакартирования образовательного ландшафта, критерии его типологии, специфика репрезентации в медийном пространстве. Использованы методы качественного контент-анализа, сравнения и сопоставления. Поисковые запросы строились по ключевым

словам: образовательный ландшафт, картирование, медиакартирование, образовательная экосистема.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Метрики картирования образовательного ландшафта: глобальный уровень

Проведенный контент-анализ открытых данных в медийном пространстве показал, что современный образовательный ландшафт может быть представлен на картах различного масштаба. Глобальный уровень образовательного ландшафта отражен в аналитических докладах и на медиакартах компаний, специализирующихся на международной аналитике в сфере образования [Directorate …; The L&D ...]. Среди таких компаний лидирующее место занимает HolonIQ, которая с 2018 года проводит регулярный мониторинг состояния глобального рынка образования, опираясь на собственную методологию, реализует картирование образовательного ландшафта в виде интерактивной медиакарты [Holon IQ]. Целью картирования образовательного ландшафта является разработка надежной и доступной для информирования интернет-пользователя сегментации разных форм образования. База данных компании HolonIQ характеризуется масштабностью, валидностью, широко используется в работах отечественных и зарубежных исследователей [Осиповская, 2021].

Методология сбора данных для медиакартирования в HolonIQ имеет центростремительное направление: сбор данных «снизу» обеспечивается на основе больших данных, собранных с помощью компьютерных программ, искусственного интеллекта, а «сверху» данные поступают от экспертов в разных сферах образования: от обучения детей до непрерывного образования взрослых. Экспертный анализ «сверху вниз» опирается на полученные данные «снизу вверх» и обеспечивает интерпретацию результатов с учетом контекста, истории, технологий, экосистемных отношений. что обеспечивает глубину понимания процессов. Такая методология позволяет использовать данные для создания глобальной сети отслеживания и осмысления тенденций в образовании, для обнаружения закономерностей и связей, кластеризации и сегментации новых образовательных практик, которые не закреплены более устоявшимися таксономиями образования. Это позволяет отразить на медиакарте все тенденции и процессы, в том числе новых нетрадиционных акторов, технологические стартапы и др. Одна из особенностей методологии заключается в том, что картирование реализуется в медиапространстве. Это дает возможность дополнительно вносить данные об образовательных организациях, предлагать идеи по улучшению и доработке карты, размещать информацию о себе на карте.

Проведенный контент-анализ открытых данных в медийном пространстве показал, что современный образовательный ландшафт за 2021 год представлен по десяти категориям образовательных продуктов и 55 кластерам, которые сгруппированы по уровням образования (дошкольное, среднее и высшее) и целевой группе потребителей (B2B, B2C, P2P) [2021 Global ...].

Интересно отметить, что наряду с уже ставшими традиционными образовательными решениями, такими как массовые открытые онлайн-курсы, языковая и профессиональная онлайн-подготовка, на интерактивной медиакарте образовательного ландшафта представлены современные решения на основе искусственного интеллекта, VR-, AR-моделей, больших данных, обучения робототехнике, взаимного обучения, а также пять кластеров, которые напрямую не связаны с процессом обучения, но отражают характер экосистемных связей. Ряд экспертов называют их посредниками, компаниями мета-EdTech, среди которых прослеживается два типа организаций: компании для обучения лидеров и преподавателей и компании, анализирующие рынок образовательных технологий, с целью предоставления информации потенциальным инвесторам о ценностях инвестиций в образовательные технологии [Williamson, 2021].

На медиакарте HolonIQ функцию таких посредников выполняют «глобальные гиганты» — крупные международные компании, обеспечивающие образовательную и технологическую инфраструктуру в медиапространстве; инвесторы — фирмы, индивидуальные предприниматели, государство, которые через прямые денежные вложения, гранты и субсидии поддерживают образовательные инновации; акселераторы — программы поддержки и продвижения начинающих предпринимателей в сфере EdTech, включая этапы от генерирования идеи до создания бизнес-модели; мероприятия — широкий спектр образовательных событий, включая крупные конференции и небольшие профессиональные встречи (meetup), позволяющие участникам делиться практическим опытом; соревнования и награды — ряд мероприятий, выполняющих двойную функцию: с одной стороны, начинающие предприниматели могут расширять свои продукты и сервисы, с другой стороны — начинающие инвесторы могут получить опыт комплексной оценки и отбора перспективных образовательных решений.

Представленная медиакарта иллюстрирует экосистемные отношения, близкую связь и точки сопряженности образования и рынка труда. Так, в образовательном ландшафте присутствуют международные компании, позволяющие оценивать профессиональные навыки и обеспечивать верификацию компетенций на основе технологии блокчейн, цифровых удостоверений и портфолио (кластер Assessment and Verification); сбор и аналити-

ку рабочей силы (кластер Workforce and Talent); обучение под персонализированный запрос пользователя (кластер Skills and Jobs).

Представленная методология медиакартирования, реализуемая компанией HolonIQ, позволяет не только нанести на карту текущее состояние глобального образовательного ландшафта (выделить кластеры, количество компаний, описать их продукты и результаты деятельности), но и показать современные изменения, проследить тренды развития образования, связанные в первую очередь с технологическими новшествами. Так, за 2021 год по результатам картирования образовательного ландшафта экспертами HolonIQ выделены следующие векторы изменений, которые стали основой для прогностической карты образования в 2030 году:

1) традиционные образовательные институты по-прежнему будут сохранять наибольшее доверие пользователей, являться основным источником, ядром получения базовых знаний и навыков;

2) появятся региональные альянсы, поддерживающие политику и стратегии кооперации для устойчивой связи образования с локальными рынками труда;

3) компании-гиганты продолжат конкуренцию на свободном рыночном пространстве, обеспечивая образовательную инфраструктуру, сохраняя масштабное влияние на индустрию образования;

4) возрастает роль взаимного обучения в послешкольном образовании и обучении взрослых, технологии блокчейн задают новый вектор в освоении и признании микронавыков (микрокредитов), позволяя развиваться коллективному творчеству, обеспечивая поддержку интеллектуальной собственности;

5) искусственный интеллект полностью поменяет представление о сопровождении процесса обучения, новая роль отводится виртуальным тьюторам и менторам, выстраивающим индивидуальные образовательные траектории и обеспечивающим обратную связь и поддержку на всех этапах обучения.

Методология медиакартирования позволяет увидеть новые мировые тренды образования в глобальном масштабе. При этом они разрабатывают отдельные карты по регионам, в частности, представлен образовательный ландшафт Северной Америки, Латинской Америки, Африки, Южной Азии и других регионов. С одной стороны, фокусирование на международных трендах дает ориентиры и позволяет видеть перспективы развития образования, выстраивать национальную образовательную политику, с другой стороны, для практической реализации обучения разных категорий пользователей в национальном контексте необходимо построение более локальных карт, учитывающих специфику экономики страны, культуру, систему стратификации рынка труда, что будет раскрыто далее.

3.2. Метрики картирования образовательного ландшафта: национальный уровень

В национальном контексте методология медиакартирования рассмотрена на примере опыта Национального исследовательского университета Высшей школы экономики (ВШЭ). Научный коллектив ВШЭ представил следующие разработки и выводы на основе анализа данных в открытом медиапространстве [Открытый семинар ...]. Для сегментации современного рынка образования и выявления тенденций его развития были использованы три основных критерия: назначение продукта, тип продукта, тип конечного потребителя. В итоге было получено двенадцать кластеров, лидирующими из которых являются онлайн-школы для взрослых и детей и программное обеспечение. Методология медиакартирования образовательного ландшафта сочетает количественные и качественные данные, максимально соответствует экосистемному подходу и позволяет отражать на карте не только современное состояние образования, включая игроков разного уровня (провайдеров образования, стейкхолдеров), но и увидеть тренды развития образования, выделить новые ниши, оценить миграцию компаний из одного сектора в другой. Например, к новым нишам отнесены профессиональное обучение soft skills, профессиональная ориентация для взрослых как комплексный процесс, работа с эмоциональным фоном во время обучения. Миграция между сегментами проявилась в трех направлениях: из B2G — в B2C, например, за счет расширения целевой аудитории со школ на родителей; из B2C в B2B в связи с ограничением функционирования зарубежных платформ, сокращением маркетинговых каналов привлечения аудитории, что отразилось на возможностях продвижения продукта в медийном пространстве, рыночных механизмах взаимодействия; из B2C в B2G в связи с необходимостью государственной поддержки при финансировании программ за счет тендеров, государственных конкурсов и субсидирования.

Таким образом, методология медиакартирования образовательного ландшафта национального масштаба, которая была представлена исследователями ВШЭ, продемонстрировала сочетание принципов экосистемного подхода и рыночного сегментирования. Общие тенденции рынка проявились:

— в новых типах коллабораций: вузов и платформ, EdTech-компаний с преподавателями, их интеграция в социальные и индустриальные партнерства;

— в вымывании среднего сегмента рынка, переходе к клиентоориентированности, разработке сложных технологических решений и, соответственно, усилению крупных игроков и мелких нишевых решений;

— в формировании нового типа образовательных комьюнити и их функций: не только преподаватели и обучающиеся, но и широкий круг стейкхолдеров, создание брендовых коммун;

— в развитии системы быстрого наблюдения за результатом образовательного процесса и обратной связи, что обеспечивает гибкость в управлении образовательным продуктом, возможность персонализации обучения.

Таким образом, медиакартирование национального уровня позволило увидеть высокую вариативность стратегий поведений игроков, появление нишевых или экосистемных продуктов, новые типы кооперации и партнерства, что свидетельствует о становлении в национальном масштабе экосистемы образования.

3.3. Метрики картирования образовательного ландшафта: локальный уровень

Принципы картирования образовательного ландшафта на локальном уровне были подробно раскрыты и впоследствии апробированы научным коллективом в составе Д. А. Томасовой, Т. Е. Хавенсон и Д. О. Королевой. Для оценки современных трансформаций в образовательной экосистеме авторами предложена методология оценки новых институциональных образовательных практик, локализованных в пространстве города. Их исследование показало, что современная образовательная экосистема города развивается в направлении «развертывания и ускорения новых партнерств между традиционными акторами и неформальными площадками» [Томасова и др., 2021, с. 353, 2021]. Поэтому при картировании образовательного ландшафта предлагается наносить на медиакарту три типа акторов: провайдеров образовательных услуг (которые делятся на традиционных и нетрадиционных), интеграторов и событийные, открытые пространства. К традиционным акторам относятся школы, университеты, центры дополнительного образования и другие поставщики образования. К нетрадиционным — сообщества практик, объединяющие работодателей и профессионально-ориентированные группы; мейкерспейсы [Media space ..., 2021] и фаблабы, акселераторы и бизнес-инкубаторы, специализированные бизнес-школы, сообщества кейс-чемпионатов, волонтерские организации, краудфандинговые и краудсорсинговые платформы. Стоит отметить, что особое место на карте отводится интеграторам — образовательным онлайн-платформам и культурно-образовательным хабам, а также событийным открытым пространствам, которые также называют «пространство третьих мест» — это кафе, библиотеки, парки, все общественные пространства, где горожане могут проводить свободное время, одновременно получая образовательный опыт. Многие рекреационные зоны расширяют свои функции именно за счет образовательных и просветительских проек-

тов для разных категорий горожан, именно здесь проводятся мастер-классы, выставки, лектории, которые позволяют получить новый опыт и знания. Особенность предложенных принципов картирования в том, что на одной карте совмещаются сведения об участниках, представленных в медийном пространстве и локальном пространстве города. К достоинствам данной методологии картирования можно отнести и тот факт, что, помимо нанесения на карту широкого спектра участников образовательной экосистемы, в локальном ландшафте были показаны новые роли (их смещение) и функции традиционных и нетрадиционных акторов.

Данная методология является не единственным примером медиакартирования образовательного ландшафта на локальном уровне. В качестве успешного кейса можно привести пример использования картирования для оценки инновационного образовательного опыта и практик в Томском регионе. Так, на Форуме «Педагогика XXI века», который проходил в Томском государственном педагогическом университете, в 2023 году обсуждался вопрос создания карты образовательной экосистемы региона. Эксперты, принимавшие участие в форуме, высоко оценили практическое значение такой карты. В частности, Л. Г. Смышляева отметила, что создание карты будет способствовать интеграции образовательного пространства и усилению коммуникации между отдельными игроками, Н. А. Семенова подчеркнула, что картирование поможет в маршрутизации и координации, А. П. Глухов акцентировал внимание на том, что адаптивности и усилению региональной связности будет способствовать вхождение в образовательное пространство EdTech — компаний [Дискуссия ..., 2023]. Потенциал медиакартирования образовательного ландшафта, отмеченный экспертами форума, заключается в возможности интеграции локальных образовательных институтов и современных платформенных решений, представленных в медийном пространстве.

Картирование локального уровня имеет практическую направленность, большое прикладное значение, позволяет решить ряд управленческих задач, и в первую очередь выявить инновационные практики региона. Регионы пытаются преодолеть сегментацию образования, обеспечить большую связность между разными категориями пользователей. Подобные медиакарты выполняют функцию навигаторов в образовательном пространстве, позволяют выстроить индивидуальные образовательные маршруты, принимать обоснованные управленческие решения.

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование показало, что картирование современного образовательного ландшафта в медиапространстве может быть реализо-

вано в разных масштабах. Анализ научных публикаций позволяет сделать выводы о том, что методология медиакартирования апробирована на глобальном, национальном и локальном уровнях.

На глобальном уровне медиакартирование реализуется многими консалтинговыми и аналитическими центрами. В данной статье проанализирован опыт компании HolonIQ, представляющей ежегодную интерактивную медиакарту глобального образовательного ландшафта. Преимущества методологии, используемой HolonIQ, заключаются в том, что одновременное использование принципов восходящего и нисходящего анализа (сочетание количественных данных и экспертных интервью) позволяет создать целостный образ современного образования, отразить на карте как крупных игроков, так и новых участников, реализовать принципы типологии через группировку и сегментацию компаний в кластеры в зависимости от индикаторов: образовательные технологии, сегменты рынка B2C, B2C, B2G, целевая аудитория, особенности взаимодействия участников.

На национальном уровне был рассмотрен опыт Высшей школы экономики (Россия). В методологии исследователей наблюдается сочетание рыночных принципов (сегментация рынка, оценка выручки компаний) и оценки экспертных мнений. Анализ данной методологии показал, что такая исследовательская оптика позволяет выявить национальные особенности образовательного ландшафта, обусловленные глобальными трендами. В частности, были установлены причины и направления миграции компаний между сегментами рынка, новые типы коллабораций, образовательных коммьюнити, характерных для российского рынка образования, гибкие инструменты управления образовательным продуктом. Медиакарта образовательного ландшафта национального уровня показала развитие экосистемных связей, усиление горизонтальных связей, новые формы кооперации и партнерства, высокую активность игроков в медиапространстве.

На локальном уровне существуют карты отдельных регионов и городов. В данном исследовании показаны принципы картирования образовательного пространства городского уровня. Среди ключевых принципов картирования образовательного ландшафта на локальном уровне выделены следующие: отражение многообразия участников разного уровня (включая традиционных и нетрадиционных акторов, провайдеров формального и неформального, корпоративного обучения, EdTech — компаний, разных сегментов рынка, включая B2C, B2C, B2G, а также взаимное обучение P2P), нанесение на карту провайдеров с учетом функционального и видового разнообразия, постоянная обновляемость (динамичность) карты. Особенностью локального уровня является то, что современные

медиаинструменты позволяют соединять в едином пространстве (на одной медиакарте) существующие в физическом пространстве города образовательные компании, события с платформами-интеграторами образования и поставщиками открытых онлайн-курсов, представленными исключительно в медиапространстве. Такое расширение карты позволяет увидеть образовательные возможности, построить индивидуальные образовательные траектории, что обогащает образовательные стратегии горожан в контексте развития непрерывного обучения.

Анализ представленного опыта медиакартирования позволил выделить общие принципы:

— отражение многообразия участников разного уровня, представленных в физическом и медийном пространствах;

— использование для реализации картирования ресурсов медиапространства, позволяющих регулярного обновлять медиакарту; к таким ресурсам относятся витрины и маркетплейсы открытых образовательных курсов, программы мероприятий, приглашения на новые неформальные образовательные площадки, сайты образовательных организаций;

— сочетание количественной и качественной стратегий сбора и анализа данных, которые позволяют учитывать разнообразные параметры, выстраивать сегментацию и кластеризацию участников;

— формирование экосистемных отношений, так как современные принципы медиакартирования образовательного ландшафта позволяют не только зафиксировать наличие образовательной компании и характер деятельности, но и отразить новый характер связей, коллаборации и партнерства.

Анализ методологии картирования позволил оценить не только сами медиакарты разного масштаба, но и образовательный ландшафт. Авторы пришли к выводу, что образовательный ландшафт кардинально трансформируется за счет существенного изменения между подсистемами формального и неформального образования, акселерации EdTech-решений. Медиакарты образовательного ландшафта позволяют увидеть структурные и организационные сдвиги, обусловленные расширением образовательного пространства, появлением новых институциональных форм, оценить текущее состояние образовательного ландшафта и определить прогностические сценарии его развития. Современное образование мигрирует в медиапространство, где доступны новые высокотехнологичные образовательные решения (симуляторы, VR / AR, метавселенные и др.). Медиакарты образовательного ландшафта становятся основой для навигации, построения маршрутов профессионально-личностного развития в контексте непрерывного обучения.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Дискуссия* об инновационно-образовательном ландшафте Томской области: третий день форума «Педагогика XXI века» ТГПУ [Электронный ресурс]. — 21 апреля 2023 года. — Режим доступа : https://tspu.edu.ru/news/27466-diskussiya-ob-innovatsionno-obrazovatelnom-landshafte-tomskoj-oblasti-tretij-den-foruma-pedagogika-xxi-veka-tgpu.html (дата обращения 20.06.2024).

2. *М.Рейтинг.РФ.* Рейтинг медийной активности вузов. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://xn----ftbfmepluu.xn--p1ai/ (дата обращения 20.06.2024).

3. *Открытый* семинар ВШЭ по образованию. Будущее EdTech : кто мы, откуда, куда мы идем? [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=VaFtC2NpiCo (дата обращения 20.06.2024).

4. *2021* Global Learning Landscape. Holon IQ [Electronic resource]. — Access mode : https://www.globallearninglandscape.org/ (accessed 07.06.2024).

5. *Directorate* for Education and Skills. OECD [Electronic resource]. — Access mode : http://www.oecd.org/education/trends-shapingeducation-22187049.htm (accessed 17.06.2024).

6. *Holon IQ.* Global Market Intelligence for unrivaled data and insights on the impact economy [Electronic resource]. — Access mode : https://www.holoniq.com/ (accessed 07.06.2024).

7. *Ranking* web of universities. Официальный сайт [Electronic resource]. — Access mode : https://webometrics.info/en (accessed 01.07.2024).

8. *The L&D* global sentiment survey 2021 — the impact of covid [Electronic resource]. — Access mode : https://donaldhtaylor.co.uk/insight/the-ld-global-sentiment-survey-2021-first-thoughts/ (accessed 07.06.2024).

Литература

1. *Бектина Г. Ю.* Образовательный ландшафт как концепция философии образования / Г. Ю. Бектина // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе Учредители : Общество с ограниченной ответственностью» Научно-информационный центр» Интернум». — 2022. — № 36. — С. 190—193.

2. *Бояринов Д.* Образовательные ландшафты в контексте информационного образовательного пространства / Д. Бояринов // SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. V, May 28th-29th, 2021. Covid-19 impact on education information technologies in education innovation in language education. Rēzeknes. — 2021. — Pp. 295—307. — DOI: 10.17770/sie2021vol5.6445.

3. *Воякина Е. Ю.* Дискурсивные практики интернет-коммуникации в свете лингвистических исследований : системный обзор / Е. Ю. Воякина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Т. 15. — Выпуск 11. — С. 3469—3479. — DOI: 10.30853/phil20220590.

4. *Дементьева К. В.* Медиакоммуникации региона в условиях глобализации и глокализации информационного пространства (на примере СМИ Республики Мордо-

вия) / К. В. Дементьева // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 200—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-200-214.

5. *Демьянков В. З.* Лингвокреативность в дискурсах разных типов : Пределы и возможности : коллективная монография / В. З. Демьянков, Е. В. Захаркив, М. И. Киосе [и др.]. — Москва : Р. Валент, 2021. — 564 с. — ISBN 978-5-93439-625-2.

6. *Карасик В. И.* Жанры сетевого дискурса / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2019. — № 1 (21). — С. 49—55.

7. *Карасик В. И.* Профессиональный дискурс в цифровую эпоху / В. И. Карасик // В сборнике : Дискурсивные практики в цифровую эпоху : традиции и инновации. сборник статей по материалам Международной научной конференции. — Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024. — С. 110—120. — ISBN 978-5-91326-908-9.

8. *Кичерова М. Н.* Принципы экосистемного подхода : возможности для моделирования образовательной экосистемы / М. Н. Кичерова, И. С. Трифонова // Science for Education Today. — 2023. — Т. 13. — № 3. — С. 45—72. — DOI: 10.15293/2658-6762.2303.03.

9. *Коломиец В. П.* Концептуализация медиакоммуникации / В. П. Коломиец // Медиаскоп. — 2019. — Выпуск 4. — С. 2. — DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.2.

10. *Никонова Е. А.* Дискурсивная практика и коммуникативная стратегия : эклектика vs полипарадигматизм? / Е. А. Никонова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 6. — С. 123—139. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139.

11. *Осиповская Е. А.* Тренды образовательных технологий в России и мире в 2020 г. : анализ поисковых запросов в Google Trends / Е. А. Осиповская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Информатизация образования. — 2021. — Т. 18. — № 4. — С. 291—304. — DOI: 10.22363/2312-8631 2021-18-4-291-304.

12. *Семенов М. Ю.* Экосистема образования взрослых : конструирование терминологического поля и междисциплинарного тезауруса / М. Ю. Семенов, М. Н. Кичерова, И. С. Трифонова // Образование и наука. — 2024. — Т. 26. — № 3. — С. 12—39. — DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-12-39.

13. *Скалабан И. А.* Образы поселений : карта как соучастие / И. А. Скалабан // Ценности и смыслы. — 2015. — № 1 (35). — С. 38—51.

14. *Томасова Д. А.* Образовательные экосистемы : традиционные и нетрадиционные акторы в развитии территорий / Д. А. Томасова, Т. Е. Хавенсон, Д. О. Королева // Города будущего: пространственное развитие, соучаствующее управление и творческие индустрии. — 2021. — С. 349—373.

15. *Шилина М. Г.* Медиатизация в контексте глобального кризиса : темпоральность как модальность исследования / М. Г. Шилина // Российская школа связей с общественностью. — 2022. — № 24. — С. 45—57.

16. *Штейман М. С.* Тренды современной медиаиндустрии : мобильные приложения как новый формат СМИ / М. С. Штейман, О. А. Харитонов, Н. В. Зайцева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 2. — С. 245—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-245-267.

17. *Adner R.* Ecosystem as structure : An actionable construct for strategy / R. Adner // Journal of management. — 2017. — Vol. 43. — № 1. — Pp. 39—58. — DOI: 10.1177/0149206316678451.

18. *Aguillo I. F.* Webometric ranking of world universities : Introduction, methodology, and future developments / I. F. Aguillo, J. L. Ortega, M. Fernández // Higher education in Europe. — 2008. — Vol. 33. — № 2—3. — Pp. 233—244. — DOI: 10.1080/03797720802254031.

19. *A review* of the ecosystem concept—Towards coherent ecosystem design / M. Tsujimoto, Y. Kajikawa, J. Tomita, Y. Matsumoto // Technological forecasting and social change. — 2018. — Vol. 136. — Pp. 49—58. — DOI: 10.1016/j.techfore.2017.06.032.

20. *Couldry N.* MediaSpace : Place, scale and culture in a media age / A. Couldry, A. McCarthy. — London : Routledge, 2004. — 342 p. — ISBN 9780415291750.

21. *De Souza Rodrigues M. A.* An exploration of eLearning adoption in the educational ecosystem / M. A. de Souza Rodrigues, P. Chimenti, A. R. R. Nogueira // Education and Information Technologies. — 2021. — Vol. 26. — № 1. — Pp. 585—615. — DOI: 10.1007/s10639-020-10276-3.

22. *Gee J. P.* An introduction to discourse analysis : Theory and method / J. P. Gee. — London : Routledge, 2014. — 225 p.

23. *Handford M.* The Routledge handbook of discourse analysis / M. Handford, J. P. Gee. — London : Routledge, 2023. — 672 p. — ISBN 9780367473839.

24. *Media* space as an element of the digital educational ecosystem / O. A. Dubrova, J. M. Tsarapkina, A. A. Oshkina, J. O. Baikina, V. A. Ivanov // Revista Eduweb. — 2021. — Vol. 15. — № 1. — Pp. 134—144. — DOI: 10.46502/issn.1856-7576/2021.15.01.12.

25. *Ortega J. L.* Mapping world-class universities on the web / J. L. Ortega, I. F. Aguillo // Information Processing & Management. — 2009. — Vol. 45. — № 2. — Pp. 272—279. — DOI: 10.1016/j.ipm.2008.10.001.

26. *Tannen D.* The handbook of discourse analysis / D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2015. — 874 p.

27. *Williamson B.* Meta-edtech / B. Williamson // Learning, Media and Technology. — 2021. — Vol. 46. — № 1. — Pp. 1—5. — DOI: 10.1080/17439884.2021.1876089.

Статья поступила в редакцию 03.07.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 17.12.2024.

Material resources

2021 Global Learning Landscape. Holon IQ. Available at: https://www.globallearninglandscape.org/ (accessed 07.06.2024).

Directorate for Education and Skills. OECD. Available at: http://www.oecd.org/education/trends-shapingeducation-22187049.htm (accessed 17.06.2024).

Discussion about the innovative and educational landscape of the Tomsk region: the third day of the forum "Pedagogy of the XXI century" TSPU. (2023). Available at: https://tspu.edu.ru/news/27466-diskussiya-ob-innovatsionno-obrazovatelnom-landshafte-tomskoj-oblasti-tretij-den-foruma-pedagogika-xxi-veka-tgpu.html (accessed 20.06.2024). (In Russ.).

Holon IQ. Global Market Intelligence for unrivaled data and insights on the impact economy. Available at: https://www.holoniq.com/ (accessed 07.06.2024).

HSE Open Seminar on Education. The Future of EdTech: Who are we, where are we from, where are we going? Available at: https://www.youtube.com/watch?v=VaFtC2NpiCo (accessed 20.06.2024). (In Russ.).

M.Rating.RF. *Rating of media activity of universities. The official website.* Available at: https://xn----ftbfmepluu.xn--p1ai/ (accessed 20.06.2024). (In Russ.).

Ranking web of universities. Available at: https://webometrics.info/en (accessed 01.07.2024).

The L&D global sentiment survey 2021 — the impact of covid. Available at: https://donaldhtaylor.co.uk/insight/the-ld-global-sentiment-survey-2021-first-thoughts/ (accessed 07.06.2024).

References

Adner, R. (2017). Ecosystem as structure: An actionable construct for strategy. *Journal of management, 43 (1):* 39—58. DOI: 10.1177/0149206316678451.

Aguillo, I. F., Ortega, J. L., Fernández, M. (2008). Webometric ranking of world universities: Introduction, methodology, and future developments. *Higher education in Europe, 33 (2—3):* 233—244. DOI: 10.1080/03797720802254031.

Bektina, G. Y. (2022). The educational landscape as a concept of the philosophy of education. *Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian at universities and schools Founders: Limited Liability Company "Scientific Information Center Internum", 36:* 190—193. (In Russ.).

Boyarinov, D. (2021). Educational landscapes in the context of the information educational space. SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. *Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. V, May 28th—29th, 2021. Covid-19 impact on education information technologies in education innovation in language education. Rēzeknes.* 295—307. DOI: 10.17770/sie2021vol5.6445. (In Russ.).

Couldry, N., McCarthy, A. (2004). *MediaSpace: Place, scale and culture in a media age.* London: Routledge. 342 p. ISBN 9780415291750.

De Souza Rodrigues, M. A., Chimenti, P., Nogueira, A. P. P. (2021). An exploration of eLearning adoption in the educational ecosystem. *Education and Information Technologies, 26 (1):* 585—615. DOI: 10.1007/s10639-020-10276-3.

Dementyeva, K. V. (2020). Media Communications of the Region in Context of Globalization and Glocalization of Information Space (on Example of Mass Media of the Republic of Mordovia). *Nauchnyi dialog, 8:* 200—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-200-214. (In Russ.).

Demyankov, V. Z., Zakharkiv, E. V., Kiose, M. I. (2021). *Linguocreativity in discourses of different types: Limits and possibilities: a collective monograph.* Moscow: R. Valent. 564 p. ISBN 978-5-93439-625-2. (In Russ.).

Dubrova, O. A., Tsarapkina, J. M., Oshkina, A. A., Baikina, J. O., Ivanov, V. A. (2021). Media space as an element of the digital educational ecosystem. *Revista Eduweb, 15 (1):* 134—144. DOI: 10.46502/issn.1856-7576/2021.15.01.12.

Gee, J. P. (2014). *An introduction to discourse analysis: Theory and method.* London: Routledge. 225 p.

Handford, M., Gee, J. P. (2023). *The Routledge handbook of discourse analysis.* London: Routledge. 672 p. ISBN 9780367473839.

Karasik, V. I. (2019). Genres of network discourse. *Genres of speech, 1 (21):* 49—55. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2024). Professional discourse in the digital age. In: *In the collection: Discursive practices in the Digital Age: traditions and innovations. collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference.* Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky. 110—120. ISBN 978-5-91326-908-9. (In Russ.).

Kicherova, M. N., Trifonova, I. S. (2023). Principles of the ecosystem approach: opportunities for modeling the educational ecosystem. *Science for Education Today, 13 (3):* 45—72. DOI: 10.15293/2658-6762.2303.03. (In Russ.).

Kolomiets, V. P. (2024). Conceptualization of media communication. *Mediascope, 4:* P. 2. DOI: 10.30547/mediascope.4.2019.2. (In Russ.).

Nikonova, E. A. (2023). Discursive Practice and Communicative Strategy: Eclecticism vs Poly-paradigmatism? *Nauchnyi dialog, 12 (6):* 123—139. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-123-139 (In Russ.).

Ortega, J. L., Aguillo, I. F. (2009). Mapping world-class universities on the web. *Information Processing & Management, 45 (2):* 272—279. DOI: 10.1016/j.ipm.2008.10.001.

Osipovskaya, E. A. (2021). Trends in educational technologies in Russia and the world in 2020: analysis of search queries in Google Trends. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Informatization of education, 8 (4):* 291—304. DOI: 10.22363/2312-8631 2021-18-4-291-304. (In Russ.).

Semenov, M. Yu., Kicherova, M. N., Trifonova, I. S. (2024). The ecosystem of adult education: the construction of a terminological field and an interdisciplinary thesaurus. *Education and Science, 26 (3):* 12—39. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3-12-39. (In Russ.).

Shilina, M. G. (2022). Mediatization in the context of the global crisis: temporality as a modality of research. *Russian School of Public Relations, 24:* 45—57. (In Russ.).

Shteiman, M. S., Kharitonov, O. A., Zaitseva, N. V. (2024). Trends of Modern Media Industry: Mobile Applications as a New Format of Media. *Nauchnyi dialog, 13 (2):* 245—267. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-245-267. (In Russ.).

Skalaban, I. A. (2015). Images of settlements: a map as complicity. *Values and meanings, 1 (35):* 38—51. (In Russ.).

Tannen, D., Hamilton, H. E., Schiffrin, D. (2015). *The handbook of discourse analysis.* Hoboken: John Wiley & Sons. 874 p.

Tomasova, D. A., Havenson, T. E., Koroleva, D. O. (2021). Educational ecosystems: traditional and non-traditional actors in the development of territories. *Cities of the future: spatial development, participatory management and creative industries.* 349—373. (In Russ.).

Tsujimoto, M., Kajikawa, Y., Tomita, T., Matsumoto, Y. (2018). A review of the ecosystem concept—Towards coherent ecosystem design. *Technological forecasting and social change, 136:* 49—58. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.06.032.

Voyakina, E. Y. (2022). Discursive practices of Internet communication in the light of linguistic research: a systematic review. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (11):* 3469—3479. DOI: 10.30853/phil20220590. (In Russ.).

Williamson, B. (2021). Meta-edtech. *Learning, Media and Technology, 46 (1):* 1—5. DOI: 10.1080/17439884.2021.1876089.

The article was submitted 03.07.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 17.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Лату М. Н. Оценочное восприятие мемов молодежной интернет-аудиторией : пилотный психолингвистический эксперимент / М. Н. Лату, Н. А. Князев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 208—229. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-208-229.

Latu, M. N., Knyazev, N. A. (2024). Evaluative Perception of Memes Among Youth Internet Audiences: A Pilot Psycholinguistic Experiment. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 208-229. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-208-229. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Оценочное восприятие мемов молодежной интернет-аудиторией: пилотный психолингвистический эксперимент

Лату Максим Николаевич
orchid.org/0000-0002-6313-5637
кандидат филологических наук, профессор
кафедры западноевропейских языков и культур, ведущий научный сотрудник,
корреспондирующий автор
laatuu@yandex.ru

Князев Николай Александрович
orchid.org/0000-0001-6800-6589
кандидат филологических наук, доцент
кафедры экспериментальной лингвистики
и межкультурной компетенции
i@nknyazev.ru

Пятигорский государственный университет
(Россия, Пятигорск)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ в Пятигорском государственном университете

Evaluative Perception of Memes Among Youth Internet Audiences: A Pilot Psycholinguistic Experiment

Maksim N. Latu
orcid.org/0000-0002-6313-5637
PhD in Philology, Professor,
Department of Western European Languages
and Cultures, Leading Researcher,
corresponding author
laatuu@yandex.ru

Nikolai A. Knyazev
orcid.org/0000-0001-6800-6589
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Experimental Linguistics
and Intercultural Competence
i@nknyazev.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:
This research was funded by the Russian Science Foundation Grant № 22-18-20091, https://rscf.ru/project/22-18-20091/ at Pyatigorsk State University

© Лату М. Н., Князев Н. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается оценочное восприятие мемов и демотиваторов молодежной интернет-аудиторией в рамках пилотного психолингвистического эксперимента. Выявляется специфика оценочных мнений, вербальных реакций и составляющих данных поликодовых текстов, способных привлекать внимание. Анкетирование проводилось с использованием интернет-сервиса Yandex Forms. Испытуемыми выступили студенты в возрастной группе 18—22 лет в количестве 100 человек. В качестве стимульного материала использовались гетерогенные поликодовые тексты со статичным изображением в количестве 26 мемов и демотиваторов. Полученные результаты и статистические данные свидетельствуют о неоднозначности их оценочного восприятия и широте преференций испытуемых. Анализ оценочных мнений показывает, что предпочтение молодежной аудитории в большей степени отдается, в первую очередь, комичным, современным, оригинальным поликодовым текстам, точно отражающим жизненные реалии, в том числе связанные с социальным статусом испытуемых. Сообщается, что противоположную реакцию вызывали неактуальные, устаревшие мемы в плане формы и содержания, представляющиеся им несмешными и глупыми, противоречащие их взглядам. Также устанавливаются особенности оценочного восприятия и интерпретации элементов содержания мемов испытуемыми: вариативность в распределении интереса; поляризация мнений и оценок в отношении одного и того же элемента содержания; влияние индивидуальных предпочтений и личного опыта и др.

Ключевые слова:
мем; психолингвистический эксперимент; поликодовый текст; вербальная реакция; оценочное мнение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the evaluative perception of memes and demotivators among youth internet audiences within the framework of a pilot psycholinguistic experiment. The research identifies the specifics of evaluative opinions, verbal reactions, and the components of multimodal texts that effectively capture attention. Data collection was conducted using the online service Yandex Forms, with a sample of 100 participants aged 18 to 22 years. The stimulus materials comprised a heterogeneous set of multimodal texts, including 26 memes and demotivators featuring static images. The results and statistical analyses reveal the ambiguity in evaluative perceptions and the breadth of preferences among participants. Analysis of evaluative opinions indicates a strong preference among youth audiences for humorous, contemporary, and original multimodal texts that accurately reflect life realities, including those related to their social status. Conversely, outdated and irrelevant memes, both in form and content, elicited negative reactions, being perceived as unfunny and foolish, and contrary to their viewpoints. The study also highlights distinctive features in the evaluative perception and interpretation of meme content elements by participants, including variability in interest distribution, polarization of opinions regarding the same content element, and the influence of individual preferences and personal experiences.

Key words:
meme; psycholinguistic experiment; multimodal text; verbal reaction; evaluative opinion.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 81'42:004.738.5+316.776.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-208-229

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Оценочное восприятие мемов молодежной интернет-аудиторией: пилотный психолингвистический эксперимент

© Лату М. Н., Князев Н. А., 2024

1. Введение = Introduction

Благодаря активному развитию «современных цифровых технологий, изменивших текстовую реальность» [Пучкова и др., 2021, с. 75], поликодовые тексты стали привычным средством хранения и передачи информации в онлайн-коммуникации. При этом формирование представлений о мире, собственного мировосприятия тесно связано с интерпретацией окружающей действительности [Болдырев и др., 2022], что находит отражение в их содержании. Тесное взаимодействие элементов разных семиотических систем в составе поликодовых текстов [Davison, 2012] обусловливает их способность оказывать комплексное прагматическое воздействие на адресата [Grundlingh, 2017; Гукосьянц, 2023; Алимурадов и др., 2023]. Сегодня широкое распространение получил «графико-вербальный вид поликодового текста, включающий статическое изображение и сопровождающую его надпись либо динамическое изображение (видеоряд), дополненное текстовым или аудиальным комментарием» [Бородавко, 2024, с. 385]. К поликодовым текстам со статичным визуальным компонентом, в частности, относятся мемы и демотиваторы, которые и находятся в фокусе внимания в данной работе.

Некоторые ученые выделяют демотиваторы как полноценный жанр с присущими ему внешней организацией, функциями и характером информации, тем не менее ряд лингвистов рассматривают их как разновидность мемов [Сложность восприятия ..., 2021, с. 78]. Исследователи называют в числе основных свойств передаваемой мемами информации прецедентность и нацеленность на узнавание [Wiggins et al., 2014; Максимова, 2019]. Значимой представляется и их способность, с одной стороны, отражать текущие события, реакции на них представителей социума, а с другой стороны, формировать данные реакции [Горбатов и др., 2021; Валуев, 2023], оказывать воздействие на адресата, во многом вследствие их вирусной природы [Денисова и др., 2021].

В связи с этим ученые вполне справедливо указывают на важность изучения интерпретации содержания данных поликодовых текстов в аспекте транслируемых смыслов в целом и их составляющих [Валуев, 2023]. Как отмечает Р. И. Захаров, «наличие вербального компонента и возможность лингвистической интерпретации иконической части делают мем релевантным объектом для проведения лингвистического анализа, главное, чтобы был возможен анализ основных семантических составляющих текста» [Захаров, 2024, с. 92]. При этом множественность интерпретаций может быть обусловлена разными факторами, среди которых фоновые знания [Александрова и др., 2024]. Мемы имеют минималистичную внешнюю организацию для облегчения декодирования смысла пользователем [Щурина, 2014], что способствует их активной эксплуатации в современной интернет-коммуникации [Тимошина, 2023], где, как полагает ряд исследователей, их использование представляет собой своеобразную рекапитуляцию пиктографического письма в условиях современности [Савицкий и др., 2020].

Вышеназванные особенности поликодовых текстов сделали их частыми объектами лингвистических исследований и экспертиз с использованием различных методов и подходов [Лату и др., 2022]. Согласно Р. М. Фрумкиной, «в большинстве наук о человеке эксперимент — один из способов получения знания» [Фрумкина, 2004, с. 19], проведение которого предполагает специальную организацию ситуации исследования [Гукосьянц, 2024]. Л. В. Щерба считал эксперимент важным инструментом анализа, способствующим более глубокому пониманию речевой деятельности человека [Щерба, 1974]. Так, в частности, свободный эксперимент с демонстрацией картинки испытуемому успешно применялся для установления связи между вербальным и невербальным элементами поликодового текста, при этом предполагалось, что «полученные реакции будут, скорее всего, номинациями изображенного объекта или описанием сюжета» [Нежура, 2011, с. 130]. Согласно О. М. Куницыной, около 70 % всей информации доносится до адресата невербально: слова передают информацию, невербалика выдает отношение к этой информации, чувства и эмоции. Эти элементы тесно связаны между собой и для адекватного восприятия передаваемой поликодовым текстом информации потребуется «декодирование и интерпретация всех компонентов сообщения» [Куницына, 2020, с. 74].

С. В. Тимошина экспериментально исследовала характер считываемости языковой игры в интернет-мемах с использованием методики прямого толкования, что позволило ей установить 4 уровня языковой рефлексиии (от высокого до нулевого) при восприятии и интерпретации их содержания [Тимошина, 2023]. В своем исследовании Г. В. Денисова, Л. Г. Свитич и О. В. Смирнова указывают на возможность изучения этнокультурных

сходств и различий в восприятии мемов, на примере анализа реакций русскоязычной и китаеязычной аудиторий на мемы, посвященные COVID-19, им удалось установить, что в обоих случаях данные поликодовые тексты реализуют у молодежи компенсаторную функцию, помогая преодолеть тяготы пандемии, при этом обнаруживаются определенные различия на гендерном уровне, в эмоциональном отношении и сюжетных предпочтениях [Денисова и др., 2021]. Эмпирический подход позволяет заглянуть и в будущее, например, выявить существующий на данный момент спектр представлений молодежи о потенциальных изменениях, которые могут коснуться данного жанра в будущем, что было осуществлено Д. С. Горбатовым и П. Ю. Гурушкиным в отношении интернет-мемов новостного характера [Горбатов и др., 2021].

Таким образом, использование экспериментальных методов нередко позволяет выявить информацию об объекте исследования, которую невозможно получить альтернативными методами [Сложность восприятия …, 2021]. В связи с этим *целью* настоящего исследования является изучение особенностей оценочного восприятия русскоязычных визуальных поликодовых текстов (мемов и демотиваторов) молодежной аудиторией студентов в рамках пилотного психолингвистического эксперимента, специфики оценочных мнений и вербальных реакций, составляющих данных поликодовых текстов, способных привлекать внимание, и особенностей их интерпретации.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе настоящего исследования был проведен психолингвистический эксперимент с использованием метода анкетирования. Его участниками стали студенты ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», обучающиеся по программам высшего профессионального образования. Общее количество испытуемых составило 100 человек в возрасте от 18 до 22 лет. Анонимная анкета была разработана с использованием ресурсов и функционала интернет-ресурса Yandex Forms и включала инструкцию по выполнения задания, упорядоченный перечень поликодовых текстов-стимулов, состоящий из 26 мемов и демотиваторов, синхронизированные с ними вопросы анкеты и поля ответов. Предложенные поликодовые тексты были получены методом сплошной выборки со страниц социальных сетей и интернет-платформ, среди которых ВКонтакте, Telegram, где они были размещены в открытом доступе, при этом учитывалась их гетерогенность в плане формы и содержания (разные объем текстовой части, формат вербального и иконического компонентов, количество элементов и сложность структуры, поджанровая принадлежность и др.). В состав выборки вошли поликодовые тексты как развлекательного характера, так и социальной направленности,

в том числе посвященные COVID-19, образованию, взаимоотношениям, а также различным обыденным жизненным ситуациям и вопросам. Задача дифференциации по тематикам и другим аспектам на данном этапе исследования в рамках пилотного эксперимента не ставилась. Исполнителям было предложено последовательно ознакомиться с представленными поликодовыми текстами, ответив на вопросы к каждому, в частности, выбрав из перечня мемов и демотиваторов те, которые привлекли их внимание, если бы они им случайно встретились в сети Интернет. Так, в рамках первого вопроса испытуемые должны были оценить каждый мем / демотиватор, выбрав один из трех вариантов ответа: 1. обратил(-а) бы внимание; 2. не обратил(-а) бы внимание; 3. точно не обратил(-а) бы внимание. При выборе варианта 1 и 3 испытуемому предлагалось ответить на второй вопрос, пояснив, почему он так считает, оставив комментарий в соответствующем текстовом поле. Если испытуемый выбирал 2-й вариант, сразу осуществлялся переход к следующему поликодовому тексту. При выборе 1-го варианта в первом вопросе испытуемым также предлагалось ответить и на 3-й вопрос, что конкретно в составе вербальной и / или иконической части данного поликодового текста сразу привлекло внимание, оставив свой комментарий в соответствующем текстовом поле, далее осуществлялся переход к следующему поликодовому тексту. По результатам эксперимента была получена выборка текстовых ответов испытуемых, общий объем которой составил 1865 вербальных реакций. Данные обрабатывались с привлечением методов контент-анализа, интерпретативного анализа, сопоставительного анализа и количественного анализа, в том числе с использованием функционала программы Microsoft Excel.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Количественные данные о специфике выбора поликодовых текстов испытуемыми и особенности их вербальных реакций

Анализ полученных анкетных данных позволил выявить ряд особенностей при оценочном восприятии анализируемых поликодовых текстов. В первую очередь, согласно полученным данным, необходимо отметить достаточно прогнозируемый факт, что все 100 % предложенных мемов и демотиваторов в выборке в большей или меньшей степени привлекли внимание определенного числа испытуемых, что еще раз служит подтверждением такой характерной черты данных текстов, как актуальность содержания, и свидетельствует о том, что, с одной стороны, спектр предпочтений и интересов аудитории весьма широк, а с другой — жанр мема как таковой пользуется популярностью в молодежной среде. Как показал анализ, доля наиболее популярных мемов и демотиваторов, которые привлекли внима-

ние наибольшего числа (более 50 %) испытуемых, составляет 15,4 % в составе выборки, иными словами, таковым являлся каждый седьмой поликодовый текст в среднем. При этом необходимо отметить, что на каждый из предложенных мемов и демотиваторов, в том числе наименее популярные, по той или иной причине обратили внимание не менее 10 % испытуемых.

Наименьшее число мемов, отмеченных испытуемыми, составляет 1. Количество таких респондентов сравнительно невелико и составляет 5 % от общего числа участников эксперимента (еще 4 % испытуемых отметили по 2 мема), как, собственно, и респондентов, отметивших наибольшее число поликодовых текстов в выборке — лишь 1 %, чье внимание привлекли 23 мема (88,4 % всех поликодовых текстов в выборке). Согласно полученным данным, в среднем испытуемые отмечали по 7 мемов и демотиваторов из предложенного перечня, то есть их внимание привлекли 26,9 % мемов и демотиваторов в выборке. При этом чаще всего испытуемые (25 % респондентов) выбирали именно по 4 и 6 мемов и демотиваторов (что составляет 15 % и 23 % соответственно от общего числа выборки). Это может являться свидетельством того, что респонденты достаточно критично настроены в оценке креолизованных текстов, что также находит отражение и в их комментариях, в том числе к непопулярным поликодовым текстам выборки.

Отвечая на вопрос, почему тот или иной мем / демотиватор привлек внимание, респонденты давали как краткие, так и развернутые комментарии. При этом данные ответы представляли собой как оценочные мнения, так и общие не всегда конкретные рассуждения, в том числе о личных предпочтениях, преференциях в обществе в целом, а также представляющие попытку субъективного анализа, например, *«смешной», «забавный», «оригинальный», «яркий», «жизненный»; «хороший, но устаревшее оформление», «я не сразу его понял, но потом как понял», «люблю СИМС и нарисованные мемы легче и приятнее воспринимаются», «птичка со злыми бровями выглядит забавно, потому что люблю птичек, пусть чирикают 25/7», «отсылка к одному известному на Пикабу комиксисту», «формат переписки благодаря характерному минимализму даёт доступ к широкому спектру рофлов, но не нужно делать из этого демотиватор с явно лишним очень смешным комментарием автора»* и др. Заметим также, что одной из ярких особенностей данных комментариев к анализируемым текстам является частотность функционирования экспрессивных, эмоционально-оценочных языковых единиц, в том числе разговорной лексики, сленга, жаргона, междометий и др., что отчасти вполне может быть обусловлено эмоциональным откликом и влиянием особенностей жанра данных поликодовых текстов, для которого они также характерны, на специфику вербальных реакций. При этом краткие формулировки в зна-

чительной степени превалировали над развернутыми комментариями, что в целом представляется весьма ожидаемым результатом. Рассмотрим установленные оценочные мнения более подробно.

3.2. Особенности оценочных мнений, приводимых в качестве причин аттрактивности и отсутствия интереса

Необходимо отметить, что особенностью вербализации данных оценочных мнений помимо конкретных частотных лексем стало использование значительного количества их синонимов и близких по значению языковых средств, выражений, которые образуют соответствующие конкретные лексико-семантические группы, например, оценочное мнение «смешной» также вербально репрезентировалась такими языковыми средствам, как *«смешно», «смешливый», «ха-ха», «рофл», «ржу», «это ржака»* и др.; оценочное мнение «жизненный» выражалось соответствующей лексемой, а также следующими вербальными средствами *«жиза», «правда», «правдиво», «это так», «реалистичненько»* и др.; оценочное мнение «актуальный» также выражалась посредством языковых средств *«злободневно», «современный мем»* и др.

Как показали результаты анализа, согласно ответам испытуемых, чаще всего мем привлекал их внимание, когда они считали его смешным (28,6 %), например, *«смешная птица», «смешная картинка», «вот это смешно»* и др. (табл. 1) Также среди наиболее популярных причин назывались «жизненный» (18,8 %), «актуальный» (15,6 %), «оригинальный» (8,7 %), например: *«это жизненная ситуация», «очень жизненная ситуация, за исключением того, что это происходит в 3 утра», «жиза», «актуальная тема», «необычная картинка хочется разглядеть её»*, а также «забавный» (5,7 %), «интересный» (4,6 %), «милый» (3,4 %). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что студенческую аудиторию в мемах привлекает в первую очередь то, что вызывает положительные эмоции, связано непосредственно с их социальным статусом, соответствует реальному положению действительности и текущей ситуации, как было отмечено одним из респондентов: *«согласна, так как, являясь студентом, мемы привлекают внимание из-за схожести с реальной жизнью»* (воспроизводятся точные формулировки респондентов). Несколько реже в комментариях нашли отражение такие оценочные мнения, как «привлекательный» (2,2 %), «непонятный» (2,2 %), «ностальгический» (2 %), «абсурдный» (1,8 %), «глупый» (1,8 %), «яркий» (1,6 %). Необходимо также отметить, что испытуемыми указывались и иные, не столь частотные оценочные мнения: «вызывающий одобрение», «отталкивающий», «вызывающий несогласие», «глупый», «странный», «немногословный», «понятный» и др., — доля которых от общего числа в совокупности составила 3 %. При этом следует отметить, что некоторые из них явля-

ются специфичными и частотными для определенных поликодовых текстов в выборке. К таковым, в частности, относится оценочное мнение «абсурдный», которое является весьма репрезентативным для отдельных мемов и демотиваторов (рис. 1).

Таблица 1

Процентное соотношение оценочных мнений, приводимых в качестве причин аттрактивности

Пояснение причины респондентом	**% выбравших данный ответ**	**Пояснение причины респондентом**	**% выбравших данный ответ**
«смешной»	28.6%	*«привлекательный»*	2.2%
«жизненный»	18.8%	*«непонятный»*	2.2%
«актуальный»	15.6%	*«ностальгический»*	2%
«оригинальный»	8.7%	*«абсурдный»*	1.8%
«забавный»	5.7%	*«глупый»*	1.8%
«интересный»	4.6%	*«яркий»*	1.6%
«милый»	3.4%	*иные причины*	3%

При этом процентное соотношение приводимых оценочных мнений, бесспорно, подвижно для разных поликодовых текстов и может различаться в приоритетности в зависимости от их особенностей и специфики содержания. Так, демотиватору, иконическая часть которого представлена изображением морской свинки и брокколи, а вербальная часть лексемой *«почему»* (рис. 1), характеристику «смешной» дали 35,4 % респондентов, «абсурдный» — 16,6 %, «оригинальный» — 12,5 %. Несколько менее частотными были «глупый» (10,4 %), «непонятный» (10,4 %), «милый» (4,1 %), «забавный» (4,1 %), «актуальный» (4,1 %), иные причины составили 2 %.

Рис. 1. Демотиватор «Морская свинка и брокколи»
Demotivator “Guinea Pig and Broccoli”

Среди комментариев к поликодовому тексту «Преподаватель и студент на лекциях и на экзамене» (рис. 2) преобладали оценочные мнения «жизненный» (32,5 %) и актуальный (30,2 %), что во многом объясняется текущим социальным статусом испытуемых, частотной была также и реакция «смешной» (23,3 %). Реже указывали «оригинальный» (4,7 %), «милый» (4,7 %), «интересный» (2,3 %) и немногословный (2,3 %).

Рис. 2 Мемная картинка «Студент и преподаватель на лекциях и на экзамене»
Internet meme “Student and teacher at lectures and exams”

Заметим, что в качестве ответов, почему обратили внимание, для отдельных текстов наряду с положительными также указывались (но реже) и негативные оценочные мнения, например, «глупый», «непонятный», «странный» и др., в том числе когда респондент, по-видимому, не согласен с содержанием, а также диаметрально противоположные, например, «смешной» и «несмешной» и др. Так, на поликодовый текст-загадку «Морская свинка и брокколи» с неочевидным содержанием обращали внимание как те, кто для себя ответил на транслируемый вопрос, так и те, кто его не понял, посчитал абсурдным, указав: *«это очень смешно, прямо мой юмор», «постироничные мемы всегда работают», «настолько глупо, что смешно», «я ничего не понял», «абсурдный юмор»* и др.

Называя причины, почему, по их мнению, конкретные поликодовые тексты в выборке точно не привлекают внимание, испытуемые также приводили ряд оценочных мнений. Как показали результаты анализа комментариев, основной причиной индифферентной или негативной реакции является потеря популярности и релевантности транслируемых смыслов или визуальных составляющих поликодового текста: «устаревший» (в плане формы) — 15,6 % и «неактуальный» в плане содержания — 13,7 %, например: *«устаревшее оформление мема», «кринж, устаревший юмор», «устарело, как из одноклассников (ничего личного)», «тролл фейсы давно вышли из моды», «уже не совсем актуально».* Такие оценочные характеристики, как «не-

смешной» (12,7 %) и «глупый» (12,2 %), были несколько менее распространены, и, давая такие ответы, испытуемые, таким образом, показывали, что не разделяют юмористический настрой автора, считают шутку неудачной и даже примитивной, что, возможно, в свою очередь, также может быть связано с отсутствием в них «актуальности»: *«глупо», «глупый формат», «потому что несмешной и непонятный»*. К несколько менее распространенным оценочным мнениям относятся также «неприятный» (9,8 %), «непонятный» (7,4 %), «неинтересный» (6,9 %), «многословный» (5,9 %), «несоответствующий предпочтениям» (испытуемого) (5,4 %), банальный (5,4 %), «скучный» (2,5 %), например, «*неприятные цвета*», «*жалко людей, неприятно смотреть*», «*неприятные ассоциации*», «*уродство*», «*какой ужас», «вообще не поняла», «не могу вникнуть в содержание», «неинтересно», «слишком много читать»,* «*не согласен*», «*не совсем относится ко мне, поэтому не откликается*», *«мемы с котами и подписями — банальность»* и т. д., которые в целом указывают на то, что испытуемые не находят конкретный поликодовый текст остроумным или привлекательным, считают его слишком простым, не понимают смысл или отмечают несоответствие их взглядам или интересам. К иным причинам относится перечень низкочастотных оценочных мнений, среди которых «знакомый», «абсурдный», «странный», «примитивный» и др., составляющие в совокупности 2,5 %.

Таблица 2

Процентное соотношение оценочных мнений, приводимых в качестве причин отсутствия привлекательности

Пояснение причины респондентом	**% выбравших данный ответ**	**Пояснение причины респондентом**	**% выбравших данный ответ**
«устаревший»	15.6 %	«неинтересный»	6.9 %
«неактуальный»	13.7 %	«многословный»	5.9 %
«несмешной»	12.7 %	«не соответствующий предпочтениям»	5.4 %
«глупый»	12.2 %	«банальный»	5.4 %
«неприятный»	9.8 %	«скучный»	2.5 %
«непонятный»	7.4 %	иные причины	2.5 %

Отметим, что для отдельных рассматриваемых мемов и демотиваторов доминировали не столь частотные оценочные мнения, что напрямую связано со спецификой их формы и содержания. Так, для непопулярного поликодового текста «Недовольный мужчина с кулаком и длинный текст» (рис. 3) среди приведенных ответов, почему он не привлек внимание испытуемых, наиболее частотным стало оценочное мнение «многословный»

(72 %): *«слишком много текста, который не привлекает внимание», «много букв», «большой текст», «слишком много читать», «очень много текста», «длинный текст», «многа букаф», «много бессмысленного текста и картинка не подходит», «слишком длинный текст для мема»* и др. Реже указывались «несмешной» (12 %), «не соответствующий предпочтениям» (8 %), «глупый» (4 %) и «странный» (4 %).

Рис. 3. Мемная картинка «Недовольный мужчина с кулаком и длинный текст»
Internet meme “A disgruntled man with a fist and a long text”

Таким образом, анализ ответов позволяет говорить о том, что, просматривая поликодовые тексты, респонденты в первую очередь обращают внимание на те из них, в которых представлена информация, отвечающая критериям актуальности и оригинальности, а то, что не видится таковым, не кажется смешным или в чем-то противоречит взглядам автора, воспринимается как банальность, отвергается, что отчасти может быть продиктовано существующими ожиданиями у испытуемых в отношении мемов и демотиваторов как разновидности развлекательного контента.

3.3. Особенности идентификации и интерпретации составляющих поликодовых текстов в фокусе внимания испытуемых и проблемные аспекты восприятия

Анализ ответов на вопрос о том, что именно привлекло внимание испытуемых в отмеченных ими поликодовых текстах, также выявил ряд трудностей и характерных особенностей в идентификации, оценке и интерпретации их составляющих молодежной аудиторией участников интернет-комму-

никации, которые нашли отражение в их вербальных реакциях. Так, ожидаемо больший интерес вызывала визуальная часть (изображение целиком или его элементы) — 56 % всех ответов, что коррелирует с результатами других исследований, посвященных данному вопросу, несколько реже испытуемые указывали на связь вербального и графического компонентов мема / демотиватора или смысл, передаваемый их сочетанием — 28,1 %, сама вербальная часть и ее отдельные составляющие привлекли внимание лишь в 15,9 % случаев. Более того, ряд респондентов указали в качестве причины привлекательности того или иного мема малое количество текста.

Важно заметить, что, как показал анализ полученных комментариев, испытуемые далеко не всегда могли точно определить и сформулировать, что конкретно привлекло их внимание в том или ином поликодовом тексте. Так, ответы нередко содержали неоднозначные интерпретации, а некоторые респонденты вообще пропускали этот вопрос. При этом доля таких ответов, где испытуемые оставляли данное поле пустым, не уточняя, что их привлекло в выбранных мемах, составила 28,3 %, что относительно много. Вышесказанное отчасти может объясняться и тем, что кратко и точно обосновать свое мнение у испытуемого не получалось, а пускаться в многословные рассуждения не было желания и участник эксперимента, следуя по пути наименьшего сопротивления, оставлял заполняемое поле пустым. На то, что респонденты испытывали затруднения, указывает и тот факт, что зачастую давались ответы общего характера, без конкретизации, например: *«картинка», «текст», «изображение», «элемент изображения», «изображение в целом», «приятная ассоциация», «не могу сказать», «слова», «надписи», «все вместе», «я не знаю», «знакомый фильм», «знакомый кадр», «просто нелепое сочетание», «подача»* и др. Связь с вербальным или иконическим копонентом также не всегда конкретизировалась, например: *«картинка с текстом», «весь мем», «все и сразу»* и др. Некоторые испытуемые ссылались на личный опыт, например: *«моя жизнь», «я так делаю», «у меня мама так говорит по телефону», «нравится читать переписки»* и т. д.

В первую очередь, необходимо отметить, что при ответе на поставленный в данном задании вопрос наблюдалась вариативность в распределении интереса испытуемых при комментировании содержания различных поликодовых текстов. Так, в комментариях испытуемыми указывались конкретные элементы изображения или лексемы в составе вербального компонента. При этом в одних поликодовых текстах, как показывает анализ, таким объектом интереса выступал преимущественно один и тот же элемент, а в других разные. Например, в поликодовом тексте «Кот на карантине» (рис. 4) таковым выступал только иконический элемент — кот,

что нашло отражение в комментариях: *«кот», «котик», «котиик», «милый котик», «котики прикольные», «это котики, котики нравятся всем, не так обращаешь внимание на текст, как на котика»*. В ответах же к поликодовому тексту «Морская свинка и брокколи» (рис. 1) нашли отражение все три его составляющих: морская свинка, брокколи и лексема *«почему»*. Данный факт, с одной стороны, представляет интерес для установления потенциальных причин такого неоднозначного распределения выбора испытуемых, а с другой стороны, для определения возможного перечня элементов, выступающих в качестве триггеров и аттракторов внимания, условий, которые стоят за этим, что требует привлечения гораздо большего объема исследовательского материала.

Рис. 4. Мемная картинка «Кот на карантине»
Internet meme “Cat in quarantine”

Также примечательно, что при указании конкретного элемента испытуемые нередко давали оценочную субъективную характеризацию самому указываемому объекту, раскрывая тем самым особенности своего восприятия и отношения к увиденному, достраивая и дополняя актуализируемую в меме ситуацию, например: «*котик — это приятно*», «*смешной кот*», «*милый котик*», «*голосовухи — зло*», «*Рон на приколе*», «*гмо вредит*», «*текст не нравится*», «*старая рисочка*» и т. д. На данный факт указывает и использование с этой целью уменьшительно-ласкательных суффиксов, в частности суффикса *-ик*. Так, в ответах к поликодовому тексту «Кот на карантине» лексема «*котик*» встречалась в 65,9 % случаев, тогда как просто «*кот*» только в 34,1 %, что практически в 2 раза меньше.

Еще одной выявленной особенностью стала поляризация мнений и оценок в отношении одного и того же элемента содержания. Как показывают результаты анализа, один и тот же указанный элемент и поликодовый текст, где он представлен, могли получать противоположную оценку. Вышесказанное касается и элементов, которые у большинства испытуемых вызывали как положительные, так и отрицательные реакции. Так, среди комментариев в отошении мемов с котами, несмотря на популярность этих образов, были, хоть и в меньшинстве, и оценки с негативной тональностью, например: «*коты в мемах — банальность*», «*не нравятся мемы с котами*». Напротив, длинный текст в вербальной части, который в большинстве ответов оценивался негативно и интерпретировался как причина непривлекательности мема (например, «*очень много текста*», «*слишком много читать*», «*много букв*»), при этом в ряде комментариев оценивался положительно, например, «*интересный, большой текст, который хочется прочитать, чтобы уловить смысл*» и др. (рис. 3).

Следует отметить и неоднозначность интерпретации испытуемыми визуальных элементов, которые привлекали их внимание. Так, в отдельных случаях можно было наблюдать неточность формулировок, например, «*большой текст*» вместо *«крупный шрифт»*, когда сам вербальный компонент состоял из нескольких слов. Также испытуемые в отдельных случаях осуществляли неточную или неверную идентификацию иконического элемента. Например, в меме «Морская свинка и брокколи» (рис. 1) животное иногда идентифицировали как хомяка («*хомяк*», «*хома*», «*хомячок*») или бобра, а значит, у респондентов не получилось верно интерпретировать транслируемый смысл в данном поликодовом тексте.

Испытуемые интерпретировали визуальные образы с разной степенью детализации и с использованием формулировок разной степени абстракции, например, «*герой*», «*знакомый герой*», «*знакомый герой из фильма*» (рис. 2). В комментариях к мемам с известными личностями и персонажами фильмов и мультфильмов либо приводилась лексема «герой», либо указывались конкретные имена персонажей, их эмоциональные состояния, в том числе посредством указания на выражение лиц, например, *«Рон Уизли», «Рон», «Уизли», «герой из Гарри Поттера», «Рон на приколе», «изображение именно с Роном», «лицо Рона», «скорченное лицо»,* «*выражение лиц людей на картинке*» и др., что может свидетельствовать о разной степени узнаваемости персонажей и отношения к ним с учетом личного опыта испытуемых. Также при интерпретации визуального элемента, на который они обратили внимание, испытуемые нередко давали уточнения сообразно изображению, например: вместо «*студенты*» — «*спящие студенты*», «*студенты, лежащие на парте*», «*спящие на парте*», «*студенты, которые спят на парах*» (рис. 5).

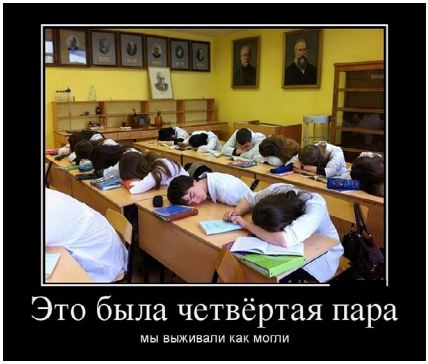


Рис. 5. Демотиватор «Четвертая пара»
Demotivator “The forth lesson”

Особое внимание в ответах испытуемых уделялось реализации в отдельных мемах и демотиваторах приемов сравнения и контраста, например, «*контраст*», «*контраст людей*», «*разница между людьми*», «*яркий контраст*», а также гиперболизации и литоты, в том числе в визуальной части, что отражалось в вербальных реакциях испытуемых относительно непривычных, выходящих за рамки нормы образов, например: «*большой мужчина*», «*мужчина справа, так как он огромный*», «*накаченный мужчина*», «*очень худой*», «*паренек с забором сливается*» (рис. 6).

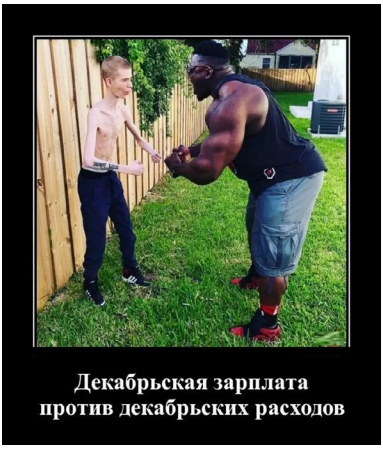


Рис. 6. Демотиватор «Зарплата против расходов»
Demotivator “Pay versus expenses”

В целом из результатов анализа ответов следует, что в большей степени могут привлекать внимание актуализируемые визуальные образы персонажей, в том числе традиционно популярные в интернет-среде (такие как котики), актуальные мемные образы и шаблоны, известные личности и персонажи (фильмов, мультфильмов, компьютерных игр), их эмоциональные реакции, неожиданные сочетания элементов поликодового текста, непривычные образы и стиль, непонятный и неочевидный смысл, яркие цвета, реализация контраста, гиперболизации и литоты, крупный шрифт, небольшой объем текста, эстетически привлекательные образы, образы и ситуации, вызывающие приятные ассоциации на основе субъективного опыта испытуемых (нравится фильм, персонаж и т. д.). Напротив, испытуемые чаще пропускали поликодовый текст и переходили к следующему, в качестве обоснования отмечая более неактуальные, старые мемные образы и шаблоны, избитые клише, большой объем текста, простоту и банальность смысла, не вызывающее эмоционального отклика содержание, блеклые цвета, ненормативную лексику, неэстетичные отталкивающие образы и стиль, образы и ситуации, вызывающие неприятные ассоциации с учетом индивидуальных предпочтений и личного опыта, что напрямую может быть связано с социальным статусом и уровнем образования испытуемых.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, результаты анализа показали неоднозначность оценочного восприятия и интерпретации компонентов рассматриваемых поликодовых текстов испытуемыми. Так, количество мемов и демотиваторов, которые привлекли внимание разных респондентов, значительно варьируется и в среднем составляет 26,9 % от их общего числа в выборке, их выбор характеризуется разнообразием в каждом случае, доля наиболее популярных поликодовых текстов при этом составила 15,4 %, что отчасти свидетельствует как о широте предпочтений, так и об определенной критичности восприятия, что нашло непосредственное отражение в вербальных реакциях испытуемых. Последние представляли собой лаконичные или развернутые формулировки оценочных мнений и рассуждений, не всегда конкретных, особенностью которых является частотность экспрессивной и разговорной лексики, что свидетельствует об эмоциональном отклике испытуемых. Анализ оценочных мнений, характеризующихся широким спектром средств вербализации, показал, что в целом предпочтение в большей степени отдавалось в первую очередь комичным, по их мнению, поликодовым текстам, также современным, точно отражающим жизненные реалии, в том числе связанных с социальным статусом испытуемых, оригинальным. Противоположную реакцию вызывали неактуальные, устаревшие в плане формы и

содержания мемы, а также представляющиеся участникам эксперимента несмешными и глупыми, противоречащие их взглядам. Некоторые оценочные мнения были специфичными и высокочастотными для конкретных поликодовых текстов, что связано со спецификой последних.

К характерным для участников интернет-коммуникации особенностям восприятия и интерпретации элементов содержания мемов, которые нашли отражение в вербальных реакциях в ходе эксперимента, относятся: вариативность в распределении интереса испытуемых к деталям содержания различных поликодовых текстов (совпадение и несовпадение в выборе конкретных объектов интереса, которыми становились как визуальные, так и вербальные составляющие); субъективная характеризация и оценка упоминаемых объектов интереса, в том числе с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов и оценочных лексем; выражение собственного отношения к элементам в фокусе внимания, достраивание и дополнение актуализируемой в меме ситуации на основе собственных умозаключений; поляризация мнений и оценок в отношении одного и того же элемента содержания; неоднозначность интерпретации визуальных образов с разной степенью их детализации; идентификация и интерпретация визуального образа также с опорой на связанное с ним знание, вербально или иконически выраженное в тексте (его характеристики, пространственная и временная локализация); аттрактивный характер таких стилистических средств, как сравнение, контраст, гипербола и литота; влияние индивидуальных предпочтений и личного опыта.

Среди составляющих анализируемых поликодовых текстов, которые в большей степени привлекают внимание, испытуемые указывали популярные в интернет-среде образы, актуальные для их поколения мемные образы и шаблоны, узнаваемые персонажи фильмов, их эмоциональные реакции, неожиданное сочетание компонентов, крупный шрифт и др., тогда как обратную реакцию чаще вызывали: неактуальные и устаревшие, по мнению испытуемых, мемные образы и шаблоны, избитые клише, большой объем текста, банальность смысла, неэстетичные образы и др. В ходе исследования также были установлены трудности, связанные с интерпретацией визуального контента, которые выражались в неточных формулировках, ошибочной идентификации объекта, его вербализации с разной степенью абстракции. При этом необходимо отметить, что часть респондентов испытывала трудности при определении компонентов содержания, которые привлекали их внимание, оставляя поля ответов пустыми или давая неконкретные абстрактные комментарии, что указывает на возможность использованием специального оборудования для преодоления данной проблемы и перспективы проведения дальнейших исследований.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Литература

1. *Александрова О. И.* Конструирование и интерпретация мемов : смех против паники / О. И. Александрова, А. С. Борисова, С. А. Москвичева // Когнитивные исследования языка. — 2024. — № 1—2 (57). — С. 374—379.

2. *Алимурадов О. А.* Функциональный потенциал поликодового текста в городском пространстве : лингвосемиотический аспект / О. А. Алимурадов, М. А. Горбунова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 142—165. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-142-165.

3. *Болдырев Н. Н.* Сравнительные конструкции как механизм вторичной интерпретации знаний о мире / Н. Н. Болдырев, Е. Д. Блохина // Журнал Сибирского федерального университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2022. — № 15 (11). — С. 1713—1722. — DOI: 10.17516/1997-1370-0946.

4. *Бородавко Л. Т.* Психологическое исследование поликодового текста противоправной направленности : логико-семантический и послойный методы / Л. Т. Бородавко, Н. Н. Силкин, В. А. Корзунин // Российский девиантологический журнал. — 2024. — № 4 (3). — С. 382—393. — DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-382-393.

5. *Валуев И. А.* Особенности восприятия англоязычных Интернет-мемов коронавирусной тематики : экспериментальное исследование / И. А. Валуев // в многомерном пространстве современной лингвистики : Сборник работ молодых ученых. — Москва : Р. Валент, 2023. — Выпуск 3. — С. 20—26. — ISBN 978-5-93439-649-8.

6. *Горбатов Д. С.* Новостные интернет-мемы с политическим подтекстом в восприятии молодежи / Д. С. Горбатов, П. Ю. Гурушкин // Век информации (сетевое издание). — 2021. — Т. 5. — № 1 (14). — С. 47—60. — DOI: 10.33941/age-info.com51(14)10.

7. *Гукосьянц О. Ю.* Метафорические переосмысления образа медицинского работника и образа COVID-19 в демотиваторах периода пандемии / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 9. — С. 142—161. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161.

8. *Гукосьянц О. Ю.* Предупреждение конфликта в сети Интернет в ситуации распространения коронавирусной инфекции (результаты опроса респондентов) / О. Ю. Гукосьянц // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 141—158. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-141-158.

9. *Денисова Г. В.* Глава 16. Психологические и этнокультурные особенности восприятия молодежной аудиторией в России и Китае интернет-мемов на тему COVID-19 / Г. В. Денисова, Л. Г. Свитич, О. В. Смирнова // Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / Факультет психологии МГУ имени М. В. Ломоносова. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» Издательский Дом (типография), 2021. — С. 383—401.

10. *Захаров Р. И.* Деталь изображения в поликодовом тексте макро-мема как лингвосемиотический механизм формирования оценочности / Р. И. Захаров // Коммуникативные исследования. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 89—103. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183.

11. *Куницына О. М.* Особенности построения и восприятия поликодовых текстов в современной коммуникации / О. М. Куницына // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2020 — № 9 (838). — С. 69—82.

12. *Лату М. Н.* Моделирование статического поликодового текста посредством сетевого анализа (демотиватор, посвященный проблемам самоизоляции) / М. Н. Лату, А. А. Левит, М. Б. Гаврилова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 3. — С. 62—77. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-62-77.

13. *Максимова С. А.* Новостной мем как интернет-жанр / С. А. Максимова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2019. — № 5 (202). — С. 95—101. — DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-95-101.

14. *Нежура Е. А.* Интерсемиотическая проксонимия в поликодовых рекламных текстах : экспериментальное исследование / Е. А. Нежура // Вопросы психолингвистики. — 2011 — № 14. — С. 128—137.

15. *Савицкий А. С.* Интернет-мемы и интеллект : рекапитуляция пиктографической письменности? / А. С. Савицкий, А. Н. Харитонов, К. И. Ананьева // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. — Москва : Институт психологии РАН, 2020. — С. 1491—1499.

16. *Сложность* восприятия демотиваторов и мемов : экспериментальное исследование / А. В. Горбачева, А. А. Берлин Хенис, А. Н. Пучкова, М. А. Осадчий // Вестник ВолГУ. Серия 2 : Языкознание. — 2021. — Т. 20. — № 2. — С. 74—86. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7.

17. *Тимошина С. В.* Языковая игра в жанре интернет-мема : проблема считываемости / С. В. Тимошина // Linguistica Juvenis. — 2023. — № 25. — С. 183—194.

18. *Фрумкина Р. М.* Психолингвистика : что мы делаем, когда говорим и думаем / Р. М. Фрумкина. — Москва : ГУ ВШЭ, 2004. — 24 с.

19. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность / под ред. Л. Р. Зиндера, М. И. Матусевич. — Ленинград : Наука, 1974. — С. 24—39.

20. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы: проблема типологии / Ю. В. Щурина // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2014. — № 6 (59). — С. 85—89.

21. *Davison P.* The language of internet memes / P. Davison // The Social Media Reader. — 2009. — Pp. 120—134.

22. *Grundlingh L.* Memes as Speech Acts / L. Grundlingh // Social Semiotics. — 2017. — Vol. 28 (2). — Pp. 1—22.

23. *Wiggins B. E.* Memes as genre : A structurational analysis of the memescape / B. E. Wiggins, G. B. Bowers // New Media & Society. — 2014. — Vol. 1 (21). — Pp. 1—21.

Статья поступила в редакцию 11.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 17.12.2024.

References

Alexandrova, O. I., Borisova, A. S., Moskvicheva, S. A. (2024). Construction and interpretation of memes: laughter against panic. *Cognitive studies of language, 1—2 (57):* 374—379. (In Russ.).

Alimuradov, O. A., Gorbunova, M. A. (2023). Functional Potential of Multilingual Text in Urban Space: a Linguistic-Semiotic Perspective. *Nauchnyi dialog, 12 (10):* 142—165. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-142-165 (In Russ.).

Boldyrev, N. N., Blokhina, E. D. (2022). Comparative constructions as a mechanism of secondary interpretation of knowledge about the world. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities, 15 (11):* 1713—1722. DOI: 10.17516/1997-1370-0946. (In Russ.).

Borodavko, L. T., Silkin, N. N., Korzunin, V. A. (2024). Psychological study of a polycode text of an illegal orientation: logical-semantic and layered methods. *Russian Deviantological Journal, 4 (3):* 382—393. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-382-393. (In Russ.).

Davison, P. (2009). The language of internet memes. *The Social Media Reader.* 120—134.

Denisova, G. V., Svitich, L. G., Smirnova, O. V. (2021). Chapter 16. Psychological and ethnocultural features of perception by the youth audience in Russia and China of Internet memes on the topic of COVID-19. In: *Psychological support of the COVID-19 pandemic.* Moscow: Lomonosov Moscow State University Publishing House (printing house). 383—401. (In Russ.).

Frumkina, R. M. (2004). *Psycholinguistics: what we do when we talk and think.* Moscow: Higher School of Economics. 24 p. (In Russ.).

Gorbacheva, A. V., Berlin Henis, A. A., Puchkova, A. N., Osadchy, M. A. (2021). The complexity of perception of demotivators and memes: an experimental study. *Bulletin of the Volga State University. Series 2: Linguistics, 20 (2):* 74—86. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7. (In Russ.).

Gorbatov, D. S., Gurushkin, P. Y. (2021). Internet news memes with political overtones in the perception of youth. *The Age of Information (online edition), 5 / 1 (14):* 47—60. DOI: 10.33941/age-info.com51(14)10. (In Russ.).

Grundlingh, L. (2017). Memes as Speech Acts. *Social Semiotics, 28 (2):* 1—22.

Gukosyants, O. Yu. (2023). Reimagining Healthcare Workers and COVID-19 in Demotivational Posters During Pandemic. *Nauchnyi dialog, 12 (9):* 142—161. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-142-161 (In Russ.).

Gukosyants, O. Yu. (2024). Conflict Prevention in Internet during Spread of Coronavirus Infection (Survey Results). *Nauchnyi dialog, 13 (1):* 141—158. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-141-158 (In Russ.).

Kunitsyna, O. M. (2020). Features of the construction and perception of polycode texts in modern communication. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 9 (838):* 69—82. (In Russ.).

Latu, M. N., Levit, A. A., Gavrilova, M. B. (2022). Static Polycode Text Modeling Using Network Analysis (Demotivator Dedicated to Problems of Self-Isolation). *Nauchnyi dialog, 11 (3):* 62—77. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-62-77. (In Russ.).

Maksimova, S. A. (2019). News meme as an Internet genre. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 5 (202):* 95—101. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-5-95-101. (In Russ.).

Nezhura, E. A. (2011). Intersemiotic proxonymy in polycode advertising texts: an experimental study. *Questions of psycholinguistics, 14:* 128—137. (In Russ.).

Savitsky, A. S., Kharitonov, A. N., Ananyeva, K. I. (2020). Internet memes and intelligence: recapitulation of pictographic writing? In: *Human abilities and mental resources in*

the world of global change. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 1491—1499. (In Russ.).

Shcherba, L. V. (1974). On the threefold aspect of linguistic phenomena and on the experiment in linguistics. In: *Linguistic system and speech activity.* Leningrad: Nauka. 24—39. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2014). Internet memes: the problem of typology. *Bulletin of Cherepovets State University, 6 (59):* 85—89. (In Russ.).

Timoshina, S. V. (2023). Language game in the genre of Internet meme: the problem of readability. *Linguistica Juvenis, 25:* 183—194. (In Russ.).

Valuev, I. A. (2023). Features of the perception of English-language Internet memes of coronavirus topics: an experimental study. In: *In the multidimensional space of modern linguistics: A collection of works by young scientists, 3.* Moscow: R. Valent. 20—26. ISBN 978-5-93439-649-8. (In Russ.).

Wiggins, B. E., Bowers, G. B. (2014). Memes as genre: A structurational analysis of the memescape. *New Media & Society, 1 (21):* 1—21.

Zakharov, R. I. (2024). Detail of the image in the polycode text of a macro-meme as a linguosemiotic mechanism for the formation of evaluativeness. *Communicative research, 11 (1):* 89—103. DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-9-162-183. (In Russ.).

The article was submitted 11.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 17.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Хутыз И. П. Элементы продвигающего дискурса в аннотации англоязычной академической статьи / И. П. Хутыз // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 230—250. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-230-250.

Khoutyz, I. P. (2024). Elements of Promotional Discourse in English-Language Academic Abstracts. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 230-250. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-230-250. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Элементы продвигающего дискурса в аннотации англоязычной академической статьи

Хутыз Ирина Павловна
orcid.org/0000-0003-4141-5395
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра прикладной лингвистики
и новых информационных
технологий
ir_khoutyz@hotmail.com

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Elements of Promotional Discourse in English-Language Academic Abstracts

Irina P. Khoutyz
orcid.org/0000-0003-4141-5395
Doctor of Philology, Professor,
Department of Applied Linguistics
and New Information Technology
ir_khoutyz@hotmail.com

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

© Хутыз И. П., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выявлению элементов продвигающего дискурса в текстах англоязычных аннотаций. Исследовательский корпус включает десять аннотаций к высокоцитируемым статьям из журнала «Journal of Linguistics». Показано, что на лексическом уровне продвигающий аспект представлен узконаучными терминами и отсылками к экспериментальному характеру исследования. Установлено, что грамматические особенности аннотации реализуются глаголами активного действия, настоящим временем, сочетанием активного и пассивного залогов, местоимением *we*, с помощью которого авторы конструируют диалог с читателем, а также степенью сравнения имени прилагательного. Выявлено, что предложения аннотации сложные, содержат уточняющую информацию. Отмечается, что в аннотациях вводятся параллельные конструкции и перечисления — приемы экспрессивного синтаксиса, способствующие усилению значимости результатов исследования. На лингвопрагматическом уровне выделены ссылки на источники, количественные данные, контекстуализация исследования и противопоставление. Указанные приемы интерпретируются как нацеленные на репрезентацию определенных свойств научной работы: высокую значимость, масштабность, надежность, преодоление неполноты предшествующих исследований коллег. Сделан вывод о том, что продвигающие особенности аннотации могут быть выражены импликативно, однако, как и подобает продвигающему тексту, направлены на привлечение внимание к исследованию и личности автора.

Ключевые слова:
продвигающий дискурс в науке; текст аннотации; научно-популярный дискурс; научные коммуникации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on identifying elements of promotional discourse within English-language abstracts. The research corpus comprises ten abstracts from highly cited articles published in the *Journal of Linguistics*. It is demonstrated that at the lexical level, the promotional aspect is represented by specialized terminology and vocabulary that emphasizes the experimental nature of the research. Additionally, it is established that grammatical features of the abstract are realized through action-oriented verbs, present tense, a combination of active and passive voice, and the use of the pronoun “we,” which the authors employ to construct a dialogue with the reader. The analysis reveals that the sentences in the abstracts are complex and contain clarifying information. Notably, parallel constructions and enumerations — expressive syntactic techniques — are introduced in the abstracts to enhance the significance of the research findings. At the linguo-pragmatic level, references to sources, quantitative data, contextualization of the study, and contrasts are highlighted. All of these techniques are interpreted as aimed at representing specific attributes of the scientific work: high significance, breadth, reliability, and overcoming the limitations of previous research by colleagues. The conclusion is drawn that the promotional features of the abstract may be expressed implicitly; however, as is characteristic of promotional texts, they are directed towards attracting attention to both the research and the author.

Key words:
promotional discourse in science; abstract text; popular scientific discourse; academic communications.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 001.4:004.738.5+316.776.3
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-230-250

Научная специальность ВАК
5.9.6. Языки народов зарубежных стран
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Элементы продвигающего дискурса в аннотации англоязычной академической статьи

© Хутыз И. П., 2024

1. Введение = Introduction

Аннотация является «визитной карточкой статьи» [Косычева и др., 2022, с. 8], «первой порцией», на основании чего адресат судит о значимости информации [Obeng et al., 2023]. Написанию аннотации посвящено много работ, что связано с высокой значимостью данного строго регламентированного текста. Неудивительно, что аннотации как тексту и как структурному компоненту академического дискурса посвящено много исследований. Например, О. М. Силкина характеризует аннотацию как информационно-реферативный жанр, имеющий письменную форму и являющийся вторичным по своей природе [Силкина, 2018]. Также активно изучаются особенности структурной организации аннотации [Косычева и др., 2022; Wijaya et al., 2022], и, как следствие, лингвисты приходят к мнению о том, что эффективно составленная аннотация, как правило, включает риторические подразделы «Введение», «Методы» и «Результаты», что способствует ее информативности и продвижению результатов исследования [Косычева и др., 2022].

В ряде исследований аннотации отмечается стремление лингвистов систематизировать междисциплинарные различия в ее написании. Пытаясь определить риторические вариации аннотаций к статьям по лингвистике и по инженерному делу, А. Галаидин [Galaidin, 2021] изучил 30 текстов аннотаций и указал на их очевидное сходство: авторы-лингвисты и авторы-инженеры используют примерно одинаковое количество слов, схожие риторические ходы, настоящее время, не используют цитаты и редко используют личные местоимения. Безусловно, были выделены и незначительные отличия. Так, в аннотациях авторов-лингвистов допускается введение форм глаголов прошедшего времени, а авторы-инженеры используют почти исключительно настоящее время. Также в аннотациях статей авторов-инженеров обильно присутствуют акронимы и различного рода сокращения [Galaidin, 2021].

Была изучена и лингвистическая специфика текста аннотации. К лексическим особенностям аннотации относят наличие терминологии, клише, лексику с оценочной и абстрактной семантикой [Силкина, 2018], а грамматические особенности характеризуются использованием настоящего времени, пассивных конструкций. Русскоязычные лингвисты отмечают редкое использование местоимений и отсутствие вопросительных и восклицательных конструкций [Силкина, 2018], в то время как англоязычные исследования указывают на переход от употребления местоимений третьего лица [Graetz, 1985] к введению местоимений первого лица, подчеркивающих ответственность автора за результаты исследования [Galaidin, 2021].

Очевидно, что аннотация представляет собой важнейший аспект академического дискурса, а ее исследования направлены на систематизацию особенностей, позволяющих автору эффективно передать суть собственного исследования, привлечь к нему внимание и заинтересовать читателя, чем и обусловлен ее продвигающий характер.

Влияние продвигающей культуры на академический дискурс было отмечено еще в 1993 году британским исследователем дискурса Н. Фэрклоу. Сравнив дискурс университетского проспекта за 1967—1969 годы с современными проспектами, автор обнаружил, что академический дискурс подвергся влиянию продвигающих практик: это прослеживалось в стремлении британских университетов «продать» свои образовательные программы потенциальным студентам [Fairclough, 1995]. Современные университеты и их сотрудники находятся в состоянии конкуренции за получение грантов, привлечение студентов и другие ресурсы [Stašková, 2013], а продвигающие стратегии выступают в качестве инструмента, с помощью которого академическое сообщество выделяет себя. Ученые в первую очередь заявляют о себе с помощью своего исследования, опираясь при этом на различные лингвистические средства, например, конструкции экспрессивного синтаксиса или самоцитирование.

Описание и оценочность были отмечены как типичные свойства продвигающего дискурса, с помощью которых автор может указать, как конкретный предмет описания отличается от других [Bhatia, 2005]. Так, при информировании об обучающих курсах по математике отмечалось формирование нарратива, в котором знания математики ассоциировались с красотой, властью и обществом [Lee, 2023]. Подобным образом в аннотации ученые описывают свое исследование и указывают на его уникальность, значимость, новизну, опираясь на лексику с позитивной коннотацией [Afros et al., 2009]. К продвигающим особенностям дискурса аннотации некоторые лингвисты относят лексику с положительной коннотацией, а также хеджи — лексические единицы, направленные на усиление и / или

ослабление пропозиционального содержания информации, а в последнее время все чаще используемые для придания оттенка привлекательности и надежности информации [Грибанова, 2023].

Таким образом, аннотация выступает важным элементом (жанром) академического дискурса, информирующим об исследовании и продвигающим деятельность ученого. Эффективная аннотация формирует у аудитории интерес к деятельности автора и, как следствие, способствует повышению его цитируемости. Поиск способов написания подобных увлекательных аннотаций представляет собой актуальную и сложную задачу в связи со строгими критериями, которым она должна соответствовать. Данное исследование посвящено выявлению языковых средств в англоязычной аннотации, способствующих привлечению внимания к научному труду. Лингвисты уже начали обращать внимание на продвигающие особенности научного дискурса в целом [Peng et al., 2024] и аннотации в частности [Jiang, 2016], отмечая процесс субъективации научного дискурса, заключающегося в подробном описании авторской позиции и вклада исследования в дисциплинарное поле [Wróblewska, 2021]. Соответственно, понимание, какие дискурсивные средства могут помочь автору составить аннотацию, удерживающую внимание читателя, представляется значимой и актуальной задачей. Данное исследование посвящено изучению текстов англоязычных аннотаций к статьям по лингвистике с целью выявления их особенностей, которые, возможно, способствуют повышению интереса к самой статье.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель исследования заключается в выявлении продвигающих элементов в текстах англоязычных аннотаций к статьям, опубликованным в журнале «Journal of Linguistics» (Cambridge University Press). Указанный журнал является одним из самых влиятельных в мире изданий в области лингвистики, освещая разнообразие научных вопросов на протяжении уже более 40 лет. Журнал индексируется в международных базах, в том числе и в базах Scopus и Web of Science. В исследовательский корпус методом целенаправленной выборки были включены 10 аннотаций к статьям, которые были опубликованы за последние три года и которые характеризуются изданием как наиболее часто цитируемые (Most cited). Подобные критерии поиска размещены на официальном сайте издания.

Далее лексический, грамматический и прагматический уровни текстов аннотаций были изучены с позиций функционально-прагматического анализа для определения их продвигающего потенциала. Функциональный анализ позволил определить функции языковых средств, которые используют авторы статей, с учетом их целей и жанровых специфик рассматри-

ваемого дискурса. Прагматический аспект анализа расширил понимание функциональных особенностей языковых средств рассматриваемых аннотаций в контексте их использования, так как направил наше внимание на особенности взаимоотношения автора с читателем, на стремление автора впечатлить и заинтересовать читателя. Соответственно, тексты аннотаций были рассмотрены с точки зрения воздействия, оказываемого на реципиента, и трансляции автором импликативных смыслов. Подобным образом были изучены все 10 аннотаций, после чего выявленные в них элементы продвигающего дискурса подверглись систематизации, классификации и интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Характеристика продвигающего дискурса

Продвигающий компонент, то есть направленность на продажу товара или услуги, изначально считался особенностью рекламного дискурса. Структура рекламного текста отражает эту направленность: наличие заголовка (названия продукта), обращение к целевой аудитории с помощью акцентирования ключевых слов, описание товара или услуги, стимулирование ответной реакции (для этого указывается, к примеру, сайт магазина, адрес или телефон) способствуют формированию персуазивных стратегий, типичных для продвигающего дискурса. Соответственно, важным условием для создания продвигающего текста выступает его четкая структура, составляющая основу для ясности и аргументативности [Sholikhah, 2019]. Лексика, которая вызывает положительные чувства и доверие к информации у реципиента, формирует в системе структуры текста привлекательность продукта.

Продвигающий аспект характерен для научно-популярного дискурса, в котором, к примеру, конструируется взаимосвязь науки с индивидуальным и социальным благополучием. В таком случае для дискурса характерна гибридность охватываемых сфер, что отражается в наличии научной, медийной, поучительной (дидактической) и продвигающей составляющей дискурса. Отмечается также, что продвигающий дискурс направлен на мотивирование аудитории (не)выполнить определенные действия [Giering, 2016]. На языковом уровне это моделируется с помощью вопросительных и восклицательных конструкций, подробных описаний и контекстуализации проблемы таким образом, что она связывается с интересами потенциального читателя. С помощью императивных средств автор побуждает адресата к желаемому действию. Подобную особенность можно наблюдать, к примеру, в объявлениях о программах бакалавриата или магистратуры, размещенных на сайте вуза, в которых потенциальный адресат сначала узнает о программе обучения и ее составляющих, а потом, предпо-

ложительно, верит в ее уникальность и значимость, после чего становится ее участником.

Э. А. Зоидзе отмечает трансформацию роли книжной аннотации, а именно — ее переход «из разряда справочного аппарата в область маркетинговой коммуникации, рекламы и продвижения книги» [Зоидзе, 2024, с. 54]. И, хотя книжная аннотация отличается от научной аннотации, представляется, что умозаключение Э. А. Зоидзе о сочетании в тексте аннотации объективного (факты) и субъективного (оценка) справедливо характеризует одну из ключевых черт данного жанра.

Далее рассмотрим, какие особенности продвигающего дискурса можно выявить в англоязычной аннотации к высокоцитируемым статьям по лингвистике.

3.2. Лексические особенности англоязычной аннотации как продвигающего дискурса

На лексическом уровне в рассмотренных аннотациях обращает на себя внимание частое использование авторами узконаучных лингвистических терминов: *sonority onset clusters (звонкие согласные кластеры в начале слога)* (здесь и далее перевод наш. — *И. Х.*) [Schwartz, 2023] (фонетика); *rival affixes (конкуренция аффиксов)* [Nagano, 2023] (морфология); *collostructional analysis (коллоструктурный анализ)* [Hartmann et al., 2023] (семантика и синтаксис). Также авторы используют лексику, которая подчеркивает экспериментальный характер исследований, усиливая ощущение надежности полученных результатов. Так, при описании собственного исследования в аннотации авторы используют следующие выражения: *first experimental study (первое экспериментальное исследование)* [Bîlbîie et al., 2023], *substantial (существенный), data-driven (основанный на данных, конкретных показателях)* [Van Der Klis et al., 2022], *original approach (оригинальный подход), extensive (обширный), empirical (эмпирический)* [Villa-García et al., 2024]. Авторы описывают свое исследование как *original approach (оригинальный подход)* в двух аннотациях [Espinal et al., 2022; Villa-García et al., 2024]; также встречаются такие фразы, как *broad empirical study (обширное эмпирическое изучение)* [Lieber et al., 2022], *empirical investigation (эмпирическое исследование)* [Hartmann et al., 2023]. В следующем примере мы видим, что авторы статьи характеризуют свое исследование как оригинальный подход к рассмотрению темы. Хотя данное словосочетание представляет их собственную оценку, то есть может быть охарактеризовано как субъективное, оно не вызывает сомнения, так как употребляется в научном тексте узкой тематики, предназначенном для ограниченного числа специалистов в данной области: *In this paper we present an original approach to analyze the compositionality of indefinite expressions in Romance…* [Espinal

et al., 2022, p. 535] *(В этой статье мы представляем оригинальный подход к анализу формирования выражений со значением неопределенности в романских…)*.

Таким образом, лексический уровень преимущественно представлен узконаучными лингвистическими терминами, которые создают для читателя эффект достоверности, способствуют формированию впечатления о высокой значимости исследования на основе представлений о своего рода элитарности (замкнутости, непроницаемости, доступности ограниченному кругу посвященных в знание) науки вообще и каждой научной специальности в частности. Лексика, подчеркивающая экспериментальный характер исследования, создает впечатление надежности сделанных авторами выводов и формирует привлекательность информации об исследовании.

3.3. Грамматические особенности англоязычной аннотации как продвигающего дискурса

Дискурс аннотации содержит значимое число глаголов активного действия. Они демонстрируют активное действие и вносят в нарратив энергетический заряд [Ghubin, 2021]. Можно предположить, что для научного дискурса типичны глаголы состояния, концентрирующиеся на внутреннем, ментальном или психологическом статусе и обозначающие, например, мыслительную деятельность [Quirk et al., 1985]. Однако, как показывает исследование, их количество минимально, а вот глаголы активного действия представлены в большом разнообразии во всех аннотациях, например, *facilitate (облегчить), find (найти), fill in (заполнить), document (фиксировать), uncover (обнаружить), address (обратиться, рассмотреть), explore (изучить), test (проверить), trace (отследить), encode (кодировать), conduct (проводить), reduce (сокращать), investigate (исследовать), end up (оказаться).* В следующем примере мы наблюдаем употребление глагола *end up* который автор использует для описания типологии маркеров указания гендера*: They therefore end up being organized in inconsistent paradigms* [Berg, 2023, p. 1] *(Они таким образом оказываются организованными в непостоянные парадигмы)*.

Обратим внимание на еще один пример: *We piece together the puzzle and do so in a data-driven way by comparing the use of the present perfect through a parallel corpus*… [Van Der Klis et al., 2022, p. 423] *(Мы решаем эту головоломку и делаем это с помощью конкретных данных, сравнивая использование настоящего совершенного времени в параллельном корпусе)*. В данном примере авторы используют фразовый глагол *piece together (собрать воедино)*, причем собирают они “the puzzle”, то есть их исследование позволяет решить головоломку. Также в этом высказывании присутствует еще один глагол активного действия *do* (*делать)*. Лексические

единицы *data-driven*, *corpus* и др. подчеркивают экспериментальный характер исследования, описываемого в аннотации. Использование глаголов активного действия вместе с подобной лексикой предназначено для убеждения в том, что авторы провели комплексное исследование и проверили сделанные выводы экспериментальным путем. Также ранее было отмечено, что глаголы коммуникации, которые входят в состав глаголов активного действия, например, *argue (спорить), ascertain (утверждать), confirm (подтверждать)*, *conclude (делать вывод), encode (кодировать)*, способствуют риторической эффективности дискурса и оптимизируют коммуникативное взаимодействие вовлеченных сторон [Пономаренко и др., 2015].

Девять аннотаций используют настоящее время для описания исследования и его результатов; активный залог представлен во всех аннотациях, а в восьми из десяти аннотаций с помощью местоимений *we (мы)* и активного залога репрезентирована личность автора, то есть конструируется взаимодействие между автором и реципиентом информации. Авторы внедряют в текст аннотации местоимение, чтобы подчеркнуть свой внушительный вклад в исследование темы: *In sum, we argue that the concept of snowclones, if properly defined, can contribute substantially to our understanding of creative language use…* [Hartmann et al., 2023, p. 1] *(Одним словом, мы утверждаем, что понятие фразы-клише, если его правильно определить, может внести значимый вклад в наше понимание креативного использования языка…)*. Авторы используют активные конструкции с местоимением *we* для объяснения своей научной позиции, акцентируя свой значимый вклад в изучение темы статьи. Опираясь на активный залог и глаголы действия, авторы описывают, что было ими предпринято для достижения сформулированной цели. Следующие варианты сочетания местоимения *we* и глагола в функции сказуемого присутствуют в аннотациях: *we piece together (мы собираем воедино); we ascertain (мы утверждаем); we confirm (мы подтверждаем); we argue (мы доказываем)* (2 раза); *we show (мы показываем)* (3 раза); *we reveal (мы раскрываем); we examine (мы рассматриваем); we give (мы даем); we provide (мы предоставляем)* (2 раза); *we document (мы фиксируем); we use (мы используем)* (2 раза); *we test (мы проверяем)* (2 раза); *we conduct (мы проводим)* и др. Глагол *show* встретился в трех аннотациях, например: *We show that this account makes a range of welcome predictions while sidestepping non-trivial problems…* [Villa-García et al., 2024, p. 213] *(Мы показываем, что подобное описание позволяет сделать целый ряд важных прогнозов, одновременно обходя стороной нетривиальные проблемы…)*.

Сравнение, выраженное либо степенью сравнения имени прилагательного, либо конструкцией, присутствует в семи аннотациях. Следующий пример иллюстрирует употребление фразы *as obvious as can be (настолько*

очевидно, насколько это возможно), которая используется автором в первом предложении аннотации для более яркого описания существующего отношения к обсуждаемой теме (которое затем противопоставляется его собственному пониманию проблемы): *Since the sex of the speaker is normally as obvious as can be, there is no point in coding first-person singular gender …* [Berg, 2023, p. 1] *(Так как пол говорящего обычно настолько очевиден, насколько это возможно, нет смысла кодировать гендер первого лица единственного числа …)*.

Подобным образом авторы еще одной статьи усиливают значимость собственного исследования, отмечая существующую «слишком сильную уверенность» — *too strong claims* по теме исследования, не подтвержденную, однако, их экспериментальными данными: *Our results show, on the one hand, that the 'No Embedding Constraint' makes too strong claims that are not backed up by our experimental findings …* [Bîlbîie et al., 2023, p. 389] *(Наши результаты показывают, что, с одной стороны, «отсутствие запрета на встраивание предложения» представляет собой очень сильную уверенность, которая не была подтверждена нашими экспериментальными показателями)*. Аналогичным образом авторы противопоставляют собственное исследование предшествующим с помощью конструкции *rather than (а не)*, указывая на значимость полученных результатов: *We also document that an important role is played by the specific verb underlying the nominalization rather than the aspectual class of verb* [Lieber et al., 2022, p. 307] *(Мы также фиксируем, что важную роль выполняет глагол, лежащий в основе номинализации, а не аспектные классы глагола)*.

Синтаксические конструкции аннотации демонстрируют, что авторы активно цитируемых статей не стремятся к упрощению этих текстов. Для аннотаций характерны сложные предложения, в которых придаточные вводят дополнительную поясняющую информацию с помощью разнообразия союзов, таких как *as; where; while*; *if*, местоимения *which*. Например, в следующем, уже упомянутом ранее, примере союз *if (если)* вводит уточнение, важное для понимания значимости правильного определения обсуждаемого понятия: *In sum, we argue that the concept of snowclones, if properly defined, can contribute substantially to our understanding of creative language use*… [Hartman et al., 2023, p. 1].

Также было отмечено использование параллельных конструкций в четырех аннотациях, которые фокусируют внимание аудитории на выделяемой информации. Синтаксический параллелизм относят к «синтаксическим носителям экспрессивности», выполняющим воздействующую роль в коммуникации и придающим тексту убедительную тональность [Бондаренко, 2019, с. 419]. Параллельные конструкции, как правило, представ-

ляют собой синтаксически однотипные части предложения с частичным совпадением лексем. В результате данного повторения происходит коммуникативный «прием нарастания», «когда каждое последующее высказывание важнее в смысловом отношении и сильнее в эмоциональном» [Там же, с. 422]. Параллельные конструкции позволяют установить связь между двумя и более идеями, одновременно выражая собственную оценку и обеспечивая фокус на значимых для понимания понятиях [Хутыз, 2022]. Подобная конструкция придает тексту ясность, ритмичность, что удерживает фокус читателя, усиливает аргументы адресанта и в целом способствует легкости восприятия информации [Parallelism]. Идея, усиленная с помощью параллельной конструкции, делает дискурс ясным, динамичным и убедительным [Watling, 2015].

Рассмотрим пример из исследовательского корпуса. С помощью параллельных конструкций авторы фокусируют внимание читателя на фундаментальной проблеме деривационной морфологии, которую они анализируют в статье: *This paper addresses a fundamental problem of derivational morphology: which meanings are possible for the words of a given morphological category, which forms can be chosen to express a given meaning* [Lieber et al., 2022, p. 307] *(Эта статья обращается к фундаментальной проблеме словообразовательной морфологии: какие значения возможны для слов определенной морфологической категории, какие формы возможны для того, чтобы выразить данное значение)*. Перечисление проблем, затрагиваемых авторами статьи, с помощью параллельных конструкций сообщает читателю о том, что в статье решается много задач, то есть подчеркивается масштаб и основательность проведенной работы.

Вообще наиболее частотным синтаксическим приемом является именно перечисление, которое считается проявлением речевой экспрессии [Melnichuk, 2013], позволяет более интенсивно выразить идеи автора и, таким образом, впечатлить адресата значимостью полученных результатов или охватом проделанного исследования. Зарубежные ученые тоже отмечают в своих статьях, что перечисление создаёт ощущение «масштабности» и может выполнять ряд функций: 1) эпистемическую, направленную на расширение знаний, усиления внимания к новой информации и 2) эстетическую, которая проявляется в том, что перечисление формирует ощущение бесконечности и изобилия [Junge, 2019].

В нашем исследовательском корпусе данный прием реализован в восьми аннотациях. Масштаб охвата проделанного исследования, а, соответственно, и его значимость проиллюстрированы следующим примером перечислений, в котором авторы подчеркивают широту их исследовательского корпуса: …*by comparing the use of the present perfect through a parallel corpus*

based on the French novel L'Étranger and its translations in Italian, German, Dutch, European Spanish, British English, and Modern Greek [Van Der Klis et al., 2022, p. 423] *(…сравнивая использование настоящего совершенного времени в параллельном корпусе по французскому роману «Посторонний» и его переводам на итальянский, немецкий, голландский, европейский испанский, британский английский и новогреческий)*. Упоминание о таком разнообразном исследовательском корпусе, на котором авторы осуществляют свое исследование, выступает свидетельством его значимости и надежности сделанных выводов. Важность результатов, к примеру, авторы подчеркивают, перечисляя и нумеруя разработанные ими критерии определения клише: *we develop an operational definition of snowclones, arguing that three criteria are decisive: (i) the existence of a lexically fixed source construction; (ii) partial productivity; (iii) 'extravagant' formal and/or functional characteristics* [Hartmann et al., 2023, p. 1] *(мы разрабатываем рабочее определение клише, утверждая, что три критерия являются ключевыми: (i) наличие лексически фиксированной фразы-источника; (ii) частичная продуктивность; (iii) «экстравагантные» формальные и функциональные характеристики*.

Соответственно, на грамматическом уровне мы обращаем внимание на использование авторами глаголов активного действия, придающих динамику описаниям исследования, настоящего времени и сочетания активного залога с пассивным. Внедрение авторами местоимения *мы* способствует репрезентации присутствия автора в дискурсе аннотации и, как следствие, созданию стилистической иллюзии диалога с читателем. Авторы выделяют собственное исследование на фоне предшествующих посредством введения имен прилагательных в сравнительной степени, а также сравнительных конструкций. Специфика синтаксиса аннотации представлена и сложными предложениями, с помощью которых авторы вводят разъясняющую информацию, а также параллельными конструкциями и перечислением. Последние относятся к приемам эмоционального синтаксиса, способного обеспечить запоминаемость выводов и мнения авторов исследования.

3.4. Лингвопрагматические особенности аннотации как продвигающего дискурса

Все рассмотренные ранее языковые средства аннотации направлены на усиление эффективности восприятия адресатом авторской позиции, однако необходимо оценить и воздействие средств лингвопрагматического уровня. Например, авторы трех аннотаций используют ссылки на источники для придания весомости теоретическим положениям собственного исследования. Данный прием направлен как на информирование, так и на выполнение еще нескольких функций. Ссылки риторически указывают на то, что автор владеет исчерпывающей информацией о степени изученно-

сти проблематики его исследования, и о его способности определить место своего научного труда среди работ предшественников, в контексте непрерывной научной деятельности, обеспечить верифицируемость своих исходных тезисов и /или результатов [Хутыз, 2023].

Авторы ссылаются на источники для лаконичного и точного обоснования избранной методологии исследования: *Using the traditional method of doublet comparison (Aronoff 1976, 2020), we reveal that …* [Nagano, 2023, p. 499] *(Используя традиционный метод дублетного сравнения (Aronoff 1976, 2020), мы выявляем, что…)* или *Using a subset of the data reported in Andreou & Lieber (2020), we give statistical evidence that…* [Lieber et al., 2023, p. 307] *(Используя подгруппу данных, описанных в Andreou & Lieber (2020), мы статистически доказываем, что …)*. Ссылки также вводятся для быстрого информирования о теоретической основе исследования: *Here we test two theories of this asymmetry: one that encodes markedness in the linguistic representation (e.g. Merchant 2014, Sudo & Spathas 2016, and Saab 2019), and one that traces the asymmetry to differences in the relative frequency of the forms in each pair (Haspelmath 2006)* [Sprouse et al., 2022, p. 345] *(Здесь мы тестируем две теории об этой асимметрии: одна теория, которая декодирует маркированность в лингвистической репрезентации (например, Merchant 2014; Sudo, Spathas 2016; Saab 2019), и другая, которая связывает асимметрию с различиями в относительной частотности форм в каждой паре) (Haspelmath 2006)*.

В двух аннотациях авторы вводят статистические сведения, репрезентированные количественными числительными, для придания информации весомости: *We test this prediction in two experiments: the first is a curated set of 16 pairs in English, and the second is a test of 58 pairs…* [Sprouse et al., 2022, p. 345] *(Мы тестируем это предположение двумя экспериментами: первый эксперимент включает контролируемый набор из 16 пар из английского языка, а второй тестирует 58 пар…)*. Конкретизируя с помощью числовых данных материал исследования, авторы убеждают читателя в тщательности и надёжности проведенного ими эксперимента. Данные лингвопрагматические средства персуазивности — ссылки на источники и числовые данные — хотя и являются эффективными, но в нашем исследовательском корпусе были, как отмечалось ранее, малочисленны.

Рассмотрим более частотные лингвопрагматические особенности текста англоязычной аннотации. Так, обращает на себя внимание то, что авторы контекстуализируют собственное исследование в дисциплинарном пространстве лингвистики, атрибутируя место и значимость собственного исследования на фоне уже существующих. Данный прием присутствует в семи отобранных аннотациях. Так, в следующем примере видно, как ав-

торы позиционируют собственное исследование, с помощью которого они «решают головоломку» (букв.), по отношению к предшествующим исследованиям, выполненным на ограниченном числе языков и, как можно догадаться, не вполне обладающих репрезентативностью и достоверностью: *The literature, however, focuses on individual languages or on comparisons of a restricted number of languages. We piece together the puzzle…* [Van Der Klis et al., 2022, p. 423] *(Литература, однако, фокусируется на отдельных языках или на сравнении ограниченного количества языков. Мы решаем эту головоломку…)*. Подобным образом упоминают «литературу» и авторы еще одной статьи: *Past literature (for example, Grimshaw 1990 Brinton 1995, 1998 Borer 2013) has suggested an association between conversion nominalization, count quantification, and referential reading … Using a subset of the data reported in Andreou & Lieber (2020), we give statistical evidence that… is neither categorical, as the literature suggests, nor completely free* [Lieber et al., 2022, p. 307] *(Предшествующая литература (например, Grimshaw 1990; Brinton 1995, 1998; Borer 2013) предположила наличие связи между номинализацией конверсии, количественной оценкой и референтными показателями… Используя подгруппу данных, описанных в Andreou & Lieber (2020), мы предоставляем статистическое доказательство, что … не является ни категоричным, как утверждает литература, ни абсолютно свободным)*. Импликативно авторы сообщают о несостоятельности сделанных ранее выводов, в отличие от их собственных результатов, подтверждённых статистически. Достоверность подобных умозаключений усиливается наличием фактической информации, а именно — ссылками на источники. Таким образом, помещение собственного исследования в контекст существующих исследований позволяет авторам более определенно сформулировать свой уникальный вклад в изучение указанной темы.

Как видно из вышеприведенных примеров, прием контекстуализации достигается с помощью контраста (противопоставления). Противопоставление (антитеза) присутствует в восьми аннотациях. Создавая контраст, антитеза одновременно выполняет и экспрессивную функцию, усиленно транслируя авторское отношение к обсуждаемой проблеме. Эффективность использования антитезы в научном дискурсе для конструирования стратегии аргументации уже отмечалась ранее [Нужнова и др., 2019]. Данный прием в нашем исследовательском корпусе вводится союзами *but (но), however (однако), whereas (тогда как)* или фразами *contrary to* (*вопреки*) и *by contrast (в отличие от)*. Анализ роли антитезы на нашем эмпирическом материале показал, что она может выполнять две функции:

1) охарактеризовать результаты исследования. Противопоставление позволяет адресанту обозначить специфику сделанных выводов (в пяти

аннотациях). Например, в следующем предложении союз *whereas* помогает автору противопоставить морфологические характеристики местоимений особенностям глаголов: *The paradigms of pronouns and possessives are found to be highly inconsistent, whereas those of verbs show a tendency towards consistency* [Berg, 2023, p. 1] *(Обнаружено, что парадигма личных и притяжательных местоимений крайне непостоянна, в то время как парадигма глаголов демонстрирует тенденцию к постоянству)*;

2) противопоставить значимость собственного исследования неполноте или некорректности выводов исследований предшественников (в трех аннотациях). Как уже говорилось выше, в одной из аннотаций подчеркивается преимущество собстенного научного проекта, заключающееся в обращении к изучению вопроса на материале различных языков, на фоне ограниченности предшествующих исследований, выполненных на материале меньшего числа языков: *The western European present perfect is subject to substantial crosslinguistic variation. The literature, however, focuses on individual languages or on comparisons of a restricted number of languages. We piece together the puzzle and do so in a data-driven way by comparing the use of the present perfect through a parallel corpus based on the French novel L'Étranger and its translations in Italian, German, Dutch, European Spanish, British English, and Modern Greek* [Van Der Klis et al., 2022, p. 423] *(Настоящее совершенное время в языках западной Европы подвержено значительной межязыковой вариации. Литература, однако, фокусируется на отдельных языках или на сравнении ограниченного количества языков. Мы решаем эту головоломку и делаем это с помощью конкретных данных, сравнивая использование настоящего совершенного времени в параллельном корпусе по французскому роману «Посторонний» и его переводам на итальянский, немецкий, голландский, европейский испанский, британский английский и новогреческий).*

Анализ средств лингвопрагматического уровня аннотации выявил введение ссылок на источники, включение количественных характеристик материала, контекстуализацию исследования в пространстве дисциплины и противопоставление преимуществ собственного исследования ограниченности подходов и выводов предшественников. Все указанные средства способствуют конструированию представления о том, что авторы провели сложное и комплексное исследование, сделав надежные выводы на обширном количестве материала.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог выявлению средств продвижения исследования, представленных в аннотации англоязычной статьи, можно указать следующее.

Авторы стремятся позиционировать собственное исследование как экспериментальное, масштабное, обладающее должной новизной и большей достоверностью результатов в сравнении с трудами предшественников, чем вызывают и удерживают интерес адресата к информации. Текст аннотации не демонстрирует тенденцию к упрощению, содержит дисциплинарные термины и лексику, связанную с описанием эксперимента, верификацией имеющихся данных. Использование подобной лексики усиливает объективный характер аннотации, а выбор экспериментальных методик формирует доверие к полученным результатам.

Составители научой аннотации помещают исследование в современный контекст, подчеркивая его актуальность. Глаголы активного действия усиливают легкость восприятия описываемой информации читателем, повышая ориентированность описания на действие [Удвойте ...]. Активный и пассивный залог представлены сбалансированно: пассивный залог фокусирует внимание читателя на фактической информации, результатах исследования; активный залог помогает конструировать присутствие автора в дискурсе с помощью местоимения *we* (мы). Это создает иллюзию диалога автора с читателем, манифестирует его ответственность за результаты и выводы.

Значимость поставленных задач и результатов собственного исследования авторы усиливают с помощью сравнений, параллельных конструкций, перечислений, то есть опираются на элементы экспрессивного синтаксиса, которые удерживают фокус читателя на информации, подчеркивают масштабность исследования.

Итак, элементы продвигающего дискурса в аннотации к научной статье направлены одновременно на сообщение об исследовании и на формирование интереса к нему и личности его автора. Для аннотации характерно сочетание объективного аспекта с субъективным. Первый аспект (объективность) представлен описанием результатов исследования с опорой на эксперимент, а субъективный компонент реализуется посредством соотнесения своего исследования с работами предшественников, которые репрезентируются как не имеющие исчерпывающего характера или содержащие не вполне корректные выводы. Таким образом, научная аннотация выполняет функции, типичные для продвигающих текстов, но продвижение реализуется импликативно.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Бондаренко И. В.* Лингвопрагматический анализ синтаксических средств экспрессивности в английском политическом тексте / И. В. Бондаренко // Вестник марий-

ского государственного университета. — 2019. — № 13 (3). — С. 418—425. — DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-418-425.

2. *Грибанова Т. И.* Хеджирование в различных типах дискурса / Т. И. Грибанова // Вопросы прикладной лингвистики. — 2019. — № 35. — С. 7—24. — DOI: 10.25076/vpl.35.01.

3. *Зоидзе Э. А.* Текст на обложке книги : о сущности жанра аннотации / Э. А. Зоидзе // Научный диалог. — 2024. — № 2 (13). — С. 73—95. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95.

4. *Косычева М. А.* Аннотация исследовательской статьи : стратегии построения и оптимизации / М. А. Косычева, Е. В. Тихонова // Health, Food & Biotechnology. — 2022. — № 4 (1). — С. 6—15. — DOI: 10.36107/hfb.2022.i1.s135.

5. *Нужнова Е. Е.* Стратегия аргументации в научном дискурсе / Е. Е. Нужнова, Т. Б. Бабаева, Н. В. Жуковская // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — 2019. — № 2. — С. 57—64. — DOI: 10.15593/2224-9389/2019.2.5.

6. *Пономаренко Е. В.* Динамико-системные свойства глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе / Е. В. Пономаренко, Г. А. Паршутина // Вестник СамГУ. — 2015. — № 1 (123). — С. 98—103.

7. *Силкина О. М.* Аннотация как жанр научного дискурса / О. М. Силкина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2018. — № 3 (15). — С. 70—76. — DOI: 10.14529/ling180312.

8. *Удвойте* силу контента с помощью активных глаголов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://lpgenerator.ru/blog/2015/09/24/udvojte-silu-kontenta-s-pomoshyu-aktivnyh-glagolov/ (дата обращения 12.10.2024).

9. *Хутыз И. П.* Кросс-культурная специфика цитирования как средства расширения пространства диалога в академическом дискурсе / И. П. Хутыз // Terra Linguistica. — 2023. — № 14 (4). — С. 130—141. — DOI: 10.18721/JHSS.14410.

10. *Хутыз И. П.* Особенности конструирования англоязычного мотивационного дискурса : уровень грамматики / И. П. Хутыз // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». — 2022. — № 45 (1). — С. 100—112. — DOI: 10.25688/2076-913X.2022.45.1.11.

11. *Afros E.* Promotional (meta)discourse in research articles in language and literary studies / E. Afros, C. F. Schryer // English for Specific Purposes. — 2009. — № 28 (1). — Pp. 58—68. — DOI: 10.1016/j.esp.2008.09.001.

12. *Berg T.* Gender marking in the first-person singular : A case of paradigm (in)consistency / T. Berg // Journal of Linguistics. Published online. — 2023. — Pp. 1—35. — DOI: 10.1017/S0022226723000191.

13. *Bhatia V. K.* Generic patterns in promotional discourse / V. K. Bhatia // Persuasion Across Genres : A Linguistic Approach. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2005. — Pp. 213—228.

14. *Bîlbîie G.* Factivity and complementizer omission in English embedded gapping / G. Bîlbîie, I. De La Fuente, A. Abeillé // Journal of Linguistics. — 2023. — № 59 (2). — Pp. 389—426. — DOI: 10.1017/S0022226722000445.

15. *Espinal M. T.* A syntactically-driven approach to indefiniteness, specificity and anti-specificity in Romance / M. T. Espinal, S. Cyrino // Journal of Linguistics. — 2022. — № 58 (3). — Pp. 535—570. — DOI:10.1017/S002222672100030X.

16. *Fairclough N.* Critical discourse analysis : The critical study of language / N. Fairclough. — London, New York : Longman, 1995. — 270 p.

17. *Galaidin A.* A genre analysis of research article abstracts in linguistics and engineering : a cross-disciplinary study based on a contrastive analysis of micro structures / A. Galaidin // Language — Culture — Politics. — 2021. — Vol. 1. — Pp. 47—56. — DOI: 10.54515/lcp.2021.1.47-56.

18. *Ghubin B. A.* Role of dynamic and stative verbs in two English ballads : a comparative study / B. A. Ghubin // Review of International Geographical Education. — 2021. — № 11 (11). — Pp. 139—149.

19. *Giering M. E.* The promotional discourse in scientific popularization articles for young readers / M. E. Giering // Bakhtiniana. — 2016. — № 11 (2). — Pp. 57—75. — DOI: 10.1590/2176-457323516.

20. *Graetz N.* Teaching EFL students to extract structural information from abstracts / N. Graetz // Reading for Professional Purposes : Methods and Materials in Teaching Languages. — Leuven : ACCO, 1985. — Pp. 123—135.

21. *Hartmann S.* Attack of the snowclones : A corpus-based analysis of extravagant formulaic patterns / S. Hartmann, T. Ungerer // Journal of Linguistics. Published online. — 2023. — Pp. 1—36. — DOI:10.1017/S0022226723000117.

22. *Jiang F.* Review of abstracts in academic discourse : variation and change / F. Jiang // System. — 2016. — № 56. — Pp. 143—144. — DOI: 10.1016/j.system.2015.12.005.

23. *Junge Ch.* Doing things with lists — enumeration in Arabic prose / Ch. Junge // Journal of Arabic Literature. — 2019. — № 50. — Pp. 278—297. — DOI: 10.1163/1570064x-12341388.

24. *Lee P.* How math makes cents : the marketization of mathematics education discourse [PhD Thesis] / P. Lee. — Burnaby, BC : Simon Fraser University, 2023. — 190 p.

25. *Lieber R.* The semantics of conversion nouns and -ing nominalizations : A quantitative and theoretical perspective / R. Lieber, I. Plag // Journal of Linguistics. — 2022. — № 58 (2). — Pp. 307—343. — DOI: 10.1017/S0022226721000311.

26. *Melnichuck O.* Enumeration as a semantic-syntactic strategy of fictional discourse : a case study of French fiction / O. Melnichuck // Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi. — 2013. — № 19. — Pp. 56—62.

27. *Nagano A.* Affixal rivalry and its purely semantic resolution among English derived adjectives / A. Nagano // Journal of Linguistics. — 2023. — № 59 (3). — Pp. 499—530. — DOI: 10.1017/S0022226722000147.

28. *Obeng B.* Variations in rhetorical moves and metadiscourse elements in conference abstracts : a genre analysis / B. Obeng, A. A. Wornyo, Ch. Hammond // European Journal of Applied Linguistics Studies. — 2023. — Vol. 6 (1). — Pp. 126—148. — DOI: 10.46827/ejals.v6i1.421.

29. *Parallelism* and its Importance in Academic Writing [Electronic resource]. — Access mode : https://www.econtentpro.com/blog/parallelism-and-its-importance-in-academic-writing/347 (accessed 2.10.2024).

30. *Peng H.* Promotional language and the adoption of innovative ideas in science / H. Peng, H. S. Qiu, H. B. Fosse, B. Uzzi // PNAS. — 2024. — № 25. — Vol. 121. — Pp. 1—9. — DOI: 10.1073/pnas.2320066121.

31. *Quirk R.* A Grammar of Contemporary English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. N. Leech, J. Startvik. 14th ed. — Essex : Longman Group Limited, 1985. — 190 p.

32. *Schwartz G.* All TRs are not created equal : L1 and L2 perception of English cluster affrication / G. Schwartz // Journal of Linguistics. — 2023. — № 59 (3). — Pp. 623—654. — DOI: 10.1017/S0022226722000275.

33. *Spouse J.* Gender asymmetries in ellipsis : An experimental comparison of markedness and frequency accounts in English / J. Spouse, T. Messick, J. D. Bobaljik // Journal of Linguistics. — 2022. — № 58 (2). — Pp. 345—379. — DOI: 10.1017/S0022226721000323.

34. *Stašková J.* Promotional genres of academic discourse / J. Stašková // Language, literature and culture in a changing translatlantic world. — 2013. — № 2. — Pp. 176—187.

35. *Van Der Klis M.* A multilingual corpus study of the competition between past and perfect in narrative discourse / M. Van Der Klis, B. Le Bruyn, H. De Swart // Journal of Linguistics. — 2022. — № 58 (2). — Pp. 423—457. — DOI: 10.1017/S0022226721000244.

36. *Villa-García J.* Recomplementation as a paratactic phenomenon : Evidence from Spanish and English / J. Villa-Garcia, D. Ott // Journal of Linguistics. — 2024. — № 60 (1). — Pp. 213—244. — DOI: 10.1017/S0022226722000433.

37. *Watling C.* The power of parallel structure / C. Watling // Perspectives on Medical Education. — 2015. — № 4 (6). — Pp. 329—330. — DOI: 10.1007/s40037-015-0227-3.

38. *Wijaya L. E.* Rhetorical moves of research article abstracts : a comparative study of national and international journals / L. E. Wijaya, P. Ardi // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. — 2022. — № 8 (1). — Pp. 135—149. — DOI: 10.18413/2313- 8912-2022-8- 1-0-9.

39. *Wróblewska M. N.* Research impact evaluation and academic discourse / M. N. Wróblewska // Humanities & Social Sciences Communications. — 2021. — № 8 (58). — Pp. 1—12. — DOI: 10.1057/s41599-021-00727-8.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024,
одобрена после рецензирования 05.12.2024,
подготовлена к публикации 15.12.2024.

References

Afros, E., Schryer, C. F. (2009). Promotional (meta)discourse in research articles in language and literary studies. *English for Specific Purposes, 28 (1):* 58—68. DOI: 10.1016/j.esp.2008.09.001.

Berg, T. (2023). Gender marking in the first-person singular: A case of paradigm (in) consistency. *Journal of Linguistics. Published online.* 1—35. DOI: 10.1017/S0022226723000191.

Bhatia, V. K. (2005). Generic patterns in promotional discourse. In: *Persuasion Across Genres: A Linguistic Approach.* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 213—228.

Bîlbîie, G., De La Fuente, I., Abeillé, A. (2023). Factivity and complementizer omission in English embedded gapping. *Journal of Linguistics, 5 (2):* 389—426. DOI: 10.1017/S0022226722000445.

Bondarenko, I. V. (2019). Linguopragmatic analysis of syntactic means of expressivity in the English political text. *Bulletin of the Mari State University, 13 (3):* 418—425. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-3-418-425. (In Russ.).

Double the power of content using active verbs. Available at: https://lpgenerator.ru/blog/2015/09/24/udvojte-silu-kontenta-s-pomoshyu-aktivnyh-glagolov / (accessed 12.10.2024). (In Russ.).

Espinal, M. T., Cyrino, S. (2022). A syntactically-driven approach to indefiniteness, specificity and anti-specificity in Romance. *Journal of Linguistics, 58 (3):* 535—570. DOI:10.1017/S002222672100030X.

Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis: The critical study of language.* London, New York: Longman. 270 p.

Galaidin, A. (2021). A genre analysis of research article abstracts in linguistics and engineering: a cross-disciplinary study based on a contrastive analysis of micro structures. *Language — Culture — Politics, 1:* 47—56. DOI: 10.54515/lcp.2021.1.47-56.

Ghubin, B. A. (2021). Role of dynamic and stative verbs in two English ballads: a comparative study. *Review of International Geographical Education, 11 (11):* 139—149.

Giering, M. E. (2016). The promotional discourse in scientific popularization articles for young readers. *Bakhtiniana, 11 (2):* 57—75. DOI: 10.1590/2176-457323516.

Graetz, N. (1985). Teaching EFL students to extract structural information from abstracts. In: *Reading for Professional Purposes: Methods and Materials in Teaching Languages.* Leuven: ACCO. 123—135.

Gribanova, T. I. (2019). Hedging in various types of discourse. *Questions of applied linguistics, 35:* 7—24. DOI: 10.25076/vpl.35.01. (In Russ.).

Hartmann, S., Ungerer, T. (2023). Attack of the snowclones: A corpus-based analysis of extravagant formulaic patterns. *Journal of Linguistics. Published online.* 1—36. DOI:10.1017/S0022226723000117.

Jiang, F. (2016). Review of abstracts in academic discourse: variation and change. *System, 56:* 143—144. DOI: 10.1016/j.system.2015.12.005.

Junge, Ch. (2019). Doing things with lists — enumeration in Arabic prose. *Journal of Arabic Literature, 30:* 278—297. DOI: 10.1163/1570064x-12341388.

Khoutyz, I. P. (2022). Features of the construction of English-language motivational discourse: the level of grammar. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Ser. "Philology. Theory of language. Language education", 45 (1):* 100—112. DOI: 10.256888/2076-913X.2022.45.1.11. (In Russ.).

Khoutyz, I. P. (2023). Cross-cultural specificity of citation as a means of expanding the space of dialogue in academic discourse. *Terra Linguistica, 14 (4):* 130—141. DOI: 10.18721/JHSS.14410. (In Russ.).

Kosycheva, M. A., Tikhonova, E. V. (2022). Abstract of the research article: strategies of construction and optimization. *Health, Food & Biotechnology, 4 (1):* 6—15. DOI: 10.36107/hfb.2022.i1.s135. (In Russ.).

Lee, P. (2023). *How math makes cents: the marketization of mathematics education discourse [PhD Thesis].* Burnaby, BC: Simon Fraser University. 190 p.

Lieber, R., Plag, I. (2022). The semantics of conversion nouns and -ing nominalizations: A quantitative and theoretical perspective. *Journal of Linguistics, 58 (2):* 307—343. DOI: 10.1017/S0022226721000311.

Melnichuck, O. (2013). Enumeration as a semantic-syntactic strategy of fictional discourse: a case study of French fiction. *Karadeniz Uluslararası Bilimsel Dergi, 19:* 56—62.

Nagano, A. (2023). Affixal rivalry and its purely semantic resolution among English derived adjectives. *Journal of Linguistics, 59 (3):* 499—530. DOI: 10.1017/S0022226722000147.

Nuzhnova, E. E., Babaeva, T. B., Zhukovskaya, N. V. (2019). Argumentation strategy in scientific discourse. *Bulletin of PNRPU. Problems of linguistics and pedagogy, 2:* 57—64. DOI: 10.15593/2224-9389/2019 .2.5. (In Russ.).

Obeng, B., Wornyo, A. A., Hammond, Ch. (2023). Variations in rhetorical moves and metadiscourse elements in conference abstracts: a genre analysis. *European Journal of Applied Linguistics Studies, 6 (1):* 126—148. DOI: 10.46827/ejals.v6i1.421.

Parallelism and its Importance in Academic Writing. Available at: https://www.econtent-pro.com/blog/parallelism-and-its-importance-in-academic-writing/347 (accessed 2.10.2024).

Peng, H., Qiu, H. S., Fosse, H. B., Uzzi, B. (2024). Promotional language and the adoption of innovative ideas in science. *PNAS, 25 (121):* 1—9. DOI: 10.1073/pnas.2320066121.

Ponomarenko, E. V., Parshutina, G. A. (2015). Dynamic and systemic properties of communication verbs in English business discourse. *Bulletin of the Samara State University, 1 (123):* 98—103. (In Russ.).

Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. N., Startvik, J. (1985). *A Grammar of Contemporary English.* Essex: Longman Group Limited. 190 p.

Schwartz, G. (2023). All TRs are not created equal: L1 and L2 perception of English cluster affrication. *Journal of Linguistics, 59 (3):* 623—654. DOI: 10.1017/S0022226722000275.

Silkina, O. M. (2018). Abstract as a genre of scientific discourse. *Bulletin of SUSU. The series "Linguistics", 3 (15):* 70—76. DOI: 10.14529/ling180312. (In Russ.).

Spouse, J., Messick, T., Bobaljik, J. D. (2022). Gender asymmetries in ellipsis: An experimental comparison of markedness and frequency accounts in English. *Journal of Linguistics, 58 (2):* 345—379. DOI: 10.1017/S0022226721000323.

Stašková, J. (2013). Promotional genres of academic discourse. *Language, literature and culture in a changing translatlantic world, 2:* 176—187.

Van Der Klis, M., Bruyn, B. Le., Swart, H. De. (2022). A multilingual corpus study of the competition between past and perfect in narrative discourse. *Journal of Linguistics, 58 (2):* 423—457. DOI: 10.1017/S0022226721000244.

Villa-García, J., Ott, D. (2024). Recomplementation as a paratactic phenomenon: Evidence from Spanish and English. *Journal of Linguistics, 60 (1):* 213—244. DOI: 10.1017/S0022226722000433.

Watling, C. (2015). The power of parallel structure. *Perspectives on Medical Education, 4 (6):* 329—330. DOI: 10.1007/s40037-015-0227-3.

Wijaya, L. E., Ardi, P. (2022). Rhetorical moves of research article abstracts: a comparative study of national and international journals. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 8 (1):* 135—149. DOI: 10.18413/2313- 8912-2022-8- 1-0-9.

Wróblewska, M. N. (2021). Research impact evaluation and academic discourse. *Humanities & Social Sciences Communications, 8 (58):* 1—12. DOI: 10.1057/s41599-021-00727-8.

Zoidze, E. A. (2024). Text on Book Cover: Blurb as a Genre. *Nauchnyi dialog, 13 (2):* 73—95. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95 (In Russ.).

The article was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 05.12.2024;
accepted for publication 15.12.2024.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Григорий Александрович Кричевский, канд. филол. наук (Москва)
Игорь Александрович Кудряшов, д-р филол. наук (Ростов-на-Дону)
Любовь Геннадьевна Кихней, д-р филол. наук (Москва)
Надежда Олеговна Григорьева, канд. филол. наук (Ростов-на-Дону)
Ольга Павловна Рябко, д-р филол. наук (Ростов-на-Дону)
Юй Сян, лектор (Тяньцзинь, Китай)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кихней Л. Г. «Пиковая дама» и «Мелкий бес» : пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба / Л. Г. Кихней, Г. А. Кричевский // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 252—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-252-272.

Kikhney, L. G., Krichevsky, G. A. (2024). “Queen of Spades” and “Petty Demon”: Pushkinian Allusions and Their Functions in F. Sologub’s Novel. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 252-272. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-252-272. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

«Пиковая дама» и «Мелкий бес»: пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба

Кихней Любовь Геннадьевна [1]
orcid.org/0000-0003-0342-7125
доктор филологических наук,
профессор
кафедра истории журналистики
и литературы
lgkihney@yandex.ru

Кричевский Григорий Александрович [2]
orcid.org/0000-0001-7808-2200
кандидат филологических наук,
профессор Школы коммуникаций,
корреспондирующий автор
gkritchevsky@hse.ru

[1] Московский университет
имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

[2] Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

“Queen of Spades” and “Petty Demon”: Pushkinian Allusions and Their Functions in F. Sologub’s Novel

Lyubov G. Kikhney [1]
orcid.org/0000-0003-0342-7125
Doctor of Philology, professor,
Department of the History
of Journalism and Literature
lgkihney@yandex.ru

Grigory A. Krichevsky [2]
orcid.org/0000-0001-7808-2200
PhD of Philology, professor,
School of Communications,
corresponding author
gkritchevsky@hse.ru

[1] A. S. Griboyedov
Moscow University
(Moscow, Russia)

[2] National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)

© Кихней Л. Г., Кричевский Г. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проблематика исследования связана с неопределенностью смысловых механизмов интертекстуального взаимодействия романа Сологуба «Мелкий бес» и повести Пушкина «Пиковая Дама». В исследовательской литературе отмечались частные переклички между этими произведениями, однако системная семантическая связь этих двух текстов до сих пор не выявлена. Гипотеза работы заключается в том, что «Пиковая Дама» Пушкина выполняет функцию структурного прототипа для романа Сологуба «Мелкий бес». Этот структурный прототип собирает в единое смысловое сюжетно-организованное целое отдельные реминисцентные элементы текста Сологуба. Доказано, что Сологуб использует ключевые семантические блоки «Пиковой Дамы» Пушкина, при этом в тексте-реципиенте эти блоки включают в себя как темы, так и мотивы и образы. К числу значимых элементов относятся тема карт, мотив карточной зависимости, мотив сумасшествия, мотив прагматичной женитьбы, «двоящиеся» инфернальные женские образы. Показано, что специфика реализации этой нарративной структуры в тексте Сологуба связывается с инверсией пафоса: пушкинский иронический пафос трансформируется в бурлескно-трагический, а трагические коннотации встраиваются в парадигму комического. Все это позволяет сделать вывод о том, что гротескно-пародийная функция является ключевой для интертекстуального диалога Сологуба и Пушкина.

Ключевые слова:
Пиковая дама; *Мелкий бес*; А. С. Пушкин; Ф. Сологуб; интертекстуальный диалог; структурный прототип; стратегии пародирования; инверсия; мистика карт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problems of the undertaken research are associated with the uncertainty of the semantic mechanisms of intertextual interaction between Sologub's novel "The Petty Demon" and Pushkin's story "The Queen of Spades". In the research literature, particular overlaps between these works have been noted, but the systemic semantic connection between these two texts has not yet been identified, which determines the relevance of the article. The hypothesis of the work is that Pushkin's "Queen of Spades" serves as a structural prototype for Sologub's novel "The Petty Demon." This structural prototype collects individual reminiscent elements of Sologub's text into a single semantic plot-organized unit. The purpose of the study is to identify the constructive elements of this prototype in Sologub's novel using the method of semantic comparative analysis. As a result, it was proved that Sologub uses the key semantic blocks of Pushkin's "Queen of Spades", while in the recipient text these blocks include both themes and motives and images. Significant elements include: the theme of cards, the motive of card addiction, the motive of madness, the motive of pragmatic marriage, "double" infernal female images. It is shown that the specificity of the implementation of this narrative structure in Sologub's text is associated with the inversion of pathos: Pushkin's ironic pathos is transformed into burlesque-tragic, and tragic connotations are embedded in the paradigm of the comic. All this allows us to conclude that the grotesque-parody function is the key for the intertextual dialogue between Sologub and Pushkin.

Key words:
The Queen of Spades; *The Petty Demon*; A.S. Pushkin; F. Sologub; structural prototype; parody strategies; inversion; mysticism of cards.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Сологуб.07+821.161.1Пушкин.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-252-272

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

«Пиковая дама» и «Мелкий бес»: пушкинские аллюзии и их функции в романе Ф. Сологуба

© Кихней Л. Г., Кричевский Г. А., 2024

1. Введение = Introduction

Высокий интертекстуальный потенциал, возможно, самого известного романа Ф. Сологуба литературоведами отмечается еще с конца 70-х — начала 80-х годов XX века. Так, показана преемственность заглавия «Мелкий бес» с «Бесами» Ф. М. Достоевского [Соболев, 1992, с. 171—184], отмечены отсылки к гоголевским «Мертвым душам» [Минц, 1979, с. 76—120; Кривонос, 2018, с. 17—28]. Указан и ряд пушкинских отсылок в «Мелком бесе» [Павлова, 2004, с. 705—715; Пильд, 2000, с. 306—321; Соболев, 1992, с. 137—160; Минц, 1987, с. 72—76], например, ироническое толкование строфы из «Евгения Онегина» в стилистике натуральной школы [Соболев, 1992, с. 137—160] — отражение интенсивных публичных обсуждений в связи со столетием со дня рождения А. С. Пушкина в 1899 году, а также воспроизведение мотивов серийного сватовства из «Сказки о Царе Салтане» в эпизоде с сестрами Рутиловыми [Пильд, 2000, с. 306—321; Пустыгина, 1989, с. 124—137].

Очевидные аналогии между «Пиковой дамой» и «Мелким бесом» в академической дискуссии ранее также были обозначены. В работах предшественников зафиксированы явные и скрытые цитаты из пушкинской повести в романе Ф. Сологуба; выделена связь темы карточный игры и мотива безумия; обращено внимание на сходство мотиваций обоих протагонистов [Минц, 1979, с. 76—120; Павлова, 2004, с. 210—217; Пильд, 2000, с. 306—321; Соболев, 1992, с. 137—160; Спроге, 2002, с. 47—57].

Отмеченные частные переклички между этими произведениями весьма важны, однако системная семантическая связь этих двух текстов до сих пор не выявлена, что и обусловливает актуальность статьи. В интертекстуальном диалоге Ф. Сологуба с Пушкиным остаются лакуны, которые мы предполагаем заполнить, комплексно рассмотрев мотивно-образные параллели между «Пиковой дамой» и «Мелким бесом».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Итак, цель нашей статьи — вычленить нарративные и мотивно-образные параллели между «Пиковой дамой» и «Мелким бесом» и установить функцию пушкинских рецепций в смысловом поле романа Ф. К. Сологуба. В достижении этой цели мы опираемся на компаративистский и структурно-семантический методы.

Наша гипотеза, размышления над которой мы хотели бы здесь представить, состоит в том, что «Пиковая Дама» Пушкина — это своеобразный семантический прототип текста Сологуба. То есть Сологуб заимствует не отдельные реминисцентные элементы пушкинской повести, он берет ее прототипическую структуру. Об этом свидетельствует тот факт, что пересечения происходят не в случайных деталях, а в значимых для целого текста структурах: в мистически обыгранной теме карт и карточной зависимости центральных персонажей; в связанных с этой зависимостью мотивах сумасшествия протагонистов и их склонности к убийству; в двоении инфернальных женских образов, в нарративе прагматической женитьбы и пр. Без учета этих параллельных конструкций «Пиковой дамы» и «Мелкого беса» трактовка интертекстуального диалога Сологуба с Пушкиным нерелевантна: они ключевые.

При этом особое внимание следует обратить на те места, которые у Сологуба в меньшей степени подверглись переработке, это своеобразное первичное ядро заимствования, вокруг которого выстраивается все остальное.

Что же касается функций интертекстуального диалога Сологуба с Пушкиным, то, по нашей версии, главная из них (но отнюдь не единственная) — гротескно-пародийная.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Двойная стилизация, или все не то, чем кажется

Между тем оценка стратегии пародирования в романе Ф. Сологуба осложнена тем, что пушкинская повесть и без того содержит, во-первых, иронические колебания, формирующиеся вокруг интерпретации темы темных сил [Виролайнен, 1975, с. 169—175] (Германн вызывает ассоциации с Варфоломеем из повести «Уединенный домик на Васильевском» [Титов, 1916], которую, как, впрочем, и «Пиковую даму», В. Ф. Ходасевич относил к циклу пушкинских петербургских повестей о сверхъестественном [Ходасевич, 1996, с. 48—70]). Во-вторых, по мнению Б. М. Эйхенбаума, Германн изображен как пародия на байронического героя [Эйхенбаум, 1961, с. 200]. В-третьих, анализ символов, литературных аллюзий и реминисценций в «Пиковой даме» охватывает разнообразные жанры и традиции, предполагающие, в частности, гротеск и гиперболизированное описание персонажей [Дебрецени, 1996, с. 196—250].

Таким образом, пародирование сюжетных и образных элементов «Пиковой дамы» в романе Ф. Сологуба, вероятно, подверглось двойной переработке. В связи с этим уместно вспомнить мысль Ю. Н. Тынянова о том, что *«…пародией трагедии будет комедия <…>, пародией комедии может быть трагедия»* [Тынянов, 1985, с. 416]. Применительно к «Мелкому бесу» этот тезис означал бы, что роман Ф. Сологуба трансформирует пушкинскую иронию в трагические интонации, а нарратив, генерирующий ужас и фатальную предопределенность, адаптирован комически.

Более того, роман Ф. Сологуба включает игру вокруг нарративов и образов «Пиковой дамы» и тем самым формирует атмосферу высокого повествовательного обмана и иллюзорности, которая, возможно, является основой переосмысления пушкинских смысловых компонентов. Именно такая повествовательная стратегия заявлена рассказчиком на первой странице романа: *«Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось»* [Сологуб, 2001, с. 11].

Эту иллюзорность Б. Т. Хоумэн объясняет тем, что в «Мелком бесе» проблематизируется сам феномен «познаваемости» ключевого персонажа: *«…по мере того, как психика Передонова раскрывается, протагонист начинает выглядеть образцом непроницаемости: соединяются иррационализм, парадокс и патологическая одержимость / …* As Peredonov's psyche becomes unraveled, he begins to look like a paragon of the impenetrable human subject: the junction of irrationalism, paradox, and pathological obsession [Hooyman, 2023, с. 65].

3.2. Мистика карт и безумие протагонистов

Прежде всего, скажем о базовой аллюзии Ф. Сологуба на пушкинскую повесть, которая лежит на смысловой поверхности и связана с темой карт.

Отметим, что *«дискурс карточной игры»* [Шмид, 2013, с. 290] подробно изучен как в самой «Пиковой даме», так и в целом в литературе русского романтизма [Вацуро, 2008, с. 145—175; Лотман, 1995, с. 786—814; Парчевский, 1996; Davydov, 1999, с. 309—328; Leighton, 1976, с. 455—456]. Однако здесь есть момент, на который нам хотелось бы обратить особое внимание еще раз, а именно: сцепление темы карт и мотива безумия. Мы исходим из того, что причинно-следственная связь этих смысловых кластеров, заданная в повести А. С. Пушкина, карнавально перевернута Ф. Сологубом. Если в «Пиковой даме» манипуляции с картами становятся причиной сумасшествия Германна, то в «Мелком бесе», напротив, действия с карточными фигурами выглядят следствием и симптомом помешательства Передонова. По сути дела, Ф. Сологуб берет центральную коллизию «Пиковой дамы», пересобирает ее и пародийно деконструирует в своем

романе. Так, фантастическая идея обогащения Германна при поддержке графини Анны Федотовны в романе «Мелкий бес» откликается гомогенной, но столь же несбыточной идеей использования княгини Волчанской для получения места инспектора.

Ожидаемо карты в «Мелком бесе» формируют азарт, то есть тематический и мотивный комплекс из «Пиковой дамы». Хотя в пушкинской повести карты — фактор, формирующий азарт, доводящий до убийства и психического разрушения, — это символ трагически деструктивных страстей и стремлений. В романе Сологуба карты — тоже очень сильный фетиш. Но их функция сдвинута: они, призванные демонстрировать усугубление ментальный болезни, напротив, создают эффект комизма.

Кроме того, с темой карт в романе Ф. Сологуба, как и в пушкинской повести, связан мотив мщения, но у Сологуба он также карнавально перевернут. У Пушкина карточные фигуры вредят Германну и наказывают его за убийство графини и обман Лизы. У Сологуба карты также выполняют функцию тайных врагов Передонова, но здесь уже он наказывает их, а не они его. Кроме того, взаимодействие с ними Передонова показано в комически-абсурдном, даже гротескном ключе.

В «Пиковой даме» карточная страсть как символ быстрого обогащения и победы над судьбой заканчивается убийством и только потом сумасшествием. В «Мелком бесе» сумасшествие проявляется в виде нездорового восприятия карточных фигур, которое вместе с другими компонентами и образами помешательства приводят к убийству приятеля протагониста Павла Володина. В обоих случаях, у А. С. Пушкина и у Ф. Сологуба, оживание игральных карт как прием связано не только с мотивом безумия, но и с созданием образа призрака, противостоящего протагонисту, будь то умершая графиня Анна Федотовна или княгиня Волчанская.

Призрак олицетворяет, с одной стороны, суеверия, которые в случае и Германна, и Передонова открывают окно и в деформированную психику героев, и в инфернальный мир, с другой стороны, несет в себе идею неотвратимости возмездия.

Умершая графиня приходит к Германну *«… против своей воли»* [Пушкин, 1950, с. 349], она — посланник сверхъестественных сил; княгиня Волчанская возникает в процессе сжигания карточной колоды, буквально восстает из пепла [Сологуб, 2001, с. 238] и, в результате, ассоциируется с магистральным образом пыли и серости, присутствующим в романе Ф. Сологуба и связанным прежде всего с главным потусторонним актором — недотыкомкой. Именно призрак строит непреодолимое препятствие на пути получения богатства или вожделенного повышения по службе. Мертвая старуха-графиня, восстающая из гроба, *«прищурилась и*

усмехнулась» [Пушкин, 1950, с. 355] Германну. Княгиня Волчанская, которая, как кажется Передонову, сначала влюблена в него, потом доносит на него, вечно не довольна им, и, в конце концов, *«… поднялась из огня <…> маленькая, пепельно серая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками: она пронзительно вопила тонким голоском, шипела и плевала на огонь»* [Сологуб, 2001, с. 238]. Шипение и тонкий голос вставшей из огня княгини Волчанской одновременно вызывают комический эффект, но и подводят черту под диагнозом Передонова.

В «Пиковой даме» игральные карты в виде колоды или отдельной карточной фигуры упоминаются в двух функциях: в первую очередь, для игры и, во вторую, для гадания — строчка из гадальной книги вынесена в качестве эпиграфа к повести: *«Пиковая дама означает тайную недоброжелательность. Новейшая гадательная книга»* [Пушкин, 1950, с. 317]. Здесь дама пик символизирует реальную личность и программирует связанные с этой личностью обстоятельства помешательства Германна.

Между тем в «Мелком бесе» добавляется третья функция: в карты не только играют, на них не только гадают (*«Вершина курила и криво улыбалась, показывая свои темно-желтые зубы. — Чем так-то угадывать ваши новости, — сказала она, помолчав немного, — давайте я вам на картах погадаю»* [Сологуб, 2001, с. 197]), но в связи с картами возникает и угроза колдовства, то есть перспектива изменить будущее, прибегая к помощи магии и инфернальных сил: *«Варвара еще не спала, когда он вернулся. Карты лежали перед нею. Передонову казалось, что кто-то мог забраться, когда он входил. Может быть, сама Варвара впустила врага. Передонов сказал: — Я буду спать, а ты колдовать на картах станешь. Подавай сюда карты, а то околдуешь меня»* [Там же, с. 174]. Таким образом, в «Мелком бесе» игральные карты рассматриваются как своеобразный инструмент управления ходом событий с помощью сверхъестественного. При этом тема карточного колдовства адекватно описывает древний магический пласт подсознания Передонова и изображает атмосферу мракобесия, царящую в его круге общения.

Вместе с тем колдуют и практикуют магию в «Мелком бесе» несколько женских персонажей. Качества ведьмы и колдуньи ассоциируются с образами вечно полуодетой, пьяной, грязной, *«хитрой шельмы»* [Там же, с. 112], будущей невесты Варвары Малошиной. Колдуньями можно считать Наталью Вершину, заманивающую Передонова в дурманящий сад (*«Передонов не сразу признал Вершину. В ее фигуре пригрезилось ему что-то зловещее, — черная колдунья стояла, распускала чарующий дым, ворожила»* [Там же, с. 176]), и Марью Грушину, автора поддельного письма княгини Волчанской и доносов на гимназиста Пыльникова (*«Она была тонка, — и*

сухая кожа ее вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное приятности, — а зубы грязные и черные. Руки тонкие, пальцы длинные и цепкие, под ногтями грязь» [Там же, с. 37]). Не случайно появляется комментарий рассказчика о том, что *«и Варваре, и Грушиной церковные обряды казались смешными»* [Там же, с. 216], — художественная условность заключается в том, что темные сущности избегают церкви. Колдовской природой наделена мстительная, лукавая и хитрая Софья Преполовенская, которая со злости дает Варваре болезненный совет натираться крапивой для сохранения женской красоты [Там же, с. 34], тогда как в «Пиковой даме» колдовство может быть связано со старой графиней, которую Германн буквально называет *«старой ведьмой»* [Пушкин, 1950, с. 341], и с самим Германном. Дважды употребленный глагол *каменеть* позволяет говорить о колдовстве применительно не только к старухе, но и к Германну. Сравним: *«Германн услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло. Он* ***окаменел*** (выделено нами. — *Л. К., Г. К.*) [Пушкин, 1950, с. 338]; и далее: *«Мертвая старуха сидела,* ***окаменев*** (выделено нами. — *Л. К., Г. К.*)*; лицо ее выражало глубокое спокойствие»* [Пушкин, 1950, с. 346]. На связь окаменения как оккультного элемента в значении оцепенения и / или погружения в транс обратил внимание еще в 1983 году П. Дебрецени [Дебрецени, 1996, с. 226].

Вместе с тем в распределении образа колдуньи из «Пиковой дамы» на четырех женских персонажей мы усматриваем пародийный оттенок, потому что каждая из четырех ведьм у Ф. Сологуба провоцирует наивный смех, а отнюдь не страх перед инфернальной и непознаваемой силой. Забавно, что колдунья фигурирует и в списке потенциальных невест Передонова.

3.3. Гомология женских образов

В структуре повествования пушкинской повести и романа Ф. Сологуба образованы пары, от которых во многом зависит сюжетное развитие: старая графиня и ее воспитанница Лиза, княгиня Волчанская и Варвара Малошина. С каждой из них протагонист вступает в отношения, рассчитывая устроить свою жизнь. Как и у А. С. Пушкина, у Ф. Сологуба исключен мотив искренней, бескорыстной эмоциональной привязанности, связь показана как прагматичная, в основе отношений расчет и материальная выгода.

Две знатные дамы, графиня Анна Федотовна и княгиня Волчанская, представлены как (1) реальная женщина, (2) карточная фигура, (3) властвующая и доминирующая особа, от которой зависит успех протагониста, (4) отвратительная и ненавистная старуха, (5) возможная любовница, (6) женщина, которую убивает протагонист. Правда, в «Пиковой даме» старуха умирает на самом деле, в «Мелком бесе» сожжена карточная фигура,

которую Передонов принимает за княгиню Волчанскую. Отметим теперь значимые особенности эволюции женских образов от пушкинской повести к роману Ф. Сологуба.

Во-первых, в обоих произведениях старая графиня Анна Федотова и мнимая благодетельница княгиня Волчанская связаны в сознании протагониста с пиковой дамой, которая является одновременно и карточной фигурой, и реальной женщиной. Повторяя пушкинскую сюжетную линию, пиковая дама Ф. Сологуба оживает, однако в гротескном контексте. В «Мелком бесе» карточная фигура, вызывающая прямые ассоциации с пушкинской повестью, изображена с помощью забавных натуралистических деталей. Дама пик *«скрипит зубами»* [Сологуб, 2001, с. 191], *«пиковая дама <…> лезет в тиковом капоте»* [Там же, с. 193] к Передонову, он *тупо разглядывал пиковую даму»* [Там же, с. 209], потом переворачивал карту другой стороной в поисках еще одной. Причем в повести и романе женские образы и их карточное воплощение совмещаются, накладываются друг на друга. Германну в момент его проигрыша показалось, *«… что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его... — Старуха! — закричал он в ужасе»* [Пушкин, 1950, с. 355]. В высшей точке своего бредового состояния Передонов чувствует, что *«… конец приближается, что княгиня уже здесь, близко, совсем близко. Быть может, в этой колоде карт. Да, несомненно, она — пиковая или червонная дама. Может быть, она прячется и в другой колоде или за другими картами, а какая она неизвестно. Беда в том, что Передонов никогда ее не видел»* [Сологуб, 2001, с. 237]. Действительно, княгиня Волчанская отсутствует в романе, о ней только говорят.

Во-вторых, при сравнении «Пиковой дамы» и «Мелкого беса» устанавливается возрастное сходство Анны Федотовны и княгини Волчанской, которая показана старухой в глазах Передонова. 60 лет назад графиня была фрейлиной двора и светской красавицей, *“la Vénus moscovite”* [Пушкин, 1950, с. 320], но потом стала обычной старухой в чепце: *«Графиня так была стара, что смерть ее никого не могла поразить и что ее родственники давно смотрели на нее, как на отжившую»* [Там же, с. 347—348]. В «Мелком бесе» княгиня-фантом, княгиня-оборотень Волчанская (оборотень, потому что фамилия княгини восходит к волку как синониму оборотня), которую никто не видел, кроме Варвары Малошиной, представляется Передонову *«…дряхлой, морщинистой, согбенной, клыкастой, злой…»* [Сологуб, 2001, с. 253], двухсотлетней старухой. Интересно, что в пушкинской повести Анна Федотовна реалистично показана и в молодости, и в свои 87 лет, тогда как княгиня Волчанская существует в подсознании Передонова либо как влиятельная дама без возраста, либо как старуха. По-

добная репрезентация княгини подчеркивает зыбкость ее существования, низводит ее до воображаемой проекции в мозгу Передонова. Проще говоря, графиня Анна Федотовна выведена в повести как живой персонаж, как умершая и как восставшая из гроба, тогда как княгиня Волчанская вроде бы и не живет никогда и нигде, кроме как в галлюцинациях Передонова. Если Германн пытается добиться благосклонности реальной старухи-графини и является причиной ее настоящей гибели, то в «Мелком бесе» княгиня Волчанская изначально наделена фиктивным существованием. Такой же фиктивной с самого начала выглядит мечта Передонова об инспекторской должности. Получается, Передонов гоняется за вымышленной княгиней, более вымышленной, чем материальная карточная фигура. Возможно, сжигая княгиню как карту из колоды, Передонов пытается для самого себя подтвердить ее материальность. В перевернутом мире передоновского безумия уничтожение карточной княгини является аналогом ее оживления, схожим с подмигиванием мертвой графини Анны Федотовны. В «Пиковой даме» старуха-графиня после смерти подает сигналы Герману сама, а в романе Ф. Сологуба княгиню возвращает к жизни Передонов, потому что в огне княгиня поднимается из пепла. Собственно говоря, княгиню-феникс и нельзя уничтожить, потому что она и не существовала. Если старуху-графиню присылают Германну высшие инстанции для осуществления возмездия и в этом есть явный трагический оттенок, то в «Мелком бесе» сжигание несуществующей княгини для ее возвращения в мир живых оказывается элементарным фарсом сумасшедшего.

В-третьих, подчеркнуто неприглядным, даже отталкивающим изображен физический облик старухи-графини и княгини Волчанской. У Анны Федотовны выделяется мутный взгляд, у княгини Волчанской — пепельная серость: *«Графиня сидела вся желтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах ее изображалось совершенное отсутствие мысли; смотря на нее, можно было бы подумать, что качание страшной старухи про исходило не от ее воли, но по действию скрытого гальванизма»* [Пушкин, 1950, с. 339]. Княгиня Волчанская кажется Передонову *маленькой, пепельно-серой женщиной, осыпанной потухающими огоньками»* [Сологуб, 2001, с. 238].

В-четвертых, в «Пиковой даме» и «Мелком бесе» возникает тема возможных эротических отношений со старухой в обмен на получение карточного секрета или инспекторского места. Под впечатлением от анекдота Томского, Германн бродит по Петербургу и всерьез оценивает возможность сближения со старой графиней: *«Почему ж не попробовать своего счастия?.. Представиться ей, подбиться в ее милость, — пожалуй, сделаться ее любовником, — но на это всё требуется время — а ей восемь-*

десят семь лет, — она может умереть через неделю, — через два дня!..» [Пушкин, 1950, с. 331].

Параноидальная альтернатива Передонова строится на банальном противопоставлении холодной княгини и жаркой Варвары. Заметим, что и здесь, как Германн писал к Лизе, Передонов использует эпистолярный механизм, словно забывая, что письма лгут, как это и подтверждает выдуманное Варварой письмо. Предлагая княгине Волчанской стать любовницей, Передонов демонстрирует уверенность в своих способностях соблазнителя, а отсутствие каких-либо сомнений в собственных чарах усиливает гротеск описания: *«Может быть, можно с нею сойтись, и она смилуется. Не написать ли ей письмо?» И на этот раз Передонов, недолго думая, сочинил письмо к княгине. Он писал: Я люблю Вас, потому что Вы холодная и далекая. Варвара потеет, с нею жарко спать, несет, как из печки. Я хочу иметь любовницу холодную и далекую. Приезжайте и соответствуйте. Написал, послал — и раскаялся. «Что-то из этого выйдет? Может быть, нельзя было писать, — думал он, — надо было ждать, когда княгиня сама приедет”»* [Сологуб, 2001, с. 237]. Таким образом, Передонов формулирует для себя программу, в соответствии с которой и Варвара, и княгиня Волчанская являются лишь орудием для продвижения по службе. Использовать женщин собирался и Германн, но неприкрытый натурализм деталей, в которых представляет себе связь Передонов, выглядит смехотворным.

Образы старой графини и княгини Волчанской связаны в обоих случаях с убийством, последующим чудесным воскрешением и трансформацией в призрак. Умершая графиня является Герману дважды — как призрак и в виде карточной фигуры. Цель ее прихода в мир живых — возмездие. Германн повинен в ее смерти и не выполнил условия контракта: не женился на Лизе в обмен на раскрытие карточного секрета.

Княгиня Волчанская, сожженная как карточная фигура, возвращается в образе пепельной женщины, существующей в подсознании Передонова. Образ старухи-графини связан с темой мести, образ княгини Волчанской — с финальной стадией безумия Передонова.

3.4. Нарратив убийства

Еще одна точка пересечения сологубовского романа с пушкинским претекстом связана с мотивом убийства. Однако здесь тоже есть отличия. В «Пиковой даме» Германн убивает Анну Федотовну, и она доводит его до безумия. В «Мелком бесе» княгиня Волчанская, как и многие другие подсознательные образы, подтверждают развивающееся безумие Передонова, и лишь в результате полного разрыва с реальностью он совершает убийство. Главное отличие заключается в том, что в «Пиковой даме» убийство совершается один раз. В «Мелком бесе» убийство проигрывается несколь-

ко раз: сначала в безумных фантазиях Передонова — он сжигает карточные фигуры и княгиню (= даму пик), затем закалывает шилом соглядатая за обоями — и в самом конце повествования, не во сне, а наяву Передонов убивает ножом Павла Володина.

Выделим из списка галлюцинаторных убийств, совершаемых Передоновым, историю с убийством соглядатая за обоями, которая, на наш взгляд, в «Мелком бесе» наполнена особым смыслом и может содержать скрытый намек на детали сюжета «Пиковой дамы».

Смерть злодея, якобы прячущегося за портьерой, которую тщетно пытается припомнить Передонов, кажется нам значимым событийным поворотом, хотя злодей не настоящий, а всего лишь галлюцинация: *«Смутные воспоминания шевельнулись в его голове. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжалом, не то шилом»* [Сологуб, 2001, с. 235]. Вообще-то, перед нами возникает пародия на убийство Полония в «Гамлете», которая запускает, как и у У. Шекспира, фатальную цепь событий, сопровождающуюся сумасшествием. Так вводится сравнение с гибелью Офелии, Лаэрта, самого Гамлета и формируется прогноз эпизода с убийством Павла Володина. Кроме того, намек на шекспировскую трагедию позволяет вспомнить образ призрака отца Гамлета. В таком случае сюжетный элемент с убийством за обоями отсылает к нарративу о призрачных мертвецах, ищущих отмщения.

Тема о тайном присутствии за портьерой, занавеской или ширмой имеет значение и в «Пиковой даме». В III главе повести Лиза, отвечая на обманные письма Германна, объясняет ему, как проникнуть в дом графини для свидания: *«Приходите в половине двенадцатого. Ступайте прямо на лестницу. <…> в спальне за* ***ширмами*** (выделено нами. — *Л. К., Г. К.*) *увидите две маленькие двери: справа в кабинет, куда графиня никогда не входит; слева в коридор, и тут же узенькая витая лестница: она ведет в мою комнату»* [Пушкин, 1950, с. 336]. Далее Германн следует инструкциям и оказывается там, где и велела Лиза: *«Германн вошел в спальню. <…> По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Leroy, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом. Германн пошел за* ***ширмы*** (выделено нами — ЛК и ГК)» [Там же, с. 337—338]. За ширмами Германн обнаруживает справа — дверь в кабинет графини, слева — дверь в коридор, откуда по винтовой лестнице он попал бы к Лизе; их свидание состоялось бы, если бы из-за ширм Германн прошел влево, однако он ведь и не собирался, поэтому *«… он воротился и вошел в темный кабинет»* [Там же, с. 338], то есть остался в покоях графини. При этом, когда графиня вернулась, и

в доме началась суета, Германн наблюдал за происходящем в спальне, сам оставаясь невидимым. Обратим внимание: *«Германн глядел в щелку: Лизавета Ивановна прошла мимо его. Германн услышал ее торопливые шаги по ступеням ее лестницы. В сердце его отозвалось нечто похожее на угрызение совести и снова умолкло. Он окаменел»* [Пушкин, 1950, с. 338]. Ширмы выполняют в этой части повествования важнейшую функцию: они скрывают пространство выбора, повернуть налево или направо, на свидание к Лизе или в покои графини, чтобы выведать у нее секрет трех карт. Очевидно, что выбор налево или направо содержит легко угадываемую аллюзию на направления, куда ложатся карты во время игры. Германн, находясь в пространстве, где он по-прежнему не видим другими, делает роковой выбор, несмотря на колебания, которые рассказчик в повести характеризует как *«нечто похожее на угрызения совести»* [Пушкин, 1950, с. 338], подчеркивая, что голос совести умолкает в сердце Германна. Невидимый Германн за ширмами похож на человека в маске, который скрывает лицо и тем самым обретает власть над другими, буквально вожделеет власть, которую бы обрел, получи он доступ к секрету трех карт.

Интересно, что момент превращения Германна из живого человека в ходячего мертвеца четко маркирован А. С. Пушкиным по времени и в пространстве: за ширмами и в момент выбора между свиданием с Лизой и давлением на графиню, чтобы узнать тайну выигрыша в карточной игре. Но выбор, в сущности, ложный: история о карточном секрете является безответственной светской болтовней Томского, почти выдумкой, анекдотом, фикцией, да и связывать свою судьбу с Лизой Германн даже не думал, а лишь вводил ее в заблуждение для того, чтобы добиться целей обогащения. Как результат, герой каменеет, почти умирает, когда умолкает голос совести, о чем ясно и отчетливо говорит рассказчик в «Пиковой даме». Вскоре после убийства старуха-графиня станет призраком, который вернется для того, чтобы наказать Германна, в том числе за тот выбор, который он сделал, попав за ширмы, прячась, в переносном смысле, за занавеской, за портьерой, как обреченный Полоний.

Итак, повторим, что отсылка к образу призрака в «Мелком бесе» происходит с помощью стратегии пародирования: призрак отца Гамлета появляется через несостоявшееся воспоминание Передонова о шекспировской трагедии. В «Пиковой даме» содержится предупреждение о грядущем появлении призрака, цель которого, как в случае с намеком на трагедию У. Шекспира, — отомстить за убийство. Неминуемые действия призрака предопределены с помощью известной стратегии: образ омертвения и дальнейшей трансформации в инфернальное привидение через процесс окаменения является, как и в «Каменном госте» (1830), эффективным ху-

дожественным приемом. Мы можем констатировать, что даже трагическая тема призрака также перевернута в романе Ф. Сологуба с помощью насмешки над мотивом убийства соглядатая за обоями.

3.5. Мотив прагматической женитьбы

Нарратив женитьбы запускает и в определенной степени регулирует повествование в «Пиковой даме» и «Мелком бесе», однако у Ф. Сологуба тема женитьбы представлена комически: потенциальный жених весьма неразборчив в выборе невесты, колеблется между разными претендентками, да и сама невеста добивается венчания с помощью обмана, заговора и подложных писем. Здесь проявлен нарратив женитьбы, а также присутствуют парные женские образы, которые могли быть заимствованы из «Пиковой дамы» и затем полностью преобразованы.

Итак, в III главе пушкинской повести намек на перспективу брака автоматически возникает в переписке Германна и Лизаветы Ивановны — ведь без понимания серьезных намерений воспитанница значительной светской дамы не может ответить на письмо влюбленного. Намек на женитьбу в «Пиковой даме», отражающий социальные конвенции в отношениях между мужчиной и женщиной XIX века, превращен в «Мелком бесе» в абсурдный анекдот. На первой же странице романа Ф. Сологуба Передонов представлен немотивированно востребованным женихом, на которого претендуют его родственница, троюродная сестра Варвара Малошина, а также многие молодые женщины провинциального города. В общей сложности не менее шести героинь хотели бы вступить в брак с Передоновым. Мировоззрение жениха, его сомнения и короткие внутренние монологи, с помощью которых отчасти и происходит репрезентация нарратива женитьбы, не сразу позволяют ответить на вопрос, кто здесь невеста. Подобный повествовательный принцип создает дух комедии положений и тем самым приближает сюжет с женитьбой к пародийным интонациям.

В обоих случаях, оставаясь комфортным нарративным инструментом, привлекающим за счет стандартного, традиционного сюжета, тема женитьбы, в действительности, вводит читателя в заблуждение, потому что маскирует истинную цель протагониста. Впрочем, камуфляж быстро спадает. Германн ищет не брака с Лизой, он хочет разбогатеть с помощью карточной игры, мечтает *«… в открытых игрецких домах Парижа вынудить клад у очарованной фортуны»* [Пушкин, 1950, с. 351]. Для этого Германну нужна старая графиня, держательница тайны Сен-Жермена и его трех счастливых карт. Рассказ Павла Томского вселяет в Германна уверенность в то, что его спекулятивная цель достижима, тем более карточный секрет графини раньше помог Чаплицкому, которому она его передоверила.

Германн быстро приходит к выводу, что доступ к Анне Федотовны возможен через знакомство и романтические отношения с ее воспитанницей Лизой.

Так и Передонов хочет получить инспекторское место, для чего ему требуется протекция влиятельной княгини Волчанской. Поддержка княгини Волчанской зависит исключительно от Варвары, бывшей портнихи Волчанской, которая за хлопоты требует венчаться. Брак с Варварой представляется Передонову возможным, но необязательным, и он открыто и с презрением использует Варвару, чтобы получить письменные гарантии княгини для продвижения по службе. Между тем Варвара, в сравнении, скажем, с довольно легкомысленными сестрами Рутиловыми, выглядит, пожалуй, единственной, для кого брак становится навязчивой идеей. Тем не менее Варвара готова манипулировать Передоновым, но вовсе не собирается просить за него.

Таким образом, для Германна и для Передонова путь к желаемому лежит через двойное женское начало: сначала — Лиза или Варвара, а потом — титулованная особа, пожилая женщина, якобы обладающая властью и принимающая решение. В обоих случаях протагонист обращается к эпистолярной практике как уловке: письма имеют значения и в паре Германн — Лиза, и в паре Передонов — Варвара. Германн выбирает Лизу в качестве адресата. Передонов, напротив, является получателем письма, автором которого должна быть княгиня Волчанская, а функцию почтового агента и организатора доставки корреспонденции от княгини возлагает на себя Варвара.

И Германн, и Варвара — фальсификаторы: Германн имитирует стиль любовных писем, переводя их с немецкого образца [Пушкин, 1950, с. 335], Варвара подделывает переписку с княгиней Волчанской от начала до конца. Эпистолярный механизм также проходит гротескное преображение у Ф. Сологуба, если сравнивать его с пушкинской повестью. Откровенно подлый и примитивный замысел Передонова использовать Варвару нивелирован другим, неприкрытым обманом самой Варвары. Она сперва посылает поддельное письмо от княгини Волчанской, затем выкрадывает его у Передонова, а в конце и вовсе проговаривается, что устроила этот мелкий заговор ради венчания: *«Раз, под хмельком, когда у нее сидела Преполовенская, Варвара проболталась о письме. Всего не рассказала, а намекнула довольно ясно»* [Сологуб, 2001, с. 226].

Мотив женитьбы в «Пиковой даме» и «Мелком бесе», казалось бы, иллюстрирует отсутствие моральных принципов у протагониста: для достижения цели хороши любые средства. Однако вряд ли стоит приписывать рассказчику в повести и романе столь поверхностные и безыскусные

намерения. Мистификация с темой женитьбы, как и фальсифицированный эпистолярный диалог, представляют собой художественный прием осознанного обмана читательских ожиданий. Заканчивается все не так, как было заявлено в начале повествования, за исключением того, что женитьба Передонова и Варвары все-таки состоялась.

Однако в «Мелком бесе» мотив женитьбы подвергнут явной карнавализации. Варваре предсказуемо удается перехитрить Передонова, в результате они идут под венец, но их свадьба показана как сатанинский карнавал, провоцирующий злобу и страх жениха: *«Гости крестились, хохотали, кощунствовали. Особенно отличались молоденькие чиновнички. Дьякон укоризненно унимал их. Среди гостей был один, с рыжими усами, молодой человек, которого даже и не знал Передонов. Необычайно похож на кота. Не их ли это кот обернулся человеком? Недаром этот молодой человек все фыркает, — не забыл кошачьих ухваток»* [Сологуб, 2001, с. 217].

Таким образом, нарратив женитьбы в «Мелком бесе» завершается демонстрацией нового витка безумия Передонова, тогда как в пушкинской повести мотив женитьбы, акцентируя факты объективной реальности, открывает возможность для того, чтобы пересмотреть все предыдущие колебания в интерпретации событий между научно объяснимым и сверхъестественным.

В финале «Пиковой дамы» сюжет женитьбы, намек на который включает переписка Германна с Лизой, приводит к тому, что материальные детали и бытовые результаты ставят под сомнение предыдущий фантастический элемент описанных событий. Замуж выходит Лизавета Ивановна — за сына бывшего управляющего старухи-графини, который *«где-то служит и имеет порядочное состояние»* [Пушкин, 1950, с. 356]. На последней странице содержится деталь, которую можно посчитать указанием на то, что Лиза повторит жизненный цикл старухи-графини: «*У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница»* [Там же, с. 355]. Женятся также автор карточного анекдота, произведенный в ротмистры Павел Томский и *«молодая княжна Полина»* [Там же, с. 342].

В дополнение скажем, что мотив гипотетической женитьбы на старухе воспроизведен в «Пиковой даме» во время похорон графини, но сцена у гроба описана в бурлескном ключе. Молодой священник в надгробном слове использует стандартную и уместную формулу, представляя *«в простых и трогательных выражениях ... мирное успение праведницы»* [Там же, с. 348]. Архиерей, отсылая к евангельской притче, упоминает символику «полуночного жениха»: *«Ангел смерти обрел ее, — сказал оратор, — бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полунощного»* [Там же]. Надо сказать, что еще в 1935 году В. В. Виноградов доказал

комизм фрагмента похорон графини [Виноградов, 1935, с. 120—121]. Пародийно-комический эффект здесь формируется за счет невольного сопоставления с образом старухи, за которой в ее покоях подглядывает Германн: *«Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец, графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она казалась менее ужасна и безобразна»* [Пушкин, 1950, с. 339]. Кроме того, «полуночным женихом», о котором говорит священник, оказывается Германн: в момент возвращения графини домой после бала он видит, как из кареты *«… лакеи вынесли под руки сгорбленную старуху, укутанную в соболью шубу»* [Там же, с. 337]. Тогда же, *«ровно в половине двенадцатого Германн ступил на графинино крыльцо и взошел в ярко освещенные сени»* [Там же]. Можно интерпретировать момент возвращения графини и момент проникновения Германна в ее дом как метафору свидания.

Таким образом, Германн и старая графиня причудливым образом воссоединяются на похоронах. С гибелью княгини Волчанской связывает себя и Передонов. Он уверен, что наказал и даже уничтожил княгиню Волчанскую, когда представлял ее в виде карточной фигуры в общей колоде. Но, как и графиня Анна Федотовна, приходящая после смерти к своему убийце Германну, княгиня Волчанская осталась жива, несмотря на все старания Передонова: *«Тяжкие, темные мысли ворочались в мозгу Передонова. Он понимал одно, что его обманули. Но что княгиня будто бы не знает, — нет, она-то знает. Недаром она из огня живая вышла. — Вы врете про княгиню, — сказал он, — я княгиню жег, да не дожег: отплевалась. Вдруг бешеная ярость охватила Передонова. Обманули!»* [Сологуб, 2001, с. 285].

4. Заключение = Conclusions

Итак, мы показали, что Сологуб в «Мелком бесе» берет у Пушкина «строевые» конструкции, сам каркас, матрицу претекста. Этими «матричными» паттернами выступают персонажи-двойники и симметричные эпизоды. Они представляют собой некое первичное ядро заимствования, вокруг которого выстраиваются остальные смысловые параллели.

И далее автор «Мелкого беса» преображает реминисцентный текст с помощью разных техник. Это нестрогое тождество, сюжетная инверсия, травестия и карнавализация… Одна из важных авторских стратегий — пародирование, чаще всего выполненное в технике гротеска.

Связано это, на наш взгляд, с тем, что Сологуб, размышляя над природой демонизма, вступает с Пушкиным в имплицитный диалог, цель которого — показать скрытые валентности, потенциал зла, таящегося в протагонисте «Пиковой дамы». Все вышеизложенные нарративные переклички

и мотивно-образные «рифмы» подводят нас к тому, что Передонов — это сошедший с ума Германн, его сниженная гротескная ипостась. Другое время, другие обстоятельства, но сущность их натур тождественна, мотивы их поступков одни и те же: жажда денег, положения в обществе, власти. Другие люди для них — лишь средство для достижения цели… Сологуб срывает романтический флер с предшественника и прототипа Передонова. Демоническая суть натуры Германна, его доморощенный наполеонизм гротескно трансформируются в мелкобесовскую природу Передонова. Того и другого героя настигает возмездие — лишение ума, то есть потеря самого себя. Такова логика жизни и аксиология личностного выбора. В этом модернистский писатель солидарен с великим классиком.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Литература

1. *Вацуро В. Э.* Последняя повесть Лермонтова / В. Э. Вацуро // О Лермонтове : Работы разных лет. — Москва : Новое издательство, 2008. — С. 145—175.

2. *Виноградов В. В.* Церковнославянская стихия в языке Пушкина. Приемы ее стилистического применения и литературной ассимиляции / В. В. Виноградов // Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. — Москва : Academia, 1935. — С. 120—121.

3. *Виролайнен М. Н.* Ирония в повести Пушкина “Пиковая дама” / М. Н. Виролайнен // Проблемы пушкиноведение. Сборник научных трудов. Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени. — Ленинград : Педагогический институт им. А. И. Герцена, 1975. — С. 169—175.

4. *Дебрецени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина / П. Дебрецени ; пер. с англ. Г. А. Крылова, А. К. Славинской. — Санкт-Петербург: “Академический проект”, 1996. — 398 с.

5. *Кривонос В. Ш.* Город в романе Ф. Сологуба “Мелкий бес” / В. Ш. Кривонос // Opera Slavica. XXVIII. — 2018. — № 1. — С. 17—28.

6. *Лотман Ю. М.* “Пиковая дама” и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман // Пушкин. — Санкт-Петербург : Искусство—СПБ, 1995. — С. 786—814.

7. *Минц З. Г.* О некоторых “неомифологических” текстах в творчестве русских символистов / З. Г. Минц // Творчество А. А. Блока и русская культура XX века. Блоковский сборник. III. Ученые записки Тартуского гос. университета. — 1979. — Выпуск 459. — С. 76—120.

8. *Минц З. Г.* У истоков “символистского Пушкина” / З. Г. Минц // Пушкинские чтения в Тарту : Тезисы докладов научной конференции 13—14 ноября 1987 г. — Таллин : [б. и.], 1987. — С. 72—76.

9. *Павлова М. М.* С “подсказки” Пушкина / М. М. Павлова // Творческая история романа “Мелкий бес”. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 946 с.

10. *Парчевский Г. Ф.* Пушкин и карты / Г. Ф. Парчевский. — Санкт-Петербург : Русская Виза, 1996. — 160 с.

11. *Пильд Л.* Пушкин в “Мелком бесе” Сологуба / Л. Пильд // Пушкинские чтения в Тарту. Материалы международной научной конференции 18—20 сентября 1998 г. — Тарту : Эйдос, 2000. — С. 306—321.

12. *Пустыгина Н. Г.* Символика огня в романе Федора Сологуба “Мелкий бес” / Н. Г. Пустыгина // Биография и творчество в русской культуре начала XX века : Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. — Тарту : Эйдос, 1989. — С. 124—137.

13. *Пушкин А. С.* Пиковая дама / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений в 10 т. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950. — Т. 6. — С. 317—356.

14. *Соболев А. Л.* “Мелкий бес” : к генезису заглавия / А. Л. Соболев // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана : сборник статей. — Тарту : Эйдос, 1992. — С. 171—184.

15. *Соболев А. Л.* Из комментариев к “Мелкому бесу” : “Пушкинский” урок Передонова / А. Л. Соболев // Русская литература. — 1992. — № 1. — С. 137—160.

16. *Сологуб Ф.* “Мелкий бес” / Ф. Сологуб // Собрание сочинений в 6 т. — Москва : Интелвак, 2001. — Т. 2. — С. 5—288.

17. *Спроге Л. В.* “Закон игры” в “Мелком бесе” Федора Сологуба / Л. В. Спроге // Филологические чтения. — Даугавпилс : “Saule”, 2002. — С. 47—57.

18. *Титов В. П.* Уединенный домик на Васильевском / В. П. Титов // Вступительная статья “Петербургские повести Пушкина” В. Ходасевича. — Москва : Акционерное Общество “Универсальная библиотека”, 1916. — 74 с.

19. *Тынянов Ю. Н.* Достоевский и Гоголь (К теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Архаисты и новаторы. — Ленинград : Прибой, 1929. — 46 с.

20. *Ходасевич В. Ф.* Петербургские повести Пушкина / В. Ф. Ходасевич // Собрание сочинений в 4 т. Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922—1939. — Москва : Согласие, 1996. — Т. 2. — 576 с.

21. *Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении : “Повести Белкина» и “Пиковая дама” / В. Шмид ; пер. с нем. А. И. Жеребина. — Санкт-Петербург : Издательство во Санкт-Петербургского университета, 2013. — 356 с. — ISBN 978-5-288-05383-2.

22. *Эйхенбаум Б. М.* Статьи о Лермонтове / Б. М. Эйхенбаум. — Ленинград : Наука, 1961. — 374 с.

23. *Davydov S.* The Ace in “The Queen of Spades” / S. Davydov // Slavic Review. — 1999. — Vol. 58. — № 2. — Pp. 309—328.

24. *Hooyman B. T.* Fyodor Sologub’s The Petty Demon / B. T. Hooyman // The Disordered Era : Grotesque Modernism in Russian Literature, 1903—1939. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy under the Executive Committee of the Graduate School of Arts and Sciences. — New York : Columbia University, 2023. — Pp. 65—81.

25. *Leighton L. G.* Gematria in “The Queen of Spades” : A Decembrist Puzzle / L. G. Leighton // Slavic and East European Journal. — 1976. — Vol. 21. — № 4. — Pp. 455—456.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024,
одобрена после рецензирования 02.22.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

References

Davydov, S. (1999). The Ace in “The Queen of Spades”. *Slavic Review, 58 (2):* 309—328.

Debrecen, P. (1996). *Prodigal daughter. Analysis of Pushkin’s fiction.* St. Petersburg: “Academic Project”. 398 p. (In Russ.).

Eichenbaum, B. M. (1961). *Articles about Lermontov.* Leningrad: Nauka. 374 p. (In Russ.).

Hooyman, B. T. (2023). Fyodor Sologub's The Petty Demon. In: *The Disordered Era: Grotesque Modernism in Russian Literature, 1903—1939. Submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy under the Executive Committee of the Graduate School of Arts and Sciences.* New York: Columbia University. 65—81.

Khodasevich, V. F. (1996). Petersburg stories of Pushkin. In: *Collected works in 4 volumes. Notebook. Articles about Russian poetry. Literary criticism 1922—1939, 2.* Moscow: Soglasie. 576 p. (In Russ.).

Krivonos, V. Sh. (2018). The city in F. Sologub's novel "The Little Devil". *Opera Slavica. XXVIII, 1:* 17—28. (In Russ.).

Leighton, L. G. (1976). Gematria in "The Queen of Spades": A Decembrist Puzzle. *Slavic and East European Journal, 21 (4):* 455—456.

Lotman, Y. M. (1995). "The Queen of Spades" and the theme of cards and card games in Russian literature at the beginning of the XIX century. In: *Pushkin.* St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. 786—814. (In Russ.).

Mints, 3. G. (1979). On some "neo-mythological" texts in the works of Russian symbolists. *The work of A. A. Blok and Russian culture of the XX century. Blokov collection. III. Scientific notes of the Tartu State University, 459:* 76—120. (In Russ.).

Mints, Z. G. (1987). At the origins of the "symbolist Pushkin". In: *Pushkin readings in Tartu: Abstracts of the scientific conference on November 13—14, 1987.* Tallinn: [b. i.]. 72—76. (In Russ.).

Parchevsky, G. F. (1996). *Pushkin and maps.* St. Petersburg: Russian Visa. 160 p. (In Russ.).

Pavlova, M. M. (2004). With "tips" Pushkin. In: *The creative history of the novel "The Little Devil".* St. Petersburg: Nauka. 946 p. (In Russ.).

Pild, L. (2000). Pushkin in the "Small Demon" of Sologub. In: *Pushkin readings in Tartu. Materials of the international scientific conference on September 18—20, 1998.* Tartu: Eidos. 306—321. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1950). The Queen of Spades. In: *Complete works in 10 volumes, 6.* Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 317—356. (In Russ.).

Pustygina, N. G. (1989). The symbolism of fire in Fyodor Sologub's novel "The Little Demon". In: *Biography and creativity in Russian culture of the early XX century: Blokov collection IX. In memory of D. E. Maksimov.* Tartu: Eidos. 124—137. (In Russ.).

Schmid, V. (2013). *Pushkin's prose in a poetic reading: "Belkin's Stories" and "The Queen of Spades".* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 356 p. ISBN 978-5-288-05383-2. (In Russ.).

Sobolev, A. L. (1992). "Small demon": towards the genesis of the title. In: *In honor of the 70th anniversary of Professor Y. M. Lotman: a collection of articles.* Tartu: Eidos. 171—184. (In Russ.).

Sobolev, A. L. (1992). From the comments on the "Small Demon": "Pushkin's lesson" by Peredonov. *Russian literature, 1:* 137—160. (In Russ.).

Sologub, F. (2001). "The Little Devil". In: *Collected works in 6 volumes, 2.* Moscow: NPK "Intelvak". 5—288. (In Russ.).

Sproge, L. V. (2002). "The Law of the game" in Fyodor Sologub's "Small Demon". In: *Philological readings.* Daugavpils: "Saule". 47—57. (In Russ.).

Titov, V. P. (1916). A secluded house on Vasilyevsky Island. In: *Introductory article "Petersburg stories of Pushkin" by V. Khodasevich.* Moscow: Universal Library Joint-Stock Company. 74 p. (In Russ.).

Tynyanov, Yu. N. (1929). Dostoevsky and Gogol (On the theory of parody). In: *Archaists and innovators.* Leningrad: Priboy. 46 p. (In Russ.).

Vatsuro, V. E. (2008). The last story of Lermontov. In: *About Lermontov: Works from different years.* Moscow: New Publishing House. 145—175. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (1935). The Church Slavonic element in the language of Pushkin. Techniques of its stylistic application and literary assimilation. In: *The Language of Pushkin. Pushkin and the history of the Russian literary language.* Moscow: Academia. 120—121. (In Russ.).

Virolainen, M. N. (1975). Irony in Pushkin's story "The Queen of Spades". In: *Problems of Pushkin studies. Collection of scientific papers. The Leningrad Order of the Red Banner of Labor.* Leningrad: Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 169—175. (In Russ.).

The article was submitted 18.10.2024;
approved after reviewing 02.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кудряшов И. А. Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь» / И. А. Кудряшов, О. П. Рябко, Н. О. Григорьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 273—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291.

Kudryashov, I. A., Ryabko, O. P., Grigoryeva, N. O. (2024). Unreliable Narrator and Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov's "Pale Fire". *Nauchnyi dialog, 13* (10): 273-291. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь»

Кудряшов Игорь Александрович
orcid.org/0000-0001-5449-864X
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры теории языка
и русского языка,
корреспондирующий автор
igalk@mail.ru

Рябко Ольга Павловна
orcid.org/0000-0002-8505-6307
доктор филологических наук,
профессор,
профессор кафедры английского языка
гуманитарных факультетов
o.ryabko@yandex.ru

Григорьева Надежда Олеговна
orcid.org/0000-0002-5165-8668
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории языка
и русского языка
ngreg25@yandex.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Unreliable Narrator and Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov's "Pale Fire"

Igor A. Kudryashov
orcid.org/0000-0001-5449-864X
Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistic
Theory and the Russian
corresponding author
igalk@mail.ru

Olga P. Ryabko
orcid.org/0000-0002-8505-6307
Doctor of Philology, Professor,
Department of the English,
Humanities Faculties
o.ryabko@yandex.ru

Nadezhda O. Grigoryeva
orcid.org/0000-0002-5165-8668
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Linguistic
Theory and the Russian
ngreg25@yandex.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Кудряшов И. А., Рябко О. П., Григорьева Н. О., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье анализируется повествовательная техника В. В. Набокова в романе «Бледный огонь», которая отражает постмодернистское недоверие к метанарративам, поскольку ниспровергает формальные элементы художественного текста. Отмечается, что в романе повествование ведется от первого лица ненадежным рассказчиком, Чарльзом Кинботом, который, самовольно выступая комментатором поэтического текста Джона Шейда, бросает вызов устоявшимся повествовательным нормам, что способствует дестабилизации формы романа. Цель исследования — проследить, как иррационалистический подход к языковым номинациям, выбранный Кинботом, усложняет доступ читателя к глубинному содержанию романа. Установлено, что тема стихотворения Шейда, которая является предметом академического комментария Кинбота, обладает неустойчивой формой, поскольку читатель не в состоянии однозначно идентифицировать образы персонажей, определить, является ли представленная версия поэтического произведения окончательной. Подчеркивается, что ненадежный рассказчик, комментатор, повествует о двух различных сюжетных линиях, одна из которых относится к универсуму Нью-Уай, а другая — к воображаемому миру Зембла, колеблется между этими повествовательными линиями, называя себя несколькими разными личностями. Сделан вывод, что психологический профиль комментатора ставит под сомнение правдивость его фигуры, поскольку он не способен оценить актуальность различных фрагментов разрозненной информации.

Ключевые слова:
ненадежное повествование; воображаемый универсум; ирония; ненадежный нарратор; Набоков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the narrative technique employed by V. V. Nabokov in his novel “Pale Fire,” reflecting postmodern skepticism towards metanarratives by subverting the formal elements of literary texts. The narrative is presented through the lens of an unreliable first-person narrator, Charles Kinbote, who, in his self-appointed role as commentator on John Shade’s poetic text, challenges established narrative norms, thereby destabilizing the structure of the novel. The aim of this study is to trace how Kinbote’s irrationalist approach to linguistic nominations complicates the reader’s access to the deeper meanings embedded within the text. It is established that the theme of Shade’s poem, which serves as the subject of Kinbote’s academic commentary, possesses an unstable form, leaving the reader unable to definitively identify character representations or ascertain whether the presented version of the poem is final. The unreliable narrator oscillates between two distinct narrative threads — one pertaining to the universe of New Wye and the other to the imagined world of Zembla — while simultaneously adopting various identities. The conclusion drawn is that the psychological profile of the commentator calls into question the veracity of his character, as he struggles to assess the relevance of disparate fragments of information.

Key words:
unreliable narration; imagined universe; irony; unreliable narrator; Nabokov.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Набоков.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-273-291

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Образ ненадежного рассказчика и его прагматические эффекты в романе В. В. Набокова «Бледный огонь»

© Кудряшов И. А., Рябко О. П., Григорьева Н. О., 2024

1. Введение = Introduction

Воображаемые универсумы и их текстуальные реальности В. В. Набокова не только допускают, но даже провоцируют множество прочтений, мнений и интерпретаций. В этом смысле «Бледный огонь» (1962), вероятно, является самым эпатажным романом. В нем представлена пародия на профессиональную манию комментаторов, изображен образ комментатора, стремящегося отыскать в объективной реальности личностный смысл. Однако его усилия оказываются абсурдными, присвоение смысла полностью терпит неудачу, телеологические суждения не приобретают достоверный характер.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в нем анализируется творческий метод В. В. Набокова, связанный с тем, что трансцендентальный примат знака пронизывает каждый аспект романа «Бледный огонь». Цель исследования — проследить, как автор дестабилизирует традиционную форму романа, реализует творческую способность провести грань между индивидуальными психологическими идентичностями рассказчика и персонажей и возможностью придать значение символам биографического повествования. Научная новизна исследования заключается в том, что на примере романа «Бледный огонь» системно выявляется авторская специфика пародийного обыгрывания формы традиционного романа, которое достигается посредством введения в повествование академического «Предисловия», «Комментария» и «Указателя имен», ненадежного рассказчика, который бросает вызов всем конвенциональным условностям.

Задачи исследования: (1) определить специфику образа ненадежного рассказчика в тексте анализируемого романа; (2) выявить особенности комментаторской деятельности рассказчика, порождающего ненадежное повествование; (3) проследить, как ненадежное повествование, порождаемое рассказчиком-комментатором, дестабилизирует язык, форму и содержание анализируемого художественного текста.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологию исследования составляет теория ненадежного рассказчика, разрабатываемая в лингвистике текста. Согласно этой теории, ненадежность художественного повествования сводится к некоторым морально-нравственным и эпистемологическим недочетам со стороны рассказчика, определяемым с помощью текстовых — локальных и структурных — маркеров, которые обеспечиваются автором произведения (более подробно см. [Иштоян, 2013; Jacke, 2018; Phelan 2017]). Суждения ненадежного рассказчика — вслед за Г. А. Жиличевой [Жиличева, 2013] и Н. Н. Николиной [Николина, 2023] — трактуются в исследовании в качестве вербальной субстанции искаженного и противоречивого воображаемого универсума, имплицирующего глубинные иронические смыслы. В связи с этим повествовательный мир ненадежного рассказчика как система воображаемых биографических фактов анализируется в статье с опорой на феноменологический подход в рамках герменевтического метода.

Ирония является мишенью в рамках концепции ненадежного повествования. Ненадежный рассказчик является предметом иронии. Читатель выявляет ироническое содержание повествования как следствие его ненадежности с опорой на следующие процедуры:

— опровержение буквального смысла языковых выражений, посредством выявления несоответствий между той информацией, которую он воспринимает из текста, и тем, что составляет его фоновые знания;

— применение множественных альтернативных интерпретаций к тексту;

— суммирование информации о творческих убеждениях автора текста;

— прослеживание глубинного смыслового содержания языковой и структурной архитектоники текста [Nűnning, 2005; Pettersson, 2005; Zipfel, 2011].

На материале романа «Лолита» и повести «Соглядай» В. В. Набокова исследователи рассматривают ненадежность повествования как особую интерпретационную стратегию читателя, пытающегося разрешить двусмысленность и текстуальные несоответствия. При этом образ рассказчика задействуется в качестве интегративного герменевтического приема анализа художественного текста [Мурзахмедова и др., 2022; Смоленская, 2021].

Анализируются следующие минимальные условия и культурно-исторические зависимости ненадежного повествования, которое:

(1) возникает исключительно в персонализированных воображаемых ситуациях, предполагающих персонификацию ненадежного рассказчика в процессе читательского постижения текста;

(2) имплицирует непреднамеренное самообвинение персонифицированного рассказчика;

(3) характеризуется как исторически обусловленный феномен [Курьянова и др., 2021; Расулова, 2024].

Во всех проанализированных выше исследованиях определяется психологический портрет ненадежных рассказчиков в указанных текстах В. В. Набокова, который включает в себя фокусирование читательского внимания на собственной эмоционально-чувственной иррациональной сфере (что, в свою очередь, индивидуализирует повествование), упоминании о сомнениях собственной достоверности.

Личность типизированного рассказчика и его индивидуальный стиль повествования призваны обеспечивать читателя достаточным объемом информации об образах персонажей и воспроизводимых ситуациях [Горобец, 2018, с. 28; Цатурян, 2023, с. 139]. Первоочередная задача рассказчика состоит в том, чтобы последовательно развивать повествование так, как это требуется читателю для многомерной интерпретации художественного текста [Баллард, 2008; Дзюбенко, 2022; Мартынова и др., 2021]. В процессе осознания аспектов, конструктивных для восприятия повествования, читатель оценивает параметры надежности рассказчика [Евсюкова и др., 2022, с. 98; Абраменко и др., 2022, с. 15; Токарева, 2023, с. 78]. По мере того, как в тексте актуализуется больше информации, взгляд читателя на повествование может кардинально отклоняться от первоначальной оценки.

Указанный «авторитет» и «весомость» рассказчика существенно расходятся с характером повествования в романе «Бледный огнь» В. В. Набокова. Чарльз Кинбот, один из рассказчиков, не вызывает у читателя доверия, не производит эффект достоверности, поскольку в его повествовании отсутствует целостность и логичность. Психологические качества личности Кинбота отражают хаотичное и иррациональное, спонтанное и непостоянное начала, вызывают поток воспоминаний о темной и неуправляемой силе, определяющей ход его жизни.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

«Бледный огонь» — это постмодернистская художественная игра в кошки-мышки с читателем, дискурсивная ловушка для исследователей. Роман состоит из поэмы, формируемой 999 строками, с предисловием редактора, примечаниями, указателем и корректурными исправлениями. Когда читатель собирает отдельные части ненадежного повествования в соответствии с инструкциями автора, подгоняет их под единый смысловой знаменатель с помощью подсказок и перекрестных ссылок, которые необходимо беспрестанно искать, раскрывается текст романа с искусно скрытой структурой. В свою очередь, эта структура основана на характерной набоковской трактовке: моделировании внутренних связей между встро-

енными уровнями текста, которые переворачивают стандартную иерархию повествования. Проблематичной для читателя становится прежде всего взаимосвязь между встроенным текстом и внешней рамкой повествования.

Убежденность Кинбота в том, что Тени в конечном счете выследят его, предопределяют его перманентный страх и невменяемость. Почти все вокруг воспринимаются им как враги, поэтому, когда он обнаруживает у себя в кармане анонимную записку, в которой сообщается: *«Ну и hal…..s же у тебя, друже»*, — он спонтанно интерпретирует слово *hal…..s* (*halitosis*, *дурное дыхание*) как *«галлюцинации»* [Набоков, 2022, с. 113]. Элементарное недоразумение (и неправильный подсчет Кинботом пропущенных букв) позволяет читателю проникнуть в сознание проблемной личности, которая страдает паранойей. Однако главная забота Кинбота — наследие, которое он должен оставить миру, связав свое земблянское прошлое со славой убитого поэта. Он сумасшедший и в отчаянии, однако полон решимости подтвердить подлинность своих фантазий ради самовозвышения.

В. В. Набоков отмечает, что «безумие — это всего лишь больная частичка здравого смысла, тогда как гениальность — это величайшее здравомыслие духа» [Набоков, 2021, с. 337]. Отчаявшись достичь величия, используя наследие своего покойного друга, Кинбот интерпретирует неожиданную смерть Шейда как удобную возможность воссоздать собственную историю. Реальность для Кинбота заключается в глубокой неудовлетворенности тем, что он заурядный индивид, отсутствии какого-либо экстраординарного потенциала подняться над среднестатистическими представителями социума.

3.1. Ненадежная реальность в творческом методе комментирования Чарльза Кинбота

По отношению к поэтическому тексту Шейда рассказчик определяет объективную реальность, приписывая равнозначную ценность исходному тексту (стихотворному произведению поэта) и дополнительным вторичным фактологическим (ненадежным) источникам, порожденным им самим: *«Разрешите мне сказать, что без моих комментариев текст Шейда попросту лишен всякой человеческой реальности, ибо человеческая реальность такой поэмы, как эта, чересчур капризной и сдержанной для автобиографии, с пропуском многих содержательных строк, необдуманно им отвергнутых, зависит полностью от реальности автора и его окружения, привязанностей и т. д., — реальности, дать которую могут только мои примечания»* [Набоков, 2022, с. 36]. Однако дополнительная «научная» деятельность Кинбота фокусируется на его собственном универсуме, а не на поэтической реальности безвременно погибшего друга. Воспоминания играют важную роль в его заблуждающемся сознании, защищая его от объ-

ективного мира, помогая осознать, что его универсум имеет сущностное значение. Раздутое эго заставляет рассказчика верить, что он вдохновил поэтическое творение Шейда своими рассказами об изгнанном короле Земблы, Карле Возлюбленном, поэтому, несмотря на то, что поэма кажется полностью автобиографичной (то есть о жизни Шейда), Кинбот настаивает, что глубоко внутри «Бледного огня» скрыта его личностная история.

Читатель с готовностью может сказать, что стихотворение Шейда не имеет никакого отношения к этой теме, однако Кинбот упорствует в своей иррациональной вере (более понятной, когда позже читатель узнает, что он сам является этим изгнанным королем). По сути, читатель призван преодолеть желание воспринимать роман с тем же небрежным эгоизмом, который заставляет Кинбота ошибочно постигать окружающую действительность. При таком формате повествования читатель, всецело полагаясь на рассказчика, оказывается не в состоянии объяснять себе текст. Таким образом, образ Кинбота как фигуры рассказчика, доминирующей в воображаемом универсуме «Бледного огня», порождает эпистемическую дестабилизацию общего повествования, нарушая этику общения с читателем.

Подготавливая академический комментарий к одноименному поэтическому тексту Шейда, рассказчик представляет поэта как своего друга и знаменитость. Шейд недавно был убит душевнобольным недалеко от своего дома в Нью-Уае. «Бледный огонь» — его последнее стихотворение, которое, как утверждает Кинбот, является законченным. Сам Кинбот ставит перед собой задачу сопроводить данное стихотворное произведение академическим комментарием. Несмотря на искреннее восхищение Шейдом, Кинбот критикует многие строки в стихотворении поэта, часто выдвигая предложения по улучшению определенных поэтических образов.

Характер деятельности Кинбота часто вызывает читательские сомнения в том, что ему можно доверять. Уже во вводном комментарии к содержанию стихотворения, Кинбот проявляет неосторожность, резюмирует первую песнь просто как *«все эти забавные птицы и паргелии»* [Набоков, 2022, с. 17], вместо того чтобы отметить эмоциональные трудности, которые Шейд обсуждает в этой части. Данный комментарий едва ли можно назвать академически релевантным резюме, побуждает читателя сосредоточиться на профессиональной некомпетентности комментатора, а не на содержании самой аннотации. Кинбот еще более отвлекает читателей от постижения логики художественного текста, прибегая к чрезмерно эмоциональным формулировкам: *«Ваша любимая Песнь вторая, а также Песнь третья, этот поразительный tour de force, одинаковы по длине…»* [Там же, с. 18].

Эти отвлекающие факторы отличаются градуируемой тенденцией, поскольку с самого начала своей комментаторской деятельности Кинбот раз-

вивает тему, отличную от стихотворения, например, выдвигая следующее мнение: *«Я хочу сказать, что он сохранял фактическую дату написания в предпочтение вариантам правки. Прямо напротив моей нынешней квартиры находится очень громкий увеселительный парк»* [Там же]. Вводное предикатное сочетание *«Я хочу сказать…»* вызывает у читателя ощущение, что Кинбот пытается проговорить свои мысли вслух, чтобы они резонировали с громкой музыкой, разносящейся по парку развлечений. Очевидно, что рассказчик с трудом сосредоточивается на роли комментатора.

Таким образом, первое зерно читательского сомнения в профессиональной компетентности автора комментариев успешно заронено при восприятии уже первых страниц романа. Со временем аберрации в сосредоточении на стихотворении Шейда становятся для комментатора все более регулярными. В результате Кинбот настойчиво вводит собственное «Я» в академический комментарий, преобразует «Бледный огонь» Шейда в субъективное повествование о собственной жизненной истории.

3.2. Психологическое состояние Чарльза Кинбота как источник его ненадежного комментирования

Рассказчик-комментатор, находящийся на вершине славы, в конце концов низвергается, оказываясь без друзей и в изгнании. Изоляция и мизантропия становятся для него своего рода безумием. Кинбот питает всевозможные фантазии, оставляя читателя в сомнении относительно его здравомыслия. Похоже, он страдает стойкой манией величия, убежденностью в том, что был ближайшим другом Шейда, и безумной верой в то, что пуля, убившая Шейда, на самом деле предназначалась ему. Персонажи, окружающие Кинбота, также признают его нестабильную и несговорчивую личность. Одна из его коллег в Нью-Уае выражает о Кинботе следующее мнение: *«Вы удивительно неприятный человек. Не пойму, как вас выносят Джон и Сибилла»… и … добавила: «Кроме того, вы сумасшедший»* [Набоков, 2022, с. 32].

Постепенно фигура Кинбота начинает доминировать над образом Шейда, чье поэтическое творчество, как предполагается, является главной темой романа. Когда Кинбот думает о том, как разгадать метафору *«Тысяча лет тому назад пять минут равнялось / Сорока унциям мелкого песка»* [Там же, с. 43], он заявляет, что не может найти решения, но, возможно, просто потому, что «устал». Этим суждением комментатор привлекает больше внимания к своему психологическому «Я», чем к содержанию стихотворения. Точно так же он пускается в описания того, как захватил контроль над рукописью или какими были погодные условия по прибытии в Нью-Уай. В этом случае Кинбот демонстрирует, как жилье, которое он получил, заставляет его терять всякую сдержанность: он делает очень не-

академический комментарий о том, что *«система отопления представляла из себя фарс»* [Там же, с. 25].

Подобное смещение акцента со стихотворения и его автора на фигуру комментатора также поддерживается, когда Кинбот отмечает, что Шейд — вегетарианец: это утверждение предлагается не как биографический факт об авторе стихотворения, а скорее как результат субъективных воспоминаний о первой встрече с Шейдом. Кинбот помнит, как Шейд предложил ему мясо, а он отказался, после чего поэт прокомментировал собственные предпочтения. Таким образом, тема воспроизводимого эпизода заключается в том, как Кинбот познакомился с Шейдом, а не в том, что Шейд является вегетарианцем. При таком переориентировании содержания комментария с образа Шейда и его стихотворения на фигуру комментатора Кинбот становится еще более ненадежным рассказчиком, далее терпит неудачу в роли автора академического аннотирования. Чем более пространно Кинбот предается собственным воспоминаниям, тем больше у читателя возникает сомнений в его психической стабильности. Изгнанный король находится в опасности из-за наемных убийц, и, таким образом, раскрытие того, что Кинбот — это Карл II, может привести к его убийству. Однако Кинбот не преминул привести доказательства того, что он и есть король, сразу же после предисловия.

Неспособность рассказчика объективно оценить факты побуждает читателя сомневаться в том, что выбор информации, осуществляемый Кинботом для комментария, является рациональным: если рассказчик неспособен оценить то, что обеспечило бы ему простое выживание, он некомпетентен для такой сложной задачи, как представление академического комментария. Эпистемические проблемы Кинбота с оценкой окружающей действительности гармонично сочетаются с его заблуждениями. Этот разрыв между его точкой зрения и общепринятым мнением проявляется постепенно.

Вопреки нарциссическому взгляду Кинбота на свою личность, его коллега называет его *«Великим бобром»* [Набоков, 2022, с. 31]. Различные упоминания о несуразных межличностных отношениях рассказчика с окружающими людьми приводят читателя к выводу, что многие из его начинаний связаны с взятками и что даже этой части повествования нельзя верить. Аналогичная двойственная точка зрения проявляется и в отношении академических навыков Кинбота. Коллеги оспаривают его компетентность в выполнении взятой на себя задачи. Он в отместку обвиняет их в том, что они питают к нему только *«густой яд зависти»* [Там же]. Его боязнь сотрудничества с окружающими людьми — которое могло бы выявить его некомпетентность — приводит к резкому разрыву отношений с Сибил

Шейд, как только она звонит Кинботу и просит его назначить других литературных экспертов Нью-Уая соредакторами поэтического произведения мужа. Постепенно читатель начинает осознавать, что Кинбот не просто ненадежный рассказчик, но и безумный человек.

3.3. Прагматическая специфика образа Чарльза Кинбота как ненадежного рассказчика

Кинбот предлагает добавить надпись «Комментарий» к тому разделу книги, которая не функционирует как надлежащий референт к ссылке «комментарий», поскольку недостает одного из важных атрибутов: аннотации комментатора не скрупулезно оперируют доказательствами. Кинбот не утруждает себя бременем доказательств и не сопровождает свой опус подробными исследованиями, но признает, что ему не хватает *«библиотеки в ... одинокой избушке, где* [он] *живет подобно Тимону в пещере»* [Набоков, 2022, с. 91]. За исключением одного интервью, он не проводил никаких исследований.

Примером этой неподготовленности являются попытки распознать цитаты из шекспировского «Тимона Афинского» в поэтическом тексте Шейда. Кинботу удается соединить фразу из стихотворения Шейда *«Помоги, мне, Вильям!»* [Там же, с. 80] с творением У. Шекспира, но он не уверен относительно происхождения цитаты, поэтому предлагает читателям провести собственное исследование, поскольку все, что у него есть в наличии на данный момент, — это карманное издание «Тимона Афинского». Однако цитата принадлежит не кому иному, как самому Тимону Афинскому. Следовательно, у Кинбота не только нет библиотеки, но и он не знает содержания единственной книги, в которую он мог бы заглянуть.

Позже он ссылается в комментарии на свой экземпляр «Тимона Афинского», передает информацию странным образом, поспешно переводя определенный фрагмент из зембланского текста пьесы У. Шекспира обратно на английский, потому что в данный момент у него нет доступной оригинальной версии. Это отступление и неспособность Кинбота использовать соответствующие источники еще больше подрывают ценность «Комментариев». Отсутствие конкретного текста заменяется альтернативным источником: Кинбот решает эту проблему, используя свою «компетентность» в качестве авторитета. Эта исследовательская методика повторяется неоднократно и иногда вообще служит заменой улик. Например, Кинбот упоминает, что Шейд, возможно, неоднократно переписывал свои поэтические строки из черновиков, но не подкрепляет это утверждение доказательствами, заявляет: *«как, я подозреваю»,* он иногда это делал [Там же, с. 18], — что не раскрывает каких-либо конкретных знаний. Текст, написанный Кинботом, перестает функционировать как академический комментарий.

Языковые знаки, обозначающие строго определенные понятия, в тексте романа постепенно утрачивает свою стабильность (и не только в названии раздела «Комментарии»). Встречается несколько названий для одних и тех же персонажей. У Градуса в помощниках два земблянских шпиона, и в «Комментарии» их зовут без разбора Андронников и Ниагарин [Там же, с. 281], затем Андрон и Ниагарушка [Там же, с. 294]. Сочетание *«Андронников и Ниагарин»* содержится также в «Указателе имен» [Там же, с. 347]. Однако эта запись в «Указателе имен» относится также к страницам, которые касаются сочетания *«Андрон и Ниагарушка»*. В воображаемом универсуме комментатора невозможно определить, какое написание является достоверным.

Кинбот без разбора использует заглавные и строчные буквы для обозначения одного и того же объекта. Это относится к академическим записям, номинирующих *Bombycilla S/shadei.* В «Комментарии» отмечается, что эта птица была названа в честь Сэмюэля Шейда, отца покойного поэта [Там же, с. 115]. Комментатор предполагает, что правильное написание на латыни должно быть со строчной буквы *shadei* вместо заглавной *Shadei*, которую выбрали биологи. В «Указателе имен» он использует исправленный вариант написания вместо канонизированной версии, которую он вообще не упоминает. В этом смысле «Указатель имен» отсылает скорее к взглядам Кинбота на номенклатуру, чем к реальному положению дел в этой области. Он создает еще большую двусмысленность, когда упоминает *Bombycilla S/shadei* не под этим названием, а под номинацией *свиристель*, не объясняя почему, лишь двусмысленно заявляя, что это *«интересная ассоциация, понятая с опозданием»* [Там же, с. 359].

Таким образом, комментатор подразумевает, что *Bombycilla S/shadei* выступает латинским эквивалентом слова *свиристель*, которое присутствует в стихотворении с самой первой строки. Кинбот прямо не указывает на это соответствие, он только полагает, что *свиристели* — более общий термином, чем *Bombycilla S/shadei*. И вдруг у номинации *Bombycilla* появляется множество ссылок даже на те фрагменты, где фигурирует название *свиристель*, что еще больше дестабилизирует функцию языка как средства обеспечения недвусмысленной номинации.

Возможность читателя поверить в то, что утверждается рассказчиком, является необходимым условием успешной художественной коммуникации. Если такой возможности нет из-за отсутствия устойчивой связи между формой и содержанием языковых выражений, это приводит к снижению достоверности повествования. Комментарии Кинбота утрачивают атрибуты, обычно присваиваемые ссылке «комментарий», поскольку их содержание вряд ли можно назвать надлежащей формой аннотирования.

Аналогичным образом в тексте ставится под сомнение стабильность другой номенклатурной подсистемы, к которой принадлежит термин *Bombycilla shadei*. Несмотря на ее дифференциацию с учетом начальных заглавных и строчных букв, она используется без разбора. В результате надписи и терминология в романе «Бледный огонь» вводят читателя в заблуждение, а их референты более далеки от их базовой ссылки. Эта коммуникационная энтропия еще больше способствует дестабилизации формы романа.

Составление окончательной текстовой версии стихотворения Шейда «Бледный огонь», осуществленное Кинботом, также представляет собой проблему. Трудно определить, что должно было быть выбрано в качестве подходящей дословной рукописи для публикации: существовало два набора карточек, на которых Шейд записал стихотворение. Кинбот предпочел использовать карточки в версии «Добросовестного копирования», а не в версии «Исправленного черновика». Произвольность отбора вызывает еще более сильное подозрение, когда Кинбот подчеркивает наличие дополнительного материала в черновиках, одновременно утверждает, что поэма закончена и включает 999 строк, решает проблему с недостающей 1000-й строкой, заполняя ее первой строкой стихотворения.

Однако профессор Хэйзель утверждает, что стихотворение должно было быть гораздо длиннее [Набоков, 2022, с. 221]. Если мы примем во внимание наличие дополнительного материала, то с таким же успехом это могла быть какая-то попытка Шейда написать следующие песни в том виде, в каком их видела Хэйзель. Но Кинбот, со своим субъективным взглядом на поэму, не учел этого. Читательские сомнения в достоверности сборника Шейда распространяются не только на выбор фактического источника и длину стихотворения. Проблема возникает и в микроскопическом универсуме построчного переписывания с карточек рукописи Шейда. Кинбот признает, что карточка с четвертой песней изобилует *«опустошительными подчистками и стихийного масштаба вставками»* [Там же, с. 18]. Другими словами, выбор конкретной формулировки стихотворной строчки Кинботом, возможно, не соответствует тексту в том виде, в каком это было задумано Шейдом. Отдельные слова можно было бы опустить, а некоторые, которые предполагалось опустить, можно было бы включить. Дестабилизировав стихотворение этими неумелыми вариантами выбора, Кинбот манипулирует восприятием поэтического текста читателем.

«Предисловие», «Комментарии» и «Указатель имен», написанные Кинботом, преследуют одну цель: превратить поэтический текст Шейда из автобиографической поэмы в произведение, актуализующее земблянскую тематику, или, по крайней мере, мотивировать читателя к обнаружению этой тематики, формально воспринимать комментируемый текст не как

исповедальное стихотворение, а скорее как элегию или оду. Кинбот укрепляет свою позицию, предлагая метод чтения и интерпретации всей книги: он умоляет читателя не начинать с чтения стихотворения, а сначала прочитать комментарий, затем свериться с ним во время чтения стихотворения и, возможно, после этого, в заключение еще раз взглянуть на комментарий [Там же, с. 23]. Однако такой подход заведомо (и, возможно, преднамеренно) негативно влияет на читательское восприятие стихотворения Шейда, а объяснения Кинбота становятся неосознаваемой основой для понимания поэтического текста. Кроме того, Кинбот полагает, что комментарий должен быть прочитан трижды, в то время как само стихотворение Шейда — только один раз. Таким образом, сопроводительная комментирующая часть оказывается в приоритете над стихотворением.

Кинбот рекомендует подобную исследовательскую методику, потому что он постепенно получает контроль над комментарием, который должен быть воспринят читателем в облигаторном порядке, следит за тем, чтобы в нем форма «Бледного огня» использовалась исключительно в качестве отправной точки для его субъективного зембланского повествования. Вначале он делает это, казалось бы, незаметно, то есть проводит параллели за пределами стихотворения со своей собственной жизнью, однако, эта стратегия подытоживается в следующем его умозаключении: *«…я не сомневаюсь, что наш поэт понял бы искушение, испытанное его комментатором, синхронизировать с этой датой роковой факт — отбытие из Зембли будущего цареубийцы Градуса. На самом деле Градус покинул Онхаву 5 июля на копенгагенском самолете»* [Там же, с. 84]. В конце концов, Кинбот выходит за рамки элементарного установления параллелей между стихотворением Шейда и повествованием о Зембле: он все чаще представляет скрупулезные детали, которые не имеют никакого отношения к строкам стихотворения, поэтому вряд ли могут быть названы «релевантными объяснениями».

Ярким примером такого подхода является примечание к строке 62, содержащее слово *часто*, что побуждает Кинбота начать текст с этого слова, а затем продолжить повествование о собственных заботах. Таким образом, он постепенно ослабляет роль «Бледного огня» в пользу своей Земблы, которая воплощена в «Указателе имен», где «Бледный огонь» не упоминается вовсе. Кинбот создал субъективное предисловие и комментарии, полностью опуская любое упоминание о стихотворении. При этом ссылки на Шейда вдвое короче тех, что посвящены Кинботу. В этом смысле в «Комментарии» можно найти мало оснований для понимания стихотворения. Если воспринимать комментарии буквально, то складывается ложное мнение о том, что сюжет поэтического текста отражает исключительно

встречи Кинбота с Шейдом, а сам текст написан под непосредственным влиянием этих встреч.

Воображаемый универсум «Бледного огня» не отличается стабильностью. Личности персонажей окутаны неясностью. Читатель не уверен, существовали ли Шейд и Кинбот одновременно на самом деле. Он не осознает, достоверно ли то, что рассказывает Кинбот, хотя его примечания к стихотворению, написанному предполагаемым Шейдом, составляют большую часть текста романа. Возможно, Кинбот придумал Шейда как персонажа, чтобы скрыть свою собственную опасную личность сбежавшего бывшего короля из Земблы, или Шейд придумал Кинбота, чтобы скрыть свою смерть; возможно, то, что рассказал нам Кинбот, истина, и Шейд действительно жил в Нью-Уае, пока его общение с комментатором не привело к случайной гибели поэта. Однако читателю не обязательно принимать решение в пользу одной реальности. Суть магического реализма В. В. Набокова заключается в неопределенности, балансировании между возможными реалиями повествования, а не в поиске окончательного решения неразрешимого спора. Читателю предлагается собрать воедино сюжетные линии, уделяя пристальное внимание мифическому неуловимому мировоззрению.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, отсутствие целостности и логичности повествования Кинбота проистекает из следующих трех фактов:

1) рассказчик постоянно прерывает выполнение самовольно взятой на себя задачи по комментированию академического издания поэмы Шейда, которое фактически не реализуется, остается бессвязным;

2) рассказчик насильно вклинивает свое «Я» в сюжет поэтического текста Шейда, используя структуру псевдоаннотаций, выстраивает воображаемые иррациональные связи между строками или словами из стихотворения Шейда и своими выдуманными воспоминаниями;

3) текст комментария свидетельствует о сильной психической нестабильности Кинбота, что приводит к его авторской предвзятости, неуместной для жанра академической аннотации.

Кинбот отличается от типичного, «идеального» рассказчика тем, что не выполняет искомую функцию, использует неподходящую дикцию и рассеянно комментирует разрозненные события, которые негативно влияют на текущую ситуацию. Другим фактором, диагностирующим его ненадежность, является самовольное введение собственного «Я» в текст, приписывание себе значимости, что низвергает его роль профессионального комментатора. Наконец, психическая нестабильность делает Кинбота

манипулятором и непригодным для ответственного выполнения задачи, которую он взвалил на себя. В результате раздел романа, озаглавленный «Комментарий», на самом деле не содержит комментариев, проблема достоверности языка еще вернее приводит к растворению общепринятого повествовательного формата в тексте романа «Бледный огонь».

Комментаторская деятельность Кинбота подталкивает читателя к мысли о том, что копия стихотворения Шейда, находящаяся в распоряжении читателя, не является окончательной по форме, она предстает лишь потенциальной версией, на которую повлияли внешние обстоятельства. Вполне возможно, что должна была быть опубликована другая версия стихотворения, вероятно, иной длины. Даже точно воспроизвести название стихотворения комментатору не удалось как из-за неразборчивого текста, так и из-за намеренных изменений Кинбота. Впоследствии эта произвольная компиляция названия снабжается «академическим текстом» от комментатора, чей метод работы заключается в формировании восприятия стихотворения и его формы в свою пользу. Следовательно, форме романа наносится последний удар: на фигуру рассказчика и автора комментария нельзя положиться, оригинальная сюжетная линия стихотворения не может быть доподлинно определена. Текст самого романа оказывается поразительно нестабильным как по форме, так и содержанию.

Значение образа ненадежного рассказчика как риторического инструмента для создания художественных жизнеописаний нуждается в дальнейшем изучении. Если отвлечься от внетекстовых несоответствий, которые не способствуют кодификации текста, то дальнейший анализ должен быть сосредоточен на повествовательной дистанции, то есть на возможности создания ощутимого разрыва между автором и рассказчиком, поскольку мемуары (возможно, доминирующий в современной биографии художественный жанр) — предполагают не столько воспроизведение прошлых событий, сколько процесс когнитивной проработки некогда прожитой событийности. Субъективная истина принципиально недостижима, неопределенность и двусмысленность могут быть эффективно и этично включены в художественную биографическую литературу, чтобы служить большей истине, переданной читателям через приемы недостоверного повествования.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Набоков В.* Лекции по русской литературе / В. Набоков. — Москва : Азбука, 2021. — 448 с. — ISBN 978-5-389-11253-7.

2. *Набоков В. В.* Бледный огонь / В. В. Набоков. — Москва : АСТ : CORPUS, 2022. — 368 с. — ISBN 9785171378349.

Литература

1. *Абраменко Е. В.* Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута / Е. В. Абраменко, Т. В. Евсюкова. — Ростов-на-Дону : Индивидуальный предприниматель Беспамятнов Сергей Владимирович, 2022. — 155 с. — ISBN 978-5-6049038-1-0.

2. *Баллард А.* В поисках рассказчика (столкновение творческих сил в «Соглядатле» Набокова) / А. Баллард // Новый филологический вестник. — 2008. — № 1 (6). — С. 181—187.

3. *Горобец А. Ф.* Сравнение как средство оценочной репрезентации персонажа в художественной прозе У. С. Моэма и И. С. Тургенева : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Ф. Горобец. — Краснодар, 2018. — 207 с.

4. *Дзюбенко А. И.* Художественный текст в парадигме модальности : достоверность события / А. И. Дзюбенко // Актуальные проблемы филоло-гии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 69—79. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79.

5. *Евсюкова Т. В.* Категория отрицания как средство манипулирования читательским вниманием в романе Дж. Хеллера «Поправка-22» : дискурсивный подход / Т. В. Евсюкова, С. С. Геворкян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 94—104. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-94-104.

6. *Жиличева Г. А.* Функции «ненадёжного» нарратора в русском романе 1920—1930-х годов / Г. А. Жиличева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2013. — № 11 (139). — С. 32—36.

7. *Иштоян К. Г.* Прием концептуальной интеграции как способ организации нетипичного повествования (на материале современной английской прозы) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. Г. Иштоян. — Ростов-на-Дону, 2013. — 169 с.

8. *Курьянова В. В.* Ненадежный рассказчик (на материале романа В. В. Набокова «Лолита») / В. В. Курьянова, А. А. Савинова // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы VI Международного научного конгресса / ред. Е. В. Полховская. — Симферополь : ООО «Издательство Типография “Ариал”», 2021. — С. 131—135.

9. *Мартынова Т. И.* Образ рассказчика в произведениях Михаила Зощенко / Т. И. Мартынова, Е. Н. Бескровная // Поволжский вестник науки. — 2021. — № 4 (22). — С. 88—90.

10. *Мурзахмедова Г. М.* Феномен «ненадёжного» рассказчика в романе В. Набокова «Лолита» / Г. М. Мурзахмедова, К. Т. Касымова // Вестник Бишкекского государственного университета. — 2022. — № 1 (59). — С. 36—38. — DOI: 10.35254/bhu/2022.59.36.

11. *Николина Н. Н.* Типы ненадежных рассказчиков в англоязычной литературе / Н. Н. Николина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2023. — Т. 16. — № 10. — С. 3138—3143. — DOI: 10.30853/phil20230488.

12. *Расулова Ф. Ф.* Образ Гумберта как олицетворение приема «ненадежный рассказчик» (на материале романа В. В. Набокова «Лолита») / Ф. Ф. Расулова, С. С. Трохова // Человек. Социум. Общество. — 2024. — S 2. — С. 6—10.

13. *Смоленская М. А.* Проблема точки зрения в произведении с «ненадежным» нарратором (на материале повести В. Набокова «Соглядатай») / М. А. Смоленская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2021. — Т. 23. — № 79 (1). — С. 151—154. — DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154.

14. *Токарева И. А.* Семантико-синтаксическое представление ядерного предиката фрейма в художественном нарративе (на материале русской про-зы двадцатого века) : диссертация … кандидата филологических наук : 5.9.8. / И. А. Токарева. — Ставрополь, 2023. — 189 с.

15. *Цатурян М. М.* Поливариантивность переводов художественного текста в рамках коммуникативно-прагматического подхода / М. М. Цатурян. — Краснодар : ООО «Просфещение-Юг», 2023. — 259 с. — ISBN 5-8209-0246-7.

16. *Jacke J.* Unreliability and narrator types. On the application area of «unreliable narration» / J. Jacke // Journal of Literary Theory. — 2018. — № 12 (1). — Pp. 3—28. — DOI: 10.1515/jlt-2018-0002.

17. *Nünning V.* Conceptualising (un)reliable narration and (un)trustworthness / V. Nünning // Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives. — Berlin / Munich / Boston : Wal-ter de Gruyter GmbH, 2005. — Pp. 1—30. — DOI: 10.1515/9783110408263.1.

18. *Pettersson B.* Kinds of unreliability in fiction : narratorial, focal, expositional and combined / B. Pettersson // Unreliable Narration and Trustworthi-ness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives. — Berlin / Munich / Boston : Walter de Gruyter GmbH, 2005. — Pp. 109—130. — DOI: 10.1515/9783110408263.109.

19. *Phelan J.* Reliable, unreliable, and deficient narration : a rhetorical account / J. Phelan // Narrative Culture. — 2017. — Vol. 4. — № 1. — Pp. 89—103. — DOI: 10.13110/narrcult.4.1.0089.

20. *Zipfel F.* Unreliable narration and fictional truth / F. Zipfel // Journal of Literary Theory. — 2011. — № 5 (1). — Pp. 109—130. — DOI: 10.1515/JLT.2011.009.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

Material resources

Nabokov, V. (2021). *Lectures on Russian literature.* Moscow: Azbuka. 448 p. ISBN 978-5-389-11253-7. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2022). *Pale fire.* Moscow: AST: CORPUS. 368 p. ISBN 9785171378349. (In Russ.).

References

Abramenko, E. V., Evsyukova, T. V. (2022). *Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut.* Rostov-on-Don: Individual entrepreneur Sergey Vladimirovich Bespamyatnov. 155 p. ISBN 978-5-6049038-1-0. (In Russ.).

Ballard, A. (2008). In search of a narrator (the clash of creative forces in Nabokov's "The Spy"). *New Philological Bulletin, 1 (6):* 181—187. (In Russ.).

Dzyubenko, A. I. (2022). Artistic text in the paradigm of modality: the authenticity of an event. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4:* 69—79. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-69-79. (In Russ.).

Evsyukova, T. V., Gevorkyan, S. S. (2022). The category of denial as a means of manipulating the reader's attention in the novel by J. Heller's "Amendment-22": a discursive approach. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 4:* 94—104. DOI: 10.29025/2079-6021-2022-4-94-104. (In Russ.).

Gorobets, A. F. (2018). *Comparison as a means of evaluating the representation of a character in the fiction of U. S. Maugham and I. S. Turgenev.* PhD Diss. Krasnodar. 207 p. (In Russ.).

Ishtoyan, K. G. (2013). *The method of conceptual integration as a way of organizing an atypical narrative (based on the material of modern English prose).* PhD Diss. Rostov-on-Don. 169 p. (In Russ.).

Jacke, J. (2018). Unreliability and narrator types. On the application area of "unreliable narration". *Journal of Literary Theory, 12 (1):* 3—28. DOI: 10.1515/jlt-2018-0002.

Kuryanova, V. V., Savinova, A. A. (2021). The unreliable narrator (based on the material of V. V. Nabokov's novel Lolita). In: *Foreign philology. Social and national variability of language and literature: Materials of the VI International Scientific Congress.* Simferopol: LLC Publishing House Printing House "Arial". 131—135. (In Russ.).

Martynova, T. I., Beskrovnaya, E. N. (2021). The image of the narrator in the works of Mikhail Zoshchenko. *Volga Region Bulletin of Science, 4 (22):* 88—90. (In Russ.).

Murzakhmedova, G. M., Kasymova, K. T. (2022). The phenomenon of the "unreliable" narrator in V. Nabokov's novel Lolita. *Bulletin of Bishkek State University, 1 (59):* 36—38. DOI: 10.35254/bhu/2022.59.36. (In Russ.).

Nikolina, N. N. (2023). Types of unreliable narrators in English-language literature. *Philological sciences. Questions of theory and practice of Philology. Theory & Practice, 6 (10):* 3138—3143. DOI: 10.30853/phil20230488. (In Russ.).

Nünning, V. (2005). *Conceptualising (un)reliable narration and (un)trustworthiness. Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives.* Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 1—30. DOI: 10.1515/9783110408263.1.

Pettersson, B. (2005). Kinds of unreliability in fiction: narratorial, focal, expositional and combined. In: *Unreliable Narration and Trustworthiness. Intermedial and Interdisciplinary Perspectives.* Berlin/Munich/Boston: Walter de Gruyter GmbH. 109—130. DOI: 10.1515/9783110408263.109.

Phelan, J. (2017). Reliable, unreliable, and deficient narration: a rhetorical account. *Narrative Culture, 4 (1):* 89—103. DOI: 10.13110/narrcult.4.1.0089.

Rasulova, F. F., Trokhova, S. S. (2024). The image of Humbert as the personification of the "unreliable narrator" technique (based on the material of V. V. Nabokov's novel Lolita). *Human. The society. Society, S 2:* 6—10. (In Russ.).

Smolenskaya, M. A. (2021). The problem of point of view in a work with an "unreliable" narrator (based on the material of V. Nabokov's novel "The Spy"). *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences, 23 / 79 (1):* 151—154. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-151-154. (In Russ.).

Tokareva, I. A. (2023). *Semantic and syntactic representation of the nuclear predicate of the frame in an artistic narrative (based on the material of the Russian literature of the twentieth century).* PhD Diss. Stavropol. 189 p. (In Russ.).

Tsaturyan, M. M. (2023). *Multivariance of literary text translations within the framework of a communicative and pragmatic approach.* Krasnodar: Prosfeschenie-Yug LLC. 259 p. ISBN 5-8209-0246-7. (In Russ.).

Zhilicheva, G. A. (2013). The functions of an "unreliable" narrator in a Russian novel of the 1920s—1930s. *Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University, 11 (139):* 32—36. (In Russ.).

Zipfel, F. (2011). Unreliable narration and fictional truth. *Journal of Literary Theory, 5 (1):* 109—130. DOI: 10.1515/JLT.2011.009.

The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Юй Сян. Избыток чувственности : поэтика гротеска в пьесах Нины Садур / Юй Сян // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 292—309. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-292-309.

Yu Xiang. (2024). Excess of Sensuality: Poetics of Grotesque in Plays of Nina Sadur. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 292-309. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-292-309. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Избыток чувственности: поэтика гротеска в пьесах Нины Садур

Юй Сян
orcid.org/0009-0004-7254-1786
PhD, лектор,
кафедра русского языка
9820220040@nankai.edu.cn

Нанькайский университет
(Тяньцзинь, Китай)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
правительства
Китайской Народной Республики
(КНР),
грант NSSFC, проект № 23WW020.

Автор выражает
глубокую признательность
доктору философских наук
И. Болдоновой за помощь
в подготовке русского варианта
текста статьи

Excess of Sensuality: Poetics of Grotesque in Plays of Nina Sadur

Yu Xiang
orcid.org/0009-0004-7254-1786
PhD, Lecturer,
Department of Russian Language
9820220040@nankai.edu.cn

Nankai University
(Tianjin, China)

Acknowledgments:
This research was supported
by the Chinese government,
grant NSSFC,
Project № 23WW020.

The author expresses
their sincere gratitude
to Dr. I. Boldonova
for her assistance in preparing
the Russian version of the article text

© Юй Сян, 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается поэтика гротеска в пьесах Нины Садур. Материалы включают в себя драматические сборники «Чудная баба» и «Обморок», серию интервью и её статьи о творчестве. Отмечается, что поэтика гротеска соотносится с творческой целью писателя — стимулирование индивидуальной чувственности и усиление эстетической способности восприятия мира и жизни посредством драматического искусства. В статье анализируются богатые гротескные образы, которые разрушают когнитивную инерцию и раскрывают тайное существование множественных миров. Выявляются символические функции человеческого тела. Проанализированы персонажи, у которых имеются психические аномалии и связанные с ними странные действия как способы создания собственного ритуально-мифологического хронотопа и формирования гротескного трагикомического эффекта на уровне симбиоза и смешения двух театральных хронотопов. Доказано, что Нина Садур своеобразной художественной поэтикой, идущей вразрез с разумом и научностью, создает в театре мистический мир, существующий вне настоящего мира, выражает альтернативную загадочную психологическую правду. В этих поэтических моментах заключаются мистические дуалистические опыты гротескной эстетики пьес Садур. Автор статьи делает вывод, что поэтика гротеска коренится в столкновении природного инстинкта Нины Садур с реальностью её жизни и соответствует творческому стремлению к восстановлению и возвышению чувственности индивидуума.

Ключевые слова:
Нина Садур; гротеск; Химера; тело; галлюцинация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the poetics of the grotesque in the works of Nina Sadur, focusing on her dramatic collections “Chudnaya Baba” [Strange Woman] and “Obmorok” [Fainting], alongside a series of interviews and her writings on creativity. It is noted that the poetics of the grotesque aligns with the writer’s creative objective — stimulating individual sensuality and enhancing the aesthetic capacity to perceive the world and life through dramatic art. The analysis delves into rich grotesque imagery that disrupts cognitive inertia and reveals the hidden existence of multiple worlds. The symbolic functions of the human body are examined, as well as characters exhibiting psychological anomalies and their associated peculiar actions, which serve as methods for constructing their own ritual-mythological chronotope and generating a grotesque tragicomic effect through the symbiosis and blending of two theatrical chronotopes. It is demonstrated that Nina Sadur, through her unique artistic poetics that diverge from rationality and scientific discourse, creates a mystical realm within the theater that exists outside the present world, expressing an alternative, enigmatic psychological truth. These poetic moments encapsulate the mystical dualistic experiences of the grotesque aesthetics present in Sadur’s plays. The author concludes that the poetics of the grotesque is rooted in the clash between Nina Sadur’s primal instincts and the reality of her life, reflecting a creative aspiration to restore and elevate individual sensuality.

Key words:
Nina Sadur; grotesque; Chimera; body; hallucination.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 821.161.1Садур.07
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-292-309

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Избыток чувственности: поэтика гротеска в пьесах Нины Садур

© Юй Сян, 2024

1. Введение = Introduction

В ноябре прошлого года скончалась выдающаяся писательница-драматург Нина Николаевна Садур, которая была «одним из ведущих российских драматургов» [Успенская, 2005, с. 258] и считалась «творцом нового мифа», совершившим чуть ли не революцию в русском театре» [Там же, с. 257]. Постановка ранней пьесы «Чудная баба» была «поворотным моментом современной русской драмы» [Senelick, 2007, с. 332]. Садур при своей жизни выпустила только два сборника пьес — «Обморок» и «Чудная баба», но её драматургия достаточно значительная и новаторская, чтобы привлечь внимание критиков, литераторов и театроведов. Театр Н. Садур показывает разнообразие художественных элементов, слияние древнего и современного, классического и модернистского, бытового и фантастического, трагического и карнавально-комического, его плюрализм и дуализм были для русского театра рубежа веков и незнакомыми, и революционными. Это было «новое явление, не имеющее названия» [Кононенко, 2003, с. 167]. Оно принесло национальному театру оригинальный инновационный поворот.

Формирование ее гротескного стиля не было случайным, эта черта творческой манеры Садур коренится в ее личном опыте. В опубликованных интервью с писательницей явственно высвечиваются творческие предпочтения драматурга и те ключевые задачи, которые она видела существенными для себя: Садур неоднократно подчеркивала, что ее театр основан на «импульсе чувствования» [Садур, 1993, с. 10], в нем должны быть изображены люди, полные чувств, возбуждённые детские сердца и «картины удивительные», сказочные [Садур, 2015]. Она негативно относилась к «нечувственному» искусству, которое было известно скрупулезной точностью по сравнению с «Новым театром», хотя и он воспринимался ею как чуждый чувственности. «Новый театр» появился в России на рубеже веков и сразу стал феноменальным явлением, типичным признаком которого является постмодернистская документальность и перформанс. Садур, непоколеби-

мая в своей критике, писала: «Вся эта новая драма, от пьесы до постановки, лишена чувственности» [Садур, 2012, с. 187]. Особое предпочтение чувственности объясняется её сибирской натурой, близостью к природе, с детства она была увлечена «таинственностью» другого мира [Садур, 2015], поэтому обладала почти мистической способностью чувствовать таинственное. Ориентированность на осмысление личности человека и инстинктов стала принципом её литературного творчества, миссия которого, по её мнению, была не в том, чтобы стремиться к рациональности и научной точности, а в том, чтобы раскрывать и развивать чувственную интуицию. Способность проникнуть сквозь твердую оболочку материальной реалии и открыть «мистическое» затуманенного мира она считала идеалом будущей литературы, что получило название «прозрачного реализма» [Садур, 1998, с. 80]. Главная идея «прозрачного реализма» — воспринимать и рассматривать данность как наложение множества слоев, как дуалистический симбиоз повседневных картин Аполлона с дионисийским началом чудес и карнавала в одном объекте. Таким образом, драматургия Садур ярко отличается поэтикой «гротеска» и гротескной эстетикой.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Далее мы представим исследование драматургии Н. Садур сквозь призму поэтики гротеска. Понятие «гротеск» М. М. Бахтин охарактеризовал общепринятыми признаками — преувеличение, гиперболизм, чрезмерность, избыток [Бахтин, 2010, с. 327]. По мнению Бахтина, гротеск — фактически «трансгрессия»: «Гротескное тело не отграничено от остального мира, не замкнуто, не завершено, не готово, перерастает себя самого, выходит за свои пределы» [Бахтин, 2010, с. 36], оно смешано с миром, животными и вещами. Гротеск пересекает границы гармоничности мира, привнося в него хаотические и абсурдные начала. В. Э. Мейерхольд, теоретик авангардизма и практик русского гротескного искусства, систематически анализировал приём «гротеска» в 1918—1919 годах в цикле лекций «Амплуа актеров» и «Балаган». В его работах предложено более актуальное и всеобъемлющее определение: «Всё искусство гротеска есть не что иное, как борьба между Stoff und Form (материалом и формой)» [Мейерхольд, 2001, с. 156]. Действительно, гротеск есть эстетические приёмы, которые в первую очередь не «применяются в обыкновенном языке» [Там же, с. 143]. Это симбиоз разных образов и явлений, сочетание которых оказывается несвязанным, насильственным и аномальным, противоречит логично-разумному восприятию, вызывает на чувственном уровне опыт удивительный, ужасный и мистический. Таким образом, в гротеске часто заключается дуализм полюсов, единство противоположностей, как «низ-

кое и высокое, обыденное и изысканное, смешное и серьёзное» [Михайлов, 2007].

Мейерхольд считал, что гротеск в России сформировался и развивался благодаря тому, что «Калло влияет на Гофмана, Гофман на Гоголя» [Мейерхольд, 2001, с. 142]. Безусловно, Гоголь занимает ключевое место в русском гротеске, именно ему принадлежит «особая роль в формировании гротескной эстетики» [Лейдерман, 2003, с. 136] не только в национальной, но и современной мировой культуре. Садур можно считать наследницей Гофмана и Гоголя. В интервью она утвердительно говорила о том, что Гофман — один из немногих писателей, которые ей нравятся, а влияние Гоголя на ее жизнь и творчество чрезвычайно велико. О гротеске в драматургии Садур сказано уже немало. Как считали Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий, драма Садур полна разнообразными монстрами, её театр всегда «напоминает кунсткамеру» [Там же, с. 517], которому присущи такие черты, как «жанровая традиция “миракля”, действо о чудесах» и «мистический гротеск» [Там же, с. 510, 517]. М. Громова также отметила, что театральный мир Садур увлечен «некими таинственными, редко обнаруживающими себя силами» и «страшными и пугающими проявлениями» [Громова, 2009, с. 203], в нём ярко показан «дуализм, поэтическая фантасмагоричность в сочетании с узнаваемой реальностью» [Там же, с. 203]. Подобное мнение выражает и А. К. Успенская, отмечая, что Садур создает некий новый драматический жанр, ей удается соединить «реальность и фантастику во вкусе абсурдистов, гротеск и тонкий лиризм» [Успенская, 2005, с. 257]. В публикации китайских исследователей Ван Лидань и Ли Жуэйлянь о современной русской драматургии подчеркивается, что драма Садур создает своего рода «аномальную, странную красоту» [Ван Лидань и др., 2016, с. 37], и для современных людей это и есть парадоксальный эстетический опыт, заставляющий читателей трепетать.

В нашей статье гротеск будет исследоваться в рамках драматической поэтики на трёх уровнях: во-первых, гротеск как сверхъестественный образ; во-вторых, гротеск как зрелище телесной драмы; в-третьих, гротеск как симбиоз разнородных хронотопов. Материалом статьи послужили пьесы Нины Садур, серия её интервью и статьи о творчестве, а также научные статьи, монографии и сборники, посвященные драматургии и театральной деятельности Н. Садур не только в российском и китайском, но и более широком — мировом — контекстах.

Главными методологическими основаниями данной работы являются синхронный, компаративный и индуктивный подходы. В статье одновременно рассматриваются пьесы Нины Садур с точки зрения основных принципов гротескной теории, проводится сравнение конкретных приме-

ров гротеска из пьес, а также примеры распределяются на группы как иллюстрации разных поэтических аспектов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Сверхъестественные образы в пьесах Садур

Сверхъестественные образы являются фундаментальной единицей гротескной поэтики Садур. Внешние формы и внутренние значения таких образов нарушают естественное чувственное восприятие обыденной жизни. Корни гротескного изображения можно проследить еще со времен античности, его расцвет пришелся на период Возрождения, когда характерным признаком раннего гротескного изображения оказывается «свободное сочетание живописных элементов: человеческие формы переходили в животные и растительные, фигуры людей вырастали из чашечек цветов, растительные побеги сплетались с химерами и причудливыми строениями» [Николюкин, 2001, с. 189]. В. Э. Мейерхольд выражал мнение, что основное свойство рода гротеска есть «перестройка (искажение) природы» за счет комбинации элементов образов, соединения того, что не соединяется в реальном практическом опыте. Если искажение переходит границы разумности и чувственности, доводя человека до «нематериальной игры фантазии», тогда оно «обращает гротеск в химеру» [Мейерхольд, 1922, с. 14].

Химера — монстр древнегреческой мифологии, сверхъестественный образ, основанный на аномальном сочетании разных частей. В пьесах Садур неизменно присутствуют фантастические образы. Более того, как отмечает О. А. Кононенко, художественный мир драмы Н. Садур полон «оборотнями, <чудными бабами>, химерами» [Кононенко, 2003, с. 167]. Эти аномальные гротескные объекты абсурдны и странны в повседневной жизни, их неожиданное появление искажает сценическое время и пространство и, как чёрная дыра с сильным притяжением, привлекает внимание, под их влиянием сознание воспринимающего сходит с рельсов и начинает двигаться по маршруту, ведущему к скрытым мирам и истинам.

(1) Ведьма — классический гротескный образ у Садур. В таких пьесах, как «Чудная баба», «Фалалей», «Миленький, рыженький», «Чардым» и «Смертники», читатель встречает варианты этого образа. Драматург по традиции сохраняет фантастический, пугающий колорит ведьмы, одновременно превращая её в современного человека с экстравагантными манерами и экстрасенсорными способностями. В «Чудной бабе» деревенская женщина Убиенько ходит босиком, «перепрыгивая через холмы и канавы» [Садур, 2015, с. 253], облизывает губы, странно улыбается, поет грубую песню и заявляет, что сама есть «мировое зло». Сначала она предлагает Лидии игру в догонялки и в качестве награды спасение не только себя, но

и всего мира: «Я — убегаю. Ты — догоняешь. Поймаешь — рай, не поймаешь — конец всему свету» [Садур, 2015, с. 258]. Затем она показывает Лидии чудесное зрелище «линьки» и обновления земли. Наконец, заявляет, что Лидия была последним человеком, которого она не съела. Чтобы Лидия могла жить нормальной жизнью, Убиенько оставляет ей мужа и детей, которые были «как настоящие! Точь-в-точь!» [Садур, 2015, с. 262]. Лидии Петровне приоткрылся другой мир, это знание вступило в конфликт с её разумностью, разрушило привычное бытие, и она стала сомневаться в подлинности своей жизни, в том числе семьи и коллег.

Пьеса «Фалалей» написана по мотивам романа А. Погорельского «Лафертовская маковница» (1825). Старуха, продающая по будням маковые лепешки, на самом деле оказывается богатой ведьмой и тайно занимается гаданием. Когда ее внучка Марта пришла к ней взять деньги на приданое, она научила Марту заклинанию, превратившему стол в колодец с богатством.

Старуха-домовладелица в «Миленьком, рыженьком» также является ведьмой, распевает непонятные песни и беседует с мебелью. Каждую ночь из-за занавески, где она спит, слышны ужасные звуки.

Ведьма у Садур представляет мистическое начало: она знакома с другим миром и владеет некой истиной, говорит как будто другим языком о непонятных знаниях и секретах, чем в повседневности пугает людей.

(2) Кот в пьесах выступает в качестве супруга-компаньона ведьмы, он действует вольно, олицетворяет собой начало хаоса и ужаса. В пьесе о старухе-домовладелице с героиней живет «миленький, рыженький» кот, присутствие которого вызывает у нее сильное психологическое волнение. Странная связь между старухой и котом ужасает студентку Наташу. Как-то ночью Наташе явился кот с наташиным лицом в маленькой сшитой ею рубашечке. Чёрный кот в «Фалалее» хотел жениться на Маше, для чего притворился немецким доктором под именем Котт. Он навещает девушку в обличие человека, однако, когда перед его носом машут бумажкой на веревочке, он «не выдерживает соблазна, начинает гоняться, ловить бумажку ... трагически мяукает и убегает» [Садур, 2015, с. 238].

В «Чардыме» свирепая рысь — «тварь неясная» — последовала за дояркой Анной Ивановой по заснеженной тропинке, «бросилась на грудь к ненаглядной в объятья», но не успела женщина опомниться, как ей «взрезали» горло [Там же, с. 258]. Пока героиня умирала, «ясная рысь аккуратно лакала молоко из бидона» [Там же]. Двадцать местных «уязвленных мужиков», возмутившись, начали преследовать рысь, «они ее загнали, пушистую, всю прострелили многожды, думая, что им нравится ее смертный визг» [Там же]. Животное вызвало у мужчин «одну рыжую пушистую страсть», которая стала бушевать в их груди, и поэтому они долго «крича-

ли в тишине ясного сумеречного леса, рыскали, температурили, звали» и «до конца жизни ... побросали жен своих, ушли в запой, и ночью сквозь слезы — золотые ледяные очи им, и молоко, и синева, и Бог с ними совсем» [Там же]. В этой истории есть национальный символизм: Анна Иванова — воплощение образа чистой трудящейся России, а рысь — хаоса и разрушения, несущего смерть и сводящего с ума русских мужиков, которые вместо того, чтобы «взять было снотворную ампулу, зарядить ружье, выстрелить в эту зверушку, которая не поддается приручению, и, пока она спит, пока действует ампула, зацеловать ее всю, рысь такую, и убежать» [Там же], сгоряча поддались страсти разрушения и потеряли себя.

(3) Дьявол — постоянный гость театра Садур. В созданную по одноименному роману писателя Ж. Казотта комедию «Влюбленный дьявол» автор вводит верблюжью башку Вельзевула, которая в луче света «тянется с поцелуем к Дону Альвару» [Садур, 2015, с. 316], превращается в Пажа и прекрасную Бьондетту, чтобы соблазнить молодого офицера и влюбить его в себя. При этом дьявол у Садур особый, как отмечает критик А. А. Соколянский, «темные, глубинные силы в мире Нины Садур — не бесовской, а скорее языческой природы» [Соколянский, 1995, с. 237].Так, в «Панночке» дочка пана является олицетворением силы язычества, она может принимать различные облики, соблазнять мужчину и манипулировать им. После смерти её призрак еще три ночи борется с Хомой Брутом. Дьявольская сущность такого типа есть угнетенное христианством начало языческого эроса и чувственности. Влюблённый Вельзевул избегает преследования инквизиции в лице монаха, который в результате начинает испытывать страсть к дьяволу в обличье Бьондетты и, не получая ответа, убивает себя, а Панночка намеревается победить священную доктрину и религиозную рациональность, сторонником которых был Хома Брут. Дьявольская истина отрицает оптимистическую сущность религиозного рационализма, который считают «твердой научной оградой» [Садур, 1999, с. 233]. Явтух говорит: «Нету чудес! Все объяснить можно! Все научно!» [Там же]. Вульгарный позитивист считает иррационализм и мистицизм ненужными и несуществующими и называет их «гнойным воображением мертвецов» и «Химерой подлой» [Садур, 2015, с. 29].

Есть у Садур и другой тип дьявола, провоцирующий человека на аморальные поступки. Незнакомка в «Брате Чичикове» — символ искушения и «эротическая приманка зла» [Климова, 2011, с. 256] — пробуждает в герое желание, подавляющее нравственное чувство. Она предлагает амбициозному и практичному Чичикову, мечтавшему «расплодиться» [Садур, 2015, с. 353], купить крепостных, погибших во время Великой чумы, и заложить их в банк. В «Мальчике-Небе» дьявол одет в футболку, пьет кока-колу, в недрах его желудка находятся инквизиторский колпак, ренессансный берет,

рыцарский шлем тамплиеров, немецкая каска со свастикой — символы агрессии западной цивилизации в разные периоды истории, и сражается он с ветераном Красной Армии и детьми на Красной площади [Садур].

В общем, дьяволы у Садур — это то запретное, что идет вразрез с официальной культурой и идеологией, что испытывает нравственность героев и «заставляет их внезапно прозреть и заново переоценить все, казавшиеся прежде незыблемыми, ценности» [Пашкина, 1990, с. 246].

Таким образом, у Садур «естественное граничит с запредельным» [Пашкина, 1990, с. 246], потусторонние образы всё время готовы перейти границу и вторгнуться в реальный мир. Они выходят на сцену незаметно и естественно, вырывая читателя или зрителя из инерции их повседневной жизни, заставляя осмыслить и прочувствовать прочитанное или увиденное, оказывают очищающее воздействие «ритуального эффекта, сопровождающего обряд инициации, символизирующий смерть-возрождение, посвящение человека в новое знание» [Воробьёва, 2015, с. 157]. Действия ведьмы, дьявола и подобных героев будто открывают ящик Пандоры, из которого появляется нечто противное, тревожное и зловещее, «апокалиптические монстры выходят из ада, и дьявол вторгается в нас» [Кайзер, 1987, с. 196]. Они высмеивают видимую реальность окружающего мира, намекают на истину другого тайного мира.

3.2. Драма телесного в пьесах Садур

Яркий признак постмодернистского театра — перформанс, который стремится к практически документальной демонстрации человеческого тела, избегающей малейшей художественной обработки. Садур часто выражала негативное отношение в адрес данного вида искусства, считала его насилием над чувствами и оскорблением из-за изобилия тела, для неё «физиологизм, низовая тема нечувственны ... назойливы, часто похабны и абсолютно античеловечны» [Садур, 2012, с. 187]. К теме телесного у неё собственное отношение. Стремление к эффектному остранению чувственного восприятия всегда выступало ее главной эстетической целью. Для ее воплощения Садур обращалась к гротеску Рабле и Гоголя, была намерена в телесном, даже в его несовершенстве и уродстве, открыть высокое и священное. Она отбирала среди «всех шлаков рождения и развития» [Бахтин, 2010, с. 35] нужное для творения телесной драмы, в том числе кровавые разделения тела, половой акт и другие физиологические проявления, которые в классицизме рассматривались как низменное и поэтому были исключенными и запретными.

По мысли М. М. Бахтина, в отличие от статичного изображения прекрасного тела в классицизме, гротескное тело отличается открытостью и динамичностью, оно характеризует вечно порождающую природу и непрерывно в становлении изменяющейся жизни [Там же, с. 341]. Такие процес-

сы, как принятие пищи, физиологические выделения, половой акт, роды и смерть, можно рассматривать как «события телесной драмы» [Там же]. Они показывают динамику перехода от совершенства к уродству, от размножения к потере, от изобилия и убытку, то есть вместо застывшей статичности гротескное состояние передает чувство времени и текучесть истории. Если тело в классицизме — это тщательно отобранные изображения Аполлона в витрине, то гротескное тело — это священная комедия под видом карнавального балагана. Садур развивает концепцию телесной эстетики Бахтина, в гротескном виде раскрывает тайну физиологических особенностей человеческого тела, освободив его от традиционных табу. Она подняла вульгарное и низменное «материал-тело» до эстетической символики для того, чтобы оно сформировалось в самодостаточный язык мифологии.

В фантастически-мифологической пьесе «Красный парадиз» Садур сосредоточила внимание на поисках во внешней пластичности человеческого тела возможности выражения исторического и философского смыслов. Пьеса посредством гротескной демонстрации тел превращается в карнавальный ритуал. Володя и Толя пытались откопать сокровища в Генуэзском замке, но вместо открытия их ждет кровавое «убийство». Володю посадили на костер и поджарили: хозяин «поливает Володю вином, сыплет в раны специи» [Садур, 1999, с. 285], а хозяйка Таиса пляшет рядом, сгорая от желания съесть его мозг с горошком. Но Володя никак не умирает, поскольку оказывается, что тот, кто был убит, может сразу вернуться к жизни, потому что в этом замке никто не умирает. И все начали с научной серьёзностью рассматривать способы, приближающие наступление смерти. В чередовании смерти и возрождения, распада и восстановления тел ужас и физический дискомфорт смягчаются, а абсурдное механическое повторение телесной драмы создает чувство безвыходности: судьбу невозможно изменить. Аналогичные примеры можно найти в античной мифологии, где страдающие боги, в частности, Прометей, Иксион, Сизиф и др., были наказаны вечным возвращением. Кровавый фарс в заброшенном замке представляет собой обобщение картин из истории цивилизации, которая началась с борьбы за ресурсы и богатства, обусловившей сначала появление «смерти», а потом повторение убийств, способы которых стали всё более жестокими и изощренными настолько, что стали превращаться в бесчувственные игры и хладнокровное искусство. Так, у Достоевского в «Записках из подполья» говорится: «...человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение» [Достоевский, 1973, с. 112]. Безусловно, злодейство, творящееся в замке, было обречено на апокалипсис Содома, поскольку кровавое наводнение очистило всё, и после катарсиса воцарилась некая религиозная торжественность.

Такие физиологические понятия, как «метаболизм» и «половой акт», также служат составляющими элементами театра Садур, их визуализация используется для того, чтобы охарактеризовать космические движения и природные инстинкты. Бахтин считал, что «гротескное тело космично и универсально», что «оно отражает в себе космическую иерархию ... может сливаться с различными явлениями природы» [Бахтин, 2010, с. 342]. Материал-тело обладает функцией метанарратива. Статичные тела Вселенной и природы могут быть представлены в движении, например в «Чудной бабе», когда Убиенько показала Лидии, как земля стала двигаться, подобно быстро обновляющейся коже. Когда Лидия прикасается к стене ямы, она чувствует, как «шелушащаяся кожура ореха» открывает «нежную, розовую, юную землю» [Садур, 2015, с. 260], следовательно, «земля превращается из планеты в живое существо, ждущее ласки и заботы» [Данилова, 1999, с. 21]. Убиенько посоветовала Лидии не ходить по ней в сапогах, чтобы земле не было больно. Когда Лидия увидела, как Убиенько падает с края осыпающейся старой земли, она закричала: «Вляпалась! Врезалась! в самый горизонт вляпалась! Мокрое место осталось! Все небо красным забрызгала!» [Садур, 2015, с. 260]. Большую часть сцены обе героини находятся в движении, объединяя таким образом земное и потустороннее, мистическое, стирая между ними грани, — все для того, чтобы Лидия задумалась над главным вопросом о смысле жизни.

В одноактной пьесе «Морокоб» герои — жильцы крымской гостиницы, которые недоброжелательно и с подозрением относятся друг к другу. Но, попав в большую яму, выкопанную во дворе, которая поглотила их всех, они вынуждены были объединиться, чтобы найти выход. Все шли по кишечнику одной крупной прозрачной рыбы, скользя, падая, «все немного влажные» и «липкие» [Садур, 1999, с. 312], но благодаря общему движению они действительно начали понимать смысл любви и дружбы. Как говорит Боря в конце, рыба их всех «переваривает» и в результате они «перевлюблялись» [Там же, с. 313, 314].

Сцены, содержащие намеки на сексуальные отношения, имеют мистическое и ритуальное значение в условиях гротескного творчества Садур. В пьесе «Лётчик» на рождественской вечеринке, чтобы отомстить чёрному риэлтору Зиновию, учительница Мария Петровна переоделась Дедом Морозом, расстегнула пальто, показала свое уродливое тело его сыну Пете, «втянула» подростка в пальто и запахнула полы. После того, как Петя, тяжело дыша, выбрался наружу, Мария с воем родила ребенка.

Приведем ещё один пример. В пьесе «Панночка» Спирид рассказывает историю о том, как псарь Микита, увидев «нагую, полную и белую ножку» Панночки, схватил девушку и начал скакать по полю, держа ее за голые

ножки [Садур, 1999, с. 235]. Микита не помнил, где они были с Панночкой, «только воротился еле живой, и с той поры иссохнул весь, как щепка» [Там же], в конце концов сгорел дотла и превратился в пепел. Панночка символизирует природную силу эротического начала, она одновременно и «сладость», и «счастье», и упоение Диониса, которые противостоят душе «православного человека» и «очам человеческим» [Там же].

Таким образом, в новейшем театре появился поворот к тематике телесного. Однако для Садур человек и его тело являются мистическими и священными: «Человек неисчерпаем и непознаваем ... весь этот постмодерновый авангард нацелен на одно — уничтожение человека. Личности» [Садур, 2012, с. 188]. Чтобы бороться со слишком вульгарным документальным отношением к телу и с перформансом насилия, она стремилась к мистическому реализму, где «явления природы становятся символами высшей реальности» [Николюкин, 2001, с. 557], где тело само собой превращается в мифологическое и получает значение философское и религиозное, как микрокосмос, оно приобретает функцию выражения космических правил. В продолжение пути Рабле и Гоголя мифологизм и мистицизм у Садур играют роли более важные, чем перформантизм и физиологизм в переоценке и переосмыслении телесной эстетики. Драматург не избегает материального несовершенства телесного, не отказывается от изображения запретного эротического аспекта, а развивает его на уровне культурного смысла. Более того, она успешно избегает вульгарной документальности телесного обнажения и насилия, которая могла бы превратить ее театр в пошлость и разврат.

3.3. Духовный чужак: симбиоз хронотопов в пьесах Садур

В драматургии Садур, персонажи духовных чужаков играют особую роль в создании трагикомического эффекта симбиоза и смешения двух хронотопов в гротеске. У этого вида персонажей либо душевное заболевание, которое временно доводит человека до иллюзорного состояния, дает ему возможность узреть нереальное, либо особое качество личности, предопределяющее предельные проявления нравственности и разумности, когда он действует и воспринимает мир только в соответствии с собственной волей. Игра духовного чужака смешивает сценическую реальность с его воображаемым миром, создает хаос и конфронтацию двух миров в гротескном стиле.

(1) Галлюцинация. Садур называет свой театр «народной галлюцинацией» [Гончарова-Грабовская, 2008, с. 74], её эстетическая функция — представить «целостную картину мира с его тайнами и загадками» [Там же, с. 74]. Она сверхчувственна и включает в себя множество миров, «которых никогда нигде не было» [Садур, 2012, с. 189], видимых только посредством собственного «видения». Задача галлюцинации в том, чтобы с таинственной

чувственностью открыть нам потенциально существующие, но не совсем заметные в реальности миры. М. Громова отметила, что в драматическом мире Садур нужно рассматривать невидимое и заумное в жизни только каким-то «непривычным зрением» [Громова, 2009, с. 222]. Слова «драма есть обморок жизни» на титульном листе сборника «Обморок» ясно указывают на то, что Садур высоко ценит функцию этого способа входа в другое пространство, вызванного психическими и нервными состояниями. Поведение и слова действующего лица как монодрама оказываются гротескными, странными и нервными по отношению к реальному миру.

Согласно критическим замечаниям, пьеса «Чардым» вызывает у зрителей такое чувство, словно они погружаются «в омут, как в чёрное дно колодца ... как болезный сон» [Скорочкина, 1998]. Алёша, страдающий амнезией и заиканием, теряет сознание и попадает в мир иллюзии, когда на него воздействуют сильный свет и стимуляция. В его галлюцинации появилась Вечная женственность Анна, которая меняет внешность, принимая различные женские облики. В последней коме Алёша увидел всех несчастных, нездоровых и униженных мужчин всех времён национальной истории — это были люди, «изувеченные, жалкие, спесивые, искаженные судорогой ненависти, беды» [Садур, 2015, с. 318], в том числе все «потерпевшие крушение дети старой России» [Скорочкина, 1998], и все они, одновременно оказавшиеся на острове Чардым, оказались сжатыми в удивительный визуальный объект, образовали странный симбиоз, Химеру: «слившихся, как Лаокоон, двое: беленькое заплаканное лицо русского мальчика и черное дымящееся — юного чеченца» [Садур, 2015, с. 318].

В дебютной пьесе «Любовные люди» Садур уже использовала галлюцинацию для формирования гротескного сочетания хронотопов. Так, увидев в газете фотографию сгоревших младенцев, Тикуся впадает в истерику; затем часто ей видятся кошмары, мучают ее, монотонно с ненавистью она повторяет список мужских имён, обращается к воображаемым мертвым детям: «Ты рассыпаешься! Я не могу взять тебя! Ты пепел! Тебя нет! Боже мой! Как взять тебя!» [Садур, 1999, с. 138]. Слова её звучат со сцены жутко и странно. Галлюцинации Тикуси влияют на реальную жизнь и заставляют её истерически относиться к близким — больному белокровием гею Толе и умственно отсталому Вите. Она говорит: «Ну какой же ты человек, Витя? ... Никакой ты не человек. Ты как мы» [Там же, с. 133], «Мы по одному — калеки» [Там же, с. 165]. Галлюцинация играет важную роль в структуре собственных желаний субъекта [Эванс, 2021, с. 147], является воплощением глубокой и ранней психической потери и травмы. Духовные раны героев и их неосуществимые нужды преобразовывались в фантомы и вторгались в сознание и реальность, заставляя героев говорить и поступать

нервно и гротескно, как следствие, на сцене формировался некий эффект «сумасшедшего дома» [Громова, 1996, с. 81].

(2) Воля к свободе. Второй тип духовного чужака — персонаж с мощной волей, который героическим поступком создавал мифологический хронотоп вне упорядоченной системы реальности. В «Уличенной ласточке» Лурочка, временно потерявшая память после убийства, затем пришла в себя, но продолжала обманывать всех, наслаждаясь полной свободой без взаимодействия с обществом, она укрылась, как «ласточка» под крышей, под псевдонимом Аллочка. В произведении «Заря взойдёт» Егор с божественной волей и звериной силой «тыщу лет на свете» жил и «на всех людей смотрел, сильно смотрел, как волк на луну смотрит» [Садур, 1999, с. 66]. Однако он взял на себя заботу о Викторе и Зое и поддерживал их в сложных обстоятельствах. На самом деле он был объектом научных исследований и находился под наблюдением определенной организации. Чтобы извлечь из объекта наблюдения экстракт высокой энергии, Егора убил агент, маскировавшийся под друга. «Ласточка» и «Волк» жили и действовали по своей воле, вышли за границу человеческой системы, как мифологические герои, убедительно создали собственные «легенды» по ту сторону добра и зла. Но их легендарная история не могла долго продолжаться, реальный мир с противоположной правдой появился и поглотил их, разрушил всю с трудом созданную ими мифологию, вследствие чего возвышенный трагический героизм быстро превратился в наивную фантазию и детские игры комедианта. Высокое, серьёзное, жалкое и сатирическое соединяются в одном теле и одном индивидууме, резкий поворот от трагедии к комедии в рамках театрального хронотопа и стиля представляет собой гротеск.

4. Заключение = Conclusions

Итак, поэтика гротеска является результатом противостояния природной личности драматурга и социальной реальности. В конце 70-х годов Садур поступила в Литературный институт имени Горького. Столичная жизнь беспокоила ее сибирскую натуру, особенно ситуация той эпохи, когда в 1970-е годы «идеология и эстетика развитого социализма были полностью дискредитированы фактически во всех слоях общества» [Лейдерман, 2003, с. 137]. Это стало одной из причин формирования её эстетических предпочтений и литературного стиля. В последней пьесе «Мальчик-небо» Садур писала: «Я всё меньше и меньше понимаю окружающую реальность. Мир такой причудливый» [Садур]. Эти строки можно назвать заключительными словами, характеризующими гротескное мировоззрение и творчество Садур. Душевные травмы войны, жизненные бедствия, конфликты

в обществе, отчуждение культуры — все это «картины разваливающегося мира» [Кайзер, 1987, с. 24] и «достаточного количества аномалий» в реальности [Лейдерман, 2003, с. 137]. Все это, как «твёрдая ограда», противно её сибирскому инстинкту, которому мило антинаучное, иррациональное, чувственное и мистическое. Гротеск Садур проявляется в столкновении реальности с чем-то таинственным, в разных формах воплощений правды и жизненных коллизий, на перекрестке старого и нового миров. Всё её ви́дение ужасного, беспорядочного и дисгармоничного приобретает подходящие формы и выражения в балаганном стиле; все противоположные явления становятся видимыми и скрытыми, явная ложь и тайная правда — все смешалось и соединилось в поэтике универсального гротеска.

Гротеск соответствует художественной цели Садур как драматурга — пробуждать чувственнность. Ее личный душевный страх заключался в том, что обществу не нужны искусство и художник. Она боялась, что человечество «замораживает в себе тонкие, высокие потребности» [Садур, 1998, с. 80], поэтому стремительно погрузилась в бытовую жизнь, чтобы там, внутри простого, бесчувственного, бедственного, даже уродливого материала, заново раскрыть потенциал художественного творения, воплотить высокое, мистическое и космическое с мифологическим смыслом, чтобы в полноценных, чувственно-телесных формах материального мира раскрыть чудесную реальность. Садур создает художественный мир, в котором с возвращением человека к мифологическому сознанию «ломается раз и навсегда определенная научная картина мироздания» [Данилова, 1999], вслед за тем появляется какое-то удивительное фантастическое пространство с монстрами и чудовищами, которые вызывают напряжение нервов и возбуждают в зрителе чувственность. Получается, что гротескный мир, рожденный под пером Садур, — это мир пугающий и удивительно странный, но в то же время наивный, искренний и мистически священный.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Михайлов А. В.* Гротеск [Электронный ресурс] / А. В. Михайлов // Большая российская энциклопедия. — 2007. — Режим доступа : https://bigenc.ru/c/grotesk-404cdb (дата обращения 10.08.2024).

2. *Николюкин А. Н.* Литературная энциклопедия терминов и понятий / А. Н. Николюкин. — Москва : НПК«Интелвак», 2001. — 1600 стб. — ISBN 593264026X.

3. *Садур Н. Н.* Чудная баба / Н. Н. Садур. — Москва : АСТ, 2015. — 319 с. — ISBN 9785170893843.

4. *Садур Н. Н.* Мальчик-небо [Электронный ресурс] / Н. Н. Садур. — Режим доступа : http://lit.lib.ru/s/sadur_n_n/text_0250.shtml (дата обращения 19.09.2023).

5. *Садур Н. Н.* Обморок : Книга пьес / Н. Н. Садур. — Вологда : [б. и.], 1999. — 497 с. — ISBN 5864020451.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1965). «Рабле и Гоголь (Искусство слова и народная смеховая культура)» (1940, 1970). Комментарии и приложение / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — Т. 4 (2). — 752 с. — ISBN 978-5-9551-0326-6.

2. *Ван Лидань.* Исследование современной русской драмы（1991—2012 / Ван Лидань, Ли Жуэйлянь. — Пекин : Центральное издательство по компиляции и переводу, 2016. — 379 с. — ISBN 9787511730954 （王丽丹, 李瑞莲.《当代俄罗斯戏剧文学研究（1991—2012）》. — 北京: 中央编译出版社, 2016年. — 共379页.）.

3. *Воробьёва Т. Л.* Поэтика пьесы Нины Садур «Чудная Баба» : мистико-мифологические мотивы и образы / Т. Л. Воробьёва // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 3 (35). — С. 152—163.

4. *Гончарова-Грабовская С. Я.* Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века / С. Я. Гончарова-Грабовская. — Москва : Флинта, Наука, 2008. — 278 с. — ISBN 9785893498134.

5. *Громова М. И.* В поисках современной пьесы / М. И. Громова // Литература в школе. — 1996. — № 3. — С. 74—75.

6. *Громова М. И.* Русская драматургия конца XX — начала XXI века / М. И. Громова. — Москва : Флинта, Наука, 2009. — 368 с. — ISBN 9785893497779.

7. *Данилова И. Л.* Модерн-постмодерн? о процессах развития драматургии 90-х годов. / И. Л. Данилова. — Казань : Фэн, 1999. — 96 с. — ISBN 575440140X.

8. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах. Повести и рассказы : 1862—1866 / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1973. — Т. 5. — 407 с.

9. *Кайзер В.* Гротеск в искусстве и литературе / В. Кайзер. — Сиань : Хуаюуэй издательство литературы и искусства, 1987. — 227 с（沃尔夫冈·凯泽尔.《美人与野兽——文学艺术中的怪诞》, — 西安: 华岳文艺出版社, 1987年. — 共227页.）.

10. *Климова Т. Ю.* Эстетическая категория ужасного в «гоголевском» тексте Н. Садур / Т. Ю. Климова, Г. А. Симон // Филология и культура. — 2011. — № 1 (23). — С. 253—258.

11. *Кононенко О. А.* Русская драматургия конца XX в. / О. А. Кононенко // Вестник Московского Университета. Серия 9. Филология. — 2003. — № 2. — С. 163—169.

12. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература : 1950—1990-е гг. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Академия, 2003. — Т. 2. — 688 с. — ISBN 576951454X.

13. *Мейерхольд В. Э.* Амплуа актёра / В. Э. Мейерхольд. — Москва : Издание государственных высших режиссерских мастерских, 1922. — 16 с.

14. *Мейерхольд В. Э.* Лекции : 1918—1919 / В. Э. Мейерхольд. — Москва : О.Г.И., 2001. — 280 с. — ISBN 5900241101.

15. *Пашкина Н.* Магия творчества / Н. Пашкина // Современная драматургия. — 1990. — № 3. — С. 245—247.

16. *Садур Н. Н.* «...Искусство — дело волчье» : интервью берёт Марина Заболотняя / Н. Н. Садур, М. Заболотняя // Петербургский театральный журнал. — 1993. — № 3. — С. 9—12.

17. *Садур Н. Н.* Литература последнего десятилетия : тенденции и перспективы / Н. Н. Садур // Вопросы литературы. — 1998. — № 2. — С. 3—82.

18. *Садур Н. Н.* Носитель (интервью с Ниной Садур) [Электронный ресурс] / Н. Н. Садур. — 2015. — Режим доступа : https://1001.ru/articles/post/nositel-inter-vu-s-ninoi-sadur-19622?ysclid=ldh0ubht8t848951443 (дата обращения 10.08.2024).

19. *Садур Н. Н.* Волки и овцы / Н. Н. Садур // Вопросы театра. — 2012. — № 3—4. — С. 186—189.

20. *Скорочкина О.* Ржавая карусель Чардыма [Электронный ресурс] / О. Скорочкина // Петербургский театральный журнал. — 1998. — № 15. — Режим доступа : https://ptj.spb.ru/archive/15/the-petersburg-prospect-15-1/rzhavaya-karusel-chardyma (дата обращения 2.09.2024).

21. *Соколянский А. А.* ...И в чудных пропастях земли. Н. Н. Садур. Ведьмины слезки / А. А. Соколянский // Новый мир. — 1995. — № 5. — С. 235—237.

22. *Успенская А. К.* Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги : биобиблиографический словарь : в 3 т. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. — Т. 3. — 829 с. — ISBN 594848307X.

23. *Эванс Д.* Вводный словарь лакановского психоанализа / Д. Эванс. — Чунцин : Издательство Юго-Западного педагогического университета, 2021. — 484 с. （迪伦·埃文斯. 《拉康精神分析介绍性辞典》. — 重庆: 西南师范大学出版社, 2021. — 共484页.）.

24. *Senelick L.* Historical dictionary of Russian theater / L. Senelick. — Maryland : The Scarecrow Press, 2007. — 553 с. — ISBN 9780810857926.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024,
одобрена после рецензирования 29.11.2024,
подготовлена к публикации 12.12.2024.

Material resources

Mikhaylov, A. V. (2007). Grotesque. In: *The Great Russian Encyclopedia.* Available at: https://bigenc.ru/c/grotesk-404cdb (accessed 10.08.2024). (In Russ.).

Nikolyukin, A. N. (2001). *Literary encyclopedia of terms and concepts.* Moscow: NPK Intelvak. 1600 stb. ISBN 593264026X. (In Russ.).

Sadur, N. N. *Boy-sky.* Available at: http://lit.lib.ru/s/sadur_n_n/text_0250.shtml (accessed 19.09.2023). (In Russ.).

Sadur, N. N. (1999). *Fainting: A book of plays.* Vologda: [b. i.]. 497 p. ISBN 5864020451. (In Russ.).

Sadur, N. N. (2015). *Chudnaya baba.* Moscow: AST. 319 p. ISBN 9785170893843. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (2010). *Collected works. "The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance" (1965). "Rabelais and Gogol (The Art of speech and folk laughter culture)" (1940, 1970). Comments and appendix, 4 (2).* Moscow: Languages of Slavic Cultures. 752 p. ISBN 978-5-9551-0326-6. (In Russ.).

Danilova, I. L. (1999). *Modern-postmodern? on the processes of development of drama in the 90s.* Kazan: Feng. 96 p. ISBN 575440140X. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1973). *Complete works in thirty volumes. Novellas and short stories: 1862—1866, 5.* Leningrad: Nauka. 407 p. (In Russ.).

Evans, D. (2021). *Introductory Dictionary of Lacanian psychoanalysis.* Chongqing: Publishing House of Southwestern Pedagogical University. 484 p. (In Chin.).

Goncharova-Grabovskaya, S. Ya. (2008). *Comedy in Russian drama of the late twentieth — early twenty-first century.* Moscow: Flint, Nauka. 278 p. ISBN 9785893498134. (In Russ.).

Gromova, M. I. (1996). In search of a modern play. *Literature at school, 3:* 74—75. (In Russ.).
Gromova, M. I. (2009). Russian dramaturgy of the late twentieth — early twenty-first century. Moscow: Flint, Nauka. 368 p. ISBN 9785893497779. (In Russ.).
Kaiser, V. (1987*). Grotesque in art and literature.* XI'an: Huawei publishing house of literature and art. 227 p. (In Chin.).
Klimova, T. Y., Simon, G. A. (2011). Aesthetic category terrible in Gogol's text does. Sadur. *Philology and culture, 1 (23):* 253—258. (In Russ.).
Kononenko, O. A. (2003). Russian dramaturgy of the late twentieth century. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology, 2:* 163—169. (In Russ.).
Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). *Modern Russian literature: the 1950s—1990s, 2.* Moscow: Academy. 688 p. ISBN 576951454X. (In Russ.).
Meyerhold, V. E. (1922). *Actor's role.* Moscow: Edition of the State Higher directing workshops. 16 p. (In Russ.).
Meyerhold, V. E. (2001). *Lectures: 1918—1919.* Moscow: O.G.I. 280 p. ISBN 5900241101. (In Russ.).
Pashkina, N. (1990). Magic of creativity. *Modern drama, 3:* 245—247. (In Russ.).
Sadur, N. N. (1998). Literature of the last decade: trends and prospects. *Questions of literature, 2:* 3—82. (In Russ.).
Sadur, N. N. (2012). Wolves and sheep. *Questions of the theater, 3—4:* 186—189. (In Russ.).
Sadur, N. N. (2015). *Carrier (interview with Nina Sadur).* Available at: https://1001.ru/articles/post/nositel-intervu-s-ninoi-sadur-19622?ysclid=ldh0ubht8t848951443 (accessed 10.08.2024). (In Russ.).
Sadur, N. N., Zabolotnyaya, M. (1993). "...Art is a wolf's business": Marina Zabolotnyaya takes an interview. *St. Petersburg Theater Journal, 3:* 9—12. (In Russ.).
Senelick, L. (2007). *Historical dictionary of Russian theater.* Maryland: The Scarecrow Press. 553 p. ISBN 9780810857926.
Skorochkina, O. (1998). Rusty carousel of Chardym. *St. Petersburg Theater Magazine, 15.* Available at: https://ptj.spb.ru/archive/15/the-petersburg-prospect-15-1/rzhavaya-karusel-chardyma (accessed 2.09.2024). (In Russ.).
Sokolyansky, A. A. (1995). ...And in the wonderful abysses of the earth. N. N. Sadur. Witchy tears. *Novy Mir, 5:* 235—237. (In Russ.).
Uspenskaya, A. K. (2005). *Russian literature of the XX century. Prose writers, poets, playwrights: a biobibliographical dictionary: in 3 volumes, 3.* Moscow: OLMA-PRESS Invest. 829 p. ISBN 594848307X. (In Russ.).
Vorobyova, T. L. (2015). Poetics of Nina Sadur's play "The Wonderful Woman": mystical and mythological motifs and images. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 3 (35):* 152—163. (In Russ.).
Wang Lidan, Li Rueilianh. (2016). *A study of modern Russian drama (1991—2012).* Beijing: publishing house of the Central compilation and translation. 379 p. ISBN 9787511730954. (In Chin.).

The article was submitted 17.09.2024;
approved after reviewing 29.11.2024;
accepted for publication 12.12.2024.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Бэлла Марсельевна Абдулина, инженер-исследователь (Санкт-Петербург)
Вадим Александрович Кузьмин, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Александрович Родионов, д-р полит. наук (Улан-Удэ)
Владимир Николаевич Шайдуров, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Владислав Андреевич Ломанов, лаборант (Санкт-Петербург)
Вячеслав Вячеславович Ахмадуллин, канд. полит. наук (Москва)
Дарья Алексеевна Пинаева, канд. истор. наук (Казань)
Денис Юрьевич Пухов, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Дмитрий Валентинович Васильев, д-р истор. наук (Москва)
Евгений Анатольевич Ростовцев, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Николаевна Бадмаева, д-р истор. наук (Элиста)
Моатаз Мохамед Эльдавуди Абдалла, аспирант (Екатеринбург)
Ойдов Хатанболд, д-р полит. наук (Улан-Батор, Монголия)
Сергей Николаевич Подлесных, канд. юрид. наук (Воронеж)
Эльвира Ринатовна Салахутдинова, старший преподаватель (Казань)
Эрнест Эрнестович Новинский, младший научный сотрудник (Москва)

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ахмадуллин В. В. Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине XX — XXI веке / В. В. Ахмадуллин // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 311—336. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336.

Akhmadullin, V. V. (2024). Higher Education System in Kingdom of Saudi Arabia in Second Half of 20th Century and 21st Century. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 311-336. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине XX — XXI веке

Ахмадуллин Вячеслав Вячеславович
orcid.org/0009-0004-4045-6616
кандидат политических наук,
научный сотрудник
Центра арабских
и исламских исследований
vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Институт востоковедения
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Higher Education System in Kingdom of Saudi Arabia in Second Half of 20th Century and 21st Century

Vyacheslav V. Akhmadullin
orcid.org/0009-0004-4045-6616
PhD in Political Science,
research scientist,
Center for Arab
and Islamic Studies
vyacheslav.akhmadullin@yahoo.com

Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Ахмадуллин В. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются достижения, проблемы, особенности и перспективы развития системы высшего образования Королевства Саудовская Аравия, в том числе в перспективе сотрудничества с Российской Федерацией. Изучены деятельность, структура и организация образовательного процесса в трёх ведущих вузах Королевства Саудовская Аравия: Университете Короля Сауда (King Saud University (KSU)), Университете Короля Абд ал-'Азиза (King Abdulaziz University (KAU)), Университете нефти и полезных ископаемых Короля Фахда (King Fahd University of Petroleum and Minerals (KFUPM)). Выполнен анализ документов, опеделяющих перспективы сотрудничества КСА и РФ в тех областях, которые представляют взаимный интерес, значимой частью которых является высшее образование. Приводятся данные крупнейших международных рейтинговых агентств: Academic Ranking of World Universities, QS World University Rankings, Times Higher Education World University Rankings, Webometrics Ranking of World Universities. Охарактеризована структура ведущих университетов Королевства, источники их финансирования и особенности корпоративной культуры. Особое внимание уделяется направлениям развития этих университетов, их научным и образовательным проектам, их привлекательности и для саудовцев, и для иностранных преподавателей и студентов. На основе изучения опыта взаимодействия органов власти Российской Федерации и Королевства Саудовская Аравия, их официальных заявлений показаны перспективные направления взаимодействия образовательных систем государств.

Ключевые слова:
Министерство образования Королевства Саудовская Аравия; сотрудничество в сфере высшего образования; внешняя политика Российской Федерации.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the achievements, challenges, characteristics, and future prospects of the higher education system in the Kingdom of Saudi Arabia, with particular emphasis on potential collaboration with the Russian Federation. The study investigates the activities, structure, and organization of the educational processes at three leading universities in the Kingdom: King Saud University (KSU), King Abdulaziz University (KAU), and King Fahd University of Petroleum and Minerals (KFUPM). An analysis of documents outlining the prospects for cooperation between Saudi Arabia and Russia in mutually beneficial areas, notably higher education, is presented. Data from major international ranking agencies, including the Academic Ranking of World Universities, QS World University Rankings, Times Higher Education World University Rankings, and Webometrics Ranking of World Universities, are provided. The article characterizes the structure of leading universities in the Kingdom, their funding sources, and distinctive features of their corporate culture. Special attention is given to the developmental directions of these universities, their scientific and educational projects, and their appeal to both Saudi nationals and international faculty and students. Based on an examination of the experiences of interaction between the authorities of the Russian Federation and the Kingdom of Saudi Arabia, as well as their official statements, prospective areas for collaboration between the educational systems of both nations are highlighted.

Key words:
Ministry of Education of the Kingdom of Saudi Arabia; higher education cooperation; foreign policy of the Russian Federation.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:378(532)“1950/2024”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине XX — XXI веке

© Ахмадуллин В. В., 2024

1. Введение = Introduction

Работа посвящена истории саудовской политики в сфере высшего образования как одного из приоритетов образовательной политики королевства со времен Абд ал-‘Азиз бин Абд ал-‘Рахман Ал Сауда и до правящего сегодня Сальмана бин Абд ал-‘Азиз Ал Сауда. СССР был первым государством, признавшим Хиджаз, Неджд и присоединенные области — будущее Королевство Саудовская Аравия (КСА). Это произошло 16 февраля 1926 года. История отношений КСА и СССР претерпела несколько периодов: от сближения до разрыва дипломатических отношений. С распадом Советского Союза во взаимоотношениях государств (учитывая то, что РФ является правопреемником СССР) наступила новая эра. Одним из направлений сотрудничества становятся наука и образование. Стремительные изменения в мире за последние десять лет повлекли за собой принятие в Российской Федерации ряда документов, которые меняют и конкретизируют векторы внешней политики на длительную перспективу. Одним из магистральных направлений в них указано укрепление сотрудничества с государствами Ближнего Востока, в том числе с одним из региональных лидеров — Королевством Саудовская Аравия. Например, в Указе Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [Указ ..., 2022] и в Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» особое внимание уделяется развитию обоюдовыгодного двустороннего сотрудничества с Саудовской Аравией [Указ ..., 2023].

С учетом реалий последнего десятилетия, характеризующегося отсутствием позитивного взаимодействия РФ с государствами Запада, она тесно работает с арабским миром, не присоединившимся к антироссийским санкциям.

Таким образом, во-первых, арабский мир в частности и Глобальный Юг в целом могут стать транзитным полем технологий широкого спектра для России. Во-вторых, страны арабского мира за последние годы достигли весьма весомых успехов в области образования и развития высоких технологий. Так, например, Королевство Саудовская Аравия показывает высокие достижения в освоении электронной коммерции, финтеха, строительстве мегапроектов, таких как футуристичный город Неом и AMAALA (создание элитных курортов и развитие экотуризма на побережье Красного моря). Крупнейшая нефтяная компания Саудовской Аравии Sauidi Aramco в 2022 году заключила соглашение о партнерстве с Google Cloud о развитии в стране облачных сервисов. В этом же году были открыты два совместных дата-центра компаний STC — крупнейшей телекоммуникационной компании Саудовской Аравии — и Alibaba. Рынок облачных услуг в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) превысит 18 млрд долларов США к 2027 году, или увеличится более чем в 2 раза за 5 лет. Одним из драйверов роста рынка Интернета вещей (IoT) будут продолжающиеся инвестиции в развитие туризма и проведение международных мероприятий, например зимних Азиатских игр на горном курорте «умного» города Неома в Саудовской Аравии в 2029 году. К 2030 году, по прогнозу Oliver Wyman, в странах ССАГПЗ будет более 1 млрд IoT-подключений. КСА инвестировало более 135 млрд долларов США в Softbank Vision Fund и ставит цель войти в Топ-15 стран по уровню развития ИИ к 2030 году [Страны Персидского залива и будущее IT …, 2023].

По данным главы Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) К. А. Дмитриева, с 2015 года Фонд вместе с партнерами из КСА поддержал свыше 40 проектов в РФ общей стоимостью более 1 трлн руб., 12 их них были реализованы с нуля. Совместные инвестиции РФПИ и партнеров из КСА позволили создать более 200 тыс. рабочих мест, при этом совокупная выручка компаний, в которые были направлены эти инвестиции, составила 4,2 трлн руб. по итогам 2022 года, что соответствует 3 % ВВП России [РФПИ, 2023].

Правительство Российской Федерации распоряжением от 20 мая 2023 года № 1315-р утвердило «Концепцию технологического развития до 2030 года». Этим документом определены цели технологического развития страны до 2030 года: достижение технологического суверенитета, переход к инновационно ориентированному экономическому росту, технологическое обеспечение устойчивого развития производственных систем. Это подразумевает структурную адаптацию экономики к сегодняшним реалиям, что требует активизации работы по ряду приоритетных направ-

лений. В этом контексте анализ документов визита Президента Российской Федерации В. В. Путина в Королевство Саудовская Аравия 6 декабря 2023 года показывает, что руководители двух государств высоко оценили успехи сотрудничества, поскольку, например, объем двусторонней торговли в 2022 году вырос на 46 % по сравнению с 2021 годом. В Совместном заявлении Президента Российской Федерации В. В. Путина и Наследника Короля Королевства Саудовская Аравия Мухаммеда бин Сальмана Ал Сауда отмечено, что на 8-м заседании Совместной межправительственной Российско-Саудовской комиссии, состоявшемся в октябре 2023 года в Москве, была достигнута договоренность о 10-ти новых областях сотрудничества: в сфере энергоресурсов, фармацевтике и медицине, экологии, по линиям освоения космоса, развития транспортной сферы, судебной системы и правосудия, туризма, спорта, образования, науки и инноваций, преподавания русского и арабского языков, СМИ [Совместное заявление ..., 2023].

Эти документы совпадают при определении следующих направлений сотрудничества: энергетика, фармацевтика, медицина, экология, космос, транспорт, инновации, образование и наука, при этом решение Комиссии, одобренное руководством двух государств, значительно расширяет диапазон сотрудничества.

Логичным продолжением этих документов является Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.02.2024 № 446-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней». Этим Соглашением Правительство РФ поручило Министерству науки и высшего образования РФ провести переговоры с Королевством Саудовской Аравии и по достижении договоренности подписать от имени Правительства России указанное Соглашение [Распоряжение ..., 2024].

Безусловно, новый импульс российско-саудовскому сотрудничеству дает Послание Президента РФ Федеральному Собранию, состоявшееся 29 февраля 2024 года. В этом документе отмечена важность поиска новых точек соприкосновения с арабскими государствами, необходимость углубления партнёрских связей с ними [Послание ..., 2024].

Достигнутые результаты и подписанные документы показывают важность понимания качества, возможностей и перспектив системы высшего образования КСА, которые могут стать направлением взаимовыгодного сотрудничества РФ и КСА. При этом КСА демонстрирует свою заинтересованность в сотрудничестве с Россией по ряду вопросов. Такое развитие ситуации учтено Президентом Российской Федерации в указанных документах в качестве приоритетов внешней политики России.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В исследовании проанализированы источники, которые целесообразно разделить на несколько групп. К первой группе мы относим Указы, Послание Президента Российской Федерации и Распоряжения Правительства Российской Федерации [Указ ..., 2022; Указ ..., 2023; Послание ..., 2024; Распоряжение ..., 2023, Распоряжение ..., 2024].

Вторую группу составило Совместное заявление Президента Российской Федерации В. В. Путина и Наследника Короля Королевства Саудовская Аравия Мухаммеда бин Сальмана Ал Сауда [Совместное заявление ..., 2023].

В третью группу вошли документы, размещенные на официальных сайтах Министерства образования Королевства Саудовская Аравия и трех ведущих вузов этого государства: Университета Короля Сауда, Университета Короля Абд ал-‘Азиза и Университета нефти и полезных ископаемых Короля Фахда [Ghayat al-taelim ..., 2024; Alsiyrat al-dhaatiat lisahib ..., 2024; Al-talabat al-haliiyn ..., 2024; Collaboration with the industry ..., 2024].

Четвертую группу составили материалы исследования, подготовленные международными рейтинговыми агентствами Academic Ranking of World Universities (Китай), QS World University Rankings (Великобритания), Times Higher Education World University Rankings (Великобритания), Webometrics Ranking of World Universities, также известный как Ranking Web of Universities (Испания) [2023 Academic Ranking of World Universities; QS World University Rankings 2024; World University Rankings 2024; Ranking Web of Universities].

Пятую группу составили труды отечественных авторов [Глазунов и др., 2019; Косач, 2010; Косач, 2017; Косач, 2019; Лукичев, 2008; Сулейманова, 2021; Сулейманова, 2022; Успенская, 2014; Хачатурян, 2021; Чупова, 2019].

Среди зарубежных авторов проблемы образования в вузах КСА затрагивали как отдельные специалисты, так и авторские коллективы [Аламри, 2019; Аль-Джарф, 2021; Кхтани, 2012; Alkhazim, 2003; Alsubaie, 2022; An investigation ..., 2022].

В статье анализируется, в какой мере система подготовки в вузах КСА отвечает целям, намеченным руководством Королевства в одном из главных документов социально-экономического развития страны на период с 2016 года по 2030 год — «Видение 2030». Значительная часть материалов исследования впервые вводится в научный оборот.

Исследование было построено на основе критического анализа амбициозных целей и задач Королевства, достигнутых им результатов. С учетом усиливающегося поиска Россией партнеров на Востоке и имеющихся

действующих совместных научно-исследовательских проектов автор предлагает перспективные направления взаимодействия наших государств.

Целевой установкой исследования стал объективный анализ образовательной политики Королевства Саудовская Аравия за последнее десятилетие. С учетом того, что значимую часть экономик государств, выступивших объектом исследования, составляют доходы от нефти, необходимость их более тесного сотрудничества несомненна. При этом один из главных фокусов исследования смещен на уже достигнутые результаты взаимодействия КСА и РФ и возможные перспективы с учетом развития геополитической ситуации в ближайшие годы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Формирование университетской сети королевства, приоритетные задачи саудовского образования и место ведущих университетов страны в системе международных рейтингов

Старейший вуз Королевства — **Университет Короля Сауда (KSU)** — основан в 1957 году, в Эр-Рияде. Показателем успешности университета можно считать особое внимание к нему со стороны элиты Королевства, включая правящую семью Ал Сауд. В нём получили образование многие представители национальной элиты, включая королевскую семью. Например, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммад бин Сальман Ал Сауд получил в этом университете диплом бакалавра права [Al-siyrat al-dhaatiat lisahib ..., 2024].

Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда (KFUPM) находится в городе Дахран. Созданный как колледж в 1963 году, он был преобразован в университет в 1975 году. KFUPM является ведущим вузом КСА в нефтяной и горнодобывающей промышленности Королевства [King Fahd University of Petroleum & Minerals // Shanghai Ranking, 2024].

Ещё одним вузом первого порядка является **Университет Короля Абд ал-‘Азиза (KAU)**, основанный в 1967 году в городе Джидда как первое частное высшее учебное заведение Королевства, но в 1973 году он получил статус государственного. В 2011 году в Университете был создан Международный консультативный совет в составе 20 авторитетных международных деятелей. Совет налаживает связи с международными академическими, исследовательскими и промышленными организациями. Значительное количество ведущих лиц государственного и частного секторов Саудовской Аравии являются выпускниками данного Университета. [Al-hayyat al-aistishariat, 2024]. Важным свидетельством успешности Университета в 2024 году является награждение 267 студентов саудовскими и международными наградами [Al-talabat al-haliiyn, 2024].

Анализ официального сайта Министерства образования Королевства Саудовская Аравия выявляет задачи, которые решаются системой образования Королевства. Министерство стремится достичь глобальной конкурентоспособности в сфере образования и развития, для чего считает приоритетными решение следующих задач:

— расширение участия семей в подготовке к будущему своих детей;

— построение интегрированного образовательного пути;

— получение равного доступа к образованию;

— улучшение основных результатов образования;

— повышение рейтинга образовательных учреждений;

— предоставление качественных знаний выдающимся людям в приоритетных областях;

— обеспечение соответствия результатов образования потребностям рынка труда [Ghayat al-taelim, 2024].

Для решения поставленных задач руководство Саудовской Аравии значительную ставку делает на собственную систему образования, а именно на ведущие вузы страны.

С целью выявления ключевых высших учебных заведений Королевства Саудовская Аравия нами был проведён анализ результатов, полученных крупнейшими международными рейтинговыми агентствами (Academic Ranking of World Universities (Китай), QS World University Rankings (Великобритания), Times Higher Education World University Rankings (Великобритания), Webometrics Ranking of World Universities, также известный как Ranking Web of Universities (Испания). Эти агентства для отбора лучших вузов применяют следующие критерии: количество публикаций; количество индексируемых научных работ; число лауреатов премий и т. д. Изучение рейтинга, подготовленного агентствами, а также официальных сайтов вузов, позволяет сделать ряд выводов о системе высшего образования КСА.

Во-первых, в КСА действуют 68 высших учебных заведений, но не существует их рейтинга, подготовленного государственными органами власти.

Во-вторых, было выявлено, что агентство QS World University Rankings создало внутренний рейтинг вузов Арабского мира [QS Arab Region University Rankings, 2024]. Первое, второе и пятое место заняли соответственно Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда, Университет Короля Сауда и Университет Короля Абд ал-‘Азиза. Всего в рейтинг вошло 223 арабских вуза.

В-третьих, эти крупнейшие агентства включили несколько вузов Королевства в международные рейтинги.

В-четвертых, вузы Королевства можно поделить на частные и государственные, именно последние входят в тройку лучших.

В-пятых, стоит отметить, что нет единого мнения о том, какой из первой тройки вузов считается ведущим. По нашему мнению, это может объясняться комплексом причин, в том числе политическими мотивами рейтинговых агентств.

На начало 2024 года, по рейтингам, подготовленными этими агентствами, тремя лучшими университетами КСА являются Университет Короля Сауда (King Saud University (KSU)), Университет Короля Абд ал-‘Азиза (King Abdulaziz University (KAU)), Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда (King Fahd University of Petroleum and Minerals (KFUPM)) (табл. 1).

Таблица 1

Внутренний рейтинг вузов КСА, составленный на основании международных рейтингов, подготовленных агентствами: Academic Ranking of World Universities; QS World University Rankings; World University Rankings; Ranking Web of Universities [2023 Academic Ranking of World Universities; QS World University Rankings 2024; World University Rankings 2024; Ranking Web of Universities]

Internal ranking of universities in the Kingdom of Saudi Arabia, compiled on the basis of international rankings prepared by agencies: Academic Ranking of World Universities; QS World University Rankings; World University Rankings; Ranking Web of Universities [2023 Academic Ranking of World Universities; QS World University Rankings 2024; World University Rankings 2024; Ranking Web of Universities]

№	Наименование рейтингового агентства			
	Academic Ranking of World Universities (ARWU)	**QS World University Rankings**	**Times Higher Education World University Rankings**	**Webometrics Ranking of World Universities (Ranking Web of Universities)**
	Университет Короля Сауда	Университет Короля Абд ал-‘Азиза	Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда	Университет Короля Сауда
	Университет Короля Абд ал-‘Азиза	Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда	Университет Короля Абд ал-‘Азиза	Университет Короля Абд ал-‘Азиза
	Университет науки и технологий Короля Абдаллаха	Университет Короля Сауда	Исламский университет имама Мухаммада ибн Сауда	Университет науки и технологий Короля Абдаллаха

Окончание табл. 1

№	Наименование рейтингового агентства			
	Academic Ranking of World Universities (ARWU)	**QS World University Rankings**	**Times Higher Education World University Rankings**	**Webometrics Ranking of World Universities (Ranking Web of Universities)**
	Университет Таифа	Университет принца Мухаммада бин Фахда	Университет Короля Сауда	Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда
	Университет принцессы Нуры бинт Абд ал-‘Рахман	Университет Имама Абд ал-‘Рахман бин Фейсала	Университет Принца Султана	Университет Имама Абд ал-‘Рахман бин Фейсала (Университет Даммама)
	Университет нефти и полезных ископаемых Короля Фахда	Университет Умм ал-‘Кура	Университет ал-‘Фейсала	Университет Таифа
	Университет Короля Халида	Университет принцессы Нуры бинт Абд ал-‘Рахман	Университет Короля Халида	Университет Короля Халида
	Университет принца Саттама бин Абд ал-‘Азиза	Университет ал-‘Фейсала	Университет Таифа	Университет Умм ал-‘Кура
	Университет Короля Фейсала	Университет Короля Халида	Университет Хаиля	Университет принца Саттама бин Абд ал-‘Азиза
	Университет Касима	Университет ал-‘Джуфа	Университет Имама Абд ал-‘Рахмана бин Фейсала	Университет принцессы Нуры Бинт Абд ал-‘Рахман

3.2. Характеристики университетов

3.2.1. Характеристика KSU

Значимость KSU подчёркивает следующий факт: председателем Совета директоров KSU является министр образования КСА Юсеф ал-‘Баньян, в состав Совета входят министры, другие видные политические и экономические деятели Королевства [Majlis ‘iidarat jamiat ..., 2024].

ВУЗ располагает большим современным кампусом и оснащен новейшим оборудованием. Среди саудовских университетов KSU является крупнейшим спонсором в области клинической медицины и биотехнологических исследований [‘Abraz ‘iinjazat ..., 2024].

По данным официального сайта KSU, в начале 2024 года в нем проходили обучение 2215 студентов из 93 зарубежных государств. Стоит отметить, что это около 4 % от количества всех обучаемых в университете [King Saud University: Statistics ..., 2024].

Языком обучения на программах бакалавриата по медицинским и техническим специальностям является английский, по остальным специальностям — арабский язык.

Университет имеет собственный медцентр — University Medical City (UMC). Его персонал состоит из несколько групп врачей, специализирующихся в различных областях медицины. Центр занимается образовательным процессом, ведет научные исследования. Это осуществляется благодаря входящим в него трём больницам и девяти специализированным медицинским центрам, которые занимаются проблемами онкологии, кардилогии, диабета, лапароскопии, стоматологии, сна и спортивной медицины [Al-madinat al-tibiyat al-jamieiat ..., 2024].

Женский кампус университета — один из самых известных крупных проектов университета. На территории размещены 14 колледжей, в том числе 5 медицинских, 6 колледжей искусств и гуманитарных наук, 3 колледжа, готовящих инженеров и специалистов в области естественных наук. Тут находятся административные и вспомогательные здания, места отдыха и жилая зона.

Территория учебного заведения построена с учетом культуры саудовского общества — разделения образовательной среды на мужскую и женскую. Университет вмещает до 30 тыс. человек и начал принимать студенток с 2013 года. Женский кампус располагает более чем 600-ми аудиториями, оснащенными новейшим высокотехнологичным учебным оборудованием, а также полностью соответствует запросам студентов с особыми потребностями [Al-madinat al-jamieiat liltaalibat ..., 2024].

Стабильное экономическое состояние Университета поддерживается не только государственным финансированием, но и помощью бизнес-сообщества, выпускников, а также Благотворительного офиса, основанного в 2007 году. Он способствует осуществлению исследовательской, опытно-конструкторской и образовательной деятельности университета [‘Awqaf jamieat al-malik saud ..., 2024].

Ещё одной составляющей экономики Университета является проект «Университетские башни», состоящий из восьми зданий, являющихся ва-

куфным имуществом. Они сдаются в аренду отелям, правительственным учреждениям и коммерческим компаниям. Помещения башен также предоставляются для проведения конференций, совещаний и торжеств.

Значительную роль в жизни Университета играет Благотворительный инвестиционный фонд Университета Короля Сауда при Национальном банке Саудовской Аравии. Этот фонд был создан в 2020 году для повышения сбора пожертвований в качестве стабильного финансового источника, отвечающего потребностям образовательных и исследовательских программ университета [Al-'adhrue al-astithmariat ..., 2024].

Ещё одним залогом финансовой стабильности Университета является компания «Долина Эр-Рияда», основанная королевским указом в 2010 году. Главным направлением её деятельности являются инвестиции в экономику знаний и стратегические университетские проекты. Важную роль в этом играет инвестиционное партнерство между университетом и бизнес-сообществом. Кроме того, такое взаимодействие позволяет студентам и преподавателям университета применять знания на практике [Sharikat wadi ..., 2024].

Одно из подразделений университета — Институт научных исследований и консалтинга короля Абдаллы (KAI-RCS), основанный королевским указом в 1996 году. На протяжении 30 лет успешной работы он предоставляет консультации и проводит тренинги для частного и государственного секторов [Maehad al-malik ..., 2024].

Анализ официального сайта показывает, что KAI-RCS разработал и реализует следующие программы: электронный документооборот президиума Совета Министров, обучение сотрудников Администрации короля, определение потребностей в профессиональной подготовке сотрудников генерального секретариата Комиссии по поощрению добродетели и удержанию от порока, курсы по управлению проектным финансированием и оценкой в саудовском аграрном банке [Al-masharie al-tadribia ..., 2024].

KAI-RCS имеет право использовать все ресурсы Университета короля Сауда для проведения исследований, разработки учебных программ, проведения конференций, семинаров, мастер-классов и форумов [Nubdhat an al-maehad, 2024].

Успешность Университета короля Сауда показывает важный факт: на конец июня 2024 года в базе данных Web of Science (WoS) индексируется 14 научных журналов этого вуза [Jamieat al-malik saud tuhqq 'injazan ..., 2024].

Университет Короля Сауда считает человеческий капитал важнейшим активом и одним из столпов, с помощью которых вуз стремится достичь высоких результатов. Одним из инструментов решения этих задач являет-

ся Центр выпускников. Благодаря работе этого органа многие выпускники получают поддержку в трудоустройстве в государственных и частных структурах. Таким образом, Центр выпускников является эффективным механизмом для плодотворного общения выпускников между собой, разработки университетских программ в соответствии с самыми современными требованиями рынка труда, что естественным образом способствует росту престижа университета и динамичному развитию государства в целом [Markaz al-khiriyjin ..., 2024].

3.2.2. Характеристика KFUPM

Университет KFUPM находится в непосредственной близости от крупнейшего кластера промышленных предприятий Саудовской Аравии и имеет прочные связи с отраслью, например с такими локомотивами саудовской экономики, как Saudi Aramco и SABIC [Collaboration with the industry ..., 2024].

Ввиду отсутствия унифицированной системы сложных технических терминов, особенно касающихся нефтегазовой и горнодобывающей промышленности, ряд предметов преподаётся только на английском языке. Таким образом, нивелируются проблемы отсутствия устоявшийся научно-технической лексики в арабском языке и достигается полное взаимопонимание при работе с представителями международного сообщества.

В собственности KFUPM находится крупная холдинговая Компания техно-долина Дахрана (DTVC). Она тесно взаимодействует с крупными саудовскими компаниями: Saudi Aramco, SABIC, Saudi Electricity Company (SEC), Sipchem, Amiantit, а также с рядом международных технологических лидеров: Schlumberger, Halliburton, Baker Hughes, Schneider Electric, Emerson, Honeywell, Weatherford, Aveva, Rosen, Sinopec, SLB и Yokogawa. В Долине работают более 1600 человек, они получают свыше 100 патентов в год на свои изобретения и коммерциализируют технологии. В первую очередь это касается добычи и переработки полезных ископаемых, производства электроэнергии, инжиниринга, возобновляемой энергии, технологий производства и автоматизации [Dhahran Techno Valley Holding Company (DTVC) ..., 2024; Dhahran Techno Valley ..., 2024].

Деятельность Долины соответствует задачам, которые решает Министерство окружающей среды, водных ресурсов и сельского хозяйства Саудовской Аравии, стремящейся стать одним из лидеров в сфере экологии, в борьбе с опустыниванием и засухой, а также в вопросе повышения экологической грамотности населения. Поэтому Компания техно-долина Дахрана провела 7 июля 2024 года конференцию, посвященную Всемирному дню окружающей среды. На мероприятии присутствовали 14 компаний, занимающиеся вопросами экологии [Maerid wamutamar fi al-zahran, 2024].

Ещё одним достижением Компании техно-долина Дахрана является создание в партнерстве с саудовской горнодобывающей компанией Ma'aden двух научных школ, делающих упор на естественные науки. Данные учебные заведения работают с 2016 года, набор составляет по 200 человек в год, большинство выпускников продолжают образование в престижных саудовских и зарубежных вузах по следующим специальностям: инженерия, математика, технология, медицина и фармакология. В реализацию данного проекта Ma'aden вложила около 42 млн долларов США [Maeadin tahsud al-markaz al-'awal fi hafl ..., 2024].

Университет KFUPM готовит бакалавров, магистров и учёных с присвоением степени Ph.D. Для бакалавров действует 82 программы продолжительностью по 4 года, для магистров — 79 программ, продолжительностью по 1—3 года, для Ph.D. — 15 программ продолжительностью 3—4 года. В составе KFUPM действуют колледжи, готовящие специалистов по вычислительной технике, математике, нефтяной инженерии, геологии, химии, материаловедению, дизайну, бизнесу и социальным наукам [Colleges ..., 2024; Under Gradaute Program Search ..., 2024; Gradaute Program Search ..., 2024].

Среди известных выпускников этого вуза: член королевской семьи, министр энергетики Саудовской Аравии Абд ал-'Азиз бин Сальман Ал Сауд; министр инвестиций КСА, ранее министр энергетики и председатель Saudi Aramco Халид бин Абд ал-'Азиз ал-'Фалих; министр связи и информационных технологий Саудовской Аравии, ранее занимал пост управляющего директора американской транснациональной компании Cisco Saudi Arabia Абдаллах бин Амер Ас-Саваха.

В Университете нефти и полезных ископаемых Короля Фахда действует Офис по связям с выпускниками. Анализ официального сайта показывает, что он занимается проведением мероприятий нетворкинга для выпускников, способствует обмену опытом и его внедрению в учебные программы вуза. Кроме того, работает телеграм-канал и другие социальные сети Офиса [Alumni, 2024].

Таким образом, университет KFUPM является престижным вузом, занимающим ведущее место в решении проблемы обеспечения квалифицированными кадрами ключевой области экономики Саудовской Аравии, обеспечивающим львиную долю её ВВП.

3.2.3. Характеристика KAU

В настоящее время KAU состоит из 39 колледжей, 3 институтов, 7 научных центров, 8 центров повышения квалификации и 31 кафедры. Университет осуществляет обучение по 141 программе бакалавриата, 17 программам дистанционного образования и 172 программам последипломно-

го образования. Анализ показывает, что они сосредоточены на подготовке инженеров, медиков, управленцев, специалистов в области гуманитарно-социальных и естественных наук, информационных технологий.

Среди известных выпускников вуза такие значимые фигуры, как владелец банка Al Rajhi Bank, один из богатейших людей в КСА Сулейман Абд ал-‘Азиз Ар-Раджхи; журналист, который был самым молодым главным редактором крупной саудовской газеты «Ащ-Щарк ал-‘Аусат» Тарик ал-‘Хамид; министр транспорта Саудовской Аравии Салех бин Наср ал-‘Джасир.

Одним из подразделений университета является Стратегический центр по достижению задач «Видения 2030». Он специализируется на долгосрочном планировании, контроле подразделений университета, реализует программы, направленные на осуществление «Видения 2030» [Al-markaz al-astiratijiu ..., 2024].

Таким образом, можно сделать вывод, что Университет высоко оценивается властями Королевства Саудовская Аравия и рядом международных научно-образовательных организаций.

Университет Короля Абд ал-‘Азиза так же, как и Университет Короля Сауда, занимается поддержкой своих выпускников и их трудоустройством. Этим вопросом занимается управление ассоциации выпускников. Анализ официального сайта KAU показывает, что участниками программы поддержки выпускников является почти 50 тыс. человек. В рамках реализации данного проекта Университет создал отдельный сайт, телеграм-канал и аккаунты в популярных социальных сетях, в которых он оперативно размещает информацию о появившихся вакансиях. Для этого администраторы программы взаимодействуют с зарубежными корпорациями, крупными саудовскими министерствами и кадровыми агентствами: Министерством здравоохранения, Министерством туризма, главным управлением гражданской авиации, Saudi Aramco, SABIC, Maaden, Feedco, McKinsey и др. В рамках данной программы действует особая структура, занимающаяся трудоустройством и профориентацией выпускниц [Al-khiriyjin ..., 2024; Al-khidmat al-alkutrunia ..., 2024; ‘Iidarat rabitat al-khiriyjin ..., 2024; Wikalat al-eimadat lishuuwn al-khiriyjin ..., 2024; Wikalat al-eimadat lilkhiriyjat ..., 2024; Bawaaabat al-khiriyjat ..., 2024].

3.3. Международная роль саудовских университетов

Важным фактом, показывающим авторитетность Университета Короля Сауда в исламском мире, является решение, принятое в апреле 2021 года Всемирной исламской организацией по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО): Университет стал ведущим вузом для всех государств-членов ИСЕСКО в вопросах подготовки преподавателей. Это оз-

начает, что такой диплом будет признан в любой из этих стран [Al-'iisisku wajamieat al-malik saud tawaquean ..., 2024].

Таким образом, пять постсоветских стран: Азербайджан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан будут признавать дипломы этого университета.

Ещё одним показателем успешности Университета Короля Сауда является сотрудничество с 25 иностранными вузами, фондами, центрами и компаниями из 13 государств. В России университет взаимодействует с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова [Al-taeawun al-duwaliu ..., 2024].

Таким образом, университет Короля Сауда является значимым образовательным и научно-исследовательским центром Королевства, позволяющим не только в значительной степени решать проблемы государства, но и готовить специалистов из 93 стран мира.

Важной особенностью работы 20 исследовательских центров KFUPM являются коллективы ученых различных специальностей, представляющие подразделения Университета. Это позволило выстроить работу исследовательских центров на тематическом, а не на дисциплинарном фундаменте. Такой подход даёт возможность задействовать максимум специалистов по самым разным отраслям науки. Ставка на междисциплинарное сотрудничество с акцентом на устойчивую энергетику и возобновляемые источники энергии, кибербезопасность и искусственный интеллект позволила привлечь специалистов из более чем 30 государств. Такая деятельность во многом позволяет университету активно участвовать в решении задач, поставленных руководством саудовского государства в «Видение 2030» [Research & Innovation ..., 2024]. Поэтому возможно назвать перспективным сотрудничество с этим вузом соответствующих учебных заведений России, например, Российского государственного университета нефти и газа (Национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II и др.

Анализ официального сайта Университета Короля Абд ал-'Азиза показывает, что 16 факультетов и один институт имеют международную аккредитацию академических программ [Al-'iietimadat al-'akadimiat ..., 2024]. Всего в Университете действует 97 академических программ, получивших признание престижных комиссий по аккредитации: ABET, AALE, CSC, CIWEM, AMBA и др. При этом ряд дисциплин студентам преподается на английском языке. Специальное внимание в Университете уделяется людям с ограниченными возможностями. В KAU их 25 % от общего числа студентов-инвалидов в Королевстве [King Abdulaziz University // Shanghai Ranking, 2024; Al-qubul ..., 2024].

Таким образом, международную деятельность ведущих университетов КСА следует высоко оценить как способствующую росту престижа саудовского высшего образования и выполнению задач, поставленных прежде всего в рамках концепции «Видение 2030».

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование позволяет отметить ряд сильных сторон деятельности ведущих вузов Королевства. Руководство университетов и многие преподаватели ведущих вузов КСА имеют значительный опыт практической работы. Это помогает им учитывать современные экономические реалии, что повышает конкурентоспособность такого образования, успешность выпускников и престиж вузов. При этом многие из руководителей и преподавателей сами получили образование в этих учебных заведениях. Поэтому они на практике знакомы с проблемами разрыва между теорией и практикой, вернувшись в альма-матер в новом статусе, они помогают преодолевать этот разрыв, что, безусловно, является преимуществом таких университетов.

Ещё одной сильной стороной ведущих вузов КСА является учреждение специальных подразделений (центров поддержки), ориентированных на помощь выпускникам, содействие их трудоустройству.

Все ведущие вузы Королевства имеют прямые контакты с производственными предприятиями, на которых многие студенты не только проходят практику, но и начинают строить свою карьеру после окончания обучения.

Еще одной из позитивных характеристик таких вузов является предоставление стипендий талантливым студентам, в том числе иностранцам.

Учебный процесс насыщен занятиями, которые проводят иностранные преподаватели. Часть таких занятий проходит в дистанционном режиме.

Наличие в этих вузах консультативных органов с широким присутствием авторитетных иностранных специалистов — преподавателей, ученых и менеджеров сферы образования — позволяет саудовским университетам быть широко включёнными в международную образовательную, экономическую и технологическую повестку. Кроме того, такой подход позволяет быть частью системы международного, прежде всего Западного образования, саудовские образовательные программы успешно проходят аккредитацию.

Ещё одной сильной чертой этих вузов является система академической мобильности, при которой руководство и преподаватели обучаются в ведущих зарубежных вузах. Внимание уделяется не только профильному образованию, но и дополнительному обучению в смежных сферах.

Через обучение и воспитание иностранных кадров власти КСА закладывают фундамент лояльности со стороны таких выпускников в отношении и вуза, и Королевства в целом. Такой подход закладывает фундамент для успешной будущей экономической, культурной и других видов экспансии КСА в их страны.

Настойчивое стремление университетов прийти к высокому уровню финансовой самостоятельности за счет научных и коммерческих проектов позволяет вузам самостоятельно реализовывать многие научные и образовательные проекты, иметь прямую связь с производством, даёт студентам почувствовать многие нюансы будущей профессии.

Легкость интеграции выпускников этих вузов в международное научное и бизнес сообщество обусловлена их владением английским языком. Например, в вузах преподавание ряда предметов ведётся на нём, поэтому от абитуриентов при поступлении требуют предоставить международные сертификаты (IELTS, TOEFL и др.). В вузах существуют отдельные лингвистические подразделения, одна из их главных задач — решение вопросов лингвистического обеспечения образовательного процесса. Это является достоинством образовательной системы КСА, позволяющей студентам и преподавателям эффективно взаимодействовать с коллегами на международном уровне.

В вузах КСА значительно увеличивается доля женщин, особенно в наборе на технические специальности. Это обусловлено как экономическими, так и политическими мотивами, а именно — желанием получить дополнительные рабочие руки в условиях растущей экономики и интенсивной модернизации саудовского общества в целом.

Ещё одной сильной стороной этих вузов является активная работа подготовительных курсов, на которых учатся саудиты и иностранцы.

В целом, опыт работы ведущих вузов Королевства Саудовская Аравия достаточно успешен, поэтому и интересен для Российской Федерации. С учетом того, что в последние годы наблюдается активизация сотрудничества наших государств, КСА и РФ могут предложить друг другу сотрудничество и в сфере высшего образования, тем более что Университет Короля Сауда сотрудничает с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова уже с 2017 года, а фирма Saudi Aramco подписала с ним соглашение о сотрудничестве и создании совместного научно-исследовательского центра в 2018 году. В августе 2020 года исследовательский центр стал участником Московского инновационного кластера, подведомственного столичному департаменту предпринимательства и инновационного развития. В России Центр занимается изучением инновационных технологических решений в нефтегазовой отрасли, робототехнике, интерне-

том вещей, большими данными, квантовыми вычислениями, дополненной и виртуальной реальностью и другими современными технологиями. Он стал девятым зарубежным научным хабом, аналогичные центры компании расположены в США, Европе и Азии [Исследовательский центр ..., 2020].

В 2020 году МГУ запустил проект, аккумулирующий вакансии от инновационных компаний. Оператором выступил Научный парк МГУ. На данном сайте представлены вакансии и стажировки, в том числе от Aramco Innovations — российского представительства исследовательской организации, входящей в структуру национальной нефтедобывающей компании Саудовской Аравии Saudi Aramco. Центр проводит исследования, отличается высокой публикационной активностью [Почти 7 тыс. рабочих мест ..., 2022; Dr. Anton Gryzlov ..., 2021; Vladimir Khmelnitskiy ..., 2022; Dr. Anton Gryzlov ..., 2023].

Чеченский государственный педагогический университет и Университет имени короля Абд ал-‘Азиза с февраля 2024 года осуществляют совместный проект. Его целью является продвижение русского языка и российского образования в КСА. Для этого будет создана система совместных образовательных учреждений, ведущих обучение на русском языке в Саудовской Аравии.

Проведённый анализ показывает, что существующая система образования КСА во многом отвечает требованиям времени и имеет хорошие перспективы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Исследовательский* центр Saudi Aramco присоединился к Московскому инновационному кластеру [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://etpgpb.ru/posts/9154-issledovatelskiy_tsentr_saudi_aramco_prisoedinilsya_k_moskovskomu_innovatsionnomu_klasteru/ (дата обращения 12.04.2024).

2. *Послание* Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585 (дата обращения 1.03.2024).

3. *Почти* 7 тыс. рабочих мест создадут в технопарках Москвы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.sciencepark.ru/press-tsentr/news/463-pochti-7-tys-rabochikh-mest-sozdadut-v-tekhnoparkakh-moskvy (дата обращения 1.03.2024).

4. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 г. № 1315-р «Концепция технологического развития до 2030 года» Номер опубликования: 0001202305250050 [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. — Режим доступа : http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050 25.05.2023. (дата обращения 1.03.2024).

5. *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 28.02.2024 № 446-р «О подписании Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Саудовская Аравия о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней» Номер опубликования : 0001202402290023 [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. — Режим доступа : http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402290023?ysclid=lt92scqrp523487325 (дата обращения 1.03.2024).

6. *РФПИ* с Саудовской Аравией решили вложить ₽1 трлн в российские проекты [Электронный ресурс] // РБК. — 2023. — 06 декабря. — Режим доступа : https://www.rbc.ru/finances/06/12/2023/6570312c9a79479441a22a99 (дата обращения 13.03.24).

7. *Саудовская* Аравия [Электронный ресурс] // Чеченский государственный педагогический университет. — Режим доступа : https://chspu.ru/gulf-countries-saudi-arabia/ (дата обращения 20.07.2024).

8. *Совместное* заявление по итогам визита Его Превосходительства Президента Российской Федерации в Королевство Саудовская Аравия [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа : http://www.kremlin.ru/supplement/6065 (дата обращения 7.02.2024).

9. *Страны* Персидского залива и будущее IT 17.10.2023 [Электронный ресурс] // Forbes. — Режим доступа : https://blogs.forbes.ru/2023/10/17/strany-persidskogo-zaliva-i-budushhee-it/ (дата обращения 17.04.2024).

10. *Указ* Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 в «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf (дата обращения 1.03.2024).

11. *Указ* Президента Российской Федерации от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 5.09.2022. (дата обращения 1.03.2024).

12. *'Abraz* 'iinjazat al-bahth al-eilmii lieam 2022 [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/node/2976 (accessed 27.01.2024).

15. *Al-'adhrue* al-astithmariat [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 25.01.2024).

16. *Al-baramij* al-dirasiat [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/en/node/3025 (дата обращения 28.01.2024).

17. *Al-hayyat* al-aistishariat al-duwaliat [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://iab.kau.edu.sa/Default-975-AR (дата обращения 30.01.2024).

18. *Al-'iietimadat* al-'akadimiat [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://www.kau.edu.sa//Content-0-AR-285355 (accessed 31.01.2024).

19. *Al-'iisisku* wajamieat al-malik saud tawaquean eaqd khadamat liltaeawun bimashrue al-shahadat al-mihniat fi al-tadris [Electronic resource] // ICESCO. — Access mode : https://icesco.org/ar/2021/04/20/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%8A%D8%B3%D9%8A%D8%B3%D9%83%D9%88-%D9%88%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%83-%D8%B3%D8%B9%D9%88%D8%AF-%D8%AA%D9%88%D9%82%D8%B9%D8%A7%D9%86-%D8%B9%D9%82/ (accessed 27.06.2024).

20. *Al-khidmat* al-alkutrunia [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-273026.aspx (accessed 26.04.2024).

21. *Al-khiriyjin* [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://www.kau.edu.sa/Content-0-AR-282192 (accessed 26.04.2024).

22. *Al-madinat* al-jamieiat liltaalibat — al-mudun al-jamieiat [Electronic resource] // jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/node/2989 (accessed 24.01.2024).

23. *Al-madinat* al-tibiyat al-jamieiat - al-mudun al-jamieiat [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/node/2989 (accessed 24.01.2024).

24. *Al-markaz* al-astiratijiu litahqiq ruyat 2030 [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://www.kau.edu.sa/Content-0-AR-285334 (accessed 29.01.2024).

25. *Al-masharie* al-tadribia [Electronic resource] // Maehad al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistisharia. — Access mode : https://kai.ksu.edu.sa/ar/node/1308 (accessed 27.06.2024).

26. *Al-qubul* [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://www.kau.edu.sa//Content-0-ar-285332 (accessed 29.01.2024).

27. *Al-siyrat* al-dhaatiat lisahib al-sumui al-malakii al-'amir Muhamad bin Salman bin Abdialeaziz [Electronic resource] // Wikalat al-'anba' al-saudia. — Access mode : https://www.spa.gov.sa/1319666 (accessed 23.01.2024).

28. *Al-taeawun* al-duwaliu [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/geo (accessed я 26.01.2024).

29. *Al-talabat* al-haliiyn [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://www.kau.edu.sa//Content-0-AR-285330 (accessed 30.01.2024).

30. *'Awqaf* jamieat al-malik saud [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://endowments.ksu.edu.sa/ar/aboutEndowments (accessed 18.04.2024).

31. *Bawaaabat* al-khiriyjat [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://dar-gradg.kau.edu.sa/Default-210997-ar (accessed 26.04.2024).

32. *Ghayat* al-taelim wa'ahdafuh al-amma [Electronic resource] // Wizarat al-taelim. — Access mode : https://moe.gov.sa/ar/education/educationinksa/pages/educationobjectives.aspx (accessed 25.01.2024).

33. *'Iidarat* rabitat alkhiriyjin [Electronic resource] // Jamiat almalik abdulaziz. — Access mode : https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-252078.aspx (accessed 26.04.2024).

34. *Jamieat* al-malik saud tuhqq 'injazan elmyan haman bihusul 14 majalat eilmiat ealaa tasnif fi qaeidat bayanat al-WOS [Electronic resource] // Al-aiqtisad al-saudi. — Access mode : https://alsaudieconomy.com/news/9038 (accessed 22.06.2024).

35. *Kuliyaat* jamiat al-malik saud [Electronic resource] // jamiat al-malik saud Colleges of King Saud University // King Saud University. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/colleges (accessed я 27.01.2024).

36. *Maeadin* tahsud al-markaz al-'awal fi hafl al-jawayiz al-earabiat lilmaswuwliat al-aijtimaeia [Electronic resource] // Wikalat al-'anba' al-saudia. — Access mode : https://www.spa.gov.sa/dc8ed8a024z (accessed 02.01.2024).

37. *Maehad* al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistishariat [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 25.01.2024).

38. *Maerid* wamutamar fi al-zahran bialsaeudiat bimunasabat al-yawm al-ealamii lilbiya [Electronic resource] // Wikalat 'anba' al-ealam al-earabii. — Access mode : https://awp.net/ar/stories/tqryr-tlfzywny-merd-wmwtmr-fy-alzhran-balsewdyt-bmnasbt-alywm-alealmy-llbyyt/ (accessed 06.06.2024).

39. *Majlis* 'iidarat jamiat al-malik saud [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/node/3042 (accessed 24.01.2024).

40. *Markaz* al-khiriyjin [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://alumni.ksu.edu.sa/ar/node/2892 (accessed 12.04.2024).

41. *Nubdhat* an al-maehad [Electronic resource] // Maehad al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistisharia. — Access mode : https://kai.ksu.edu.sa/ar (accessed я 27.06.2024).

42. *Sharikat* wadi al-riyad [Electronic resource] // Jamiat al-malik saud. — Access mode : https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 26.01.2024).

43. *Wikalat* al-eimadat lilkhiriyjat [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-264302.aspx (accessed 26.04.2024).

44. *Wikalat* al-eimadat lishuuwn al-khiriyjin [Electronic resource] // Jamiat al-malik abdulaziz. — Access mode : https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-271777.aspx (accessed 26.04.2024).

Литература

1. *Аламри Р. Т.* Повышение социальной роли женщины в Саудовской Аравии и ее влияние на управление бизнесом / Р. Т. Аламри // Социально-гуманитарные знания : взгляд молодых исследователей : материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции / под общей редакцией М. М. Мусарского, Е. А. Омельченко, А. А. Шевцова. — Москва : Московский педагогический государственный университет, 2019. — С. 198—205.

2. *Аль-Джарф Р. С.* Интеллектуальная собственность в онлайн и дистанционном обучении в университетах Саудовской Аравии / Р. Аль-Джарф // Арабистика Евразии. — 2021. — № 16. — С. 68—94.

3. *Глазунов О. Н.* Особенности и приоритеты формирования современной образовательной политики Королевства Саудовская Аравия / О. Н. Глазунов, М. Ю. Терехова // Общество : политика, экономика, право. — 2019. — № 12 (77). — С. 12—16.

4. *Косач Г. Г.* «Видение : 2030» Саудовские реформы / Г. Г. Косач // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 6 (300). — С. 107—123.

5. *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия: образование, социальная трансформация, власть / Г. Г. Косач // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения — 2010. — С. 77—85.

6 *Косач Г. Г.* Саудовская Аравия : Трансформация власти и политики / Г. Г. Косач // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. —Т. 63. — № 4. — С. 59—67.

7. *Кхтани М. О. А.* Индекс развития человека как показатель результатов социального развития Королевства Саудовская Аравия / М. О. А. Кхтани // Власть. — 2012. — № 8. — С. 136—140.

8. *Лукичев Г. А.* Развитие высшего образования в арабских странах (аналитический обзор) / Г. А. Лукичев // Alma mater (Вестник высшей школы). — 2008. — № 4. — С. 49—53.

9. *Сулейманова А. Р.* Развитие системы образования Королевства Саудовской Аравии как фактор внутренней политики государства / А. Р. Сулейманова // Journal of Economy and Business. — 2022. — Vol. 1-1 (83). — С. 208—213.

10. *Сулейманова А. Р.* Система образования во внутренней политике Египта / А. Р. Сулейманова // Spirit time. — 2021. — № 10 (46). — С. 23—25.

11. *Успенская Н. А.* Высшее образование в арабских странах: прошлое и настоящее / Н. А. Успенская // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 307—312.

12. *Хачатурян А. А.* Безработица и другие социальные угрозы цифровой экономики / А. А. Хачатурян // Проблемы прогнозирования. — 2021. — № 3. — С. 103—115.

13. *Чупова А. А.* Женское образование в арабских странах / А. А. Чупова, С. Н. Турк // Colloquium-Journal. — 2019. — № 8—6 (32). — С. 46—47.

14. *Alkhazim A. M.* Higher Education in Saudi Arabia: Challenges, Solutions, and Opportunities Missed / A. M. Alkhazim // Higher Education Policy. — 2003. — № 16. — Pp. 479—486.

15. *An investigation* of the educational challenges during COVID-19 : A case study of Saudi students' experience / A. Ali, R. M. Ishtiaq Khan, T. Kumar, M. Shahbaz, A. Alourani // European Journal of Educational Research. — 2022. — Vol. 11(1). — Pp. 353—363.

16. *Dr. Faisal* Bin Shabib Mosleet Alsubaie. A Study on the Role of Universities in Saudi Arabia in Empowering Women Educationally / Dr. Faisal Bin Shabib Mosleet Alsubaie // Journal for Educators, Teachers and Trainers. — 2022. — Vol. 13 (6). — Pp. 620—629.

Статья поступила в редакцию 21.08.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

Material resources

'Abraz 'iinjazat al-bahth al-eilmii lieam 2022. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/node/2976 (accessed 27.01.2024).

Al-'adhrue al-astithmariat. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 25.01.2024).

Al-baramij al-dirasiat. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/en/node/3025 (accessed 28.01.2024).

Al-hayyat al-aistishariat al-duwaliat. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://iab.kau.edu.sa/Default-975-AR (accessed 30.01.2024).

Al-'iietimadat al-'akadimiat. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://www.kau.edu.sa//Content-0-AR-285355 (accessed 31.01.2024).

Al-'iisisku wajamieat al-malik saud tawaquean eaqd khadamat liltaeawun bimashrue al-shahadat al-mihniat fi al-tadris. *ICESCO.* Available at: https://icesco.org/ar/2021/04/20/%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%8A%D8%B3%D9%8A%D8%B3%D9%83%D9%88-%D9%88%D8%AC%D8%A7%D9%85%D8%B9%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%84%D9%83-%D8%B3%D8%B9%D9%88%D8%AF-%D8%AA%D9%88%D9%82%D8%B9%D8%A7%D9%86-%D8%B9%D9%82/ (accessed 27.06.2024).

Al-khidmat al-alkutrunia. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-273026.aspx (accessed 26.04.2024).

Al-khiriyjin. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://www.kau.edu.sa/Content-0-AR-282192 (accessed 26.04.2024).

Al-madinat al-jamieiat liltaalibat — al-mudun al-jamieiat. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/node/2989 (accessed 24.01.2024).

Al-madinat al-tibiyat al-jamieiat — al-mudun al-jamieiat. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/node/2989 (accessed 24.01.2024).

Al-markaz al-astiratijiu litahqiq ruyat 2030. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://www.kau.edu.sa/Content-0-AR-285334 (accessed 29.01.2024).

Al-masharie al-tadribia. *Maehad al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistisharia.* Available at: https://kai.ksu.edu.sa/ar/node/1308 (accessed 27.06.2024).

Almost 7 thousand jobs will be created in technoparks of Moscow. Available at: https://www.sciencepark.ru/press-tsentr/news/463-pochti-7-tys-rabochikh-mest-sozdadut-v-tekhnoparkakh-moskvy (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Al-qubul. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://www.kau.edu.sa//Content-0-ar-285332 (accessed 29.01.2024).

Al-siyrat al-dhaatiat lisahib al-sumui al-malakii al-'amir Muhamad bin Salman bin Abdialeaziz. *Wikalat al-'anba' al-saudia.* Available at: https://www.spa.gov.sa/1319666 (accessed 23.01.2024).

Al-taeawun al-duwaliu. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/geo (accessed я 26.01.2024).

Al-talabat al-haliiyn. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://www.kau.edu.sa//Content-0-AR-285330 (accessed 30.01.2024).

'Awqaf jamieat al-malik saud. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://endowments.ksu.edu.sa/ar/aboutEndowments (accessed 18.04.2024).

Bawaaabat al-khiriyjat. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://dar-gradg.kau.edu.sa/Default-210997-ar (accessed 26.04.2024).

Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/20/2023 № 1315-r "Concept of technological development until 2030" Publication number: 0001202305250050. *Official publication of legal acts.* Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305250050 05/25/2023. (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Decree of the Government of the Russian Federation № 446-r dated 02/28/2024 "On signing an Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Kingdom of Saudi Arabia on mutual recognition of education, qualifications and academic degrees" Publication number: 0001202402290023. *Official Publication of legal Acts.* Available at: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402290023?ysclid=lt92scqrp523487325 (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Decree of the President of the Russian Federation dated March 31, 2023 № 229 b "On approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation". *President of Russia.* Available at: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Decree of the President of the Russian Federation № 611 dated September 5, 2022 "On approval of the Concept of Humanitarian Policy of the Russian Federation abroad". *President of Russia.* Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280 09/5/2022. (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Ghayat al-taelim wa'ahdafuh al-amma. *Wizarat al-taelim.* Available at: https://moe.gov.sa/ar/education/educationinksa/pages/educationobjectives.aspx (accessed 25.01.2024).

'Iidarat rabitat alkhiriyjin. *Jamiat almalik abdulaziz.* Available at: https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-252078.aspx (accessed 26.04.2024).

Jamieat al-malik saud tuhqq 'injazan elmyan haman bihusul 14 majalat eilmiat ealaa tasnif fi qaeidat bayanat al-WOS. *Al-aiqtisad al-saudi.* Available at: https://alsaudieconomy.com/news/9038 (accessed 22.06.2024).

Joint statement on the results of the visit of His Excellency the President of the Russian Federation to the Kingdom of Saudi Arabia. *The President of Russia.* Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/6065 (accessed 02.07.2024). (In Russ.).

Kuliyaat jamiat al-malik saud. *Jamiat al-malik saud Colleges of King Saud University. King Saud University.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/colleges (accessed 27.01.2024).

Maeadin tahsud al-markaz al-'awal fi hafl al-jawayiz al-earabiat lilmaswuwliat al-aijtimaeia. *Wikalat al-'anba' al-saudia.* Available at: https://www.spa.gov.sa/dc8ed8a024z (accessed 02.01.2024).

Maehad al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistishariat. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 25.01.2024).

Maerid wamutamar fi al-zahran bialsaeudiat bimunasabat al-yawm al-ealamii lilbiya. *Wikalat 'anba' al-ealam al-earabii.* Available at: https://awp.net/ar/stories/tqryr-tlfzywny-merd-wmwtmr-fy-alzhran-balsewdyt-bmnasbt-alywm-alealmy-llbyyt/ (accessed 06.06.2024).

Majlis 'iidarat jamiat al-malik saud. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/node/3042 (accessed 24.01.2024).

Markaz al-khiriyjin. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://alumni.ksu.edu.sa/ar/node/2892 (accessed 12.04.2024).

Message of the President to the Federal Assembly on February 29, 2024. *President of Russia.* Available at: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73585 (accessed 1.03.2024). (In Russ.).

Nubdhat an al-maehad. *Maehad al-malik eabdallah lilbuhuth wal-dirasat al-aistisharia.* Available at: https://kai.ksu.edu.sa/ar (accessed 27.06.2024).

RDIF and Saudi Arabia decided to invest ₽1 trillion in Russian projects. (2023). *RBC. December 06.* Available at: https://www.rbc.ru/finances/06/12/2023/6570312c9a79479441a22a99 (accessed 13.03.24). (In Russ.).

Saudi Arabia. *Chechen State Pedagogical University.* Available at: https://chspu.ru/gulf-countries-saudi-arabia/ (accessed 07/20/2024). (In Russ.).

Sharikat wadi al-riyad. *Jamiat al-malik saud.* Available at: https://ksu.edu.sa/ar/endowment (accessed 26.01.2024).

The Persian Gulf countries and the future of IT 17.10.2023. *Forbes.* Available at: https://blogs.forbes.ru/2023/10/17/strany-persidskogo-zaliva-i-budushhee-it/ (accessed 04/17/2024). (In Russ.).

The Saudi Aramco Research Center has joined the Moscow Innovation Cluster. Available at: https://etpgpb.ru/posts/9154-issledovatelskiy_tsentr_saudi_aramco_prisoedinilsya_k_moskovskomu_innovatsionnomu_klasteru / (accessed 12.04.2024). (In Russ.).

Wikalat al-eimadat lilkhiriyjat. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-264302.aspx (accessed 26.04.2024).

Wikalat al-eimadat lishuuwn al-khiriyjin. *Jamiat al-malik abdulaziz.* Available at: https://studentaffairs.kau.edu.sa/Pages-271777.aspx (accessed 26.04.2024).

References

Alamri, R. T. (2019). Increasing the social role of women in Saudi Arabia and its impact on business management. In: *Social and humanitarian knowledge: the view of young researchers*. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 198—205. (In Russ.).

Ali, A., R. M. Ishtiaq Khan., T. Kumar., Shahbaz, M., Alourani, A. (2022). An investigation of the educational challenges during COVID-19: A case study of Saudi students' experience. *European Journal of Educational Research, 11* (1): 353—363.

Alkhazim, A. M. (2003). Higher Education in Saudi Arabia: Challenges, Solutions, and Opportunities Missed. *Higher Education Policy, 16*: 479—486.

Al-Jarf, R. S. (2021). Intellectual property in online and distance learning at universities in Saudi Arabia. *Eurasian Arab Studies, 16*: 68—94. (In Russ.).

Chupova, A. A., Turk, S. N. (2019). Women's education in Arab countries. *Colloquium-Journal, 8—6* (32): 46–47. (In Russ.).

Dr. Faisal Bin Shabib Mosleet Alsubaie. (2022). A Study on the Role of Universities in Saudi Arabia in Empowering Women Educationally. *Journal for Educators, Teachers and Trainers, 13* (6): 620—629.

Glazunov, O. N., Terekhova, M. Yu. (2019). Features and priorities of the formation of modern educational policy of the Kingdom of Saudi Arabia. *Society: politics, economics, law, 12* (77): 12—16. DOI: 10.24158/pep.2019.12.1. (In Russ.).

Khachaturyan, A. A. (2021). Unemployment and other social threats of the digital economy. *Problems of forecasting, 3:* 103—115. DOI: 10.47711/0868-6351-186-103-115. (In Russ.).

Khtani, M. O. A. (2012). Human development index as an indicator of the results of social development of the Kingdom of Saudi Arabia. *Power, 8:* 136—140. (In Russ.).

Kosach, G. G. (2010). Saudi Arabia: education, social transformation, power. *Bulletin of the Russian State University. Series: Political Science. History. International Relations.* 77—85. (In Russ.).

Kosach, G. G. (2017). "Vision: 2030" Saudi reforms. *Russia and the Muslim world, 6* (300): 107—123. (In Russ.).

Kosach, G. G. (2019). Saudi Arabia: Transformation of power and politics. *World economy and international relations, 63* (4): 59—67. (In Russ.).

Lukichev, G. A. (2008). Development of Higher Education in Arab Countries (analytical review). *Alma mater (Higher School Bulletin), 4*: 49-53. (In Russ.).

Suleymanova, A. R. (2021). The education system in the domestic policy of Egypt. *Spirit time, 10* (46): 23—25. (In Russ.).

Suleymanova, A. R. (2022). The development of the education system of the Kingdom of Saudi Arabia as a factor in the internal policy of the state. *Journal of Economy and Business, 1—1* (83): 208—213. DOI: 10.12731/2218-7405-2018-9-72-92. (In Russ.).

Uspenskaya, N. A. (2014). Higher education in Arab countries: past and present. *Bulletin of MGIMO University, 2* (35): 307—312. (In Russ.).

The article was submitted 21.08.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Бадмаева Е. Н. Хозяйственный эксперимент по внедрению культуры хлопчатника в природно-климатических условиях Юга России в 1920—1940-е годы / Е. Н. Бадмаева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 337—359. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-337-359.

Badmaeva, E. N. (2024). Agricultural Experimentation in Cotton Cultivation under Natural and Climatic Conditions of Southern Russia (1920s-1940s). *Nauchnyi dialog, 13* (10): 337-359. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-337-359. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Хозяйственный Эксперимент по внедрению культуры хлопчатника в природно-климатических условиях Юга России в 1920—1940-е годы

Бадмаева Екатерина Николаевна
orcid.org/0000-0002-4472-5535
доктор исторических наук,
директор Международного
научно-исследовательского центра
«Ойраты и калмыки
на евразийском пространстве»
en-badmaeva@yandex.ru

Калмыцкий государственный
университет имени Б. Б. Городовикова
(Элиста, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00313 «Трансформация
кочевых обществ Юга России
в контексте
природно-климатических
факторов (XIX — середина XX веков)»

Agricultural Experimentation in Cotton Cultivation under Natural and Climatic Conditions of Southern Russia (1920s-1940s)

Ekaterina N. Badmaeva
orcid.org/0000-0002-4472-5535
Doctor of History, Director,
International Scientific Center
“Oirats and Kalmyks
in the Eurasian Space”
en-badmaeva@yandex.ru

Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov
(Elista, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-18-00313
“Transformation of nomadic societies
in the South of Russia in the context
of natural and climatic factors
(XIX — mid-XX centuries)”

© Бадмаева Е. Н., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию особенностей организации хлопкового дела на Юге России в 1930-е годы. Проанализированы ход и результаты посевных и уборочных хлопковых кампаний в сложных природно-климатических условиях территории. Представлен сопоставительный анализ процесса хлопкосеяния в Калмыкии и Дагестане. Установлено, что в первом из этих регионов более интенсивно развивалось неполивное хлопководство, а во втором, имевшем достаточные водные ресурсы, орошаемое хлопководство. Сделан вывод о том, что увеличение количества хлопка на Юге России в тот период происходило в основном за счет расширения посевных площадей. Доказано, что южнороссийское хлопководство в довоенный период не оправдало себя с практической точки зрения и не обеспечило страну в полной мере необходимым хлопковым сырьем. Основными материалами для исследования рассматриваемой проблемы в статье выступили архивные документы. В научный оборот введены ранее не опубликованные материалы. Актуальность и практическая значимость исследования видится в том, что исторический опыт хлопкосеяния на Юге России может быть использован в современных условиях развития сельского хозяйства страны.

Ключевые слова:
Юг России; Дагестан; Астраханская область; Ставрополье; Калмыкия; хлопкосеяние.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the intricacies of cotton production organization in Southern Russia during the 1930s. It analyzes the progression and outcomes of cotton planting and harvesting campaigns amid challenging natural and climatic conditions. A comparative analysis of cotton sowing practices in Kalmykia and Dagestan is presented. The findings indicate that non-irrigated cotton farming developed more intensively in the former region, while irrigated cotton cultivation thrived in Dagestan, which had ample water resources. It is concluded that the increase in cotton production in Southern Russia during this period primarily resulted from the expansion of cultivated areas. The study demonstrates that pre-war Southern Russian cotton farming did not meet practical expectations and failed to provide the country with sufficient raw cotton. Archival documents serve as the primary materials for this research, introducing previously unpublished resources into the academic discourse. The relevance and practical significance of this study lie in the fact that the historical experience of cotton sowing in Southern Russia can inform contemporary agricultural development in the country.

Key words:
Southern Russia; Dagestan; Astrakhan Region; Stavropol Territory; Kalmykia; cotton cultivation.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:633.511(470+571)“192/194”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-337-359

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Хозяйственный эксперимент по внедрению культуры хлопчатника в природно-климатических условиях Юга России в 1920—1940-е годы

© Бадмаева Е. Н., 2024

1. Введение = Introduction

В царской России хлопчатник выращивался преимущественно в «жарких» регионах Средней Азии и Закавказье (Армении и Азербайджане). В европейской же части России хлопок в промышленных масштабах не производился, в основном из-за недостатка солнечных дней в году, почвенных особенностей, а также засушливости некоторых территорий. В конце 1920-х годов советское правительство, на основе учета опыта и результатов возделывания хлопчатника в дореволюционные годы и в первое послеоктябрьское десятилетие, решило возобновить опыты с посевами неорошаемого хлопчатника в степной полосе юга России. Регионы этой части страны в официальных документах получили название «новых районов хлопководства». Власти нацелились создать здесь «третью базу» хлопкового производства в СССР наряду со Средней Азией и Закавказьем. По убеждению властных структур советского государства, южная часть СССР наиболее подходит для организации неполивного и орошаемого хлопководства, в последнем случае в зависимости от наличия водных ресурсов в той или иной территории. Еще одной побудительной причиной развертывания хлопкового дела на юге страны являлась дороговизна доставки, в частности, среднеазиатского хлопка в центральные районы СССР, где в основном располагались предприятия легкой, текстильной, авиационной, автомобильной, медицинской, швейной, пищевой и др. отечественной промышленности. По мнению властей, их относительная близость от предполагаемых районов производства хлопчатника на юге страны будет способствовать уменьшению транспортных и иных издержек, снижению окончательной цены произведенных на основе хлопка промышленных и продовольственных товаров. Большевистское государство, расширяя районы производства хлопка в южной части СССР, пыталось тем самым преодолеть существовавшую в то время довольно сильную зависимость советской экономики от импорта из-за границы этого стратегически важного сельскохозяйственного сырья.

Ускоренное развитие хлопководства на юге СССР в 1930-е годы предполагалось проводить силами нарождающегося в то время колхозного строя, а также государственных хозяйств, путем форсированного расширения посевных площадей, поднятия урожайности и улучшения организации хлопкового дела, мобилизации активности хозяйствующих субъектов и самих хлопкоробов. В настоящей статье ставится задача рассмотреть практические результаты по возделыванию хлопка-сырца в указанный период в «новых хлопковых районах» СССР. Предмет исследования — хлопководство на юге страны, в частности, в Дагестане, Астраханской области, Ставрополье, но главным образом в степных местностях восточных улусов (районов) Калмыкии. Объектом исследования является процесс производства хлопка-сырца в колхозах и совхозах Юга России в довоенное время.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В процессе написания данной статьи автором привлечены документы из Российского государственного архива социально-политической истории, Национального архива Республики Калмыкия, Государственного архива Ставропольского края и Центрального Государственного архива Республики Дагестан. Используются статистические материалы (сводки Центрального статистического управления СССР (ЦСУ СССР), Центрального управления народно-хозяйственного учёта (ЦУНХУ) Госплана СССР, местных органов государственной статистики: статистических управлений автономных республик, краев и областей). Привлекаются годовые отчёты колхозов и совхозов, районов за рассматриваемый нами период и иные документы. Автор опирается также на опубликованные работы советских и российских ученых по проблематике исследования.

История возделывания хлопка на юге СССР в 1930-е годы до сих пор не становилась объектом специального исторического исследования. Между тем современник первых советских экспериментов в области хлопководства в южных российских регионах П. А. Яхтенфельд рассмотрел проблемы выращивания хлопка на юге России, попытался наметить некоторые пути их решения на практике: «В старых хлопковых районах Средней Азии и Закавказья расширение хлопководства возможно главным образом за счет новых орошаемых площадей по мере осуществления строительства новых ирригационных сооружений. В новых районах бесполивного хлопководства дальнейшее расширение посевных площадей под хлопком в значительной мере сдерживается все еще плохим овладением механизированными способами прополки и уборки хлопковых полей. При условии широкого внедрения механизированной прополки возможно в ближайшие

годы значительно увеличить площади под хлопчатником» [Яхтенфельд, 1936, с. 41]. Опираясь на мнения специалистов-аграрников и практический опыт выращивания данной сельскохозяйственной культуры на Юге России, автор предпринял попытку определить наиболее подходящие и перспективные для макрорегиона сорта хлопчатника, проанализировал технику культуры возделывания хлопчатника, севообороты, рассмотрел проблемы внедрения механизации на южно-российских полях.

Среди работ, посвященных изучению хлопководства на Юге России в 1920—1930-е годы, следует отметить монографию «Хлопководство новых районов» [Квитко, 1934]. Орошаемому хлопководству в Дагестане посвящена работа Г. Л. Магакяна [Магакян, 1938]. Истории возделывания хлопка на юге России в указанный период посвящены статьи современных исследователей: А. Н. Абалдова, Т. В. Васильевой, А. А. Дедова и др. [Абалдов и др., 2008; Дедов, 2020 и др.]. Непосредственно изучению развития хлопководства в новых хлопковых районах, в большей степени в Калмыкии, посвящен цикл наших статей [Бадмаева, 2017а; Бадмаева, 2017б]. Также вызывают интерес работы, посвященные хлопковому освоению в контексте природно-хозяйственного и историко-этнографического факта; по возделыванию и адаптации хлопчатника [Ханмагомедов и др., 2021; Беляева и др., 2022; Мазаев, 2023; Оценка ..., 2023; Юркова и др., 2023; Адаптация ..., 2024; Овчинников и др., 2024 и мн. др.].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Новые хлопководческие районы

К середине 1920-х годов, и в особенности в 1928 году, хлопкоробы южных районов России добились относительно неплохих результатов в деле производства хлопка-сырца. Данный факт с удовлетворением отмечался в постановлении Экономического Совета РСФСР от 12 ноября 1928 года «О хлопководстве в новых районах РСФСР»: «В весенний период хлопковой кампании 1928 года во всех новых хлопковых районах — под Астраханью, в Дагестане, на Тереке и на Кубани — организация производственных хлопковых посевов на землях трудового пользования, несмотря на недостаточно благоприятные вегетационные условия, прошла успешно, при большом интересе со стороны населения и при своевременном снабжении его со стороны Главного Хлопкового Комитета Совнархоза СССР удовлетворительным по качеству посевным материалом. Благодаря этому контрактация хлопка в целом по всем новым районам дала превышение против плановой площади на 23,97 (план — 1850 га, законтрактовано — 2292 га), а фактически засеяно 1994 га, то есть больше планового задания на 7,8 %» [Постановление Экономического Совета …, 1928, с. 12] .

Экономический Совет при Высшем совете народного хозяйства (ВСНХ) в вышеуказанном документе поставил задачи «на предстоящий сезон 1928—1929 годов»: «Для составления плана контрактации в новых районах принять ориентировочно посевную площадь в 8000 га, в том числе: по Дагестанской АССР — 2500 га; Терскому округу — 2000 га; Кубани — 3000 га; Астраханскому округу — 1200 га; Калмыцкой автономной области — 100 га. Указанную площадь посевов считать минимальной и предложить Главному Хлопковому Комитету Высшего Совета народного хозяйства Союза ССР обеспечить достаточные резервы семян для всемерного дополнительного расширения посевных площадей …» [Там же]. Экономический Совет принял к сведению «заявление Главного Хлопкового Комитета Совнархоза СССР, что им ассигновано: по автономной Дагестанской ССР на содержание Хаса-Юртовского опытного поля — 59 511 руб. 90 коп.; по автономной Дагестанской ССР на агрономические работы — 73 970 руб. 50 коп.; по Терскому округу — 25 923 руб.; Астраханскому округу — 40 569 руб.; Кубани — 6481 руб. Итого: 207 455 руб. 40 коп.» [Там же].

18 июля 1929 года вышло специальное решение ЦК ВКП (б) «О хлопководстве», где еще раз подчеркивалась целесообразность более широкого внедрения хлопководства на Юге СССР: «...принять более решительные меры по развитию хлопководства в новых районах (Дагестан, Северный Кавказ) и развертыванию опытов по хлопководству (Украина, Крым, Астрахань) путем распространения соответствующих сортов скороспелых семян, страховки посевов от неурожая и других льготных мероприятий, доведя площадь хлопковых посевов в новых районах в конце пятилетки до 200 000 га» [Постановление ЦК ВКП (б) ..., 2029, с. 5]. В Нижневолжском крае, по замыслу краевых властей, предполагалось провести «в целях дальнейшего расширения возможностей развития хлопкосева в 1929/1930 гг. сплошное землеустройство и почвенно-гидротехническое обследование хлопковых районов Астраханского округа и Калмыцкой автономной области» [Коллективизация ..., 2011, с. 295].

Большую помощь в практической работе с хлопчатником в южных районах страны оказывали ученые НИИ хлопководства новых районов СССР (НОВНИХИ). На основе проведенных экспериментов в зональных опытных станциях ими были определены наиболее подходящие сорта хлопчатника для «новых районов» хлопкосеяния. В 1930-е годы хлопкоробы южных территорий страны по рекомендации ученых преимущественно сажали скороспелый сорт «шредер 1306», несколько реже — сорта «акджура 182» и «пионер 915». На отдельных территориях приступили к освоению новых ультраскороспелых линий селекции Среднеазиатского на-

учно-исследовательского института хлопководства (СредазНИХИ), в частности, в совхозе Пахта-Арал и в Хасав–Юрте, а также новых линий селекции, выведенных НОВНИХИ, которые, как показала практика, оказались значительно более скороспелыми (14—27 дней) и высокоурожайными [Яхтенфельд, 1936, с. 41]. Уже в конце 1920-х годов в «новых хлопковых районах» обозначился переход «от опытно-разведочных посевов к развернутому производственному хлопкосеянию» [Абалдов и др., 2008, с. 10].

15 февраля 1931 года Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О Главхлопкоме» [РГАСПИ, ф. 17., оп. 162, д. 9, л. 133], которым данный государственный орган упразднялся и образовывались Казахский, Среднеазиатский, Закавказский и Новые хлопковые комитеты, непосредственно подчиненные Наркомзему СССР. Новхлопком отвечал за развитие хлопкового дела на юге РСФСР, в частности, в районах Астрахани и нынешнего Волгограда, Ростовской области, Калмыкии, Северном Кавказе, а также в Крыму, Южной Украине, Молдавии.

В 1920—1930-е годы центральные власти и специалисты-аграрники признали одним из перспективных хлопководческих районов в стране Дагестан как наиболее подходящий для выращивания хлопчатника по природно-климатическим условиям: регион отличался большим периодом теплых, солнечных дней в году, а также наличием достаточных водных ресурсов, которые предполагалось в будущем более интенсивно использовать для орошения хлопковых полей. Немаловажную роль в выборе хлопчатника под посевные площади играл рельеф местности. Равнинная зона республики в низовьях Терека и Сулака практически идеально подходила для развития земледелия и хлопководства. В находящемся в данной зоне Ачикулакском районе в 1925 году был засеян хлопчатник в размере 150 дес. земли, а в 1926 году сельхозкультура уже занимала площадь 612 дес. [Джумагулова, 2023, с. 96]. Местные ногайцы практически не занимались выращиванием хлопка, они, как и прежде, продолжали вести кочевое пастбищное скотоводство. В 1930-е годы хлопкосеяние стали внедрять колхозы и совхозы, а также единоличники Баба-Юртовского, частично Хасав-Юртовского районов Дагестанской АССР. С середины 1930-х годов к посевной работе, наряду с колхозами и единоличниками, в Дагестанской АССР стали все чаще привлекать машинно-тракторные станции. Об этом свидетельствует, в частности, архивный документ: «К Протоколу № 10 от 5 марта 1934 г. Слушали: о разверстке дополнительного плана ярового сена. Постановили: дополнительный план ярового проса разверстать: Ачикулакский МТС план ярового проса — 350 га, хлопка — 100 га; Коясулинский МТС ярового проса — 550 га, хлопка — 0; для колхозов вне МТС — план хлопка 145 га; для единоличников план ярового проса —

460 га, хлопка — 305 га. Обязать РЗО обеспечить хлопковыми семенами колхозы вне МТС и единоличников» [ГАСК, ф. Р-1761, оп. 1, д. 3, л. 1].

В Ачикулакском районе с целью дальнейшего развития животноводства и растениеводства, в том числе хлопководства, намеревались строить оросительные и обводнительные системы, культивировать поливное земледелие, для чего предполагалось: «… начать сооружение оросительной канавы на 21—22 версты; соорудить в ст. Ачикулак водохранилище» [Там же, л. 9]. Правительство республики обязывало власти районов, где возделывался хлопок, и коллективные хозяйства строить ветрозащитные полосы на колхозных полях [Там же, оп. 2, д. 23, л. 92]. Делалось это для более эффективной защиты от выдувания посевов сельскохозяйственных культур, в том числе хлопчатника (сдувания ветром верхнего слоя почвы вместе с посеянными семенами, а иногда и со всходами). О придании серьезного значения развитию хлопководства в Дагестане свидетельствует тот факт, что в 1934 году из Управления сельского хозяйства Наркомзема Дагестанской АССР было выделено новое управление — хлопковое, которое в 1938 году было объединено с зерновым и стало называться *хлопкозерновым* [НАРК, ф. Р-131, оп. 1, д. 442, л. 6].

3.2. Неполивное и орошаемое хлопководство

Одной из особенностей ведения хлопкового дела в богатом водными источниками Дагестане, в отличие, к примеру, от маловодной Калмыкии, являлось параллельное развитие неполивного и орошаемого хлопководства. Дагестанские хлопкоробы на основе рекомендаций ученых-аграрников проводили на орошаемых участках осенние или ранние весенние поливы, обеспечивавшие к моменту посева хлопчатника большой запас влаги в почве, а также вегетационные поливы, осуществляемые в летний период, незадолго до начала цветения хлопчатника. В 1931 году хозяйства ДагАССР на поливных участках получили 18,9 центнеров хлопка с одного гектара, тогда как от одного гектара неполивных площадей — 12,3 ц [Яхтенфельд, 1936, с. 46]. Естественно, себестоимость выращенного хлопка на орошаемых площадях была значительно выше, чем на неполивных участках, однако понесенные финансовые затраты на орошение окупались за счет большей урожайности хлопковых полей. В 1940 году в целом посевные площади неполивного и орошаемого хлопчатника в Дагестанской АССР составили 14,0 тыс. га [Абалдов и др., 2008, с. 10].

Что интересно, в Краснодарском крае, также имевшем значительные водные источники, в 1930-е годы культивировалось не поливное, а в основном неорошаемое хлопководство, которым занимались хлопководческие бригады колхозных хозяйств. В 1940 году край имел 48 тыс. га посевных площадей под хлопчатник. В Астраханском округе Нижневолжского края пошли

дальше в деле организации хлопководства и создали, пусть в небольшом количестве, даже специализированные колхозы, полностью занимавшиеся выращиванием хлопчатника. На Ставрополье хлопкосеяние получило распространение в засушливой, полупустынной восточной части региона, находившейся в той же природно-климатической зоне, что и юго-восточная часть Калмыкии, на землях которой также возделывали хлопок. Ученые НОВНИХИ охарактеризовали погодные и почвенные условия данной зоны следующим образом: «За основной период вегетации хлопчатника (с 1 мая по 30 сентября) сумма температур 3177 º, средняя температура +20,8º. Заморозки (ср. даты): послевесенний — 16 апреля, первый осенний — 15 октября. Длительность общего безморозного периода — 181 день, условного вегетационного периода для хлопчатника (с 1 мая до первого осеннего заморозка) — 167 дней, осадки — среднегодовая сумма 360 мл, наиболее обеспечен осадками июнь (65 мм), наименее — февраль (7 мм). За основной период вегетации хлопчатника (с 01.05 по 30.09) средняя сумма осадков — 242 мм. Засухи (абсолютные) длительностью по 3—4 недели повторяются ежегодно, по 6 недель — наблюдаются примерно раз в три года, имеют место, наконец, абсолютные засухи продолжительностью в 3—4 и даже 6 мес. Ветры силой до 15—20 м/с, по преимуществу восточных румбов, летом сухие и горячие (суховеи, продолжающиеся обычно 3—5—9 дней и снижающие относительную влажность воздуха до 11 % и ныне повторяются ежегодно <…> около 80 % дней в году с ветрами). <…> Почва — каштановая с редкими вкраплениями солонцовых пятен, легкосуглинистая» [ГАСК, ф. Р-3811, оп. 1, д. 1, л. 4]. Тем не менее специалисты-аграрники, проанализировав результаты хлопкосеяния в сложных природно-климатических условиях восточной части Ставрополья, посчитали, что для данной местности «неорошаемый хлопчатник является наиболее засухоустойчивой культурой из всех без исключения культур полевого севооборота, как однолетних, так и многолетних, то есть подлинно страховой культурой на случай особо засушливых лет» [Там же]. В 1940 году Орджоникидзевский край (Ставропольский) являлся лидером на Юге России по наличию посевных площадей под хлопчатник — 121 тыс. га.

3.3. Хлопкосеяние в Калмыкии

В Калмыкии в 1930-е годы хлопкосеяние культивировали преимущественно в восточных улусах, находившихся в одной природно-климатической зоне с восточной частью Ставрополья. Хлопкосеющие калмыцкие улусы располагались в северной части прикаспийской низменности, в зоне степей, полупустынь и пустынь. Это территория, где господствует континентально-пустынный климат, покрыта светло-каштановыми почвами, большею частью засоленными. Ныне она являет собой практически об-

ласть сплошных песков. Но самой большой проблемой для ведения земледелия на этих землях, кроме фактора засоленности почвы, является малое количество выпадающих осадков. В среднем в республике выпадает 250—300 мм осадков в течение всего года, а в восточной ее части еще меньше. Именно в таком полупустынном и засушливом районе Калмыкии приходилось выращивать хлопок колхозам и совхозам Улан-Хольского, Долбанского, Лаганского улусов, а также мелким крестьянским хозяйствам Приволжского улуса. Примечательно, что в Западном улусе Калмыцкой автономии, где находились наиболее плодородные земли и было развито в то время земледелие, хлопчатник практически не выращивали. Только начиная с 1933 года в растениеводческом клине улуса появился хлопчатник: площадь посевов данной культуры в этот год составляла 259,08 га. Однако в дальнейшем руководство области посчитало более выгодным делом выращивание на черноземных землях Западного улуса зерновых культур, вследствие чего возделывание хлопчатника в улусе практически прекратилось [НАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 457, л. 51].

В 1930-е годы в Калмыкии, в отличие от Астраханского округа, не было чисто хлопководческих колхозов — хозяйства были комбинированными, где преобладало в основном экстенсивное овцеводство и растениеводство, а хлопчатник занимал лишь небольшие площади, от продажи которого некоторые сельхозпредприятия получали определенные дивиденды. В качестве иллюстрации приведем данные по трем колхозам восточных улусов Калмыкии, отраженные в их годовых отчетах за 1939—1940 годы. Речь идет об отчетных документах колхоза им. Микояна Кануковского сельсовета Приволжского района, колхоза им. 3-й Сталинской пятилетки Батутовского сельсовета Приволжского улуса (председатель — Г. К. Хирной), колхоза Карла Маркса Актюбеевского сельсовета Приволжского района (председатель — Б.-Х. Ш. Баташов), имевшего уставную форму колхоза — сельхозартель, организованную в 1929 году. Представленные этими хозяйствами годовые отчеты дают некоторое представление о хозяйственной специализации колхозов, количестве населения и посевной площади, в частности, отданной под хлопчатник, полученных доходах сельхозпредприятий от сдачи хлопка государству, выработанных крестьянами трудоднях за работу в хлопководческих бригадах и пр. Отметим, что указанные хозяйства были животноводческо-растениеводческой направленности, в каждом из них проживало в среднем от 400 до 600 чел. В основном эти хозяйства имели по 1 хлопководческой бригаде. В колхозе им. Микояна в хлопководческой бригаде из четырех звеньев состояло 16 чел. (12 мужчин и 4 женщины). В хлопководческой бригаде колхоза им. 3-й Сталинской пятилетки постоянно работающих в хлопководстве числилось 50 чел. То есть практически каждый десятый жи-

тель из общего числа населения трудового поселка, составлявшего 549 чел., был непосредственно занят на ниве хлопководства. В колхозе Карла Маркса имелась одна хлопководческая бригада из 5 звеньев [НАРК, ф. Р-102, оп. 1, д. 397, л. 1, 32, 36 об; д. 399, л. 12].

В 1939 году колхозу им. Микояна Кануковского сельсовета Приволжского района план посева был определен в 30 га. Фактически было посеяно 30 га. Фактически же убрано — 30 га. Сбор с 1 га фактически убранной площади составил 4,9 ц. Валовой сбор — 147 ц. Стоимость валового сбора по государственным заготовительным ценам — 19 685 руб. Сдача государству по обязательным поставкам и по договорам контрактации — 147 ц. Итого начислено трудодней, в том числе под хлопок — 5964.53 руб. Хлопководческая бригада колхоза по плану — 9503,5 руб. трудодней, затратила 7423, 83 руб., недорасход 2079, 07 руб. [Там же, д. 399, л. 11, 12, 13 об; д. 401, л. 48 об].

Колхозу им. 3-й Сталинской пятилетки в 1940 году план посевов был доведен до 52 га, фактически посеяно — 52,6 га, убрано — 24,92 га. Итого начислено трудодней в растениеводстве — 33 563 руб., в том числе под хлопок — 6545 руб. Сбор с 1 га фактически убранной площади — 4,2 ц. Валовой сбор — 10,6 ц. Стоимость валового сбора по государственным заготовительным ценам — 13 231 р. 83 к. [Там же, д. 399, л. 12]. В 1940 году хозяйство потратило на покупку 5 хлопковых сеялок 1083 руб. за счет получения денежных доходов от продажи хлопковой продукции прошлого года в сумме 1529,96 руб. [Там же, д. 401, л. 93, 94].

Производственные показатели колхоза Карла Маркса (хотон Яргис) Актюбеевского с/с Приволжского района были следующие: общая площадь посева хлопчатника в бригадах — 25 га, сбор хлопка с 1 га — 2,8 ц, валовой сбор с 1 га — 71 ц. Стоимость валового сбора по государственным заготовительным ценам — 7090 р. Сдано государству — 47 ц на семена [НАРК, ф. Р-102, оп. 1, д. 397, л. 31, 31 об., 32].

В 1930-х годах в хлопкосеющих хозяйствах Калмыкии катастрофически не хватало технических средств механизации. Так, например, хлопководческая бригада колхоза Карла Маркса на 1 января 1940 года располагала всего одной хлопковой сеялкой. Но все же были хозяйства, имевшие неплохую материально-техническую базу. Таковым был колхоз имени Канукова пос. Сянэкин Баруновского сельсовета Приволжского района, у которого на первое января 1940 года числилось 11 хлопковых сеялок, 5 хлопкосушилок, в чем была несомненная заслуга председателя колхоза Басханджиева Джурунка Гаряевича. [Там же, л. 21, 26 об., 30]. Однако широкое применение механизации на хлопковых полях КАССР было затруднено малой высотой хлопкового куста, вследствие чего хлопковые брига-

ды по несколько раз вели ручную прополку посевов, проводили культивацию междурядий, рыхление почвы. Калмыцкие хозяйства, как правило, проводили 2—3 сбора хлопка-сырца. Первые сборы хлопчатника проводились обычно в тёплое погожее время осени. Вслед за первым заморозком проводили ещё один сбор раскрывшихся, а затем уже — нераскрывшихся коробочек. В сборе хлопчатника, а также зачистке хлопкового поля от сорняков участвовали все свободные от работы крестьяне, в том числе и дети школьного возраста.

Партийно-государственные органы Калмыкии держали под постоянным контролем текущие «хлопководческие» вопросы. В принятых постановлениях нижестоящие улусные власти нацеливались на четкую организацию посевных и уборочных работ, безусловное выполнение государственных планов по расширению посевных площадей хлопчатника, сдаче хлопка государству и пр. Так, например, в постановлении Совета народных комиссаров КАССР от 25 ноября 1938 года № 966/а «О ходе уборки и сдачи хлопка» говорилось: «Совнарком отмечает, что уборка и сдача хлопка в улусах республики развернута совершенно неудовлетворительно. На 26 ноября 1938 года по республике собрано всего хлопка-сырца 13 746 ц, или 70 % плана. Сдано государству 125,2 %. За качество сбора контроль со стороны УЗУ и МТС отсутствует. В колхозе “Ленинский путь” Улан-Хольского улуса опавший сырец на землю в коробочках достигает 120 гр. хлопка на га, что составляет свыше 10 % урожая с га по колхозу. Такое положение с качеством уборки имеется в колхозе “Социалистический путь”, “Революционнный труд” Лаганского улуса, “Красный коневод”, “Советский Ницянд”, “Большевик”, “Яндыки” Долбанского улуса, что грозит привести к огромным потерям урожая и снижению уровня хлопка. В целях ликвидации подобного положения с уборкой хлопка Калмыцкий Совнарком постановляет:

1. Установить срок полного окончания хлопка с зачисткой участков 1 декабря;

2. Обязать председателей УИКов, нач. УЗУ и председателей колхозов, обеспечить привлечение трудоспособных колхозников, необходимое для полного и своевременного сбора хлопка;

3. Предложить директорам МТС и председателям колхозов выделить и закрепить необходимое количество автогужтранспорта для бесперебойной сдачи хлопка-сырца на пункты заготовительного хлопка» [ГАСК, ф. Р-3811, оп. 1, д. 1, л. 1].

Совет народных комиссаров автономной республики на своих заседаниях рассматривал состояние дел в хлопководстве не только в целом по региону, но и конкретно по отдельным улусам: «О ходе уборки и сдаче

хлопка и промышленного строительства в Приморском улусе в 1939 году 12 января — 8 июля 1939 года» [НАРК, ф. Р-34, оп. 1, д. 319, л. 265].

На одном из своих заседаний СНК КАССР,= в соответствии с постановлением СНК СССР от 16 марта 1935 года и Инструкцией Народного Комиссариата Текстиль СССР от 31 марта 1938 года «О порядке проведения контрактационных договоров», заслушав отчеты руководителей хлопкосеющих улусов, постановил: «Обязать улусные исполкомы Приволжский, Долбанский, Улан-Хольский и Лаганский для проведения проверки фактического выполнения договоров контрактации хлопка-сырца организовать проверочные комиссии» [НАРК, ф. Р-34, оп. 1, д. 319, л. 265].

Органами власти Калмыцкой АССР был составлен список хлопководческих колхозов по КАССР, отобранных для контрольных мероприятий по хлопку в 1940 году.

Таблица 1

Хлопководческие колхозы Калмыцкой АССР в 1940 году
[НАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 457, л. 12]

№	Наименование колхозов	Наименование улуса	Наименование сельского совета
1	Большевик	Долбанский	Яндыковский
2	Общий труд	Долбанский	Промысловский
3	Согласие	Долбанский	Долбанский
4	Большевик	Долбанский	Михайловский
5	Заря труда	Долбанский	Басинский
6	Карл Маркс	Приволжский	Актюбеевский
7	Улан-малч	Приволжский	Шамбайский
8	Канукова	Приволжский	Джакуевский
9	Микояна	Приволжский	Кануковский
10	Заветы Ильича	Лаганский	Бергутнинский
11	Рев. труд	Лаганский	Кануковский
12	Соц.путь	Лаганский	Багутовский
13	Каспиец	Лаганский	Лаганский
14	Кирова	Улан-Хольский	Цекертинский
15	Ленинский путь	Улан-Хольский	Белоозерский

Как видно из вышеприведенной таблицы, всего в КАССР в предвоенный год выращиванием хлопка занималось 15 колхозов: 5 из них находились в Долбанском улусе, 2 — в Улан-Хольском, по 4 коллективных хлопководческих хозяйства — в Приволжском и Лаганском улусах. ЦУНХУ Госплана СССР утвердило число коллективных хозяйств восточных улусов региона, подлежащих проверке хода уборки урожая и учета остатков

хлопка. Однако сектор учета сельского хозяйства КАССР в своем письме в ЦУНХУ высказал и обосновал свое несогласие по вопросу о количестве хозяйств республики, отобранных ЦУНХУ для контрольных мероприятий в 1940 году: «Своевременное проведение работы в таком количестве колхозов не может быть обеспечено, в частности, по следующим причинам:

— в Приволжском улусе улусный инспектор работает всего несколько дней; в Лаганском — инспектор снят с работы за прогулы; в Улан-Хольском — работает 1-й год; участковые инспектора во всех улусах будут проводить эту работу в 1-й раз. В 1939 году инспектора Нархозучета проводили только работу по проверке хода уборки, а учета остатка на полях не проводили.

— большая разбросанность хлопково учетных колхозов и отдаленность их от улусных центров» [НАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 457, л. 3].

В вышеуказанном письме Управление Нархозучета КАССР на основании обоснованных им доводов просит «пересмотреть утвержденное количество колхозов в сторону уменьшения: Приволжский — 2 колхоза; Лаганский — 2; Долбанский — 4; Улан-Хольский — 2. Итого 10 колхозов» [Там же, л. 4].

В конечном итоге Управление Нархозучета КАССР представило в ЦУНХУ проверочные материалы по 10 хозяйствам. Первоначально было проверено 6 колхозов (табл. 2).

Таблица 2

Сводка по проверке хода уборки и учету
остатка хлопка на полях в 1940 году
[НАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 457, л. 12].

Число колхозов	**15**
Число колхозов, проведших обследование	6
Площадь посева в шести колхозах	429
Сдано хлопка-сырца на заготпункты	4,6 тыс.
Осталось в колхозах, собранного, но не сданного	1,44
Осталось в поле не собранного	0,45 тыс.
Всего количества хлопка	7,19 тыс.
Среднее число растений на 1 га	16,5 тыс.
Среднее число осталось в поле коробочек на 1 га: — раскрытых — не раскрытых	 9,23 5,33
Итого	14,56 га
Сбор хлопка на 1 га, полученный колхозами от урожая 1939 года ц с 1 га	9,5

В этом же году проверочные мероприятия были проведены по четырем оставшимся колхозам (табл. 3).

Таблица 3

Сводка по проверке хода уборки и учету остатка хлопка на полях в 1940 году по Калмыцкой АССР [НАРК, ф. Р-26, оп. 1, д. 457, л. 43]

№№	Наименование	Показатели
1.	Число колхозов, которые включены в сводку отчетной карточки	4 колхоза
2.	Площадь посева хлопчатника в 1940 году в этих колхозах (га)	497 га
3.	Сдано хлопка-сырца на заготпункты ц с 1 га	6,3 га
4.	Отправлено, но не сдано еще на заготпункты (находятся в пути)	0, 02 га
5.	Остаток в колхозах хлопка собранного, но не отправленного еще на заготпункты	2, 8 га
6.	Осталось хлопка не собрано в поле	0,1 га
7.	Все количество хлопка	9, 2 га
8.	Число колхозов, которые включены в сводку	4 га
9.	Ср. число растений на 1 га	4,7 тыс
10.	Собрано хлопка при обследовании в пересчете на 1 га с раскрытых коробочек с нераскрытых коробочек	4, 6 кг 2,4 кг

В 1939 году во всех категориях хозяйств Калмыкии имелось 2106 га хлопка; в 1940 году — 2527 га [НАРК, ф. Р-102, оп. 4, д. 3, л. 24].

Таким образом, в степном, засушливом регионе вследствие слабого проведения обводнительных мероприятий превалировало неполивное хлопководство. Урожаи хлопка с одного га в предвоенные годы в КАССР не превышали уровня урожайности крестьянских хозяйств дореволюционного периода, хлопководческих артелей улусов доколхозного времени.

Тем не менее в республике были передовые хлопкопроизводящие колхозы, неоднократно представлявшие Калмыкию на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках по хлопководству и бахчеводству. Так, например, в 1939 году ее участниками стали 8 колхозов (табл. 4).

Осенью 1941 года перед восточными улусами КАССР, не захваченными фашистскими войсками, остро встал вопрос о досрочном окончании осенних сельскохозяйственных работ по уборке урожая хлопчатника и его сдаче государству. Всю эту нелегкую работу приходилось выполнять женщинам, детям, старикам, так как взрослое мужское население находилось

CC BY OPEN ACCESS

Таблица 4

Передовые хлопкопроизводящие колхозы
[НАРК, ф. Р-131, оп. 1, д. 442, л. 10—13]

Колхозы	**Хлопок 1937 г., площадь хлопка в га**	**Хлопок 1938 г., площадь хлопка в га**
Колхоз им. «20 лет Октября» Долбанский улус, п/о Караванное. Председатель Барунов С. А.	130 га	170 га
Колхоз «Большевик» п/о Михайловское Долбанского улуса. Председатель Семенов Е. А.	121 га	129 га
Колхоз «Заря труда». Долбанского улуса. Басинский с/с. Бригадир Буряков С. Д.		30 га
Колхоз «Красный коневод», п/о Долбан Долбанского улуса. Председатель Горяев Э. Г.	50 га	65 га
Лаганское УЗУ, п/о Лагань Лаганского улуса (агроном Котов М. Ф.)		400 га по 7,56 ц. с га по сортам: 1 сорт — 54,6 %. 2 сорт — 21,7 %. 3 сорт — 5,8 %. 4 сорт — 1, 44 %. 5 сорт — 16,5 %; посев яровизированными семенами — 8 га, внесено местных удобрений — 287 т. на 22 га. Первая чеканка проведена на площади 160 га и вторая на площади 100 га.
Долбанское МТС п/о Долбан Долбанского улуса. (агроном Плетнев В. В.)	9,61 га	1098 га по 8,2 ц. С га план контрактации выполнен на 142,5 %. Выход: 1 сорт хлопка — 62 %.
Колхоз им. Революционный труд. Лагань Кануковский с/с.	площадь хлопка в га — 9,61 га	Площадь хлопка в га — 6,44 га. В среднем за 2 года — 8 ц. с га.
Колхоз им. «Ленинский путь», Лагань Кануковский с/с. Озерский с/с (бригадир Хамошева Б. Б.)		22 га по 11, 28 ц. с га

на фронте. Несмотря на все тяготы военного времени, хлопкоробы самоотверженно трудились на хлопковых полях, чему подтверждением служит нижеприведенная сводка по проверке хода уборки и учету остатка хлопка на полях в 1941 году (табл. 5).

Таблица 5

Сводка по проверке хода уборки и учету
остатка хлопка на полях в 1941 г.
[НА РК, ф. Р-26, оп. 2, д. 562, л. 93—94]

	Колхозы	**Улусы**
Число колхозов, подлежащих обследованию по плану	15	4
Число колхозов, в которых проведено обследование	6	2
Сорт хлопчатника	1306 шредер	
Площадь посева хлопчатника в 1941 году в этих колхозах	560 га	
Сдано хлопка-сырца на загот. пункты	1,8 ц с га	
Осталось в колхозах хлопка собранного, но не отправленного еще на заготпункты	0,6 ц с га	
Сбор хлопка на 1 га, полученного колхозами от урожая 1940 г. ц с 1 га	6,25 ц	
Приволжский улус Урожай 5,2 ц с га	467 — 2428,4	
Долбанский 51 ц с 1 га	1375 — 7012,5	
Лагань 5, 45 с 1 га	452 — 2463,4	
Улан-Хол 4,1 ц с 1 га	350 — 1435, 0	
Юста 24 кг с 1 га $\frac{50}{2794} — \frac{1200}{14539,3}$		

Однако не все хозяйства прифронтовых восточных улусов Калмыкии в 1941 году смогли выполнить производственные планы по сдаче государству хлопчатника. Об этом свидетельствует, в частности, отчет за первое полугодие 1941 года колхоза им. Молотова Тактуновского сельсовета: «План посева хлопка на 1941 год — 40 га. На 1.07.1941 года план выполнен на 37,79 %» [НАРК, ф. Р-102, оп. 1, д. 401, л. 101]. В докладной записке Калмобкома партии Центральному комитету ВКП(б) «О состоянии Калмыцкой АССР на 1 ноября 1942 года» говорится: «Из посеянных в 1942 году в улусах — 2800 га хлопка, к уборке сохранилось только 1260 га, а 1919 га были стравлены проходящим эвакуированным скотом. В настоящее время завершается уборка хлопка с уцелевшей площади и приняты меры к сдаче его государству» [РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 392, л. 23].

Говоря об основных причинах невыполнения плана уборки хлопчатника в прифронтовых улусах КАССР, следует назвать объективные трудности военного времени, связанные с общим упадком советской экономики, деморализованностью общества в начале Великой Отечественной войны, но главным образом нехваткой рабочих рук, так как практически все мужское население Калмыкии находилось на фронте, участвовало в боевых сражениях с фашистскими войсками.

4. Заключение = Conclusions

Принятое 19 июля 1929 года решение ЦК ВКП (б) «О развитии хлопководства» стало добротной основой организации новых хлопковых районов на территории юга России, в частности, на Северном Кавказе и в низовьях Волги. Динамика развития хлопководства в новых хлопковых районах выглядела следующим образом: в 1928 году под посевами хлопчатника было 2,3 тыс. га, в 1930 году было уже 146.3 тыс. га, в 1932 году — 429,5 тыс. га, в 1934 году — 361,4 тыс. га и в 1935 году — 370,2 тыс. га. Однако в 1940 году на юге РСФСР, как видим из нижеприведенной таблицы, произошло некоторое сокращение посевных площадей хлопчатника (табл. 6).

Таблица 6

Посевные площади хлопчатника на юге РСФСР в 1940 году
[Абалдов и др., 2008, с. 10]

Регион	Посевная площадь (тыс. га)
Орджоникидзевский край (Ставропольский)	121,0
Краснодарский край	48,0
Крымская АССР	46,5
Ростовская область	24,2
Сталинградская область	19,5
Дагестанская АССР	14,0
Чечено-Ингушская АССР	6,8
Калмыцкая АССР	2,6
Итого	282,1

В одном из документов 1930-х годов не без гордости констатировалось: «В среднем за последние 5 предвоенных лет урожайность хлопка-сырца по новым районам в целом выразилась в 3,5 ц/га, а по отдельным регионам — 5,6 ц/га на площадях в десятки тыс. га <…> За те же 5 лет районы хлопководства РСФСР и УССР сдали текстильной промышленности около 52 млн пуд. хлопка-сырца, то есть в среднем по 10 млн пуд. еже-

годно, являясь фактически 3-й мощной базой советского хлопководства, самой северной и самой молодой» [ГАСК, ф. Р-3811, оп. 1, д. 1, л. 6–6 об.].

Основными производителями хлопка на Юге РСФСР являлись неспециализированные колхозы и совхозы, а также небольшое количество единоличников и даже специально созданные хлопководческие колхозы, как в Астраханском округе. Однако скотоводство и зернопроизводство оставались главными направлениями развития сельского хозяйства этой части России. Хлопководство не занимало доминирующего положения среди земледельческих культур в южной части страны, хотя в 1930-е годы наметился, по сравнению с 1920 годами, некоторый прогресс в развитии хлопкового дела в виде расширения посевных площадей, улучшения качества волокна хлопка-сырца.

Замедляли ускоренное развитие хлопководства на юге РСФСР в 1930-е годы ненадлежащая организация процесса подготовки кадров, агроработы и опытного дела в хлопководческих хозяйствах, не всегда правильный уход за хлопком в период посева, вегетации и роста урожайности растения, неумело организованная уборка хлопчатника, ощутимая нехватка основного хлопкового инвентаря (главным образом, сеялок), слабая селекционная работа по выведению засухоустойчивых сортов хлопчатника, хронический недостаток воды в некоторых территориях и пр. Основная трудность выращивания хлопчатника в новых районах заключалась в не совсем подходящих природно-климатических условиях южноевропейской части страны. Из-за недостатка влаги в почве хлопковые кусты зачастую оставались низкорослыми. Большой урон хлопководческой отрасли наносили часто повторяющиеся на территории засухи, когда без осадков и орошения выгорали большие площади посевов. Становилось очевидным, что в засушливых районах, особенно в годы засухи, необходимо применение поливного орошения хлопковых полей. Но на проведение ирригационно-оросительных мероприятий в сельском хозяйстве у советского государства не было в достаточном объеме финансовых и материальных средств, так как львиная доля государственного бюджета по известным историческим обстоятельствам шла на укрепление оборонной мощи страны. Начавшаяся Великая Отечественная война и оккупация значительной части Юга СССР серьезно замедлили развитие хлопководства в так называемых «новых хлопковых районах». В середине 1950-х годов хлопкосеяние в южных регионах РСФСР практически прекратилось в результате принятых партийно-правительственных решений Москвы. Партия и правительство посчитали, что целесообразнее развивать хлопководческое дело в устоявшихся хлопковых центрах страны — Средней Азии и Закавказье, где в это время как раз заметно увеличилась урожайность хлопка-сырца. В принятии решения о свертывании хлопкового производства на Юге России не

последнюю роль сыграло наращивание хлопкоимпорта из некоторых традиционно развитых хлопководческих стран мира.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГАСК — *Государственный архив* Ставропольского края. Ф. Р-1761 (Исполком Ачикулакского районного Совета депутатов трудящихся. г. Ачикулак). Оп. 1. Д. 3. Л. 1 ; Оп. 2. Д. 23.Л. 92 ; Оп. 1. Д. 3. Л. 9 ; Оп. 2, Д. 23. Л. 92 ; *Государственный архив* Ставропольского края, Ф. Р–3811 (Научно-исследовательский институт хлопководства новых районов СССР. г. Буденновск). Оп. 1. Д. 1. Л. 4 ; Оп. 1, Д. 1, Л. 4 об ; Оп. 1. Д. 1. Л. 1 ; Оп. 1. Д. 1, Л. 6–6 об.

2. *Коллективизация* на территории Волгоградской области. 1928—1932 гг. [Текст] : документы / Ком. по упр. арх. Администрации Волгоградской обл. ; [сост. И. В. Котова (отв.сост.) и др.]. — Волгоград : Крутон, 2011. — 967 с. — ISBN 978-5-9902743-3-4.

3. НАРК — *Национальный архив* Республики Калмыкия. Ф. Р-131 (Совет Народных Комиссаров (СНК) Калмыцкой АССР). Оп. 1. Д. 442. Л. 6 ; Д. 442, Л. 10—13 ; Ф. Р-26 (Стат. Управление Калмыцкой АССР). Оп. 1. Д. 457. Л. 51 ; Д. 457. Л. 12 ; Д. 457. 3,4,12,43 ; Оп. 2. Д. 562, Л. 93—94 ; Ф. Р-102 (Народный комиссариат земледелия Калмыцкой АССР). Оп. 1. Д. 397. Л. 1, 32, 36 об, 7, 12 ; Д. 397. Л. 31, 31 об, 32 ; Д. 99. Л. 12 ; Д. 399. Л. 11, 12, 13 об ; Д. 397. Л. 21, 26 об, 30 ; Д. 399. Л. 12 ; Д. 401. Л. 48 об ; Д. 401. Л. 93, 94 ; Д. 401. Л. 101 ; Оп. 4. Д. 3. Л. 24 ; Ф. Р-34 (Исполком Долбанского улусного Совета депутатов трудящихся Калмыцкой АССР). Оп. 1. Д. 319. Л. 265.

4. *Постановление* ЦК ВКП (б) о хлопководстве (от 18 июля 1929 г.) / Всесоюзное бюро хлопководческой кооперации. — Москва : Трудовой печатник, 1929. — 15 с.

5. *Постановление* Экономического Совета РСФСР от 12 ноября 1928 года «О хлопководстве в новых районах РСФСР» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/380832-postanovlenie-ekonomicheskogo-soveta-o-hlopkovodstve-v-novyh-rayonah-rsfsr-12-noyabrya-1928-g (дата обращения: 15.05.2024).

6. РГАСПИ — *Российский государственный* архив социально-политической истории. Ф.69 (Командование и оперативные отделы ЦШПД). Оп. 1. Д. 392. 41 л.

Литература

1. *Абалдов А. Н.* Исторический опыт возрождения хлопководства на Юге России / А. Н. Абалдов, Т. В. Васильева // Вестник ОрелГАУ. — 2008. — № 3 (8). — С. 9—11.

2. *Адаптация* сортов хлопчатника на орошаемых и богарных землях Юга России / Р. С. Масный, Р. Е. Юркова, С. А. Селицкий, Н. А. Ходжаева, И. В. Прохорова, Ю. И. Недоцукова // Мелиорация и гидротехника. — 2024. — Т. 14, № 3. — С. 1—17. — DOI: 10.31774/2712-9357-2024-14-2-156-185.

3. *Бадмаева Е. Н.* Органы государственной власти Калмыкии в советском и постсоветском пространстве по развитию хлопководства (опыт историко-сравнительного и перспективного анализа) / Е. Н. Бадмаева // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Oriental Studies). — 2017а. — № 2. — С. 25—33. — DOI: 10.22162/2075-7794-2017-30-2-25-33.

4. *Бадмаева Е. Н.* Реализация органами управления на местах хлопковой политики Советского государства в 1920—1930-е гг. (на примере Калмыкии) / Е. Н. Бадмаева //

Государственная власть и местное самоуправление. — 2017б. — № 12. — С. 60—64. — DOI: 10.18572/1813-1247-2017-12-60-64.

5. *Беляева Б. И.* Возделывание хлопчатника на Юге России / Б. И. Беляева, Б. Г. Темяников // Природно-ресурсный потенциал Прикаспия и сопредельных территорий: проблемы его рационального использования : материалы IX Национальной научно-практической конференции, Элиста, 21–22 апреля 2022 года. — Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. — С. 66—75.

6. *Дедов А. А.* Хлопководство Российской Федерации : история, состояние и перспективы развития / А. А. Дедов // Colloquium-journal. — 2020. — № 17—2 (69). — С. 21—23. — DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11996.

7. *Джумагулова А. Т.* Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920—1930-е гг. / А. Т. Джумагулова // Каспийский регион : политика, экономика, культура. — 2023. — № 2 (75). — С. 91—101. DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_91.

8. *Квитко Т. Н.* Хлопководство новых районах СССР / Т. Н. Квитко. — Москва : Госиздат колхозной и совхозной литературы, 1934. — 170 с.

9. *Магакян Г. Л.* Орошаемое хлопководство в Дагестане / Г. Л. Магакян. — Махачкала : Даг. гос. изд-во, 1938. — 56 с.

10. *Мазаев Н. А*. (2023). Проблемы развития хлопководства в русском Туркестане в конце XIX — начале XX века / Н. А. Мазаев // Гусевские чтения — 2023. Три измерения политической истории России: Идеология, политика, практики : сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 29–30 марта 2023 года. — Москва : Зерцало-М. 680—694.

11. *Овчинников А. С*. Продуктивность хлопчатника при возделывании в Нижнем Поволжье / А. С. Овчинников, М. Ю. Анишко, Н. В. Дудкин // Аграрная Россия. — 2024. — № 6. — С. 15—19. — DOI: DOI: 10.30906/1999-5636-2024-6-15-19.

12. *Оценка* агроклиматических ресурсов Юга России для возделывания хлопчатника / Г. Т. Балакай, Л. М. Докучаева, Р. Е. Юркова, С. А. Селицкий // Экологический вестник Северного Кавказа. — 2023. — Т. 19, № 3. — С. 13—24.

13. *Ханмагомедов Х. Л*. Хлопковое освоение как историко-этнографический и природно-хозяйственный факт в условиях Равнинного и Внешнегорного Дагестана : некоторые вопросы истории / Х. Л. Ханмагомедов, А. Н. Гебекова, Р. М. Пайзулаева // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах - важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии : Международная научная конференция : сборник научных трудов : в 2 частях, Омск, 21–24 сентября 2021 года : часть 1. — Омск : Наука, 2021. — С. 256—265.

14. *Юркова Р. Е.* Современное состояние производства хлопчатника в России / Р. Е. Юркова, Л. М. Докучаева // Инновационные технологии в АПК : теория и практика : сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 15–16 марта 2023 года / под научной редакцией А. А. Галиуллина, В. А. Кошеляева, О. А. Тимошкина. — Пенза : Пензенский государственный аграрный университет, 2023. — С. 326—329.

15. *Яхтенфельд П. А.* Хлопководство новых районов / П. А. Яхтенфельд // Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. — Москва : Сельхозгиз, 1936. — С. 41—46.

Статья поступила в редакцию 08.08.2024,
одобрена после рецензирования 29.10.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

Material resources

Collectivization in the Volgograd region. 1928—1932: Documents. (2011). Volgograd: Kruton Publishing House. 967 p. ISBN 978-5-9902743-3-4. (In Russ.).

GASK — *State Archive of the Stavropol Territory. F.R–3811 (Scientific Research Institute of Cotton Growing in new regions of the USSR, Budennovsk). F.R-1761 (Executive Committee of the Achikulaksky district Council of Worker's Deputies. G. Achikulak).* (In Russ.).

NARC — *National Archive of the Republic of Kalmykia. F. R-102 (People's Commissariat of Agriculture of the Kalmyk ASSR); F. R-131 (Council of People's Commissars (SNK) of the Kalmyk ASSR); F. R-26 (Stat. Administration of the Kalmyk ASSR); F. R-34 (Executive Committee of the Dolban Ulus Council of Worker's Deputies of the Kalmyk ASSR).* (In Russ.).

Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) on cotton growing (dated July 18, 1929). (1929). Moscow: Labor printer. 15 p. (In Russ.).

Resolution of the Economic Council of the RSFSR of November 12, 1928 "On cotton growing in the new regions of the RSFSR". Available at: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/380832-postanovlenie-ekonomicheskogo-soveta-o-hlopkovodstve-v-novyh-rayonah-rsfsr-12-noyabrya-1928-g (accessed: 15.05.2024). (In Russ.).

RGASPI — *The Russian State Archive of Socio-political History. F. 69 (Command and operational departments of the CSPD).* (In Russ.).

References

Abaldov, A. N., Vasilyeva, T. V. (2008). Historical experience of cotton growing revival in the South of Russia. *Bulletin of the OrelGAU, 3* (8): 9—11. (In Russ.).

Badmaeva, E. N. (2017a). State authorities of Kalmykia in the Soviet and post-Soviet space for the development of cotton farming (experience of historical, comparative and perspective analysis). *Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies of the Russian Academy of Sciences (Oriental Studies), 2:* 25—33. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-30-2-25-33. (In Russ.).

Badmaeva, E. N. (2017b). Implementation by local government authorities of the cotton policy of the Soviet state in the 1920s and 1930s. (on the example of Kalmykia). *State power and local self-government, 12:* 60—64. DOI: 10.18572/1813-1247-2017-12-60-64. (In Russ.).

Balakai, G. T., Dokuchaeva, L. M., Yurkova R. E., Selitsky, S.A. (2023). Assessment of agro-climatic resources of the South of Russia for cotton cultivation. *Ecological Bulletin of the North Caucasus, 19* (3): 13-24. (In Russ.).

Belyaeva, B. I., Temyanikov, B. G. (2022). Cotton cultivation in the South of Russia. *Natural resource potential of the Caspian region and adjacent territories: problems of its rational use:* materials of the IX National scientific and practical conference, Elista, April 21-22, 2022. St. Petersburg: Scientia: 66-75. (In Russ.).

Dedov, A. A. (2020). Cotton growing in the Russian Federation: history, state and prospects of development. *Colloquium-journal, 17—2* (69): 21—23. DOI: 10.24411/2520-6990-2020-11996. (In Russ.).

Dzhumagulova, A. T. (2023). Reception of the Soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s—1930s. *The Caspian region: politics, economics, culture, 2* (75): 91—101. DOI: 10.54398/1818510X_2023_2_91. (In Russ.).

Khanmagomedov, Kh. L., Gebekova, A. N., Paizulaeva, R. M. (2021). Cotton development as a historical-ethnographic and natural-economic fact in the conditions of Plain and

Outer Mountain Dagestan: some questions of history. In: *Culture and interaction of peoples in museum, scientific and educational processes are the most important factors in the stable development of the countries of Eurasia, Part 1*. Omsk: Science. 256-265. (In Russ.).

Kvitko, T. N. (1934). *Cotton growing in new regions of the USSR.* Moscow: State Publishing House of Collective farm and State Farm literature. 170 p. (In Russ.).

Magakyan, G. L. (1938). *Irrigated cotton growing in Dagestan.* Makhachkala: Dagestan State Publishing House. 56 p. (In Russ.).

Masny, R. S., Yurkova, R. E., Selitsky, S. A., Khodjaeva, N. A., Prokhorova, I. V., Nedotsukova, Yu. I. (2024). Adaptation of cotton varieties on irrigated and rainfed lands of the South of Russia. *Land Reclamation and Hydraulic Engineering, 14* (3): 1-17. DOI: 10.31774/2712-9357-2024-14-2-156-185. (In Russ.).

Mazaev, N. A. (2023). Problems of cotton growing development in Russian Turkestan in the late 19th — early 20th centuries. In: *Gusev readings — 2023. Three dimensions of the political history of Russia: Ideology, politics, practices*: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Moscow, March 29-30, 2023. Moscow: Zertsalo-M. 680-694. (In Russ.).

Ovchinnikov, A. S., Anishko, M. Yu., Dudkin, N. V. (2024). Cotton productivity during cultivation in Lower Volga region. *Agrarnaya Rossiya, 6*: 15-19. DOI: 10.30906/1999-5636-2024-6-15-19. (In Russ.).

Yakhtenfeld, P. A. (1936). Cotton growing of new districts. In: *Agriculture of the USSR. Yearbook 1935.* Moscow: Selkhozgiz. 41—46. (In Russ.).

Yurkova, R. E., Dokuchaeva L. M. (2023). Current state of cotton production in Russia. In: Galiullin, A. A. et al. (ed.). *Innovative technologies in the agro-industrial complex: theory and practice*: Collection of articles of the XI International scientific and practical conference, Penza, March 15-16, 2023. Penza: Penza State Agrarian University. 326—329. (In Russ.).

The article was submitted 08.08.2024;
approved after reviewing 29.10.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Васильев Д. В. Социальная структура Мургабского государева имения (1889—1912) : планы и действительность / Д. В. Васильев // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 360—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379.

Vasilyev, D. V. (2024). Social Structure of Murghab Sovereign's Estate (1889—1912): Plans and Reality. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 360-379. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социальная структура Мургабского государева имения (1889—1912): планы и действительность

Васильев Дмитрий Валентинович [1, 2]
orcid.org/0000-0001-6616-0646
Scopus Author ID: 57191406759
доктор исторических наук, доцент,
[1] профессор департамента истории;
[2] ведущий научный сотрудник
dvvasiliev@mail.ru

[1] Московский городской педагогический университет (Москва, Россия)

[2] Российская академия предпринимательства (Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, https://rscf.ru/project/24-28-00915/, реализуемого в Российской академии предпринимательства

Social Structure of Murghab Sovereign's Estate (1889—1912): Plans and Reality

Dmitry V. Vasilyev [1, 2]
orcid.org/0000-0001-6616-0646
Scopus Author ID: 57191406759
Doctor of History, Associate Professor,
[1] Professor at the Department of History;
[2] leading research scientist
dvvasiliev@mail.ru

[1] Moscow City University (Moscow, Russia)

[2] Russian Academy of Entrepreneurship (Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science Foundation, project number 24-28-00915, https://rscf.ru/project/24-28-00915/, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship

© Васильев Д. В., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Цель исследования состоит в поиске связи между экономическим развитием созданного в 1897 году Мургабского государева имения и его социальной структурой. Основным источником статьи являются отчеты байрамалийского приставства и статистические сведения к ним за 1909—1912 годы. Индуктивный анализ и синтез фактических данных убеждает в том, что капиталистические отношения, реализовывавшиеся в экономике Мургабского имения, безусловно оказывали непосредственное влияние на его социальную структуру и социально-культурную повседневность его жителей. Отмечается, что при этом естественные капиталистические тенденции регулировались Управлением имения в связи с поставленными задачами. Получив в свое распоряжение значительные поливные площади, Управление изменило условия земельной аренды. Начало переходить на долгосрочную аренду с мелкими арендаторами-производителями, сокращая долю арендаторов, использовавших труд испольщиков. Именно мелкие арендаторы должны были стать основой социальной структуры имения. Одновременно были изменены и правила внесения арендной платы, которые стали неудобными для крупных арендаторов. Создававшаяся в имении инфраструктура соответствовала запросам его населения и поставленным перед имением задачам.

Ключевые слова:
Мургабское государево имение; Закаспийская область; Туркестанское генерал-губернаторство; аренда; дайхане; демография; туркмены.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study aims to explore the relationship between the economic development of the Murghab Sovereign's Estate, established in 1897, and its social structure. The primary sources of this article are reports from the Bayramali Police Administration and accompanying statistical data from the years 1909 to 1912. Inductive analysis and synthesis of the factual data demonstrate that the capitalist relations emerging within the economy of the Murghab Estate had a significant direct impact on its social structure and the socio-cultural everyday life of its inhabitants. It is noted that these natural capitalist tendencies were regulated by the Estate Administration in accordance with their objectives. With access to substantial irrigated lands, the Administration altered the conditions of land leasing, transitioning towards long-term leases with smallholder producers while reducing the proportion of tenants employing laborers. These smallholder tenants were intended to form the backbone of the estate's social structure. Concurrently, the rules governing rental payments were modified, rendering them inconvenient for larger tenants. The infrastructure being developed within the estate was aligned with the needs of its population and the objectives set forth for the estate.

Key words:
Murghab Sovereign's Estate; Transcaspian Province; Turkestan Governorate General; leasing; daikhan; demography; Turkmens.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).08+94:327(47+55+581)“1889/1912”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-360-379

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Социальная структура Мургабского государева имения (1889—1912): планы и действительность

© Васильев Д. В., 2024

1. Введение = Introduction

История Мургабского государева имения, при всей ее кажущейся локальности, представляет существенный интерес не столько как конкретный пример функционирования российского агропромышленного предприятия, сколько как демонстрация тенденций центральноазиатской политики Российской империи, какими они виделись правительствам императоров Александра III и Николая II.

Феноменологичность имения заключается не только в его особом статусе — принадлежности лично правившему императору, но и в целях образования и смыслах его существования. Учреждение имения связано с утверждением нового дискурса присутствия Российской империи в Центральной Азии. Если период правления Александра II связан с идеей военного закрепления российского присутствия в регионе и минимизации вторжения в повседневность коренного населения, то имя его преемника можно связать с постепенным отходом от военных методов администрирования и попыткой превращения края в источник доходов для государства, в том числе в источник необходимого для империи сырья — хлопка. Отказ от военизации присутствия был связан с желанием сокращения непроизводительных расходов и переходом к гражданским (в том числе экономически обусловленным) методам управления. В это время происходит изменение местного законодательства, укрепляется тенденция к приобщению региона к внутренней жизни государства [Васильев, 2018].

И хотя российская армия продолжает играть существенную роль близ рубежей Персии и Афганистана, эта роль теперь сводится к давлению на местное население в контексте военного (нежелательно) или невоенного (желательно) присоединения к империи ради укрепления внутренней безопасности или реализации геостратегических интересов [Васильев, 2024а].

Мургабское государево имение являет собой уникальный пример того, как созданное ради невоенного закрепления бассейна реки имение получило серьезную экономическую и идеологическую нагрузку. Оно должно

было дать коренному населению воду для орошения его полей (с соответствующими последствиями), дать необходимый империи хлопок и при этом служить примером победы России над природной стихией и проявлением животворящей силы европейского (российского) цивилизационного начала.

Предлагаемая статья, отталкиваясь от уже предпринятых исследований автора [Васильев, 2024b], останавливается на вопросе о том, какое влияние имели экономические условия имения на его социальную структуру.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследований по экономике имения достаточно мало в историографии, и нельзя сказать, что они имеют системный характер. Первым из историков, кто обратил внимание на Мургабское государево имение, был М. Н. Тихомиров. Однако, следуя марксистской социальной парадигме, он подчеркнул колониалистский и эксплуататорский характер имения [Тихомиров, 1960, с. 194—198]. При этом важность труда академика Тихомирова состоит в том, что он первым в историографии поставил вопросы, на которые пришло время отвечать историкам.

Попытку более предметно рассмотреть экономические и социальные условия, в которых существовало Мургабское имение, предприняла Н. Н. Канода. Она проанализировала документальные материалы Центрального государственного архива Туркменистана и на их основе описала названные стороны жизни агропромышленного предприятия [Канода, 1991]. Но недостаточный объем сохранившихся в Ашхабаде архивных документов не позволил ей выйти на уровень масштабных обобщений.

Это объясняется тем, что отчетные материалы по имению, систематизированные статистические и детализированные финансовые документы, нормативные акты, образцы арендных договоров, техническая документация разного рода собрана в фонде Главного управления уделов в Российском государственном историческом архиве [РГИА, ф. 515]. Они позволяют достаточно полно раскрыть разные стороны жизни Мургабского государева имения, увидеть явные и выявить скрытые тренды его развития.

Актуальность обращения к истории Мургабского государева имения косвенно доказывает работа О. И. Брусиной и Л. Т. Соловьевой, в которой прослежена связь между агропромышленным комплексом имперского периода и возникшим на его месте позднее уже советским сельскохозяйственным предприятием [Брусина, 2022].

Среди прочей литературы есть лишь несколько статей, касающихся отдельных сторон истории имения [Настич, 2018; Слезкин, 2015]. Есть работы, освещающие деятельность Департамента уделов [Ефимов, 2017;

Красникова, 2006], других имений, состоявших в его ведении [Орлов, 2003; Красникова, 2007].

За рубежом история Мургабского имения рассмотрена в книге Дженифер Китинг «На сухой земле. Политическая экология империи в российской Средней Азии» [Keating, 2022]. Автор обратила внимание на то, что имперское правительство относилось к нему как к образцовому предприятию. При этом она отметила низкую эффективность ирригационных работ и нечистоплотность местных чиновников.

Из современных исследований, посвященных истории имения, необходимо назвать работу Н. А. Мазаева, в которой автор просматривает связь аграрной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве в целом с ее воплощением на Мургабе [Мазаев, 2024].

Предлагаемое исследование осуществлено на базе отчетов бейрамалийского пристава, который, будучи главой административно-полицейской (независимой от администрации имения) власти, сообщал конкретные сведения как об экономическом состоянии имения, так и о социальной трансформации его населения. В фонде Главного управления уделов Министерства императорского двора и уделов в РГИА хранятся отчеты за 1909—1911 годы и статистические сведения к отчету за 1912 год. Несмотря на то, что они не покрывают весь период существования имения, эти документы, описывая более ранние тенденции, освещают время, когда в Мургабском имении происходили принципиальные сдвиги — изменялся подход к аренде земли, во всю мощь заработали достаточно многочисленные промышленные предприятия, существенно расширилась ирригация, происходили изменения в повседневности жителей населенных пунктов. Поэтому есть все основания считать эти документы вполне репрезентативными в контексте решаемого в статье вопроса.

Само же исследование распадается на несколько составляющих (экономические условия, демографические тенденции и социальная сфера), анализ которых позволяет продемонстрировать влияние развития капиталистической экономики Мургабского имения на социальную структуру его населения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Экономические условия хлопководства в Мургабском государевом имении

Мургабское государево имение было создано в 1887 году на территории Закаспийской области. При его учреждении было заявлено, что оно создается ради возрождения оазиса, давно заброшенного местными жителями. Однако, как представляется, за всем этим стояла более значимая

для империи задача — заселение стратегически важного для Российской империи приграничного участка, близ которого граница России сходилась с рубежами Персии и Афганистана. Этим и объясняется необходимость возрождения Мургабского оазиса, что должно было привлечь его жителей косвенно к защите этой территории. Решить поставленную задачу было невозможно без осуществления серьезных гидротехнических работ. Не желая возлагать значительные расходы на казну, император Александр III повелел учредить на берегах реки Мургаба государево имение, поставив его под оперативное управление Департамента (позднее — Главного управления) уделов. Расходы на его содержание (включая ирригацию) должно было осуществлять удельное ведомство заимообразно до того времени, когда имение начнет давать прибыль. Эта прибыль должна была погасить задолженность. А часть ее, по воле императора, должна была пойти на пополнение государственной казны [ПСЗРИ-III, т. 7, с. 390].

Побывавшая в начале 1889 года в имении комиссия Департамента уделов определила главные принципы мургабского хозяйства — сочетание выращивания хлопчатника с его первичной переработкой на месте. Иными словами, имение изначально задумывалось как крупный агропромышленный комплекс. По мнению членов комиссии, основной массой поселенцев должны были стать оседлые мусульмане, обладавшие развитой агрокультурой. Эти поселенцы должны были получать не более 4 дес. земли на каждое хозяйство. Исходя из того, что долгосрочная аренда была плохо понятна мусульманам, а годичная не обеспечивала экономическую стабильность, было решено внедрить бессрочное потомственное пользование на условиях постоянной обработки и внесения установленной платы. Крупная аренда (до 50 дес.) допускалась лишь в незначительном объеме [РГИА, ф. 515, оп. 44, д. 71, л. 11—22]. И, хотя это мнение получило высочайшее одобрение, на деле ситуация развивалась несколько иначе как с темпами и масштабами орошения, так и с основополагающими принципами землепользования, во всяком случае, до рубежа 1910-х годов.

Основным сельскохозяйственным продуктом Мургабского государева имения был хлопок-сырец. А потому, оценивая экономическое развитие имения, стоит остановиться именно на хлопководстве. Первые арендаторы в имении появились в 1896 году. Тогда было сдано под посев хлопка 465 дес. на условиях внесения в пользу имения по 28 коп. с десятины. А первыми арендаторами стали местные туркмены, прибывшие вместе со своими субарендаторами. Уже тогда сложилось понимание того, что на полях Мургаба будут трудиться не только непосредственные сельскохозяйственные производители, но и относительно крупные предприниматели, сдающие свои участки под обработку дайханам (испольщикам).

В 1897 году площадь под хлопком возросла до 1983 дес., несколько увеличилось и число работников. В следующем году расширилась начатая годом ранее раздача участков русским арендаторам, в том числе служащим уезда и области, а также иностранцам. В этом году хлопком было занято уже 2181 дес. В 1898 году начал функционировать хлопкоочистительный завод, который не только стал подспорьем для местных производителей, но и потребовал полной загрузки своих мощностей. Последнее, в свою очередь, со временем спровоцировало изменение условий аренды — внесение платы натурой. На следующий год роста орошаемой земли не произошло [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 14—14 об.].

И вот в 1900 году арендные условия были изменены. Было принято решение взимать с арендаторов впредь ¼ долю урожая хлопка в пользу имения. Одновременно и площадь посевов хлопчатника возросла до 3672 дес., а число арендаторов и дайхан — до 1200 чел. Была прекращена выдача участков служащим имения, уезда и области. В 1903 году площадь, занятая хлопком, составила 8678 дес. Одновременно имение с арендаторов стало требовать уже 1/3 долю урожая [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 15]. При этом весь собранный урожай делился следующим образом: 5/15 — доля имения, 4/15 — доход арендатора и 6/15 — дайханская плата [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 63].

В 1905 году управление имением взяло линию на постепенное сокращение крупных арендных участков. Одновременно стал реализовываться весьма интересный социально-экономический проект. С целью подготовки опытных арендаторов-хлопкоробов было создано показательное поле, на котором трудились исключительно дайхане местного происхождения под руководством прошедшего специальный курс подготовки земледельца. Проработавший на показательном поле два года дайханин становился самостоятельным арендатором. Из таких людей имение планировало создать основной контингент долгосрочных арендаторов, «вполне оседлых и опытных в усовершенствованной культуре хлопка» [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 16].

Через два года посевы хлопка распространились до 6200 дес. (общая орошаемая площадь — 12 779 дес.). Расширение обрабатываемой земли было достигнуто за счета ввода в строй Гиндукушской плотины [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 17]. А в 1909 году снова изменились условия аренды. Собранный урожай стал делиться: 50 % — имению, 10 % — арендатору, 40 % — дайханину [РГИА, ф. 515, оп. 81, д. 162, л. 25 об.]. По сравнению с предыдущим нормативом доход дайханина оставался прежним, а вот положение крупного арендатора существенно менялось. Его прежний доход в более чем 26,6 % был сокращен в более чем два раза. Зато доход

имения увеличивался почти на 17 %. Таким образом руководство имения и Уделов, с одной стороны, добивалось роста его доходности, а с другой — боролось с капиталистическими эксплуататорами-кулаками, стимулируя непосредственных производителей к повышению производительности их труда. Именно так — кулаками и ростовщиками — называл экономически могущественных крупных арендаторов управляющий имением В. В. Дубасов еще в 1903 году [РГИА, ф. 515, оп. 44, д. 401, л. 3].

«Кроме того величина сдаваемых участков отдельному арендатору значительно уменьшилась. Вместе с этим дайханам было предоставлено право получать землю в аренду на свое имя, минуя крупных арендаторов. Такой распорядок сильно отразился на составе арендаторов имения. Число мелких арендаторов возросло в несколько раз, прежним же крупным арендаторам стало невыгодно сдавать землю дайхнам, да и найти дайхан сделалось затруднительным, так как большинство дайхан перешло в разряд самостоящих арендаторов» [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 63]. Конечно, процитированное мнение байрамалийского пристава сложно назвать объективным, однако названная в нем тенденция имела место.

Ради повышения конкурентоспособности местной сельскохозяйственной продукции в имении на рубеже 1910-х годов функционировали хлопкоочистительный, масляный, маслорафинадный (маслоочистительный), мыловаренный и ледоделательный заводы, жмыховая мельница и брикетный пресс. При заводах состояли бондарная, механическая, чугунно-меднолитейная и столярная мастерские, а также кузница.

3.2. Изменения в структуре населения Мургабского государева имения

Упомянутая выше комиссия Департамента уделов в 1889 году изучила обстоятельства выращивания хлопка в соседних областях Туркестанского края. Рассуждая о потенциальных жителях имения, она признала, что, несмотря на желательность привлечения в оазис русских, именно коренное население региона могло наиболее эффективно проявить себя в деле возделывания хлопка: «Оседлые жители из большинства посещенных местностей были бы весьма желательными поселенцами для государева имения и…, в виду густоты населения, которое не уклоняется ни от какого труда, коль скоро труд дает хороший барыш, весьма вероятно такие поселенцы и найдутся, если условия пользования землей в государевом имении будут необременительны и, главное, понятны мусульманскому населению» [РГИА, ф. 515, оп. 44, д. 71, л. 20 об.]. Именно местные мусульмане стали в итоге основными сельскохозяйственными производителями в имении.

Рассуждая о социальной структуре Мургабского государева имения, надо отдавать себе отчет в том, что оно являлось частной собственностью

правившего государя и до образования имения земли, ему отошедшие, были совершенно необитаемыми и неиспользуемыми. А заселение территории имения стало результатом реализации соответствующих планов Департамента (Главного управления) уделов.

Все население имения делилось на две принципиально отличавшиеся друг от друга категории: земледельцы и «вспомогательные силы». Первая, в подавляющем большинстве своем, представляла коренное население Закаспийской области — текинцев. В числе второй состояли служащие, рабочие и торговцы разных национальностей, в том числе и русские.

Земледельцы из туркмен (текинцев), осваивавшие орошенные поля имения, по-прежнему сохраняли свой кочевой дух. Ибо, вынужденные заключать краткосрочные (ежегодные) арендные договоры, они не были уверены в прочности своего оседлого положения и сохраняли связь со своими родовыми обществами, постоянно имея в виду перспективу возвращения к традиционному образу жизни. Отсюда их слабая заинтересованность в развитии агрокультуры.

Следует заметить, что глава полицейской администрации в имении, байрамалийский пристав, непосредственно не связанный с его экономикой, считал, что увеличение срока аренды земельных участков вселит в сельскохозяйственных производителей уверенность в стабильности земледельческого промысла, что станет стимулом к повышению производительности труда и распространению более прочной оседлости, которая являлась одним из главных трендов российской политики в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах. Установленные же Управлением имения и Главным управлением уделов правила вели, как мы сегодня понимаем, к истощению земельных ресурсов и неэффективному использованию гидрологических ресурсов реки Мургаба. Пристав капитан Роменский утверждал: «При настоящем… положении вещей, переселяясь на арендованную землю в район имения, все мечты туземца обращены исключительно к предстоящему урожаю, по сбору которого он уходит обратно туда, где оставалась большая часть его кибитки: он дорожит не землей, а урожаем» [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 12 об.].

Получается, что одна из принципиальных задач, подразумевавшихся властями при организации Мургабского государева имения, а именно хозяйственное закрепление контроля над стратегически важной для империи долиной реки оставалась фактически нерешенной. То есть примат исключительно экономического интереса обеспечения прибыльности сельскохозяйственного производства, с одной стороны, затмил собой геополитические интересы империи, а с другой — отнюдь не способствовал смещению от экстенсивного к интенсивному принципу хозяйствования.

Более того, байрамалийский пристав, сравнивая этот аспект с аналогичным демографическим поведением в других уездах той же Закаспийской области, резюмировал: «По всей вероятности, ввиду этого в районе имения туземное население не селится, подобно другим уездам, большими аулами, а разбрасывается одинокими кибитками или группами из нескольких кибиток по возможности вблизи своих временных посевов. И это должно быть отнесено к большому минусу в деле административного управления: ведь легче всего командовать в строю» [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 12 об.]. Конечно, в стремлении пристава распространить среди местных туркмен оседлость можно увидеть реализацию узковедомственных интересов, если бы не названные выше принципы общегосударственного масштаба (развитие оседлости и интенсификация производства).

Следующими по численности после текинцев были выходцы из Бухарского эмирата (из Чарджуйского и Керкинского бекств) — туркмены эрсари и бухарцы сакары. Причиной их переселения на Мургаб назывался безграничный произвол беков. Эти люди нанимались на черную работу — чаще всего на сбор хлопка. Примерно такой же была численность и афганцев, приходивших в имение лишь для сбора хлопка. Однако они приносили и другую пользу — приводили с собой крупные стада баранов, восполняя таким образом недостаток в продукции скотоводства.

Были среди представителей коренного населения региона и полностью оседлые жители. Это таранчи (уйгуры), вышедшие в свое время из Кульджи [Васильев, 2023] и явившиеся в имение по приглашению местной администрации для участия в строительстве еще первой плотины Султан-бент в конце 1880-х годов. Они жили четырьмя поселками, занимались хлебопашеством, извозом и другими промыслами.

Во второй половине 1908 года имение с ревизией посетил сенатор К. К. Пален, который установил, что земельные наделы получали не непосредственные земледельцы, а арендаторы, сдававшие землю в субаренду дайханам, что принципиально противоречило первоначальному замыслу властей. Отмечая, что основная масса сельскохозяйственных производителей была оторвана от результатов своего труда (а следовательно, и не заинтересована в них), он подчеркнул: «Создался особый класс арендаторов-посредников, которые, не затрачивая ни труда, ни капитала, исключительно за одно только посредничество получали ежегодно крупный доход с арендуемых ими участков, уменьшая тем самым и доходность государева имения, и прибыль лиц, действительно обрабатывавших землю» [РГИА, ф. 515, оп. 38, д. 1830, л. 123 об.].

Ревизией было установлено, что вместо более 1 000 арендаторов, которых могли вместить засеянные хлопком земли имения, на деле оказалось

лишь 379 арендаторов, из которых только 186 самостоятельно обрабатывали свои участки размером в среднем 4,6 дес., а 193 арендатора (средний участок 20,8 дес.) привлекали для работы дайхан [РГИА, ф. 515, оп. 38, д. 1830, л. 123 об. — 124]. При этом некоторые арендаторы пользовались участками от 150 дес. до 600 дес. [РГИА, ф. 515, оп. 38, д. 1830, л. 125–125 об., 130, 131 об.]. Это, конечно, отнюдь не способствовало закреплению населения на территории имения.

Тем не менее ситуация с распространением оседлости в имении стала меняться. В своем отчете за 1909 год байрамалийский пристав полковник Познанский сообщал, что «имение приступило к осуществлению постепенного перехода от практиковавшегося до сего времени кочевого хозяйства к оседлому хозяйству по трехпольному севообороту и с долгосрочной (на 12 лет) арендой. В течение 1909 года долгосрочных арендаторов устроено всего на площади более 2000 десятин» [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 63]. Было решено в течение следующих пяти лет отводить ежегодно для этой цели по 3000 десятин. С учетом того, что в 1909 году под посевами (хлопка и пшеницы) состояло всего 15 000 дес. [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 83 об.], получается, что только хлопком (дайхане трудились на хлопковых полях) предполагалось засеять орошаемой земли больше, чем было в наличии. Дело в том, что в 1909 году было закончено строительство Султанбентской и Йолотанской плотин, что предвещало ввод в эксплуатацию дополнительных посевных площадей. В следующем году было заключено 118 долгосрочных (на 12 лет) договоров с представителями коренного населения и 57 с русскими поселенцами [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 114 об.].

В 1910 году в имении числилось всего 1533 арендатора. Из них 1357 имели годичные договоры (кочевое хозяйство), 104 — долгосрочные, 72 арендовали мелкие огородные участки при селении Байрамали. В среднем на долю каждого арендатора приходилось по 5 ⅓ дес. посевов хлопчатника [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 117 об.].

Имеющиеся статистические сведения позволяют проследить, что в период с 1902 по 1908 годы численность коренного населения, проживавшего на территории Мургабского имения увеличилась с 2718 чел. до 4182 чел., то есть почти на 65 % [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 13 об.]. Этот прирост был обеспечен благодаря орошению новых сельскохозяйственных площадей. В 1909 году число русских жителей имения значительно уменьшилось за счет сокращения работ на новых ирригационных сооружениях. Динамика роста населения имения представлена далее (табл. 1) [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 8 об. — 9, 13 об. 61 об., 77 об. — 78, 130 об. — 131, 169, 192 об. — 193].

Таблица 1

Численность населения Мургабского имения

Народности	1902	1908	1909	1910	1911	1912
Всего		9173	9314	9718		16284
Текинцы		3088	3195	3328		4477
Эрсари		958	948	960		2796
Бухарцы		616	612	715		725
Таранчи		243	245	260		611
Афганцы		792	951	1883		2550
Русские		2176	1515	1430		1680
«Туземцы» 1	2718	4122	7606	5106	5576	
«Русские и другие»	1142	4991	1705	4702	4646	

Приведенные сведения показывают в целом стабильный состав жителей имения, серьезно меняющийся лишь в связи с необходимостью осуществления инженерных работ (русские) и вводом в эксплуатацию новых посевных площадей (1912).

В 1912 году численность русских увеличилась по сравнению с 1910 годом на число рабочих и сборщиков хлопка (250). Сбором хлопка в этом году занимались 320 персиян, 800 афганцев, 340 эрсари, 1780 казахов (только сезонные — сборщики) [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 192 об. — 193.]. Интересно, что от труда мангышлакских казахов хотели отказаться еще после завершения сбора хлопка в 1911 году, ибо «они не оправдали возлагавшихся надежд, оказались неопытными, ленивыми и крайне недобросовестными» [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 170 об.]. Тем не менее, судя по всему, острая нехватка рабочих рук вынудила обратиться к их помощи и в 1912 году.

Управление имением бдительно следило за тем, чтобы на подведомственной ему территории селились исключительно благонадежные лица, а вот с привлекавшимися поденщиками было сложнее. Огромная потребность в сборщиках хлопка вынуждала привлекать всех без разбора [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 71]. Представленная в следующей таблице [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 8 об. — 9, 77 об. — 78, 130 об. — 131, 193] сословная структура имения показывает ее стабилизацию к 1912 году, когда уже завершились масштабные гидротехнические работы и возросла потребность в земледельцах на новых орошаемых площадях (табл. 2).

1 «Туземцы», «русские и другие» — категории населения из отчетов байрамалийского пристава.

Таблица 2

Сословный состав жителей Мургабского имения

Сословия	1908	1909	1910	1912
Дворяне и чиновники	82	43	58	54
Духовенство	4	5	4	2
Потомственные граждане, купцы	21	13	12	15
Мещане	342	133	78	75
Крестьяне (земледельцы)	5549	5467	5385	9020

Конечно, число рабочих в имении было незначительным (табл. 3) [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 17 об. — 18, 66 об. — 67, 120 об. — 121, 173.]), но, без сомнения, они играли весьма существенную роль в экономической жизни хозяйства, а Управление имением создавало для них благоприятные условия (капитальное жилье, баня, прачечная).

Таблица 3

Занятость населения Мургабского имения в промышленности

Удельные заводы	1908	1909	1910	1911
Хлопкоочистительный завод	100	90	90	90
Масляный завод	—	63	63	63
Маслорафинадный завод	9	15	15	15
Всего	>109	168	168	168

3.3. Социально-культурная сфера Мургабского государева имения

С учетом представлений о показательном характере Мургабского государева имения и социального запроса его жителей Управление имением и Главное управление уделов создавали такое социальное окружение, которое, отвечая насущным экономическим потребностям, могло служить и социальной витриной вестернизированной российской цивилизации среди туркменских песков.

Для обучения детей русских жителей имения было организовано одно двухклассное училище для мальчиков и девочек, содержавшееся на средства Главного управления уделов. Еще одна школа (одноклассное училище) была организована для детей железнодорожных служащих. Она финансировалась Среднеазиатской железной дорогой. Однако потребность в более основательной подготовке детей подтолкнула возбудить в высших инстанциях вопрос о преобразовании училища имения в трехклассное городское. В итоге в 1909 году в Байрамали на базе двухклассного училища

открылись четырехклассное городское училище и одноклассное училище. Вслед за этим железнодорожная школа была закрыта.

Дети коренных жителей, в отсутствие медресе и мактабов, обучались либо при мечетях, либо непосредственно у мулл. Надо заметить, что оседлые жители с большей готовностью отдавали своих детей в учение. В 1908 году в четырех таранчинских поселках обучались 42 ребенка (из них — 10 девочек), а всего в имении учились 82 мальчика и 30 девочек [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 21]. Сведения о численности обучающихся представлены далее (табл. 4) [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 44, 45 об., 100, 101 об., 153, 154 об., 175 об., 213, 214 об.].

Таблица 4

Количество обучающихся в Мургабском государевом имении

Учебные заведения	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**	**1912**
Четырехклассное училище		27	44		65
Одноклассное училище		81	131		165
Одноклассное училище (железнодорожное)	19	23	закрыто		
Двухклассное училище	74				
Двухклассная русско-туземная школа					25
ВСЕГО	93	131	175		255
Мусульманское обучение	92	107	124	154	167
ИТОГО	185	238	299		422

Для осуществления религиозных потребностей православного населения в усадьбе Байрамали в 1907 году был освящен временный храм во имя Св. Алексия митрополита Московского. Главное управление уделов содержало при храме одного священника и одного псаломщика. Мусульмане имели в своих аулах шесть мечетей с шестью муллами, которые жили на добровольные пожертвования верующих. Кроме того, в 1909 году на территории имения числились 3 мазара [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 103]. К 1912 году число мазаров возросло до 5 [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 216]. Однако шейхов при этих мазарах не состояло.

В имении функционировала больница на 30 коек в усадьбе, и по больнице на 20 коек каждая было у Султанбентской и Йолотанской плотин. Медикам удавалось довольно успешно предупреждать развитие инфекционных заболеваний (холера, тиф и др.).

В Мургабском государевом имении в 1908 году насчитывалось четыре русских населенных пункта — селение Байрамали и небольшие поселения

у плотин Султанбентской, Йолотанской и Гиндукушской. Три последние имели временный характер — на период проведения строительных работ. К 1911 году положение несколько изменилось, что было вызвано как необходимостью инженерного обслуживания комплекса гидротехнических сооружений в урочище Гиндукуш, так и потребностями развития ирригации. Кроме усадьбы имения Байрамали два населенных пункта находились на Гиндукуше и в центральном пункте по устройству новой ирригационной сети — Туркмен-Кале [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 178].

Население имения было вполне обеспечено продуктами питания и предметами промышленного производства. Они были доступны во всех населенных пунктах, но в большей степени на территории усадьбы Байрамали (табл. 5) [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 19 об. — 20, 68 об. — 69, 122 об. — 123, 174 об. — 175]. Увеличение в 1911 году традиционных столовых (чайханы) и хлебопекарен следует связать с ростом численности жителей имения.

Таблица 5

Розничная торговля на территории Мургабского имения

Торговые точки	**1908**	**1909**	**1910**	**1911**
Мелочные лавки	52	47	27	30
Караван-сараи	11	9	6	11
Чайханы	9	8	9	20
Хлебопекарни	8	10	3	9
Мясные лавки	6	6	2	3
Туземные лавки	3	5	3	3
Общественная лавка	1	1	1	1
Винная торговля (включая магазины колониальных товаров)	4	5	3	3
Гостиницы-трактиры	2	2	2	2
Буфеты	2	2	2	2
Мануфактурные лавки	—	—	20	17
ВСЕГО				

На территории имения в 1908 году располагалась целая сеть разного рода учреждений. Из них в Байрамали — Управление Мургабским государевым имением, Контора удельных заводов, Управление байрамалийского пристава, больница, церковь, две школы, почтово-телеграфная контора и общественное собрание; на Йолотанской плотине — контора производителя работ, управление помощника байрамалийского пристава и больница; на Султанбентской плотине — Управление начальника работ по устройству во-

дохранилищ в государевом имении, управление помощника байрамалийского пристава и больница; на Гиндукушской плотине — контора начальника работ по устройству электропередачи. К 1911 году появись новые учреждения: в Байрамали — центральная телефонная станция и отделение транспортной конторы Восточного общества; на Гиндукуше — гидроэлектростанция, центральная телефонная станция и больница; в Туркмен-Кале — центральная телефонная станция. Все казенные здания в Байрамали освещались электричеством Гиндукушской ГЭС, которая позволила отказаться от применения паровой силы на местных заводах. Все казенные здания, квартиры чиновников и водные регуляторы по всей территории имения были соединены телефонной сетью. Большинство зданий имело баковые водопроводы.

В 1908 году на территории имения находилось 272 казенных здания (включая казенные жилые дома для служащих) и 233 частных [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 56 об.-57]. К 1912 году количество казенных зданий сократилось до 253, а число частных возросло до 238 [РГИА, ф. 515, оп. 45, д. 1003, л. 225 об.-226]. Безусловно, эти показатели, хоть и косвенно, свидетельствуют как о стабильной привлекательности имения для частного предпринимательства, так и о стремлении руководства имения к сокращению непроизводительных расходов.

4. Заключение = Conclusions

Экономические обстоятельства и стремление приступить к сельскохозяйственному производству в условиях пока еще не развитой ирригационной системы (крушение в 1890 году первой Султанбентской плотины) вынудили Управление Мургабским государевым имением отказаться от первоначальной схемы привлечения в имение поселян, наделяемых небольшими участками земли в постоянное пользование. Такое положение не изменил и пуск Гиндукушской плотины. А вот реализация окончательной схемы гидротехнический сооружений (пуск в 1909 году Султанбентской и Йолотанской плотин) повлекла за собой резкий рост орошаемых площадей. В новых условиях Управление имением начало переход к сокращению крупной аренды и постепенному распространению долгосрочной аренды небольших участков. В конечном итоге это начало приводить к сокращению числа крупных арендаторов (кулаков), использовавших труд дайхан, и росту мелкой самостоятельной дайханской аренды.

Стремлением вернуться к изначально заявленной программе массового самостоятельного аграрного производства было продиктовано и последовательное изменение арендных ставок, направленное, с одной стороны, на рост дохода имения, а с другой — на сокращение числа арендаторов, эксплуатировавших труд дайхан.

Заметим, что названные обстоятельства нельзя отнести к естественным методам организации капиталистического производства. В условиях Мургабского государева имения они вступали в конфронтацию с политическими установками властей и трансформировались в необычную форму изживания крупной аренды. И дело здесь в долгосрочной перспективе (повышение эффективности производства) и в необходимости реализации главных целей имения — создания образца, предназначенного для широкого распространения по всему Туркестанскому краю, и повышения заинтересованности сельскохозяйственных работников в оседлости на берегах Мургаба.

Состав населения имения был подвержен временным влияниям: периодическому притоку русского населения на время проведения масштабных инженерных работ и сезонной миграции коренных жителей региона в период сбора хлопка.

Для всего населения имения, и в первую очередь для служащих и рабочих, создавались условия, способствовавшие их закреплению и хотя бы частичному удовлетворению потребностей, нормальных для внутренней России и слабо представленных в центральноазиатских владениях империи. Причем по мере роста этих потребностей развивалась и социально-культурная сфера имения.

Подводя итог, можно заключить, что капиталистические отношения, реализовывавшиеся в экономике Мургабского имения, безусловно, оказывали влияние на его социальную структуру. Но влияние это регулировалось соответствующими административными структурами.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ПСЗРИ-III — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1889. — Т. 7. — 1146 с.

2. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 515 (Главное управление уделов МИДв). Оп. 44. Д. 71 ; Оп. 45. Д. 1003 ; Оп. 81. Д. 162.

Литература

1. *Брусина О. И.* Мургабское государево имение в Байрам-Али по материалам Г. И. Карпова : антиколониальная критика имперского подхода / О. И. Брусина, Л. Т. Соловьева // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2022. — Т. 13. — Выпуск 10 (120). — С. 76—84. — DOI: 10.18254/S207987840023218-8.

2. *Васильев Д. В.* Афганистан в центре Большой игры. 1879—1885. Акт четвертый : Ахалтекинские экспедиции / Д. В. Васильев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. — 2024. — № 3 (51). — С. 154—169. — DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10.

3. *Васильев Д. В.* Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д. В. Васильев. — Москва : Политическая энциклопедия, 2018. — 636 с. — ISBN 978-5-8243-2237-8.

4. *Васильев Д. В.* Мургабское государево имение — образцовое хозяйство на Юго-Восточной окраине / Д. В. Васильев // Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России : идеология, политика, практики : Сборник научных статей. — Ярославль ; Москва : Канцлер, 2024. — С. 84—92. — ISBN 978-5-907773-65-3.

5. *Васильев Д. В.* Приют для страждущих : миграция из Синьцзяна в Россию в 1860—1880-х гг. / Д. В. Васильев, С. А. Асанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : История России. — 2023. — Т. 22. — № 1. — С. 34—46. — DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46.

6. *Ефимов А. А.* История создания системы управления недвижимым имуществом департамента уделов в Российской империи в конце XVIII века / А. А. Ефимов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 5. — С. 14—23. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.14.

7. *Канода Н. Н.* Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881—1917 гг.) / Н. Н. Канода. — Ашхабад : Ылым, 1991. — 222 с. — ISBN 5-8338-0344-6.

8. *Красникова Ю. Н.* Департамент уделов и удельные крестьяне Северо-Запада России в конце XVIII — первой четверти XIX века : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / Ю. Н. Красильникова. — Санкт-Петербург, 2007. — 242 с.

9. *Красникова Ю. Н.* Деятельность Департамента уделов в первой четверти XIX в. / Ю. Н. Красильникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : История. Политология. Социология. — 2006. — № 2. — С. 165—169.

10. *Мазаев Н. А.* Аграрный сектор Мургабского государева имения как отражение аграрной политики Российской империи в Туркестанском крае / Н. А. Мазаев // Гусевские чтения — 2024. Три измерения политической истории России : идеология, политика, практики : Сборник научных статей. — Ярославль ; Москва : Канцлер, 2024. — С. 258—272. — ISBN 978-5-907773-65-3.

11. *Настич В. Н.* Металлические марки дайханской конторы Мургабского государева имения / В. Н. Настич // Ориенталистика. — 2018. — Т. 1. — № 2. — С. 237—250. — DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248.

12. *Орлов С. В.* Удельные крестьяне Алатырского удельного округа в первой половине XIX века : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. В. Орлов. — Саранск, 2003. — 204 с.

13. *Слезкин А. В.* Храм в Мургабском государевом имении : конкурсные проекты и реализация / А. В. Слезкин // Русская усадьба. — Москва : Коло, 2015. — Выпуск 20 (36). — С. 258—287. — ISBN 978-5-4462-0051-1.

14. *Тихомиров М. Н.* Присоединение Мерва к России / М. Н. Тихомиров. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — С. 194—198.

15. *Keating J.* On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia / J. Keating. — Oxford : Oxford U. P., 2022. — 252 p. — ISBN 978-0-1928-5525-1.

Статья поступила в редакцию 29.09.2024,
одобрена после рецензирования 25.11.2024,
подготовлена к публикации 14.12.2024.

Material resources

PSZRI-III — *The Complete collection of laws of the Russian Empire. The 3rd meeting, 7.* (1889). St. Petersburg: State Printing House. 1146 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 515 (Main Directorate of the Ministry of Foreign Affairs). Op. 44. D. 71; Op. 45. D. 1003; Op. 81. D. 162.* (In Russ.).

References

Brusina, O. I., Solovyova, L. T. (2022). Murghab state estate in Bayram-Ali based on the materials of G. I. Karpov: anti-colonial criticism of the imperial approach. *Electronic scientific and educational magazine "History", 13 / 10 (120):* 76—84. DOI: 10.18254/S207987840023218-8. (In Russ.).

Efimov, A. A. (2017). The history of the creation of the real estate management system of the Department of estates in the Russian Empire at the end of the XVIII century. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 5:* 14—23. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.5.14. (In Russ.).

Kanoda, N. N. (1991). *Agrarian policy of tsarism in Turkmenistan (1881—1917).* Ashgabat: Ylym. 222 p. ISBN 5-8338-0344-6. (In Russ.).

Keating, J. (2022). *On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia.* Oxford: Oxford U. P. 252 p. ISBN 978-0-1928-5525-1.

Krasnikova, Yu. N. (2006). Activity of the Department of estates in the first quarter of the XIX century. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology, 2:* 165—169. (In Russ.).

Krasnikova, Yu. N. (2007). *Department of estates and specific peasants of the North-West of Russia at the end of the XVIII — first quarter of the XIX century.* PhD Diss. St. Petersburg. 242 p. (In Russ.).

Mazaev, N. A. (2024). The agrarian sector of the Murgab state estate as a reflection of the agrarian policy of the Russian Empire in the Turkestan region. In: *Gusev readings — 2024. Three dimensions of the political history of Russia: ideology, politics, practices: A collection of scientific articles.* Yaroslavl; Moscow: Chancellor. 258—272. ISBN 978-5-907773-65-3. (In Russ.).

Nastich, V. N. (2018). Metal stamps of the Daykhan office of the Murgab state estate. *Orientalistics, 1 (2):* 237—250. DOI: 10.31696/2618-7043-2018-1-2-237-248. (In Russ.).

Orlov, S. V. (2003). *The specific peasants of the Alatyrsky specific district in the first half of the XIX century.* PhD Diss. Saransk. 204 p. (In Russ.).

Slezkin, A. V. (2015). The temple in the Murgab state estate: competitive projects and implementation. In: *Russian manor, 20 (36).* Moscow: Kolo. 258—287. ISBN 978-5-4462-0051-1. (In Russ.).

Tikhomirov, M. N. (1960). *Joining of Merv to Russia.* Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 194—198. (In Russ.).

Vasilyev, D. V. (2018). *The burden of Empire. Administrative policy of Russia in Central Asia. The second half of the XIX century.* Moscow: Political Encyclopedia. 636 p. ISBN 978-5-8243-2237-8. (In Russ.).

Vasilyev, D. V. (2024). Afghanistan in the center of a big game. 1879—1885. Act four: Akhal-Teke expeditions. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal, 3 (51):* 154—169. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.10. (In Russ.).

Vasilyev, D. V. (2024). Murgabskoye sovereign estate — an exemplary farm on the South-Eastern outskirts. In: *Gusev readings — 2024. Three dimensions of the political*

history of Russia: ideology, politics, practices: A collection of scientific articles. Yaroslavl; Moscow: Chancellor. 84—92. ISBN 978-5-907773-65-3. (In Russ.).

Vasilyev, D. V., Asanova, S. A. (2023). Shelter for the suffering: migration from Xinjiang to Russia in the 1860s—1880s. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: The History of Russia, 22 (1):* 34—46. DOI: 10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46. (In Russ.).

The article was submitted 29.09.2024;
approved after reviewing 25.11.2024;
accepted for publication 14.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Кузьмин В. А. Советская военная помощь Египту в первый период президентства Анвара Садата (сентябрь 1970 — октябрь 1973 годов) / В. А. Кузьмин, М. М. Э. Абдалла // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 380—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-380-397.

Kuzmin, V. A., Abdalla, M. M. E. (2024). Soviet Military Assistance to Egypt During Early Presidency of Anwar Sadat (September 1970 — October 1973). *Nauchnyi dialog, 13* (10): 380-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-380-397. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Советская военная помощь Египту в первый период президентства Анвара Садата (сентябрь 1970 — октябрь 1973 годов)

Кузьмин Вадим Александрович
orcid.org/0000-0002-8935-3085
доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения,
корреспондирующий автор
kuzmin16@yandex.ru

Абдалла Моатаз Мохамед Эльдавуди
orcid.org/0000-0002-9008-0395
аспирант кафедры востоковедения,
инженер-исследователь центра кросс-медийных технологий
Mr.Moataz@Mail.Ru

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Soviet Military Assistance to Egypt During Early Presidency of Anwar Sadat (September 1970 — October 1973)

Vadim A. Kuzmin
orcid.org/0000-0002-8935-3085
Doctor of History, Professor,
Department of Oriental Studies,
corresponding author
kuzmin16@yandex.ru

Moataz M. E. Abdalla
orcid.org/0000-0002-9008-0395
graduate student,
Department of Oriental Studies,
Research engineer,
Center Cross-Media Technologies
Mr.Moataz@Mail.Ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Кузьмин В. А., Абдалла М. М. Э., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу военно-технического сотрудничества между СССР и Египтом в начале 1970-х годов. В центре исследования находится политическое взаимодействие двух стран, а также проблемы, с которыми столкнулись Каир и Москва после прихода к власти президента Анвара Садата. Особое внимание уделяется изучению причин, которые препятствовали поддержанию высокого уровня советской военной помощи Египту в период 1971—1973 годов. Исследование фокусируется на политических намерениях руководства обеих стран. Особое внимание уделено кризису двусторонних отношений в 1972 году. Рассматривается влияние этого кризиса на процесс перевооружения египетской армии, а также анализируется стратегия его преодоления в целях обеспечения Египта необходимым вооружением и решения президента Садата начать войну с Израилем в октябре 1973 года. Научная новизна исследования заключается в результатах анализа материалов российских архивов и мемуаров египетских политических и военных деятелей на арабском языке. Актуальность исследования заключается в демонстрации сложностей политических процессов, происходивших в Египте, которые оказывали влияние на характер и уровень советско-египетских отношений, в том числе в области военно-технического сотрудничества в 1970—1973 годах.

Ключевые слова:
Ближний Восток; арабо-израильский конфликт; СССР; Египет; США; египетская армия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the military-technical cooperation between the USSR and Egypt in the early 1970s. Central to this study is the political interaction between the two nations, as well as the challenges faced by Cairo and Moscow following Anwar Sadat's rise to power. Particular attention is given to the factors that hindered the maintenance of a high level of Soviet military aid to Egypt during the period from 1971 to 1973. The research focuses on the political intentions of the leadership in both countries, with special emphasis on the bilateral relationship crisis in 1972. The study examines the impact of this crisis on the rearmament process of the Egyptian army and analyzes the strategies employed to secure necessary armaments for Egypt, culminating in President Sadat's decision to initiate war with Israel in October 1973. The novelty of this research lies in its analysis of materials from Russian archives and memoirs of Egyptian political and military figures in Arabic. The relevance of this study is underscored by its demonstration of the complexities of the political processes occurring in Egypt that influenced the nature and level of Soviet-Egyptian relations, particularly in the realm of military-technical cooperation during 1970–1973.

Key words:
Middle East; Arab-Israeli conflict; USSR; Egypt; USA; Egyptian army.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:327(47+620)“1970/1973”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-380-397

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Советская военная помощь Египту в первый период президентства Анвара Садата (сентябрь 1970 — октябрь 1973 годов)

© Кузьмин В. А., Абдалла М. М. Э., 2024

1. Введение = Introduction

Советско-египетские отношения в начальный период президентства Мухаммада Анвара Садата представляют собой значимый эпизод в истории Ближнего Востока. Они развивались в контексте арабо-израильского конфликта, повлекшего за собой начало Войны Судного дня между Египтом и Израилем в 1973 году, а также едва не привели к конфронтации между СССР и США.

Советская военная помощь была одним из основных факторов, способствовавших укреплению мощи египетской армии и достижению паритета вооруженных сил в регионе. В свою очередь это позволило египетскому руководству подготовиться к Войне Судного дня.

Несмотря на то, что советская военная помощь лишь совпала с подготовкой Египта под руководством Садата к войне 1973 года, даже 50 лет спустя звучат утверждения о том, что конфликт был спланирован в первую очередь СССР. Эта гипотеза выдвигалась некоторыми израильскими политиками, в частности бывшим генеральным директором МИД Израиля Д. Кимхи. В своей книге «Последний вариант: после Насера, Арафата и Саддама Хусейна» автор указал, что «главной фигурой, сыгравшей роль в эскалации кризисов, произошедших в 1967—1973 годах, был Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев» [Kimche, 1991, p. 7]. Кимхи писал, что именно СССР определил время начала Войны Судного дня. Более того, по его мнению, кризис 1972 года между Каиром и Москвой был «частью советской стратегии по сокрытию крупных поставок оружия Египту и подготовке к военным действиям» [Kimche, 1991, p. 8]. Поэтому исследование, направленное на анализ советской военной помощи Египту в 1970—1973 годах важно для раскрытия характера египетско-советских отношений и влияния этой помощи на решения египетского руководства в отношении начала войны.

История советско-египетского взаимодействия в военной сфере все еще недостаточно изучена, в том числе вопросы советской военной помощи Египту. Несмотря на то, что военно-технический фактор оказал значительное влияние на развитие отношений между Советским Союзом и Египтом, взаимодействие двух стран в военной сфере остается слабо изученным аспектом как в российской, так и в арабской историографии. В частности, большой интерес вызывают вопросы, связанные с советской военной помощью Египту в начале 1970-х годов. Проблемы, связанные с реализацией договоренностей в этой сфере, оказали наибольшее влияние на кризис, возникший в отношениях между Каиром и Москвой. Эти же вопросы сыграли немаловажную роль в изменении внешнеполитического курса президента Садата.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой настоящего исследования стали материалы ряда архивов Российской Федерации, а также воспоминания египетских политических и военных деятелей. Эти источники освещают различные аспекты отношений между руководством двух стран.

Значительными материалами, способствующими исследованию советско-египетских отношений, располагает Государственный архив Российской Федерации. В данном архиве хранится большой массив документов, связанных с работой корреспондентов ТАСС в арабских странах, в содержании которых раскрываются многие вопросы, касающиеся советско-египетских отношений. Эти материалы существенно способствуют пониманию политического контекста событий, происходивших в ближневосточном регионе [ГАРФ, ф. 4459].

Значительный интерес представляют документы, хранящиеся в Российском государственном архиве новейшей истории. Прежде всего это различные материалы, связанные с деятельностью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, в частности, протоколы встреч и консультаций с руководством Египта, а также телеграммы, которыми обменивались Москва и Каир [РГАНИ, ф. 80]. Эти документы способствуют пониманию проблем, существовавших в советско-египетских отношениях в сфере военного сотрудничества.

Не менее важным источником информации являются протоколы заседаний Национального собрания Объединенной Арабской Республики, содержащие выступления президента А. Садата, хранящиеся в архиве египетского парламента. Эти выступления отражают ключевые аспекты внешнеполитических установок Садата в период 1970—1973 годов [Архив ...].

Бесспорный интерес для настоящего исследования представляют мемуары египетских политических и военных деятелей. Среди них особое значение имеют мемуары Махмуда Рияда, изданные в Каире в 1985 году. В период с 1964 по 1972 годы Рияд занимал пост министра иностранных дел Египта. Его воспоминания под названием «Поиски мира и конфликт на Ближнем Востоке» содержат подробные сведения о внешней политике Египта в контексте его взаимоотношений с СССР [Рияд, 1985].

Другим важным источником подобного рода являются мемуары генерала Мохамеда Фаузи, который занимал пост военного министра с 1968 по 1971 годы. В своих воспоминаниях генерал Фаузи дает детальное описание состояния египетской армии в рассматриваемый период, а также сообщает немало интересных сведений о взаимодействии египетского правительства с руководством Советского Союза. В его мемуарах отражены также проблемы, с которыми сталкивались египетские вооруженные силы в контексте получения советской военной помощи, а также стратегия египетского руководства, направленная на противостояние Израилю [Фаузи, 2019].

Отметим и мемуары Мохамеда Абдель Гани эль-Джамси, который занимал пост начальника оперативного штаба Вооруженных сил Египта во время Октябрьской войны 1973 года. Его воспоминания содержат подробное описание периода, предшествующего войне 1973 года, в них представлено множество важных сведений, касающихся характера советско-египетских отношений после кризиса 1972 года [Эль-Джамси, 1998].

В своем исследовании авторы также использовали опубликованные дипломатические документы госдепартамента США [FRUS, 2015] и материалы периодической печати.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Советско-египетские отношения на распутье: приход Садата к власти

28 сентября 1970 года ушел из жизни египетский президент Г. А. Насер. Осознавая необходимость поддержания отношений со своими союзниками на Ближнем Востоке, руководство СССР направило в Египет делегацию во главе с Председателем Совета Министров А. Н. Косыгиным. Делегация провела переговоры с новым руководством Египта во главе с А. Садатом, который в то время занимал пост вице-президента [Нассар, 2013, с. 399].

В ходе переговоров Косыгин заверил египетское руководство, что его страна по-прежнему привержена военным соглашениям, заключенным с Египтом в эпоху Насера. Советская сторона подняла вопрос о прекращении миссии советских военных советников и специалистов в Египте и их возвращении на родину. Это должно было произойти сразу после за-

вершения обучения египетских войск применению современного оружия в соответствии с соглашением, заключенным между руководством СССР и президентом Насером незадолго до его смерти. Однако Садат выразил желание сохранить присутствие советских военнослужащих до тех пор, пока Египет не достигнет цели по возвращению своих, оккупированных в результате Шестидневной войны, территорий. Переговоры завершились совместным заявлением обеих делегаций, подтверждающим дружбу и сотрудничество между Египтом и СССР [Фарид, 2019, с. 193].

Вскоре после того, как Садат стал президентом, в конце октября 1970 года, распространились новости о том, что американское правительство решило оказать широкую военную поддержку Израилю и заключить с ним соглашение о поставках вооружения на сумму 500 млн долларов. Предполагалось, что эта сделка обяжет США поставить Израилю 200 танков М-60, которые считались в то время новейшим танком в армии США, 18 самолетов «Фантом», а также артиллерийские батареи [Аль-Ахрам, 1970, с. 12].

Сделка вызвала тревогу в среде египетских военных, ощущавших превосходство противника в области современных вооружений. Усиление Израиля происходило в контексте окончания в начале ноября 1970 года 90-дневного периода прекращения огня между Египтом и Израилем, установленного планом госсекретаря США У. Роджерса.

Однако прежде, чем принимать решение о начале военной операции против Израиля, президент Садат посчитал необходимым изучить ситуацию в стране и состояние своей армии. Поэтому министр иностранных дел Египта М. Рияд обратился к ООН с просьбой продлить срок прекращения огня. Генеральная Ассамблея ООН пошла навстречу пожеланиям египетской стороны и приняла резолюцию о новом прекращении огня еще на 90 дней, до 5 февраля 1971 года [Аль-Ахрам, 1973, с. 3]. В своих мемуарах военный министр Фаузи писал: «Когда срок перемирия закончился, я сказал Садату, что армия готова начать борьбу, но Садат не стал принимать решение о начале боевых действий не посоветовавшись с членами Высшего исполнительного комитета Арабского социалистического союза (далее — ВИК АСС) и руководством СССР» [Фаузи, 2019, с. 174].

Для консультаций египетское правительство решило направить в декабре 1970 года в Москву делегацию во главе с вице-президентом А. Сабри. В ходе визита Сабри подчеркнул, что оружейная сделка, заключенная США с Израилем, побудит Тель-Авив продолжить свою экспансионистскую политику [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 603, л. 92].

В ходе следующих встреч министр иностранных дел Рияд подчеркнул необходимость укрепления военного потенциала египетских вооруженных сил. Представители египетской делегации также указывали на то, что Из-

раиль не уйдет с оккупированных арабских территорий, пока не почувствует военную мощь Египта [Рияд, 1985, с. 328].

Со своей стороны, военный министр Фаузи подчеркнул, что его армия по-прежнему остро нуждается в современной технике и вооружении. Министр попросил советское руководство предоставить египетской армии комплексы «Шилка», самолеты МиГ-23М и самолеты Ту-16 с возможностью частичного обслуживания этой техники советским персоналом сроком на 1 год. Были запрошены танки, оснащенные оборудованием, позволяющим действовать в ночных условиях [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 603, л. 112].

На завершающей встрече Л. Брежнев подтвердил, что Советский Союз будет уделять пристальное внимание процессу укрепления вооруженных сил Египта. Однако египетскому руководству был дан совет не вступать в конфликт без хорошо продуманного плана. Такой план, по мнению советской стороны, должен был гарантировать успех с вероятностью 200 % [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 603, л. 119].

Завершая переговоры, Брежнев заверил союзников, что его страна согласна заключить с Египтом сделку на поставки оружия на сумму 636 млн рублей, большая часть которой представляла вооружение для усиления египетской ПВО. Он обещал, что техника будет отправлена в Египет до конца 1971 года [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 603, л. 121].

По итогам визита египетской делегации в Москву можно предположить, что в тот момент египетская армия не находилась в состоянии, позволяющем ей вести войну против Израиля, снабженного новейшим американским оружием и техникой. Если бы в тот момент началась война, превосходство было бы на стороне Израиля, поскольку Египет не обладал продуманным планом и не имел необходимого вооружения и техники. С другой стороны, визит подтвердил готовность СССР идти навстречу просьбам египетского руководства.

4 февраля 1971 года, за день до окончания второго срока прекращения огня, Садат выступил с речью перед Национальным собранием. В ней была провозглашена инициатива снова продлить режим прекращения огня с Израилем на срок от 30 до 60 дней и открыть Суэцкий канал для международного судоходства при условии, что Израиль будет готов частично вывести свои войска с Синайского полуострова в качестве первого этапа процесса полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий и восстановления границ, существовавших до 5 июня 1967 года. В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 242 Президент также пообещал восстановить дипломатические отношения с США [Архив ..., л. 707—718].

Израиль заявил о категорическом нежелании отводить свои силы к границам, существовавшим до 1967 года. Инициатива, предложенная еги-

петским президентом, провалилась. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации 1 марта 1971 года Садат отправился в Москву для срочных консультаций со своими советскими союзниками [Dawisha, 1979, pp. 57—58].

Главной целью визита Садата в СССР была попытка убедить советское руководство в необходимости скорейших поставок Египту наступательного вооружения. В ходе переговоров произошел спор между Садатом и предсовмина СССР Косыгиным и министром обороны Гречко по вопросу о снабжении Египта современной техникой и вооружением, в частности самолетами МиГ-25 и «илюшиных», способными запускать ракеты. Брежнев попытался разрядить обстановку и выразил свое согласие, но поставил условие, согласно которому эти самолеты можно будет использовать только с санкции Москвы. Садат отверг это условие, заявив: «Египетскими самолетами может командовать только египетский президент!» [Хазанов и др., 2022, с. 123—124]. Можно предположить, что у советского руководства имелись сомнения в результатах боевых действий против Израиля даже в случае получения Египтом наступательного оружия. Возможно, советское руководство предполагало, что без разработки успешного военного плана даже наличие советского оружия не смогло бы предотвратить новое поражение Египта. Поэтому Москва не хотела отправлять в Египет наступательное вооружение без гарантий успешности его применения.

Осознав, что его инициатива по открытию Суэцкого канала не увенчалась успехом, Садат встретился с членами ВИК АСС и египетскими военными, чтобы обсудить действия Египта в отношении Израиля. В ходе встречи так называемые «центры власти» — высшие официальные лица, остававшиеся на своих постах со времен Насера и придерживавшиеся просоветской ориентации (А. Сабри, Ш. Гомаа, М. Фаузи и др.), — настаивали на необходимости начала военных действий против Израиля. Давление на президента было настолько велико, что ему пришлось дать свое согласие. Начало боевых действий было назначено на 26 апреля [Heikal, 1975, p. 127].

7 марта Садат выступил с речью перед египетским народом. Президент объявил, что его страна больше не несет ответственности за продление срока прекращения огня. Таким образом, на Ближнем Востоке началось состояние ни мира, ни войны [Гали, 1971, с. 2].

К середине марта стало ясно, что Садат считает необходимым еще более укрепить отношения с руководством СССР и заручиться его военной поддержкой. 15 марта 1971 года в Москву был отправлен известный египетский политик и будущий премьер-министр Азиз Сидки. Во время переговоров с Брежневым Сидки заявил о желании президента Египта укрепить отношения с Советским Союзом. В ответ Брежнев подчеркнул важность подписания политического договора о дружбе и сотрудничестве

в экономической, культурной и других областях. Что касается военной области, то Брежнев отметил, что СССР всегда стремился к укреплению египетских вооруженных сил [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 604, л. 5—8].

Можно отметить, что желание Египта получить необходимое вооружение и технику было закономерным, а точка зрения советского руководства — конструктивной. Однако следует выделить несколько факторов, мешавших взаимопониманию сторон. Во-первых, одной из причин возникновения подозрительности и недоверия в советско-египетских отношениях стала инициатива Садата от 4 февраля 1971 года. Садат объявил о ней, не посоветовавшись с руководством СССР. Это противоречило политике его предшественника Насера, который консультировался с советским руководством, прежде чем согласиться на план Роджерса. Садат заявил также о возможности восстановления дипломатических отношений с США, что заставило советское руководство усомниться в намерениях египетского руководства.

Во-вторых, так и не был окончательно решен вопрос об отправке в Египет советского наступательного оружия. Египетское руководство просило у СССР оружие, аналогичное тому, которое США поставляли Израилю. Можно предположить, что советское руководство в целом было готово снабдить Египет оружием, которое гарантировало бы только его самооборону.

Несмотря на успех визита Сидки, советско-египетские отношения оставались натянутыми из-за настойчивых заявлений египетских военных о необходимости получения современного вооружения и техники. В частности, египетские офицеры жаловались на эффективность советского оружия и задержки с его поставками [Heikal, 1975, p. 119].

13 апреля министр по делам президентства С. Шараф посетил Москву и передал советскому руководству письмо Садата. В нем содержалось предложение заключить соглашение между СССР и Египтом. В своем письме президент пригласил в Каир советскую военную делегацию, чтобы на высоком уровне решить ряд военных вопросов.

В ходе переговоров с Шарафом Брежнев подтвердил, что процесс укрепления боеспособности египетской армии для СССР является чрезвычайно важным вопросом. Что касается предложения о договоре между двумя странами, Генеральный секретарь заявил, что этот вопрос заслуживает внимания и будет изучен в ближайшем будущем [РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 604, л. 21—25].

3.2. Советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве

В середине апреля 1971 года в египетском руководстве произошел раскол. Его причиной было решение президента Садата о создании Федерации Арабских Республик в составе Сирии, Египта и Ливии, принятое

без участия представителей «центров силы», которые в ответ единодушно продемонстрировали свое неприятие идеи Федерации. Это был вызов президенту [Dawisha, 1979, p. 60]. В начале мая 1971 года он инициировал решительные меры против своих политических противников, известных своей просоветской ориентацией. 2 мая 1971 года Садат отстранил своего главного политического соперника А. Сабри от должности вице-президента. В последующие несколько дней произошла отставка военного министра Фаузи, которому на смену был назначен начальник Генерального штаба генерал-лейтенант М. Садик [Кустов, 2012, с. 97].

Борьба Садата с «центрами силы» совпала с визитом госсекретаря США У. Роджерса и его помощника по делам Ближнего Востока Дж. Сиско. Американская делегация прибыла в Каир 6 мая для консультаций о путях политического урегулирования ближневосточного кризиса. В ходе переговоров Роджерс дал понять, что администрация США обеспокоена советским присутствием в Египте. Садат выразил готовность пересмотреть этот вопрос и немедленно возобновить дипломатические отношения с Вашингтоном. Египетская сторона связывала улучшение египетско-американских отношений с урегулированием вопроса по Суэцкому каналу, что должно было стать первым этапом всеобъемлющего урегулирования ближневосточного кризиса в целом. Затем Роджерс отправился в Израиль, чтобы донести до Тель-Авива египетскую точку зрения [FRUS, 2015, pp. 829—833].

9 мая 1971 года Дж. Сиско снова прибыл в Каир, чтобы проконсультироваться с Садатом в отношении результатов визита Роджерса в Израиль. В ходе беседы Сиско указал на данные американской разведки, согласно которым Египет получает большое количество советского оружия. По мнению американской стороны, сохранение этих поставок послужило бы препятствием процессу урегулирования конфликта, поскольку данный вопрос имел большое значение для американского общественного мнения [FRUS, 2015, pp. 850—851].

Однако реальная ситуация свидетельствовала об обратном. Согласно информации, содержавшейся в советской печати, Тель-Авив анонсировал визит высокопоставленного американского дипломата с целью консультаций по вопросу получения Израилем партии американского оружия [Корявин, 1971]. На наш взгляд, намек американских дипломатов на необходимость ограничения поставок советского оружия Египту стал частью более широкой стратегии, направленной на обеспечение реального военного превосходства Израиля в регионе.

Визит Роджерса в Каир и чистка просоветски настроенных официальных лиц в египетском руководстве, заставили СССР принять решительные

меры для предотвращения дальнейшего ухудшения отношений с Египтом. 15 мая 1971 года политбюро ЦК КПСС собралось для переоценки статуса советско-египетских отношений. Было принято решение направить в Каир делегацию во главе с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным с целью подписания договора о дружбе и сотрудничестве с Египтом [Пестич, 2019, с. 180].

25 мая 1971 года Подгорный прибыл в Каир. По итогам двухдневных переговоров был подписан советско-египетский договор о дружбе и сотрудничестве. В соглашении содержалось положение, вызывавшее наибольшее беспокойство у США и Израиля. Оно касалось продолжения помощи СССР в подготовке египетского военного персонала к освоению поставляемого вооружения и снаряжения [Мансур, 1995, с. 395—396].

Москва понимала, что Садат пытается укрепить отношения с Западом. Поэтому руководство СССР посчитало, что заключение договора о дружбе и сотрудничестве будет наилучшим способом обеспечить сохранение подхода, заложенного в египетской внешней политике еще президентом Насером.

Говоря о Садате, мы можем предположить, что он осознавал, что прибытие советской делегации в Каир и подписание договора было проверкой его политических намерений по отношению к СССР. Если наше предположение верно, то Садат подписал договор, пытаясь завоевать доверие советского руководства. Президент считал, что этот шаг станет гарантией продолжения советской военной помощи Египту.

Важно отметить, что подписанный договор стал наглядным свидетельством неудачи политики США, стремившихся вбить клин между Египтом и СССР. Корреспонденты ТАСС отмечали, что арабские народы также приветствовали этот договор, полагая, что Египет, на плечах которого лежит основная тяжесть борьбы против Израиля и его американских покровителей, опирается на политическую, военную и экономическую поддержку честного и сильного друга в лице СССР [ГАРФ, ф. 4459, оп. 43, д. 1443, л. 127].

3.3. Кризис советско-египетских отношений 1972 года

Спустя несколько месяцев, 11 октября 1971 года Садат посетил Москву. Он предложил решить ближневосточную проблему путем ограниченных военных действий. Также президент выразил желание получить вооружение, равное тому, которое США поставляли Израилю. В ответ советское правительство предложило заключить с Египтом сделку на сумму 288 млн долларов. Согласно ее условиям, советская страна должна была поставить в Египет самолеты Ту-22, около 100 самолетов МиГ-21 и Су-17, а также эскадрилью самолетов МиГ-23 и МиГ-25. Однако под предлогом начала индо-пакистанской войны обещанное Москвой оружие так и не было отправлено в Египет [Эль-Джабури, 2012, с. 145—146].

В начале февраля 1972 года советское руководство вновь приняло Садата в Москве. В ходе визита советская сторона заверила египетского президента, что предстоящая в мае 1972 года встреча президента США Р. Никсона и Генерального секретаря Л. И. Брежнева в Москве будет подходящим местом для обсуждения вопроса урегулирования арабо-израильского конфликта. Садат пообещал не предпринимать никаких действий военного характера до тех пор, пока не завершится советско-американская встреча, а результаты этих переговоров не будут официально опубликованы [Акка, 2012, с. 51—52; Ульянищева, 2008, с. 101].

Руководство СССР пригласило президента Садата в апреле 1972 года вновь посетить Москву. В ходе визита Садат согласовал с Брежневым график поставок советского оружия. Выполнение сроков этого графика зависело от результатов советско-американских переговоров. Однако встреча Брежнева с президентом США Никсоном завершилась совместным заявлением, в котором говорилось о необходимости ограничения вооружений стран Ближнего Востока [Захран, 1987, с. 253].

Президент Садат был расстроен отношением СССР к потребностям Египта. Он считал, что советско-американское соглашение было принято не в пользу Египта, так как мешало его перевооружению и процессу разрешения ближневосточного кризиса. Однако президент продолжал ждать от советского руководства разъяснений по поводу результатов советско-американской встречи и её последствий для ситуации на Ближнем Востоке. 8 июля 1972 года советский посол В. М. Виноградов приехал к Садату с телеграммой от советского руководства. В ней содержались расплывчатые подробности переговоров с Никсоном, однако не было никаких упоминаний об обязательствах СССР по поставке наступательного оружия в Египет. В ответ на это Садат принял решение прекратить миссию советских военных советников и специалистов в Египте и сообщил Виноградову, что они должны покинуть Египет до 17 июля 1972 года [El-Hussini, 1987, pp. 198—199; Васильев, 1993, с. 107].

3.4. Советская военная помощь Египту: подготовка к войне 1973 года

Египетское руководство осознавало важность отношений с СССР. Желая убедить советское руководство, что прекращение миссии военных советников и специалистов не означает прекращения отношений между двумя странами, 13 июля, всего через шесть дней после принятия решения, Садат послал в Москву премьер-министра Сидки. Визит не увенчался успехом [Абдель Алим, 2013, с. 255].

Отношения между двумя странами оставались в тупике в течение двух месяцев. В этот период правительство Египта предпринимало попытки

найти другой источник поставок вооружения. Однако эти усилия оказались безрезультатными. Что касается США, то они не проявили той реакции, которой ждал Садат. Президент Египта понимал, что война с Израилем неизбежна и что для подготовки к войне Египет должен продолжить сотрудничество с Советским Союзом. Это было необходимо для получения политической и военной поддержки [Акка, 2012, с. 63—64].

4 октября 1972 года, когда советское правительство обратилось к Египту за разрешением пришвартовать три советских военных корабля в Порт-Саиде, египетское руководство дало положительный ответ, надеясь этим улучшить двусторонние отношения. Руководство страны увидело в этой ситуации хорошую возможность для направления египетской делегации в СССР с целью проведения переговоров.

Делегация во главе с премьер-министром Сидки действительно прибыла в Москву 16—18 октября 1972 года. В ходе переговоров Египет обязался не нагнетать напряженность в ближневосточном регионе. Со стороны советского руководства вновь прозвучали обещания продолжить вооружение египетской армии [Эль-Джабури, 2012, с. 179—180].

В первой половине 1973 года в Париже состоялись две встречи советника президента Египта по вопросам национальной безопасности М. Х. Исмаила с Г. Киссинджером. На одной из встреч Киссинджер заявил Исмаилу: «Действительность же такова, что вы, арабы, потерпели поражение, но требуете при этом то, что вправе требовать победитель. Вам необходимо сделать существенные уступки, чтобы США получили возможность вам помочь». Это натолкнуло президента Садата на мысль о том, что война — единственный способ вернуть оккупированные арабские территории [Эль-Джамси, 1998, с. 262].

В феврале 1973 года в Египет для изучения потребностей египетской армии в вооружении и военной технике прибыла советская военная делегация. С 27 февраля по 2 марта военный министр А. Исмаил, назначенный преемником Садика, находился в СССР для консультаций по вопросу перевооружения. Он смог убедить советское руководство согласиться возобновить сделку по отправке наступательного оружия в Египет [Эль-Джабури, 2012, с. 185—186]. В сотрудничестве с советскими коллегами Исмаилом были определены основные проблемы, с которыми Египет мог столкнуться в следующей войне. Одной из них была способность израильских ВВС наносить удары по глубинным районам Египта. Для отражения этой угрозы советские лидеры предложили предоставить Египту советские ракеты класса земля-земля «Скад» с радиусом действия 180 миль, которые могли угрожать густонаселенным районам Израиля. Такая угроза вынудила бы Израиль воздержаться от авиаударов по внутренним районам Египта. Пер-

вые поставки таких ракет в Египет были осуществлены примерно в апреле 1973 года. После этого Садат принял окончательное решение начать войну с Израилем [Herzog, 1982, p. 228; Хазанов, 2016, с. 54].

Изучив с советскими военными специалистами опыт и уроки Шестидневной войны, египтяне разработали план нападения на Израиль. 6 октября 1973 года — еврейский праздник Судного дня (Йом-кипур) — был выбран в качестве даты начала войны. Египетская сторона исходила из предположения, что в этот день боеготовность израильской армии должна быть на самом низком уровне. В случае неудачного хода войны СССР пообещал способствовать тому, чтобы Совет Безопасности ООН принял резолюцию о прекращении огня [Хазанов и др., 2022, с. 133—134]. 6 октября началась война Египта и его союзника Сирии против Израиля.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно сделать вывод, что в начальный период президентства А. Садата основными приоритетами во внешней политике Египта были сохранение советской помощи и стремление к достижению военного паритета с Израилем. Однако египетское руководство столкнулось с трудностями. Главной проблемой было то, что советское вооружение являлось преимущественно оборонительным, а не наступательным, что затрудняло противодействие Израилю. Поэтому между Каиром и Москвой возникли разногласия. В то же время СССР не имел принципиальных возражений против атаки на Израиль. Однако Москва опасалась, что поставки вооружения без продуманного военного плана, могут подтолкнуть страну к преждевременному началу военных действии против Израиля, что негативно повлияет на исход войны. Из-за этих опасений возникали сложности с поставками Египту истребителей МиГ-25 и другого оружия.

Эти проблемы побудили президента Садата в 1971 году заключить договор о дружбе и сотрудничестве с СССР, чтобы гарантировать поставки наступательного вооружения. Источники свидетельствуют, что данный договор не привнес ничего нового в дискуссию о наступательном вооружении. Можно предположить, что Советский Союз использовал договор как инструмент для сохранения дружественных связей с Египтом, поскольку становилось все более явным стремление США к улучшению отношений с Каиром.

Садат связывал вопрос поддержания отношений с СССР с вопросом военной помощи для своей страны. Это стало ясно, когда Москва в 1972 году задержала отправку необходимого вооружения. Тогда президент принял решение о прекращении миссии советских военных советников и специалистов в Египте. Это вызвало кризис в отношениях между

двумя странами, длившийся несколько месяцев. Однако охлаждение отношений продемонстрировало и то, что Советский Союз был единственным поставщиком вооружения для Египта. Вплоть до нового улучшения отношений с СССР Каиру так и не удалось найти иной источник поставок. Лишь после улучшения отношений с СССР Египет получил наступательное вооружение, включая ракетные установки класса земля-земля «Скад». Этот факт сыграл важную роль в принятии президентом Садатом решения о начале войны с Израилем в октябре 1973 года.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Америка* официально заявляет о поставке в Израиль 200 танков и 18 самолетов «Фантом» // Аль-Ахрам : [газета]. — 1970. — № 30622. — С. 12. = أمريكا تعلن رسميا مد إسرائيل بـ200 دبابة و18 فانتوم // جريدة الأهرام، عام 1970، العدد 30622، صـ12.

2. *Архив* Народного Собрания АРЕ — *Протоколы* заседаний в национальном собрании Объединенной Арабской Республики. Третья очередная сессия. Протокол специального заседания, Л. 707—18. = أرشيف مجلس الشعب لجمهورية مصر العربية — مضابط جلسات مجلس الأمة للجمهورية العربية المتحدة، الدورة الانعقادية العادية الثالثة، مضبطة الجلسة الخاصة، ص 707–718.

3. *Выступление* президента в праздновании дня труда // Аль-Ахрам : [газета]. — 1973. — № 21554. — С. 3. = نص خطاب الرئيس في عيد العمال // جريدة الأهرام، عام 1973، العدد 21554، صـ3.

4. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 43. Д. 1443. Л. 127.

5. *Корявин Л.* Снова «Фантомы» / Л. Корявин // Известия : [газета]. — 1971. — № 178. — С. 1.

6. РГАНИ — *Российский* государственный архив новейшей истории. Ф. 80. Оп. 1. Д. 603. Л. 92, 112, 119, 121. Ф. 80. Оп. 1. Д. 604. Л. 5—8, 21—25.

6. *Рияд М.* Мемуары Махмуда Рияда 1948—1978. Поиски мира и конфликт на Ближнем Востоке / М. Рияд. — Каир : Дар аль-Мустакбаль аль-Араби, 1985. — 634 с. = محمود رياض، مذكرات محمود رياض 1948–1978 البحث عن السلام والصراع في الشرق الأوسط. — القاهرة: دار المستقبل العربي، 1985. — 634 ص.

7. *Фаузи М.* Мемуары генерал-полковника Мохамеда Фаузи. Стратегия примирения / М. Фаузи. — Каир : Издательство эль-Фалуджа, 2019. — 390 с. = محمد فوزي، مذكرات الفريق أول محمد فوزي، استراتيجية المصالحة. — القاهرة: دار الفالوجة، 2019.– 390ص.

8. *Эль-Джамси М. А.* Мемуары эль-Джамси. Октябрьская война 1973 г. / М. А. эль-Джамси. — Каир : Главная египетская книжная организация, 1998. — 596 с. = محمد عبد الغني الجمسي، مذكرات الجمسي حرب أكتوبر 1973. — القاهرة: الهيئة المصرية العامة للكتاب، 1998. — 596 ص.

9. FRUS — *Foreign* Relations of the United States. 1969—1976. Arab Israeli dispute, 1969—1972. — Washington : Government Publishing Office, 2015. — Vol. 23. — 1156 p.

10. *Kimche D.* The Last Option : after Nasser, Arafat & Saddam Hussein. The Quest for Peace in the Middle East / D. Kimche. — New York : Charles Scribner's Sons, Maxwell Macmillan International, 1991. — 344 p.

Литература

1. *Абдель Алим А. Ю.* Египетско-советские отношения в 1970—1981 гг. Исследование политических отношений / А. Ю. Абдель Алим. — Каир : Верховный совет по культуре, 2013. — 460 с. = عبد العليم يوسف عبد العليم، العلاقات المصرية السوفيتية 1970–1981 دراسة في العلاقات السياسية. — القاهرة: المجلس الأعلى للثقافة، 2013. — 460 ص.

2. *Акка Н. В.* Египетско-советские политические отношения при Садате в 1970—1981 гг. : диссертация … кандидата исторических наук / Н. В. Акка. — Багдад, 2012. — 169 с. = نوال والي عكا، العلاقات المصرية السوفيتية في عهد السادات 1970–1981، أطروحة دكتوراه في العلوم التاريخية. — بغداد، 2012. — 169 ص

3. *Васильев А.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке : от мессианства к прагматизму / А. Васильев. — Москва : Наука, Восточная литература, 1993. — 399 с.

4. *Гали Б. Б.* Окончание прекращения огня / Б. Б. Гали // Международная политика. — Каир : Фонд Аль-Ахрам, 1971. — № 24. — С. 2—3. = بطرس بطرس غالي، انهاء وقف اطلاق النار // مجلة السياسة الدولية. — القاهرة: مؤسسة الأهرام. — 1971 — العدد 24– صـ 2–3.

5. *Гомаа С. Ш.* Египетская дипломатия в семидесятые годы. Исследование вопроса лидерства / С. Ш. Гомаа. — Бейрут : Центр исследований арабского единства, 1988. — 212 с. = سلوى شعراوي جمعة، الدبلوماسية المصرية في عقد السبعينيات دراسة في موضوع الزعامة. — بيروت: مركز دراسات الوحدة العربية، 1988. — 212 ص.

6. *Захран Г. А.* Внешняя политика Египта 1970—1981 гг. : высылка советских специалистов / Г. А. Захран. — Каир : Библиотека Мадбули, 1987. — 404 с. = جمال علي زهران، السياسة الخارجية لمصر 1970–1981: طرد الخبراء السوفيت. — القاهرة: مكتبة مدبولي، 1987. — 404 ص.

7. *Кустов М. В.* Долг СССР в рублях, чеках, дубленках: тайные войны империи / М. В. Кустов. — Москва : Астрель, 2012. — 317 с. — ISBN 978-5-271-43831-8.

8. *Мансур М. М.* Советско-американский конфликт на Ближнем Востоке / М. М. Мансур. — Каир : Библиотека Мадбули, 1995. — 477 с. = ممدوح محمود مصطفى منصور، الصراع الأمريكي السوفيتي في الشرق الأوسط. — القاهرة: مكتبة مدبولي، 1995. — 477 ص.

9. *Нассар Н. М.* Египетско-советские отношения в 1941—1976 гг. / Н. М. Нассар. — Амман : Эль-Моатаз для публикации, 2013. — 476 с. = نواف محمود نصار، العلاقات المصرية السوفيتية 1941–1976. — عمان: دار المعتز للنشر، 2013. — 476 ص.

10. *Пестич С. С.* СССР и проблемы ближневосточного урегулирования. Вторая половина 1960-х — первая половина 1970-х годов : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / С. С. Пестич. — Москва, 2019. — 303 с.

11. *Сауди Х. А.* Американская политика в отношении арабо-израильского конфликта в 1967—1973 гг. / Х. А. Сауди. — Бейрут : Центр исследований арабского единства, 1986. — 348 с. = هالة ابو بكر سعودي، السياسة الأمريكية تجاه الصراع العربي الاسرائيلي 1967–1973. — بيروت: مركز دراسات الوحدة العربية، 1986. — 348 ص.

12. *Ульянищева Е. В.* Советское / российское направление во внешней политике Египта и Ливии во второй половине XX века : диссертация … кандидата исторических наук / Е. В. Ульянищева. — Москва, 2008. — 262 с.

13. *Фарид Ф. А.* Египетско-советские отношения в 1943—1977 годы : аналитическое и документальное исследование / Ф. А. Фарид. — Каир : Египетско-российский

фонд культуры и науки, 2019. — 492 с. = فريد أحمد فطين، العلاقات المصرية السوفيتية 1943–1977: دراسة تحليلية وثائقية. — القاهرة: المؤسسة المصرية الروسية للثقافة والعلوم، 2019. — 492 ص.

14. *Хазанов А. М.* СССР и Египет (1952—1978) : взгляд историков / А. М. Хазанов, А. Ю. Олимпиев. — Москва : Закон и право, 2022. — 177 с.

15. *Хазанов А. М.* Войны на Большом Ближнем Востоке 1960-е — 2016 / А. М. Хазанов, А. Ю. Олимпиев. — Москва : Юнити-Дана, Закон и право, 2016. — 431 с.

16. *Эль-Джабури Ю. М.* Египет и лидеры СССР от поражения к победе : исследование египетско-советских отношений в 1967—1973 гг. / Ю. М. эль-Джабури. — Амман : Издательство Гайда, 2012. — 163 с. = يوسف محمد الجبوري، مصر والسوفيت من النكسة إلى العبور: دراسة في العلاقات المصرية السوفيتية 1967–1973. – عمان: دار غيداء للنشر والتوزيع، 2012. — 163 ص.

17. *Dawisha K.* Soviet Foreign Policy towards Egypt / K. Dawisha. — New York : Macmillan Publishers, 1979. — 282 p.

18. *El-Hussini M. M.* Soviet-Egyptian Relations 1945—85 / M. M. El-Hussini. — New York : Martin's Press, 1987. — 296 p.

19. *Heikal M.* The Road to Ramadan / M. Heikal. — New York : Times Newspapers Ltd., 1975. — 308 p.

20. *Herzog C.* The Arab Israeli wars : war and peace in the Middle East / C. Herzog. — New York : Random House, 1982. — 464 p.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 29.11.2024,
подготовлена к публикации 18.12.2024.

Material resources

America officially announces the supply of 200 tanks and 18 Phantom aircraft to Israel. (1970). *Al-Ahram: [newspaper], 30622:* P. 12. (In Arabic.).

Archive of the people's Assembly of Egypt — the minutes of the meetings of the national *Assembly of the United Arab Republic. The third regular session. The Protocol of the special meeting, L. 707—18.* (In Arabic.).

El-Jamsi, M. A. (1998). *Memoirs of el-Jamsi. The October War of 1973.* Cairo: The Egyptian book of Home organization. 596 p. (In Arabic.).

Fawzi, M. (2019). *Memoirs of Colonel-General Mohamed Fawzi. Reconciliation strategy.* Cairo: Fallujah Publishing House. 390 p. (In Arabic.).

FRUS — *Foreign Relations of the United States. 1969—1976. Arab Israeli dispute, 1969—1972, 23.* (2015). Washington: Government Publishing Office. 1156 p.

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 4459. Op. 43. D. 1443. L. 127.* (In Russ.).

Kimche, D. (1991). *The Last Option: after Nasser, Arafat & Saddam Hussein. The Quest for Peace in the Middle East.* New York: Charles Scribner's Sons, Maxwell Macmillan International. 344 p.

Koryavin, L. (1971). Again "Phantoms". *Izvestia: [newspaper], 178:* P. 1. (In Russ.).

RGANI — *Russian State Archive of Modern History.* (In Russ.).

Riyad, M. (1985). *Memoirs of Mahmoud Riyad 1948—1978. The search for peace and conflict in the Middle East.* Cairo: Dar al-Mustaqbal al-Arabi. 634 p. (In Arabic.).

The President's speech at the celebration of Labor Day. (1973). *Al-Ahram: [newspaper], 21554:* P. 3. (In Arabic.).

References

Abdel Alim, A. Y. (2013). *Egyptian-Soviet relations in 1970—1981. The study of political relations.* Cairo: Supreme Council for Culture. 460 p. (In Arabic.).

Akka, N. V. (2012). *Egyptian-Soviet political relations under Sadat in 1970—1981.* PhD Diss. Baghdad. 169 p. (In Arabic.).

Dawisha, K. (1979). *Soviet Foreign Policy towards Egypt.* New York: Macmillan Publishers. 282 p.

El-Hussini, M. M. (1987). *Soviet-Egyptian Relations 1945—85.* New York: Martin's Press. 296 p.

El-Jaburi, Y. M. (2012). *Egypt and the leaders of the USSR from defeat to victory: a study of Egyptian-Soviet relations in 1967—1973.* Amman: Hyde Publishing House. 163 p. (In Arabic.).

Farid, F. A. (2019). *Egyptian-Soviet relations in 1943—1977: an analytical and documentary study.* Cairo: Egyptian-Russian Foundation for Culture and Science. 492 p. (In Arabic.).

Gali, B. B. (1971). The end of the ceasefire. In: *International politics, 24.* Cairo: Al-Ahram Foundation. 2—3. (In Arabic.).

Gomaa, S. S. (1988). *Egyptian diplomacy in the seventies. Research on the issue of leadership.* Beirut: Center for Arab Unity Studies. 212 p. (In Arabic.).

Heikal, M. (1975). *The Road to Ramadan.* New York: Times Newspapers Ltd. 308 p.

Herzog, C. (1982). *The Arab Israeli wars: war and peace in the Middle East.* New York: Random House. 464 p.

Khazanov, A. M., Olympiev, A. Y. (2022). *USSR and Egypt (1952—1978): the view of historians.* Moscow: Law and Law. 177 p. (In Russ.).

Khazanov, A. M., Olympiev, A. Y. (2016). *Wars in the Greater Middle East 1960-e — 2016.* Moscow: Unity-Dana, Law and Law. 431 p. (In Russ.).

Kustov, M. V. (2012). *Debt of the USSR in rubles, checks, sheepskin coats: secret wars of the empire.* Moscow: Astrel. 317 p. ISBN 978-5-271-43831-8. (In Russ.).

Mansour, M. M. (1995). *The Soviet-American conflict in the Middle East.* Cairo: Madbuli Library. 477 p. (In Arabic.).

Nassar, N. M. (2013). *Egyptian-Soviet relations in 1941—1976.* Amman: El-Moataz for publication. 476 p. (In Arabic.).

Pestich, S. S. (2019). *USSR and the problems of the Middle East settlement. The second half of the 1960s — the first half of the 1970s.* PhD Diss. Moscow. 303 p. (In Russ.).

Saudi, H. A. (1986). *American policy towards the Arab-Israeli conflict in 1967—1973.* Beirut: Center for the Study of Arab Unity. 348 p. (In Arabic.).

Ulyanishcheva, E. V. (2008). *The Soviet / Russian direction in the foreign policy of Egypt and Libya in the second half of the XX century.* PhD Diss. Moscow. 262 p. (In Russ.).

Vasiliev, A. (1993). *Russia in the Near and Middle East: from Messianism to pragmatism.* Moscow: Nauka, Oriental Literature. 399 p.

Zahran, G. A. (1987). *Egypt's foreign policy 1970—1981: the expulsion of Soviet specialists.* Cairo: Madbuli Library. 404 p. (In Arabic.).

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 29.11.2024;
accepted for publication 18.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Новинский Э. Э. Эволюция индийско-непальских отношений в 2014—2024 годах / Э. Э. Новинский // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 398—419. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-398-419.

Novinskii, E. E. (2024). Evolution of India-Nepal Relations from 2014 to 2024. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 398-419. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-398-419. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Эволюция индийско-непальских отношений в 2014—2024 годах

Evolution of India-Nepal Relations from 2014 to 2024

Новинский Эрнест Эрнестович
orcid.org/0000-0001-5740-7854
младший научный сотрудник,
Институт международных исследований
e.e.novinskij@my.mgimo.ru

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва, Россия)

Ernest E. Novinskii
orcid.org/0000-0001-5740-7854
Junior Research Fellow,
Institute for International Studies
e.e.novinskij@my.mgimo.ru

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

© Новинский Э. Э., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются двусторонние отношения между Индией и Непалом, имеющие особый статус. С одной стороны, Индия расценивает горное государство не только как близкого с культурно-цивилизационной точки зрения соседа, но и как слабое звено в обеспечении своей безопасности. С другой стороны, Непал пытается проводить политику балансирования, не допуская чрезмерного усиления в стране позиций ни одного из соседей. Показано, что в рассматриваемый период Индия в рамках стратегии «Соседи прежде всего» активизирует южноазиатское направление внешней политики. Отмечается, что это приводит к активному развитию политических контактов и бурному росту экономического взаимодействия. Выявлено, что частые кризисы в отношениях, применение Индией давления, антииндийская риторика ряда непальских лидеров вредят положительному восприятию двусторонних связей в обществе. Установлено, что наиболее пострадавшей стороной в результате оказываются проживающие вдоль южного участка индийско-непальской границы народности мадхеси, наиболее связанные с Индией. Подчеркивается, что особое значение для эволюции двусторонних отношений имеет китайский фактор, поскольку Китай постоянно укрепляет свои позиции в Непале (как и во всей Южной Азии). Показано, как Индия реагирует на инициативы Пекина в пригималайском государстве.

Ключевые слова:
Индия; Непал; индийско-непальские отношения; Китай; мадхеси; балансирование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the bilateral relations between India and Nepal, which hold a unique status. On one hand, India perceives the mountainous nation not only as a culturally and civilizationally close neighbor but also as a vulnerable link in its security framework. On the other hand, Nepal endeavors to pursue a policy of balancing, striving to prevent the excessive strengthening of either neighbor's influence within its borders. The study demonstrates that during the specified period, India has intensified its South Asian foreign policy under the "Neighborhood First" strategy. This has led to a significant increase in political contacts and a robust growth in economic interactions. However, it is revealed that frequent crises in relations, India's exertion of pressure, and the anti-Indian rhetoric of certain Nepali leaders have detrimental effects on the positive perception of bilateral ties within society. It is established that the Madhesi communities residing along the southern stretch of the India-Nepal border — most closely associated with India — are the most adversely affected by these dynamics. Furthermore, the article underscores the critical role of the Chinese factor in the evolution of bilateral relations, as China consistently strengthens its foothold in Nepal (and across South Asia). The analysis also illustrates how India responds to Beijing's initiatives in the Himalayan state.

Key words:
India; Nepal; India-Nepal relations; China; Madhesi; balancing.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(540)“2014/2024”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-398-419

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Эволюция индийско-непальских отношений в 2014—2024 годах

© Новинский Э. Э., 2024

1. Введение = Introduction

Цель данной статьи — проанализировать эволюцию отношений Индии и Непала после прихода в Дели к власти правительства Нарендры Моди в 2014 году. Индия после завоевания независимости заняла доминирующее положение в пригималайском регионе и во многом унаследовала британский курс. При этом китайское влияние в данном районе начинает нарастать, особенно после 2015 года, что вызывает значительное беспокойство Дели, стремящегося сгладить активность Пекина.

Создатель централизованного государства Непал в XVIII веке Притхви Нараян Шах сравнивал страну с нежным ростком ямса, пробившимся между «двумя камнями» (Индией и Китаем) [Dibya Upadesh, 1966, p. 311—315]. Непал не имеет выхода к морю, что негативно воздействует на экономику страны. Проведённый в 2000 году анализ продемонстрировал, что в период с 1960 по 1992 годы темпы роста экономик стран, не обладающих выходом к морю, были в среднем на 1,5 % ниже, чем у приморских государств [MacKellar et al., 2000, p. 9]. Такие страны ограничены в возможности диверсификации своих связей, оказываются зависимыми от инфраструктуры своих соседей и условий транзита через их территорию, что в свою очередь во многом влияет и на динамику политической подсистемы двусторонних отношений. При этом, как отмечают в своём исследовании Б. Лахири и Ф. Масджиди, чем больше у изолированного государства соседей, тем больше его поле для политического манёвра и тем сильнее его переговорные позиции [Lahiri et al., 2012, p. 518]. Получается, что положение Непала можно обозначить как крайне невыгодное. Горная страна имеет всего двух соседей, причём с одним из них (Китайской Народной Республикой) граница пролегает через труднодоступные районы Гималайских гор, а с другим (Индией) — в основном через джунгли (имеющие второе название — *терai*). К тому же индийско-непальская граница, согласно Договору 1950 года, является откры-

той. То есть сама география предопределила то, что основным партнёром Непала будет Индия.

Для исследователя, таким образом, индийско-непальские отношения представляют интерес с точки зрения изучения особенностей проведения государством политики балансирования в условиях крайне ограниченных возможностей по диверсификации внешних связей, а также особенностей поведения «сильной» стороны в условиях наличия у неё максимально широкого спектра инструментов влияния.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В России мало исследований как индийско-непальских отношений, так и внешней политики Непала. Наиболее известны монографии С. И. Лунева «Дипломатия в Южной Азии» [Лунев, 1993] и «Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия» [Лунев, 2019], в которых есть главы, посвященные индийско-непальским отношениям, его статья «Непало-индийские отношения» [Лунев, 2002]. Ещё один основопологающий труд — монография А. А. Ледкова и С. И. Лунева «История Непала. XX век», где разбирается внешняя политика горной страны [Ледков и др., 2011].

В 1950—1990-е годы проблема постоянно рассматривалась индийскими ([Bhattacharjee, 1970; Jain, 1959; Jha, 1975; Jha, 1989; Ramakant, 1976]), непальскими ([Agrawal, 1985; Das, 1986; Khanal, 1964; Khanal, 1988; Rana, 1982]) и западными исследователями ([Mihaly, 1965; Rose, 1971]). За последнюю треть века интерес к проблематике несколько ослаб, но можно выделить монографии С. Д. Муни [Muni, 2016] и Р. Рае [Rae, 2021], а также сборники статей [Continuity And Change ..., 2018; India-China-Nepal ..., 2016; Nepalese Foreign Policy ..., 2009; Nepal's Foreign Policy ..., 2016; Facets of India-Nepal ..., 2023]. Кроме того, изучением отношений Индии с соседями на современном этапе занимается индийский фонд Observer Research Foundation [Observer…], на электронном ресурсе которого представлены исследования по различным аспектам отношений Индии с Непалом как на английском языке, так и на языке хинди.

Международные отношения в пригималайском регионе, в частности внешняя политика Непала, традиционно представляющая собой пример балансирования, рассматриваются с позиций неореализма.

Выбор периода 2014—2024 годов обусловлен несколькими факторами. Во-первых, в мае 2014 года в Индии к власти приходит правительство БДП (Бхаратия джаната парти) во главе с Нарендрой Моди, которое усиливает внешнеполитическую деятельность в отношении стран-соседей. Во-вторых, в Непале с принятием Конституции 2015 года завершается переходный период после окончания гражданской войны. В-третьих, на

рассматриваемый период приходится новый рост Китая, который сопровождается более активным продвижением его интересов в Непале и, в целом, охлаждением индийско-китайских отношений.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Подходы Индии и Непала к двусторонним отношениям

Прежде всего следует рассмотреть фундаментальные подходы Индии и Непала к двусторонним отношениям. Основополагающие принципы и задачи внешней политики Индии были выработаны ещё на стадии национально-освободительной борьбы и до настоящего момента являются предметом наднационального консенсуса [Лунев, 2010, с. 189—190]. Они включали борьбу с колониализмом, последовательную поддержку национально-освободительного движения Юга и Движения Неприсоединения. Такая политика, однако, не распространялась на ближайших соседей республики — страны Южной Азии. Здесь Дели перенял подходы британских колониальных властей, выступая в роли гегемона и считая, что именно Индия должна быть основным партнёром южноазиатских государств, а сами они находятся в зоне её исключительного влияния [Chattopadhyay, 2010, p. 1252].

Такая ситуация, вкупе с культурно-цивилизационной близостью, привела к тому, что Непал всегда стоял на особом месте во внешнеполитической стратегии Индии. Базовые подходы к выстраиванию двусторонних отношений в 1950 году сформулировал Джавахарлал Неру. Они таковы: (1) Индия видит себя единственным возможным для Непала близким партнёром («...невозможно попасть в Непал, минуя Индию. А потому ни одна другая страна не может иметь столь близких отношений с Непалом, как Индия. Мы бы хотели, чтобы все остальные страны уважали близкие географические и культурные отношения, что существуют между Индией и Непалом»), (2) Безопасность северной границы Непала в Гималаях напрямую влияет на безопасность Индии («С древнейших времён Гималаи служили нам прекрасной границей… Мы не можем допустить, чтобы этот барьер был прорван»), (3) Индия вправе вмешиваться в дела Непала для обеспечения собственной безопасности («Сколько бы мы ни поддерживали независимость Непала, мы не можем допустить в Непале нестабильности… поскольку это было бы угрозой для нашей национальной безопасности») [Nehru, 1964, p. 435—437]. Более радикальную позицию занимал первый министр внутренних дел независимой Индии Валлабхаи Патель. Он призывал инкорпорировать горное королевство в состав Индии [Ледков и др., 2011, с. 150] и в письме Неру от 7 ноября 1950 года отметил, что Китай обязательно воспользуется уязвимостью границы в Гималаях [Sardar Patel's Correspondence …, 1974, p. 338].

На основе вышеуказанных базовых принципов политические круги Дели выработали в отношении Непала консенсус, который заключается в необходимости установления и поддержания в горной стране основ демократического строя, а также проиндийской внешнеполитической ориентации. Индийскому истеблишменту важно не столько нахождение у власти традиционно проиндийских сил (например, партии Непальский конгресс), сколько наличие «согласия по базовым принципам внутриполитического развития» [Лунев, 2019, с. 246]. В случае коренного расхождения интересов двух стран политики в Дели готовы применять достаточно жёсткие меры в отношении Катманду, вплоть до экономической блокады. Именно так, например, Индия поспособствовала краху «системы панчаятов» в Непале в 1989 году.

Попытку реформировать политику Индии в отношении стран Южной Азии предпринял во второй половине 1990-х годов министр иностранных дел, а затем премьер-министр И. К. Гуджрал. Его доктрина заключалась в том, что Индия готова удовлетворять интересы своих соседей, не требуя в двусторонних отношениях ответных действий по принципу взаимности. Южноазиатские страны должны, однако, решать возникающие проблемы исключительно в двустороннем формате и не позволять третьим странам использовать свою территорию для действий, направленных против государств региона. Несмотря на то, что И. К. Гуджрал пробыл на посту премьер-министра немногим меньше года, принципы его доктрины переняли последующие правительства А. Б. Ваджпаи и Манмохана Сингха [Chattopadhyay, 2010, с. 1253]. При этом большое внимание уделялось странам-соседям в расширенном понимании этого термина, и амбициозные доктрины «Смотри на запад» (Look West) и «Смотри на восток» (Look East) были направлены в первую очередь на страны Персидского залива и АСЕАН соответственно [Scott, 2009, p. 108].

Вступление в 2014 году Нарендры Моди в должность премьер-министра Индии ознаменовало очередную трансформацию политики соседства, получившую отражение в самом названии новой доктрины — «Соседи прежде всего» (Neighbourhood First). Моди стал первым индийским премьером после И. К. Гуджрала, посетившим Катманду, и этот визит в августе 2014 года был назван прессой «историческим» [Modi concludes…, 2014]. Турне индийской делегации должно было ознаменовать начало нового этапа двусторонних отношений, улучшить имидж Индии в Непале. На широкую публику было рассчитано выступление Моди перед непальскими парламентариями, транслировавшееся в прямом эфире. Благодаря широкому использованию риторических приёмов (апелляции к географии, применения созвучных, но диаметрально противоположных по значению слов) для противопоставле-

ния омрачённого гражданской войной прошлого Непала с его светлым будущим в равном партнёрстве с Индией, Моди смог донести свои идеи до всех слоёв населения горной страны [Prasad, 2016, p. 98].

Одной из базовых целей Индии всегда было ослабление позиций Китая в Непале. Дели серьезно обеспокоен тем, что Катманду присоединился к инициативам «Один пояс — один путь» (ОПОП) и Глобальной инициативе в области развития (ГИР), хотя ОПОП в Непале продвигается очень медленно. При этом Непал не присоединился к китайской инициативе в области безопасности (2022 год) из-за резкой оппозиции ей со стороны Индии и США.

Что касается внешнеполитической стратегии Непала, то принято считать, что основной её принцип был заложен ещё первым королём Притхви Нараяном Шахом. В своём наставлении «Дибья Упадеш» он указывал на важность выстраивания дружественных отношений как с императором Китая, так и «императором южного моря», то есть британцами [Dibya Upadesh, 1966, pp. 311—315]. Ни период британского контроля за внешней политикой Непала, ни конфликты с Индией во второй половине XX века не привели к отказу от этого принципа и критическому ухудшению отношений Непала с его соседями.

Важной вехой стала публикация в 2020 году первой современной внешнеполитической концепции Непала. Ей устанавливаются основы и руководящие принципы внешней политики Непала, определяются стоящие перед страной вызовы и возможности. Региональные приоритеты, а также особенности внешней политики в отношении конкретных стран документом не разбираются, и их приходится прослеживать по ежегодным отчётам Министерства иностранных дел (составляются с 16 июля прошедшего по 15 июля текущего года). В них на первое место традиционно ставится раздел об отношениях со странами-соседями, а внутри него рассматриваются сначала связи с Индией, а затем — с КНР.

Наиболее характерной чертой внешней политики Непала является постоянное лавирование — и не только между КНР и Индией, но и, например, между КНР и США. Так, непальские коммунисты и маоисты, которые считаются прокитайскими силами, не стали блокировать в парламенте принятие американского гранта на сумму в 500 миллионов долларов для содержания дорог и строительства линий электропередачи (хотя в непальской прессе появились публикации, что данный грант является частью антикитайской стратегии США), но категорически отвергли американский Проект государственного партнерства, предусматривавший сотрудничество между непальской армией и вооруженными силами штата Юта, заявив, что это — военный пакт. Интересно, что Дели, который традиционно

противостоит попыткам великих держав упрочить свои позиции в Южной Азии, доброжелательно отнесся к американским предложениям.

3.2. Вызовы двусторонним отношениям

Положительная динамика, возникшая в индийско-непальских связях после упомянутого визита Нарендры Моди и подкреплённая поддержкой, оказанной Индией после разрушительного землетрясения в апреле 2015 года (ущерб горной стране составлял до половины её ВВП (по обменному курсу), просуществовала недолго. После вступления в силу новой Конституции Непала в конце сентября 2015 года в двусторонних отношениях разразился самый серьёзный за последние десятилетия кризис, последствия которого ощущаются и по сей день.

Его генезис напрямую связан с проблемой мадхеси, этносов южных приграничных районов Непала, пришедших туда с территории Индии и до сих пор поддерживающих тесные связи по другую сторону разделительной линии. На протяжении десятилетий королевское правительство последовательно ущемляло интересы мадхеси, а потому после падения монархии они рассчитывали на удовлетворение своих базовых требований — предоставления квот в органах государственной власти, проведения административно-территориального размежевания в соответствии с составом населения, создания для мадхеси отдельной провинции. В новую Конституцию, однако ни одно из этих положений не попало [Gurung, 2015].

Протест мадхеси стали выражать в форме блокады основных транспортных артерий и пограничных переходов на границе с Индией, что вызвало перебои с поставками основных товаров, и в первую очередь топлива. Как утверждали некоторые СМИ, чтобы помочь протестующим, Индия начала против Непала «неофициальную блокаду» [Unofficial blockade, 2015], а в газете «Indian Express» появилась публикация «Индия требует от Непала внести семь поправок в Конституцию» [Roy, 2015]. В Дели все обвинения отрицали и призывали северного соседа принять срочные меры по деэскалации напряжённости, которой «можно бы было избежать, если бы необходимые шаги были предприняты вовремя» [Statement…, 2015].

В итоге правительство Непала пошло на уступки и для прекращения блокады обеспечило представителям меньшинств, в частности, пропорциональное представительство в госорганах. Но доверие к Индии среди населения, завоёванное Нарендрой Моди за первый год у власти, было подорвано [Embargo…, 2016]. Хэштег #BackoffIndia (Отстань, Индия), появившийся в социальных сетях в месяцы напряжённости, до сих пор остаётся главным антииндийским лозунгом в Непале.

Очередным вызовом для двусторонних отношений стала разразившаяся в начале 2020 года пандемия COVID-19. Впервые пересечение ин-

дийско-непальской границы, по договору 1950 года являвшейся открытой, было полностью запрещено [Nepal closes…, 2020]. Тысячи работавших и учившихся на территории Индии жителей пригималайского государства были вынуждены покинуть места проживания из-за региональных ограничений, поэтому около основных контрольно-пропускных пунктов (КПП) сложилась крайне сложная гуманитарная ситуация [Badu, 2020]. Власти Непала фактически поставили своих граждан перед выбором: нарушать закон и возвращаться домой нелегально или жить неопределённое время в палаточных городках в ожидании снятия локдауна.

В 2021 году Непал стал одним из основных получателей индийских вакцин против COVID-19 в рамках программы «Вакцинная дружба» (Vaccine Maitri). Индийская помощь позволила оперативно развернуть массовую прививочную кампанию в Непале и поспособствовала некоторому укреплению переживавших кризис двусторонних отношений (об этом ниже).

Но и здесь сторонам не удалось закрепить изначальный успех. Одновременная вспышка второй волны коронавируса в Индии и Непале весной 2021 года (в горную страну «индийский штамм» привезли посетившие религиозный фестиваль паломники) требовала скорейшей вакцинации населения, поэтому Дели ограничил поставки препарата Covishield за рубеж [Coronavirus…, 2021]. В результате из 2 млн закупленных доз до Непала дошла лишь половина, и массовая вакцинация фактически остановилась. Особенно не хватало второго компонента [Shrestha, 2021], и решить эту проблему удалось лишь к лету за счёт вакцин, поставленных из Японии и Бутана. Результатом вакцинного кризиса стало и то, что лавры основного партнёра Непала в сфере борьбы с коронавирусом перешли к Китаю, обеспечившему горную страну препаратом компании Sinopharm [Nepal receives…, 2021].

Одновременно с пандемией в Непале начинается политический кризис, вызванный нежеланием премьер-министра Кхадги Прасада Шармы Оли передавать власть соратникам по правящей Коммунистической партии[1]. В середине 2020 года, когда раскол внутри неё обозначился довольно чётко, Оли произвёл череду действий, носивших явный, даже показной антииндийский характер. Так, Катманду пошёл на эскалацию пограничного конфликта вокруг треугольника Калапани-Липулекх-Лимпиядхура, опубликовав официальную карту, впервые включавшую эти регионы в состав страны, и закрепил её официальный статус в парламенте. Также премьер возложил на южного соседа вину за ухудшение эпидемиологической обстановки в Непале [Chaudhury, 2020], а вскоре прямо обвинил

1 В 2018 году КПН (ОМЛ) объединилась с КПН (маоистской), образовав новую Коммунистическую партию Непала. Две фракции, однако, не смогли разделить руководящие посты, и в 2021 году она распалась в ходе политического кризиса.

Индию в подготовке переворота в Катманду [Bhattacherjee, 2020]. Наконец, в очередном публичном выступлении Оли назвал местом рождения Рамы (главного героя эпоса «Рамаяна») не индийскую Айодхью, а «деревню к востоку от Бирганджа» (город в тераях на границе с Индией), тем самым напрямую оскорбив правящую в Индии БДП, для которой строительство храма Рамы в Айодхье было одним из главных предвыборных обещаний.

Видимо, для урегулирования кризисной ситуации осенью 2020 года в Катманду внезапно прибыл глава индийской внешней разведки Самант Кумар Гоель [India's RAW chief, 2020]. Как сообщали СМИ, особый гость провёл беседу с премьером Непала, от которого заручился обещанием не противодействовать интересам Дели в небольшой гималайской стране [Bhattarai, 2021]. В дальнейшем градус антииндийской риторики действительно снизился.

Не исключено, что обсуждалась и внутриполитическая ситуация в Непале. Пытаясь удержаться у власти, в декабре 2020 года Оли вступил в прямую конфронтацию со своими оппонентами, досрочно распустив нижнюю палату парламента. Несмотря на то, что в Дели крайне неодобрительно относятся к нарушениям демократического процесса в Непале (за подобный шаг, например, поддержки южного соседа окончательно лишился последний король Гьянендра), на этот раз МИД Индии воздерживался от комментариев. Лишь в мае, после второй попытки Оли распустить парламент и назначить досрочные выборы, в Дели заявили, что «приняли к сведению недавние политические события в Непале» и назвали их «внутренним делом страны» [Official Spokesperson's response…, 2021].

Показательно, что в последний месяц своего премьерского срока Оли решился на союз именно с мадхеси. В поиске новых союзников внутри парламента он попытался удовлетворить требование меньшинств об упрощении получения гражданства Непала по праву почвы. По указу премьера, на него смогли претендовать такие отпрыски непальских женщин, личность отца которых не установлена (до этого дети от смешанных браков вынуждены были проходить через сложный процесс натурализации) [Kamat, 2021]. Однако единственным результатом такого альянса стал раскол представлявшей интересы мадхеси Народной социалистической партии. Внесённые Оли поправки вскоре отменил Верховный суд [Pradhan, 2021], однако примерно через год аналогичный по содержанию акт был принят в парламенте Непала. Интересно, что находившаяся в оппозиции партия экс-премьера выступила с критикой законопроекта и голосовала против него.

Урегулированием проблем двусторонних отношений пришлось заняться новому премьер-министру Шеру Бахадуру Деубе из партии «Непальский конгресс». Свой первый визит, согласно устоявшейся традиции, он

совершил в Индию. Важным публичным шагом стало посещение Деубой штаб-квартиры правящей Бхаратия Джаната парти, особенно учитывая, что традиционно ближайшим партнёром Непальского конгресса в Индии считался ИНК, находящийся в оппозиции [Poudel, 2022]. В целом, к концу 2021 года двусторонние отношения вернулись в нормальное русло.

Политическая чехарда в Непале (за последние 15 лет сменилось 14 премьер-министров) слабо воздействует на внешнеполитический курс страны, базовой чертой которого является балансирование. Происходит постоянная смена коалиций, выбираются новые партнеры, образуются новые партии, но меняется лишь степень проиндийских или прокитайских симпатий — в соответствии с тем, какую партию представляет премьер-министр, но не радикально. Лидер маоистов Пушпа Камал Дахал (Прачанда), в третий раз занявший высший руководящий пост в стране после всеобщих выборов в декабре 2022 года, также не стал отклоняться от дипломатической традиции и первый зарубежный визит в мае-июне 2023 года совершил в Индию; его итоги были охарактеризованы как «ошеломляющий успех» [Nepal PM Prachanda…, 2023]. Через три месяца Прачанда посетил уже Китай (стороны подписали 12 документов и заявили о существующем между ними «сердечном согласии») [Nepal, China sign…, 2023]. Интересно отметить, что в 2023 году первоначально он опирался на поддержку Непальского конгресса, а потом — Коммунистической партии Непала (объединенной марксистско-ленинской). В свою очередь в июле 2024 года две бывших партии-партнёра маоистов пришли к соглашению об альянсе, и после вынесения правительству Прачанды вотума недоверия на премьерский пост в очередной раз вернулся К. П. Шарма Оли [KP Sharma Oli sworn in…, 2024].

3.3. Экономический аспект двусторонних отношений

Экономические отношения Индии и Непала в рассматриваемый период развивались как никогда динамично. В 2021/22 финансвом году Непал поднялся на 11 строчку в списке крупнейших торговых партнёров Индии (в 2014 году горная страна была на 28 позиции), а товарооборот превысил 11 млрд долларов США, при этом объём непальского экспорта в Индию за прошедший финансовый год удвоился. Правда, в 2023/24 финансовом году индийско-непальская торговля упала до 7 млрд 870 млн долларов (уровень 2019/2020 финансового года), что составило 60 % внешнеторгового оборота Непала и 0,7 % Индии [Ministry of Commerce & Industry]. Основными статьями индийского импорта из Непала являются еда и текстиль; экспорта — топливо и промышленная продукция. Непальские товары за исключением алкоголя и табака в Индии таможенными пошлинами не облагаются. [India — Nepal Economic, 2018, p. 22]. Торговля Непала с третьими

странами также в основном ведётся через порты Бенгальского залива, и, несмотря на все попытки Катманду, альтернативные маршруты остаются неконкурентоспособными. Сохраняется и проблема нелегальной торговли — слабоохраняемая открытая индийско-непальская граница крайне уязвима для контрабанды.

В настоящее время Индия активно модернизирует пограничную инфраструктуру. Уже функционируют два современных интегрированных пункта пропуска — Раксаул-Биргандж на шоссе до Катманду (открыт в 2018) и между непальским Биратнагаром (центром джутовой промышленности) и индийским Джогбани (штат Бихар). Постройка третьего пункта пропуска нового формата началась в ноябре 2020 года на западе Непала близ крупного туристического центра Лумбини.

Можно констатировать, что необходимость модернизации пограничной инфраструктуры на границе в тераях назрела уже давно: старые пропускные пункты, «зажатые» внутри населённых пунктов вдоль узких дорог, не справлялись с требованиями растущего товарооборота между двумя странами [Sinha, 2021]. Интегрированные КПП вмещают более 1000 грузовиков и сокращают время прохождения таможенных процедур на 12 часов. К тому же развитие пограничной инфраструктуры является своеобразным ответом Индии на вовлечение Непала в китайские инфраструктурные инициативы (в первую очередь ЭПШП) [Xavier, 2020, pp. 10—12].

В рассматриваемый период после 20 лет простоя и политических разногласий активизируется и сотрудничество в сфере гидроэнергетики. В приоритете — разморозка и завершение реализации проектов-«долгостроев», для чего в 2017 году индийский и непальский премьеры учредили специальный механизм [Nepal, India review…, 2018]. Благодаря этому, например, к началу 2020 года удалось гарантировать финансирование для строительства крупнейшей в Южной Азии ГЭС Арун-3, затянувшегося ещё с середины 90-х годов XX века [Bhattarai et al., 2020].

Из-за желания ослабить позиции Китая в Непале с 2022 года Дели даже отказывается покупать электроэнергию непальских ГЭС, построенных с участием китайских компаний. Из-за опасений резкой ответной реакции Катманду (появились проекты создания линий электропередачи из Непала в Китай) Индия согласилась на существенное увеличение закупки энергии у Непала (при предоставлении льгот горному государства) и обсуждение вопроса о продаже Непалом электроэнергии Бангладеш, а также на строительство новых мощных ГЭС [Rae, 2023, pp. 49—51]. Эти важные подвижки были достигнуты в ходе визита премьер-министра Деубы в Индию в 2022 году. К тому же Дели увеличил квоту на закупки электричества в Непале. Вероятно, в ответ на этот шаг непальское правительство вско-

ре после визита отозвало разрешение на реализацию проекта ГЭС «Будхи Гандаки» с китайской помощью, сославшись на то, что работы по проекту не начались в установленный срок [Jha, 2022]. В июне 2023 года Индия пообещала закупать до 10 000 МВт электроэнергии в течение следующего десятилетия. Непал также выдвинул предложение Индии разрешить увеличить объем экспорта гидроэлектроэнергии в Бангладеш через индийские линии электропередачи, превысив нынешний предел в 40 МВт [Nayak et al., 2023, pp. 43—46].

В то же время Индии приходится сталкиваться с растущей конкуренцией в Непале со стороны КНР. Уже упоминавшиеся подходы к обеспечению Индией собственной безопасности на северном направлении обусловливают недоверие к любой активности Пекина в горной стране, особенно в её южных районах. Тем не менее КНР стала крупнейшим иностранным инвестором в Непале ещё в 2014 году, хотя в целом она уступает Индии (в середине 2021 года прямые инвестиции Китая в Непал составляли 33 млрд непальских рупий, а Индии — 75,8 млрд [Nayak et al., 2023]). Наиболее крупные проекты с китайской помощью реализуются в сфере инфраструктуры. Так, построенная на заре сотрудничества 115-ти километровая дорога Катманду-Кодари является одной из самых опасных автомагистралей в Непале из-за чрезвычайно крутых склонов и массовых оползней после дождей. Более того, землетрясение 2015 года привело к закрытию дороги (пограничный пункт пропуска был перенесён на другой перевал), и полноценное восстановление движения состоялось лишь в 2023 году. В настоящее время прорабатывается проект строительства трансгималайской железной дороги. В качестве ответной меры правительство Непала следит за настроениями тибетской диаспоры, обещая не допустить их открытого противодействия Китаю.

Знаковым для двусторонних отношений является активный диалог на высоком уровне. «Новую эру» партнёрства открыл визит Си Цзиньпина в Непал в октябре 2019 года. Помимо подписания двух десятков соглашений, в том числе по реализации проектов в рамках инициативы «Один пояс — один путь», Председатель КНР пообещал предоставить помощь в размере около полумиллиарда долларов на «улучшение уровня жизни непальцев» [Purohit, 2019]. Тем не менее Китай всё ещё не способен догнать Индию и составить ей сколь-либо значительную конкуренцию за статус главного торгового партнёра Непала.

4. Заключение = Conclusions

Экономико-географическое положение Непала определяет особый статус его отношений с Индией, при этом политические элиты двух стран всегда

чётко осознавали этот факт и исходили из него при выстраивании двусторонних отношений и формулировании своих внешнеполитических стратегий. Гималаи Дели считает своей естественной северной границей, а Непал — её уязвимым местом, вмешиваться в дела которого возможно для обеспечения собственной безопасности. Вне зависимости от проводимого внешнеполитического курса эти принципы остаются неизменными уже более 70 лет.

В рассматриваемый период благодаря преодолению Непалом вызванного гражданской войной политического кризиса и трансформации политики соседства Индии, инициированной новым премьер-министром Нарендрой Моди, отношения Нью-Дели и Катманду действительно получили новое дыхание. Усиливаются механизмы политического взаимодействия, после перерыва в два десятилетия восстановлена практика регулярных взаимных визитов лидеров двух стран. В экономической сфере наблюдается относительно стабильный рост товарооборота, чему способствует модернизация устаревшей пограничной инфраструктуры, возобновляется реализация старых проектов-«долгостроев», заключаются новые контракты, особенно в сфере гидроэнергетики.

В то же время в отношениях двух стран сохраняются значительные противоречия, а Индия, несмотря на заявленную трансформацию внешнеполитических подходов к странам-соседям, не отказалась от традиционных методов давления на своего соседа для продвижения своих интересов, о чём свидетельствует кризис 2015 года. Ситуация с поставкой вакцин в ходе пандемии COVID-19 также не поспособствовала улучшению образа Индии в Непале. Как итог, постоянные кризисные ситуации не позволяют «закрепить успех» достижений в политической сфере и создать устойчиво положительный образ южного соседа среди непальского населения. Вместе с этим в рассматриваемый период укреплялись связи горного государства с Китаем, который способен конкурировать с Индией всё более успешно.

Антииндийская риторика используется для продвижения своих интересов непальскими политиками даже самого высокого уровня. В критической ситуации, однако, они вновь начинают полагаться на своего южного соседа и пытаются удовлетворить его желания в обмен на помощь.

Балансирование — базовая характеристика непальского внешнеполитического курса. Непал — партнёр по диалогу в Шанхайской организации сотрудничества и претендует на статус полноценного члена, что, по-видимому, также можно считать проявлением стремления к постоянному лавированию.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Badu M.* Nepalis are swimming across the Mahakali to get home [Electronic resource] / M. Badu // Kathmandu Post. — 30.03.2020. — Access mode : https://kathmandupost.com/sudurpaschim-province/2020/03/30/nepalis-are-swimming-across-the-mahakali-to-get-home (accessed 01.10.2024).

2. *Bhattacherjee K.* Meetings in India to topple my govt., says Nepal PM K.P. Oli [Electronic resource] / K. Bhattacharjee // The Hindu. — 10.07.2020. — Access mode : https://www.thehindu.com/news/international/meetings-in-india-to-topple-my-govt-says-nepal-pm/article31938519.ece (accessed 01.10.2024).

3. *Bhattarai K. D.* As Nepal Political Crisis Prolongs, Narrative On India's Influence on Internal Matters Gains Steam [Electronic resource] / K. D. Bhattarai // The Wire. — 23.06.2021. — Access mode : https://thewire.in/diplomacy/nepal-political-crisis-india-internal-matter-oli-modi (accessed 01.10.2024).

4. *Bhattarai K. D.* Reflections on India-Nepal development projects [Electronic resource] / K. D. Bhattarai, A. K. Thakur // Observer Research Foundation. — 2020. — Access mode : https://www.orfonline.org/expert-speak/reflections-on-india-nepal-development-projects-64050/ (accessed 10.04.2024).

5. *Chaudhury D. R.* Indian coronavirus more lethal than Chinese : Nepal PM K P Sharma Oli [Electronic resource] / D. R. Chaudhury // The Economic Times. — 21.05.2020. — Access mode : https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/coronavirus-coming-from-india-more-lethal-than-those-from-china-italy-oli/articleshow/75850117.cms (accessed 01.10.2024).

6. *Coronavirus* : India temporarily halts Oxford-AstraZeneca vaccine exports [Electronic resource] // BBC. — 24.03.2021. — Access mode : https://www.bbc.com/news/world-asia-india-56513371/ (accessed 01.10.2024).

7. *Embargo* fears set off gasoline panic buying [Electronic resource] // The Kathmandu Post. — 29.03.2016. — Access mode : https://kathmandupost.com/money/2016/03/29/embargo-fears-set-off-gasoline-panic-buying (accessed 01.10.2024).

8. *Gurung S.* A Nepalese Student Explains #BackOffIndia [Electronic resource] / S. Gurung // The Quint. — 2015. — Access mode : https://www.thequint.com/news/world/a-nepalese-student-explains-backoffindia (accessed 24.07.2024).

9. *India's RAW chief* Samant Kumar Goel arrives in Nepal [Electronic resource] // MyRepublica. — 21.10.2020. — Access mode : https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/india-s-raw-chief-samant-kumar-goel-arrives-in-nepal/ (accessed 01.10.2024).

10. *Jha H. B.* Major breakthrough in Nepal–India relations : Prime Minister Sher Bahadur Deuba's visit to India [Electronic resource] / H. B. Jha // Observer Research Foundation. — 15.04.2022. — Access mode : https://www.orfonline.org/expert-speak/major-breakthrough-in-nepal-india-relations/ (accessed 01.10.2024).

11. *Kamat R. K.* President issues ordinance to amend citizenship act [Electronic resource] / R. K. Kamat // The Himalayan Times. — 24.05.2021. — Access mode : https://thehimalayantimes.com/nepal/president-issues-ordinance-to-amend-citizenship-act-5185 (accessed 01.10.2024).

12. *KP Sharma Oli sworn in* as a prime minister [Electronic resource] // The Kathmandu Post. — 15.07.2024. — Access mode : https://kathmandupost.com/national/2024/07/15/kp-sharma-oli-sworn-in-as-prime-minister (accessed 01.10.2024).

13. *Ministry of Commerce & Industry*, Department of Commerce, Government of India. [Electronic resource]. — Access mode : https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp (accessed 01.10.2024).

14. *Modi concludes* historic visit to Nepal [Electronic resource] // Times of India. — 04.08.2014. — Access mode : https://timesofindia.indiatimes.com/india/modi-concludes-historic-visit-to-nepal/articleshow/39628843.cms (accessed 01.10.2024).

15. *Nayak N. R.* Strategies and Trends : Evaluating Chinese Investments in Nepal [Electronic resource] / N. R. Nayak, P. Poudel // Asian Institute of Diplomacy and International Affairs. — 2023. — Access mode : https://www.aidiaasia.org/page/strategies-and-trends-evaluating-chinese-investments-in-nepal (accessed 10.04.2024).

16. *Nepal closes* land border with India, China [Electronic resource] // Nepali Times. — 22.03.2020. — Access mode : https://www.nepalitimes.com/latest/nepal-closes-land-border-with-india-china/ (accessed 01.10.2024).

17. *Nepal PM Prachanda* calls his 4-day visit to India 'astounding success' [Electronic resource] // The Business Standard. — 04.06.2023. — Access mode : https://www.business-standard.com/india-news/nepal-pm-prachanda-calls-his-4-day-visit-to-india-astounding-success-123060400026_1.html (accessed 01.10.2024).

18. *Nepal receives* 1.6 mln doses of China-donated COVID-19 vaccine [Electronic resource] // Xinhua. — 3.11.2021. — Access mode : http://www.news.cn/english/2021-11/03/c_1310288302.htm (accessed 01.10.2024).

19. *Nepal, China sign* 12 agreements during PM Prachanda's visit to Beijing [Electronic resource] // The Indian Express. — 25.09.2023. — Access mode : https://indianexpress.com/article/world/nepal-china-sign-12-agreements-during-pm-prachandas-visit-to-beijing-8955838/ (accessed 01.10.2024).

20. *Nepal, India review* implementation of bilateral projects [Electronic resource] // The Kathmandu Post. — 19.07.2018. — Access mode : https://kathmandupost.com/national/2018/07/19/nepal-india-review-implementation-of-bilateral-projects (accessed 01.10.2024).

21. *Observer* Research Foundation [Electronic resource]. — Access mode : https://www.orfonline.org/ (accessed 12.05.2024).

22. *Official Spokesperson's response* to media queries on recent political developments in Nepal [Electronic resource] // Foreign Ministry of India. — 26.05.2021 — Access mode : https://mea.gov.in/response-to-queries.htm?dtl/33876/Official_Spokespersons_response_to_media_queries_on_recent_political_developments_in_Nepal (accessed 01.10.2024).

23. *Poudel S. S.* Deuba's India Visit Arrests Drift in India-Nepal Relations [Electronic resource] / S. S. Poudel // The Diplomat. — 08.04.2022. — Access mode : https://thediplomat.com/2022/04/deubas-india-visit-arrests-drift-in-india-nepal-relations/ (accessed 01.10.2024).

24. *Pradhan T. R.* Supreme Court orders government not to enforce citizenship ordinance [Electronic resource] / T. R. Pradhan // Kathmandu Post. — 11.06.2021. — Access mode : https://kathmandupost.com/national/2021/06/11/supreme-court-orders-government-not-to-enforce-citizenship-ordinance (accessed 01.10.2024).

25. *Purohit K.* India watches warily as China deepens ties with Nepal [Electronic resource] / K. Purohit // DW. — 2019. — Access mode : https://www.dw.com/en/india-watches-warily-as-china-deepens-ties-with-nepal/a-50845436 (accessed 6.09.2024).

26. *Roy S.* Make seven changes to your Constitution : India tells Nepal [Electronic resource] / S. Roy // The Indian Express. — 24.09.2015. — Access mode : https://indianexpress.com/article/world/neighbours/make-seven-changes-to-your-constitution-address-madhesi-concerns-india-to-nepal/ (accessed 01.10.2024).

27. *Shrestha P.* Gap between AstraZeneca doses may be widened amid vaccine supply uncertainty [Electronic resource] / P. Shrestha // Kathmandu Post. — 23.05.2021. — Access

mode : https://kathmandupost.com/national/2021/05/23/gap-between-astrazeneca-doses-may-be-widened-amid-vaccine-supply-uncertainty (accessed 01.10.2024).

28. *Sinha R.* India's integrated check posts are boosting regional connectivity but challenges remain [Electronic resource] / R. Sinha // The Print. — 2021. — Access mode : https://theprint.in/opinion/indias-integrated-check-posts-are-boosting-regional-connectivity-but-challenges-remain/705528/ (accessed 16.05.2022).

29. *Statement* on the situation in Nepal [Electronic resource] // Foreign Ministry of India. — 21.09.2015. — Access mode : https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/25825/Statement_on_the_situation_in_Nepal (accessed 01.10.2024).

30. *Unoffical blockade* [Electronic resource] // Nepali Times. — 25.09.2015. — Access mode : http://web.archive.org/web/20230518213340/http://archive.nepalitimes.com/blogs/thebrief/2015/09/25/unofficial-blockade/ (accessed 01.10.2024).

Литература

1. *Ледков А. А.* История Непала. XX век / А. А. Ледков, С. И. Лунев. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2011. — 382 с.

2. *Лунев С. И.* Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов / С. И. Лунев // Вестник МГИМО Университета. — 2010. — № 1 (10). — С. 189—201.

3. *Лунев С. И.* Дипломатия в Южной Азии / С. И. Лунев. — Москва : Наука, 1993. — 194 с.

4. *Лунев С. И.* Непало-индийские отношения / С. И. Лунев // Непал на рубеже тысячелетий / отв. редактор А. А. Ледков. — Москва : ИВ РАН, 2002. — С. 52—60. — ISBN 5-89282-209-5.

5. *Лунев С. И.* Регионализация и интеграция : Индия и Южная Азия / С. И. Лунев. — Москва : Издательство Юрайт, 2019. — 305 с. — ISBN 978-5-534-11242-9.

6. *Bhattacharjee G. P.* India and Politics of Modern Nepal / G. P. Bhattacharjee. — Calcutta : Minerva Associates, 1970. — 244 p.

7. *Chattopadhyay P.* India's South Asian Neighbourhood : Policy and Politics / P. Chattopadhyay // The Indian Journal of Political Science. — 2010. — Vol. 71. — № 4. — Pp. 1251—1264.

8. *Continuity And Change* in India-Nepal Relation / edited by L. R. Baral. — New Delhi : Adarsh Books, 2018. — 256 p.

9. *Das R. K.* Nepal and its Neighbours. Quest for Status of a Landlocked State / R.K. Das. — Kathmandu : Konark Publishing House, 1986. — 239 p.

10. *Dibya Upadesh* (Божественное наставление) // Itihas Prakashma Sandhi Patra Sangraha. — Varanasi : Kalpana Press, 1966. — P. 1. — Pp. 311—315.

11. *Fundamentals* of Nepalese Foreign Policy / edited by G. R. Agrawal, R. Acharya, P. Pradhan. — Kathmandu : Centre for Economic Development and Administration, Tribhuvan University, 1985. — 302 p.

12. *India-China-Nepal* : Decoding Trilateralism / edited by P. Jaiswal and G. Kochhar. — New Delhi : G. B. Books, 2016. — 245 p.

13. *Jain G.* India Meets China in Nepal / G. Jain. — Bombay : Asia Pub. House, 1959. — 177 p.

14. *Jha S. K.* Unease Partners : India and Nepal in the Post-Colonial Era / S. K. Jha. — New Delhi : Manas Publications, 1975. — 344 p.

15. *Jha S. K.* Indo-Nepal Relations / S. K. Jha. — New Delhi : Archive Books, 1989. — 135 p.

16. *Khanal Y. N.* Essays in Nepal's Foreign Affairs / Y. N. Khanal. — Kathmandu : Murari Prasad Upadhyay, 1988. — 175 p.

17. *Khanal Y. N.* Reflections on Nepal — India Relations / Y. N. Khanal. — New Delhi : Author, 1964. — 96 p.

18. *Lahiri B.* Landlocked Countries : A Way to Integrate with Coastal Economies / B. Lahiri, F. K. Masjidi // Journal of Economic Integration. — 2012. — Vol. 27. —№ 4. — Pp. 505—519.

19. *MacKellar L.* Economic Development Problems of Landlocked Countries / L. MacKellar, A. Wörgötter, J. Wörz. — Vienna : Institute for Advanced Studies, 2000. — 14 p.

20. *Mihaly E.* Foreign Aid and Politics in Nepal. A Case Study / E. Mihaly. — London : Oxford University Press, 1965. — 202 p.

21. *Muni S. D.* Foreign Policy of Nepal / S. D. Muni. — New Delhi : Adroit Publishers, 2016. — 368 p.

22. *Nayak N. R.* India-Nepal Hydro-Energy Collaboration : Contemporary Challenges and Negotiations / N. R. Nayak // Facets of India-Nepal Relations. — New Delhi : NatStrat, 2023. — Pp. 43—47.

23. *Nehru J.* India's Foreign Policy Selected Speeches, September 1946 — April 1961 / J. Nehru. — New Delhi : Publications Division, Ministry of Information & Broadcasting, Government of India, 1964. — 640 p.

24. *Nepal's Foreign Policy* and Her Neighbors / edited by P. Jaiswal and G. Kochhar. — New Delhi : Smt Neelam Batra, G. B. Books, 2016. — 283 p.

25. *Nepalese Foreign Policy* at the Crossroads / edited by S. R. Pandey and P. Adhikari. — Kathmandu : Sangam Institute, 2009. — 193 p.

26. *Prasad J.* India-Nepal Relations : on the Threshold / J. Prasad // Neighbourhood First : Naivgating Ties under Modi. — edited by A. Bhatnagar and R. Passi. — London : Global Policy and Observer Research Foundation, 2016. — Pp. 96—105.

27. *Rae R.* India-Nepal Relations in the Contemporary Geopolitical Context / R. Rae // Facets of India-Nepal Relations. — New Delhi : NatStrat, 2023. — Pp. 48—53.

28. *Rae R.* Kathmandu Dilemma. Resetting India-Nepal Ties / R. Rae. — Gurugram : Penguin Random House India, 2021. — 237 p.

29. *Ramakant*. 1976. Nepal — China and India (Nepal — China Relations) / Ramakant. — New Delhi : Abhinav Publications, 1976. — 342 p.

30. *Rana R.* The Evolution of Nepal's Peace Zone Proposal / R. Rana. — Kathmandu : Weekly Mirror, 1982. — 112 p.

31. *Rose L. E.* Nepal : Strategy for Survival / L. E. Rose. — Berkeley : University of California Press, 1971. — 310 p.

32. *Sardar* Patel's Correspondence / edited by Durga Das. — Ahmedabad : Navajivan Publishing House, 1974. — Vol. 10. — 512 p.

33. *Scott D.* India's "Extended Neighborhood" Concept : Power Projection for a Rising Power / D. Scott // India Review. — 2009. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 107—143.

34. *Xavier C.* Sambandh as Strategy. India's New Approach to Regional Connectivity / C. Xavier. — New Delhi : Brookings Institution India Center, 2020. — 19 p.

Статья поступила в редакцию 07.10.2024,
одобрена после рецензирования 23.11.2024,
подготовлена к публикации 11.12.2024.

Material resources

Badu, M. (2020). Nepalis are swimming across the Mahakali to get home. *Kathmandu Post. 30.03.* Available at: https://kathmandupost.com/sudurpaschim-province/2020/03/30/nepalis-are-swimming-across-the-mahakali-to-get-home (accessed 01.10.2024).

Bhattacherjee, K. (2020). Meetings in India to topple my govt., says Nepal PM K.P. Oli. *The Hindu. 10.07.* Available at: https://www.thehindu.com/news/international/meetings-in-india-to-topple-my-govt-says-nepal-pm/article31938519.ece (accessed 01.10.2024).

Bhattarai, K. D. (2021). As Nepal Political Crisis Prolongs, Narrative On India's Influence on Internal Matters Gains Steam. *The Wire. 23.06.* Available at: https://thewire.in/diplomacy/nepal-political-crisis-india-internal-matter-oli-modi (accessed 01.10.2024).

Bhattarai, K. D., Thakur, A. K. (2020). Reflections on India-Nepal development projects. *Observer Research Foundation.* Available at: https://www.orfonline.org/expert-speak/reflections-on-india-nepal-development-projects-64050/ (accessed 10.04.2024).

Chaudhury, D. R. (2020). Indian coronavirus more lethal than Chinese: Nepal PM K P Sharma Oli. *The Economic Times. 21.05.* Available at: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/coronavirus-coming-from-india-more-lethal-than-those-from-china-italy-oli/articleshow/75850117.cms (accessed 01.10.2024).

Coronavirus: India temporarily halts Oxford-AstraZeneca vaccine exports. (2021). *BBC. 24.03.* Available at: https://www.bbc.com/news/world-asia-india-56513371/ (accessed 01.10.2024).

Embargo fears set off gasoline panic buying. (2016). *The Kathmandu Post. 29.03.* Available at: https://kathmandupost.com/money/2016/03/29/embargo-fears-set-off-gasoline-panic-buying (accessed 01.10.2024).

Gurung, S. (2015). A Nepalese Student Explains #BackOffIndia. *The Quint.* Available at: https://www.thequint.com/news/world/a-nepalese-student-explains-backoffindia (accessed 24.07.2024).

India's RAW chief Samant Kumar Goel arrives in Nepal. *MyRepublica. 21.10.* Available at: https://myrepublica.nagariknetwork.com/news/india-s-raw-chief-samant-kumar-goel-arrives-in-nepal/ (accessed 01.10.2024).

Jha, H. B. (2022). Major breakthrough in Nepal–India relations: Prime Minister Sher Bahadur Deuba's visit to India. *Observer Research Foundation. 15.04.* Available at: https://www.orfonline.org/expert-speak/major-breakthrough-in-nepal-india-relations/ (accessed 01.10.2024).

Kamat, R. K. (2021). President issues ordinance to amend citizenship act. *The Himalayan Times. 24.05.* Available at: https://thehimalayantimes.com/nepal/president-issues-ordinance-to-amend-citizenship-act-5185 (accessed 01.10.2024).

KP Sharma Oli sworn in as a prime minister. *The Kathmandu Post. 15.07.* Available at: https://kathmandupost.com/national/2024/07/15/kp-sharma-oli-sworn-in-as-prime-minister (accessed 01.10.2024).

Ministry of Commerce & Industry, Department of Commerce, Government of India. Available at: https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/iecnt.asp (accessed 01.10.2024).

Modi concludes historic visit to Nepal. (2014). *Times of India. 04.08.* Available at: https://timesofindia.indiatimes.com/india/modi-concludes-historic-visit-to-nepal/articleshow/39628843.cms (accessed 01.10.2024).

Nayak, N. R., Poudel, P. (2023). Strategies and Trends: Evaluating Chinese Investments in Nepal. *Asian Institute of Diplomacy and International Affairs.* Available at: https://

www.aidiaasia.org/page/strategies-and-trends-evaluating-chinese-investments-in-nepal (accessed 10.04.2024).

Nepal closes land border with India, China. (2020). *Nepali Times. 22.03.* Available at: https://www.nepalitimes.com/latest/nepal-closes-land-border-with-india-china/ (accessed 01.10.2024).

Nepal PM Prachanda calls his 4-day visit to India 'astounding success'. (2023). *The Business Standard. 04.06.* Available at: https://www.business-standard.com/india-news/nepal-pm-prachanda-calls-his-4-day-visit-to-india-astounding-success-123060400026_1.html (accessed 01.10.2024).

Nepal receives 1.6 mln doses of China-donated COVID-19 vaccine. (2021). *Xinhua. 3.11.* Available at: http://www.news.cn/english/2021-11/03/c_1310288302.htm (accessed 01.10.2024).

Nepal, China sign 12 agreements during PM Prachanda's visit to Beijing. (2023). *The Indian Express. 25.09.* Available at: https://indianexpress.com/article/world/nepal-china-sign-12-agreements-during-pm-prachandas-visit-to-beijing-8955838/ (accessed 01.10.2024).

Nepal, India review implementation of bilateral projects. (2018). *The Kathmandu Post. 19.07.* Available at: https://kathmandupost.com/national/2018/07/19/nepal-india-review-implementation-of-bilateral-projects (accessed 01.10.2024).

Observer Research Foundation. Available at: https://www.orfonline.org/ (accessed 12.05.2024).

Official Spokesperson's response to media queries on recent political developments in Nepal. (2021). *Foreign Ministry of India. 26.05.* Available at: https://mea.gov.in/response-to-queries.htm?dtl/33876/Official_Spokespersons_response_to_media_queries_on_recent_political_developments_in_Nepal (accessed 01.10.2024).

Poudel, S. S. (2022). Deuba's India Visit Arrests Drift in India-Nepal Relations. *The Diplomat. 08.04.* Available at: https://thediplomat.com/2022/04/deubas-india-visit-arrests-drift-in-india-nepal-relations/ (accessed 01.10.2024).

Pradhan, T. R. (2021). Supreme Court orders government not to enforce citizenship ordinance. *Kathmandu Post. 11.06.* Available at: https://kathmandupost.com/national/2021/06/11/supreme-court-orders-government-not-to-enforce-citizenship-ordinance (accessed 01.10.2024).

Purohit, K. (2019). *India watches warily as China deepens ties with Nepal. DW.* Available at: https://www.dw.com/en/india-watches-warily-as-china-deepens-ties-with-nepal/a-50845436 (accessed 6.09.2024).

Roy, S. (2015). Make seven changes to your Constitution: India tells Nepal. *The Indian Express. 24.09.* Available at: https://indianexpress.com/article/world/neighbours/make-seven-changes-to-your-constitution-address-madhesi-concerns-india-to-nepal/ (accessed 01.10.2024).

Shrestha, P. (2021). Gap between AstraZeneca doses may be widened amid vaccine supply uncertainty. *Kathmandu Post. 23.05.* Available at: https://kathmandupost.com/national/2021/05/23/gap-between-astrazeneca-doses-may-be-widened-amid-vaccine-supply-uncertainty (accessed 01.10.2024).

Sinha, R. (2021). India's integrated check posts are boosting regional connectivity but challenges remain. *The Print.* Available at: https://theprint.in/opinion/indias-integrated-check-posts-are-boosting-regional-connectivity-but-challenges-remain/705528/ (accessed 16.05.2022).

Statement on the situation in Nepal. (2015). *Foreign Ministry of India. 21.09.* Available at: https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/25825/Statement_on_the_situation_in_Nepal (accessed 01.10.2024).

Unoffical blockade. (2015). *Nepali Times.* Available at: http://web.archive.org/web/20230518213340/http://archive.nepalitimes.com/blogs/thebrief/2015/09/25/unofficial-blockade/ (accessed 01.10.2024).

References

Agrawal, G. R., Pradhan, P. (eds.). (1985). *Fundamentals of Nepalese Foreign Policy.* Kathmandu: Centre for Economic Development and Administration, Tribhuvan University. 302 p.

Baral, L. R. (ed.). (2018). *Continuity And Change in India-Nepal Relation.* New Delhi: Adarsh Books. 256 p.

Bhattacharjee, G. P. (1970). *India and Politics of Modern Nepal.* Calcutta: Minerva Associates. 244 p.

Chattopadhyay, P. (2010). India's South Asian Neighbourhood: Policy and Politics. *The Indian Journal of Political Science, 71 (4):* 1251—1264.

Das, R. K. (1986). *Nepal and its Neighbours. Quest for Status of a Landlocked State.* Kathmandu: Konark Publishing House. 239 p.

Dibya Upadesh (Divine Instruction). (1966). In: *Itihas Prakashma Sandhi Patra Sangraha, 1.* Varanasi: Kalpana Press. 311—315.

Durga Das. (ed.). (1974). *Sardar Patel's Correspondence, 10.* Ahmedabad: Navajivan Publishing House. 512 p.

Jain, G. (1959). *India Meets China in Nepal.* Bombay: Asia Pub. House. 177 p.

Jaiswal, P., Kochhar, G. (eds.). (2016). *India-China-Nepal: Decoding Trilateralism.* New Delhi: G. B. Books. 245 p.

Jaiswal, P., Kochhar, G. (eds.). (2016). *Nepal's Foreign Policy and Her Neighbors.* New Delhi: Smt Neelam Batra, G. B. Books. 283 p.

Jha, S. K. (1975). *Unease Partners: India and Nepal in the Post-Colonial Era.* New Delhi: Manas Publications. 344 p.

Jha, S. K. (1989). *Indo-Nepal Relations.* New Delhi: Archive Books. 135 p.

Khanal, Y. N. (1964). *Reflections on Nepal — India Relations.* New Delhi: Author. 96 p.

Khanal, Y. N. (1988). *Essays in Nepal's Foreign Affairs.* Kathmandu: Murari Prasad Upadhyay. 175 p.

Lahiri, B., Masjidi, F. K. (2012). Landlocked Countries: A Way to Integrate with Coastal Economies. *Journal of Economic Integration, 27 (4):* 505—519.

Ledkov, A. A., Lunev, S. I. (2011). *History of Nepal. XX century.* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 382 p. (In Russ.).

Lunev, S. I. (1993). *Diplomacy in South Asia.* Moscow: Nauka. 194 p. (In Russ.).

Lunev, S. I. (2002). Nepalese-Indian relations. In: *Nepal at the turn of the millennium.* Moscow: IV RAS. 52—60. ISBN 5-89282-209-5. (In Russ.).

Lunev, S. I. (2010). India's foreign policy and the impact of internal factors on it. *Bulletin of MGIMO University, 1 (10):* 189—201. (In Russ.).

Lunev, S. I. (2019). *Regionalization and integration: India and South Asia.* Moscow: Yurait Publishing House. 305 p. ISBN 978-5-534-11242-9. (In Russ.).

MacKellar, L., Wörgötter, A., Wörz, J. (2000). *Economic Development Problems of Landlocked Countries.* Vienna: Institute for Advanced Studies. 14 p.

Mihaly, E. (1965). *Foreign Aid and Politics in Nepal. A Case Study.* London: Oxford University Press. 202 p.

Muni, S. D. (2016). *Foreign Policy of Nepal.* New Delhi: Adroit Publishers. 368 p.

Nayak, N. R. (2023). India-Nepal Hydro-Energy Collaboration: Contemporary Challenges and Negotiations. In: *Facets of India-Nepal Relations.* New Delhi: NatStrat. 43—47.

Nehru, J. (1964). *India's Foreign Policy Selected Speeches, September 1946 — April 1961.* New Delhi: Publications Division, Ministry of Information & Broadcasting, Government of India. 640 p.

Pandey, S. R., Adhikari, P. (eds.). (2009). Nepalese Foreign Policy at the Crossroads. Kathmandu: Sangam Institute. 193 p.

Prasad, J. (2016). India-Nepal Relations: on the Threshold. In: *Neighbourhood First: Naivgating Ties under Modi.* London: Global Policy and Observer Research Foundation. 96—105.

Rae, R. (2021). Kathmandu Dilemma. Resetting India-Nepal Ties. Gurugram: Penguin Random House India. 237 p.

Rae, R. (2023). India-Nepal Relations in the Contemporary Geopolitical Context. In: *Facets of India-Nepal Relations.* New Delhi: NatStrat. 48—53.

Ramakant. (1976). *Nepal — China and India (Nepal — China Relations).* New Delhi: Abhinav Publications. 342 p.

Rana, R. (1982). *The Evolution of Nepal's Peace Zone Proposal.* Kathmandu: Weekly Mirror. 112 p.

Rose, L. E. (1971). *Nepal: Strategy for Survival.* Berkeley: University of California Press. 310 p.

Scott, D. (2009). India's "Extended Neighborhood" Concept: Power Projection for a Rising Power. *India Review, 8 (2):* 107—143.

Xavier, C. (2020). *Sambandh as Strategy. India's New Approach to Regional Connectivity.* New Delhi: Brookings Institution India Center. 19 p.

The article was submitted 07.10.2024;
approved after reviewing 23.11.2024;
accepted for publication 11.12.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Пинаева Д. А. Материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятиях СССР в 1960—1980-е годы / Д. А. Пинаева, Э. Р. Салахутдинова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 420—444. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-420-444.

Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. (2024). Material Incentives for Innovation and Rationalization in Soviet Enterprises during 1960s to 1980s. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 420-444. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-420-444. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятиях СССР в 1960—1980-е годы

Пинаева Дарья Алексеевна
orcid.org/0000-0001-9428-2050
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и права
корреспондирующий автор
dashkevna1@mail.ru

Салахутдинова Эльвира Ринатовна
orcid.org/ 0009-0001-4859-9900
старший преподаватель кафедры
бухгалтерского учета и аудита
salakhutdinovaer@mail.ru

Казанский государственный
аграрный университет
(Казань, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-00697

Material Incentives for Innovation and Rationalization in Soviet Enterprises during 1960s to 1980s

Darya A. Pinaeva
orcid.org/0000-0001-9428-2050
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and Law
corresponding author
dashkevna1@mail.ru

Elvira R. Salakhutdinova
orcid.org/0000-0001-4859-9900
Senior Lecturer, Department
of Accounting and Auditing
salakhutdinovaer@mail.ru

Kazan State
Agricultural University
(Kazan, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00697

© Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам финансирования новаторской активности в СССР во второй половине XX века. Утверждается, что эффективный механизм материального стимулирования новаторства так и не был создан в СССР. Показано, что средства, выделяемые на развитие изобретательства и рационализации расходовались неэффективно как министерствами и ведомствами, так и общественными организациями. В условиях плановой экономики оптимальный баланс интересов сторон в процессе их отношений при создании и использовании изобретений был практически недостижим. На конкретных примерах и данных статистической отчетности показано, что новаторы постепенно перенаправляли свои усилия с разработки и внедрения крупных изобретений и рационализаторских предложений на мелкие усовершенствования, которые без особого труда внедрялись на предприятиях, отражались в статистической отчетности, и за которые полагалось небольшое, но стабильное вознаграждение. Выявлено, что призванные способствовать скорейшему созданию и распространению новшеств выплаты за содействие изобретательству и рационализации превратились в произвольные выплаты руководящим работникам и сотрудникам администраций предприятий, которые зачастую никакого отношения к создаваемым новшествам не имели. Сделан вывод, что механизм финансирования новаторской активности, действовавший в СССР, не способствовал созданию устойчивой мотивации для эффективной изобретательской и рационализаторской деятельности.

Ключевые слова:
материальное стимулирование изобретательства; финансирование изобретательства; изобретательство и рационализация в СССР.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article addresses the issues of funding innovative activities in the USSR during the second half of the 20th century. It argues that an effective mechanism for material incentives for innovation was never established in the Soviet Union. The study demonstrates that the resources allocated for the development of invention and rationalization were used ineffectively by both ministries and agencies, as well as by public organizations. In the context of a planned economy, achieving an optimal balance of interests among stakeholders in the process of creating and utilizing inventions was virtually unattainable. Through specific examples and statistical data, it is shown that innovators gradually shifted their efforts from developing and implementing major inventions and rationalization proposals to minor improvements that could be easily adopted by enterprises, reflected in statistical reports, and for which they received modest but stable rewards. It was found that payments intended to expedite the creation and dissemination of innovations became arbitrary disbursements to managerial staff and administrative employees, who often had no direct involvement with the innovations produced. The conclusion drawn is that the funding mechanism for innovative activity in the USSR did not foster a sustainable motivation for effective inventive and rationalization efforts.

Key words:
material incentives for innovation; funding of invention; invention and rationalization in the USSR.

OPEN ACCESS
[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47).084.9
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-420-444

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятиях СССР в 1960—1980-е годы

© Пинаева Д. А., Салахутдинова Э. Р., 2024

1. Введение = Introduction

Инновационная деятельность представляет собой сложный процесс взаимодействия и балансировки интересов творцов, создающих интеллектуальный продукт, предпринимателей, осуществляющих коммерческую эксплуатацию, государства, создающего условия для инновационной деятельности [Дозорцев, 2005, с. 52—111]. Практика постсоветского периода показала, что переход к рынку сам по себе не создает стимулов для инновационного развития, бурного роста технических инноваций. Для реализации интеллектуального продукта недостаточно одного лишь технического решения, необходимо доведение его до стадии практического использования и коммерциализации. Поэтому необходимы меры стимулирования как непосредственных создателей интеллектуального продукта, так и предприятий, на которых используется этот продукт, а также лиц, способствующих доведению технического решения до стадии практического использования [Бромберг и др., 2000, с. 112].

На сегодняшний день крайне остро стоит вопрос о выработке путей повышения творческой активности работников. Для выработки эффективных механизмов важно знать, какие социально-экономические факторы способствуют активизации творческого потенциала, а какие не выражают общественные интересы и не стимулируют повышение эффективности производственной деятельности. При этом обращение к советскому опыту может быть интересным хотя бы ввиду изучения колоссального опыта реализации различных механизмов стимулирования творческой активности работников. В СССР развитие изобретательства и рационализации было важной государственной задачей, реализация которой должна была демонстрировать превосходство социалистического строя. При этом в исследуемый период как нельзя лучше проявились противоречия между декларациями и реальным положением дела.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В литературе советского периода вопросам морального и материального стимулирования новаторов производства уделялось большое внимание. Ряд исследований посвящен вопросам применения нормативных актов в сфере изобретательства, даны оценки и предложения по планированию изобретательской деятельности, выплате вознаграждения лицам, участвующим в создании новшеств [Алатырев, 1974; Торкановский, 1968]. Активно данные вопросы освещались и на страницах журнала «Вопросы изобретательства» — печатного органа Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий [Диденко, 1984; Лынник, 1989]. В журнале в дискуссионном ключе дана оценка эффективности различных форм и методов стимулирования изобретательства и рационализации, приведено сравнение с зарубежными практиками. Надо отметить, что идеологический монизм не позволял советским исследователям выйти за рамки существовавшей доктрины, что приводило к невозможности исследования внутренних, системных проблем.

В постсоветский период усилия исследователей были направлены на анализ российского законодательства в сфере интеллектуальной деятельности, выявление имеющихся противоречий, негативно сказывающихся на количестве и качестве заявок на результаты интеллектуальной деятельности [Проблемы материального…, 2007; Игнатушина, 2015]. Не обошли исследователи стороной проблему материального стимулирования лиц, содействующих созданию результата интеллектуальной деятельности [Останина, 2020]. В современных исследованиях на основе изучения зарубежных практик констатируется, что стимулирование изобретательской и рационализаторской деятельности в России должно способствовать переходу экономики страны к инновационному типу развития [Мичурина и др., 2021]. В целом, необходимо отметить, что стимулирование изобретательства в современной России регулируется нормативной и методической базой, частично разработанной в СССР. Изучение советского опыта может быть полезным как в качестве реактуализации практик, направленных на повышение социального статуса изобретателя и рационализатора, так и в плане отказа от неэффективных форм и методов поддержки инновационной активности.

Источниками для написания работы послужили нормативные акты и методические материалы по вопросам изобретательства и рационализации в СССР. В частности, в 1981—1982 годах был издан трехтомник «Законодательство СССР по изобретательству», в котором собраны важнейшие документы по исследуемой теме. Из неопубликованных источников первостепенное значение при написании работы имели материалы фонда Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий (ф. 373

Российского государственного архива экономики), а также документы из фонда Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ф. 7752 Государственного архива Российской Федерации). Данные фонды содержат статистические данные по выплатам вознаграждений авторам изобретений и рационализаторских предложений, материалы проверок правильности выплат авторам и расходования средств, выделенных на развитие изобретательства и рационализации, замечания и предложения по совершенствованию системы материального и морального стимулирования творческой активности и пр.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Источники финансирования изобретательства и рационализации на предприятиях

Финансирование изобретательства и рационализации в СССР в 1960—1980 годы осуществлялось за счет государственных ассигнований, средств на изобретательство и рационализацию, предусмотренных в сметах предприятий, а также за счет средств Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Перечисленные источники имели разный удельный вес в общем объеме финансирования изобретательства и рационализации. Отметим, что до конца 1960-х годов большинство промышленных предприятий не получали средств на рационализаторство и изобретательство. Полное отсутствие или незначительное финансирование со стороны государства в середине 1950—1960-х годов объяснялось тем, что министерства и ведомства использовали выделенные на рационализацию и изобретательство средства неэффективно. Так, на первой областной конференции ВОИР Томской области отмечалось, что в 1958 году Томскому совнархозу было выделено больше 2 млн рублей на развитие изобретательства и рационализации, однако за первое полугодие было израсходовано только около 700 тысяч рублей [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 98, л. 120]. Выступивший на той же конференции работник комбината «Томлес» Грехнев отмечал, что из выделенных комбинату 51 тысячи рублей к 1 августа 1958 года было израсходовано всего 8800 рублей (17 %) [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 98, л. 132—133]. В других регионах дело обстояло не лучше: из 120 тысяч рублей, выделенных предприятиям Чувашской АССР в 1958 году, на проведение конкурса по тематическим планам и другие организационные мероприятия было израсходовано 90 тысяч рублей. На разработку и внедрение изобретений, имеющих народнохозяйственное или отраслевое значение, выделенные средства не использовались [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 228, л. 27]. В целом по стране в 1958 году ни одна республика, ни один совнархоз не использовали на 100 % госбюджетные

ассигнования на изобретательство и рационализаторство [Алексеев, 1983, с. 136].

Однако необходимость стимулирования создания высокоэффективной новой техники, основанной на изобретениях, а также задачи ускоренного внедрения привели к пересмотру системы финансирования. Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике в середине 1960-х годов организовал разработку научно-технического прогнозирования по 60 важнейшим проблемам развития народного хозяйства, включая проблемы планирования высокоэффективных изобретений. В 1969 году Комитет выделил из своего резерва министерствам, ведомствам и советам министров союзных республик дополнительные ассигнования на проведение научно-исследовательских работ. Более 70 % этих средств направлялись на ускорение внедрения крупных разработок и новейших технических достижений. Был установлен и новый порядок финансирования научно-технических, опытно-конструкторских и технологических работ, стимулирующий освоение новой техники. Средства на эти работы с 1 января 1969 года выделялись из единого фонда развития науки и техники, образуемого из отчислений в размере 13 % годовой плановой прибыли, получаемой в отрасли. Таким образом, предприятия стали регулярно получать ассигнования на создание и внедрение новой техники [Алексеев, 1983, с. 169]. Однако суммы, доходившие до предприятий в рамках бюджетного ассигнования, были в разы меньше, чем предусматривалось самими предприятиями на развитие изобретательства и рационализаторства. Так, в 1977 году Чебоксарский электроаппаратный завод (ЧЭАЗ) получил из государственного бюджета на изобретательство и рационализаторство 1,4 тысячи руб. По смете самого предприятия на эти цели предусматривалось 60,0 тысяч руб. В то же время Курское ПО «Электроавтомат», выпускавшее аналогичную с ЧЭАЗ продукцию, в 1977 году средств из государственного бюджета на изобретательство и рационализаторство не получало [Тимофеев, 1999, с. 57—58]. При этом продолжала оставаться актуальной проблема недоиспользования выделенных денежных средств министерствами и ведомствами. Так, в 1978 году Министерство пищевой промышленности РСФСР из 115,9 тысяч рублей, предусмотренных на развитие изобретательства и рационализации, израсходовало всего 43,9 тысячи (37,8 %) [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 3, д. 428, л. 3,4].

Главным источником финансирования новаторства были выделенные на эти цели средства предприятий на работы по внутризаводским темам. Затраты должны были оплачиваться по сметам из фондов на изобретательство и рационализацию, которые являлись частью годовых промфинпланов. Размер фонда составлял процент от экономического эффекта, полученного от внедрения новшеств, определенный управлениями или мини-

стерствами. Отсутствие самостоятельности предприятий в определении размеров фонда тормозило разработку и внедрение высокоэффективных изобретений, требующих крупных финансовых вложений. Так, например, разработка и выпуск цифрового преобразователя на Чебоксарском заводе электроизмерительных приборов могла принести экономический эффект в несколько миллионов рублей. Однако работы оказалось под угрозой срыва из-за нехватки средств, возникшей в результате установленного в 1965 году предельного размера отчислений на рационализацию и изобретательство в размере 25 % [Тимофеев, 1999, с. 59].

Вместе с тем систематическое нецелевое расходование и, как следствие, недофинансирование изобретательской и рационализаторской деятельности приобрели характер укоренившихся практик. Так, на Поволжском фанерном заводе (Татарская АССР) в 1950—1960-е годы сметы затрат на рационализацию вообще не составлялись, а выделенные на эти цели средства недорасходовались в целях «удешевления» себестоимости продукции [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 2, д. 38, л. 21]. В целом, по СССР ежегодно почти третья часть средств, предусмотренных на развитие изобретательства и рационализаторства, расходовалась на иные цели [Романов, 1988, с. 50].

Еще одним источником финансирования изобретательства и рационализации на предприятиях были средства общественных организаций, главным образом ВОИР [Пинаева, 2023]. В конце 1950-х — начале 1960-х годов все предприятия должны были отчислять ВОИР 0,5 % от суммы экономии, полученной от внедрения в течение года изобретений и рационализаторских предложений. С 1 января 1963 года отчисления производились в размере 0,3 % [О финансировании…, 1982, с. 92]. Однако ВОИР также было не в состоянии правильно распорядиться средствами. Так, Татарский областной совет ВОИР в отчете за 1969 год указал, что из 73 тысяч рублей, полученных от предприятий и организаций, было использовано только 62,5 тысячи рублей (85 %). Недоиспользованные средства в основном предназначались на проведение выставок и смотров [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 3, д. 136, л. 37].

Проверки деятельности первичных организаций ВОИР показывали примерно такую же картину. Так, 21 мая 1963 года была проведена проверка работы БРИЗа и Совета ВОИР на Казанском механическом заводе. В результате проверки было установлено, что экономия от внедрения изобретении и рационализаторских предложений в 1962 году составила 80 тысяч рублей, соответственно, 400 рублей были перечислены на финансирование ВОИР. Еще 58,7 рублей были собраны в качестве членских взносов. Из этих средств в 1962 году было израсходовано на премирование актива 25 рублей и на оформление доски рационализатора 7 рублей 90 ко-

пеек. То есть даже такие незначительные средства, как доходы от членских взносов, использовались не более чем на 60 %. Из 190 рублей, утвержденных Областным Советом ВОИР на оказание консультационной и технической помощи изобретателям и рационализаторам завода, фактически было израсходовано в 1962 году 77 рублей (41 %) [ГА РТ, ф. Р-1677, оп. 2, д. 128, л. 158, 159]. В целом, на протяжении всего исследуемого периода первичные организации ВОИР в нарушение постановления Центрального Совета ВОИР о преимущественном направлении средств на организацию творческой работы и повышение технических знаний изобретателей и рационализаторов большую часть средств расходовали на премирование актива и различные хозяйственные нужды.

Таблица 1

Затраты и экономия от изобретательства и рационализации в 1970—1980-е годы

Год	Экономия от внедрения предложений, млн руб. (с 1981 г., млрд руб.)	Затраты на изобретательство и рационализацию, млн руб.	Условная прибыль на один рубль затрат, руб.
1971	3237	247	13
1972	3411	261	13
1973	3778	286	13
1974	4391	291	15
1975	4805	319	15
1976	4910	331	15
1977	5296	332	16
1978	5878	352	17
1979	6264	359	17
1980	6891	379	18
1981	6,9	392	18
1982	7,0	395	18
1985	7,7	394	20
1986	8,1	411	20
1987	8,4	431	19
1988	8,5	398	21
1989	8,0	325	25

Источники: [Народное хозяйство СССР в 1973 году, 1974, с. 184; Народное хозяйство СССР в 1975 году, 1976, с. 170; Народное хозяйство СССР в 1979 году, 1980, с. 111; Народное хозяйство СССР в 1980 году, 1981, с. 99; Народное хозяйство СССР в 1982 году, 1983, с. 91; Народное хозяйство СССР в 1988 году, 1989, с. 282, 283; Изобретательство в СССР…, 1990, с. 9, 118—119, 146—147; РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 1332, л. 87; д. 4431, л. 3 об.; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3546, л. 3, 4, 30].

Несмотря на внешне благополучное состояние с ростом эффективности затрат на изобретательство и рационализацию (в 1971 году в СССР каждый затраченный на рационализацию и изобретательство рубль принес прибыль в 13 руб., в 1985 году — 20 рублей, а в 1989 году — 25 рублей), отдача от изобретений, которые являются основой новой техники, росла незначительно. Данные статистики показывают, что затраты на изобретательство и рационализацию ежегодно увеличивались, однако с начала 1980-х годов средний размер экономии от одного внедренного изобретения начал снижаться (табл. 4). Количество использованных высокоэффективных изобретений с экономическим эффектом 100 тысяч рублей и более в 1990 году составило 2190 (11 %), из них 129 (0,7 %) изобретений давали годовой экономический эффект свыше 1 млн рублей. При этом доля экономического эффекта от использования высокоэффективных изобретений в общем экономическом эффекте составила 85,4 % [Промышленная собственность…, 1991, с. 32—33].

Противоположную тенденцию показывало внедрение рационализаторских предложений, отдача от внедрения каждого из которых с 1971 по 1989 годы выросла более чем в два раза (табл. 4). Данная ситуация говорила о том, что фактически массовое изобретательство и рационализация были направлены не на создание принципиально новых решений, высокотехнологичного оборудования и процессов, а на продление срока функционирования уже существующего оборудования, зачастую морально устаревшего.

3.2. Материальное стимулирование изобретателей и рационализаторов

Одним из важных факторов, влияющим на новаторскую активность, является система выплаты вознаграждений, которая должна стимулировать авторов на создание высокоэффективных изобретений и рационализаторских предложений.

Размер вознаграждения в СССР регулировался инструкциями, утвержденными в министерствах на основе общих принципов, изложенных в Положениях об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденных Советом Министров СССР в 1959 году, а позднее в 1973 году [Положение об открытиях …, б. г., с. 178—206; Положение об открытиях …, 1981, с. 19—70]. Размер вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения устанавливался в виде процента от суммы годовой экономии, к которому добавлялась фиксированная выплата. Для изобретений в 1959 году минимальный размер вознаграждения составлял 200 рублей (20 рублей после денежной реформы 1961 года), а максимальный — 200 000 рублей (20 000 с 1961 года). Для рационализаторского предложения минимальный размер вознаграждения устанавливался

в 100 (с 1961 года в 10) рублей, максимальный — в 50 000 (затем в 5000) руб. Размер вознаграждения за предложения, внедрение которых не давало экономии, но улучшало качество продукции, условия труда, технику безопасности и т. д., устанавливался руководителем предприятия, внедрившим это предложение, в соответствии с действительной ценностью предложения, но в пределах размера вознаграждения за предложения, по которым был возможен подсчет экономии.

Таблица 2

Размер вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения согласно Положению от 24 апреля 1959 года

Сумма годовой экономии, руб.	**Вознаграждение за изобретения**	**Вознаграждение за рационализаторские предложения**
До 1000	25 % экономии, но не менее 200 рублей	13,75 % экономии, но не менее 100 рублей
От 1000 до 5000	15 % +100 рублей	7 %+100 рублей
От 5000 до 10000	12 %+250 рублей	5 %+200 рублей
От 10000 до 50000	10 %+450 рублей	2,75 %+450 рублей
От 50000 до 100000	6 %+2500 рублей	2 %+850 рублей
От 100000 до 250000	5 %+3500 рублей	1,75 %+1100 рублей
От 250000 до 500000	4 %+6000 рублей	1,25+2350 рублей
От 500000 до 1000000	3 %+11000 рублей	1 %+3600 рублей
От 1000000 и выше	2 %+21000 рублей, но не более 200000 рублей	0,5 %+8600 рублей, но не более 50000 рублей

Источник: [Положение об открытиях…, б. г., с. 202]

Положение 1973 года несколько изменило ситуацию. С 1974 года вместо шкалы поощрений изобретателей стала применяться постоянная ставка. Согласно п. 113 положения вознаграждение за использование изобретений, создающих экономию, выплачивалось автору (соавторам) в течение 5 лет с начала использования изобретения независимо от даты выдачи авторского свидетельства в размере 2 % экономии, полученной в каждом календарном году использования. Единовременное вознаграждение получали и авторы изобретений, не создающих экономии. Размер вознаграждения зависел от действительной ценности изобретения с учетом технического или иного положительного эффекта, создаваемого изобретением [Положение об открытиях…, 1981, с. 56—57]. Максимально возможный размер вознаграждения был ограничен 20 000 рублей. При этом вознаграждение авторам стали выплачивать не в начале внедрения, а по истечении одного года использования.

Вознаграждение авторов рационализаторских предложений также претерпело некоторые изменения (табл. 3)

Таблица 3

Размер вознаграждения за рационализаторские предложения согласно Положению от 21 августа 1973 года

Сумма годовой экономии, руб.	**Вознаграждение за рационализаторское предложение**
До 100	17 % экономии, но не менее 10 рублей
От 100 до 500	7 %+10 рублей
От 500 до 1000	5 %+20 рублей
От 1000 до 5000	3 %+40 рублей
От 5000 до 50000	2 %+90 рублей
От 50000 до 100000	1 %+590 рублей
От 100000 и выше	0,5 %+1090 рублей, но не более 5000 рублей

Источник: [Положение об открытиях…, 1981, с. 59].

В целом, новая система поощрения изобретателей и рационализаторов привела к росту выплаты авторского вознаграждения, и это, безусловно, можно рассматривать как положительное последствие нововведения. Так, средний размер выплаты на одно рационализаторское предложение с 1971 по 1989 годы увеличился с 43 до 57 рублей (на 33 %), выплаты за изобретения увеличились за тот же период в два раза (табл. 4).

Однако в установленных нормативах выплаты вознаграждения новаторам производства можно отметить и несколько проблемных моментов. Так, если посмотреть на шкалу выплат вознаграждения за рационализаторское предложение с небольшим экономическим эффектом (до 500 рублей), то можно отметить, что именно по таким предложениям выплачивалось наибольшее вознаграждение по отношению к величине экономического эффекта (табл. 5). Иными словами, закреплялась ситуация, при которой при меньшем росте экономического эффекта наблюдается более значительный прирост вознаграждения, что не стимулирует новаторов в приросте эффекта. Так, например, за каждые 100 рублей экономического эффекта от внедрения рационализаторского предложения с эффективностью до 500 рублей рационализатор получал от 10 до 17 рублей вознаграждения. А за каждые 100 рублей экономического эффекта за предложение с эффективностью от 1000 до 5000 рублей уже только от 7 до 3,8 рублей. То есть такая система стимулировала рационализаторов активно внедрять мелкие усовершенствования и получать 10—45 рублей за каждое, а не серьезно думать над решением технической задачи, которая могла бы дать более

CC BY

Таблица 4

Средние размеры экономии и выплаты вознаграждений изобретателям и рационализаторам в 1971—1989 годах

год	Средний размер экономии на одно рацпредложение, руб.	Средний размер выплаты вознаграждения на одно рацпредложение, руб.	Средний размер экономии на одно изобретение, тыс. руб.	Средний размер выплаты вознаграждения на одно впервые использованное изобретение, руб.
1971	1534	43	31,0	1318
1972	1558	44	28,7	1147
1973	1619	46	30,5	1340
1974	1677	45	53,7	1488
1975	1731	46	45,5	1143
1976	1762	47	45,4	1135
1977	1780	46	52,3	1134
1978	1805	48	59,2	1315
1979	1856	46	55,3	1337
1980	1930	49	59,5	1450
1981	1946	51	54,3	1668
1982	1989	51	52,7	1721
1985	2119	50	51,1	1496
1986	2182	53	50,0	1761
1987	2376	54	49,6	2096
1988	2757	58	48,9	2434
1989	3715	57	49,5	2672

Источники: [Изобретательство в СССР…, 1990, с. 118—119, 146—147; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3546, л. 3, 4; д. 3596, л. 2, 2 об.; д. 3802, л. 1, 1 об.]

Таблица 5

Шкала вознаграждения за рационализаторское предложение в абсолютных и относительных величинах по Положению 1973 года

Сумма годовой экономии, руб.	Минимальное и максимальное вознаграждение, руб.	Минимальное и максимальное вознаграждение на 100 рублей эффекта, руб.
До 100	10—17	10—17
От 100 до 500	17—45	17—9
От 500 до 1000	45—70	9—7
От 1000 до 5000	70—190	7—3,8
От 5000 до 50000	190—1090	3,8—2,18
От 50000 до 100000	1090—1590	2,18—1,59

Рассчитано по: [Положение об открытиях…, 1981, с. 59].

значительный экономический эффект. Таким образом, стимулировалось количественное, а не качественное развитие новаторства.

Приведенные выводы подтверждались проверками Комитета по делам изобретений и открытий, которые показывали, что часть внедряемых на предприятиях предложений оказывались убыточными из-за незначительного эффекта, который не перекрывался произведенными затратами на внедрение и выплату поощрений. На расширенном заседании коллегии Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий, состоявшемся в октябре 1978 года, первый заместитель Председателя Госкомитета И. С. Наяшков возмущался: «О какой эффективности может идти речь, если, например, Воронежский шинный завод внедрил предложение “Способ обнаружения короткозамкнутых витков в катушке с магнитопроводом”, давшее экономический эффект 5 рублей в год» [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 3835, л. 19]. В целом, количество предложений, дающих экономию до 1 тысячи рублей, доходило до 70 %.

Если говорить об изобретениях, то система выплаты вознаграждений по фиксированной ставке в размере 2 % ежегодно получаемой суммы годового экономического эффекта в течение 5 лет, безусловно, должна была способствовать повышению заинтересованности новаторов в разработке и внедрении крупных изобретений. Однако недостатком данной системы можно считать то, что в пересчете на 100 рублей эффекта вознаграждение изобретателей было в три раза ниже выплат вознаграждения рационализаторам (табл. 6). Данный факт шел вразрез с идеей стимулирования создания и внедрения новой техники, основанной на высокоэффективных изобретениях.

Кроме того, данные таблицы 4 по изобретательству показывают отсутствие зависимости выплаты вознаграждения авторам по годам от роста экономического эффекта. Так, например, в 1978 году средняя эффективность одного изобретения составляла 59,2 тысячи рублей, выплаты вознаграждения на одно изобретение составили 1315 рублей, а в следующем году при падении средней эффективности изобретения до 55,3 тысяч рублей выплаты авторам возросли до 1337 руб.

Анализ данных таблицы 6 также подтверждает этот вывод. Так, в 1988 году экономический эффект от использования изобретений снизился, а сумма вознаграждений авторам, наоборот, возросла. Такое положение объясняется тем, что по многим изобретениям выплата авторского вознаграждения задерживалась, чаще всего, по причине несвоевременного расчета экономического эффекта. В таких случаях авторы получали вознаграждение не за один год использования, а за несколько или сразу за все пять лет. Так, например, изобретение «Холодильник-концентратор барабанного

Таблица 6

Экономический эффект и вознаграждение изобретателям и рационализаторам в СССР в 1980-е годы (в абсолютных показателях и на 100 рублей экономического эффекта)

Показатели	1980	1985	1986	1987	1988	1989
Экономический эффект от использования рационализаторских предложений, млн руб.	4410,1	4503,5	4508,0	4613,3	4702,9	4311,6
Общая сумма вознаграждения авторам рационализаторских предложений, млн руб.	192,51	203,2	210,6	207,5	196,2	153,0
Сумма вознаграждения рационализаторам на 100 рублей эффекта, руб.	4,3	4,5	4,7	4,5	4,2	3,5
Экономический эффект от использования изобретений, млн руб.	2481,2	3230,3	3616,2	3829,5	3750,4	3672,1
Общая сумма вознаграждения авторам изобретений, млн. руб.	34,9	37,5	40,4	48,1	54,2	47,3
Сумма вознаграждения изобретателям на 100 рублей эффекта, руб.	1,4	1,2	1,1	1,3	1,4	1,3

Источники: [Изобретательство в СССР…, 1990, с. 9, 118—119, 146—147; ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3596, л. 2, 2 об.; д. 3802, л. 1, 1 об.].

типа» было внедрено Новомосковским производственным объединением «Азот» Минхимпрома в 1960 году, Уральским заводом химического машиностроения Минхиммаша — в 1962 году, и только в 1977 году, то есть через 15—17 лет, эти предприятия отразили факт использования изобретения в государственной статистической отчетности — основополагающем документе при расчетах с авторами [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 3835, л. 32].

Как отмечал в докладе расширенного заседания коллегии Государственного комитета по делам изобретений и открытий 18 октября 1978 года первый заместитель Председателя Госкомизобретений И. С. Наяшков, «по сведениям подавляющего большинства головных научно-исследовательских институтов Минэнерго СССР в их практике не было случая, когда экономия и авторское вознаграждение за внедренные изобретения были подсчитаны и выплачены предприятиями в установленный срок» [РГАЭ,

ф. 373, оп. 1, д. 3835, л. 33]. Отчасти виной такому положению дел была идеологическая установка, согласно которой советские изобретатели и рационализаторы прилагают интеллектуальные усилия не для улучшения своего материального положения, а из чувства советского патриотизма [Повышать роль…, 1984, с. 2—4].

В начале 1980-х годов ВОИР (областные советы ВОИР) регулярно проводили проверки правильности выплаты авторского вознаграждения изобретателям по их многочисленным жалобам [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3799, л. 1].

С целью решить проблему несвоевременной выплаты вознаграждений Государственный комитет СССР по делам изобретений и открытий проводил с 1975 года эксперимент по централизованной выплате вознаграждения за изобретения, впервые использованные после 1 января 1974 года на предприятиях, в организациях и учреждениях, расположенных в Латвийской ССР, Горьковской и Свердловской областях. Для осуществления этой работы в системе Госкомизобретений было создано Управление по охране прав изобретателей и централизованной выплате вознаграждений (УЦВВ). Проводимый эксперимент выявил некоторые преимущества централизованной выплаты вознаграждения: при централизованной выплате авторы были освобождены от поиска организации, которая должна выплачивать вознаграждение; авторы использованных изобретений имели отношения с одним плательщиком, что сокращало число их обращений в другие органы и облегчало реализацию права на вознаграждение; при последующем использовании изобретений предприятиями других регионов страны УЦВВ обеспечивало доплату вознаграждения на основе сведений государственной статистической отчетности.

Однако в целом результаты эксперимента оказались неудовлетворительными. Практика показала, что свыше 80 % изобретений использовались только на одном предприятии, и для выплаты вознаграждения за такие изобретения централизация приводила только к значительному затягиванию сроков выплаты и излишней переписке, что вызвало обоснованные жалобы изобретателей. Кроме того, централизация выплаты сняла ответственность с предприятий, министерств, ведомств за расчеты с авторами. В результате представляемые в УЦВВ расчеты вознаграждения в 40 % случаев оказывались неправильными. Таким образом, введение централизованной выплаты вознаграждения не только не устранило недостатки в действующей системе выплаты, но и породило новые. Кроме того, распространение эксперимента на всю страну потребовало бы увеличения численности административно-управленческого персонала УЦВВ примерно на 400 человек [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4042, л. 39, 40]. В 1985 году аппарат

УЦВВ составлял 62 человека. Централизованный фонд формировался за счет отчислений предприятиями и организациями указанных трех регионов средств в размере 0,7 % от собственного экономического эффекта, полученного предприятиями и организациями от использования изобретений и рационализаторских предложений. По состоянию на 1 января 1984 года Управлением Госкомизобретений было выплачено вознаграждение по 8904 изобретениям 30499 авторам на общую сумму 10 261,6 тыс. рублей [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4042, л. 10]. Проведенный опыт позволил выявить несовершенство и сложность системы финансирования централизованной выплаты, в связи с тем, что с ростом количества изобретений, подлежащих оплате, отчисления в размере 0,7 % от экономического эффекта, полученного предприятиями и организациями трех регионов, не обеспечивали их полную оплату, поскольку отчисления производились от собственного экономического эффекта предприятий и организаций этих регионов, а выплата вознаграждения — от общего народнохозяйственного экономического эффекта, получаемого по всей стране. По этой причине уже к 1985 году задолженность Управления Госкомизобретений по начисленным выплатам составила свыше 1 млн рублей, что вызывало законные жалобы и претензии авторов изобретений. Госкомизобретений в январе 1985 года пришлось обратиться в Совет Министров СССР с просьбой в порядке исключения использовать в 1985 году на частичное покрытие дефицита средств для централизованной выплаты вознаграждения авторам изобретений остатка средств фонда развития Всесоюзного научно-исследовательского института патентной информации научно-производственного объединения «Поиск» [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4042, л. 11].

В итоге с 1 июля 1985 года эксперимент по централизованной выплате вознаграждения был прекращен [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 4042, л. 42].

3.3. Выплаты за содействие изобретательству и рационализации

В соответствии с Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденным Советом Министров СССР 24 апреля 1959 года, на предприятиях предусматривалось создание фондов материального стимулирования рационализаторского движения в размере 35 % от суммы вознаграждения [Алексеев, 1983, с. 138]. Новое Положение, принятое в августе 1973 года, содержало раздел о премировании за содействие изобретательству и рационализации, согласно которому фонд содействия изобретательству и рационализаторству создавался на предприятиях, в организациях, учреждениях в размере 1,5 % от суммы экономии, полученной в первом году использования изобретений и рационализаторских предложений, и 35 % суммы вознаграждения, выплаченной за использование изобретений и рационализаторских предложений, не создающих экономии,

а в министерствах, ведомствах в размере 0,4 % суммы экономии, полученной в первом году использования изобретений и рационализаторских предложений на подчиненных предприятиях, в организациях и учреждениях [Положение об открытиях…, 1981, с. 68—70]. Проблема состояла в том, что не было четко определено, кого именно и за что нужно стимулировать.

В апреле 1974 года Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы утвердил Положение о порядке премирования за содействие изобретательству и рационализаторству и использования выделенных для этого средств, доработанное в 1979 году, в котором были четко определены конкретные работы, за которые было положено выплачивать вознаграждение. К таким работам относились проведение экспериментов, подбор экспериментальных, расчетных, информационных материалов, конструкторская или технологическая проработка решения, найденного изобретателем, выполнение патентных исследований, участие в разработке технической документации, участие в лабораторных и производственных исследованиях, в изготовлении и испытании опытных и головных образцов и пр. [О внесении изменений…]. Отдельно указывалось, что средства фонда не могут расходоваться на выплату премий по итогам смотров, конкурсов и соцсоревнований по изобретательству и рационализаторству.

Главной проблемой финансирования содействия рационализаторству и изобретательству была произвольность начисления премий. Так, согласно данным Постановления Госкомитета СССР по труду и социальным вопросам от 23 июня 1983 года № 134, при выплате вознаграждений на предприятиях допускались нарушения. Зачастую на предприятиях размер премий многократно превышал размер экономии от использования изобретения или рационализаторского предложения. Кроме того, размер премий, выплачиваемых за содействие, в несколько раз превышал размер вознаграждения, выплаченного авторам. Так, в московской типографии № 7 директору и главному инженеру в 1981 году было выплачено по 100 рублей каждому за содействие по трем рационализаторским предложениям, по которым отчисления в фонд премирования в соответствии с полученной от их использования экономией составили 20 рублей. Также было установлено, что необоснованно расширялся круг премируемых работников, что приводило к уменьшению размеров премий, выплачиваемых тем, кто их действительно заслуживал. Так, в ПО «Арарат» Минпищепрома Армянской ССР премии за содействие изобретательству и рационализации были выплачены секретарю-машинистке и начальнику отдела кадров. Часто за содействие изобретательству и рационализации премировались руководящие работники предприятий и организаций, которые на деле не участвовали в этой работе [О результатах…]. Причины подобных злоупотреблений виделись в том, что премии распре-

делялись не по рекомендациям ВОИР или руководителей БРИЗов, а руководителями производственных подразделений при формальном согласовании с профсоюзом и советом ВОИР предприятия.

В 1983 году Госкомитет СССР по труду и социальным вопросам утвердил новое Положение о премировании за содействие изобретательству и рационализации, которое было введено в действие с 1 июля 1983 года [Положение о премировании…, 1983, с. 6—10]. Новым положением было предусмотрено более четкое отграничение работ, осуществляемых при создании изобретений, от работ, проводимых при содействии использованию предложений. Данное разграничение, отраженное в нормативной документации, говорит о понимании необходимости учитывать разные этапы жизненного цикла технического новшества и способствовать его успеху на всех этапах. Вместе с тем, в отличие от Положения 1974 года, в Положении 1983 года в числе лиц, которые могли быть премированы за содействие, не были названы работники патентных отделов и БРИЗов. Конечно, отсутствие упоминания данных категорий работников не говорит о том, что их принципиально нельзя было премировать, однако для проявляющих «бдительность» работников планово-финансовых отделов предприятий данный факт зачастую становился правовым основанием этого не делать. При этом именно работники патентных служб и БРИЗов играли ключевую роль в повышении технического уровня объектов новой техники и технологии, а также в обеспечении условий для ее создания и использования. Кроме того, в перечне лиц, подлежащих премированию за содействие изобретательской и рационализаторской активности, отсутствовали такие непосредственно участвующие в производственном процессе лица, как главный конструктор и главный технолог. Особо обращает на себя внимание тот факт, что в Положении отсутствует упоминание руководящих работников органов управления (министерств, ведомств), что в свете существовавших проблем с внедрением крупных изобретений вряд ли могло способствовать решению проблемы. Так, на расширенном заседании коллегии Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий 18 октября 1978 года Первый заместитель Председателя Госкомитета И. С. Наяшков указывал, что из рекомендованных Госкомитетом по делам изобретений и открытий объектов новой техники и прогрессивной технологии в Государственный план экономического и социального развития на 1978 год попало только 30 % рекомендованных объектов, а в планы министерств и ведомств — 40 % [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 3835, л. 20]. Ограничение суммы премий за содействие разработке предложения величиной авторского вознаграждения, с одной стороны, должно было стать сдерживающим фактором для всякого рода злоупотреблений, а с другой

стороны, являлось сдерживающим инновационную активность фактором, поскольку зачастую разработка принципиальной идеи, оформление документации и прочие работы требовали значительных усилий и времени. Положительным моментом явилось то, что Положение 1983 года закрепило право на получение премии лицами, способствовавшими использованию на предприятиях изобретений, применяемых на других предприятиях или опубликованных в печати. В данном случае премии выплачивались независимо от того, выплачивалось ли вознаграждение авторам этих изобретений. Таким образом, признавалась важность не только внедрения, но и распространения прогрессивной техники и технологии.

Снижению новаторской активности изобретателей и рационализаторов способствовал и низкий процент подсчета экономии от внедренных предложений. Так, в 1971 году количество рационализаторских предложений, по которым была посчитана экономия, составило 55,3 %, в 1985 году этот процент составил 65,7 %. По изобретениям можно констатировать обратный тренд: в 1975 году по 70 % изобретений была посчитана экономия, в 1985 году этот показатель снизился до чуть более 60 % [ГА РФ, ф. 7752, оп. 6, д. 3191, л. 2, 2 об.; Изобретательство в СССР…, 1990, с. 118, 119]. То есть более чем по трети предложений авторы получали лишь небольшое поощрительное вознаграждение за инициативу. Причины такого положения дел заключались в том, что до 1970-х годов на предприятиях фактически отсутствовала единая методика подсчета экономии. Кроме того, несмотря на то, что Положение о премировании за содействие изобретательству и рационализации позволяло премировать сотрудников, производивших расчеты экономии по изобретениям и рационализаторским предложениям, руководители предприятий крайне редко пользовались данной возможностью [РГАЭ, ф. 373, оп. 1, д. 789, л. 90]. Поэтому расчеты по рационализации и изобретательству воспринимались работниками планово-экономических подразделений как дополнительная нагрузка.

В целом, начиная с середины 1970-х годов на предприятиях СССР повсеместно стали разрабатываться методы материального стимулирования новаторства работников. Целью данных методов было преодоление негативных явлений в системе выплат вознаграждений. К основным формам такого поощрения можно отнести поощрительную премию авторам, получившим в текущем году авторское свидетельство на изобретение, а также сделавшим несколько рационализаторских предложений, повышение активным авторам на определенное количество процентов тринадцатой зарплаты, возможность получения различных социальных благ активными участниками новаторского движения (например, выбор времени отпуска, путевки в санаторий и пр.). Положительные примеры создания системы стимулирования

новаторской активности на предприятиях обсуждались в журнале «Вопросы изобретательства» — печатном органе Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий [Диденко, 1984, с. 44—45].

4. Заключение = Conclusions

Можно констатировать, что в СССР во второй половине XX века предпринимались попытки создать эффективный механизм материального стимулирования новаторской активности предприятий, включавший как непосредственное финансирование изобретательства и рационализации на предприятиях, так и совершенствование механизмов поощрения новаторов производства и лиц, содействующих творческой активности и скорейшему внедрению новшеств в производство. Частое изменение законодательства и методической документации в этой сфере говорит о поиске оптимальных форм и методов стимулирования. Однако созданный механизм финансирования оказался малоориентированным на нужды участников процесса технического творчества. Ассигнования, выделяемые на развитие изобретательства и рационализации, расходовались неэффективно как министерствами и ведомствами, так и общественными организациями. Устанавливаемые органами управления ограничения не давали предприятиям возможности самостоятельно определять стратегию развития и модернизации производства. Необходимо учитывать и фактическое отсутствие побудительных стимулов для использования крупных изобретений у предприятий, особенно в тех случаях, когда для внедрения изобретения должны были быть разрушены отработанные, а следовательно, надежные технологические операции [Лынник, 1989, с. 8].

Интересы сторон в процессе их отношений при использовании изобретений не совпадали. Так, изобретатели стремились получить более высокое вознаграждение, а руководство предприятий, исходя из экономических соображений, уменьшить это вознаграждение либо вообще его не выплачивать. В результате авторам крупных изобретений зачастую приходилось самим добиваться сначала внедрения своего изобретения, а затем выплаты по нему причитающегося вознаграждения. На эту борьбу с системой новаторы должны были тратить силы и время. В результате инициативные движения самих новаторов постепенно формализовались, а их устремления были перенаправлены с разработки и внедрения крупных изобретений и рационализаторских предложений на мелкие усовершенствования, которые охотно внедрялись предприятиями, отражались в статистической отчетности; за них также полагалось небольшое, но стабильное вознаграждение. В условиях отсутствия реальных стимулов к инновационному развитию выплаты за содействие изобретательству и рационализации превратились

в произвольные выплаты руководящим работникам и сотрудникам администраций предприятий, которые никакого отношения к изобретениям и рационализаторским предложения не имели. Можно констатировать, что система финансирования новаторской активности, действовавшая в СССР, не создавала устойчивой мотивации для перспективной изобретательской и рационализаторской деятельности. На наш взгляд, учет положительных моментов, таких как комплексность финансового механизма стимулирования новаторства, направленного как на предприятия и общественные объединения, так и непосредственно на авторов предложений и лиц, содействующих разработке и распространению новых технических решений, а также недочетов действовавшей в СССР системы может быть полезен для выработки оптимальных механизмов стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности в современной России и для возрождения высокого социального статуса изобретателей и рационализаторов.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГА РТ — *Государственный* архив Республики Татарстан. Ф. Р-1677. Татарский областной совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР).

2. ГА РФ — *Государственный* архив Российской Федерации. — Ф. 7752. Оп. 6. Центральный Совет Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ЦС ВОИР).

3. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 373. Государственный комитет по изобретениям и открытиям при ГКНТ СССР.

4. *Изобретательство в СССР* в 1989 году : статистический ежегодник. — Москва : ВНИИПИ, 1990. — 275 с.

5. *О внесении* изменений и дополнений в Положение о порядке премирования за содействие изобретательству и рационализации и использования выделенных для этих целей средств [Электронный ресурс] // Постановление Госкомтруда СССР от 27.07.1979 № 331 (вместе с Положением о порядке премирования за содействие изобретательству и рационализации и использования выделенных для этих целей средств от 15.04.1974 № 76). — Режим доступа : https://e-ecolog.ru/docs/1EmmC5oLhYBcuItfBnlg3 (дата обращения 06.09.2024).

6. *О результатах* проверки практики премирования за содействие изобретательству и рационализации и мерах по совершенствованию этого премирования [Электронный ресурс] // Постановление Госкомтруда СССР от 23.06.1983 № 134. — Режим доступа : https://e-ecolog.ru/docs/LvqUKDBWA0RRmvXwTDNv2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 06.09.2024).

7. *О финансировании* Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Постановление Совета Министров СССР от 17 мая 1958 г., № 528 (извлечение) // Законодательство СССР по изобретательству. — Москва : ВНИИПИ, 1982. — Т. 3. — 363 с.

8. *Положение* о премировании за содействие изобретательству и рационализации // Бюллетень Государственного комитета по труду и социальным вопросам. — 1983. — № 9. — С. 6—10.

9. *Положение* об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Утверждено постановлением Совета Министров СССР от 24 апреля 1959 г. № 435 // Собрание постановлений правительства СССР за 1959 г. № 1—20. — Москва : Госюриздат, 1983. — С. 178—206.

10. *Положение* об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях. Утверждено постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584 // Законодательство СССР по изобретательству. — Москва : ВНИИПИ, 1981. — Т. 1. — 356 с.

11. *Промышленная* собственность в СССР и за рубежом. 1990. Статистический ежегодник. — Москва : ВНИИПИ, 1991. — 204 с.

Литература

1. *Алатырев А. К.* Моральное и материальное стимулирование изобретательства и рационализации / А. К. Алатырев. — Киев : РДЭНТП, 1974. — Ч. 1. — 33 с.

2. *Алексеев Г. М.* Движение изобретателей и рационализаторов в СССР, 1917—1982 / Г. М. Алексеев. — Москва : Мысль, 1983. — 252 с.

3. *Бромберг Г.* Стимулирование изобретательства / Г. Бромберг, Г. Соловьева, Л. Фатькина // Наука, технология, культура (глобальный процесс и проблемы России) : Проблемно-тематический сборник. — Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. — С. 111—149. — ISBN 5-248-01330-5.

4. *Диденко В. И.* Практика морального и материального стимулирования изобретательства в производственном объединении / В. И. Диденко // Вопросы изобретательства. — 1984. — № 10. — С. 44—45.

5. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права : понятие, система, задачи кодификации / В. А. Дозорцев — Москва : Статут, 2005 — 413 с. — ISBN 5-8354-0168-X.

6. *Зенин И. А.* Материальное стимулирование авторов изобретений / И. А. Зенин. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1974. — 162 с.

7. *Игнатушина М. В.* Правовые проблемы в определении вознаграждения авторам результатов интеллектуальной деятельности / М. В. Игнатушина // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — 2015. — № 7—5. — С. 95—97.

8. *Лынник Н. В.* О материальном стимулировании изобретательства / Н. В. Лынник // Вопросы изобретательства. — 1989. — № 11. — С. 8—12.

9. *Мичурина О. Ю.* Стимулирование изобретательской и рационализаторской деятельности в нефтегазовой отрасли / О. Ю. Мичурина, Н. А. Дубинина // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия : Экономика. — 2021. — № 4. — С. 72—79.

10. *Останина Я. О.* Лица, содействующие созданию результата интеллектуальной деятельности как субъекты права на вознаграждение / Я. О. Останина // Высшая школа : научные исследования : Материалы Межвузовского научного конгресса, Москва, 30 апреля 2020 года. — Москва : Инфинити, 2020. — Т. 2. — С. 17—22.

11. *Пинаева Д. А.* Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х — середине 1960-х

годов / Д. А. Пинаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 414—434. — DOI: https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434.

12. *Повышать* роль моральных стимулов в изобретательстве // Вопросы изобретательства. — 1984. — № 10. — С. 2—4.

13. *Проблемы* материального стимулирования интеллектуальной деятельности / А. В. Киселев, Г. А. Гордина, С. А. Зорина [и др.] // Вестник РОНЦ им. Н. Н. Блохина РАМН. — 2007. — Т. 18. — № 4. — С. 65—66.

14. *Романов В. Ф.* Партком и технический прогресс : Партийное руководство развитием творческой активности ИТР в управлении производством / В. Ф. Романов. — Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1988. — 95 с.

15. *Тимофеев В. В.* Развитие изобретательства и рационализаторства в республиках Волго-Вятского экономического района в 1958—1985 гг. : на материалах предприятий промышленности : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Валерий Владимирович Тимофеев. — Чебоксары, 1999 — 220 с.

16. *Торкановский Е. П.* Планирование и материальное стимулирование изобретательства и рационализации на предприятии / Е. П. Торкановский. — Куйбышев : Кн. изд-во, 1968. — 140 с.

Статья поступила в редакцию 09.09.2024,
одобрена после рецензирования 17.11.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

GA of the Republic of Tatarstan — *State Archive of the Republic of Tatarstan. F. R-1677 Tatar Regional Council of the All-Union Society of Inventors and Innovators (VOIR).* (In Russ.).

GA of the Russian Federation — *State Archive of the Russian Federation. F. 7752 Op. 6. Central Council of the All-Union Society of Inventors and Innovators (CS VOIR).* (In Russ.).

Industrial property in the USSR and abroad. 1990. Statistical yearbook. (1991). Moscow: VNIIPI. 204 p. (In Russ.).

Invention in the USSR in 1989: statistical yearbook. (1990). Moscow: VNIIPI. 275 p. (In Russ.).

On amendments and additions to the Regulation on the procedure for awarding prizes for promoting Invention and Rationalization and Use of Funds Allocated for these Purposes. *Resolution of the State Committee of Labor of the USSR dated 27.07.1979 № 331 (together with the Regulation on the procedure for awarding prizes for Promoting Invention and Rationalization and Use of funds allocated for these purposes dated 15.04.1974 № 76).* Available at: https://e-ecolog.ru/docs/1EmmC5oLhYBcuItfBnlg3 (accessed 06.09.2024). (In Russ.).

On financing of the All-Union Society of Inventors and Innovators. Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated May 17, 1958, № 528 (extract). (1982). In: *Legislation of the USSR on invention, 3.* Moscow: VNIIPI. 363 p. (In Russ.).

On the results of the verification of the practice of awarding for the promotion of invention and rationalization and measures to improve this award. *Resolution of the State Committee of Labor of the USSR dated 23.06.1983 № 134.* Available at: https://e-ecolog.ru/docs/LvqUKDBWA0RRmvXwTDNv2?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed 06.09.2024). (In Russ.).

Regulations on bonuses for the promotion of invention and rationalizationю (1983). *Bulletin of the State Committee on Labor and Social Affairs, 9:* 6—10. (In Russ.).

Regulations on discoveries, inventions and innovation proposals. Approved by Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated April 24, 1959 № 435. (1983). In: *Collection of resolutions of the Government of the USSR for 1959 № 1—20.* Moscow: Gosyurizdat. 178—206. (In Russ.).

Regulations on discoveries, inventions and innovation proposals. Approved by Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated August 21, 1973 № 584. (1981). In: *Legislation of the USSR on invention, 1.* Moscow: VNIIPI. 356 p. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 373. State Committee for Inventions and Discoveries at the State Scientific and Technical Committee of the USSR.* (In Russ.).

References

Alatyrev, A. K. (1974). *Moral and material stimulation of invention and rationalization, 1.* Kiev: RDENTP. 33 p. (In Russ.).

Alekseev, G. M. (1983). *The movement of inventors and innovators in the USSR, 1917—1982.* Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).

Bromberg, G., Solovyova, G., Fatkina, L. (2000). Stimulation of invention. In: *Science, technology, culture (global process and problems of Russia): A problem-themed collection.* Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. 111—149. ISBN 5-248-01330-5. (In Russ.).

Didenko, V. I. (1984). The practice of moral and material stimulation of invention in a production association. *Questions of invention, 10:* 44—45. (In Russ.).

Dozortsev, V. A. (2005). *Intellectual rights: concept, system, tasks of codification.* Moscow: Statute. 413 p. ISBN 5-8354-0168-X. (In Russ.).

Ignatushina, M. V. (2015). Legal problems in determining remuneration to authors of the results of intellectual activity. *Theoretical and applied aspects of modern science, 7—5:* 95—97. (In Russ.).

Lynnik, N. V. (1989). On the material stimulation of invention. *Questions of invention, 11:* 8—12. (In Russ.).

Michurina, O. Y., Dubinina, N. A. (2021). Stimulation of inventive and rationalization activities in the oil and gas industry. *Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics, 4:* 72—79. (In Russ.).

Ostanina, Ya. O. (2020). Persons contributing to the creation of the result of intellectual activity as subjects of the right to remuneration. In: *Higher School: Scientific research: Materials of the Interuniversity Scientific Congress, Moscow, April 30, 2020, 2.* Moscow: Infiniti. 17—22. (In Russ.).

Pinaeva, D. A. (2023). Contribution of Public Scientific and Technical Associations to Development of Mass Inventiveness in USSR from Mid-1950s to Mid-1960s. *Nauchnyi dialog, 12 (10):* 414—434. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434 (In Russ.).

Problems of material stimulation of intellectual activity. (2007). *Bulletin of the N. N. Blokhin Russian Research Center of the Russian Academy of Sciences, 18 (4):* 65—66. (In Russ.).

Raise the role of moral incentives in invention. (1984). *Questions of invention. 10:* 2—4. (In Russ.).

Romanov, V. F. (1988). *Party Committee and technical progress: Party leadership in the development of creative activity of ITR in production management.* Cheboksary: Chuvash. Publishing house. 95 p. (In Russ.).

Timofeev, V. V. (1999). *Development of invention and innovation in the republics of the Volga-Vyatka economic region in 1958—1985: based on the materials of industrial enterprises.* PhD Diss. Cheboksary. 220 p. (In Russ.).

Torkanovsky, E. P. (1968). *Planning and material stimulation of invention and rationalization at the enterprise.* Kuibyshev: Publishing House. 140 p. (In Russ.).

Zenin, I. A. (1974). *Material incentives for inventors.* Moscow: Publishing House of Moscow. Unita. 162 p. (In Russ.).

The article was submitted 09.09.2024;
approved after reviewing 17.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Подлесных С. Н. Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству : 1775—1866 годы / С. Н. Подлесных // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 445—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462.

Podlesnykh, S. N. (2024). Justices of Peace in Russian Empire as an Alternative to Formal Judicial Proceedings: 1775–1866. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 445-462. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775—1866 годы

Подлесных Сергей Николаевич
orcid.org/0009-0001-2613-5777
кандидат юридических наук,
кафедра социально-гуманитарных наук
agera3@yandex.ru

Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова
(Воронеж, Россия)

Justices of Peace in Russian Empire as an Alternative to Formal Judicial Proceedings: 1775–1866

Sergey N. Podlesnykh
orcid.org/0009-0001-2613-5777
PhD in Legal Sciences,
Department of Social and Humanities Sciences
agera3@yandex.ru

Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov
(Voronezh, Russia)

© Подлесных С. Н., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы учреждения и деятельности совестных судов в Российской империи, организованных Екатериной II в 1775 году и полностью упраздненных в 1866 году. На основе метода структурного анализа было проанализировано судопроизводство в совестных судах России в 1775—1866 годы. Формально-логический метод позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи относительно компетенции совестных судов. Источниками выступили делопроизводственные документы из фондов Государственного архива Воронежской области и законодательные акты Российской империи последней четверти XVIII века — первой половины XIX века. Новизна исследования видится в том, что совестные суды рассматриваются как альтернатива формальному судопроизводству, то есть судебному процессу, основу которого составляли принципы розыскного процесса как идеального типа судопроизводства, теории формальных доказательств, судебное решение по которому формируется без учета внутреннего убеждения судьи. Автор приходит к выводу о том, что судебный процесс совестного суда был направлен в первую очередь на защиту частного интереса, а специфика альтернативы формальному судопроизводству была различной в зависимости от вида судопроизводства: уголовного или гражданского.

Ключевые слова:
совестный суд; естественное право; просвещенный абсолютизм; судебная реформа 1775 года; дореформенный суд; внутреннее убеждение судьи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the establishment and functioning of the Justices of the Peace in the Russian Empire, initiated by Catherine II in 1775 and fully abolished in 1866. Utilizing a structural analysis method, the study investigates the judicial processes within these courts from 1775 to 1866. A formal-logical approach is employed to analyze the existing legislation of the Russian Empire concerning the jurisdiction of the Justices of the Peace. The research draws on administrative documents from the State Archive of Voronezh Oblast and legislative acts from the late 18th to mid-19th centuries. The novelty of this study lies in its perspective of viewing the Justices of the Peace as an alternative to formal judicial proceedings, which were primarily based on inquisitorial principles as an ideal type of legal process, alongside theories of formal evidence, where judicial decisions were made without regard for the internal convictions of the judge. The author concludes that the judicial process of the Justices of the Peace was primarily aimed at protecting private interests, with the nature of this alternative to formal proceedings varying depending on whether the case was criminal or civil.

Key words:
Justice of the Peace; natural law; enlightened absolutism; judicial reform of 1775; pre-reform judiciary; internal conviction of the judge.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:347.992(47)“1775/1866”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-445-462

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Совестные суды в Российской империи как альтернатива формальному судопроизводству: 1775—1866 годы

© Подлесных С. Н., 2024

1. Введение = Introduction

Эпоха просвещения в истории и культуре европейской цивилизации занимает особое место. В России проводником идей эпохи просвещения выступал сам монарх — императрица Екатерина II, которая претворяла их в жизнь посредством просвещенного абсолютизма. В том числе политика просвещенного абсолютизма предполагала проведение реформаторской деятельности, направленной на преобразование устаревших общественных институтов для достижения «общего блага» [Carnino, 2009, p. 12—14].

Судебная реформа 1775 года была проведена Екатериной II в том числе на основе положений эпохи просвещения. Однако созданная система судов была «громоздкой и хаотичной» [Томсинов, 2016, с. 3]. Для каждого сословия был организован свой суд. Были учреждены и всесословные судебные учреждения. Наиболее ярким элементом новой судебной системы России, в большей степени вобравшим в себя принципы просвещенного абсолютизма, был совестный суд.

С небольшими изменениями и доработками судебная система образца 1775 года просуществовала в Российской империи вплоть до 1864 года.

Деятельности совестных судов в отечественной историографии посвящено немного работ. В связи с этим среди первых отечественных ученых можно назвать И. М. Наумова. Он отмечал, что «совестный суд отличается тем от прочих судов, что в нем уважается не обряд письменный, или форма, но существо дела» [Наумов, 1830, с. 6].

Из дореволюционных авторов также необходимо отметить Г. М. Барацa. Ученый указывал на наличие существенных сходств в нормативном регулировании организации и функционирования российского совестного суда с зарубежным законодательством, в частности с английским правом [Барац, 1893, с. 4—5].

В советское время специальных работ, посвященных совестному суду, не выходило.

В настоящее время в отечественной историографии наблюдается некоторое оживление по теме совестных судов. Можно назвать следующих авторов, занимающихся историей совестного суда в России: Ю. В. Баранов [Баранов, 2019], И. С. Ефремова [Ефремова, 2019], Е. А. Кузнецова [Кузнецова, 2023], Е. В. Разумов [Разумов, 2014], А. А. Самсонов [Самсонов, 2015], В. Г. Тур [Тур, 2023] и др. По верному замечанию современных авторов С. Ю. Агафонова и В. А. Илюхиной институт совестного суда в большей степени «интересовал авторов не столько как самостоятельный судебный орган, сколько в контексте развития мировой юстиции и развития ювенальной юстиции» [Илюхина, 2024, с. 23].

Такие исследователи, как С. В. Лонская [Лонская, 2009, с. 25—26] и Н. Н. Ефремова [Ефремова, 2022, с. 74], в учреждении совестного суда в Российской империи указывали на влияние знаменитого русского юриста и философа С. Е. Десницкого.

Л. Ю. Мхитарян пишет, что совестный суд вводился и как «орган естественной справедливости» [Мхитарян, 2014, с. 38].

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать институт совестных судов Российской империи как альтернативы формальному судопроизводства с момента учреждения в 1775 году до полного упразднения в 1866 году. Розыскной процесс в данной статье понимается как идеальный тип судопроизводства. Принципиальным отличием данного исследования от подобных изысканий по вопросам работы совестных судов является подход, в соответствии с которым совестные суды Российской империи необходимо рассматривать не только в контексте развития мировой и ювенальной юстиции, а еще и как альтернативу розыскному процессу, основанному на положениях формального закона (позитивного права) и теории формальных доказательств.

Актуальность настоящего исследования определяется незначительным количеством работ, посвященных организации и деятельности совестных судов, которые рассматривали данный вид судебных учреждений в основном только как предтечу мировой и ювенальной юстиции. Анализ компетенции совестных судей и принципов их работы позволяет более детально рассмотреть соотношение естественного права и позитивного права, в целом морали и права при выработке судебных решений. Выводы по теме имеют принципиальное значение и актуальность для современного института принятия судебных решений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Главным источником, позволяющим проследить связь института совестных судов с эпохой просвещения, раскрыть специфику их деятельно-

сти, принципы судопроизводства, являются законодательные акты Российской империи. Такими источниками являются документы из Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. Данные издания готовились под руководством М. М. Сперанского Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии и переиздавались до 1917 года. Отдельная глава в Своде законов Российской империи (издание 1857 года) была посвящена совестным судам.

Практическую реализацию законодательных актов Российской империи можно проследить по делопроизводственным документам совестных судов, которые хранятся в региональных архивах Российской Федерации. В настоящем исследовании были проанализированы дела из фондов И-167 «Воронежская палата гражданского суда», И-225 «Воронежский совестный суд» Государственного архива Воронежской области, отражающие специфику работы совестных судов дореформенного времени. Архив содержит судебные дела как по гражданскому, так и по уголовному судопроизводству.

Методологической основой работы послужили как общие, так и частные методы научного познания. На основе метода структурного анализа было проанализировано судопроизводство в совестных судах России в 1775—1866 годах. Формально-логический метод позволил проанализировать действующее законодательство Российской империи относительно компетенции совестных судов. Историко-сравнительный метод помог сопоставить положения просвещенного абсолютизма с идеей учреждения совестных судов в России, а также сравнить выявленные в архиве документы с законодательными актами Российской империи. В исследовании был задействован также историко-системный метод, который позволил в комплексе проанализировать соотношение положений эпохи просвещения, отразившихся в компетенции совестного суда, с положениями формального судопроизводства, выявить понимание целей судопроизводства в совестном суде. В статье использованы также иные методы научного познания.

Целью настоящего исследования является рассмотрение совестных судов в Российской империи в 1775—1866 годах посредством соотношения целей их учреждения с положениями просвещенного абсолютизма, анализа специфики компетенции и института принятия судебного решения как основных элементов альтернативы формальному судопроизводству.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Учреждение совестного суда: общие положения

Совестные суды были открыты Екатериной II в России в соответствии с «Учреждениями для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» [ПСЗРИ I, 1830, Т. XX, с. 278—279]. Совестные суды были

включены в судебную систему России совсем не случайно. Данный вид судов на практике реализовывал теорию «естественного права», которое олицетворяло собой справедливость, разум, равенство [Silvestrini, 2010].

Во время правления Павла I совестные суды были упразднены [Баранов, 2019, с. 30]. Александр I своим именным указом восстановил совестные суды в России. В Санкт-Петербургской и Московской губерниях совестные суды были восстановлены в 1802 году [ПСЗРИ I, 1830, Т. XXVII, с. 42].

Нельзя не согласиться с Е. В. Разумовым, который связывает учреждение совестных судов в России со становлением первых институтов гражданского общества [Разумов, 2014, с. 286].

С одной стороны, совестный суд можно рассматривать как один из первых институтов гражданского общества, «подаренный» Екатериной Великой своему народу. С другой стороны, отсутствие самостоятельности совестного суда, проявляющееся, к примеру, в его подконтрольности губернаторам (утверждение решений совестного суда), говорит о том, что данный институт был все же элементом судебной системы, в которой самостоятельность суда только декларировалась. Учреждение совестного суда было громко приветствовано и в России, и особенно за границей [Ключевский, 2001, с. 335—336].

Совестный суд стоял на губернском уровне судебной системы России и был равным палатам уголовного суда и гражданского суда. Согласно ст. 2438 Свода законов Российской империи (Т. II. Ч. I 1857 года) (далее — СЗРИ), совестный суд состоял под председательством совестного судьи из шести заседателей [СЗРИ, 1857, с. 486].

В некоторых губерниях (Архангельской, Астраханской, Олонецкой) дела совестного суда ведались в местных судебных палатах. В ряде губерний России (Витебской, Владимирской, Вологодской и других) дела совестного суда равномерно ведались в местных судебных палатах по принадлежности [СЗРИ, 1857, с. 486].

Должность совестного судьи была выборной. Обычно (за исключением Вятской и Пермской губерний) совестный судья избирался дворянством губернии и утверждался в должности, как и председатели судебных палат, то есть в порядке ст. 2376 СЗРИ (Т. II. Ч. I) [СЗРИ, 1857, с. 474].

Согласно ст. 2440, в случае нахождения совестного судьи в отпуске и во всех других законных случаях его отсутствия исправление его должности поручалось председателю палаты уголовного суда или председателю палаты гражданского суда [СЗРИ, 1857, с. 486].

Заседатели совестного суда избирались от трех сословий по два представителя: дворянство, купечество, поселяне. В Вятской и Пермской губерниях заседатели от дворянства определялись от правительства. Засе-

датели совестного суда отделялись для временного присутствия в Приказе общественного призрения. Дворянские заседатели занимали места по большинству избирательных баллов. Увольнение дворянских заседателей совестных судов производилось тем же порядком, что и увольнение заседателей судебных палат [СЗРИ, 1857, с. 487].

Таким образом, единой системы совестных судов в рамках судебной системы России I-й половины XIX века, исходя из территориального признака, построено не было. Формирование совестных судов в губерниях проходило по разным сценариям.

Примеры с назначением на должность и с замещением совестного судьи, заседателей говорят о довольно тесной связи института совестного судьи с институтом палат уголовного суда и гражданского суда в рамках одной губернии.

3.2. Формальное судопроизводство и процесс в совестном суде

Под формальным судопроизводством в настоящей статье понимается вид судебного процесса, основу которого составляют принципы розыскного процесса как идеального типа судопроизводства, теории формальных доказательств, судебное решение по которому формируется без учета внутреннего убеждения судьи.

Согласно ст. 2451 СЗРИ порядок производства дел в совестном суде определялся в Уставах гражданского и уголовного судопроизводства [СЗРИ, 1857, с. 488]. Однако отличительной особенностью совестного суда было то, что данный суд основывал свои заключения не только на нормах права, но и на положениях «естественного права». Так, в ст. 397 «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. Часть первая» были указаны правила, по которым совестный суд должен разрешать спорные дела:

— человеколюбие вообще;

— почтение к личности ближнего как к человеку;

— отвращение от угнетения или притеснения человечества.

В этой же статье было указано, что совестный суд «никогда судьбы ничьей да не отяготит, но вверяется оному совестный разбор и осторожное и милосердное окончание дел ему порученных» [ПСЗРИ I, 1830, Т. XX, с. 278].

Известный современный историк Б. Н. Миронов в своем капитальном трехтомном труде отмечает: «Со времени Екатерины II и вплоть до судебной реформы 1864 года применялись три формы процесса: 1) в случаях государственных и других тяжких преступлений — преимущественно розыскной процесс; 2) при рассмотрении маловажных уголовных дел и гражданских дел — преимущественно состязательный процесс; 3) в остальных случаях — смешанная форма процесса» [Миронов, 2023, с. 67]. Ученый указывает, что большая часть судебных дел рассматривалась по форме состязательного и смешанного процессов [Там же].

Одним из первых в отечественной науке два идеальных типа судопроизводства (розыскной и состязательный) предложил известный дореволюционный ученый И. Я. Фойницкий [Фойницкий, 1912, с. 69]. Ввиду того, что ни один из этих типов не может применяться в судопроизводстве в чистом виде, также возможно говорить о смешанном типе процесса. Смешанная форма процесса предполагала совмещение элементов и розыскного, и состязательного процессов.

Большинство авторов основными чертами розыскного процесса называют следующие особенности: реализация функций защиты, обвинения и разрешения дела одним государственным учреждением; использование системы формальных доказательств; письменный характер процесса; отсутствие процессуальных сторон; рассмотрение вышестоящим судом дел в порядке ревизии [Хащина, 2015, с. 20].

Совестный суд был противоположен розыскному процессу по своим основным принципам деятельности. Позиция совестного суда в процессе была максимально приближена к позиции арбитра, который выносил судебные решения в том числе на основании своего внутреннего убеждения. Дореволюционные авторы отмечали: «Как бы ни был высок нравственный уровень должностного лица, на обязанности которого лежит обличение виновного и собирание против него доказательств, оно не может быть по тому же делу беспристрастным судьей; его предшествующая деятельность, при которой оно было заинтересовано в раскрытии виновности, определила уже его взгляды, сделала их предвзятыми» [Фойницкий, 1912, с. 70—71]. Данное утверждение едва ли можно отнести к совестному судье.

Таким образом, понятие формального судопроизводства шире понятия розыскного процесса. Одним из основных элементов формального судопроизводства, позволяющим говорить о нем как самостоятельном виде судебного процесса, является институт принятия судебного решения.

С точки зрения идеального типа судопроизводства в совестном суде преобладал смешанный и состязательный процессы с высокой степенью включения внутреннего убеждения судьи в судебное решение.

Важно отметить, что исполнение судебного решения в совестном суде не являлось стадией судебного процесса. Свои приговоры, определения и решения совестный суд направлял для исполнения в земский суд или городскую полицию [СЗРИ, 1857, с. 489].

3.3. Компетенция совестного суда как его специфика

Как указывал законодатель, предмет ведомства совестного суда составлял «особенный род дел уголовных и гражданских» [СЗРИ, 1857, с. 487]. Таким образом, в компетенцию совестного суда входило разбирательство как уголовных дел, так и гражданских.

Предмет уголовного судопроизводства совестного суда был зафиксирован в ст. 2448 СЗРИ (Т. II. Ч. I) [СЗРИ, 1857, с. 487—488]. Разбирательству в совестном суде подлежали следующие уголовные дела:

— дела о преступлениях, совершенных безумными, глухонемыми и малолетними, имеющими не более четырнадцати лет, в том числе дела о бродягах, глухонемых и малолетних;

— дела о колдовстве, совершенные в силу глупости, обмана или невежества;

— дела об оскорблении родителей детьми обоего пола безотносительно к тому, проживают они вместе или отдельно;

— дела о преступлениях, которые совершены по случаю либо по стечению особых обстоятельств;

— дела по жалобам о содержании под стражей более трех дней без допроса.

Одним из отличий уголовного процесса от гражданского процесса является различие их целей. В основе защиты уголовного процесса лежит публичный интерес (интересы всего общества или его части), в основе защиты гражданского процесса лежит частный интерес (интерес отдельно взятого субъекта).

Несмотря на то, что в компетенцию совестного суда входил немалый блок дел уголовных, в первую очередь судебный процесс у совестного судьи был направлен на защиту частного интереса. Об этом говорит субъектный состав дел, рассматриваемых совестным судьей в рамках уголовного судопроизводства, что позволяет обозначить следующие группы подозреваемых:

— субъекты с «дефектами воли» (малолетние, безумные):

— субъекты с физическими изъянами (глухонемые);

— субъекты, совершившие преступления случайно, в силу тяжелой жизненной ситуации (бродяги) или в силу суеверий (колдовство);

— субъекты, являющиеся детьми обоего пола оскорбленных родителей;

— субъекты, содержащиеся под стражей более трех дней без допроса.

Для этих пяти категорий субъектов в рамках уголовного судопроизводства и был учрежден отдельный суд, преследующий цель защитить не только потерпевших, но и самих подозреваемых. К примеру, рассмотрение совестным судом дел о колдовстве отражает не только влияние эпохи Просвещения на судебную систему России, но и стремление максимально защитить саму личность подозреваемого. Еще Артикул воинский Петра I рассматривал колдовство как одно из самых тяжких преступлений [АВ, с. 329]. В последней трети XVIII века вера в колдуний и заклятия уже рассматривается как суеверие и не считается тяжким преступлением.

Отнесение к компетенции совестного суда ряда уголовных дел с особыми категориями субъектов говорит о стремлении законодателя ограничить подозреваемых по указанным категориям дел от разбирательства по форме розыскного процесса, где защита личного интереса если и учитывается судом, то считается второстепенной относительно защиты публичных интересов.

Так, к примеру, в 1787 году Воронежский совестный суд рассматривал дело «по обвинению малолетнего подданного графа Александра Романовича Воронцова Андрея Гретченкова в поджоге строения Воронежского купца Федора Титова» [ГАВО, и-225, оп. 1, д. 1, л. 2]. По общей подсудности данное дело должен был рассматривать уездный суд, однако ввиду того, что подозреваемый был малолетним, его деяние разбирал совестный суд. Таким образом, субъектный состав преступлений, отнесенных к совестному суду, автоматически повышал уровень рассмотрения дела — с уездного до губернского.

Если преступление совершалось группой лиц, но один из них был малолетним, такое дело также рассматривал совестный суд. К примеру, в 1796 году Воронежский совестный суд слушал дело «о допущении побега из Богучарской тюрьмы пяти колодников малолетним войсковым жителем г. Богучара Евстафием Забугиным, капралом Масловым и десятским Воронцовым» [ГАВО, и. 225, оп. 1, д. 8, л. 1—2.].

Видится совершенно логичным включение в компетенцию совестного суда рассмотрения жалоб на содержание под арестом более трех дней без допроса или предъявления обвинения. Возникает вопрос: почему бы законодателю не отдать данную компетенцию, например, палатам уголовного суда? Этот вид судебных учреждений тоже всесословный, занимал высший уровень в губернской судебной системе, являясь апелляционной инстанцией по отношению к нижестоящим судам. Ответ простой: палаты уголовного суда по форме не соответствовали альтернативе формальному судопроизводству, основанному на розыскном процессе, не преследовали основной цели — защита частного интереса. Более того, проанализировав дореформенную судебную систему Российской империи, можно сказать, что в целом ни один вид судебного учреждения не подходил под рассматриваемую компетенцию. Ближе всего по своей форме к реализации данного права подозреваемых стояли именно совестные суды.

Отечественный правовед А. Д. Градовский писал, что «в числе функций совестного суда была одна довольно замечательная: именно в совестный суд дозволялось приносить жалобы на незаконные заключения в тюрьму» [Градовский, 1883, с. 112]. Необходимо отметить, что все же данная норма не могла применяться, если обвинение состояло в оскорблении Его Величества, убийстве, воровстве, разбое или государственной измене.

Как видим субъектный состав дел, разбираемых совестным судьей в рамках уголовного судопроизводства, был весьма специфическим и подлежал расширительному толкованию только по одной категории дел. Речь идет о делах по преступлениям, которые совершены по случаю либо по стечению особых обстоятельств. По этой категории дел, действительно, совестный судья имел возможность по своему внутреннему убеждению оценивать субъектный состав, подпадающий под случайное преступление или преступление, совершенное в особых обстоятельствах. Подобные случаи и особые обстоятельства законодательно зафиксированы не были.

Компетенцию совестного суда в рамках гражданского судопроизводства (ст. 2449 СЗРИ. Т. II. Ч. I) составляли следующие гражданские дела:

— дела, по которым обе спорящие стороны по обоюдному согласию желают, чтобы их спор рассматривал совестный суд;

— дела между родителями и детьми по имуществу, а также иным гражданским искам [СЗРИ, 1857, с. 488].

Фактически тяжущейся стороной в рамках гражданского процесса у совестного судьи мог быть любой субъект права. В первую очередь гражданское судопроизводство в рамках компетенции совестного суда являлось той самой альтернативой формальному судопроизводству, основанному на принципах розыскного процесса, так как практически любой гражданский спор мог потенциально быть предметом рассмотрения в совестном суде. Данное утверждение в корне не подходит для уголовного судопроизводства совестного суда. Предмет уголовного судопроизводства совестного суда был сконструирован в законе достаточно четко (за исключением одной группы субъектов, о чем сказано выше), без возможности расширить компетенцию совестного суда. В случае с делами в рамках гражданского судопроизводства сами спорящие стороны вне зависимости от предмета спора решали, хотят ли они рассмотрения своей тяжбы на основе норм формального права или в большей степени на основе положений «естественного права». Выбор суда (формального суда или совестного суда) подданными империи в рамках одного конкретного спора, на наш взгляд, движение в сторону гражданского общества.

Отличительная особенность совестного суда заключалась в том, что совестный судья строил свои решения не только на нормах позитивного права [Ehrlich, 1982], но и на положениях «естественного права», понятиях совести, справедливости, морали. Главная цель работы совестного судьи — примирение спорящих сторон.

Вышестоящей инстанцией по отношению к совестному суду был Верховный совестный суд. Решения совестного суда могли быть обжалованы в Правительствующем сенате как Верховном совестном суде (ст. 2453

СЗРИ. Т. II. Ч. I) [СЗРИ, 1857, с. 488-489]. Нередко Правительствующий сенат подтверждал решения совестных судов [ГАВО, ф. и-167, оп. 1, д. 24351, л. 1 об. — 2.].

3.4. Институт принятия судебного решения, как специфика совестного суда

Как совестный суд, так и иные судебные учреждения Российской империи, разумеется, обязаны были следовать закону, то есть в судебном процессе использовать те правила, которые установлены в позитивном праве. Анализ деятельности совестного суда позволяет ставить вопрос о соотношении позитивного права и естественного права в институте принятия судебного решения [Hart, 1983, p. 75]. Если судья выносит свое решение только на основе норм формального права (формальное судопроизводство), то это путь к розыскному процессу. Если только на основании положений естественного права, вероятен излишний произвол со стороны судьи и чрезмерное толкование формального закона через внутреннее убеждение судьи. В этой схеме, разумеется, более эффективным подходом является усредненная позиция. Соотношение естественного права и позитивного права в судебном решении есть вопрос морального содержания судебного решения [Raz, 1980, p. 23—27]. Естественное право и позитивное право конкурируют между собой за объем морального содержания в судебном решении [Остапчук, 2017, с. 69].

Несмотря на то, что в Уставе уголовного судопроизводства отдельная глава была посвящена совестному суду, это не привносило в деятельность этого суда особой специфики, характеризующей его как процесс состязательный. Все иные нормы права, относящиеся к деятельности судов первой степени и зафиксированные в Уставе уголовного судопроизводства, относились также к регулированию деятельности совестного суда. Таким образом, содержание процесса в совестном суде по большому счету велось по таким же правилам, что и процесс во всех иных судебных местах первой степени. В основном разница между совестным судом и иными судами первой степени заключалась только в порядке и основаниях принятия совестным судьей своего решения, а также в цели судебного решения. Таким образом, альтернативу розыскному процессу совестный суд мог составить, в основном исходя из особенностей института судебного решения.

Особенности института судебного решения совестного судьи, как и его компетенция, определяли его специфику. Данное заключение позволяет объяснить, почему, к примеру, по гражданским делам совестный суд имел такую широкую компетенцию. В принципе, любое гражданское дело, если на то будет воля сторон, могло рассматриваться в совестном суде. Поэто-

му в архивных источниках по деятельности совестного суда крайне часто встречаются гражданские дела, рассматриваемые сначала уездными судами или палатами гражданского суда.

К примеру, с 19 апреля 1843 года в Воронежском совестном суде производилось дело об уничтожении дарственной записи, выданной коллежской асессоршей Александрой Поповой своему сыну губернскому секретарю Алексею Попову на благоприобретенное ею имение в Землянском уезде Воронежской губернии «за нанесенные им, Алексеем, ей, Александре, разные оскорбления». Первоначально дело рассматривал Землянский уездный суд. Однако просительница Попова на решение уездного суда подала апелляцию в Палату гражданского суда. После этого данное дело «для рассмотрения и законного постановления» было прислано в совестный суд [ГАВО, ф. и-167, оп. 1, д. 2077, л. 1.].

Архивное дело «по отношению Воронежского совестного суда о разрешении на совершение купчей крепости на дом, проданный мещанином Шестаковым Николаем солдатке Доровской Ирине» в 1839 году, также иллюстрирует тесную связь совестного суда с судебной палатой, которая изначально рассматривала данный спор [ГАВО, ф. И-167, оп. 1, д. 24351, л. 1—4 об.]. Аналогичная ситуация наблюдалась с судебным делом 1850 года «по прошению Воронежского совестного суда об уничтожении дарственной записи на дом казенной мастеровой Пустоваловой Марины Филипповны» [Там же, д. 16469, л. 2].

Правила судопроизводства для уездного суда и палаты гражданского суда, формализованные в вопросе принятия судьей судебного решения, не могли разрешить спор между тяжущимися сторонами. Институт принятия судебного решения совестного судьи был менее формализован, основу в этом институте составляло внутреннее убеждение судьи, основанное на принципах «естественного права», положений эпохи просвещения. Иными словами, судебное решение совестного судьи было более гибким, чем у иных судей дореформенного времени. К тому же у совестного судьи всегда была возможность попробовать примирить спорящие стороны.

Однако по гражданским делам не правила судопроизводства, не компетенция суда, а именно институт принятия судебного решения являлся спецификой совестного суда в рамках гражданского судопроизводства. По уголовным делам специфику совестного суда, напротив, составляла в первую очередь его компетенция.

4. Заключение = Conclusions

Постепенное упразднение совестных судов в Российской империи начинается в последние годы царствования императора Николая I. Оконча-

тельное законодательное упразднение совестных судов состоялось 25 ноября 1866 года [ПСЗРИ II, 1868, Т. XLI, с. 293].

Всесословный совестный суд являл собой отражение эпохи просвещенного абсолютизма. Соотношение закона и справедливости, на наш взгляд, самое главное в работе совестного судьи.

Совестные суды в России явились своеобразной альтернативой основанному на позитивном праве формальному судопроизводству. Эта альтернатива проявляла себя по-разному в зависимости от вида судопроизводства: уголовного или гражданского. По уголовным делам такая альтернатива в большей степени была возможной, исходя из специфической компетенции совестного суда с особым субъектным составом подозреваемых лиц. По гражданским делам альтернатива формальному судопроизводству в большей степени себя обозначала посредством института принятия судебного решения, где совестный судья имел возможность основывать свои выводы в том числе исходя из своего внутреннего убеждения.

С точки зрения идеального типа судопроизводства в совестном суде преобладали смешанный и состязательный процессы с высокой степенью включения внутреннего убеждения судьи в судебное решение. Судебный процесс совестного суда был направлен в первую очередь на защиту частного интереса.

Однако, на наш взгляд, еще рано говорить об идее свободной личности, которая будет реализована в реформу 1864 года. Защита личного интереса в совестном суде была следствием воли абсолютного монарха, продиктованной стремлением просветить свой народ без ограничения власти самого монарха и претензии на ограничение его власти. Напротив, такой подход позволял подданным оценить заботу монарха о своем народе и поддерживать курс Екатерины II, оставляя в руках главы государства максимальную концентрацию власти.

В этой связи совестный суд в условиях последней четверти XVIII века, когда он вводился в Российской империи, необходимо рассматривать как элемент доброй воли монарха.

Опыт работы отечественных совестных судов может быть полезен с практической точки зрения — как предтеча мировой и ювенальной юстиции в России, также третейских разбирательств. Возможно, даже в большей степени деятельность совестных судов и их правовая регламентация являются особенно актуальными в теоретических построениях соотношения естественного права и позитивного права, баланса в целом морали и права, также анализа института принятия судебного решения.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. АВ — *Артикул* воинский от 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X—XX вв. — Москва : Юрид. литература, 1986. — Т. 4. — 512 с.

2. ГАВО — *Государственный* архив Воронежской области. Ф. И-167 (Воронежская палата гражданского суда). Оп. 1. Д. 2077. Л. 1 ; Д. 16469. Л. 2 ; Д. 24351. Л. 1 — 4 об. ; Ф. И-225 (Воронежский совестный суд). И-225. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 ; Д. 8. Л. 1—2.

3. ПСЗРИ I — *Полное* собрание законов Российской империи. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // ПСЗРИ. Собрание I. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. — Ч. 1. — Т. XX. — № 14392. — 1034 с.

4. ПСЗРИ II — *Полное* собрание законов Российской империи. Сенатский. О постепенном упразднении должностей совестных судей и о поручении исправления их обязанностей товарищам председателей Палат уголовного и гражданского суда от 25 ноября 1866 г. // ПСЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1868. — Собрание II. — Т. XLI. — Отделение 2. — № 43898. — 1410 с.

5. СЗРИ — *Свод* законов Российской империи. Учреждение совестного суда // СЗРИ. — Санкт-Петербург : Типогр. II отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1857. — Т. II. — Ч. I. — 1474 с.

Литература

1. *Барац Г. М.* Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести: Историко-юридический этюд / Г. М. Барац. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1893. — 40 с.

2. *Баранов Ю. В.* Состав и делопроизводство Московского совестного суда / Ю. В. Баранов // Colloquium-Journal. — 2019. — № 13—12 (37). — С. 30—31.

3. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права / А. Д. Градовский. — Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. — Т. III. — 384 с.

4. *Ефремова И. С.* «Охота на ведьм» в курском наместничестве в XVIII веке (по материалам Городового магистрата и совестного суда) / И. С. Ефремова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2019. — № 1 (49). — С. 1—5.

5. *Ефремова Н. Н.* Трансформация судебной системы России в XVIII — начале XX вв. / Н. Н. Ефремова. — Москва : Московский город. пед. университет, 2022. — 176 с. — ISBN 978-5-243-00704-7.

6. *Илюхина В. А.* Институт совестного суда в Российской империи (1775—1852) / В. А. Илюхина, С. Ю. Агафонов // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2024. — № 1. — С. 23—32. — DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32.

7. *Ключевский В. О.* Русская история. В пяти томах / В. О. Ключевский. — Москва : Рипол Классик, 2001. — Т. 3. — 704 с.

8. *Кузнецова Е. А.* Чародейство, обман или безвредная шутка : диалог о магических практиках в следственных делах совестных судов первой половины XIX в. / Е. А. Кузнецова // Фольклор : структура, типология, семиотика. — 2023. — Т. 6. — № 1. — С. 10—73. — DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73.

9. *Лонская С. В.* Мировая юстиция императорской России : идеи и аналоги (XVIII — первая половина XIX века) / С. В. Лонская // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2009. — Выпуск 9. — С. 25—33.

10. *Миронов Б. Н.* Российская империя : от традиции к модерну : в трех томах / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2023. — Т. 3. — 992 с. — ISBN 978-5-86007-996-0.

11. *Мхитарян Л. Ю.* Деятельность совестных судов в дореволюционной России (на примере Пермской губернии) / Л. Ю. Мхитарян // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2014. — № 1 (23). — С. 37—43.

12. *Наумов И. М.* Мои мысли о совестном суде и признательность к памяти Преосв. Митрополита Амвросия / И. М. Наумов. — Санкт-Петербург : Тип. Гл. упр. путей сообщения, 1830. — 22 с.

13. *Остапчук К. С.* Роль естественного права в развитии теории судебного решения / К. С. Остапчук // Теория и практика общественного развития. — 2017. — № 10. — С. 65—69. — DOI: 10.24158/tipor.2017.10.14.

14. *Разумов Е. В.* Становление системы совестных судов в Российской империи / Е. В. Разумов // Вестник Чувашского университета. — 2014. — № 3. — С. 286—288.

15. *Самсонов А. А.* Новгородский совестный суд / А. А. Самсонов // История государства и права. — 2015. — № 6. — С. 42—47.

16. *Томсинов В. А.* Судебная система Российской империи в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам законодательных актов). Статья первая / В. А. Томсинов // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 2016. — № 3. — С. 3—24.

17. *Тур В. Г.* Учреждение и значение Совестных судов в Российской империи / В. Г. Тур // Вопросы развития государства и права : теория, история и практика : сборник науч. статей по материалам Всерос. науч.-практ. конференции (к 100-летию Верховного Суда РФ), Симферополь, 09 ноября 2022 г. / ред.-сост. В. Г. Тур. — Симферополь : Ариа», 2023. — С. 191—196.

18. *Фойницкий И. Я.* Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Типогр. Тов. «Общественная польза», 1912. — Т. 1. — 578 с.

19. *Хащина Э. Э.* Особенности формирования и принципы розыскного типа судебного процесса : теоретико-правовой аспект / Э. Э. Хащина // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 10 (59). — С. 20—27. — DOI: 10.17803/1994-1471.2015.59.10.020-027.

20. *Carnino C.* Rereading Franco Venturi's Eighteenth century : Absolutist monarchy between reform and revolt / C. Carnino // History of European Ideas. — 2009. — Vol. 35. — № 1. — Pp. 11—23. — DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2008.07.004.

21. *Ehrlich I.* The optimum enforcement of laws and the concept of justice : A positive analysis / I. Ehrlich // International Review of Law and Economics. — 1982. — Vol. 2. — № 1. — Pp. 3—27. — DOI: 10.1016/0144-8188(82)90011-4.

22. *Hart H. L. A.* Positivism and the Separation of Law and Morals / H. L. A. Hart // Essays in Jurisprudence and Philosophy. — New York : [b. i.], 1983. — Pp. 75—77.

23. *Raz J.* The Concept of a Legal System : An Introduction to the Theory of Legal System 2nd ed / J. Raz. — New York : [b. i.], 1980. — 245 p.

24. *Silvestrini G.* Rousseau, Pufendorf and the eighteenth-century natural law tradition / G. Silvestrini // History of European Ideas. — 2010. — Vol. 36. — № 3. — Pp. 280—301. — DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2010.02.003.

Статья поступила в редакцию 13.11.2024,
одобрена после рецензирования 14.12.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

AV — Arthur Voinsky of April 26, 1715. (1986). In: *Russian legislation of the X—XX centuries, 4.* Moscow: Publishing House of Literature. 512 p. (In Russ.).

GAVO — *The State Archive of the Voronezh region.* (In Russ.).

HISTORY II — The complete collection of conclusions of the Russian Empire. The Senate. On the gradual abolition of the posts of conscientious judges and on the assignment of correcting their duties to the comrades of the chairmen of the Chambers of the Criminal and Civil Courts of November 25, 1866. (1986). In: *PSZRI, XLI (43898).* St. Petersburg: Typogr. II ed. Meeting. E. I. V. Chancelleries. 1410 p. (In Russ.).

PSZRI I — The Complete collection of conclusions of the Russian Empire. Institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire. (1830). In: *PSZRI. Assembly I, 1 (XX) / 14392.* St. Petersburg: Type II ed. Meeting. E. I. V. Chancelleries. 1034 p. (In Russ.).

The NWRI — Is the Code of Laws of the Russian Empire. Establishment of a conscientious court. (1857). In: *SZRI, II (I).* St. Petersburg: Typogr. II ed. Meeting. E. I. V. Chancelleries. 1474 p. (In Russ.).

References

Baranov, Yu. V. (2019). Composition and record keeping of the Moscow Conscience Court. *Colloquium-Journal, 13—12 (37):* 30—31. (In Russ.).

Barats, G. M. (1893). *An essay on the origin and then gradual abolition of conscientious courts and courts of conscience in Russia: A historical and legal study.* St. Petersburg: [b. i.]. 40 p. (In Russ.).

Carnino, C. (2009). Rereading Franco Venturi's Eighteenth century: Absolutist monarchy between reform and revolt. *History of European Ideas, 35 (1):* 11—23. DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2008.07.004.

Efremova, I. S. (2019). "Witch hunt" in the Kursk viceroyalty in the XVIII century (based on the materials of the City magistrate and the conscience court). *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 1 (49):* 1—5. (In Russ.).

Efremova, N. N. (2022). *Transformation of the judicial system of Russia in the XVIII — early XX centuries: A textbook for students, postgraduates and teachers of law faculties and universities.* Moscow: Moscow city. ped. University. 176 p. ISBN 978-5-243-00704-7. (In Russ.).

Ehrlich, I. (1982). The optimum enforcement of laws and the concept of justice: A positive analysis. *International Review of Law and Economics, 2 (1):* 3—27. DOI: 10.1016/0144-8188(82)90011-4.

Foynitsky, I. Ya. (1912). *Course of criminal proceedings, 1.* St. Petersburg: Typogr. Tov. "Public benefit". 578 p. (In Russ.).

Gradovsky, A. D. (1883). *The beginning of Russian state law, III.* St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's Type. 384 p. (In Russ.).

Hart, H. L. A. (1983). Positivism and the Separation of Law and Morals. In: *Essays in Jurisprudence and Philosophy.* New York: [b. i.]. 75—77.

Ilyukhina, V. A., Agafonov, S. Yu. (2024). Institute of the Conscience court in the Russian Empire (1775—1852). *Historical and legal problems: a new perspective, 1:* 23—32. DOI: 10.24412/2309-152-2024-1-23-32. (In Russ.).

Khashchina, E. E. (2015). Features of the formation and principles of the investigative type of judicial process: theoretical and legal aspect. *Actual problems of Russian law, 10 (59):* 20—27. DOI: 10.17803/1994-1471.2015.59.10.020-027. (In Russ.).

Klyuchevsky, V. O. (2001). *Russian history. In five volumes, 3.* Moscow: Ripoll Classic. 704 p. (In Russ.).

Kuznetsova, E. A. (2023). Witchcraft, deception or a harmless joke: a dialogue about magical practices in investigative cases of conscientious courts of the first half of the XIX century. *Folklore: structure, typology, semiotics, 6 (1):* 10—73. DOI: 10.28995/2658-5294-2023-6-1-10-73. (In Russ.).

Lonskaya, S. V. (2009). World justice of Imperial Russia: ideas and analogues (XVIII — the first half of the XIX century). *Bulletin of the I. Kant Russian State University, 9:* 25—33. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2023). *The Russian Empire: from tradition to modernity: in three volumes, 3.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 992 p. ISBN 978-5-86007-996-0. (In Russ.).

Mkhitaryan, L. Yu. (2014). The activity of conscience courts in prerevolutionary Russia (on the example of the Perm province). *Bulletin of the Perm University. Legal sciences, 1 (23):* 37—43. (In Russ.).

Naumov, I. M. (1830). *My thoughts on the conscientious court and gratitude to the memory of the Most Holy. Metropolitan Ambrose.* St. Petersburg: Tip. Gl. upr. ways of communication. 22 p. (In Russ.).

Ostapchuk, K. S. (2017). The role of natural law in the development of the theory of judicial decision. *Theory and practice of social development, 10:* 65—69. DOI: 10.24158/tipor.2017.10.14. (In Russ.).

Raz, J. (1980). *The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System 2nd ed.* New York: [b. i.]. 245 p.

Razumov, E. V. (2014). Formation of the system of conscientious courts in the Russian Empire. *Bulletin of the Chuvash University, 3:* 286—288. (In Russ.).

Samsonov, A. A. (2015). Novgorod Conscience Court. *History of the state and law, 6:* 42—47. (In Russ.).

Silvestrini, G. (2010). Rousseau, Pufendorf and the eighteenth-century natural law tradition. *History of European Ideas, 36 (3):* 280—301. DOI: 10.1016/j.histeuroideas.2010.02.003.

Tomsinov, V. A. (2016). The judicial system of the Russian Empire in the XVIII — first half of the XIX century (based on the materials of legislative acts). The first article. *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law, 3:* 3—24. (In Russ.).

Tur, V. G. (2023). The establishment and significance of conscientious courts in the Russian Empire. In: *Issues of state and law development: theory, history and practice: Collection of scientific papers. articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (on the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation), Simferopol, November 09, 2022.* Simferopol: LLC Publishing House Printing House “Arial”. 191—196. (In Russ.).

The article was submitted 13.11.2024;
approved after reviewing 14.12.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Пухов Д. Ю. Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов / Д. Ю. Пухов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 463—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480.

Pukhov, D. Yu. (2024). Violations of Forestry Legislation and Their Enforcement in Mining Ural Region during 1870s to Early 1890s. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 463-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов

Пухов Денис Юрьевич
orcid.org/0000-0001-7039-3848
WoS ResearcherID: GLR-5510-2022
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра социально-
гуманитарных дисциплин
puhovdyu@m.usfeu.ru

Уральский государственный
лесотехнический университет
(Екатеринбург, Россия)

Violations of Forestry Legislation and Their Enforcement in Mining Ural Region during 1870s to Early 1890s

Denis Yu. Pukhov
orcid.org/0000-0001-7039-3848
WoS ResearcherID: GLR-5510-2022
PhD in History, Associate Professor,
Department of Social
and Humanities Disciplines
puhovdyu@m.usfeu.ru

Ural State Forest
Engineering University
(Yekaterinburg, Russia)

© Пухов Д. Ю., 2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материалах Пермской губернии рассматриваются динамика, социальная окраска, причины и особенности противоправной активности в лесном секторе горнозаводского Урала в 1870-х — начале 1890-х годов. На основе выявленных статистических данных сделан вывод о высоком уровне преступности, связанной с похищением и повреждением древесных ресурсов. Показано, что тенденция к росту числа подобных правонарушений привела к ужесточению государственной правоохранительной политики в данной сфере в годы правления Александра III. При этом отмечается, что наиболее опасные преступления в лесном секторе, выделенные в сферу компетенции общих судебных учреждений (массовое сопротивление лесной страже, угроза оружием сотрудникам горнолесного ведомства и др.), были относительно редкими. Впервые осуществлен анализ сословной, гендерной и возрастной структуры контингента осужденных за нарушения положений уставов о казенных лесах. На микроуровне показаны реалии уральской лесной преступности и борьбы с ней. На основе материалов периодической печати, делопроизводственной и судебно-следственной документации обосновывается вывод о том, что распространенность хищений леса в горнозаводском регионе являлась следствием нерешенных вопросов в сфере государственного регулирования лесных отношений и иных проблем (безработица, бедность, недоступность насущных ресурсов). С точки зрения автора, значительная часть случаев нарушения лесного законодательства на Урале во второй половине XIX века может быть охарактеризована как социальная преступность.

Ключевые слова:
хищения древесных ресурсов; Пермская губерния; Урал; охрана лесов; лесное хозяйство; социальная преступность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines the dynamics, social dimensions, causes, and characteristics of illegal activities within the forestry sector of the Mining Ural region from the 1870s to the early 1890s, focusing on data from the Perm Province. The analysis reveals a high incidence of crimes related to the theft and damage of timber resources, supported by identified statistical data. It is shown that the increasing trend of such offenses prompted a tightening of state law enforcement policies during the reign of Alexander III. Notably, the most serious crimes in the forestry sector, which fell under the jurisdiction of general judicial institutions — such as mass resistance against forest guards and armed threats to officials of the mining and forestry agency—were relatively rare. This study provides a novel analysis of the class, gender, and age structure of individuals convicted for violations of state forest regulations. At the micro level, it highlights the realities of forestry crime and its suppression in the Ural region. Based on materials from periodicals, administrative records, and judicial investigation documents, it concludes that the prevalence of timber theft in the Mining Ural region stemmed from unresolved issues in state regulation of forestry relations and other problems, including unemployment, poverty, and inaccessibility to essential resources. The author argues that a significant portion of forestry law violations in the Ural region during the late 19th century can be characterized as social crime.

Key words:
timber theft; Perm Province; Ural; forest protection; forestry management; social crime.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(470.53)“1870/1890”+343.773
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-463-480

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Нарушения лесного законодательства и борьба с ними на горнозаводском Урале в 1870-х — начале 1890-х годов

© Пухов Д. Ю., 2024

1. Введение = Introduction

Преступления, связанные с нарушениями лесного законодательства, являлись одним из наиболее значительных сегментов делинквентной активности в Российской империи второй половины XIX — начала XX веков и представляли собой серьезную проблему для государственных структур. Значимость древесных ресурсов как для сельского, так и для городского населения была обусловлена прежде всего необходимостью решения таких насущных вопросов, как обеспечение домохозяйств топливом, строительство и ремонт жилых и хозяйственных сооружений, организация функционирования кустарных промыслов. На Урале важность сохранения лесов, помимо общих с другими регионами факторов, была связана с тем обстоятельством, что они выполняли функцию топливной базы горнометаллургической промышленности.

В публикациях и диссертационных исследованиях историков и специалистов лесного хозяйства приводятся характеристики масштабов, причин, динамики противоправной активности в лесном секторе, затрагивается проблема эффективности усилий государственных органов по противодействию подобным правонарушениям на протяжении различных отрезков российской истории. В то же время выводы об уровне «лесной» преступности носят зачастую оценочный характер либо основываются на фрагментарных данных, за пределами внимания исследователей остаются ее социальные характеристики, не вполне прояснен вопрос о причинах высокого уровня этой разновидности противоправной деятельности в различных регионах Российской империи. Реалии борьбы государственных структур с подобными правонарушениями также раскрыты далеко не в полной мере, в то время как степень успешности их усилий в данной сфере можно рассматривать как один из факторов, определяющих уровень преступности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблематика криминальной активности в лесном секторе Урала, как правило, не выделяется в качестве самостоятельной темы, рассматрива-

ется в исследованиях, посвященных эволюции системы лесного хозяйства, либо в работах по истории правоохранительных органов. По оценке А. В. Дмитриева, причиной интенсивных незаконных рубок на горнозаводском Урале являлась монополия горнометаллургической промышленности на лесопользование и связанные с ней ограничения лесной торговли и функционирования «огнедействующих» производств. В контексте этих обстоятельств незаконные рубки рассматриваются А. В. Дмитриевым как «активная форма социального протеста» [Дмитриев, 1996, с. 39—40]. По мнению авторов коллективной монографии «История лесоустройства на Урале», массовое воровство леса в Пермской губернии «являлось прямым следствием порядков, сложившихся еще до реформы 1861 года, с одной стороны, и нежелания заводского начальства брать на себя заботы о жителях и мастеровых после освобождения их от крепостной зависимости, с другой» [Чернов и др., 2006, с. 115]. Негативное влияние на ситуацию в региональном лесном хозяйстве, с точки зрения исследователей, оказала передача управления горнозаводскими лесами в ведение лесного департамента в 1876 году [Там же, с. 103].

По данным И. А. Поппа, большая часть уголовных дел, рассматриваемых мировыми судами Пермской губернии, приходилась на кражу леса [Попп, 2011, с. 91—92]. Исследователь приходит к выводу о том, что побудительными мотивами незаконных рубок являлись, как правило, потребности крестьян в строительном материале и топливе, которые не могли удовлетворяться законным образом из-за существовавших поземельных отношений. В то же время, по оценке И. А. Поппа, сказывался и традиционный характер правовой культуры местного населения [Там же, с. 96].

В монографии Н. Н. Чернова отмечено широкое распространение самовольных рубок в лесах Оренбургского казачьего войска, названы такие причины этого явления, как «крайний недостаток» и неудовлетворительный кадровый состав лесной стражи, «необеспеченность ее материального положения», пассивность станичного правления в сфере регулирования лесных отношений [Чернов, 2010, с. 122, 124]. В статье Д. Ю. Пухова дается характеристика социального облика, уровня и динамики лесной преступности в Оренбургской губернии в 1870—1890-х годах [Пухов, 2024, с. 684—689].

Сходные с уральской спецификой факторы лесной преступности указываются в работах сибирских исследователей: отмечается, что значимыми причинами незаконных рубок в этом регионе являлись неудобные для местного населения особенности государственного регулирования лесных отношений и сформировавшиеся в более ранний период традиции неограниченного пользования древесными ресурсами [Гилько, 2012, с. 258—259; Данчевская, 2021, с. 136—137; Курышова и др., 2018, с. 128; Тяпкин и др., 2015, с. 55].

В исторической литературе отмечается, что кража помещичьего или казенного леса в системе традиционных крестьянских представлений не считалась преступлением [Безгин, 2017, с. 193—194; Тяпкин, 2017, с. 287]. В то же время С. Г. Федоров пришел к выводу о том, что распространенность близких к частной собственности «дачных» лесных владений в Южном Зауралье «постепенно выводила местное крестьянство из сферы обычного права в сферу официально-нормативную» [Федоров, 2016, с. 177]. В историографии зафиксирована такая разновидность лесной преступности, характерная для периода революционного кризиса начала XX века, как массовые организованные рубки леса крестьянами, осуществлявшиеся в европейской части России и в Сибири [Безгин, 2006, с. 29; Тяпкин и др., 2015, с. 55; Шиловский, 2007, с. 126—127]. Они имеют определенное сходство с практикой хищения древесных ресурсов значительными группами «лесоворов» на горнозаводском Урале во второй половине XIX века.

В качестве источниковой базы исследования использовались материалы судебной статистики и аналитические выкладки, содержащиеся в «Обзорах Пермской губернии», судебно-следственная и делопроизводственная документация из фондов екатеринбургского окружного суда, Уральского горного управления, главного управления Верх-Исетских заводов, публикации периодической печати («Лесной журнал», «Русское богатство», «Екатеринбургская неделя», «Лес и его разработка»). Хронологические рамки изученных материалов охватывают период от наиболее раннего из «Обзоров» губернии до последнего полного года правления Александра III.

При подготовке статьи использовались методы правовой статистики, а также методологические установки, связанные с историей повседневности и микроисторией [Каменский, 2007, с. 194—218; Поршнева, 2009, с. 45; Репина, 2011, с. 63—66]. Представляется, что в рамках проблематики лесной преступности пересечение микро- и макроуровней исторического исследования происходит в случае оценивания рассмотренных конфликтных ситуаций как в той или иной степени отражающих типичные для региона проблемы в точке соприкосновения государственной системы регулирования лесных отношений и повседневной жизни локальной общины и отдельного индивида.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Статистика и причины преступлений, связанных с похищением и повреждением леса

Большая часть нарушений лесного законодательства, нашедших отражение в «Обзорах Пермской губернии», приходилась на противоправные деяния, связанные с похищением и повреждением леса, которые относи-

лись к компетенции мировой юстиции. В 1880-х — начале 1890-х годов в текстах «Обзоров» приводились количественные характеристики этого сегмента криминальной активности (табл. 1).

Таблица 1

Количество осужденных в Пермской губернии
за похищение и повреждение леса
(ст. 154—164 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»)*

Оценка числа осужденных	**1880**	**1884**	**1885**	**1887**	**1890**	**1891**
Количество осужденных	14200	24336	20495	40325	34663	29162
Доля осужденных за похищение и повреждение леса от общего числа осужденных, %	60,2	64,4	67	71,4	63,7	54,7

* Источник: [Обзор Пермской губернии за [1880, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] год ..., 1881, 1885, 1886, 1888, 1891, 1892].

Данные за отдельные периоды в таблице 1 отсутствуют из-за неполноты сведений в доступных источниках. Тем не менее представленные материалы показывают рост числа осужденных за похищение и повреждение леса в 1880—1887 годах в 2,8 раза и некоторый спад значений этого показателя в 1890—1891 годах (в 1,4 раза по сравнению с 1887 годом). Уменьшение числа обвиняемых и признанных виновными по данному виду преступлений во второй половине 1880-х — начале 1890-х годов, по оценке составителей «Обзоров», было связано с «установлением усиленного надзора за лесами и наложением значительных штрафов при обнаружении лесных порубок, сдерживающих крестьян от хищения леса» [Обзор ..., 1887, 1891]. О тенденции к ужесточению судебной практики по «лесным» правонарушениям в 1880-х годах свидетельствует значительный рост доли обвинительных приговоров. Если в 1883 году по статистике мировых судов она составляла лишь 12 %, то в 1887 году — уже 78 % [Обзор ..., 1883, 1887]. Активизацию борьбы с «лесоворами» в окрестностях Екатеринбурга на рубеже 1880—1890-х годов отмечает современник событий лесной таксатор В. А. Вольский: в этот период была существенно увеличена численность лесной стражи в казенных горнозаводских лесах, а в Верх-Исетской даче организованы специальные объездные команды [Вольский, 1891, с. 290—291].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что похищение и истребление леса являлись наиболее распространенными видами уголовных правонарушений, подсудных региональной мировой юстиции, на протя-

жении 1880-х — начала 1890-х годов. Доля рассматриваемой разновидности «лесных» преступлений в общем объеме региональной криминальной активности, колебавшаяся от 54,7 % до 71,4 %, была достаточно высокой. Для сравнения можно привести данные А. В. Данчевской, согласно которым в Енисейской губернии в 1893—1915 годах значения этого показателя составляли от 0,14 % до 20,6 %, а в Иркутской губернии в 1900—1914 годах — от 1,2 % до 3 % [Данчевская, 2021, с. 136]. Необходимо принимать во внимание и наличие значительной латентной составляющей «лесной» преступности, которая, по некоторым оценкам, в количественном отношении не уступала зафиксированной противоправной активности [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3900, л. 43]. Среди осужденных за похищение и повреждение леса преобладали мужчины (94 % по статистике 1890—1891 годов).

Представители горнозаводской администрации полагали, что интенсивные незаконные рубки обусловлены прежде всего недостаточной развитостью общественных представлений «о праве собственности, законности и долге, в особенности в отношении лесного имущества» [Мылов, 1882, с. 242]. Руководство губернских властных структур видело причину многочисленных нарушений лесного законодательства в незавершенности процесса землеустройства и наделения крестьян лесными участками, сохранявшихся традиционно-правовых воззрениях на лесные ресурсы, снижении уровня народной нравственности, общем увеличении количества преступлений против собственности. Указывалось так же на периодически возникавшие ситуации, связанные с «дороговизною хлеба» и «уменьшением заработков» [Обзор ..., 1880; Попп, 2011, с. 92—95]. В то же время результаты уже осуществленных работ по земельному размежеванию губернская администрация оценивала положительно. В «Обзоре Пермской губернии» за 1874 год утверждалось, что участки, которые крестьяне получали в ходе землеустройства, вполне удовлетворяли их потребности в лесных ресурсах [Обзор ..., 1874]. При этом процесс размежевания шел медленно. Землеустройство в губернии не было завершено и в начале XX века [Алеврас, 1997, с. 34—38; Здобнов, 1916, с. 2; Пьянков, 2014, с. 55; Шустов, 2011, с. 40, 42].

Особенностью горнозаводского региона являлось наличие специфических факторов «лесной» преступности, обусловленных запретом на лесную торговлю в «горных» городах, к числу которых относился, в частности, Екатеринбург. Согласно действовавшим правовым нормам, жители таких населенных пунктов могли удовлетворять свои потребности в древесных ресурсах, обращаясь непосредственно в казенные горнозаводские дачи. Однако на практике реализовать эту возможность было достаточно сложно. Покупатели должны были заказывать необходимое годовое количество древесных ресурсов единовременно до составления структурами

горнолесного ведомства годовых смет на отпуск лесных материалов. При этом необходимо было выплатить лесничеству и подрядчикам значительную денежную сумму, недоступную для большей части населения. В результате горожане вынуждены были покупать дрова и строительные материалы возами у «лесоворов» по более высоким ценам, чем при заготовке законным образом [Вольский, 1891, с. 289, 291—292].

Без услуг «лесоворов» не могли обойтись и вновь создаваемые коммерческие предприятия. Так, в Екатеринбурге подобные проблемы испытывали мастерские, открывшиеся после 1867 года, «когда особой комиссией были собраны сведения о существующих промышленных заведениях и, в то же время, определен отпуск дров для каждого из заведений» [Вольский, 1891, с. 293]. В уральских заводских лесных дачах осуществлялись незаконные рубки для обеспечения функционирования сундучных, «гвоздарных», кузнечных и других промыслов, развивавшихся в значительной степени вследствие «недостатка работ» на основных предприятиях [ГАСО, ф. 72, оп. 1, д. 3900, л. 44об. — 45]. Ситуация осложнялась из-за разногласий в административных структурах по вопросу о законности открытия «огнедействующих» предприятий на территории посессионных лесных дач. Петербургское руководство горного департамента полагало, что местное население имеет такое право, в то время как уральское горнозаводское начальство придерживалось противоположной точки зрения [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 433, л. 1—2, 32—33]. В условиях правовой неопределенности возникали новые «огнедействующие» мастерские [ГАСО, ф. 24, оп. 20, д. 433, л. 31], что, по всей видимости, усугубляло проблему незаконных лесозаготовок.

В результате влияния этих факторов воровство леса фактически стало профессией для определенной части местного населения, осуществлялось «целыми шайками в несколько десятков человек», которые при встрече с лесной стражей были готовы сопротивляться «до последней возможности» [Вольский, 1891, с. 293].

Специфические особенности лесопользования, сложившиеся в горнозаводском регионе, ослабляли способность судебной системы противостоять нарушениям лесного законодательства. «… Все эти условия вместе взятые, — писал В. А. Вольский, — составляют одну из причин, почему не только мировой суд или суд с присяжными, но и коронные судьи относятся крайне снисходительно к нарушениям Лесного Устава. Чины лесной администрации, в особенности лесная стража, разве в виде исключения получают удовлетворение на суде за нанесенные им обиды или оказание сопротивления их распоряжениям. Лесоворы люди нужные, они приобрели, так сказать, право гражданства: к ним обращаются за лесом и мировой судья, и присяжный заседатель, коронный судья, чины прокуратуры,

и даже само здание Окружного Суда отапливается со дня своего открытия, не получая дров из горнозаводских дач по лесорубочным билетам…» [Вольский, 1891, с. 294]. По оценке В. А. Вольского, добиться существенного сокращения незаконных рубок леса в горнозаводском регионе только карательными мерами было невозможно. Для решения данной проблемы, с его точки зрения, необходимо было создание лесных складов для свободной продажи лесных материалов по рыночным ценам. Однако горнозаводская администрация препятствовала созданию необходимых правовых условий для реализации подобных проектов [Там же, с. 300—302].

Криминализации лесопользования в регионе способствовала и другая особенность его организации. По сведениям корреспондента журнала «Русское богатство», в Пермской губернии хорошая сохранность лесов, предназначенных для удовлетворения потребностей бывших государственных крестьян, обеспечивалась только при передаче лесных территорий такого рода из казенного управления в управление самих крестьянских общин с последующим выделением «семейных участков» (от 0,125 до 4 десятин), находившихся в постоянном пользовании крестьянского двора, с сохранением этого владения при общинных переделах земли либо с выплатой компенсации при переходе участка от одного домохозяйства к другому. Как отмечал автор статьи, подобный порядок лесопользования опирался на традиции, формировавшиеся в ряде уездов Пермской губернии с конца XVIII века [Из Пермской губернии …, 1882, с. 131—132]. По данным современного исследователя С. Г. Федорова, сходные практики пользования лесными ресурсами существовали в граничившем с Пермской губернией Курганском уезде Тобольской губернии [Федоров, 2016, с. 177]. В то же время, как отмечал сотрудник «Русского богатства», лесные территории, выделенные для нужд бывших государственных крестьян и находившиеся в казенном управлении, эксплуатировались теми же крестьянами хищническим и во многих случаях криминальным образом [Из Пермской губернии …, 1882, с. 130]. Даже пользователи «семейных участков», сберегая собственный лес, зачастую покупали для хозяйственных нужд древесные ресурсы, похищенные в смежных дачах с казенным управлением, либо сами осуществляли в них незаконные рубки [Там же, с. 132—134].

3.2. Динамика и социальная структура преступности в лесном секторе по материалам общих судебных учреждений

В ведомостях «Обзоров Пермской губернии» содержатся сведения о преступлениях, рассматривавшихся общими судебными учреждениями и относившихся к наиболее опасной части криминальной активности, в том числе в лесном секторе. К ним относились нарушения уставов о казенных лесах, то есть укрывательство и покупка похищенного или само-

вольно вырубленного леса, насильственное массовое сопротивление либо угрозы оружием лесным служащим, а также различные случаи ненадлежащего исполнения должностных обязанностей лесными чинами и лесной стражей [Уложение ..., 1876, с. 376—379]. Сведения о количестве «лесных» преступлений, рассмотренных в общих судебных учреждениях Пермской губернии, отражены в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Количество преступлений в Пермской губернии, связанных с нарушением уставов о казенных лесах *

Год	**1870**	**1872**	**1874**	**1875**	**1876**	**1877**	**1878**
Количество преступлений	3947	1335	20	2	4	15	10
Год	**1879**	**1880**	**1883**	**1884**	**1885**	**1887**	
Количество преступлений	24	14	47	46	52	65	

* Источник: [Обзор Пермской губернии за [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887] год ..., 1871, 1872, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1884, 1885, 1886, 1888.

Приведенные в таблице 2 данные за 1870 и 1872 годы отражают результаты деятельности дореформенной судебной системы (окружные суды, созданные в ходе судебной реформы Александра II, начали функционировать в Пермской губернии в 1874 году). Этим объясняется их существенное отличие от более поздних показателей. Материалы таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что применительно к периоду с 1874 по 1880 годы можно говорить о колебании показателей на относительно низком уровне (от 2 до 24 преступлений в год), а в период с 1883 по 1887 годы обозначается тенденция к росту их значений. В отличие от мировых судов общие судебные учреждения достаточно редко рассматривали дела о преступлениях в лесном секторе. Так, в 1887 году высшие губернские судебные инстанции вынесли обвинительные приговоры по «лесным» правонарушениям только в отношении 50 лиц, что составляет лишь 2,5 % от общего числа осужденных в течение года.

Отраженные в «Обзорах» результаты деятельности общих судебных учреждений позволяют выявить ряд социальных характеристик среднестатистического нарушителя лесного законодательства. В гендерном отношении особенностью контингента признанных виновными в окружных судах является абсолютное преобладание мужчин (в течение рассматриваемого периода зафиксировано участие в «лесных» правонарушениях только двух женщин).

Для характеристики возрастной структуры «лесной» преступности представляется более целесообразным использовать статистику 1880-х годов, поскольку в ней использовались по преимуществу равные по числу лет возрастные интервалы. По данным этого периода, наиболее высокая криминальная активность в лесном секторе была характерна для мужчин в возрасте от 31 до 40 лет (33 % осужденных). Значительное количество преступников приходится на возрастные интервалы с 21 года до 30 лет (22 %) и с 41 до 50 лет (24 %). Достаточно высоким был уровень молодежной преступности: на сегмент с 17 до 20 лет приходится 13 % осужденных, хотя данный интервал меньше остальных по числу лет более чем в два раза. Расчет средней арифметической взвешенной величины возраста нарушителей лесного законодательства [Правовая статистика …, 2023, с. 99—100], по данным «Обзоров» 1880-х годов, дает результат 35 лет.

Обобщение данных пореформенного периода (с 1874 года) о сословной структуре контингента субъектов делинквентного поведения в лесном секторе позволяет сделать вывод о преобладании преступлений, совершенных крестьянами (80 % правонарушений), а также выявить значительную криминальную активность мещан (11 %) и представителей военного сословия (8 %). Дворяне и лица, отнесенные составителями «Обзоров ...» к таким категориям, как «почетные граждане и купцы» и «другие сословия», крайне редко совершали серьезные противоправные деяния в лесном секторе (0,3 %, 0,7 % и 0,7 % соответственно). Сведения дореформенной статистики (до 1874 года), дают сходную сословную структуру «лесной» криминальной активности. Крестьянами за эти годы было совершено 96 % преступлений, мещанами — 2 %, «другими сословиями» — 1,4 %, представителями военного сословия — 0,6 %; правонарушений, совершенных дворянами, почетными гражданами и купцами не зафиксировано.

В то же время преобладание крестьян как субъектов делинквентной активности в значительной степени объясняется их значительным численным доминированием в структуре населения региона. При расчете условной величины «количество осужденных на 100 тысяч населения» по отдельным сословиям на основе данных 1874—1887 годов выясняется, что наиболее криминализированной группой населения в рамках рассматриваемой группы преступлений оказываются мещане (значение коэффициента — 33). За ними по уровню криминальности следуют купцы и почетные граждане (21), крестьяне (9) и дворяне (6). В ходе вычислений использовались сведения о количественных характеристиках сословной структуры населения губернии, приведенные в переписи 1897 года [Первая всеобщая перепись …, 1904, с. 58—59].

3.3. Повседневность «лесной» преступности по данным судебно-следственной документации

Материалы екатеринбургского окружного суда иллюстрируют достаточно распространенную на протяжении рассматриваемого периода практику массовых рубок леса, методы борьбы с ними, характер конфликтов между лесными служащими и местным населением.

Примером такого преступления и реакции на него правоохранительных структур является дело о сопротивлении лесной страже «скопищем», открытое в феврале 1887 года. Группа «лесоворов», направлявшаяся в вечернее время из Екатеринбурга в Верх-Исетскую казенную дачу, была замечена караулом полесовщиков. Был собран отряд лесной стражи численностью 14 человек. Ночью, во время возвращения «лесоворов» с незаконно заготовленным лесом, они были остановлены возглавлявшим отряд лесообъездчиком. По версии лесной стражи, после того как правонарушителям было приказано проследовать в заводскую контору, они напали на сотрудников лесничества, вооружившись палками, стягами и топорами. При этом кто-то из «лесоворов» выстрелил из револьвера. В ответ лесная стража открыла огонь, ранив некоторых из правонарушителей, после чего «лесоворы» разбежались. Сами порубщики утверждали, что полесовщики начали стрелять сразу после встречи с ними, «вследствие чего они разбежались». При этом факт незаконной рубки леса обвиняемыми признавался. Оправдание присяжными «лесоворов» по обвинению в сопротивлении лесной страже вполне встраивается в контекст, описанный В. А. Вольским [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 2—2об., 128об. — 129].

Относительно массовый характер рассматриваемого дела позволяет дополнить сведения о социальном облике горнозаводских «лесоворов». Первоначально подследственными являлись 14 человек, из которых большинство были мещанами (10 человек). По двое подозреваемых принадлежали к крестьянскому и военному сословиям. По роду занятий большинство (9 человек) являлись чернорабочими, остальные — ремесленниками. По данным правоохранительных органов, 10 подследственных имели «достаточные» средства к существованию, четверо — «недостаточные». Можно предположить, что адекватность данных оценок относительна. Так, например, из девяти чернорабочих, фигурирующих в деле, у семи средства к существованию были определены как «достаточные». Примечательно, что большинство подследственных (9 человек) ранее уже привлекались к суду за незаконные рубки леса [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 718, л. 182—182 об., 184—184 об., 186—193 об., 195—195 об., 203—203 об., 209—210 об.].

Еще одним примером острого противостояния «лесоворов» и лесной охраны в окрестностях Екатеринбурга является дело об убийстве помощ-

ником лесничего Березовской казенной дачи одного из порубщиков в декабре 1888 года. По утверждению обвиняемого служащего горнолесного ведомства, «лесоворы», вооруженные палками и топорами, напали на него во время изъятия незаконно заготовленного леса, а выстрел из ружья был произведен им в порядке самообороны, поскольку один участников незаконных рубок бросился на него с топором. Показания помощника лесничего подтверждались сопровождавшими его лесообъездчиками, лесником и кучером, но отрицались «лесоворами» и служащими городской Мещанской лесной дачи, участвовавшими в драке на стороне нарушителей лесного законодательства. Данный конфликт, по всей видимости, можно рассматривать как один из эпизодов противостояния городской общины и системы горнозаводского лесного хозяйства. В ходе следствия выяснилось, в частности, что лесники Мещанской дачи, подчинявшиеся муниципальным властям Екатеринбурга, за небольшую мзду разрешали «лесоворам» провозить через подконтрольную им территорию лес, незаконно вырубленный в Березовской казенной даче. Примечательно, что убитый участник незаконных рубок относился к городскому среднему классу, а не к бедным слоям. Окружным судом без участия присяжных был вынесен оправдательный приговор в отношении обвиняемого помощника лесничего [ГАСО, ф. 11, оп. 7, д. 69, л. 18—18 об., 59 об. — 62, 64 об.].

Менее напряженным был конфликт, случившийся в Шадринском уезде в феврале 1889 года. Группа крестьян, подозреваемых в незаконных рубках казенного леса (впоследствии это обвинение не подтвердилось), нанесла «оскорбление действием» леснику, сотскому и десятскому, пытавшимся осуществить обыски (обвиняемые замахивались на представителей власти палками, лопатой и метлой, толкали в грудь, бросили в одного из них поленом, помимо этого были нанесены удары палкой). После полуторагодичного судебного разбирательства двое из пяти обвиняемых были приговорены к двухмесячному и двенадцатидневному срокам ареста [ГАСО, ф. 11, оп. 5, д. 837, л. 33—33 об., 61 об., 63—65].

4. Заключение = Conclusions

Рассмотренные материалы позволяют сделать ряд обобщений. Во-первых, выявленные данные свидетельствуют о преобладании среди «лесных» преступников крестьян и мещан. Хотя сословная принадлежность не всегда является надежной характеристикой уровня материального благосостояния, все же можно говорить о том, что это менее состоятельные слои населения. В то же время материалы печати, статистические данные и судебно-следственные документы показывают, что «лесные» преступления совершались и представителями среднего класса. Во-вторых, значимой

причиной высокой активности «лесоворов» являлся характер поземельных отношений, не обеспечивавший возможность удовлетворения потребностей населения Урала в лесных материалах законным образом. В подобных условиях традиционно-правовые обоснования криминальных рубок могли оказываться средствами легитимации противозаконных способов решения насущных проблем. В-третьих, специфическим фактором, стимулирующим хищения древесных ресурсов и сопутствующие им столкновения с лесной стажей в горнозаводском регионе, являлись ограничения, препятствующие организации свободной торговли лесом. В-четвертых, перечисленные факторы ослабляли эффективность правоохранительной системы в борьбе с преступностью в лесном секторе.

Эти обстоятельства позволяют использовать при характеристике по крайней мере части криминальной активности в лесном секторе Уральского края термин *социальная преступность*, получивший определенное признание в британской историографии и, по определению Дж. Рула, обозначающий противоправные деяния, получившие «коллективную легитимацию благодаря явному протестному характеру» либо не рассматривавшиеся как преступные теми, кто их совершал [Emsley, 1997, p. 3]. Примечателен и тот факт, что подобный «юридический релятивизм», приводивший к достаточно массовым делинквентным действиям в отдельных сферах, не является специфической особенностью российской правовой культуры и фиксируется, в частности, в британском историческом опыте XVIII—XIX веков. Так, например, представители бедных слоев Англии не считали преступлением браконьерство, поскольку, с их точки зрения, животные, находящиеся в диком состоянии, не могли являться собственностью какого-либо лица [Ibid., p. 4]. В условиях горнозаводского Урала второй половины XIX века решение проблем, формирующих «социальную» составляющую криминальной активности, могло оказаться не менее значимым средством минимизации «лесной» преступности, чем карательные методы пресечения противоправной деятельности.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Вольский В. А.* О необходимости открытия лесных дворов в г. Екатеринбурге / В. А. Вольский // Лесной журнал. — 1891. — № 3. — С. 289—307.

2. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. 11 (Екатеринбургский окружной суд). Оп. 5. Д. 718, Д. 837 ; Оп. 7. Д. 69 ; Ф. 24 (Уральское горное управление). Оп. 20. Д. 433 ; Ф. 72 (Главное управление Верх-Исетских заводов). Оп. 1. Д. 3900.

3. *Здобнов Я.* О лесоустройстве и по поводу лесоустройства на Урале / Я. Здобнов // Лес и его разработка. — 1916. — № 2. — С. 2—18.

4. *Из Пермской* губернии. Письмо 1-е // Русское богатство. — 1882. — № 5—6. — С. 127—135.

5. *Мылов В. Н.* Земство, города и заводы / В. Н. Мылов // Екатеринбургская неделя : [газета]. — 1882. — № 16. — С. 240—243.

6. *Обзор* Пермской губернии за [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] год. — Пермь, [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1891, 1892].

7. *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Пермская губерния. — Санкт-Петербург : ЦСК МВД, 1904. — Т. XXXI. — 301 с.

8. *Уложение* о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года / сост. Н. С. Таганцев. — Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1876. — 726 с.

Литература

1. *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика российского правительства на горнозаводском Урале в последней трети XIX — начале XX вв. : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / Н. Н. Алеврас. — Челябинск, 1997. — 42 с.

2. *Безгин В. Б.* Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. — Москва : Common place, 2017. — 334 с. — ISBN 978-999999-0-25-7.

3. *Безгин В. Б.* Традиции сельской повседневности конца XIX — начала XX веков (на материалах губерний Центрального Черноземья) : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / В. Б. Безгин. — Москва, 2006. — 41 с.

4. *Гилько М. А.* Транссибирская магистраль и лесная отрасль в дореволюционной Енисейской губернии / М. А. Гилько // Вестник КрасГАУ. — 2012. — № 6. — С. 257—264.

5. *Данчевская А. В.* Проблемы организации лесного надзора в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX — начале XX в. / А. В. Данчевская // Известия Лаборатории древних технологий. — 2021. — Т. 17. — № 2. — С. 127—140. — DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-127-140.

6. *Дмитриев А. В.* Горно-лесное хозяйство Урала во второй половине XIX — начале XX вв. : структура и правовая регламентация / А. В. Дмитриев. — Екатеринбург : НИИМК, 1996. — 48 с.

7. *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей : Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века / А. Б. Каменский. — Москва : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. — 403 с. — ISBN 987-5-7281-0914-3.

8. *Курышова И. В.* Эволюция государственной природоохранной политики в Байкальском регионе в конце XIX — начале XX в. В контексте трансформации традиционного хозяйства / И. В. Курышова, А. М. Курышов // Известия Лаборатории древних технологий. — 2018. — № 4 (29). — С. 124—136. — DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136.

9. *Попп И. А.* Мировой суд в Пермской губернии в 1873 — 1893 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Попп. — Екатеринбург, 2011. — 385 с.

10. *Поршнева О. С.* Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. 2-е изд., доп. / О. С. Поршнева. — Екатеринбург : УГТУ—УПИ, 2009. — 210 с.

11. *Правовая* статистика / И. Н. Андрюшечкина, Е. А. Ковалев, Л. К. Савюк, Ю. А. Бикбулатов ; под редакцией Л. К. Савюка. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 409 с. — ISBN 978-5-534-02269-8.

12. *Пухов Д. Ю.* Преступления, связанные с нарушениями лесного законодательства, в Оренбургской губернии в 1870—1893 годах / Д. Ю. Пухов // Эффективный ответ на современные вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий : соц.-эконом. и экологич. проблемы лесного комплекса : материалы XV Международной научно-технич. конф. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2024. — С. 684—689.

13. *Пьянков С. А.* Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX — начале XX в. / С. А. Пьянков. — Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2014. — 216 с. — ISBN 978-5-7691-2397-9.

14. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX — XXI вв. : социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина. — Москва : Кругъ, 2011. — 560 с. — ISBN 978-5-7396-0203-9.

15. *Тяпкин О. М.* Государственная лесоохранная политика в Западной Сибири в XVIII — начале XX в. : диссертация … доктора исторических наук : 07.00.02 / О. М. Тяпкин. — Томск, 2017. — 554 с.

16. *Тяпкин О. М.* Историко-правовая характеристика участия полиции Томской губернии в охране лесов в начале XX века / О. М. Тяпкин, В. М. Антропов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. — 2015. — № 10 (132). — С. 53—57.

17. *Федоров С. Г.* Лесные вырубки в обычно-правовых представлениях крестьянства в Российской и Сибирской деревнях во второй половине XIX — начале XX в. / С. Г. Федоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 11 (73). — Ч. 1. — С. 176—178.

18. *Чернов Н. Н.* История лесного хозяйства Оренбургского казачьего войска / Н. Н. Чернов. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2010. — 195 с. — ISBN 978-5-94984-299-7.

19. *Чернов Н. Н.* История лесоустройства на Урале / Н. Н. Чернов, Е. П. Смолоногов, З. Я. Нагимов. — Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2006. — 470 с. — ISBN 5-94984-096-8.

20. *Шиловский Д. М.* Полиция Западной Сибири в борьбе с массовыми выступлениями 1905—1907 гг. / Д. М. Шиловский // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Мат-лы Всероссийской науч. конф. — Томск : Томский гос. ун-т, 2007. — С. 126—129.

21. *Шустов С. Г.* Социально-экономическая трансформация Пермского майората Строгановых во второй половине XIX — начале XX в. : автореферат диссертации … доктора исторических наук : 07.00.02 / С. Г. Шустов. — Екатеринбург, 2011. — 48 с.

22. *Emsley C.* Crime and society in England, 1750—1900 / C. Emsley. — London and New York : Longman, 1997. — 312 p. — ISBN 0-582-25146-X.

Статья поступила в редакцию 24.10.2024,
одобрена после рецензирования 08.12.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

From the Perm province. Letter 1. (1882). *Russian wealth, 5—6:* 127—135. (In Russ.).

GASO — *State Archive of the Sverdlovsk region.* (In Russ.).

Mylov, V. N. (1882). Zemstvo, cities and factories. *Yekaterinburg week: [newspaper], 16:* 240—243. (In Russ.).

Overview of the Perm province for [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1890, 1891] a year. Perm, [1870, 1871, 1874, 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1883, 1884, 1885, 1887, 1891, 1892]. (In Russ.).

The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1866. (1876). St. Petersburg: M. Stasyulevich's Type. 726 p. (In Russ.).

Troynitsky, N. A. (ed.). (1904). *The first general population census of the Russian Empire, 1897, XXXI.* St. Petersburg: Central Committee of the Ministry of Internal Affairs. 301 p. (In Russ.).

Volsky, V. A. (1891). On the need to open forest yards in Yekaterinburg. *Forest Journal, 3:* 289—307. (In Russ.).

Zdobnov, Ya. (1916). About forest management and about forest management in the Urals. *Forest and its development, 2:* 2—18. (In Russ.).

References

Alevras, N. N. (1997). *The agrarian policy of the Russian government in the mining Urals in the last third of the XIX — early XX centuries.* Author's abstract of Doct. Diss. Chelyabinsk. 42 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2006). *Traditions of rural everyday life of the late XIX — early XX centuries (based on the materials of the provinces of the Central Chernozem region).* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 41 p. (In Russ.).

Bezgin, V. B. (2017). *Muzhikskaya pravda. Customary law and the court of Russian peasants.* Moscow: Common place. 334 p. ISBN 978-999999-0-25-7. (In Russ.).

Chernov, N. N. (2010). *The history of forestry of the Orenburg Cossack army.* Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. Univ. 195 p. ISBN 978-5-94984-299-7. (In Russ.).

Chernov, N. N., Smolonogov, E. P., Nagimov, Z. Ya. (2006). *History of forest management in the Urals.* Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. Univ. 470 p. ISBN 5-94984-096-8. (In Russ.).

Danchevskaya, A. V. (2021). Problems of the organization of forest supervision in the Irkutsk and Yenisei provinces at the end of the XIX — beginning of the XX century. *News of the Laboratory of Ancient Technologies, 17 (2):* 127—140. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-2-127-140. (In Russ.).

Dmitriev, A. V. (1996). *Mining and forestry of the Urals in the second half of the XIX — early XX centuries: structure and legal regulation.* Yekaterinburg: NIIMK. 48 p. (In Russ.).

Emsley, C. (1997). *Crime and society in England, 1750—1900.* London and New York: Longman. 312 p. ISBN 0-582-25146-X.

Fedorov, S. G. (2016). Deforestation in the customary legal representations of the peasantry in Russian and Siberian villages in the second half of the XIX — early XX century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice, 11 (73) / 1:* 176—178. (In Russ.).

Gilko, M. A. (2012). The Trans-Siberian railway and the forestry industry in the pre-revolutionary Yenisei province. *Bulletin of KrasGAU, 6:* 257—264. (In Russ.).

Kamensky, A. B. (2007). *The daily life of Russian urban inhabitants: Historical anecdotes from provincial life of the XVIII century.* Moscow: Russian State Humanitarian University. Univ. 403 p. ISBN 987-5-7281-0914-3. (In Russ.).

Kuryshova, I. V., Kuryshov, A. M. (2018). Evolution of state environmental policy in the Baikal region in the late XIX — early XX century. In the context of the transformation of the traditional economy. *Izvestia of the Laboratory of Ancient Technologies, 4 (29):* 124—136. DOI: http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2018-4-124-136. (In Russ.).

Legal statistics. (2023). Moscow: Yurait Publishing House. 409 p. ISBN 978-5-534-02269-8. (In Russ.).

Popp, I. A. (2011). *The World court in the Perm province in 1873—1893.* PhD Diss. Yekaterinburg. 385 p. (In Russ.).

Porshneva, O. S. (2009). *Interdisciplinary methods in historical and anthropological research. 2nd ed., supplement.* Yekaterinburg: UGTU—UPI. 210 p. (In Russ.).

Pukhov, D. Yu. (2024). Crimes related to violations of forest legislation in the Orenburg province in 1870—1893. In: *Effective response to modern challenges, taking into account the interaction of man and nature, man and technology: social economy. and eco-friendly. problems of the forest complex: materials of the XV International Scientific and Technical Conference.* Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. Univ. 684—689. (In Russ.).

Pyankov, S. A. (2014). *Peasant farming of the Perm province at the end of the XIX — beginning of the XX century.* Yekaterinburg: RIO UrO RAS. 216 p. ISBN 978-5-7691-2397-9. (In Russ.).

Repina, L. P. (2011). *Historical science at the turn of the XX — XXI centuries: social theories and historiographical practice.* Moscow: Krug. 560 p. ISBN 978-5-7396-0203-9. (In Russ.).

Shilovsky, D. M. (2007). The police of Western Siberia in the fight against mass demonstrations of 1905—1907. In: *Siberian society in the period of social transformations of the twentieth century. Materials of the All-Russian Scientific Conference.* Tomsk: Tomsk State University. 126—129. (In Russ.).

Shustov, S. G. (2011). *Socio-economic transformation of the Permian Stroganov entail in the second half of the XIX — early XX century.* Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 48 p. (In Russ.).

Tyapkin, O. M. (2017). *State forest protection policy in Western Siberia in the XVIII — early XX century.* Doct. Diss. Tomsk. 554 p. (In Russ.).

Tyapkin, O. M., Antropov, V. M. (2015). Historical and legal characteristics of the participation of the Tomsk province police in forest protection at the beginning of the twentieth century. *Bulletin of the Altai State Agrarian University, 10 (132):* 53—57. (In Russ.).

The article was submitted 24.10.2024;
approved after reviewing 08.12.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Родионов В. А. Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв. / В. А. Родионов, О. Хатанболд // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 481—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496.

Rodionov, V. A., Khatanbold, O. (2024). Mongolia and 14th Dalai Lama in Late 20th and 21st Centuries. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 481-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв.

Родионов Владимир Александрович [1]
orcid.org/0000-0001-8813-1862
доктор политических наук, доцент,
директор Восточного института,
корреспондирующий автор
rodionovva@bsu.ru

Хатанболд Ойдов [2]
orcid.org/0000-0001-7867-6850
доктор политических наук,
заведующий отделом политологии
и права, ведущий научный сотрудник
khatanboldo@gmail.com

[1] Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова
(Улан-Удэ, Россия)

[2] Институт философии
Академии наук Монголии
(Улан-Батор, Монголия)

Благодарности:
Статья подготовлена за счет грантаРоссийского
научного фонда № 24-48-03022,
проект «Традиционный буддизм,
постсекулярность и современные общественно-
политические процессы в России и Монголии»,
https://rscf.ru/project/24-48-03022/

Mongolia and 14th Dalai Lama in Late 20th and 21st Centuries

Vladimir A. Rodionov [1]
orcid.org/0000-0001-8813-1862
Doctor of Political, Associate Professor,
Director of the Institute
of Oriental Studies,
corresponding author
rodionovva@bsu.ru

Oidov Khatanbold [2]
orcid.org/0000-0001-7867-6850
Doctor of Political, Head
of the Department of Political Science
and Law, leading research scientist
khatanboldo@gmail.com

[1] Banzarov
Buryat State University
(Ulan-Ude, Russia)

[2] Institute of Philosophy
of Mongolian Academy of Sciences
(Ulaanbaatar, Mongolia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science
Foundation, project number 24-48-03022, project
“Traditional Buddhism, Postsecularity,
and Contemporary Socio-Political Processes
in Russia and Mongolia”,
https://rscf.ru/project/24-48-03022/

© Родионов В. В., Хатанболд О., 2024

CC BY OPEN ACCESS

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено роли института Далай-лам в политическом процессе Монголии как в исторической ретроспективе, так и в рамках текущих событий. Цель статьи заключается в выявлении основных факторов присутствия Далай-ламы в общественно-политической жизни Монголии. В концептуально-методологическом плане исследование опирается на теорию постсекулярного общества. Источниковой базой исследования выступили нормативно-правовые акты Монголии, данные общенациональной переписи, результаты социологических опросов, публикации монгольских, российских, западных СМИ, в той или иной степени затрагивающих отношения государства, общества и религии. Авторы исходят из того, что современная Монголия представляет собой яркий пример постсекулярного общества. Отмечается, что отказ от политики государственного атеизма и феномен «буддийского возрождения» определили высокую степень переплетения религиозных и нерелигиозных институтов. Фигура Далай-ламы XIV рассматривается как один из важных участников этих процессов. Установлено, что основными факторами вовлечения Далай-ламы в общественно-политические процессы Монголии являются его высокий религиозный авторитет среди верующих, легитимация монгольских перерожденцев, образ «демократического лидера». К факторам, сдерживающим влияние Далай-ламы, отнесены значительный сегмент нерелигиозно настроенных граждан Монголии, риски ухудшения отношений с КНР, тенденции национализации буддийской сангхи Монголии.

Ключевые слова:
Далай-лама; Монголия; буддизм; политический процесс; постсекулярность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the role of the Dalai Lama institution in the political processes of Mongolia, both from a historical perspective and in the context of contemporary events. The aim of the article is to identify the key factors influencing the presence of the Dalai Lama in Mongolia's socio-political life. Conceptually and methodologically, the research relies on the theory of post-secular society. The sources for this study include legal documents from Mongolia, data from national censuses, results from sociological surveys, and publications from Mongolian, Russian, and Western media that address the relationships between state, society, and religion. The authors argue that modern Mongolia exemplifies a post-secular society. It is noted that the abandonment of state atheism and the phenomenon of "Buddhist revival" have led to a significant intertwining of religious and secular institutions. The figure of the 14th Dalai Lama is regarded as a crucial participant in these processes. The study establishes that the main factors contributing to the involvement of the Dalai Lama in Mongolia's socio-political processes include his high religious authority among believers, the legitimization of Mongolian reincarnations, and his image as a "democratic leader." Factors that restrain the influence of the Dalai Lama include a significant segment of non-religious citizens in Mongolia, risks of deteriorating relations with the People's Republic of China, and trends toward the nationalization of Mongolia's Buddhist sangha.

Key words:
Dalai Lama; Mongolia; Buddhism; political process; post-secularity.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(517.3)“1990/2024”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-481-496

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Монголия и Далай-лама XIV в конце XX — XXI вв.

© Родионов В. В., Хатанболд О., 2024

1. Введение = Introduction

Процесс, именуемый десекуляризацией, то есть снижение роли светских идей и институтов при одновременном увеличении роли религии в общественной жизни, является одной из самых заметных тенденций развития мира в первой четверти XXI века. Многие государства, несмотря на закрепленные в национальном законодательстве нормы светского характера, не могут не учитывать возросший интерес населения к религии. С одной стороны, религия используется в качестве инструмента для достижения политических целей, в том числе на международной арене. Созданный по инициативе США в феврале 2020 года «Международный альянс религиозной свободы» — один из таких примеров последних лет. С другой стороны, религиозные институты из объектов политики государства становятся все более активными субъектами политического процесса. По словам Д. Узланера, «религиозный фактор из элемента “надстройки” все отчетливее превращается в один из несущих элементов структуры современного общества» [Узланер, 2019]. Особенно заметна данная тенденция в странах постсоциалистического пространства, до недавнего времени придерживавшихся политики государственного атеизма. Достаточно вспомнить активное участие католической церкви в консервативном политическом движении в Польше или печально известные события, связанные с расколом православия на Украине.

Отдельный случай представляет собой Монголия. Если в восточноевропейских государствах, а также в постсоветской России речь идет прежде всего об увеличении роли и влияния христианских церквей, то в Монголии, первой постсоциалистической стране в Азии, имеет место феномен «буддийского возрождения», во многом ставшего реакцией общества на крах идеи атеистического строя. Особое место в этом процессе занимает фигура Далай-ламы XIV, являющегося главой школы гелуг — ведущей буддийской

традиции в Монголии. Принимая во внимание религиозные связи Монголии с другими странами, фактор буддийской религии и Далай-ламы XIV зачастую выходит за рамки внутримонгольского политического процесса. Настоящая статья призвана дать ответы на вопросы о том, как именно буддийский иерарх оказывает влияние на общественно-политическую жизнь Монголии и почему такое стало возможно в формально светском государстве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В концептуальном плане исследование основывается на теории постсекулярного общества, которая концентрируется на вопросах сосуществования и взаимовлияния религиозных и нерелигиозных институтов. Значимым постулатом данной теории является отказ от противопоставления религиозного и нерелигиозного как неспособных к сосуществованию явлений. В ситуации постсекуляризма игнорирование религии становится недальновидным и даже опасным для политических сил, ведущих борьбу за власть. При этом речь может идти не столько о возвращении общества к моделям досекулярной эпохи, сколько о появлении своеобразных гибридов из светских и религиозных институтов.

Источниковая база исследования может быть подразделена на несколько групп. К первой относятся законодательные акты Монголии, регламентирующие религиозные отношения: Конституция МНР (принята в 1924 году), действующая Конституция Монголии (принята в 1992 году), Закон, регулирующий отношения между государством и церковью, Концепция национальной безопасности Монголии. Анализ этих документов позволяет выявить историческую динамику отношения государства к религиозным институтам. Вторая группа представлена данными общенациональной переписи Монголии 2020 года, а также материалами социологических опросов, в которых фиксируются цифры, отражающие отношение к религии населения страны. Третья группа сформирована материалами из массмедиа Монголии, России и других стран, затрагивающих тему буддизма и Далай-ламы XIV. Особенностью данной группы источников является их тематическое разнообразие и порой противоречивое по содержанию наполнение, что позволяет понять идейные предпочтения авторов материалов.

Среди исследований, затрагивающих различные аспекты настоящей тематики, можно выделить работы таких российских авторов, как Л. Л. Абаева [Абаева, 2021], Ц. П. Ванчикова [Ванчикова и др., 2018], С. Л. Кузьмин [Кузьмин, 2011], Е. А. Островская [Островская, 2009], Ю. П. Помелова [Помелова, 2019], В. А. Родионов [Родионов, 2013; Родионов, 2023], Р. Т. Сабиров [Сабиров, 2012; Сабиров, 2022], Т. Д. Скрынникова [Скрынникова, 1988]. Основной акцент в рассматриваемых работах

делается на выявлении связи между историческими сюжетами и современными процессами в монгольском и тибетском буддизме. Фокус исследований монгольских и западных исследователей (Ш. Догмийчойдон [Догмийчойдон, 2003], Б. Сэржав [Сэржав, 2019], С. Цэдэндамба [Цэдэндамба, 2017], J. Dirkies [Dirkies, 2016], J. Elverskog [Elverskog, 2006], S. Radchenko [Radchenko, 2016]) преимущественно сосредоточен на вопросе о безопасности Монголии в контексте взаимоотношений с Далай-ламой и КНР.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Монголия и институт Далай-лам: исторический экскурс

Буддизм играл важную роль в политической истории Монголии еще со времен империи XIII века. Модель «духовный наставник — светский правитель» была идеологической основой союза великого хана и императора Юань Хубилая и иерарха тибетской школы сакья Пагба-ламы. Эта модель использовалась и в более поздние времена, когда буддизм становится государственной религией монгольских ханств. Более того, с 1911 по 1924 годы монгольское государство возглавлял буддийский иерарх Богдогэгэн VIII (монг. «Светлейший владыка»). В целом, государство и буддийская религия в Монголии многие столетия были если не синонимами, то тесно переплетенными институтами.

С конца XVI века институт Далай-лам, во многом возникший при прямом участии монгольских ханов, стал важнейшим элементом общественно-политической жизни монголов. Именно Далай-ламы возглавляли школу гелуг (в российской традиции известна как «желтошапочники»), ставшую самой влиятельной среди монголов. Далай-лама V положил начало линии особо почитаемых в Монголии религиозных наставников-перерожденцев (тиб. *тулку*, монг. *хубилган*), признав монгольского Джебцзун-Дамба-хутухту Дзанабадзара воплощением буддийского духовного авторитета Таранатхи, жившего в Тибете на рубеже XVI—XVII веков. Западно-монгольская (ойратская) знать, не будучи чингисидской по происхождению, подкрепляла свои претензии на власть через связи с Далай-ламами. В начале XX столетия, когда монголы и тибетцы вышли из состава империи Цин и создали собственные независимые государства, Далай-лама XIII способствовал установлению дипломатических отношений между двумя политическими образованиями, используя свой духовный авторитет среди монголов [Кузьмин, 2011, с. 127].

С началом эпохи революционных преобразований в Монголии (1920—30-е годы) роль Далай-лам, как и в целом буддийской религии, радикально снизилась. Ориентируясь на опыт Советского Союза, Монголия прошла путь от страны с теократическим правлением к социалистической республике с идеологией государственного атеизма. В первой конституции стра-

ны, принятой в 1924 году, церковь отделялась от государства, а религия объявлялась частным делом каждого гражданина [Конституция Монголии, 1924]. В 1928 году было выпущено специальное постановление, запрещающее поиск нового воплощения Богдо-гэгэна (Богдо-гэгэн VIII умер в 1924 году), а связи с Тибетом и двором Далай-ламы стали значительно сокращаться. Тем самым традиция легитимации власти через буддийскую религию прервалась. Массовые репрессии в отношении буддийской сангхи в 1930-е годы на некоторое время свели к нулю какое-либо влияние Далай-лам и других буддийских иерархов.

Однако было бы неверно считать, что на протяжении всего социалистического периода истории Монголии фигура тибетского первосвященника никак не присутствовала в жизни страны. Так, нынешний Далай-лама XIV оказался в гуще монгольской внешней политики в 1979 году, став почетным гостем V Съезда международной неправительственной организации буддистов стран Азии «Азиатская буддийская конференция за мир», проходившего в Улан-Баторе. Политическая подоплека участия тибетского первосвященника просматривалась довольно определенно. Монголо-китайские отношения, равно как и советско-китайские, в то время переживали серьезный кризис. Приграничный конфликт КНР с Вьетнамом в начале 1979 года лишь обострил и без того напряженные отношения между сторонами. На этом фоне приглашение Далай-ламы XIV, находящегося с 1959 года в остром конфликте с китайскими властями, выглядело вызовом и средством давления на Пекин [Родионов, 2023, с. 247]. В то же время всем сторонам этих отношений было понятно, что сфера присутствия тибетского иерарха в общественно-политической жизни МНР предельно лимитирована и полностью определяется политическим руководством страны.

3.2. «Буддийское возрождение» и Далай-лама XIV в 1990—2000-е годы

Начало 1990-х годов принесло коренные перемены в отношения монгольского государства и буддийской религии. Отказ от социалистической модели общественного развития означал в том числе пересмотр политики государственного атеизма. Принятая в 1992 году новая конституция Монголии, сохранив разделение государства и религии (глава I, статья 9, пункт 2), провозгласила свободу вероисповедания (глава II, статья 16, пункт 15), а также запретила дискриминацию по религиозному признаку (глава II, статья 14, пункт 2) [Конституция Монголии, 1992]. При этом, несмотря на объявляемые и закрепленные в конституции страны религиозные свободы и равенство всех религий, государство неоднократно подчеркивало свое особое отношение к буддизму как «национальной традиционной религии» (монг. *үндэсний уламжлалт шашин*). Во-первых, власти вступили в открытый диалог с буддийской церковью, полностью легализовав ее статус и возвратив ей

движимое и недвижимое имущество, конфискованное в эпоху социализма. Во-вторых, особый статус буддизма был прописан в «Законе, регулирующем отношения между государством и церковью». В статье 4 Закона указывается: «Монголия уважает доминирующее положение (монг. *зонхилох байр суурь*) буддизма, обеспечивающего народное единство (монг. *ард түмний эв нэгдэл*) и являющегося частью культурной истории» [Төр, сүм]. Кроме того, в Концепции национальной безопасности Монголии (пункт 3.1.4.7) «возрождение и развитие буддийской религии» называется одной из задач обеспечения цивилизационной безопасности страны [Үндэсний аюулгүй]. В результате Монголия, оставаясь по форме светским государством, на практике продемонстрировала высокую степень вовлеченности в отношения с религией, прежде всего с буддизмом.

Вышеописанные процессы подготовили почву для возвращения фактора Далай-ламы в общественно-политическую жизнь страны. В постсоциалистический период, начиная с 1992 года Далай-лама XIV семь раз посетил Монголию. Люди, тесно связанные с ним, прочно обосновались в Монголии, открывая новые монастыри и иные буддийские религиозные центры. Например, Бакула Ринпоче, в 1990-е годы бывший послом Индии в Монголии, основал в столице страны монастырь Бэтувлин.

Большой интерес монгольского общества к фигуре тибетского первосвященника определен как чисто религиозными, так и нерелигиозными по характеру причинами.

Во-первых, вполне очевидно, что для верующих буддистов Монголии Далай-лама XIV является высшим духовным авторитетом, возглавляющим школу гелуг. Каждый его визит в Монголию вызывает огромный интерес у десятков тысяч граждан Монголии, стремящихся принять участие в молебнах и послушать лекции духовно-религиозного авторитета. Например, в 2016 году его учения в спорткомплексе «Буянт-Ухаа» посетило около 10 000 человек (при вместимости помещения 5000 человек) [Фоторепортаж].

Во-вторых, Далай-лама XIV является ключевым субъектом легитимации монгольских хубилганов-перерожденцев. По данным Р. Т. Сабирова, в 1990—2000-е годы в Монголии насчитывалось около 20 хубилганов, и большинство из них было утверждено Далай-ламой [Сабиров, 2022, с. 116].

Самым известным и резонансным признанием перерожденца в Монголии стал случай с появлением Богдо-гэгэна X. Перед визитом в Монголию в 2016 году Далай-лама объявил о рождении мальчика, который должен стать новым Богдо-гэгэном. В частности, буддийский первосвященник сообщил, что «…его (Богдо-гэгэна. — *В. Р., Х. О.*) новое воплощение родилось в Монголии. Однако мальчик сейчас еще очень мал, и нет нужды спешить с обнародованием (его имени). Когда ему исполнится три, четыре

или пять лет, мы посмотрим, как будут обстоять дела. Возвести маленького ребенка на высокий трон — не самое важное. Куда важнее предоставить ему возможность учиться, стать образованным, чтобы он мог вносить свой вклад в процветание буддийской Дхармы» [Перед отлетом в Японию].

Это, на первый взгляд, сугубо сакрально-религиозное действо в Монголии воспринимается и как мера обеспечения национальной безопасности. В соседней с Монголией КНР процесс выявления и признания перерожденцев находится под строгим контролем со стороны государственных и партийных органов [Помелова, 2019, с. 53—57]. Возможное появление в будущем нового («китайского») Далай-ламы, подконтрольного Пекину, дает в руки китайского руководства источник для воздействия на буддийские общины вне Китая, включая монгольскую сангху. В связи с этим своевременное признание Далай-ламой XIV нового Богдо-гэгэна в Монголии многим видится игрой на опережение, способом избежать влияния Китая на религиозную сферу страны. Таким образом, имеет место секьюритизация буддизма, то есть его превращение в один из аспектов национальной безопасности.

В-третьих, несмотря на официальные заявления монгольских властей о сугубо пастырском характере визитов Далай-ламы XIV в Монголию, в самой стране многими они рассматриваются в качестве так называемого «теста на приверженность демократическим ценностям» [Островская, 2009, с. 68]. Монгольская политическая элита видит в демократическом имидже страны важный ресурс для экономического и политического развития Монголии [Родионов, 2013, с. 26—27]. Высказываясь за визиты Далай-ламы в Монголию, многие политики апеллируют к правам верующих как одному из базовых принципов современной либеральной демократии [Баттулга, 2017]. В свою очередь, представители западного экспертного сообщества также склонны рассматривать выдачу монгольскими властями въездной визы Далай-ламе как яркое проявление демократичности и независимости Монголии, ее приверженности ценностям прав человека, систематически нарушаемых в Китае [Dierkes, 2016; Radchenko, 2016]. В результате формально «неполитическое» мероприятие на практике становится акцией мягкого протеста против политики КНР в отношении буддийского иерарха и его сторонников. В целом, буддизм и фигура Далай-ламы XIV, имеющего имидж самого демократически настроенного из всех когда-либо существовавших буддийских первосвященников, удобны для легитимации демократического процесса в постсоциалистической Монголии.

3.3. Далай-лама XIV и Монголия на современном этапе

Несмотря на то, что большинство граждан Монголии положительно относятся к многоаспектным связям страны с Далай-ламой XIV, существуют и иные точки зрения на этот вопрос.

Всех критиков условно можно разделить на две группы. Первая группа представлена людьми, апеллирующими к приоритету нерелигиозных интересов Монголии. В частности, публицист и политик Санжаадоржийн Молор-Эрдэнэ, отстаивая светский характер современного монгольского общества, считает недопустимым привнесение религии в политику [Молор-Эрдэнэ, 2016]. Подобные взгляды можно рассматривать как отражение существующих в монгольском обществе ценностей и предпочтений, мало связанных с религией в целом и буддизмом в частности. Достаточно напомнить, что, согласно данным национальной переписи 2020 года, 40,6 % граждан Монголии относят себя к категории «неверующих» [Population and housing census of Mongolia, 2020, p. 61]. Результаты проводимых в Монголии социологических исследований показывают, что большинство монголов не готово принять религию в качестве важного фактора общественно-политического развития страны. Мониторинг общественного мнения демонстрирует высокую степень неприятия монгольским обществом религии в политической и личной жизни. В 2024 году 79,2 % респондентов указали, что в политике роль религии должна быть минимальной или вообще нулевой, а 48,6 % респондентов отводят религии небольшую или никакую роль даже в своей повседневной жизни [Politbarometer, 2024].

Еще один аргумент в пользу дистанцирования Монголии от активных контактов с тибетским первосвященником выражен в опасении ухудшения отношений с КНР. Например, политический обозреватель Цэндийн Энхбат критикует правительство за недальновидную политику в отношении визитов Далай-ламы, приведшую к экономическим проблемам [Энхбат, 2016]. Принимая во внимание тот факт, что на сегодняшний день Китай является основным и ключевым экономическом партнером Монголии (свыше 60 % всей внешней торговли страны приходится на КНР [Монголын гадаад худалдаа, 2023]), данная позиция имеет под собой серьезные основания.

Для китайского руководства любое посещение тибетским иерархом какой-либо страны, с которой у Пекина есть официальные отношения, воспринимается как недружественный акт и попытка разыграть политическую карту. Позиция китайских властей сводится к тому, что Далай-лама XIV, являясь сепаратистом, стремится заручиться поддержкой извне, посещая различные страны. С одной стороны, официальная позиция Улан-Батора по вопросу о правовом статусе Тибета остается неизменной: Тибетский автономный район является составной и неотъемлемой частью КНР. В то же время различные буддийские общины и организации, имеющие определенное влияние в Монголии, активно выступают за политическое самоопределение Тибета и тем самым формируют соответствующее общественное мнение в монгольском обществе [IUSY World]. В этом свете

визиты Далай-ламы в Монголию придают дополнительный импульс подобным идеям. Свидетельством наличия внимания к визитам Далай-ламы со стороны монгольских политиков являются такие факты, как предоставление ему усиленной охраны (во время его визита в ноябре 2016 года), посещение им государственной резиденции «Их тэнгэр», участие советника президента Монголии в организации визита и программы пребывания в стране [Ванчикова и др., 2018, с. 61]. Все эти факты ставят под сомнение исключительно религиозный характер визитов буддийского иерарха.

КНР, наряду с дипломатическими протестами, использует иные методы и инструменты воздействия на Монголию. В 2016 году в ответ на посещение Далай-ламой Монголии китайская сторона аннулировала ряд визитов монгольских руководителей в Китай. В ходе этих встреч должны были быть обсуждены такие важные вопросы, как получение Монголией льготного кредита со стороны КНР, перспективы строительства медеплавильного предприятия и железной дороги [Мунх-Оргил, 2016]. Кроме того, Пекин изменил правила товарооборота с Монголией, по существу, введя против нее таможенные санкции [Китай ввел ..., 2016].

Как результат 21 декабря 2016 года китайская ежедневная газета «Global Times» со ссылкой на информационное агентство «Синьхуа» сообщила о заявлении министра иностранных дел Монголии Цэндийн Мунх-Оргила, в котором говорилось, что «Монголия в дальнейшем не допустит и не разрешит осуществление визита Далай-ламы в своей стране, даже если он будет носить исключительно религиозный характер» [Mongolia Not ...]. Эти слова, безусловно, стали свидетельством наметившихся изменений в официальных монголо-китайских отношениях по вопросу о визитах Далай-ламы: за прошедшие с тех пор 8 лет Далай-лама XIV больше не посещал Монголию.

Представители второй группы, главным образом монгольские ламы, делают упор на идею отдельного, независимого от иностранцев (в том числе тибетцев) монгольского буддизма. Так, хамбо-лама монастыря «Их хурээ» Зандангийн Сандорж 17 ноября 2016 года накануне очередного визита Далай-ламы собрал пресс-конференцию, на которой осудил намеченное мероприятие, обвинив тибетского иерарха во вмешательстве во внутренние дела Монголии и заявив о необходимости самостоятельного избрания Богдо-гэгэна X [Санждорж, 2016]. Другим примером скептического отношения к связям с Далай-ламой можно считать интервью хамбо-ламы «Манба дацана» Дамдинсурэнгийн Нацагдоржа, в котором он призвал не вмешиваться в религиозную политику Китая для сохранения дружественных отношений с южным соседом [Нацагдорж, 2015].

Данный взгляд, несмотря на часто приписываемые его сторонникам «прокитайские настроения», также отражает наметившуюся тенденцию

в сторону национализации («монголизации») буддизма. Работы известных буддологов и историков буддизма демонстрируют тот факт, что на протяжении большей части XX столетия в Монголии формировались условия для превращения буддизма из транснациональной в национальную религию, см., например: [Elverskog, 2006, p. 29—46]. Как было описано выше, даже на уровне монгольского законодательства буддизм провозглашается традиционной национальной религией страны. Как пишет Р. Т. Сабиров, «у монголов есть все необходимое для развития независимой сангхи» [Сабиров, 2022, с. 125]. Соответственно, остающееся сильным влияние тибетских лам (во главе с Далай-ламой) в постсоциалистической Монголии некоторыми рассматривается в качестве одного из главных препятствий для окончательной национализации буддизма. Иными словами, транснациональный характер многих буддийских институтов вступает в противоречие с принципом автаркии национальной сангхи.

4. Заключение = Conclusions

Прожив опыт теократического правления, а также политики государственного атеизма, Монголия в постсоциалистический период пришла к состоянию постсекулярности. Будучи формально светским государством, современная Монголия являет собой пример сочетания религиозных и нерелигиозных практик и институтов. Возросшая социальная значимость буддизма на рубеже XX—XXI веков объективно способствует его вовлечению в общественно-политический процесс. Особую роль в этом играет фигура Далай-ламы XIV, олицетворяющая собой одновременно фактор восстановления позиций буддизма в стране, источник легитимации хубилганов, принадлежность Монголии к «сообществу демократических стран». Более того, в отдельных случаях при помощи Далай-ламы происходит обеспечение религиозной безопасности страны.

Одновременно с этим постсекулярность монгольского общества проявляется и в дискуссиях по вопросу о роли буддийского первосвященника как во внутренней политике страны, так и в отношениях Монголии с внешним миром. Так, значительный сегмент монгольского общества, являющийся носителем скорее светских (нерелигиозных) ценностей и настроений, выступает фактором ограничения влияния буддизма в целом и Далай-ламы в частности. Также остается актуальной дилемма выбора между экономическими выгодами от сотрудничества с КНР, с одной стороны, и религиозно-политическими интересами, с другой. Наконец, тенденции национализации буддизма в Монголии выступают еще одним источником противоречий по вопросу о роли Далай-ламы в жизни страны. При этом можно предположить, что вероятное снижение роли Далай-ламы в общественно-политическом процессе

Монголии (в свете указанных выше факторов) вряд ли приведет к уменьшению значимости буддийской религии как таковой. С большей долей вероятности увеличится роль иных религиозных акторов и институтов (Богдо-гэгэна X, хубилганов, различных буддийских организаций Монголии).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Китай* ввел таможенные санкции против Монголии после визита Далай-ламы в Улан-Батор [Электронный ресурс] // Newsru.com. — 01.12.2016. — Режим доступа : http://www.newsru.com/world/01dec2016/mong.html (дата обращения 12.08.2024).

2. *Конституция* Монголии (основной закон) 13 января 1992 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://worldconstitutions.ru/?p=33 (дата обращения 12.08.2024).

3. *Конституция* Монгольской Народной Республики (основной закон) 26 ноября 1924 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https https://worldconstitutions.ru/?p=549 (дата обращения 12.08.2024).

4. *МИД* Монголии : визит Далай-ламы не преследует политических целей [Электронный ресурс] // ИА «Regnum». — 22.08.2006. — Режим доступа : http://www.regnum.ru/news/692299.html (дата обращения 12.08.2024).

5. *Монголын* гадаад худалдаа 2023 [Electronic resource]. — Access mode : https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (accessed 12.08.2024).

6. *Перед* отлетом в Японию Далай-лама дал пресс-конференцию в Улан-Баторе [Электронный ресурс] // Dalailama.com. — 23.11.2016. — Режим доступа : https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan (дата обращения 12.08.2024).

7. *Төр,* сүм хийдийн харилцааны тухай [Electronic resource]. — Access mode : https://legalinfo.mn/mn/detail/485 (accessed 12.08.2024).

8. *Фоторепортаж :* Далай-лама встретился с тысячами верующих в спорткомплексе в столице Монголии [Электронный ресурс] // centralasia.media. — 22.11.2016. — Режим доступа : https://centralasia.media/print:1345729 (дата обращения 12.08.2024).

9. *IUSY* World Congress' Resolution Reaffirms Tibet as an Independent State [Electronic resource] // Phayul.com. — 29.01.2008. — Access mode : http://www.phayul.com/2008/01/29/19151/ (accessed 12.08.2024).

10. *Mongolia* Not to Allow Future Visit by Dalai Lama [Electronic resource] // Globaltimes.cn. — 21.12.2016. — Access mode : http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml (accessed 12.08.2024).

11. *Politbarometer*, Sant Maral Foundation [Electronic resource]. — Access mode : https://www.santmaral.org/publications (accessed 12.08.2024).

12. *Үндэсний* аюулгүй байдлын үзэл баримтлал [Electronic resource]. — Access mode : https://mfa.gov.mn/trade/61525 (accessed 12.08.2024).

13. *2020 population* and housing census of Mongolia. National report. — Ulaanbaatar : National statistics office of Mongolia, 2020. — 298 p.

Литература

1. *Абаева Л. Л.* Азиатская буддийская конференция за мир» в истории дипломатических взаимоотношений буддийского духовенства России (Бурятии) и Монголии / Л. Л. Абаева // Россия и Монголия в XX—XXI вв. : к 100-летию монгольской революции и установления дипломатических отношений. сб. науч. ст. / науч. ред. В. Н. Пармон, Б. В. Базаров. — Новосибирск : СО РАН, 2021. — С. 50—52.

2. *Аръяабат С.* Новая опасность для буддизма Монголии [Электронный ресурс] / С. Аръяабат // Savetibet.ru. — 27.11.2015. — Режим доступа : http://savetibet.ru/2015/11/27/mongolia.html (дата обращения 12.08.2024).

3. *Баттулга Х.* Би Хятадын эсрэг үзэлтэн биш. Харин… [Electronic resource] / Х. Баттулга // iToim.mn. — 10.08.2017. — Access mode : http://itoim.mn/index.php/site/news/10541 (accessed 12.08.2024).

4. *Ванчикова Ц. П.* Религиозный фактор в современных китайско-монгольских отношениях / Ц. П. Ванчикова, И. Г. Аюшиева // Вестник ЗабГУ. — 2018. — № 2. — С. 59—65. — DOI: 10.21209/2227924520182425965.

5. *Даваанням Т.* Монголын бурхны шашны сэргэлт / Т. Даваанням // News.mn. [Electronic resource]. — 09.04.2011. — Access mode : https://news.mn/r/556456 (accessed 12.08.2024).

6. *Догмийчойдон Ш.* Хятад ба Далай ламын хэлэлцээ / Ш. Догмийчойдон // Олон улс судлал. — 2003. — № 4. — Х. 98—102. — DOI: 10.5564/jis.v4i4.2413.

7. *Кузьмин С. Л.* Договор 1913 г. между Монголией и Тибетом : новые данные / С. Л. Кузьмин // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — 2011. — № 4. — С. 122—128.

8. *Молор-Эрдэнэ С.* Далай-лама как главный производитель «опиума» для монголов [Электронный ресурс] / С. Молор-Эрдэнэ // Molorerdene.academy. — 27.11.2016. — Режим доступа : http://molorerdene.academy/25/nitem (дата обращения 12.08.2024).

9. *Мунх-Оргил Ц.* Китайская сторона аннулировала все визиты / Ц. Мунх-Оргил // Монголия сегодня. — 24.11.2016. — С. 5.

10. *Нацагдорж Д.* Энэ бол гадны нөхдүүд Монголын лам нарыг талцуулж, улс төрийн ашиг хонжоо хайх гэсэн явуулга / Д. Нацагдорж // Dnn.mn. [Electronic resource]. — 16.02.2015. — Access mode : https://dnn.mn/д-нацагдорж-энэ-бол-гадны-нөхдүүд-монголын-лам-нарыг-талцуулж-улс-төрийн-ашиг-хонжоо-хайх-гэсэн-явуулга/ (accessed 12.08.2024).

11. *Островская Е. А.* Состоится ли российский бенефис Далай-ламы XIV? / Е. А. Островская // Вестник аналитики. — 2009. — № 3. — С. 67—74.

12. *Помелова Ю. П.* Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнации в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао / Ю. П. Помелова // Общество : философия, история, культура. — 2019. — № 2. — С. 53—57. — DOI: 10.24158/fik.2019.2.11.

13. *Родионов В. А.* Демократизация Монголии : внешние факторы / В. А. Родионов // Олон улс судлал (Улан-Батор). — 2013. — № 3. — С. 22—30.

14. *Родионов В. А.* «Мягкая сила» Монголии периода социализма / В. А. Родионов // Власть. — 2023. — № 5. — С. 245—250. — DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9825.

15. *Сабиров Р.* Между Дхармасалой и золотой урной : монгольский буддизм в контексте религиозной политики КНР / Р. Сабиров // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 40 (2). — С. 105—127. — DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-105-127.

16. *Сабиров Р. Т.* Где «центр» тибетского буддизма в современном мире? / Р. Т. Сабиров // Цырендорджиевские чтения — 2012 (V) : Тибетская цивилизация и кочевые

народы Евразии : кросскультурные контакты / Под ред. О. Огневой, Ю. Завгороднего. — Киев : Полиграфист, 2012. — С. 470—486.

17. *Санждорж З.* Далай лам манай улсын дотоод хэрэгт оролцож байна / З. Санждорж // Dnn.mn. [Electronic resource]. — 17.11.2016. — Access mode : https://dnn.mn/з-санждорж-далай-лам-манай-улсын-дотоод-хэрэгт-оролцож-байна/ (accessed 12.08.2024).

18. *Скрынникова Т. Д.* Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголии XVI — начала XX века / Т. Д. Скрынникова. — Новосибирск : Наука, 1988. — 104 с.

19. *Сэржав Б.* БНМАУ-ын энх тайвны төлөөлөгчдийн үйл ажиллагаа хоёр орны харилцааны эхлэнд гүйцэтгэсэн үүрэг / Б. Сэржав // Дайны дараах Монгол Японы харилцаан дахь ардын дипломат бодлогын үүрэг : өнгөрсөн, одоо, ирээдүй. — Улаанбаатар : Монгол Япон судлалын нийгэмлэг, 2019. — Pp. 5—23.

20. *Узланер Д.* Религия и политика : неразрывный симбиоз? / Д. Узлайнер // Россия в глобальной политике. — 2019. — № 1. — С. 10—23.

21. *Цэдэндамба С.* Пост Зөвлөлтийн нийгэм ба буддын шашны нийгэм : ОХУ, Монгол дахь нийгэм, шашны үйл явц / С. Цэдэндамба. — Улаанбаатар : ШУА-ийн Философийн хүрээлэн, 2017. — 32 х.

22. *Энхбат Ц.* Монголия — не Америка, а Ц. Элбэгдорж — не Трамп [Электронный ресурс] / Ц. Энхбат // Asiarussia.ru. — 20.12.2016. — Режим доступа : http://asiarussia.ru/blogs/14636/ (дата обращения 12.08.2024).

23. *Dierkes J.* Bullied by China over Visit by the Dalai Lama / J. Dierkes // Blogs.ubc.ca [Electronic resource]. — 21.12.2016. — Access mode : [http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/hhdl-visits-china-pouts-bullies/ (accessed 12.08.2024).

24. *Elverskog J.* Two Buddhisms in Contemporary Mongolia / J. Elverskog // Contemporary Buddhism. — 2006. — Vol. 7. — Issue. 1. — Pp. 29—46. — DOI: 10.1080/14639940600877937.

25. *Radchenko S.* How Do You Stand up to China? Ask Mongolia / S. Radchenko // Chinafile.com [Electronic resource]. — 02.12.2016. — Access mode : http://www.chinafile.com/features/how-do-you-stand-china-ask-mongolia (accessed 12.08.2024).

Статья поступила в редакцию 07.09.2024,
одобрена после рецензирования 12.11.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

2020 population and housing census of Mongolia. National report. (2020). Ulaanbaatar: National statistics office of Mongolia. 298 p.

Before flying to Japan, the Dalai Lama gave a press conference in Ulaanbaatar. (2016). *Dalailama.com. 23.11.* Available at: https://ru.dalailama.com/news/2016/meeting-with-the-press-before-returning-to-japan (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

China imposed customs sanctions against Mongolia after the Dalai Lama's visit to Ulaanbaatar. (2016). *Newsru.com. 01.12.* Available at: http://www.newsru.com/world/01dec2016/mong.html (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

IUSY World Congress' Resolution Reaffirms Tibet as an Independent State. (2008). *Phayul.com.* 29.01. Available at: http://www.phayul.com/2008/01/29/19151/ (accessed 12.08.2024).

Mongolia Not to Allow Future Visit by Dalai Lama. (2016). *Globaltimes.cn. 21.12.* Available at: http://www.globaltimes.cn/content/1024836.shtml (accessed 12.08.2024).

Mongolian Foreign Trade 2023. Available at: https://www.1212.mn/mn/statistic/statcate/573062/table-view/DT_NSO_1400_006V3 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

National Security Concept. Available at: https://mfa.gov.mn/trade/61525 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

On the relationship between the state and the church. Available at: https://legalinfo.mn/mn/detail/485 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

Photo report: The Dalai Lama met with thousands of believers at a sports complex in the capital of Mongolia. (2016). *centralasia.media. 22.11.* Available at: https://centralasia.media/print:1345729 (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

Politbarometer, Sant Maral Foundation. Available at: https://www.santmaral.org/publications (accessed 12.08.2024).

The Constitution of Mongolia (Basic Law) on January 13, 1992. Available at: https://worldconstitutions.ru/?p=33 (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

The Constitution of the Mongolian People's Republic (basic law) on November 26, 1924. Available at: https https://worldconstitutions.ru/?p=549 (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

The Ministry of Foreign Affairs of Mongolia: the visit of the Dalai Lama does not pursue political goals. (2006). *IA "Regnum". 22.08.* Available at: http://www.regnum.ru/news/692299.html (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

References

Abayeva, L. L. (2021). Asian Buddhist Conference for Peace in the history of diplomatic relations between the Buddhist clergy of Russia (Buryatia) and Mongolia. In: *Russia and Mongolia in the XX—XXI centuries: to the 100th anniversary of the Mongolian Revolution and the establishment of diplomatic relations. collection of scientific articles.* Novosibirsk: SB RAS. 50—52. (In Russ.).

Aryaabat, C. (2015). A new danger for Buddhism in Mongolia. *Savetibet.ru. 27.11.* Available at: http://savetibet.ru/2015/11/27/mongolia.html (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

Battulga, H. (2017). I am not anti-China. But.… In: *iToim.mn. 10.08.* Available at: http://itoim.mn/index.php/site/news/10541 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

Davaanyam, T. (2011). The revival of Mongolian Buddhism. In: *News.mn. 09.04.* Available at: https://news.mn/r/556456 (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

Dierkes, J. (2016). Bullied by China over Visit by the Dalai Lama. *Blogs.ubc.ca. 21.12.* Available at: [http://blogs.ubc.ca/mongolia/2016/hhdl-visits-china-pouts-bullies/ (accessed 12.08.2024).

Dogmiichoydon, Sh. (2003). China and the Dalai Lama's talks. *International Studies, 4:* 98—102. DOI: 10.5564/jis.v4i4.2413.

Elverskog, J. (2006). Two Buddhisms in Contemporary Mongolia. *Contemporary Buddhism, 7 (1):* 29—46. DOI: 10.1080/14639940600877937.

Enkhbat, Ts. (2016). Mongolia is not America, but Central Asia. Elbegdorj is not Trump. *Asiarussia.ru. 20.12.* Available at: http://asiarussia.ru/blogs/14636/ (accessed 12.08.2024). (In Russ.).

Kuzmin, S. L. (2011). The Treaty of 1913 between Mongolia and Tibet: new data. *Vostok. Afro-Asian societies: History and modernity, 4:* 122—128. (In Russ.).

Molor-Erdene, S. (2016). Dalai Lama as the main producer of "opium" for the Mongols. *Molorerdene.academy. 27.11.* Available at: http://molorerdene.academy/25/nitem (accessed 08/12/2024). (In Russ.).

Munh-Orgil, Ts. (2016). The Chinese side canceled all visits. *Mongolia today. 24.11*. P. 5. (In Russ.).

Natsagdorj, D. (2015). This is a plot by foreign friends to divide Mongolian lamas and seek political gain. In: *Dnn.mn. 16.02.* Available at: https://dnn.mn/д-нацагдорж-энэ-бол-гадны-нөхдүүд-монголын-лам-нарыг-талцуулж-улс-төрийн-ашиг-хонжоо-хайх-гэсэн-явуулга/ (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

Ostrovskaya, E. A. (2009). Will the Russian benefit of the Dalai Lama XIV take place? *Bulletin of Analytics, 3:* 67—74. (In Russ.).

Pomelova, Yu. P. (2019). The religious policy of the People's Republic of China to control the process of reincarnation in Tibetan Buddhism during the presidency of Hu Jintao. *Society: philosophy, history, culture, 2:* 53—57. DOI: 10.24158/fik.2019.2.11. (In Russ.).

Radchenko, S. (2016). How Do You Stand up to China? Ask Mongolia. *Chinafile.com. 02.12.* Available at: http://www.chinafile.com/features/how-do-you-stand-china-ask-mongolia (accessed 12.08.2024).

Rodionov, V. A. (2013). Democratization of Mongolia: external factors. *Olon uls sudlal (Ulaanbaatar), 3:* 22—30. (In Russ.).

Rodionov, V. A. (2023). "Soft power" of Mongolia during the period of socialism. *Power, 5:* 245—250. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9825. (In Russ.).

Sabirov, R. (2022). Between Dharmasala and the Golden Urn: Mongolian Buddhism in the context of religious policy of the People's Republic of China. *State, religion, Church in Russia and abroad, 40 (2):* 105—127. DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-105-127. (In Russ.).

Sabirov, R. T. (2012). Where is the "center" of Tibetan Buddhism in the modern world? In: *Tsyrendorjiev Readings — 2012 (V): Tibetan civilization and the nomadic peoples of Eurasia: cross-cultural contacts.* Kiev: Polygraphist. 470—486. (In Russ.).

Sanjdorj, Z. (2016). The Dalai Lama is participating in our country's internal affairs. In: *Dnn.mn. 17.11.* Available at: https://dnn.mn/з-санждорж-далай-лам-манай-улсын-дотоод-хэрэгт-оролцож-байна/ (accessed 12.08.2024). (In Mong.).

Serjav, B. (2019). The role of the peace envoys of the Mongolian People's Republic in the development of bilateral relations. In: *The role of public diplomacy in post-war Mongolian-Japanese relations: past, present, future*. Ulaanbaatar: Mongolian Japanese Studies Association. 5—23. (In Mong.).

Skrynnikova, T. D. (1988). *The Lamaist Church and the state. Outer Mongolia of the XVI — early XX century.* Novosibirsk: Nauka. 104 p. (In Russ.).

Tsedendamba, S. (2017). *Post-Soviet society and Buddhist society: social and religious processes in Russia and Mongolia*. Ulaanbaatar: Institute of Philosophy of the Mongolian Academy of Sciences. 32 p. (In Mong.).

Uzlaner, D. (2019). Religion and politics: an inseparable symbiosis? *Russia in global politics, 1:* 10—23. (In Russ.).

Vanchikova, Tsp., Ayushieva, I. G. (2018). The religious factor in modern Sino-Mongolian relations. *Bulletin of ZabGU, 2:* 59—65. DOI: 10.21209/2227924520182425965. (In Russ.).

The article was submitted 07.09.2024;
approved after reviewing 12.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

OPEN ACCESS

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Check for updates

Информация для цитирования:

Ростовцев Е. А. Празднование годовщин основания Петроградского (Ленинградского) университета в 1918—1944 годах / Е. А. Ростовцев, Б. М. Абдулина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 497—514. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-497-514.

Rostovtsev, E. A., Abdulina, B. M. (2024). Celebrating Anniversaries of Petrograd (Leningrad) University from 1918 to 1944. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 497-514. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-497-514. (In Russ.).

Clarivate Web of Science Scopus DOAJ NSD ERIH PLUS eLIBRARY.RU РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Празднование годовщин основания Петроградского (Ленинградского) университета в 1918—1944 годах

Ростовцев Евгений Анатольевич
orcid.org/0000-0002-5833-448X
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории России
с древнейших времен
до начала XX века,
корреспондирующий автор
e.rostovtsev@spbu.ru

Абдулина Бэлла Марсельевна
orcid.org/0000-0002-4062-9052
инженер-исследователь, аспирант
кафедры истории России
с древнейших времен
до начала XX века
abdulinabe97@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01433
«Юбилейные коммеморации
Санкт-Петербургского университета»

Celebrating Anniversaries of Petrograd (Leningrad) University from 1918 to 1944

Evgeny A. Rostovtsev
orcid.org/0000-0002-5833-448X
Doctor of History, Associate Professor,
Professor, Department
of Russian History from Antiquity
to the Early 20th Century,
corresponding author
e.rostovtsev@spbu.ru

Bella M. Abdulina
orcid.org/0000-0002-4062-9052
Research Engineer, Postgraduate Student,
Department of Russian History
from Antiquity
to the Early 20th Century
abdulinabe97@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01433
“Jubilee Commemorations
of Saint Petersburg University”

© Ростовцев Е. А., Абдулина Б. М., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья находится в предметном поле двух интенсивно развивающихся направлений историографии — истории университетов и исторической памяти. Проведено исследование практик празднования университетских годовщин и юбилеев Петроградского (Ленинградского) университета в раннее советское время. В качестве источников привлекаются материалы прессы, эго-документы, делопроизводственная документация, связанная подготовкой празднования университетских годовщин, в частности юбилеев Петроградского (Ленинградского) университета 1919, 1929, 1939 и 1944 годов. Показано, что сценарии и характер юбилейных мероприятий менялись под воздействием политики памяти, проводимой властями. Подчеркивается, что с течением времени годовщины стали для его профессоров и студентов еще одним праздником «красного календаря». Рассматривается тема использования университетом юбилейных торжеств в корпоративных целях. Авторы приходят к выводу о том, что представители администрации и профессуры успешно использовали юбилеи в качестве поводов для привлечения внимания властей к проблемам высшего учебного заведения. Авторы останавливаются на проблеме влияния юбилейной традиции на историографию университета. Показано, что к концу 1930-х — началу 1940-х годов в ходе празднования университетских годовщин сформировался новый «советский» взгляд на историю Санкт-Петербургского (Петроградского, Ленинградского) университета, ставший основой для продолжения исследований в этой области.

Ключевые слова:
юбилеи; годовщины основания университета; Санкт-Петербургский университет; историческая политика; высшая школа.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article situates itself within two rapidly evolving historiographical fields: the history of universities and the study of historical memory. It investigates the practices surrounding the celebration of anniversaries and milestones at Petrograd (Leningrad) University during the early Soviet period. Utilizing a range of sources, including press materials, ego-documents, and administrative records related to the preparation for these anniversary celebrations—specifically those in 1919, 1929, 1939, and 1944—the study reveals how the scenarios and nature of these commemorative events evolved under the influence of state memory policies. Over time, these anniversaries transformed into yet another celebration on the “red calendar” for faculty and students alike. The article also explores how the university leveraged these jubilee festivities for corporate purposes. The authors conclude that university administrators and faculty successfully used these anniversaries as opportunities to draw governmental attention to pressing issues facing higher education. Furthermore, the paper addresses the impact of jubilee traditions on the historiography of the university itself, demonstrating that by the late 1930s and early 1940s, a new “Soviet” perspective on the history of Saint Petersburg (Petrograd, Leningrad) University emerged during these celebrations, laying the groundwork for future research in this area.

Key words:
anniversaries; university foundations; Saint Petersburg University; historical politics; higher education.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:378.095(470.23-25)“1918/1944”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-497-514

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Празднование годовщин основания Петроградского (Ленинградского) университета в 1918—1944 годах

© Ростовцев Е. А., Абдулина Б. М., 2024

1. Введение = Introduction

Первые торжественные акты Санкт-Петербургского университета были отмечены в 1820—30-х годах и не имели фиксированной даты. Только в 1844 году в связи с его 25-летием, 8 (по новому стилю — 21) февраля было определено в качестве даты университетского праздника, поскольку в этот день 1819 года Александр I утвердил Всеподданнейший доклад министра духовных дел и просвещения А. Н. Голицына «Об учреждении Санкт-Петербургского университета». Начиная с рубежа 1850—1860-х годов данные годовщины не только стали главным праздником универсантов, но и неоднократно использовались представителями революционного студенчества для того, чтобы выразить свой протест против действий правительства [Ростовцев, 2022].

Октябрьская революция привела к кардинальной трансформации общественно-политического строя на территории бывшей Российской империи. Большевики рассматривали науку и высшую школу в качестве инструментов реализации социалистического проекта и предприняли ряд последовательных шагов по реорганизации системы научных и образовательных учреждений. Политика новой власти была противоречивой в том смысле, что ей, с одной стороны, приходилось бороться с университетской корпорацией, недовольной систематическим несоблюдением принципа академической свободы в условиях политической диктатуры, с другой стороны, прилагать усилия, чтобы привлечь представителей высшей школы, в том числе «старую профессуру» к сотрудничеству. Сохранение традиции празднования годовщин дня основания Петроградского / Ленинградского университета является одним из проявлений политики «мягкого завоевания» вышей школы. Новизна настоящего исследования заключается в попытке проследить эволюцию отношения к традиции празднования университетских юбилеев и годовщин, которая имеет долгую дореволюционную историю, в новом социально-политическом контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи является изучение юбилейных коммемораций Петроградского / Ленинградского университета в качестве канала коммуникации между представителями его корпорации и советской властью на протяжении 1918—1944 годов, а также оценка его эффективности.

Источниковую базу исследования составляют протоколы заседаний Совета, Правления и юбилейных комиссий Петроградского / Ленинградского университета, отложившиеся в фондах университета в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, отчеты университетских организаций, направляемые в местную партийную ячейку, хранящиеся в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, а также приказы и деловая переписка об университетских юбилеях из фондов органов исполнительной власти Государственного архива Российской Федерации. Рассматриваемый сюжет нашел отражение в ряде источников личного происхождения: дневниках Н. Н. Платоновой и А. Г. Манькова, воспоминаниях Н. Е. Озерова (рукопись хранится в архиве Музея истории СПбГУ), Т. А. Фаворской, С. Э. Фриша, П. А. Сорокина, а также на страницах большого числа периодических изданий: прежде всего университетской газеты «Студенческая правда» (с 1931 года — «Ленинградский университет»), а также городских («Красная газета», «Смена» и др.), центральных периодических изданий и даже на страницах белогвардейской прессы («Сибирская жизнь», «Сибирская речь», «Донские ведомости» и др.). Помимо этого в контексте настоящего исследования особое значение приобретают историографические источники — издания и публикации, приуроченные к юбилейным коммеморациям университета [Ленинградский университет ..., 1945].

Первые публикации по данной теме вышли накануне празднования 150-летия Ленинградского университета [Сладкевич, 1968; Казакевич и др., 1968]. Другим примером может послужить обзорная статья И. Л. Тихонова о праздновании университетских юбилеев в 1819—1999 годах, опубликованная в издании к 275-летию СПбГУ [Тихонов, 2003]. Дополнительную актуальность рассматриваемой в статье проблеме придает то, что в текущем году отмечается 300-летие Санкт-Петербургского университета.

На протяжении последних десятилетий богатейшая историографическая традиция, посвященная Санкт-Петербургскому университету, активно развивается благодаря освоению методов различных исследовательских подходов [Сосницкий, 2017]. В их числе изучение коммеморативной культуры отечественной высшей школы с применением методологического инструментария memory studies [Вишленкова, 2013]. В современной исто-

риографии утвердилось мнение о том, что университетские коммеморации и историографическая традиция в значительной степени взаимообусловлены. Не так давно вышла статья, в которой данный сюжет рассматривается на примере Петроградского / Ленинградского университета 1919—1939 годов [Ростовцев, 2021]. Историки высшей школы пытаются преодолеть данную тенденцию, заявляя, что исследования должны, прежде всего, носить проблемный характер [Dhondt, 2015]. Также ряд научных работ посвящен феномену дореволюционных университетских годовщин [Шевырев, 2009; Посохов, 2011; Морозов, 2016].

Как отражено в кратком обзоре литературы, юбилейные коммеморации советского Петроградского / Ленинградского университета оказались в фокусе внимания исследователей недавно. В настоящее время нет научных работ, рассматривающих данную коммеморативную практику в контексте происходившей в это время советизации высшей школы. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Развитие традиции празднования годовщин Петроградского / Ленинградского университета было связано с ее обогащением новыми идеологическими коннотациями. Этот процесс проходил в несколько этапов. Каждому из них посвящен отдельный тематический раздел настоящей статьи.

3.1. Отечественные университетские традиции в эпоху Гражданской войны

Первая после Октябрьской революции годовщина Петроградского университета была отмечена 7 (20) и 8 (21) февраля 1918 года. Как и в предшествующие десятилетия, торжественное собрание не проводилось, а в домовой церкви была отслужена панихида «по всем деятелям, об Университете радевшим и на пользу его трудившимся». Наступление новой эпохи нашло отражение только в том, что имя считавшегося основателем высшего учебного заведения Александра I во время богослужения не было упомянуто [ЦГА СПб. ф. Р-7240, оп. 14, д. 33, л. 1]. Поддержка советской власти среди универсантов была весьма скромной. Так, численность университетской партийной ячейки в это время составляла всего 11 человек [Озеров, 1925, л. 2]. Тем не менее члены профессорского Совета оказались вынуждены сотрудничать с Наркомпросом прежде всего по финансовым вопросам [ЦГА СПб. ф. Р-7240, оп. 14, д. 16, л. 2 об]. В течение 1918 года начала проводиться политика «советизации» Петроградского университета, выразившаяся в мерах по созданию в нем базы социальной поддержки новой власти. Так, был принят комплекс мер поддержки студенчества, а в декабре 1918 года учреждены рабочие факультеты [Кривоноженко,

2014, с. 142]. Нарком просвещения А. В. Луначарский вспоминал, что в первое время после прихода к власти большевиков «интеллигенция разных родов позволяла себе отказываться от повиновения новой власти», однако В. И. Ленин считал, что привлечь ее на свою сторону следует «путем мягкости, некоторых уступок и разъяснения нашей подлинной политики» [Луначарский, 1968, с. 275—275]. Вероятно, в контексте реализации ленинских установок следует рассматривать возобновление работы юбилейной комиссии по подготовке к празднованию 100-летия Петроградского университета в конце 1918 года [ЦГА СПб. ф. Р-7240, оп. 14, д. 34, л. 5]. Впрочем, не следует забывать, что начало советизации университетов обеспечивалось не только уступками, но и силовым давлением, в том числе репрессиями [Шилов, 1997].

Отметим, что первые обсуждения предстоящего юбилея состоялись задолго до описанных событий. Весной 1910 года на историко-филологическом факультете была образована специальная комиссия по данному вопросу в составе профессоров И. М. Гревса, Э. Д. Гримма, С. А. Жебелева и С. В. Рождественского. Результатом ее работы стало заключение о необходимости «ввиду обширности и разнородности материала» подготовить серию изданий по истории университета. К труду, охватывающему его деятельность за прошедшее столетие, планировалось издать сборник материалов, а также исторические очерки о подразделениях, биографический словарь профессоров, приват-доцентов и служащих, а также общий матрикул студентов [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10427, л. 3—3 об.].

Несмотря на внушительный срок существования юбилейной комиссии, наиболее интенсивный период ее деятельности пришелся на 1914—1916 годы. Данный факт можно объяснить тем, что в 1913 году в Российской империи широко отмечалось 300-летие Дома Романовых и многие из ее членов были заняты в подготовке исторических изданий, выход которых был приурочен к данному событию. В 1916 году Петроградский университет столкнулся с финансовыми трудностями, вызванными инфляцией, причиной которой стала затянувшаяся Первая мировая война. Тем не менее в течение указанного периода его сотрудники с энтузиазмом готовились к юбилею. К весне 1916 года под руководством С. В. Рождественского был подготовлен к изданию том материалов по истории университета за 1819—1835 годы, секретарь Совета М. Н. Никитин составил карточный каталог профессоров и приват-доцентов [ЦГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10427, л. 80], а также были распределены работы по написанию исторических очерков об университетских обществах [ЦГИА, ф. 14, оп. 1, д. 10427, л. 78 об.]. Помимо этого призыв администрации Петроградского университета, опубликованный в городских газетах, делиться материалами по истории высшего учебного заведения

встретил живой отклик среди деятелей науки и культуры, а также общественных организаций [ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 1, д. 10427, л. 106 об.–107 об.].

Эти усилия не прошли даром, и университетский праздник стал важным событием в жизни российской интеллигенции, разделенной в 1919 году фронтами Гражданской войны. Материалы периодики свидетельствуют, что на территориях, контролируемых белыми армиями, как и в Петрограде, вековой юбилей университета отмечался достаточно широко. Нами были обнаружены заметки об этом на страницах газет, выходивших в Омске [Аргус, 1919, с. 3] и Томске [И. Н., 1919, с. 1], а также Ростова-на-Дону [К столетию…, 1919, с. 3]. В них советская власть представлена в качестве очередного препятствия на пути к искомой академической свободе в истории Санкт-Петербургского / Петроградского университета. Так, автор статьи в «Сибирской жизни» выразил надежду на то, что «близится день, когда полицейские оковы падут и падут навсегда» [И. Н., 1919, с. 1].

Официальное торжественное заседание прошло 21 февраля 1919 года в Петроградском университете. В нем принял участие А. В. Луначарский, накануне уточнивший, не вызовет ли его визит протеста [Фриш, 2009, с. 43]. В источниках личного происхождения нашли отражение разные оценки этого события. Так, жена профессора университета Н. Н. Платонова выразила возмущение, что речи наркома просвещения о значении университета для страны аплодировали «при всем известном презрительном, совершенно недопустимом отношении Луначарского к профессорам» [Платонова, 2020, с. 399]. В других текстах отмечалась тяжелая ситуация с продовольствием в Петрограде в дни празднования юбилея [Фаворская, 2019, с. 347; Озеров, 1925, л. 4]. Несмотря на это, праздничные мероприятия продолжились 22 и 23 февраля 1919 года. Помимо официальных заседаний с выступлениями представителей власти, профессоров и студентов в эти дни прошло несколько творческих вечеров. На одном из них были исполнены популярные литературные и музыкальные произведения, а также студенческие песни и гимн «Gaudeamus igitur» [ЦГА СПб. ф. Р-7240, оп. 4, д. 96, л. 29].

3.2. День пролетарского студенчества

В начале 1920-х годов в день университетского праздника велись дискуссии между сторонниками советской власти и представителями «старой профессуры». Так, П. А. Сорокин, по свидетельству студента физико-математического факультета и будущего профессора С. В. Солдатенкова, в своем выступлении на торжественном акте 1921 года критиковал деятельность наркомата народного просвещения и советского правительства «под бурные аплодисменты аудитории» [Солдатенков, 1971, с. 48]. В следующем году он обратился к студентам с речью, в которой поделился своим видением того, как следует действовать, чтобы вывести страну

из смуты. Впоследствии ученый вспоминал: «Коммунистические газеты остервенело набросились на меня, но это привело лишь к тому, что моя речь разошлась по всей стране и встретила самое восторженное отношение» [Сорокин, 1992, с. 137]. С известной долей преувеличения данное утверждение верно. Так, корреспондент «Красной газеты» М. П. Кузьмин критиковал накануне годовщины 1922 года старую профессуру за то, что в прежние времена ее представители, имея возможность влиять на власть в плане выбора курса образовательной политики, не приняли никаких мер для того, чтобы упростить доступ выходцев из разных социальных слоев к высшему образованию. «Противники наши, несмотря на свой научный багаж, попадают в лагерь Мещерских, Толстых и других врагов “кухаркиных детей”», — резюмировал он [Кузьмин, 1922, с. 2].

После удаления из Петроградского / Ленинградского университета наиболее активно выступавших против советской власти профессоров и студентов были предприняты первые попытки усмотреть в праздновании дня 21 февраля революционный подтекст. В ситуации, когда в его стенах шла кампания по обличению «мелкобуржуазных» взглядов части профессуры и студенчества, весьма выгодно было подчеркнуть вклад университантов в успех революционного движения [Ростовцев, 2021, с. 177]. Так, в 1924 году программа к 105-летию высшего учебного заведения разрабатывалась под контролем университетской партийной организации, а участие в мероприятиях приняли 2 тыс. человек [ЦГАИПД СПб. ф. Р-984, оп. 1, д. 108, л. 3]. В следующем 1925 году вместо дня основания Ленинградского университета отмечался день революционного студенчества, поскольку в 1899 году с событий на очередном университетском акте началась Всероссийская студенческая забастовка [ЦГА СПб. ф. Р-7240, оп. 14, д. 160, л. 28 об]. В «торжественном заседании пролетарского студенчества» приняли участие представители фабрик и заводов [106 лет…, 1925, с. 3]. Тема студенчества в революционном движении получила также развитие в ряде проектов университетской ячейки Истпарта (работа над «Альбомом студентов-революционеров» и сборником «Из истории прошлого Университета», подбор материалов о студентах-участниках обороны Петрограда в 1919 г.) [ЦГАИПД СПб. ф. 984, оп. 1, д. 344, л. 19]. Вместе с этим на страницах начавшей издаваться в 1927 году печатной газеты Ленинградского университета ко дню 21 февраля стали выходить заметки профессоров, карьера которых началась до революции, с положительными характеристиками современного студенчества [Тарле, 1928, с. 2].

Крупный юбилей — 110-летие Ленинградского университета — не был отмечен в должной степени. Это связано как с нехваткой финансов, вынудившей правительство принять постановление о том, что израсходование

средств на праздник возможно только с санкции союзного или республиканского правительства в зависимости от подчинения учреждения [Постановление Совета…, б. г., с. 1214], так и с чередой реорганизаций в высшей школе [Дэвид-Фокс, 2012, с. 537]. Тем не менее городская пресса не обошла вниманием университетский юбилей [Сто десять..., 1929, с. 6]. В вузовской газете вышли статьи, в которых рассказывалось о вкладе профессоров, преподавателей и студентов в дело социалистического строительства. Например, профессор Б. Л. Богаевский в духе присущей этому времени самокритики констатировал: «Работа совершается, но…не кипит» [Богаевский, 1929, с. 1]. Вместе с тем нельзя не отметить, что на данном этапе появляется интерес не только к революционному прошлому Ленинградского университета, но и к его истории как научного и культурного центра. Например, данный вопрос был поднят на страницах местной газеты в статье «Что мы знаем об университете?» [Что мы знаем…, 1929, с. 2].

3.3. Праздник советской научной интеллигенции

Национальный поворот в политике памяти советского режима, происшедший в 1930-е годы, ярко отразился на практиках персональных коммемораций, связанных с именами выдающихся русских ученых, в том числе питомцев и профессоров ЛГУ, формирование культа которых стало частью официального советского нарратива [Абдулина, 2023]. Аналогичные тенденции можно проследить, обращаясь к исследованию практик институциональных коммемораций. В 1930-е годы, рассуждая об эпохе 1930—1940-х годов, профессор Н. П. Полетика писал: «Необычайный интерес к недавнему прошлому, к истории недавних лет — одна из характерных черт советского общества <…> Советская интеллигенция воспринимала современность тридцатых годов сквозь призму истории, мыслила историческими сравнениями и сопоставлениями» [Полетика, 2024, с. 140]. Действительно, с того момента как осенью 1934 года были восстановлены исторические факультеты, данная тенденция только усиливалась. Чтобы подчеркнуть статус возрожденного факультета и гуманитарного образования в целом, Совет Ленинградского университета обратился с просьбой выступить на годичном акте 1936 года с докладом по этой теме к профессору данного высшего учебного заведения, академику Б. Д. Грекову [Юбилейный …, 1936, с. 1]. Помимо исторического факультета центром по изучению прошлого университета была фундаментальная библиотека им. М. Горького. Ее директор И. И. Корель писал в местной газете в связи со 119-й годовщиной высшего учебного заведения: «Наш исторический факультет и наша университетская общественность должны счесть своим долгом в ближайшее время приступить к составлению достойной университета его истории» [Корель, 1938, с. 4].

За несколько лет до 120-летия Ленинградского университета в социально-политической жизни Советского Союза произошли существенные изменения. В 1936 году была принята новая Конституция, а 17 мая 1938 года прошел прием работников высшей школы в Кремле. В отчетном докладе на XVIII Съезде ВКП(б) И. В. Сталин заявил об «окончательной ликвидации эксплуататорских классов» и о том, что интеллигенция «значительной силой нашей страны, обслуживающей интересы рабочих и крестьян» [Отчетный доклад …, 1939, с. 3—4]. В центральных и городских газетах началась кампания, рассказывающая о вкладе ее представителей в строительство социализма. В данном контексте очередной юбилей Ленинградского университета являлся прекрасным поводом популяризации науки в обществе. Директор высшего учебного заведения К. И. Лукашев обратился к председателю Всесоюзного комитета по делам высшей школы С. В. Кафтанову с просьбой ходатайствовать перед СНК СССР о постановке доклада «о деятельности, состоянии университета и перспективах его дальнейшего развития» [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 14, д. 525, л. 15—16]. Ситуация в нем действительно была непростой. На заседании парткома в качестве проблем отмечались низкий «культурный уровень коммунистов», их неудачи в научной работе, объяснявшиеся нехваткой мест в общежитиях и загруженностью партийной работой. Существенные сложности вызывало то, что университетские здания в течение длительного времени не ремонтировались и не отвечали потребностям существенно укрупнившегося высшего учебного заведения [ЦГАИПД СПб, ф. 984, оп. 5, д. 30, л. 67]. Ходатайства Дирекции встретили поддержку со стороны органов власти, курировавших высшую школу, однако Наркомфин РСФСР в своем заключении указал на невозможность выделения университету материальной поддержки в запрашиваемом объеме [ГАРФ, ф. А-259, оп. 37, д. 268, л. 27]. Тем временем торжественное собрание было решено перенести на 21 апреля 1939 года, что, вероятно, было связано как с ожиданием решения из Москвы, так и с проходившим в марте XVIII Съездом ВКП(б).

Юбилей был отмечен широко. К нему была приурочена I общестуденческая конференция, организация которой подверглась критике со стороны студента исторического факультета А. Г. Манькова: «Форменный провал этой никчемной затеи, хотя денег на подготовку загубили уйму» [Маньков, 1995, с. 176]. Состоялась «декада открытых дверей университета», в ходе которой в лабораториях и кабинетах университета были проведены экскурсии, ученые выступили с популярными лекциями [ЦГАИПД СПб, ф. Р-984, оп. 5, д. 30, л. 102], а также олимпиада художественной самодеятельности [Сальдау и др., 1939, с. 4]. 16—20 апреля в университете прошла научная сессия, в которой наравне с «заслуженными мастерами

науки» приняли участие «молодые ученые, выросшие за советский период» [Юбилейная …, 1939, с. 1]. На торжественном заседании, прошедшем в Большом зале Ленинградской филармонии с приветствиями, выступили Е. М. Ярославский и А. Я. Вышинский. Всего присутствовали представители 81 учреждения [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 525, л. 111—111 об.]. Также состоялись вечера студенческой самодеятельности и банкет «для лучшей части профессорско-преподавательского состава, рабочих, служащих и гостей университета» [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 14, д. 525, л. 85—85 об.].

Только 11 мая 1939 года вышло постановление СНК СССР № 658 «О мероприятиях по Ленинградскому государственному университету в связи со 120-летием со дня его основания», в соответствии с которым в ближайшие годы планировалось начать строительство нового общежития [ГАРФ, ф. А-259, оп. 37, д. 268, л. 18]. В скором времени вышел приказ наркома просвещения РСФСР В. В. Азарова, в соответствии с которым многие универсанты были награждены и премированы, а также учреждались юбилейные стипендии [ЦГА СПб, ф. Р-7240, оп. 14, д. 521, л. 223—235].

Во время подготовки юбилейной выставки 1939 года начал складываться нарратив об истории Ленинградского университета, охватывающий как его дореволюционное, так и советское прошлое. Издание книги было запланировано к 125-летию высшего учебного заведения [Готовимся …, 1938, с. 3]. В 1941 году под руководством С. Н. Валка начал работу специализированный семинар по данной теме [Семинар, 1941, с. 1]. Накануне начала Великой Отечественной войны 10 апреля 1941 года вышло постановление, допускавшее юбилейные торжества только в случае 20, 50 и 100-летия и каждые следующие 50 лет. По просьбе универсантов, находившихся в эвакуации в Саратове, для них было сделано исключение [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 46, д. 3350, л. 7]. Именно тогда частично были выполнены планы по поддержке Ленинградского университета, объявленные в связи с его 120-летием. В 1944 году, в год 125-летия высшее учебное заведение было награждено орденом Ленина, а его сотрудники — орденами и медалями Союза ССР [Указ …, 1944, с. 1; Награждение …, 1944, с. 1], также было принято постановление о мерах его поддержки в условиях военного времени [ГАРФ, ф. Р-5446, оп. 46, д. 3365, л. 10—8]. Работа редколлегии под руководством профессора В. В. Мавродина была организована преимущественно в Саратове, а в 1945 году издание вышло в свет [Ленинградский университет ..., 1945].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, значение традиции празднования университетских годовщин было справедливо оценено советской властью. Поскольку реа-

лизация социалистического проекта предполагала опору на крепкую научную базу, содействие в праздновании 100-летия Петроградского университета в голодающем городе, в разгар Гражданской войны, дало сигнал ученым о том, что продолжение работы в новых условиях возможно. В ходе рассматриваемого периода университетские юбилейные коммеморативные практики отражали актуальный взгляд на его прошлое, претерпевая определенную эволюцию. На протяжении 1920-х годов, когда основное направление изучения истории Петроградского / Ленинградского университета было связано с участием его преподавателей и студентов в революционном движении, день 21 февраля отсылал к памяти о Первой Всероссийской студенческой забастовке 1899 года, а на торжественные собрания приглашались рабочие городских фабрик и заводов. В 1930-е годы ситуация начала меняться. Изменения в социальной политике, связанные прежде всего с глорификацией русской национальной научной школы и частичной реабилитацией «буржуазной» историографии, нашли отражение в коммеморативных практиках академического сообщества. Хотя форма празднования юбилеев отражала идеологические установки режима, сами они служили и корпоративным интересам, в том числе материального характера. Так, дирекция ЛГУ предприняла попытку использовать юбилей 1939 года, чтобы получить поддержку со стороны государства, и добилась в этом отношении некоторых успехов: «праздник советской науки» получил широкое освещение в прессе, а также состоялся ряд значимых для высшего учебного заведения мероприятий. Материальную поддержку удалось получить и через 5 лет, когда вопреки действовавшему правительственному постановлению праздновалось его 125-летие. Другое дело, что полное включение корпоративной традиции в дискурс тоталитарной идеологии имело свою цену, праздник становился все более официозным, а нарративы историографии университета все более догматичными.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	**The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Аргус.* Праздник русского просвещения / Аргус // Сибирская речь [газета]. — 1919. — № 41. — С. 3.

2. *Архив* Музея истории СПбГУ — Архив музея истории Санкт-Петербургского государственного университета. Ф. ИУ. Оп. 1. Д. 48 (Озеров Н. Е. Воспоминания о работе месткома ЛГУ с 1917 по 1925 гг.).

3. *Богаевский Б. Л.* Что на очереди? (1819—1917 и 1917—1929) / Б. Л. Богаевский // Ленинградский университет [газета]. — 1929. — № 2—3. — С. 1.

4. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-5446 (Совет министров СССР). Оп. 24. Д. 267. Л. 27—19 ; Оп. 46. Д. 3350. Л. 7 ; Д. 3365. Л. 10—8 ; Ф. А-259 (Совет министров РСФСР). Оп. 37. Д. 268. Л. 25.

5. *Готовимся* к юбилею // Ленинградский университет [газета]. — 1938. — № 41. — С. 3.

6. *И. Н.* Столетний юбилей / И. Н. // Сибирская жизнь [газета]. — 1919. —№ 55. — С. 1.

7. *К 100-летию* Санкт-Петербургского университета // Донские ведомости [газета]. — 1919. — № 34. — С. 5.

8. *Корель И. И.* Из прошлого нашего университета / И. И. Корель // Ленинградский университет [газета]. — 1938. — № 9. — С. 4.

9. *Кузьмин М. П.* 20 лет назад / М. П. Кузьмин // Красная газета. Утренний выпуск [газета]. — 1922. — № 41. — С. 2.

10. *Ленинградский университет*. 1819—1944 : [К 125-летию со дня основания] / Отв. ред. проф. В. В. Мавродин. — Москва : Издательство ЛГУ, 1945. — 184 с.

11. *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления / А. В. Луначарский. — Москва : Советская Россия, 1968. — 376 с.

12. *Маньков А. Г.* Из дневника. 1938—1941 гг. / А. Г. Маньков // Звезда [журнал]. — 1995. — № 11. — С. 167—199.

13. *Солдатенков С. В.* Рабочий факультет — университет — наука / С. В. Солдатенков // На штурм науки : Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под редакцией В. В. Мавродина. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1971. — С. 43—52.

14. *Награждение* работников Ленинградского университета орденами и медалями // Ленинградский университет [газета]. — 1944. — 12 марта. Специальный выпуск — С. 1.

15. *Отчетный доклад* тов. Сталина на XVIII-м съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Правда [газета]. — 1939. — № 69. — С. 3—4.

16. *Платонова Н. Н.* Дневник (1889—1921) / Н. Н. Платонова. — Рязань : НРИИД, 2020. — 880 с. — ISBN 978-5-94473-021-3.

17. *Полетика Н. П.* Виденное и пережитое / Н. П. Полетика // Санкт-Петербургский университет в воспоминаниях и дневниках : в 3 т. / Составитель и ответственный редактор М. В. Ходяков. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2024. — Т. 3. — С. 139—147. — ISBN 978-5-288-06581-7.

18. *Постановление Совета* Народных Комиссаров «о порядке разрешения празднования юбилеев» от 1 декабря 1925 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1925 г. № 40—85. Отдел первый. — Москва : [б. и.], [б. г.]. — С. 1214.

19. *Сальдау Н.* III Олимпиада художественной самодеятельности / Н. Сальдау, Давидкин // Ленинградский университет [газета]. — 1939. — № 14. — С. 4.

20. *Семинар* по истории университета // Ленинградский университет [газета]. — 1941. — № 9. — С. 1.

21. *Сорокин П. А.* Дальняя дорога. Автобиография / П. А. Сорокин. — Москва : Терра, Московский рабочий, 1992. — 302 с.

22. *Сто десять* лет университета // Смена [газета]. — 1929. — № 42. — С. 6.

23. *106 лет* университета // Красная газета [газета]. — 1925. — № 43. — С. 3.

24. *Тарле Е. В.* В связи с годовщиной / Е. В. Тарле // Студенческая правда [газета]. — 1928. — № 6. — С. 2.

25. *Указ* Президиума Верховного совета СССР о награждении орденом Ленина Ленинградского государственного университета, 21 февраля 1944 г. // Ленинградский университет [газета]. — 1944. — 12 марта. Специальный выпуск. — С. 1.

26. *Фаворская Т. А.* Фаворские : жизнь семьи университетского профессора, 1890—1953 : воспоминания / Т. А. Фаворская. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2019. — 781 с. — ISBN 978-5-288-05890-5.

27. *Фриш С. Э.* Сквозь призму времени / С. Э. Фриш. — Издание 2-е, исправленное и дополненное. — Санкт-Петербург : Соло, 2009. — 239 с. — ISBN 5-250-01165-9.

28. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 14. Д. 16. Л. 2 об. ; Д. 33. Л. 1 ; Д. 34. Л. 5 ; Д. 96. Л. 29 ; Д. 160. Л. 28 об. ; Д. 476. Л. 36 ; Д. 521. Л. 223—235 ; Д. 525. Лл. 15—16, 85—85 об., 111—111 об.

29. ЦГАИПД СПб — *Центральный* государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 984 (Партийный комитет Ленинградского государственного университета). Оп. 1. Д. 108. Л. 3 ; Оп. 5. Д. 30. Лл. 67, 102.

30. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет). Оп. 1. Д. 344. Л. 19 ; Д. 10427. Лл. 3—3 об., 78 об., 80, 106 об.–107 об.

31. *Что мы знаем* об университете // Студенческая правда [газета]. — 1929. — № 4—5. — С. 2.

32. *Юбилейная* хроника // Ленинградский университет [газета]. — 1939. — № 15. — С. 1.

33. *Юбилейный* акт // Ленинградский университет [газета]. — 1936. — № 2. — С. 1.

Литература

1. *Абдулина Б. М.* Персональные коммеморации советской высшей школы 1920—1930-х гг. (по материалам периодики Ленинградского государственного университета) / Б. М. Абдулина // Via in tempore. История. Политология. — 2023. — Т. 50. — № 3. — С. 734—745.

2. *Вишленкова Е. А.* Коммеморативная культура российского университета XIX в. / Е. А. Вишленкова // Пути России историзация культурного опыта / Под редакцией М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 584—598. — ISBN 978-5-4448-0054-6.

3. *Дэвид-Фокс М.* Наступление на университеты и динамика сталинского Великого перелома / М. Дэвид-Фокс // Расписание перемен : очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х—1930-е годы). — Москва : Новое литературное обозрение., 2012. — С. 523—563. — ISBN 978-5-86793-991-5.

4. *Казакевич Р. А.* К истории 100-летнего юбилея университета / Р. А. Казакевич, С. З. Мандель // Очерки по истории Ленинградского университета. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1968. — Т. 2. — С. 159—166.

5. *Кривоноженко А Ф.* Петроградский университет в 1917—1922 гг. : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Ф. Кривоноженко. — Санкт-Петербург, 2014. — 262 с.

6. *Морозов О. В.* Университетские юбилеи в России и Германии начала XX века : диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. В. Морозов. — Москва, 2016. — 194 с.

7. *Посохов С. И.* Механизмы самопрезентации университета : торжественные акты в университетах Российской империи (вторая половина XVIII — первая половина XIX века) / С. И. Посохов // Вестник Черниговского национального педагогического университета. — 2011. — № 87. — С. 10—15.

8. *Ростовцев Е. А.* Коммеморации столичного университета (1819—1919) / Е. А. Ростовцев // Journal of Modern Russian History and Historiography. — 2022. — № 15. — С. 137—158.

9. *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в советской историографии и коммеморативных практиках (1919—1939) / Е. А. Ростовцев // Вече : ежегодник русской философии и культуры. — 2021. — С. 174—189.

10. *Сладкевич Н. Г.* О 50-летнем юбилее Петербургского университета / Н. Г. Сладкевич // Очерки по истории Ленинградского университета. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1968. — Т. 2. — С. 152—158.

11. *Сосницкий Д. А.* Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии / Д. А. Сосницкий // Клио. — 2017. — № 10. — С. 207—217.

12. *Тихонов И. Л.* Из истории университетских юбилеев / И. Л. Тихонов // Празднование 275-й годовщины основания Санкт-Петербургского университета. Документы и материалы / научный редактор Л. А. Вербицкая, составитель Г. А. Тишкин. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2003. — С. 435—442. — ISBN 5-288-02554-1.

13. *Шевырев А. П.* Праздники непослушания : студенческое движение в Москве и Петербурге во второй половине XIX — начале XX вв. / А. П. Шевырев // Санкт-Петербургский университет в XVIII—XX вв. : европейские традиции и российский контекст : Труды международной научной конференции. 23—25 июня 2009 г. / Под редакцией А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонова. — Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского университета, 2009. — С. 148—162. — ISBN 978-5-288-04984-2.

14. *Шилов А. В.* Из истории Петроградского университета : судьбы ученых в послеоктябрьский период / А. В. Шилов // Петербургские чтения. — 1997. — Санкт-Петербург : Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург–2003», 1997. — С. 254—257. — ISBN 5-86789-051-1.

15. *Dhondt P.* University History as Part of the History of Education / P. Dhondt // University Jubilees and University History Writing : A Challenging Relationships. — Leiden, Boston : Brill, 2015. — Pp. 233—249. — ISBN 978-90-04-21696-9.

Статья поступила в редакцию 25.08.2024,
одобрена после рецензирования 21.11.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

Archive of the Museum of History of St. Petersburg State University — *Archive of the Museum of History of St. Petersburg State University. F. I. Op. 1. 48 (Ozerov N. E. Memories of the work of the local committee of LSU from 1917 to 1925).* (In Russ.).

Argus. (1919). The Feast of the Russian Enlightenment. *Siberian Speech [newspaper], 41:* P. 3. (In Russ.).

Awarding of employees of Leningrad University with orders and medals. (1944). *Leningrad University [gazeta]. March 12. Special Issue.* P. 1. (In Russ.).

Bogaevsky, B. L. (1929). What's on queues? (1819—1917 and 1917—1929). *Leningrad University [newspaper], 2—3:* P. 1. (In Russ.).

Central State Administration of St. Petersburg — *Central State Archive of St. Petersburg.* (In Russ.).

Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR on awarding the Order of Lenin to Leningrad State University, February 21, 1944. (1944). *Leningrad University [newspaper]. March 12. Special issue.* P. 1. (In Russ.).

Favorskaya, T. A. (2019). *Favorsky: the life of the family of a university professor, 1890—1953: memoirs.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 781 p. ISBN 978-5-288-05890-5. (In Russ.).

Frisch, S. E. (2009). *Through the prism of time. 2nd edition, revised and expanded.* St. Petersburg: Solo. 239 p. ISBN 5-250-01165-9. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

Getting ready for the anniversary. (1938). *Leningrad University [newspaper], 41:* P. 3. (In Russ.).

I. N. Stoletny jubilee. (1919). *Siberian life [newspaper], 55:* P. 1. (In Russ.).

Jubilee act. (1936). *Leningrad University [newspaper], 2:* P. 1. (In Russ.).

Jubilee chronicle. (1939). *Leningrad University [newspaper], 15:* P. 1. (In Russ.).

Korel, I. I. (1938). From the past of our university. *Leningrad University [newspaper], 9:* P. 4. (In Russ.).

Kuzmin, M. P. (1922). 20 years ago. Krasnaya gazeta. *Morning edition [newspaper], 41:* P. 2. (In Russ.).

Leningrad University. 1819—1944: [To the 125th anniversary of its foundation]. (1945). Moscow: LSU Publishing House. 184 p. (In Russ.).

Lunacharsky, A. V. (1968). *Memories and impressions.* Moscow: Soviet Russia. 376 p. (In Russ.).

Mankov, A. G. (1995). From the diary. 1938—1941. *Zvezda [magazine], 11:* 167—199. (In Russ.).

One hundred and ten years of university. (1929). *Smena [newspaper], 42:* P. 6. (In Russ.).

Platonova, N. N. (2020). *Diary (1889—1921).* Ryazan: NRIID. 880 p. ISBN 978-5-94473-021-3. (In Russ.).

Poletika, N. P. (2024). Seen and experienced. In: *St. Petersburg University in memoirs and diaries: in 3 volumes, 3.* St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 139—147. ISBN 978-5-288-06581-7. (In Russ.).

Resolution of the Council of People's Commissars "on the procedure for allowing the celebration of anniversaries" dated December 1, 1925. In: *Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1925 № 40—85. Department one.* Moscow: [b. i.], [b. g.]. P. 1214. (In Russ.).

Saldau, N., Davidkin. (1939). III Olympiad of amateur performances. *Leningrad University [newspaper], 14:* P. 4. (In Russ.).

Seminar on the history of the University. (1941). *Leningrad University [newspaper], 9:* P. 1. (In Russ.).

Soldatenkov, S. V. (1971). Working faculty — University — science. In: *On the assault of science: Memoirs of former students of the Faculty of Social Sciences of Leningrad University.* Leningrad: LSU Publishing House. 43—52. (In Russ.).

Sorokin, P. A. (1992). *The long road. Autobiography.* Moscow: Terra, Moskovsky Rabochy. 302 p. (In Russ.).

Tarle, E. V. (1928). In connection with the anniversary. *Studencheskaya pravda [newspaper], 6:* P. 2. (In Russ.).
The report of Comrade. Stalin at the XVIII-th Party Congress on the work of the Central Committee of the CPSU (b). (1939). *Pravda [newspaper], 69:* 3—4. (In Russ.).
To the 100th anniversary of St. Petersburg University. (1919). *Donskiye vedomosti [newspaper], 34:* P. 5. (In Russ.).
TSGAIPD St. Petersburg — *Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg.* (In Russ.).
TsGIA St. Petersburg — *Central State Historical Archive of St. Petersburg.* (In Russ.).
What do we know about the university. (1929). *Studentskaya Pravda [newspaper], 4—5:* P. 2. (In Russ.).
106 years of the University. (1925). *Krasnaya gazeta [newspaper], 43:* P. 3. (In Russ.).

References

Abdulina, B. M. (2023). Personal memorials of the Soviet higher school of the 1920s—1930s (based on the materials of the periodicals of Leningrad State University). *Via in tempore. History. Political science, 50 (3):* 734—745. (In Russ.).
David-Fox, M. (2012). The attack on universities and the dynamics of Stalin's Great Turning Point. In: *Schedule of changes: essays on the history of educational and scientific policy in the Russian Empire — USSR (late 1880s—1930s).* Moscow: New Literary Review. 523—563. ISBN 978-5-86793-991-5. (In Russ.).
Dhondt, P. (2015). University History as Part of the History of Education. In: *University Jubilees and University History Writing: A Challenging Relationships.* Leiden, Boston: Brill. 233—249. ISBN 978-90-04-21696-9.
Kazakevich, R. A., Mandel, S. Z. (1968). On the history of the 100th anniversary of the University. In: *Essays on the history of Leningrad University, 2.* Leningrad: LSU Publishing House. 159—166. (In Russ.).
Krivonozhenko, A. F. (2014). *Petrograd University in 1917—1922.* PhD Diss. St. Petersburg. 262 p. (In Russ.).
Morozov, O. V. (2016). *University anniversaries in Russia and Germany at the beginning of the XX century.* PhD Diss. Moscow. 194 p. (In Russ.).
Posokhov, S. I. (2011). Mechanisms of university self-presentation: solemn acts at universities of the Russian Empire (the second half of the XVIII — the first half of the XIX century). *Bulletin of the Chernihiv National Pedagogical University, 87:* 10—15. (In Russ.).
Rostovtsev, E. A. (2021). St. Petersburg University in Soviet historiography and commemorative practices (1919—1939). *Veche: Yearbook of Russian Philosophy and Culture.* 174—189. (In Russ.).
Rostovtsev, E. A. (2022). Commemorations of the Metropolitan University (1819—1919). *Journal of Modern Russian History and Historiography, 15:* 137—158. (In Russ.).
Shevyrev, A. P. (2009). Holidays of disobedience: the student movement in Moscow and St. Petersburg in the second half of the XIX — early XX centuries. In: *St. Petersburg University in the XVIII—XX centuries: European traditions and Russian context: Proceedings of the international scientific conference. June 23—25, 2009.* St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 148—162. ISBN 978-5-288-04984-2. (In Russ.).
Shilov, A. V. (1997). From the history of Petrograd University: the fate of scientists in the post-October period. In: *St. Petersburg readings. 1997.* St. Petersburg: Materials

of the encyclopedic library “St. Petersburg–2003”. 254—257. ISBN 5-86789-051-1. (In Russ.).

Sladkevich, N. G. (1968). On the 50th anniversary of St. Petersburg University. In: *Essays on the history of Leningrad University, 2.* Leningrad: LSU Publishing House. 152—158. (In Russ.).

Sosnitsky, D. A. (2017). The main directions of studying the history of St. Petersburg University in modern Russian historiography. *Klio, 10:* 207—217. (In Russ.).

Tikhonov, I. L. (2003). From the history of university anniversaries. In: *Celebration of the 275th anniversary of the founding of St. Petersburg University. Documents and materials.* St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. 435—442. ISBN 5-288-02554-1. (In Russ.).

Vishlenkova, E. A. (2013). Commemorative culture of the Russian University of the XIX century. In: *Ways of Russia historicization of cultural experience.* Moscow: New Literary Review. 584—598. ISBN 978-5-4448-0054-6. (In Russ.).

The article was submitted 25.08.2024;
approved after reviewing 21.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Татарникова А. И. Выселки Тобольского округа (уезда) в 1860—1920-е годы : образование и особенности развития / А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 515—531. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-515-531.

Tatarnikova, A. I. (2024). Settlements in Tobolsk District (County) from 1860s to the 1920s: Formation and Development Characteristics. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 515-531. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-515-531. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Выселки Тобольского округа (уезда) в 1860—1920-е годы: образование и особенности развития

Татарникова Анна Ивановна
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Лаборатории истории Сибири
tatob777@yandex.ru

Тобольская комплексная
научная станция
Уральского отделения
Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Settlements in Tobolsk District (County) from 1860s to the 1920s: Formation and Development Characteristics

Anna I. Tatarnikova
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD in History,
senior research scientist,
Laboratory of Siberian History
tatob777@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Татарникова А. И., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В работе рассмотрен процесс образования и последующего развития выселков как одного из типов сельских населенных пунктов, входивших в структуру сети поселений Тобольского округа (уезда). На основе анализа «Списков населенных мест», выступивших в качестве базового источника исследования, по пяти временным срезам (за 1869, 1893, 1903, 1909 и 1926 годы) прослежена динамика численности выселков, определена их доля в общем числе поселений округа. Подсчитано количество вновь возникших селений данного статуса по сравнению с каждым предшествующим взятым для сравнения периодом, установлена их средняя величина (дворность и людность). Сделан вывод о том, что практика выселения из «материнских» селений и образования выселков получила распространение преимущественно среди русского старожильческого населения и переселенцев. Сообщается, что примерно треть возникших в 1860-е годы выселков к 1920-м годам исчезла с карты Тобольского уезда, а бОльшая часть тех выселков, которые продолжили свое существование, получила статус деревень. Благоприятными факторами, обеспечивающими дальнейшее существование выселков, названы расположение на почтовом или земском тракте, наличие источника водоснабжения, близость к селениям, выступающим местными торгово-промышленными центрами, экономическая мощность хозяйств крестьян, переехавших из родового селения для обустройства на пустопорожних землях.

Ключевые слова:
история России; заселение регионов; выселки; сеть поселений; тип поселения; размер поселения; поселенческая инфраструктура; Тобольский округ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the process of formation and subsequent development of settlements as a distinct type of rural locality within the settlement network of the Tobolsk District. Utilizing the “Lists of Localities” as a primary source, the research analyzes five temporal snapshots (for the years 1869, 1893, 1903, 1909, and 1926) to trace the dynamics of settlement populations and to determine their proportion within the overall number of localities in the district. The study calculates the number of newly established settlements of this status in comparison to each preceding period, establishing their average size (in terms of households and population). It concludes that the practice of relocating from “parent” settlements to form new ones was predominantly observed among the indigenous Russian population and settlers. Notably, approximately one-third of the settlements that emerged in the 1860s had disappeared from the map of Tobolsk County by the 1920s, while most of those that persisted achieved village status. Favorable factors contributing to the continued existence of these settlements included their location along postal or zemstvo routes, access to water sources, proximity to local trade and industrial centers, and the economic strength of households that relocated from their ancestral villages to settle on unoccupied lands.

Key words:
History of Russia; Settlement Patterns; Rural Settlements; Settlement Networks; Type of Settlement; Settlement Size; Settler Infrastructure; Tobolsk District.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94:314.925(571.1)“186/192”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-515-531

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Выселки Тобольского округа (уезда) в 1860—1920-е годы: образование и особенности развития

© Татарникова А. И., 2024

1. Введение = Introduction

Одной из актуальных задач современной социально-экономической политики органов государственной власти является обеспечение устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации, выступающих важнейшим ресурсом страны, значение которого в условиях нарастающей глобализации и дефицита природных ресурсов трудно переоценить. Это подтверждается разработкой и принятием Правительством соответствующей Стратегии, направленной на создание условий для стабильного повышения качества и уровня жизни сельского населения на основе преимуществ сельского образа жизни.

Реализация данной Стратегии началась в 2015 году и продолжится до 2030 года [Стратегия устойчивого…]. Необходимость ее принятия была продиктована катастрофическим состоянием российской деревни, вызванным исчезновением и обезлюдением преимущественно в 1990-е годы десятков тысяч сельских поселений, депопуляцией многих существующих населенных пунктов, разрушением их экономической и социальной инфраструктуры, запустением ранее обрабатываемых земель сельскохозяйственного назначения [Масалова, 2024, с. 250—251]. Длительное неиспользование ресурсов сельских территорий нарушило сбалансированное развитие отечественной экономики, создало угрозу национальной безопасности страны.

Поиск вариантов преодоления системного кризиса развития деревни требует обращения к историческому опыту предшествующих поколений в деле заселения и дальнейшего земледельческого и промыслового освоения новых земель, вовлечения их в хозяйственный оборот. Многовековые практики «обживания» нового пространства, применяемые нашими предками, могут быть востребованы при решении насущных проблем сельских территорий.

Примером успешной аграрной колонизации можно считать заселение и хозяйственное освоение Сибири, получившее импульс в конце XVI века и набиравшее темпы вплоть до 60—80-х годов XX века. На протяжении

почти четырех столетий благодаря государственной и частной инициативе планомерно и стихийно заселялись земли сибирской периферии. Неотъемлемой частью этого процесса было возникновение и развитие опорных населенных пунктов, образовавших в XVII—XVIII веках незримый селитебный каркас, ставший остовом формирующейся территориальной организации населения, дальнейшего развития сети сельских поселений как показателя устойчивости складывающейся системы расселения.

Одним из распространенных способов сельскохозяйственного освоения территорий, практиковавшихся жителями сибирской глубинки вплоть до 1930-х годов, было самовольное заселение пустопорожних земель путем образования оди́н, выселков, заимок, засёлков, хуторов — селений-малодворок, часть которых со временем превращалась в деревни, сёла, поселки крупной величины с развитой инфраструктурой и устойчивой взаимосвязью с другими населенными пунктами в пределах существующих территориальных сгущений поселений. Благодаря образующейся «паутине» сельских населенных пунктов, в которой крупные и мелкие селения были связаны между собой производственными, торговыми, транспортными, культурными, административными отношениями, обеспечивалось относительно стабильное социально-экономическое развитие всего сибирского региона и страны в целом.

Учитывая многовариативность имеющихся способов достижения устойчивости развития сельских территорий, изучение положительного опыта самостоятельной колонизации крестьянами свободных земель в предшествующие столетия представляется вполне логичным и перспективным. Руководствуясь этими соображениями, мы определили цель исследования, заключающуюся в характеристике процесса возникновения и развития выселков как типа поселений на территории Тобольского округа / уезда в 1860—1920-е годы.

Выбор выселков в качестве объекта исследования объясняется спецификой их образования и последующего функционирования. Возникая, как правило, в районах старого земледельческого освоения по не санкционированному государством обычаю крестьян занимать примыкающие к местам первоначального водворения земли вольно-захватным методом, выселки выступали способом «обживания» местности, включения в хозяйственную деятельность ее ранее не используемых участков.

Территориальные рамки работы, как сказано выше, включают Тобольский округ / уезд, составлявший основную часть одноименного земледельческого района, сформированного в конце XVII—XVIII веков и к середине XIX века являвшегося одним из старейших районов Сибири, освоенных русскими поселенцами.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1860—1920-ми годами, ставшими периодом интенсивного развития сельской поселенческой сети вследствие активизации переселенческого движения и связанного с ним роста численности населения в рассматриваемом округе / уезде.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблема возникновения и дальнейшего функционирования выселков, выявления особенностей землепользования их жителей, к сожалению, еще не стала темой специального исследования ученых. В работах отечественных историков и географов, как правило, характеризуется развитие всей совокупности сельских поселений без специального предметного изучения выселков как типа населенных пунктов [Ковалев, 1963; Формирование и развитие сети ..., 2000, с. 3—16; Комиссаренко, 2000, 118—131; Филатов, 2006, 104—113; Малеев, 2015].

В трудах историков-сибиреведов, посвященных изучению процесса заселения и хозяйственного освоения Сибири, и в частности Тобольского Прииртышья и сопредельных с ним территорий, изредка встречаются упоминания выселков при перечислении типов крестьянских поселений, характерных для традиционной системы расселения регионального социума в предшествующие столетия. Среди немногочисленных исследователей, показавших отличия выселков от других типов населенных пунктов, следует назвать Н. А. Балюк, Л. Н. Мазур, Г. С. Хорохордина, в публикациях которых представлены данные о количестве селений характеризуемого типа в дореволюционный период на Среднем Урале и в некоторых районах Сибири [Балюк, 1997; Мазур, 2003; Хорохордин, 2023].

В 2014 году нами была опубликована статья, в которой выявлены общие тенденции образования и развития выселков на территории Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX веков, определена их средняя величина по нескольким временным срезам. Однако эволюционное развитие выселков в статье не рассматривалось, не затрагивался вопрос о действиях органов государственной и местной власти по отношению к самовольно образованным поселениям и их дальнейшему существованию [Татарникова, 2014, с. 208—213]. Восполнение существующих пробелов в изучении вопроса — одна из задач предлагаемого исследования.

Работа выполнена на основе двух групп источников.

Первая группа включает материалы делопроизводства Тобольской казенной палаты 1860-х годов, хранящиеся в Государственном архиве в г. Тобольске. В частности, в фондах архива отложились доклады хозяйственного отделения губернской казенной палаты о выселках, само-

вольно образованных крестьянами Омского, Тарского, Тобольского, Ялуторовского и других округов Тобольской губернии в период с 1760-х по 1850-е годы. [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 16, д. 14; 16; 19; 24]. К докладам прилагались ведомости — списки выселков с указанием их названия, приблизительного года образования, расстояния до ближайшего населенного пункта, количества дворов и числа жителей мужского и женского пола. Содержащиеся в докладах сведения стали отправной точкой в нашей работе.

На основе второй группы источников — «Списков населенных мест» Тобольской губернии, содержащих статистические сведения о каждом населенном пункте, — была прослежена дальнейшая судьба перечисленных в ведомостях выселков, выявлены новые селения данного типа, возникшие в более поздний период — в 1860—1880-е; 1890—1900-е; 1910—1920-е годы. По сути, «Списки ...» выступили базовым источником для проведения исследования, позволили изучить в исторической динамике величину выселков, определить их долю в поселенческой структуре Тобольского округа / уезда, выявить ключевые факторы, влияющие на дальнейшее развитие селений характеризуемого типа.

Методологической основой представленной работы стали идеи В. В. Покшишевского, рассматривавшего освоение территории как результат заселения и хозяйственной деятельности людей [Покшишевский, 1951, с. 18], Н. Б. Култашева, понимавшего этот процесс как способ удовлетворения растущих потребностей человека и общества в ресурсах [Култашев, 1993, с. 27], и М. Ю. Присяжного, трактовавшего освоение территории как «процесс взаимодействия человека и окружающей среды, вживания человека в природную среду территории, в природу в целом, в ходе которого идет постепенная интенсификация использования в производстве растущего числа компонентов природно-ресурсного потенциала территории» [Присяжный, 2001, с. 217].

В исследовании применялся историко-географический подход, позволивший изучить возникновение и дальнейшее развитие выселков в условиях складывающейся системы расселения и продолжающегося хозяйственного освоения Тобольского округа / уезда. Процесс трансформации выселков, изменения ими своего первоначального статуса, дворности и людности в исторической динамике изучен с опорой на историко-генетический метод. Рассмотрение механизмов влияния органов государственной и местной власти на дальнейшую судьбу выселков потребовало применения историко-функционального метода. Доля выселков в поселенческой сети изучаемой территории, их средняя величина по нескольким временным срезам определены с использованием статистического метода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Механизмы образования выселков как типа сельских поселений

Период XVII — первой половины XVIII веков в истории Западной Сибири ознаменовался формированием опорного поселенческого каркаса в районах первоначального земледельческого освоения (Верхотурско-Тобольском и Томско-Кузнецком). Этот каркас, состоявший преимущественно из сел, слобод, деревень, заимок, форпостов, починков и оди́н, стал основой для дальнейшего проникновения русских вглубь региона, освоения его огромных просторов.

По мере роста плотности населения, укрупнения населенных пунктов, увеличения количества семейных разделов в районах старого освоения близлежащие пригодные для земледелия участки оказались полностью занятыми. В связи с этим часть крестьян, ощущая земельную тесноту, выселялась на отдаленные, смежные с соседними деревнями земли, очищая и распахивая под пашню лесные угодья либо незаконно занимая земли граничащих с «материнским» селением населенных пунктов [Алишина, 2020, с. 1317]. Выезжая из родной деревни или села на расстояние от 0,5 до 10—12 верст, «выселенцы» в местах нового самовольного водворения возводили сначала временные (шалаши, землянки, избы-времянки), а позже постоянные жилища, обзаводились хозяйственными постройками, расширяли площадь пашенных земель и, таким образом, давали жизнь селениям-малодворкам, именуя их выселками.

Часть селений со статусом выселка возникала в результате проведенного окружными / уездными землемерами межевания, в ходе которого границы между населенными пунктами, недалеко отстоящими друг от друга, могли корректироваться. В случае подвижки границ в сторону расширения появлялись пустопорожние земли, которые самовольно или с разрешения органов местной власти заселялись земледельцами, выехавшими из родового селения на постоянное место жительства на незаселенные, а следовательно, свободные участки.

Вышеизложенные способы образования выселков позволяют определить их как небольшие по размерам сельские поселения, создававшиеся, как правило, самовольно, по инициативе крестьян, выезжавших из основного, «материнского» селения на постоянное место жительства к относительно удаленным пахотным угодьям вследствие земельной тесноты либо по каким-то другим причинам.

Архивные документы показывают, что местные власти нередко узнавали о самовольных выселках спустя несколько лет или даже десятилетий после их возникновения. Столкнувшись с фактом наличия таких поселе-

ний на территории округов, входящих в состав управляемой ими губернии, власти должны были принять решение относительно дальнейшей судьбы вновь выявленных населенных пунктов.

По данным представленного в марте 1860 года хозяйственным отделением губернской казенной палаты доклада, в период преимущественно с 1760-х по 1850-е годы крестьянами Тобольского округа было самовольно образовано 87 выселков, причем о существовании части из них присутствующие на заседании палаты должностные лица ранее не подозревали [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 16, д. 16, лл. 80—132].

В прилагавшейся к докладу ведомости в списочном порядке перечислялись все селения-выселки округа с указанием приблизительной даты их возникновения. Если верить документу, 7 из 87 выселков возникли до 1750 года, 23 — в 1750—1800 годы, 46 — в 1800—1850 годы, год образования еще 11-ти неизвестен. Наибольшее количество выселков было зафиксировано в Ашлыкской (22) и Уватской (18) волостях.

Среднее расстояние между «отпочковавшимися» и «материнскими» селениями в Уватской и Бегишевской волостях составляло 1,6 версты, в Юровской и Деньщиковской — 2,0, Карагайской инородной — 2,2, Адбажской — 2,5, Абалакской и Дубровной — 4,0, Ашлыкской — 5, Демьянской — 6,8.

По мере заселения территории Тобольского округа и, как следствие, исчерпания фонда свободных земель органы местной власти усиливали контроль над образованием новых населенных пунктов, в том числе выселков. Благодаря этому количество селений названного статуса, возникших самовольно, уменьшалось, а появление новых выселков на карте округа все чаще происходило с одобрения губернской администрации.

3.2. Факторы развития самовольно образованных выселков

Бесконтрольное самовольное образование выселков порождало для местных органов власти и самих крестьян массу проблем, связанных с неразберихой в определении земельных границ близлежащих селений, причислении новоселов к тому или иному сельскому обществу, взимании окладных сборов и проч.

От каких факторов зависело, продолжит ли свое дальнейшее существование выселок или будет ликвидирован? Определить их позволяет анализ делопроизводственных документов Тобольской казенной палаты за 1860 год по вопросу о самовольно образованных выселках в одноименном округе губернии.

Решения, принятые Тобольской казенной палатой относительно самовольно образованных в одноименном округе выселков, проливают свет на логику действий местных властей в отношении поселений, возникших без

их ведома. Так, в первую группу выселков палата отнесла 8 селений Ашлыкской, Дубровной и Уватской волостей с числом 10 и более семей. Их предстояло «утвердить под теми же названиями, которые они издавна имеют, особыми деревнями и внести в подлежащие документы» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, д. И154, оп. 16, д. 16, л. 80].

Вторую группу составили выселки величиной от 5 до 9 семей, расположенные не далее 10 верст от ближайших селений, а также выселки величиной менее 5 семей, отстоящие от «родовых» селений не далее 2 верст. Всего к данной группе был отнесен 51 выселок. «Для удобства иметь над ними сельский надзор», то есть эффективно взимать с «выселенцев» окладной сбор в пользу казны, контролировать их хозяйственную деятельность, палата постановила «причислить» эти выселки с начала 1860 года в качестве самостоятельных деревень к ближайшим селениям [ГБУТО ГА в г. Тобольске, д. И154, оп. 16, д. 16, л. 81].

Выселки третьей группы, в которую вошли 17 поселений, имеющие менее пяти семей и отстоящие далее двух верст от близлежащих деревень, «о коих начальник межевания казенных земель в Западной Сибири, по неимению у него об них сведений, не объяснил о возможности приселения к ним переселенцев для образования отдельных деревень», подлежали уничтожению. Сразу отметим, что в последующие годы 9 из 17 выселков фигурировали в «Списках населенных мест» либо в своем прежнем статусе, либо в статусе деревни. Вероятно, власти всё-таки нашли возможность приселить к ним часть прибывающих в округ мигрантов и тем самым сохранили в качестве самостоятельных населенных пунктов.

В отношении еще восьми выселков Абатской, Деньщиковской, Дубровной, Бегишевской и Бронниковской волостей, которые по своим характеристикам относились к третьей группе и, следовательно, подлежали уничтожению, предписывалось предварительно спросить начальника межевания казенных земель, «не окажется ли возможности приселить к ним достаточное число переселенцев из малоземельных российских губерний для образования отдельных селений, но не менее как из 25 семейств» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 16, д. 16, л. 82об.]. Можно предположить, что в окрестностях данных выселков имелись свободные земли, пригодные для распашки, поэтому власти предпринимали попытки укрупнения таких селений путем водворения в них выходцев из европейской части страны. Время показало, что пять выселков продолжили свое существование, но число домохозяйств в них так и не достигло рекомендуемой цифры.

Согласно вынесенному Тобольской казенной палатой решению, жителям выселков, подлежащих уничтожению, отводился год на выселение из них в другие селения либо «обратно в места состояния по ревизии».

Представляется интересным предписание палаты относительно выселков, образованных представителями аборигенного населения округа: «…Инородцев, показанных в ведомости в других волостях, а не там, где находятся выселки, не считать причисленными, а выслать их немедленно в свои места или заставить испросить о перечислении установленным порядком, если они в выселках имеют домохозяйство» [ГБУТО ГА в г. Тобольске, ф. И154, оп. 16, д. 16, л. 82]. Причиной столь категоричного решения, по-видимому, было не контролируемое властями выселение представителей коренных народов, ведущих оседлый образ жизни, на пустопорожние участки, что порождало путаницу в процессе учета и налогообложения данной категории населения, ведь согласно действовавшему с 1822 года «Уставу об управлении инородцев» последние закреплялись на традиционно находившихся в их пользовании землях и не могли покидать их без официального разрешения.

Таким образом, при решении дальнейшей судьбы самовольно возникших выселков губернская администрация учитывала следующие факторы: удаленность выселка от ближайших селений; количество крестьянских семей, выехавших из «материнского» селения на новое место жительства; наличие свободных земель для возможного приселения к «выселенцам» других семей с целью укрупнения возникшего населенного пункта. Перечисленные факторы определяли будущее выселка, который власти либо ликвидировали, либо оставляли в качестве самостоятельного поселения.

3.3. Численность и величина выселков Тобольского округа / уезда в 1860—1920-е годы

Самовольно образованные выселки, как правило, представляли собой одно-, двух- или трехдворные селения, многие из которых оставались таковыми на всем протяжении своего существования. Длительность функционирования выселков, изменение их дворности и людности определялись природно-географическим положением селения, его транспортной доступностью, наличием достаточного количества свободных пригодных для пахоты земельных участков, экономической мощностью хозяйств крестьян-«выселенцев», близостью торгово-промысленных центров.

Судьба образованных крестьянами Тобольского округа в 1730—1850-е годы в самовольном порядке выселков была прослежена по «Спискам населенных мест» за 1869, 1893, 1903, 1909 и 1926 годы. В результате было установлено, что к 1926 году из 87 селений данного типа продолжили свое существование 56 (64 %). Из них статус деревни получили 38, юрты — 8, продолжили именоваться выселками — 10.

Наиболее крупными по количеству проживающих в них крестьянских семей были выселки волостей Ашлыкской (в среднем 7,5 семей в одном

CC BY

селении) и Карагайской инородной (7,4 семьи). Наименьшей величиной отличались выселки Юровской (2,3 семьи) и Демьянской (3 семьи) волостей. В целом средняя величина выселков Тобольского округа к 1860 году насчитывала 4,3 семьи. Если учесть, что во второй половине XIX веке людность крестьянской семьи в Тобольской губернии составляла примерно 5,4 человека [Зверев, 1991, с. 19], то среднестатистический выселок насчитывал порядка 23 жителей.

Наименьшей величиной среди 56 сохранившихся выселков отличался выс. Муромцевский Демьянской волости. Темпы роста его величины были невелики: в 1893 году здесь имелось 2 двора и 8 жителей, в 1926 году — 5 дворов и 22 жителя. Наиболее значительный рост продемонстрировала деревня Падун (бывший выс. Падунский Ашлыкской волости). Если в 1869 году в этом селении числилось 15 дворов и 66 жителей, то в 1926 году — 47 дворов и 191 житель.

Процесс образования выселков продолжался на протяжении всего рассматриваемого периода. Как видно из представленной ниже таблицы 1, в период с 1869 по 1903 годы доля селений изучаемого нами типа в общей численности населенных пунктов увеличивалась (с 6,1 до 13,4 %), с 1903 по 1926 годы — уменьшалась (до 9,2 %).

Таблица 1

Выселки в поселенческой структуре
Тобольского округа / уезда в 1869—1926 годы

Показатель	**1869 г.**	**1893 г.**	**1903 г.**	**1909 г.**	**1926 г.**
Общее кол-во поселений всех типов	685	748	845	839	762
Из них выселков	42	81	113	103	70
в том числе: вновь образованных	–	58	41	21	46
Среднее кол-во дворов в одном выселке	12	8	10	9	23
Среднее кол-во жителей в одном выселке	71	51	69	51	40

Подсчитано по: [Тобольская губерния ..., 1871; Статистика ..., 1895; Список ..., 1904; Список ..., 1912; Список ..., 1928].

Наиболее интенсивно выселки как тип поселений образовывались в 1890-е годы, что было вызвано высоким естественным и миграционным приростом населения, разрастанием ранее существовавших населенных пунктов за счет приселения к ним аграрных иммигрантов и участившихся семейных разделов у старожилов. Перечисленные процессы порождали земельную тесноту в староосвоенных местностях, побуждая наиболее

инициативных и предприимчивых крестьян к переезду на отдаленные, смежные земли, где они строили сначала временные, а позже постоянные (стационарные) жилища, распахивали под пашню лесные участки.

В 1860-е годы наибольшее количество выселков было зафиксировано в Ашлыкской (22) и Уватской (18) волостях. При этом бóльшая часть выселков Ашлыкской волости (13) возникла в 1800—1840 годы. Выселялись из «родовых» селений преимущественно старожилы, а в более поздний период (с 1890-х годов) — переселенцы, первоначально приселенные официально к старожильческим селениям.

Из 58 новых выселков, образованных в округе в период с 1869 по 1893 годы, 29 (50 %) располагались на территории Уватской волости, по 9 (15 %) — в Демьянской и Филинской волостях, составлявших северную часть Тобольского округа, где имелись пустопорожние земли, подвергшиеся в это время активному хозяйственному освоению. Среди уватских и филинских выселков самые крупные насчитывали 20—21 двор с более чем 100 жителями в каждом (выс. Уполойный, Чумляковский, Стародеревенский). Самый большой из возникших в данный период выселков (Березянский) располагался в Байкаловской волости. Он состоял из 26 дворов и вмещал 177 жителей.

С 1893 по 1903 годы лидерами по образованию выселков стали Ашлыкская и Загваздинская волости, в которых появилось, соответственно, 11 и 8 новых селений данного типа. В число наиболее крупных новых выселков, возникших в указанное десятилетие, вошли Суйский (38 дворов, 237 жителей) и Еланский (39 дворов, 199 жителей), оба располагавшиеся в Загваздинской волости.

В последующие шесть лет (с 1903 по 1909 годы) в Тобольском уезде появился еще 21 выселок, в том числе 11 (52 %) — в Ашлыкской волости. К 1909 году получил статус села с одноименным названием бывший выселок Пановский Загваздинской волости, расположенный на берегу Иртыша, на земском тракте. В новоявленном селе насчитывалось 44 двора с 233 жителями, функционировали церковь, «школа грамоты», два хлебозапасных магазина, три торговых лавки, кузница [Список …, 1912, с. 66—67].

В 1910—1920-е годы темпы образования выселков в уезде замедлились — до четырех в год. Это было связано с событиями Первой мировой войны, революции и последовавшей гражданской войны, приведшими к сокращению потока переселенцев в Сибирь, ослаблению внутрирайонной миграции. В указанный период активнее всего создание выселков происходило в Уватском районе (19 новых выселков из 70 возникших). При этом 68 % уватских выселков появилось в 1916—1926 годы.

Анализ «Списков ...» за 1926 год показал существенный рост величины бывших выселков по количеству дворов (в 2,5 раза) при одновременном

сокращении их людности (в 0,8 раза). Впрочем, подобная тенденция была характерна для поселений всех типов, что свидетельствовало о начавшихся изменениях в демографическом поведении сельских жителей в условиях нарастающего влияния урбанизации и вызванных ею последствий.

4. Заключение = Conclusions

В условиях происходившей в 1860—1920-е годы интенсивной аграрной колонизации Западносибирского региона образование выселков выступало одним из способов «обживания» пустопорожних территорий. Из-за земельной тесноты и участившихся семейных разделов выезд из «материнского селения» на отдаленные пахотные земли давал крестьянской семье шанс улучшить свое материальное положение за счет вовлечения в хозяйственный оборот большей площади земель. В Тобольском округе / уезде характеризуемый тип поселения чаще всего встречался в местах проживания старожилов и переселенцев, в то время как у местного автохтонного населения практика выселения на новые земли имела меньшее распространение.

Как правило, выселки образовывались одной-четырьмя семьями, выехавшими из родового селения. На момент выезда на выселок каждая из этих семей насчитывала в среднем четыре-шесть взрослых рабочих единиц мужского и женского пола. По мере обустройства на новом месте, обзаведения жилищем и надворными постройками от родительской семьи отделялись взрослые дети со своими семьями, возводя себе новые жилища в том же выселке. Это приводило к увеличению дворности выселков и одновременному сокращению людности крестьянского двора.

Перспективы для дальнейшего развития обычно имели выселки, расположенные в непосредственной близости от оживленных земских и почтовых трактов, административных и торгово-экономических центров. Со временем они разрастались до нескольких десятков дворов, обзаводились кузницами, мельницами, хлебозапасными магазинами, школами и другими объектами социальной инфраструктуры, превращаясь в деревни.

При неблагоприятном стечении обстоятельств (занятие «выселенцами» земель, входивших в границы землепользования другого селения; плохая транспортная доступность; экономическая маломощность крестьянских хозяйств; отдаленность от местных торгово-экономических центров и т. п.) самовольно возникший выселок имел бóльшие риски исчезновения, нежели деревня, село, поселок, образованные по решениям органов местной власти. Названные обстоятельства послужили причиной исчезновения к 1920-м годам примерно трети выселков, основанных до 1860 года, остальные селения-выселки продолжили свое существование, но уже в статусе деревень, юрт или даже сёл.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	**The author declares no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. ГБУТО ГА в г. Тобольске — *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». — Ф. И154 (Тобольская казенная палата).

2. *Список* населенных мест Тобольской губернии. — Тобольск : Губ. тип., 1904. — 41 с.

3. *Список* населенных мест Тобольской губернии : [составлен по сведениям на 15 июля 1909 г.]. — Тобольск : Изд. Тобол. губ. стат. ком, 1912. — 634 с.

4. *Список* населенных пунктов Уральской области : [в 16 т.]. Тобольской окр. — Свердловск : Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. — Т. 12. — 231 с.

5. *Статистика* Российской империи : волости и населенные места 1893 года. — Тобольская и Енисейская губ. — Санкт-Петербург : [Тип. В. Безобразова и К°], 1895. — Выпуск 10. — 256 с.

6. *Стратегия* устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 02 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. — № 151-р. — Режим доступа : http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf (дата обращения 06.08.2024).

7. *Тобольская* губерния : Список населенных мест по сведениям 1868—1869 гг. / обраб. ред. В. Зверинским. — Санкт-Петербург : Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1871. — 196 с.

Литература

1. *Алишина Г. Н.* В поисках «своего места» : крестьянская колонизация Томской губернии / Г. Н. Алишина // Quaestio Rossica. — 2020. — Т. 8. — № 4. — С. 1307—1320. — DOI: 10.15826/qr.2020.4.529.

2. *Балюк Н. А.* Тобольская деревня в конце XVI—XIX вв. / Н. А. Балюк. — Тобольск : Штрих, 1997. — 224 с.

3. *Зверев В. А.* Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ) / В. А. Зверев. — Новосибирск : Изд. НГПИ, 1991. — 148 с.

4. *Ковалев С. А.* Сельское расселение : географическое исследование / С. А. Ковалев. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1963. — 371 с.

5. *Комиссаренко А. И.* Типология поселений и уровень сельскохозяйственного освоения земельных угодий в Вятском уезде в конце XVIII — начале XIX вв. / А. И. Комиссаренко // Особенности российского земледелия и проблемы расселения : Мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — Тамбов : ТГТУ, 2000. — С. 118—131. — ISBN 5-8265-0133-2.

6. *Култашев Н. Б.* Введение в теорию территориальной организации общества. Исходные проблемы : конспект лекций / Н. Б. Култашев. — Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1993. — 52 с.

7. *Мазур Л. Н.* Села и деревни Среднего Урала в XX веке : Стат.-этногр. описание / Л. Н. Мазур. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, — 2003. — 156 с. — ISBN: 5-7996-0172-6.

8. *Малеев Н. Г.* Динамика развития сельских поселений Прибайкалья во второй половине XVII — первой четверти XX века / Н. Г. Малеев // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2015. — № 6 (2). — С. 78—85. — DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2)31.

9. *Масалова Ю. А.* Демографические проблемы и стратегия устойчивого развития сельских территорий / Ю. А. Масалова // Устойчивость демографического развития : детерминанты и ресурсы : Сб. науч. ст. — Екатеринбург : Ин-т экономики, 2024. — С. 249—258. — ISBN 978-5-94646-689-9.

10. *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири (историко-географический очерк) / В. В. Покшишевский. — Иркутск : Иркутское обл. гос. изд-во, 1951. — 207 с.

11. *Присяжный М. Ю.* Трансформация региональной системы природопользования Якутии / М. Ю. Присяжный // Региональное природопользование и фундаментальные проблемы географии будущего. — Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2001. — С. 217—218. — ISBN 5-94115-012-3.

12. *Татарникова А. И.* Выселки как тип поселения в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / А. И. Татарникова // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. — Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2014. — С. 208—213. — ISBN 978-5-00023-481-5.

13. *Филатов В. В.* Землеустройство на Урале в конце 1920-х — 1930-е годы / В. В. Филатов // Вопросы истории. — 2006. — № 11. — С. 104—113.

14. *Формирование* и развитие сети сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII—XX вв.) / А. Л. Аврех, С. А. Есиков, В. В. Канищев, Ю. А. Мизис, Л. Г. Протасов // Особенности российского земледелия и проблемы расселения : Мат-лы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — Тамбов : ТГТУ, 2000. — С. 3—16. — ISBN 5-8265-0133-2.

15. *Хорохордин Г. С.* Развитие сети сельских поселений Томской губернии во второй половине XIX — первой четверти XX века (по материалам Томского округа-уезда) : диссертация … кандидата исторических наук : 00.00.00 / Георгий Сергеевич Хорохордин. — Новосибирск, 2023. — 280 с.

Статья поступила в редакцию 11.09.2024,
одобрена после рецензирования 28.11.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

GBUTO GA in Tobolsk — *The State budgetary institution of the Tyumen region "State Archive in Tobolsk". F. I154 (Tobolsk Treasury Chamber).* (In Russ.).

List of populated places in Tobolsk province. (1904). Tobolsk: Gubernia type. 41 p. (In Russ.).

List of populated places in Tobolsk province: [compiled according to information on July 15, 1909]. (1912). Tobolsk: Publishing house of Tobol. Gubernia. stat. com. 634 p. (In Russ.).

List of settlements of the Ural region: [in 16 volumes]. Tobolsk district, 12. (1928). Sverdlovsk: Publishing house of the organizational department of the Uraloblispolkom, Uralstatupravleniya and district executive committees. 231 p. (In Russ.).

Statistics of the Russian Empire: volosts and populated places in 1893, 10. (1895). Tobolsk and Yenisei provinces. St. Petersburg: [Type. V. Bezobrazova and K]. 256 p. (In Russ.).

Strategy for sustainable development of rural areas of the Russian Federation for the period up to 2030: approved by the decree of the Government of the Russian Federation. Federation dated February 02, 2015, 151-R. Available at: http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf (accessed 06.08.2024). (In Russ.).

Zverinsky, V. (ed.). (1871). *Tobolsk province: A list of populated places according to information from 1868—1869.* St. Petersburg: Publishing Center. stat. com. Min. internal affairs. 196 p. (In Russ.).

References

Alishina, G. N. (2020). In search of "his place": peasant colonization of the Tomsk province. *Quaestio Rossica, 8 (4):* 1307—1320. DOI: 10.15826/qr.2020.4.529. (In Russ.).

Avrekh, A. L., Yesikov, S. A., Kanishchev, V. V., Mizis, Yu. A., Protasov, L. G. (2000). Formation and development of a network of rural settlements in the Tambov region (XVII—XX centuries). In: *Features of Russian agriculture and problems of settlement: Materials of the XXVI session of the Symposium on Agrarian Policy the history of Eastern Europe.* Tambov: TSTU. 3—16. ISBN 5-8265-0133-2. (In Russ.).

Balyuk, N. A. (1997*). Tobolsk village at the end of the XVI—XIX centuries.* Tobolsk: Shtrik. 224 p. (In Russ.).

Filatov, V. V. (2006). Land management in the Urals in the late 1920s — 1930s. *Questions of history, 11:* 104—113. (In Russ.).

Juror, M. Yu. (2001). Transformation of the regional environmental management system of Yakutia. In: *Regional environmental management and fundamental problems of the geography of the future.* Irkutsk: Publishing House of the Institute of Geography SB RAS. 217—218. ISBN 5-94115-012-3. (In Russ.).

Khorokhordin, G. S. (2023). *The development of a network of rural settlements of the Tomsk province in the second half of the XIX — first quarter of the XX century (based on the materials of the Tomsk district).* PhD Diss. Novosibirsk. 280 p. (In Russ.).

Komissarenko, A. I. (2000). Typology of settlements and the level of agricultural development of land in Vyatka county in the late XVIII — early XIX centuries. In: *Features of Russian agriculture and problems of settlement: Materials of the XXVI session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe.* Tambov: TSTU. 118—131. ISBN 5-8265-0133-2. (In Russ.).

Kovalev, S. A. (1963). *Rural settlement: a geographical study.* Moscow: Publishing House of the Moscow University. 371 p. (In Russ.).

Kultashev, N. B. (1993). *Introduction to the theory of territorial organization of society. Initial problems: lecture notes.* Tver: Publishing House of Tver. Unita. 52 p. (In Russ.).

Maleev, N. G. (2015). Dynamics of development of rural settlements of the Baikal region in the second half of the XVII — first quarter of the XX century. *Izvestiya Irkutsk State Academy of Economics, 6 (2):* 78—85. DOI: 10.17150/2072-0904.2015.6(2)31. (In Russ.).

Masalova, Yu. A. (2024). Demographic problems and strategy of sustainable rural development. In: *Sustainability of demographic development: determinants and resources: Collection of scientific articles.* Yekaterinburg: Institute of Economics. 249—258. ISBN 978-5-94646-689-9. (In Russ.).

Mazur, L. N. (2003). *Villages and villages of the Middle Urals in the XX century: Stat.-ethnogr. Description.* Yekaterinburg: Ural Publishing House. UN-ta. 156 p. ISBN 5-7996-0172-6. (In Russ.).

Pokshishevsky, V. V. (1951). *Settlement of Siberia (historical and geographical essay).* Irkutsk: Irkutsk region State Publishing House. 207 p. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I. (2014). Settlements as a type of settlement in Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century. In: *The history and historiography of Russia and Siberia in research and educational contexts: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference.* Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. Univ. 208—213. ISBN 978-5-00023-481-5. (In Russ.).

Zverev, V. A. (1991). *Family peasant household in Siberia of the epoch of capitalism (historical and demographic analysis).* Novosibirsk: Publishing House of NGPI. 148 p. (In Russ.).

The article was submitted 11.09.2024;
approved after reviewing 28.11.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Шайдуров В. Н. Немецкие колхозы Ленинградской области в середине 1930-х годов (по материалам районной периодической печати) / В. Н. Шайдуров, В. А. Ломанов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 10. — С. 532—555. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-532-555.

Shaydurov, V. N., Lomanov, V. A. (2024). German Collective Farms in Leningrad Region during Mid-1930s: Insights from District Newspapers. *Nauchnyi dialog, 13* (10): 532-555. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-532-555. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Немецкие колхозы Ленинградской области в середине 1930-х годов (по материалам районной периодической печати)

Шайдуров Владимир Николаевич*
orcid.org/0000-0002-1431-1163
доктор исторических наук, доцент,
Научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа,
корреспондирующий автор
s-w-n@mail.ru

Ломанов Владислав Андреевич
orcid.org/0000-0003-3797-2236
лаборант,
Научно-образовательный центр
исторических исследований и анализа
vladislav.lomanov@ya.ru

Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
и Санкт-Петербургского научного фонда
№ 23-18-20025,
https://rscf.ru/project/23-18-20025/

German Collective Farms in Leningrad Region during Mid-1930s: Insights from District Newspapers

Vladimir N. Shaidurov*
orcid.org/0000-0002-1431-1163
Doctor of History, Associate Professor,
Scientific and Educational Center
for Historical Research and Analysis,
Corresponding author
s-w-n@mail.ru

Vladislav A. Lomanov
orcid.org/0000-0003-3797-2236
Laboratory assistant,
Scientific and Educational Center
for Historical Research and Analysis
vladislav.lomanov@ya.ru

Pushkin Leningrad
State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation
and by St. Petersburg Science
Foundation № 23-18-20025,
https://rscf.ru/project/23-18-20025/

© Шайдуров В. Н., Ломанов В. А., 2024

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются особенности освещения немецких колхозов в районной русскоязычной периодической печати в середине 1930-х годов. В качестве источника была использована газета Ленинградского Пригородного района «Социалистический пригород». Выяснено, что в большинстве газетных публикаций немецкие колхозы характеризуются в качестве образцово-показательных сельскохозяйственных организаций, прошедших определённый путь — от систематического отставания до передовых экономических позиций в районе. Установлено, что первоначальное отставание немецких колхозов печатные органы связывали с целенаправленным вредительством «классово-чуждых элементов», которые, по мнению авторов статей, мешали национальным колхозам развиваться и успешно выполнять норму, зафиксированную в плановых показателях. Сооается, что экономические успехи немецких колхозов связывались с целенаправленной деятельностью немецкой бедноты и советско-партийных органов по очищению колхозов от «кулаков» и энтузиазмом отдельных немецких крестьян. Отмечается, что в совокупности с другими видами источников районная периодическая печать позволяет воссоздать полную и целостную картину социально-экономической модернизации немецкой деревни в 1930-е годы.

Ключевые слова:
борьба с кулачеством; периодическая печать; Ленинградский Пригородный район; Ленинградская область.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study explores the representation of German collective farms in the district's Russian-language periodical press during the mid-1930s. The primary source for this analysis is the newspaper "Socialistichesky Prigorod" [Socialist Suburb], published in the Leningrad Suburban District. It has been determined that most newspaper articles characterize German collective farms as exemplary agricultural organizations that underwent a significant transformation—from systematic lagging behind to achieving advanced economic positions within the district. The initial backwardness of these collective farms was attributed by the press to deliberate sabotage by "class-alien elements," which, according to the authors of the articles, hindered the development of national collective farms and their ability to meet planned production targets. Furthermore, the economic successes of the German collective farms were linked to the focused efforts of the German poor and Soviet-party organs aimed at purging the collectives of "kulaks," alongside the enthusiasm of individual German peasants. It is noted that, in conjunction with other types of sources, the district periodical press provides a comprehensive and holistic picture of the socio-economic modernization of the German countryside in the 1930s.

Key words:
struggle against kulakism; periodical press; Leningrad Suburban District; Leningrad Region.

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

УДК 94(47-16):316.343.42(=112.2)“1925”
DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-10-532-555

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Немецкие колхозы Ленинградской области в середине 1930-х годов (по материалам районной периодической печати)

© Шайдуров В. Н., Ломанов В. А., 2024

1. Введение = Introduction

В 1930-е годы в СССР начинается новый этап экономического развития. Стране нужно было в срочном порядке ликвидировать экономическое отставание от западных капиталистических государств. Для форсированной индустриализации требовались значительные материальные, финансовые и людские ресурсы. Агарный характер экономики страны задавал определённый вектор проведения задуманных преобразований. Большевистское руководство понимало, что модернизацию промышленности придётся проводить за счёт деревни, но оно не видело перспектив в проведении «большого скачка» на основе мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

В 1929 году в стране стартовала сплошная коллективизация сельского хозяйства. Её основной целью было создание крупных сельскохозяйственных объединений крестьян — колхозов. Целью построения новой сельскохозяйственной системы должно было стать не только приобретение экономической опоры государства в деревне и получение необходимых для индустриализации ресурсов, но и окончательный демонтаж старых, традиционных элементов хозяйственной жизни крестьянства. Данный процесс не мог не вызвать сопротивления со стороны сельского населения. Поэтому коллективизация имела насильственный характер и сопровождалась применением экономического и административного нажима.

Новообразованная колхозная система имела ряд положительных качеств, но не являлась совершенной. Советское правительство стремилось продемонстрировать её успехи и достижения, дать максимально простое объяснение её недостаткам и провалам и показать возможные пути устранения ошибок. Одним из инструментов осуществления вышеперечисленного являлась периодическая печать. Ее задача, по мнению партийного и советского руководства, заключалась в том, чтобы информировать граждан о происходящем в стране и задавать идеологически-правильное направление общественному мнению.

Ленинградская область была непосредственно вовлечена в сплошную коллективизацию. На её территории данный процесс имел определённую специфику, обусловленную многонациональным составом населения. Одним из многочисленных национальных меньшинств, испытавших на себе тяготы «большого скачка», являлись советские немцы, половина из которых проживала в сельской местности. В силу исторических традиций подавляющее большинство немецкого крестьянства проживало в Ленинградском Пригородном районе [Янсон, 1929, с. 6]. В окрестностях Ленинграда была сконцентрирована основная часть немецких колхозов региона [Захаров, 1935, № 7, с. 2].

Главным печатным органом, освещавшим экономическую жизнь Ленинградского Пригородного района и близких к нему территорий, являлась газета «Социалистический пригород». Она выходила в период с 1933 по 1936 годы. За данный период было выпущено 659 номеров, 300 из которых приходится на 1935 год [Газеты СССР ..., 1970, с. 93]. На её страницах было опубликовано огромное количество статей, касающихся функционирования колхозной системы. Газета не оставила в стороне освещение деятельности национальных колхозов. Больше всего внимания уделялось финским и немецким сельскохозяйственным объединениям.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблематика коллективизации и функционирования колхозной системы в СССР в 1930-е годы отличается обилием большого количества научных работ. По данным темам опубликовано множество научных статей, диссертаций и монографий, в которых они и сопровождавшие их экономические, социальные и политические процессы изучалась в масштабах СССР и границах отдельных регионов [Антошин, 2023; Вторый, 2020; Давыдов, 2024]. Также имеются статьи, в которых коллективизация представлена в контексте микроистории, на примере отдельных сёл [Ильиных, 2021].

Беглый анализ историографии периода «большого скачка» указывает на то, что в ней есть определённая тенденция. Современные исследователи уделяют не так много внимания изучению истории функционирования колхозов в 1930-е годы. Нередко на первое место историки выдвигали взаимоотношения крестьянства и государства. Коллективизация и первые послеколлективизационные годы рассматривались как процесс противостояния Советской власти и сельского населения, из которого государство вышло победителем. Означенная тенденция сказалась на изучении истории советских немцев.

Историография коллективизации в немецкой деревне начала формироваться лишь в 1990-е годы. Это было связано с общим интересом в на-

учной среде к истории российских немцев. Однако подавляющая масса публикаций посвящена коллективизации в Поволжье, Сибири, на Украине [Герман, 2007; Гербер, 2009; Вибе, 2011; Клёц, 2017; Шабельников, 2018; Каменских, 2020]. Историки, изучавшие экономическое развитие немецких сёл СССР в 1920-1930-е годы, рассматривали модернизационные процессы внутри немецкого крестьянства сквозь призму государственной политики [Шайдуров, 2021]. На общем фоне изученность жизни немецких колхозов Северо-Запада РСФСР оставляет желать лучшего [Шрадер, 1999; Федорук, 2017, Федорук 2019]. Вне поля зрения немногочисленных исследователей оставались многие проблемы. Так, не выявлены причины роста экономического благосостояния немецких колхозов Ленинградской области на фоне непростых идеологических и социокультурных отношений немецкого населения и государства.

Кроме того, исследуя данную проблематику, историки строили свои исследования на основе документальных материалов, оставляя за пределами поля зрения нарративные источники. Например, ни в одной научной работе о колхозах Ленинградской области не использовались материалы районной русскоязычной периодической печати. Вышеизложенное обстоятельство делает наше исследование востребованным и актуальным.

Источниковую базу исследования составляют материалы русскоязычной периодической печати Ленинградского Пригородного района Ленинградской области. В качестве базового источника была использована газета «Социалистический пригород». Ранее этот источник не использовался исследователями. Содержащиеся в нем материалы впервые вводятся в научный оборот. Также были использованы делопроизводственные документы — протоколы заседания правлений и членов немецких колхозов [ЛОГАВ, ф.р-300, оп. 13, д. 110].

Несмотря на высокий уровень политизированности, районная периодическая печать даёт нам много уникального и полезного материала о немецких колхозах региона. Её ценность заключается в том, что информация о некоторых национальных колхозах в делопроизводственных и статистических документах не сохранилась и осталась только в районных газетах. Данное обстоятельство делает материалы районной прессы наиболее ценными для настоящего исследования. В совокупности с делопроизводственными и статистическими источниками материалы районной периодической печати помогут нам воссоздать чёткую картину социальной и экономической модернизации немецкой деревни Ленинградской области в 1930-е годы.

Теоретической основой исследования является теория модернизации. Ее выбор обусловлен характером изменений, которые проходили как в немецкой деревне Ленинградской области, так и в аграрном секторе СССР

в целом. Методический инструментарий представлен историко-сравнительным, проблемно-хронологическим, историко-описательным и иными методами исторической науки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Немецкие колхозы и сельское хозяйство Ленинградского Пригородного района в середине 1930-х годов

Ленинградский Пригородный район Ленинградской области имел важное экономическое значение для регионального центра. Он являлся основным поставщиком овощей, картофеля и молока в Ленинград. Местное советско-партийное руководство осознавало его важность для населения города и осуществляло активную деятельность по его развитию [Пригородный район должен…, 1935, № 1 (163), с. 2].

К середине 1930-х годов район достиг значительных успехов в сельском хозяйстве. Данная тенденция нашла отражение в районной периодической печати. Так, в докладе председателя Пригородного райисполкома Пахомова отмечались достижения колхозного и совхозного секторов. Посевы овощей и картофеля по району увеличились почти в два с половиной раза. Пригородный район дал Ленинграду около 100 млн кг овощей, 50 млн кг картофеля. Если бы это количество поставлялось из других регионов, то потребовалось бы 18 тыс. железнодорожных вагонов, а качество продукции было бы значительно ниже. Говорилось, что «овощная проблема перестала быть проблемой»; отмечался громадный рост колхозного производства и доходов колхозников. Число выработанных трудодней на одного колхозника в 1934 году достигло 217 против 80 в 1931 году; доход на один колхозный двор за это же время увеличился с 902 руб. до 2924 руб. [Пригородный район должен …, 1935, № 1 (163), с. 2].

Наряду с достижениями в сельском хозяйстве Ленинградского Пригородного района имелись проблемы. Одна из них заключалась в недостаточных успехах в снабжении Ленинграда молочной продукцией. В докладе отмечалось, что район в текущем году даст городу 18 млн л молока против 24 млн в 1931 году. Снижение производства объяснялись трудным периодом трёхлетней перестройки сельского хозяйства — его переходом от единоличного раздробленного к мощному обобществлённому хозяйству, а также вредительством враждебных элементов в лице кулаков [Там же].

В том же номере были опубликованы поздравления и пожелания III Съезду Советов района от немецкого колхоза им. Торглера. В них он отчитывался о своих хозяйственных достижениях, которые выражались в статистических и отчётных данных и их сравнении. Под поздравлениями подписались немецкие колхозники: А. Ф. Аман, Эйдемиллер, Бок, Ф. Эй-

демиллер, Штерн, И. Менг, М. Масс, Менг, Бок, Токкер, А. Берг, Амон, Е. Франц, Беккер, Эйдемиллер, И. Лолер, Ф. Токкер, Ф. Шмидт [Вам, делегатам съезда …, 1935, № 1 (163), с. 2].

Развитие животноводства было одной из приоритетных задач, поставленных перед сельским хозяйством района. К середине 1935 года колхозный сектор стал значительно преобладать над единоличным. По своей структуре он был гораздо сложнее и тяжелее в управлении, чем индивидуальный. Советско-партийные органы не могли заниматься руководством колхозной системой и решением актуальных сельскохозяйственных проблем без участия колхозников. В целях консолидации усилий в данном направлении в районных городах проходили сельскохозяйственные конференции. Одна из них проходила в Колтушах в январе 1935 года. Она была посвящена животноводству и выполнению решений XVII партийного съезда и июльского пленума ЦК ВКП(б) в данном секторе. Зачитанные на ней доклады были подробно изложены в районной прессе [Ферма — на проверке ..., 1935, № 2 (164), с. 2].

На животноводческой конференции в Колтушах выступали немецкие крестьяне из трёх немецких колхозов. В газетной публикации немецкие колхозы характеризуются как самые производительные и успешные сельскохозяйственные предприятия района. Например, в качестве образцово-показательной организации приведён колхоз «Ударник». Отмечалась образцовость постановки животноводства — правильный уход за животными и правильное кормление. Были названы немецкие колхозницы-ударницы, благодаря которым были достигнуты успехи: Лидия Карп, Евдокия Рей и Екатерина Строй. Приведены статистические данные об объёме произведённого молока, проведено сравнение показателей с прошлыми годами, зафиксировано увеличение объёмов полученной продукции, отмечалось перевыполнение плановых показателей. Сообщалось, что животноводческая ферма колхоза была признана лучшей в пределах Колтушского куста и за свою образцово-показательную работу награждена переходящим красным знаменем [Там же].

В газетной статье отмечены успехи и достижения колхоза им. Макса Гельца. Представители колхоза отчитались о постройке и оборудовании скотного двора и свинарника, ликвидации бескоровности колхозников и хорошем развитии мелкого животноводства в индивидуальном пользовании. Далее приведены статистические данные о количестве скота, имевшегося у отдельных колхозников в индивидуальном пользовании [Там же].

Данная публикация фиксирует повышение производительности немецких колхозов и присвоение им статуса образцово-показательных сельскохозяйственных организаций. Отдельные немецкие колхозники не только проявляли невиданный энтузиазм в трудовой деятельности, но и

активно участвовали в колхозном движении района и решении актуальных проблем сельского хозяйства района.

3.2. Зажиточная жизнь немецких колхозов: сравнительный анализ публикаций и статистические данные

К середине 1930-х годов в немецких колхозах появляются зажиточные крестьяне. Немецкие сельские жители становятся образцовыми проводниками сталинского лозунга «Сделать колхозы зажиточными». Данное явление нашло отражение на страницах районной прессы. Характерно, что на III Съезде Советов Ленинградского Пригородного района от всех колхозников и колхозниц Колтушской МТС приветствие передавал немецкий крестьянин — тов. Кий. Он же отчитался о появлении зажиточных колхозников. Причины зажиточности он видел в значительном повышении урожайности и возрастании стоимости трудодня. В качестве примера зажиточной жизни были приведён Яков Яковлевич Бич вместе со своей семьёй, которые выработали 1275 трудодней [Привет Колтушей ..., 1935, № 4 (166), с. 1].

В газете «Социалистический пригород» мы находим множество публикаций о повышении уровня зажиточности деревенского населения района, росте доходов колхозников, увеличении удельного веса доходов от сельского хозяйства. В подобных статьях всё чаще появляется информация о немецких колхозах и отдельных крестьянах. Они приводились в качестве примера означенных выше тенденций сельскохозяйственной жизни. В одной из публикаций фигурирует колхоз им. Обкома МОПР. Отмечается, что колхозник Берг выработал 455 трудодней и получает продукции на 2976 руб. Он получает 4 ц хлеба, 6 с половиной т овощей, 4 т картофеля и т. д. [Деревня вступила …, 1935, № 4 (166), с. 3].

В районной периодической печати публиковались статьи, подводившие итоги деятельности определённых секторов экономики. В них демонстрировались результаты деятельности — успехи, достижения, неудачи, анализировались ошибки, намечались задачи, пути и перспективы дальнейшей работы. Одна из таких публикаций была посвящена итогам сельскохозяйственного года Ленинградского Пригородного района. Она называлась «Успехи и задачи немецких колхозов» [Захаров, 1935, № 7 (168), с. 2]. Впервые немецкие колхозы обособляются от остальных коллективных крестьянских организаций района и выделяются в качестве национальных. В 1930-е годы большевистское руководство строило свою национальную политику на основе принципа унификации. Многочисленные этнические группы СССР провозглашались одним единым советским народом. Факт выделения немецких колхозов для аналитики их успехов, задач и ошибок уже является ярким доказательством их сравнительно-передовых экономических позиций в регионе.

Данная публикация отличается информативной насыщенностью относительно экономической жизни немецких сельскохозяйственных организаций. В ней говорится, что к концу 1934 года 70 % немецких крестьян было объединено в колхозы. Повысился их материальный и культурно-политический уровень. Отмечается, что немецкие колхозы превратились в наиболее передовые предприятия района. Среди них было выделено шесть особо отличившихся, у которых были лучшие показатели по животноводству: «им. Торглера», «им. Макса Гельца», «Роте Фане», «Красный механизатор», «Красный пахарь», «Ударник». За свои достижения они получили специальные льготы по страховым платежам на общую сумму в 2646 руб., что составляет 12 % всех платежей, начисленных на немецкие колхозы [Там же].

Среди названных немецких колхозов пристальное внимание было уделено достижениям колхоза «Красный механизатор». Подчёркивалось, что несколько лет назад он систематически отставал, не выполнял свои обязательства перед государством и т. д. Ситуация изменилась, когда колхозом занялся райком и лично секретарь райкома Емельянов. По его инициативе был проведён ряд так называемых оздоровительных мероприятий, заключавшихся в укреплении руководства, проведении чистки от «кулаков», «лодырей» и «классово-чуждых элементов». После этого колхоз начал расти, успешно провёл весенние и осенние сельскохозяйственные работы и досрочно выполнил все государственные обязательства. Удалось повысить урожайность, впервые было освоено выращивание огородных семян: капусты, брюквы и моркови, — значительно улучшилось состояние МТФ. Суточный удой на корову увеличился с 4 до 9 л. Если в 1933 году средний удой за год на корову составлял 939 л, то в 1934 году только за 11 месяцев он был равен 1240 л. Доходность трудодня, как натуральная, так и денежная, стала в три раза больше, чем в 1933 году [Там же].

Высокими показателями отличался колхоз им. Обкома МОПР. Его урожайность по ржи составляла 22 ц с одного гектара, по овсу — 20 центнеров, по ячменю 20 ц, по овощам — 350 ц. На трудодень колхозники получали: картофеля — 6 кг, овощей — 12 кг, ржи — около 3 кг, грубых кормов — 5 кг [Захаров, 1935, № 7 (168), с. 2].

Наблюдается рост капиталовложений немецких колхозов. Так, колхоз «Роте Фане» вложил 118 тыс. руб., построил конюшню на 50 лошадей, овощехранилище для семенников, приобрёл грузовую машину. Колхоз «Ударник» вложил в хозяйство 70 тыс. руб. Вышеизложенное говорит о значительном росте финансового благосостояния немецких коллективных хозяйств [Там же].

В районе имелись немецкие колхозы, которые не отличались передовыми экономическими позициями. Колхоз им. Карла Либкнехта, колхозы

«Каменка» и «Красный пахарь» в публикации характеризуются как систематически отстающие. Они с большим запозданием провели весенние и осенние сельхозработы, отличались плохой организацией труда и отсутствием трудовой дисциплины. В статье не приводились статистические данные и динамика количества произведённой продукции. Критика касалась организационных моментов их экономической деятельности [Там же].

Статья Захарова даёт нам информацию о коллективизации немецкой деревни к середине 1930-х годов, территориальной принадлежности некоторых немецких колхозов, статистические данные о произведённой ими продукции, динамике роста производства и увеличении доходности, появлении новых направлений в хозяйстве, новых сооружениях и приобретениях, а также об имеющихся трудностях.

Деятельность некоторых немецких колхозов освещается в русле официальной пропаганды. В этом отношении показателен пример колхоза «Красный механизатор». Газета сообщает, что коллективное хозяйство систематически отстаёт, не выполняет плановых показателей. Причины объясняются вредительством классово-чуждых элементов. Но благодаря вмешательству советско-партийных органов экономическая деятельность налаживается. «Кулаки» и «подкулачники» выгоняются из сельскохозяйственного объединения, укрепляется руководство. Колхоз выходит на передовые позиции. Здесь видно стремление районного советско-партийного руководства продемонстрировать свой вклад в достижения немецких крестьян. Немецкие колхозы выделяются в отдельную сельскохозяйственную группу, но никак не отмечается национальная составляющая их успехов [Там же].

В районной периодической печати мы находим информацию не только об экономической деятельности колхозов, но и об отдельных колхозниках и колхозницах, отличившихся высокими результатами сельскохозяйственного труда. Особенно часто печаталось о достижениях женской части колхозных трудовых коллективов. За высокие показатели были отмечены колхозницы «Красного механизатора» Анна Фин и Софья Грауле. Они выработали до 300 трудодней. В колхозе им. Макса Гельца немецкие колхозницы, среди которых была отмечена Елизавета Бич, против нормы прополки в 500 м выполнили 850—900 [Лиханина, 1935, № 14 (176), с. 3]. В качестве образцовой работницы была выделена ударница, заведующая фермой колхоза «Ударник» Лидия Карп. В том же колхозе отличилась бригадир овощной бригады Мария Киль, за свои успехи в трудовой деятельности она была премирована областной конкурсной комиссией [Тютиков, 1935, № 14 (176), с. 3].

Данные публикации не только лишний раз подтверждают стабильное ударничество немецких колхозников и колхозниц, но и фиксируют некото-

рые модернизационные трансформации, произошедшие в немецкой деревне в 1930-х годах.

Периодическая печать подтверждает изменение хозяйственной и социальной роли немецких женщин. До начала коллективизации их основная роль сводилась к работе в домохозяйстве: поддержанию дома в чистоте, приготовлению еды, уходу за детьми и пр. В середине 1930-х годов происходит активное включение женщин в процесс сельскохозяйственного производства. Они не только показывают ударные темпы в работе, но и назначаются на руководящие должности в колхозах. Немецкие крестьянки становились неотъемлемой частью функционирования колхозной системы. Их трудовая и организационная деятельность способствовала повышению экономической производительности немецких коллективных хозяйств [Лиханина, 1935, № 14 (176), с. 3].

Как уже отмечалось выше по результатм анализа публикации Захарова 1935 года [Захаров, 1935, № 7 (168), с. 2], не все немецкие колхозы к середине 1930-х годов стали передовыми сельскохозяйственными предприятиями. Некоторые национальные крестьянские объединения находились в числе отстающих. Таких было меньшинство, но они также фигурировали в районной прессе. В заметке Буянова [Буянов, 1935, № 17 (179), с. 3] к отстающим были отнесены немецкие колхозы «Каменка» (он же был назван и в статье [Захаров, 1935, № 7 (168), с. 2]) и «им. Карла Либкнехта». Они оба располагались на территории Парголовского сельсовета, к северу от Ленинграда. Причины отставания авторы газетных публикаций видели в некомпетентности их руководств. В одной из статей было отмечено, что данные колхозы имеют все возможности стать передовыми, но на их продуктивности сказалось качество руководства. Был отмечен бывший председатель колхоза «Каменка» Амон, который занимался «очковтирательством» и запутал отчётность [Буянов, 1935, № 17 (179), с. 3]. В данной статье не содержится обвинений в проблемах колхозов так называемых классово-чуждых элементов. Экономическая деятельность и производственный потенциал немецких коллективных хозяйств также не ставятся под сомнение.

В том же номере была опубликована статья Лебедева [Лебедев, 1935, № 17 (179), с. 3]. В ней приводилось мнение руководителя колхоза им. Карла Либкнехта относительно причин отставания сельскохозяйственного предприятия. Председатель колхоза Бодров характеризует ситуацию следующим образом: «Земли в колхозе много. Сил не хватает. План сева не реален. Не стоит драться за контрольные цифры подготовки. Сколько сдаём, столько и будет». Судя по публикации, становится очевидным, что руководители немецких колхозов понимали сложившуюся ситуацию и, вероятно, объективно оценивали сложившееся хозяйственное положение. Причины

отставания своих предприятий они видели в чрезмерно завышенных плановых показателях, нехватке ресурсов и рабочей силы и огромную площадь земли, которая была не соразмерна экономическим возможностям и мощностям колхозов [Лебедев, 1935, № 17 (179), с. 3].

Становится очевидным факт: руководители немецких колхозов старались вести коллективные хозяйства исходя не из плановых показателей, а из объективных экономических возможностей своих предприятий, однако их хозяйственная компетентность не вписывалась в новую колхозную систему, построенную на приоритетности и первостепенности выполнения плана. Стремление руководителей немецких колхозов аккуратно, грамотно и поступательно осуществлять экономическое руководство вступало в противоречие с государственной экономической политикой, цель которой заключалась в поднятии производительности сельского хозяйства форсированными темпами, в экстренном порядке. По этой причине объективные экономические возможности немецких колхозов советско-партийными органами часто игнорировались.

Далее Лебедев, автор публикации, дает характеристику экономических трудностей: предприятию не хватало удобрений и лошадей, колхоз критиковался за неправильный подход к кормлению скота и за отсутствие действий к покрытию дефицита навоза. Автор статьи требовал срочно проверить работу предприятия и его председателя Бодрова, так как имеющиеся проблемы ставили под угрозу выполнение плана [Там же].

Своими передовыми позициями немецкие колхозы привлекали пристальное внимание местных советско-партийных органов. На примере немецких колхозов Советская власть стремилась продемонстрировать преимущество крупного коллективного хозяйства над мелким единоличным. Публичным одобрением в периодике образцового характера деятельности немецких колхозных хозяйств обосновывалась правильность выбранного социально-экономического и политического пути и передовой характер советского строя. На страницах районной периодической печати мы находим публикации, повествующие о том, как немецкие крестьяне благодаря установлению Советской власти и коллективизации вырвались из нищеты и пришли к зажиточной жизни. Главный посыл таких статей можно изложить тремя словами: «Стало жить лучше» [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Одна из подобных публикаций называлась «От нищеты к счастливой зажиточной жизни». Она была посвящена немецкому колхозу «Ударник». В ней мы находим информацию о времени организации колхоза — 1930 год. Сюжет публикации можно назвать клишированным. Сообщалось, что после образования колхоза на руководящие должности в нём проникли «кулаки», которые организационно и экономически привели

хозяйство к разложению и разрухе. Фигурировали и фамилии так называемых «классово-чуждых элементов»: бывший председатель сельсовета и руководитель колхоза Штро, характеризовавшийся жуликом и проходимцем, кулаки Пётр и Иван Бич, Яков Рейх и Фёдор Леверенц. Против принятия «кулаков» в колхоз выступила ковалёвская батрачка Лидия Карп, но не добилась их исключения из колхоза. Она отправилась на обучение в Животноводческий техникум, а после окончания учёбы вернулась, чтобы сместить с должности председателя колхоза, кулака Петра Бич. В публикации говорилось, что скот находился в безобразном состоянии и ухода за ним никакого не было. Пётр Бич снимал с молока сливки и продавал на базаре, кормил свою корову и кур [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Нарратив этой газетной заметки весьма показателен. Принадлежность к классово-чуждым элементам определялась не по экономическим или имущественным критериям, а по компетентности в области руководящей деятельности и лояльности официальному экономическому и политическому курсу Советской власти. Статья убеждает читателя в том, что Пётр Штро, имевший одну корову и некоторое количество птицы, использовал материальные ресурсы колхоза для удовлетворения потребностей личного хозяйства, пользовался в своих целях произведённой колхозом продукцией, принимал в состав колхоза кулаков и некомпетентно руководил предприятием. Эти критерии и обусловили его включение в разряд классово-чуждых элементов. Это может говорить и о сохранении индивидуалистических черт у некоторых немецких крестьян. Находясь в составе коллективного хозяйства, немцы стремились выполнять требования «сверху», но старались не упускать личную выгоду. Они встроились в новую сельскохозяйственную систему и доверили ей направляющую роль, но отказывались быть её полностью контролируемым актором [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

В статье отмечается, что в 1932 году колхоз «Ударник» был очищен от «кулаков». В правление были выбраны колхозники-ударники. Посевная площадь стала увеличиваться с каждым годом. В 1932 году — 91 га, в 1934 году — 184 га, в 1935 году — 200 га. В 1934 году колхоз первым по Колтушской МТС закончил сев и уборку. Из года в год повышалась урожайность зерновых картофеля и овощей: зерновые — с 10 до 12 ц с гектара в 1933 году, с 14 до 16 ц в 1934 году; овощи — с 13 до 18 т, картофель — с 10 до 13 т [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Росли показатели и по животноводству. Среднегодовой удой молока на одну голову повысился с 1680 л в 1933 году до 2020 л в 1934 году. Приплод в 1934 году был сохранён полностью. Животноводческая ферма колхоза характеризовалась как одна из лучших в районе [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Появились зажиточные колхозники, в их числе названа Лидия Карп. Она выработала 436 трудодней, получала 872 руб. и на 436 руб. разных сельскохозяйственных продуктов [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Росло финансовое благосостояние колхоза. Были построены новый скотный двор на 100 голов, конюшня на 30 лошадей, зернохранилище. Колхозники приобрели автогрузовой автомобиль, 7 жеребят, новые сельскохозяйственные машины [Иванов, 1935, № 18 (180), с. 2].

Данная публикация содержит ценные материалы о хозяйственной жизни одного отдельно взятого немецкого колхоза. Отмечаются увеличение его посевных площадей, рост объёмов произведённой продукции, укрепление кадрового и имущественного положения, рост благосостояния отдельных колхозников. Приведённые статистические данные свидетельствуют о сельскохозяйственной специализации колхоза — молочное животноводство и овощеводство.

Высокий уровень политизированности районной периодической печати обусловливает наличие скрытых моментов. Низкий уровень экономического благосостояния колхоза объясняется только вредительской деятельностью и неумелым руководством классово-чуждых элементов, хотя у скверного экономического положения немецких колхозов в начале 1930-х годов было и множество объективных причин [ЛОГАВ, ф. Р-300, оп. 13, д. 110; Шрадер, 1999, с. 333].

Районная пресса специально подчёркивает одно обстоятельство: все позитивные преобразования немецких колхозов начались с их очищения от нелояльных советскому экономическому курсу немцев и назначения в руководство колхозов ударников из бывших батраков. Ударники труда, вышедшие из бедноты и лояльные Советской власти, наладили организацию и экономическую деятельность, вывели колхозы на передовые экономические позиции. Так, печатные органы показывали преимущества колхозной системы, демонстрировали правильность выбранного экономического курса, объясняли существующие проблемы некомпетентностью руководящих кадров и дискредитировали несогласных с его экономической политикой крестьян. В одной из публикаций, посвящённой уже упоминавшемуся колхозу «Красный механизатор», отмечается, что зажиточная жизнь немцев стала возможной в результате упорной борьбы с кулачеством и обломовщиной за честный, производительный и культурный труд [Ванин, 1935, № 33 (195), с. 1].

Похожая статья была посвящена другому немецкому колхозу, расположенному на территории Среднерогатского сельсовета, Детскосельской МТС — им. Торглера. Там мы находим более развёрнутую характеристику экономических проблем немецких колхозов в первой половине 1930-х го-

дов. Она была составлена самими колхозниками, у которых взяли интервью журналисты. В ней говорилось: «Колхоз был организован в 1931 году, но работали мы плохо. Из 333 человек были ударниками 63. Организация труда была неудовлетворительной, трудовая дисциплина — скверной. За 1932 год у нас было 218 прогулов. Результаты такой работы привели к тому, что каждый из нас получил в 1932 году на трудодень всего 1,7 кг овощей, 1,5 кг картофеля и соломы 250 г» [Мы полюбили …, 1935, № 33 (195), с. 1]. Сразу бросается в глаза подсчет числа ударников: если они не в большинстве, колхоз не может быть непродуктивным. Указываются и объективные проблемы: низкий уровень трудовой дисциплины и незначительные вознаграждения за отрабатываемые трудодни. Данная тенденция в первой половине 1930-х годов была характерна для всех немецких колхозов региона.

Дальнейшее изложение ведется в клишированном идеологическом русле. Во всех бедах колхоза было обвинено 20 кулацких семейств, поставивших колхоз на грань развала. Говорилось, что в течение 1932 — начала 1933 года ими было загублено 67 рабочих лошадей. 1933 год назван годом большого перелома. В это время при МТС появился политотдел, который навёл порядок в колхозе. В публикации было сказано: «Старое правление было распущено. 20 кулацких хозяйств были исключены из колхоза. При помощи политотдельцев мы развернули соцсоревнование и ударничество, правильно организовали труд, укрепили трудовую дисциплину, повысили классовую бдительность. В 1934 году мы получили на 1 трудодень 1,2 кг пшеницы и ржи, 5 кг овощей, 2,8 кг картофеля, 2 кг соломы и 3 руб. 50 коп.» [Там же].

Данная публикация в сравнении с предыдущими статьями имеет некоторые отличия. Впервые в качестве мотивирующего механизма отмечено социалистическое соревнование. Оно действительно сыграло огромную роль в выдвижении немецких колхозов на передовые позиции в регионе. В колхозе им. Торглера, по-видимому, отсутствовало производство молочной продукции. В статье речь шла только о производстве овощей, соломы и незначительной части зерновых культур. Из рабочего скота у колхоза были только лошади, использовавшиеся в качестве тягловой силы. Молочное производство в колхозе появилось позже, либо его наличие корреспондентами не учитывалось [Там же].

На примере проанализированных статей становится очевидным ещё один факт. В немецких колхозах налаживание трудовой деятельности и дисциплины происходило по-разному. В случае колхоза «Ударник» мероприятия по улучшению продуктивности и очищению от кулаков проводились усилиями самих немецких колхозников. Бывшие батраки организовывались, обучались, сами поднимали хозяйство и сами выгоняли

«кулаков». В случае колхозов «Красный механизатор» и «им. Торглера» понадобилось вмешательство советско-партийных органов. Но всем этим колхозам в ходе проведённых мероприятий удалось значительно повысить производительность [Там же].

Ещё одним фигурантом районных публикаций стал колхоз «им. 1 мая». Вновь мы наблюдаем типичный сюжет — движение под руководством партии от бедной к зажиточной жизни. Однако среди идеологизированных формулировок обнаруживается информация, отражающая особенности хозяйственной деятельности. В статье указан первый состав правления колхоза: Николай Штерн (председатель колхоза), его брат Рудольф Штерн (член правления), Михаил Франц (казначей), Кондратий Аман (кладовщик). В статье они все названы кулаками. В публикации фигурировали бригадный руководитель Эдуард Далингер, жена бывшего крупного подрядчика Ильи Фогельгезанг и подкулачник Георгий Штерн [Мы победили кулаков …, 1935, № 33 (195), с. 2].

Далее следует: «На колхозных лошадях кулаки подрабатывали для себя в городе, воровали колхозный овёс, пропивали колхозные средства. Отпускаемые колхозу кредиты раздавались на руки колхозникам. Молоко распределялось внутри колхоза, а обязательства перед государством не выполнялись. Систематически велась антисоветская и антиколхозная агитация. Беднота была зажата» [Там же].

Учитывая ярко-выраженный идеологический подтекст публикации, можно сделать определённые выводы. Вначале 1930-х годов колхоз «им. 1 мая» не являлся сельскохозяйственной организацией советского типа. Членство в колхозе немцы использовали в собственных экономических целях: распределяли между собой произведённую продукцию и полученные в кредит денежные средства, использовали рабочий скот для получения дополнительного заработка. Колхоз плохо выполнял свою непосредственную функцию, заключавшуюся в поставках сельскохозяйственной продукции государству. Образовав коллективное хозяйство, немцы всё ещё оставались экономическими индивидуалистами и пользовались существующей хозяйственной системой для удовлетворения личных нужд.

Ситуация начала меняться в 1933 году. В заметке сказано, что старое правление колхоза было отдано под суд. 10 кулацких хозяйств выгнали из колхоза. Его председателем был избран тов. Киль. Все проблемы колхоза объяснены исключительно кулацким вредительством. Подчёркивается, что положение начало меняться после вмешательства райкома ВКП(б) и политотдела Колтушской МТС. Как и в предыдущих публикациях, сделан акцент на том, что колхоз стал выходить на передовые позиции после вмешательства советско-партийных органов [Там же].

Далее в тексте развернут сюжет о постепенном налаживании экономической деятельности. В 1933 году колхоз удовлетворительно закончил год, выполнил план по госпоставкам и закрыл задолженность 1932 года, увеличились удои молока, повысилась стоимость колхозного трудодня. Есть некоторая информация по организационной структуре. В 1934 году в колхозе были организованы 4 производственные бригады [Там же].

Как и в случае с колхозом им. Торглера, особо пристальное внимание было уделено социалистическому соревнованию. Отмечается, что в результате его развёртывания удалось поднять производительность труда. В качестве примера, доказывающего пользу социалистического соревнования, приведены данные о перевыполнении плана по количеству отработанных трудодней и по выполнению государственных обязательств. На выполнение всех работ колхоз затратил 25 450 трудодней вместо 29 379, намеченных планом. Колхоз сдал государству по госпоставкам и хоздоговорам 1630 ц картофеля и 1316 ц овощей, продал кооперации 10,5 т излишков зерна. Государству было сдано на 3867 л молока больше, чем в 1933 году. На каждый выработанный трудодень колхозники получили по одному килограмму зерна (в 1933 году получили всего 150 г), по 4,5 кг картофеля, 1,7 кг овощей, создали прочную кормовую базу для дальнейшего поднятия животноводства. Первые колхозники получили по 3,65 кг корма на трудодень. Обобществлённое стадо крупного рогатого скота к 1 января 1935 года увеличилось до 10 голов [Там же].

В публикации содержится информация и о повышении финансового благосостояния колхоза и технических инновациях: колхоз был электрифицирован и телефонизирован. На средства, полученные от продажи кооперации излишков хлеба, колхозники приобрели грузовой автомобиль и организовали электрический молотильный пункт [Там же].

Отмечены фамилии отдельных колхозников и колхозниц, достигших наибольших успехов в трудовой деятельности, достижения отдельных колхозных бригад, показано улучшение экономического положения трудящихся. Среди них выделены Христиан Бауэр, Николай Даувальтер, Яков Штерн, Александр Браун, Анна Штерн, Иван Аман, Рудольф Далингер, Андрей Штерн, Шарлота Даувальтер и др., выработавшие от 360 до 500 трудодней. Лучшая бригада Николая Даувальтер собрала урожай картофеля на 4 т с гектара, а овса на 2 ц больше, чем остальные бригады. У каждого колхозника имелось по одной корове и поросёнку. Хлебом, овощами и картофелем колхозники также были обеспечены. У многих из них имелись мясо и молоко [Там же].

Итак, печатные органы с большим рвением и энтузиазмом освещали трудовую жизнь немецких колхозов потому, что их хозяйственные дости-

жения и передовой экономический характер были реальными. Единственное, что оставалось сделать печатным органам, — провести прямую связь между их экономической производительностью и официальной экономической политикой Советской власти. Высоким результатам деятельности немецких колхозов придавалась идеологическая окраска, они подавались как достижения колхозной системы в целом. Именно поэтому в публикациях мы наблюдаем демонстрацию зажиточной жизни немецких колхозников, которые достигли её в ходе вмешательства советско-партийных органов и очищения сельскохозяйственных объединений от «классово-чуждых элементов». Немецкие колхозы как никакие другие подтверждали лозунг «Изобилие продуктов и зажиточная жизнь доступны каждому колхознику» [Изобилие продуктов …, 1935, № 37 (99), с. 4].

Освещение экономической деятельности немецких колхозов в районной периодической печати осуществлялось не только в виде сухих фактов или статистических данных. В газетах мы находим публикации, отличающиеся художественным стилем повествования. Их ценность заключается в том, что они не только дают нам информацию о некоторых особенностях и отраслях хозяйственной жизни немецких колхозов, но и отражают настроения колхозников, их отношение к труду в коллективном хозяйстве. Лозунг «Стало жить лучше» продолжен другим лозунгом: «Работать ещё лучше». В одной из таких публикаций фигурировал колхоз «Красный механизатор». Так, мы узнаём, что у колхоза имелась своя кузница, ремонтирующая инвентарь. Здесь мы находим ярко-выраженный художественный стиль повествования: «Колхозная кузница находится на другой стороне деревни. Из-под молота летят сверкающие брызги раскалённой окалины. Идёт ремонт посевного инвентаря. Мастер-кузнец Адам Грауле, чёрный как уголь, ремонтирует плуги. Из старых узкоколейных рельс он делает подошвы к ним». Дальше приводится взволнованное высказывание кузнеца: «Мы не выполнили своего обязательства отремонтировать посевной инвентарь к 1 февраля, немного волнуясь говорит Адам. Но ремонт основного инвентаря будет закончен не позднее 15 февраля» [Иванов, 1935, № 40 (202), с. 2].

Анализ периодики того времени подтверждает, что немецкие крестьяне стали частью советской сельскохозяйственной системы не только экономически, но и морально-психологически. Немцы были вынуждены ориентироваться на выполнение плановых показателей, их экономический национальный индивидуализм всё больше уступает место другой идеологии — советскому коллективизму.

Газетные публикации в традициях того времени подробно описывают работу немецких колхозных бригад и их руководителей. Выделены бригадиры Штейбзанд и Адольф. В бригаде первого работало 12 мужчин,

10 женщин и 12 лошадей, в бригаде второго — 10 мужчин, 11 женщин и 9 лошадей. Мужчины возили навоз, а женщины перебирали картофель. В статье отмечается нехватка удобрений. Немцы были вынуждены возить навоз из города, чтобы покрыть дефицит. Данная проблема существовала в колхозе и раньше — в 1920-е годы. Она сохранялась во многих немецких колхозах и на протяжении первой половины 1930-х годов [Там же].

И опять в газетной публикации Иванова во всех бедах колхоза повинными названы засевшие в нём «кулаки», уничтожавшие лошадей: из 120 лошадей осталось лишь 25. Далее согласно устоявшимся идеологическим клише сообщается, что экономическое благосостояние колхоза начало повышаться после 1934 года, когда он был очищен от «кулачья»: колхоз закончил в срок все сельскохозяйственные работы, получил богатый урожай, увеличил в 4 раза стоимость трудодня, уплатил 30000 руб. старых долгов и вложил 20 000 руб. в механизацию [Иванов, 1935, № 40 (202), с. 2].

Проблемы с состоянием лошадей у колхоза действительно были. Данный факт подтверждается делопроизводственными источниками, но они были вызваны объективными причинами. Маловероятно, что они являлись следствием целенаправленных вредительских действий [ЛОГАВ, ф. Р-300, оп. 13, д. 110].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, районная периодическая печать хранит информацию об экономической жизни немецких колхозов в 1930-е годы. Газетные публикации в комплексе с другими историческими источниками позволяют воссоздать целостную, всестороннюю картину социальной и хозяйственной модернизации немецкой деревни в период «большого скачка».

В подавляющем большинстве статей немецкие колхозы представлены в качестве образцово-показательных. В первой половине 1930-х годов они трансформируются из систематически отстающих в передовые коллективные сельскохозяйственные предприятия района и характеризуются как зажиточные. Экономические достижения немецких колхозов преподносились как результат классовой борьбы и социального размежевания внутри немецкого крестьянства, развёртывания социалистического соревнования и целенаправленной работы советско-партийных органов. Хозяйственные успехи немецких крестьян печатные органы использовали в качестве демонстрации эффективности колхозной системы и правильности выбранного экономического курса в области сельского хозяйства. Улучшение экономического благосостояния и повышение уровня жизни колхозников упоминаются в периодике при характеристике многих колхозов Ленинградского Пригородного района.

На основе анализа газетных публикаций можно заключить, что функционирование немецких колхозов в первой половине 1930-х годов прошло два основных этапа. На первом из них (1929—1933 годы) немецкие крестьяне объединяются в колхозы, встраиваются в новую хозяйственную систему, но в их среде всё ещё преобладали экономический индивидуализм и традиционные элементы управления хозяйством. В периодике освещалось множество случаев использования колхозного имущества немецкими крестьянами в своих личных целях, а лица, стоявшие на руководящих должностях, обвинялись в том, что они управляли колхозами согласно старым, капиталистическим установкам. Эта тенденция шла вразрез с официальной экономической линией советского государства, в интересах которого было добиться форсированных темпов сельскохозяйственного производства через принуждение и использование административного и экономического нажима на крестьянство. На данном этапе немецкие колхозы в глазах советско-партийных органов получали много порицаний и в каком-то смысле не признавались предприятиями советского типа.

На втором этапе (1934—1936 годы) немцы, вероятно, пришли к осознанию невозможности и бессмысленности дальнейшего противостояния с государством. В периодике регулярно воспроизводятся сюжеты преобразования колхозов при участии советско-партийных органов, проведения «чистки» колхозов от сторонников старой, традиционной экономической системы. Социалистическое соревнование выступило в качестве стимулирующего механизма. Под воздействием среды, новых условий немецкие крестьяне перешли к новым формам управления и организации хозяйственной деятельности, именно немецкие колхозы вышли на лидирующие позиции в Ленинградском Пригородном районе. Они приспособились к новым обстоятельствам, приняли и освоили новую форму хозяйствования, реализовав на практике сталинский лозунг «сделать колхозы зажиточными».

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. **Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.**	**Contribution of the authors:** the authors contributed equally to this article. **The authors declare no conflicts of interests.**

Источники и принятые сокращения

1. *Буянов.* Всё зависит от руководства. Колхозы «Каменка», «Красный партизан» и им. Карла Либкнехта // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 17 (179). — С. 3.

2. *Вам,* делегатам съезда горячие поздравления и пламенный привет // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 1 (163). — С. 2.

3. *Ванин.* Вышли на дорогу зажиточной жизни // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 33 (195). — С. 1.

4. *Деревня* вступила на зажиточный путь // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — №4(166). — С.3.

5. *Иванов.* На верном пути. Колхоз им. Макса Гельца // Социалистический пригород: [газета]. — 1935. — № 14 (176). — С. 3.

6. *Иванов.* От нищеты — к счастливой зажиточной жизни // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 18 (180). — С. 2.

7. *Изобилие* продуктов, зажиточная жизнь доступны каждому колхознику // Социалистический пригород: [газета]. — 1935. — № 37 (99). — С. 4.

8. *Иванов.* Работать ещё лучше // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 40 (202). — С. 2.

9. *Захаров.* Успехи и задачи немецких колхозов // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 7 (168). — С. 2.

10. *Лиханина.* Большая сила // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 14 (176). — С. 3.

11. *Лебедев.* Нужна глубокая проверка. Колхоз им. Карла Либкнехта // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 17 (179). — С. 3.

12. ЛОГАВ — *Ленинградский* областной государственный архив в г. Выборге, Ф.Р-300 «Объединённый фонд колхозов Ленинградской области».

13. *Мы полюбили* нашу новую жизнь // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 33 (195). — С. 1.

14. *Мы победили* кулаков и уничтожили нищету. Под водительством славной ленинской партии строим культурную, зажиточную жизнь // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 33 (195). — С. 2.

15. *Пригородный* район должен стать образцовым социалистическим пригородом города Ленина // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 1 (163). — С. 2.

16. *Привет* Колтушей // Социалистический пригород: [газета]. — 1935. — №4(166). — С.1.

17. *Тютиков.* Героиня книги о честном труде // Социалистический пригород: [газета]. — 1935. — № 14 (176). — С. 3.

18. *Ферма* — на проверке. Животноводческая конференция в Колтушах // Социалистический пригород : [газета]. — 1935. — № 2 (164). — С. 2.

Литература

1. Антошкин А. В. Становление системы государственной торговли в Башкирии в 1928—1953 гг. / А. В. Антошкин // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2023. — Т. 48. — № 3 (111). — С. 42—49. — DOI: 10.24412/1728-5283-2023-3-42-49.

2. *Вибе П. П.* Немецкие колонии Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX — первой трети XX вв. / П. П. Вибе. — Омск : Изд. дом «Наука», 2011. — 320 с. — ISBN 978-5-98806-138-0.

3. *Вторый В. Ф.* Механизация сельскохозяйственного производства в период коллективизации Ленинградской области (1928—1936 гг.) / В. Ф. Вторый // АгроЭкоИнженерия. — 2020. — № 3 (104). — С. 122—136. — DOI: 10.24411/0131-5226-2020-10261.

4. *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918—1941 гг. / А. А. Герман. — Москва : МСНК-пресс, 2007. — 576 с. — ISBN 978-5-98355-030-8.

5. *Гербер О. А.* Коллективизация немецких колоний Сибири и её последствия / О. А. Гербер // История и этнография немцев в Сибири. — Омск : Ом. гос. ист.- краевед. музей, 2009. — С. 302—323.

6. *Газеты* СССР 1917—1960-е годы Библиографический справочник. Газеты Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. — Москва : Книга, 1970. — Т. 1. — 279 с.

7. *Давыдов А. Ю.* Сплошная коллективизация в СССР : практика и идеология, некоторые аспекты воздействия на сельский социум / А. Ю. Давыдов // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 1. — С. 297—315. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315.

8. *Ильиных В. А.* Сибирская деревня в период коллективизации : микроистория (село Плотниково Новосибирского района Новосибирской области) / В. А. Ильиных // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 71—90. — DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90.

9. *Каменских М. С.* Национальная политика и переселенческое движение немцев Урала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. / М. С. Каменских // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — 2020. — № 2 (8). — С. 54—60. — DOI: 10.33466/2020-8-2-54-60.

10. *Клец В. К.* Социально-экономическое положение немецких колоний Приднепровья в предвоенные годы / В. К. Клец // Образование, жизнь и судьба немецких поселений России. Материалы 15-й междунар. науч. конф., посвящ. 250-летию г. Маркса и 20-летию Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. — Днепропетровск : РусДойч Медиа, 2016. — С. 230—246.

11. *Федорук Н. С.* Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX — первой половине XX вв. / Н. С. Федорук // Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918—1927 гг.). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — С. 10—39. — ISBN 978-5-4469-1325-1.

12. *Федорук Н. С.* Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821—1941 гг. / Н. С. Федорук // Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927—1941 гг.) : сб. документов. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. — С. 9—73. — ISBN 978-5-4469-1687-0.

13. *Шабельников В. И.* Хозяйственная деятельность немецких и греческих национальных меньшинств Донбасса в условиях административных преобразований и коллективизации сельского хозяйства (вторая пол. 20-х — первая пол. 30-х гг. XX в.) / В. И. Шабельников // Журнал исторических, политологических и международных исследований. — 2018. — № 1 (64). — С. 126—133.

14. *Шайдуров В. Н.* Немецкое население Сибири в условиях общественных трансформаций 1900—1920-х гг. / В. Н. Шайдуров // Журнал фронтирных исследований. — 2021. — Т. 6. — № 4 (24). — С. 155—178. — DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339.

15. *Шрадер Т. А.* Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920—1930-е годы / Т. А. Шрадер // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: материалы междунар. науч. конф. Москва, 17—20 сентября 1998 г. — Москва : Готика, 1999. — С. 156—173.

16. *Янсон П. М.* Национальные меньшинства Ленинградской области : сб. материалов / П. М. Янсон. — Ленинград : Орготдел Ленинградского Облисполкома, 1929. — 104 с.

Статья поступила в редакцию 08.09.2024,
одобрена после рецензирования 27.10.2024,
подготовлена к публикации 19.12.2024.

Material resources

Abundance of products, a prosperous life are available to every collective farmer. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 37 (99):* P. 4. (In Russ.).

Brawlers. (1935). It all depends on the management. Collective farms "Kamenka", "Krasny Partizan" and them. Karl Liebknecht. *Socialist suburb: [newspaper], 17 (179):* P. 3. (In Russ.).

Hello Koltushey. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 4 (166):* P. 1. (In Russ.).

Ivanov. (1935). From poverty to a happy prosperous life. *Socialist suburb: [newspaper], 18 (180):* P. 2. (In Russ.).

Ivanov. (1935). On the right track. The collective farm named after Max Gelts. *Socialist suburb: [newspaper], 14 (176):* P. 3. (In Russ.).

Ivanov. (1935). To work even better. *Socialist suburb: [newspaper], 40 (202):* P. 2. (In Russ.).

Lebedev. (1935). A deep check is needed. The collective farm named after Karl Liebknecht. *Socialist suburb: [newspaper], 17 (179):* P. 3. (In Russ.).

Likhanina. (1935). Bolshaya sila. *Socialist suburb: [newspaper], 14 (176):* P. 3. (In Russ.).

LOGAV — *Leningrad Regional State Archive in Vyborg, F.R-300 "United Fund of collective farms of the Leningrad region".* (In Russ.).

Prigorodny district should become an exemplary socialist suburb of the city of Lenin. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 1 (163):* P. 2. (In Russ.).

The farm is under review. Livestock conference in Koltushi. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 2 (164):* P. 2. (In Russ.).

The village has entered a prosperous path. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 4 (166):* P. 3. (In Russ.).

To you, the delegates of the Congress, warm congratulations and fervent greetings. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 1 (163):* P. 2. (In Russ.).

Tyutikov. (1935). The heroine of the book about honest work. *Socialist suburb: [newspaper], 14 (176):* P. 3. (In Russ.).

Vanin. (1935). They went out on the road of a prosperous life. *Socialist suburb: [newspaper], 33 (195):* P. 1. (In Russ.).

We defeated the Kulaks and destroyed poverty. Under the leadership of the glorious Leninist Party, we are building a cultural, prosperous life. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 33 (195):* P. 2. (In Russ.).

We fell in love with our new life. (1935). *Socialist suburb: [newspaper], 33 (195):* P. 1. (In Russ.).

Zakharov. (1935). Successes and tasks of German collective farms. *Socialist suburb: [newspaper], 7 (168):* P. 2. (In Russ.).

References

Antoshkin, A. V. (2023). The formation of the state trade system in Bashkiria in 1928—1953. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, 48 / 3 (111):* 42—49. DOI: 10.24412/1728-5283-2023-3-42-49. (In Russ.).

Davydov, A. Yu. (2024). Collectivization in USSR: Practice and Ideology, Some Aspects of its Impact on Rural Society. *Nauchnyi dialog, 13 (1):* 297—315. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-1-297-315 (In Russ.).

Fedoruk, N. S. (2017). Pages of the history of German colonies in the Novgorod province in the XIX — first half of the XX centuries. In: *German colonies of the Novgorod province in the first decade of Soviet power (1918—1927).* St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 10—39. ISBN 978-5-4469-1325-1. (In Russ.).

Fedoruk, N. S. (2019). Economic activity and daily life of German settlers in the Novgorod land. 1821—1941. In: *German colonies of the Novgorod and Chudovsky districts*

of the Leningrad region (1927—1941): collection of documents. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 9—73. ISBN 978-5-4469-1687-0. (In Russ.).

Gerber, O. A. (2009). Collectivization of the German colonies of Siberia and its consequences. In: *History and ethnography of Germans in Siberia.* Omsk: Omsk State University. local historian. The Museum. 302—323. (In Russ.).

German, A. A. (2007). *German autonomy on the Volga. 1918—1941.* Moscow: MSNK-press. 576 p. ISBN 978-5-98355-030-8. (In Russ.).

Ilyinykh, V. A. (2021). Siberian village in the period of collectivization: microhistory (village Plotnikovo, Novosibirsk district, Novosibirsk region). *Krestyanovedenie, 6 (1):* 71—90. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-71-90. (In Russ.).

Kamenskikh, M. S. (2020). National policy and the resettlement movement of the Germans of the Urals in the late 1920s — early 1930s. *Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 2 (8):* 54—60. DOI: 10.33466/2020-8-2-54-60. (In Russ.).

Kletz, V. K. (2016). Socio-economic situation of the German colonies of the Dnieper region in the pre-war years. In: *Education, life and fate of German settlements in Russia. Materials of the 15th International Scientific Conference, dedicated to the 250th anniversary of G. Marx and the 20th anniversary of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans.* Dnepropetrovsk: Rusdeutsch Media. 230—246. (In Russ.).

Newspapers of the USSR 1917—1960-ies Bibliographic reference. Newspapers of Moscow, Leningrad and the capitals of the Union republics, 1. (1970). Moscow: The book. 279 p. (In Russ.).

Schrader, T. A. (1999). The socio-economic situation of the German colonists of the Petrograd province (Leningrad region) in the 1920s—1930s. In: *Germans of Russia in the context of national history: common problems and regional features: materials of the international scientific conference.* Moscow, September 17—20, 1998. Moscow: Gothic. 156—173. (In Russ.).

Shabelnikov, V. I. (2018). Economic activity of the German and Greek national minorities of Donbass in the conditions of administrative transformations and collectivization of agriculture (the second half of the 20s — the first half of the 30s of the XX century). *Journal of Historical, Political and International Studies, 1 (64):* 126—133. (In Russ.).

Shaidurov, V. N. (2021). The German population of Siberia in the conditions of social transformations of the 1900s—1920s. *Journal of Frontier Studies, 6 / 4 (24):* 155—178. DOI: 10.46539/jfs.v6i4.339. (In Russ.).

Vibe, P. P. (2011). *German colonies of Siberia in the conditions of social transformations of the late XIX — first third of the XX centuries.* Omsk: Publishing house “Nauka”. 320 p. ISBN 978-5-98806-138-0. (In Russ.).

Vtoriy, V. F. (2020). Mechanization of agricultural production during the collectivization of the Leningrad region (1928—1936). *Agroecoengineering, 3 (104):* 122—136. DOI: 10.24411/0131-5226-2020-10261. (In Russ.).

Yanson, P. M. (1929). *National minorities of the Leningrad region: collection of materials.* Leningrad: The Organizational Department of the Leningrad Regional Executive Committee. 104 p. (In Russ.).

The article was submitted 08.09.2024;
approved after reviewing 27.10.2024;
accepted for publication 19.12.2024.

OPEN ACCESS

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-86214 от 27.10.2023 г., Роскомнадзор
Издается с 2012 года. Языки публикации — русский, английский.
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года.
Индексируется в Scopus
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в базу ERIH PLUS с 11 июня 2015 года (идент. номер 485900).
Размещается на платформах НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала.
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России».
Обязательные экземпляры журнала отправляются в Российскую государственную библиотеку, Минцифры России.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru, editor@nauka-dialog.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Перечень ВАК РФ
Область наук: Социальные и гуманитарные науки

Группы научных специальностей	Научные специальности
5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
	5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
	5.9.3. Теория литературы (филологические науки)
	5.9.4. Фольклористика (филологические науки)
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
5.6. Исторические науки	5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
	5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
	5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 2—5 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;
следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;

рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наи-

менование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY
OPEN ACCESS [Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(10), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

CONTENTS

Linguistics

Vikulova, L. G., Korolenko, O. I., Tkachenko, Yu. G. Discourse of Self-Presentation in Academic Communicative Space 9

Ioanesyan, E. R. Appeal to Components of Prototypical Emotional Situations as a Translation Strategy for Expressions with Emotional Predicates 28

Liu Miao. Scientific Translations of "Da-xue" in 19th Century Russia: A Comparative Analysis of Approaches of Nikita Bichurin and Dmitry Sivillov 43

Petrova, N. E., Samoylova, G. S. Ing-Nouns as a Type of Processual Lexicon: Addressing Issue of Recent Borrowings in Russian 65

Smolina, A. N., Kudryavtseva, E. A. Landscape Sketches in Memoir Prose of 20th Century Russian Monasticism 84

Fedyaeva, N. R. Russian in Pedagogical Discourse of a Multilingual Society: Textbooks for Russian-Language Schools in Republic of KazakhstanA Comparative Analysis with Russian and English Versions 107

Sharavin, A. V., Voronichev, O. E., Startseva, I. L. Resignation: Expressive-Semantic Evolution of a Borrowing and a Precedent Name 125

Shchetinina, A. V. Russian Neologisms with Social Semantics: Features of Identification and Principles of Lexicography 147

Media communications and journalism

Dubrovskaya, T. V. Pragmatics of User Interaction with Scientific Internet Articles 167

Kicherova, M. N., Semenov, M. Y., Trifonova, I. S. Educational Landscape in Media Space: Methodology of Mapping and Description 188

Latu, M. N., Knyazev, N. A. Evaluative Perception of Memes Among Youth Internet Audiences: A Pilot Psycholinguistic Experiment 208

Khoutyz, I. P. Elements of Promotional Discourse in English-Language Academic Abstracts 230

Literary studies. Folklore

Kikhney, L. G., Krichevsky, G. A. "Queen of Spades" and "Petty Demon": Pushkinian Allusions and Their Functions in F. Sologub's Novel 252

Kudryashov, I. A., Ryabko, O. P., Grigoryeva, N. O. Unreliable Narrator a nd Its Pragmatic Effects in V. V. Nabokov's "Pale Fire". 273

Yu Xiang. Excess of Sensuality: Poetics of Grotesque in Plays of Nina Sadur 292

CC BY

History

Akhmadullin, V. V. Higher Education System in Kingdom of Saudi Arabia in Second Half of 20th Century and 21st Century 311

Badmaeva, E. N. Agricultural Experimentation in Cotton Cultivation under Natural and Climatic Conditions of Southern Russia (1920s-1940s). 337

Vasilyev, D. V. Social Structure of Murghab Sovereign's Estate (1889—1912): Plans and Reality 360

Kuzmin, V. A., Abdalla, M. M. E. Soviet Military Assistance to Egypt During Early Presidency of Anwar Sadat (September 1970 — October 1973). 380

Novinskii, E. E. Evolution of India-Nepal Relations from 2014 to 2024. 398

Pinaeva, D. A., Salakhutdinova, E. R. Material Incentives for Innovation and Rationalization in Soviet Enterprises during 1960s to 1980s 420

Podlesnykh, S. N. Justices of Peace in Russian Empire as an Alternative to Formal Judicial Proceedings: 1775–1866 445

Pukhov, D. Yu. Violations of Forestry Legislation and Their Enforcement in Mining Ural Region during 1870s to Early 1890s 463

Rodionov, V. A., Khatanbold, O. Mongolia and 14th Dalai Lama in Late 20th and 21st Centuries 481

Rostovtsev, E. A., Abdulina, B. M. Celebrating Anniversaries of Petrograd (Leningrad) University from 1918 to 1944 497

Tatarnikova, A. I. Settlements in Tobolsk District (County) from 1860s to the 1920s: Formation and Development Characteristics 515

Shaydurov, V. N., Lomanov, V. A. German Collective Farms in Leningrad Region during Mid-1930s: Insights from District Newspapers 532

TO AUTHORS 556

ПОДПИСКА
на журнал «Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 20.12.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 32,89. Тираж 500 экз. Заказ 20/12-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2024
Свободная цена